

Г. А. ДЗИДЗАРИЯ

МАХАДЖИРСТВО

И

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

АБХАЗИИ

XIX

СТОЛЕТИЯ

Редактор
чл.-кор. АН Грузинской ССР
З. В. АНЧАБАДЗЕ

Г. А. ДЗИДЗАРНЯ. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. — 2-е изд., допол. — Сухуми: изд. «Алашара», 1982 — 530 с., ил.

На широкой источниковедческой базе в монографии исследуются основные проблемы истории Абхазии XIX века. Ее главная задача — освещение сложного процесса махаджирства (миграции) абхазского населения на фоне общекавказского переселенческого движения в Турцию и другие страны Ближнего Востока; выяснение причин, обусловивших это трагическое явление в жизни края. Махаджирская проблема рассматривается в связи с историей взаимоотношений России с народами Кавказа, а также международной политики ряда держав (Турции, Англии, Франции и др.), преследовавших завоевательные цели на Востоке. Колониальная политика царизма на Кавказе находилась в противоречии с исторически-прогрессивным содержанием экономического, политического и культурного сближения народов в рамках единого централизованного Российского государства.

Монография удостоена Государственной премии Грузинской ССР в области науки и техники 1979 года.

Автор книги Г. А. Дзидзария — известный абхазский ученый, член-корреспондент Академии наук Грузинской ССР, заслуженный деятель науки Грузинской ССР и Абхазской АССР, доктор исторических наук, профессор.

ВВЕДЕНИЕ

Миграции населения известны на различных этапах истории человечества. Они вызывались многими причинами (экономическими, социально-политическими, религиозными и др.) и носили разнообразный характер. Методологическую основу для раскрытия этого сложного явления мировой истории дают теоретические положения и указания классиков марксизма-ленинизма. Переселенческое движение, в частности, на Кавказе, получившее необычайно широкий размах в XIX веке, особенно на определенных его отрезках, имело свою глубокую специфику. Речь идет о переселении, в основном насильственном и вынужденном, коренных жителей Кавказа в пределы Османской (Турецкой) империи, известном в истории под названием махаджирства (мухаджирства)¹ и являвшемся той страшной трагедией, которая поставила целые древние народы края на грань их полного исчезновения². Это относится прежде всего к адыгцам (черкесам), убыхам и абхазами, к этим «трем самостоятельным величинам», которые «оказались после выселения или совсем не представленными в числе народностей Кав-

¹ Слово «махаджирство» происходит от арабского «мухаджирет» (*muhajirah*) и означает переселение, эмиграция; у нас часто «махаджирет» переводят и как «изгнание».

² Начало рассматриваемого переселенческого движения восходит еще к периоду установления господства правителей в кавказских пределах. Известный общественный деятель и историк Грузии конца XIX — начала XX в. З. И. Чквнадзе в подтверждение того, что это явление в жизни Абхазии, в частности, «не новое дело», отмечает две даты, когда оно, видимо, было особенно массовым — 1690 и 1760 гг. В ту пору постоянная хавказская эмиграция была обусловлена, главным образом, религиозной политикой турецких захватчиков и носила насильственный характер или достигалась подкупом и т. д. (ზ. ი. ჩკვანაძე, ქართველთა ისტორია და გეოგრაფია, ტფილისი, 1912, 33—162). Она также была связана с поражениями восставшего местного населения против султанских поработителей. Таких выступлений, притом крупных, в Абхазии, например, в XVIII в. было несколько — в 1725, 1728, 1733, 1771 гг. По поводу предпоследнего из них грузинский географ и историк XVIII в. Вахушти Багратиони писал: «Турки ... разрушили все и брали в плен всех, кого где находили» (ვახუშტი ბატონიშვილის ცნობები თბილისი, 1913, 33—354). Но сколько тогда было переселено абхазов и где они были расселены, у нас, к сожалению, нет сведений. Однако из первого тома «Книги путешествий» (Стамбул, 1896—1897, с. 446) Евлия Челеби, турецкого автора XVII в., известно, что в Толхане (квартал в Стамбуле) было «очень много ... грузин и абхазов ... Абхазы посылают своих детей... на родину, где они воспитываются в традициях страны». Сокращение населения Абхазии происходило по целому ряду и других причин (работорговля, эпидемические заболевания, междоусобицы и пр.).

каза или же сохранили немногие обломки некогда многочисленных и богатых поселений». Одним словом, «в отличие от остальных частей Кавказа, сохранивших, невзирая на все испытания, выпадавшие на долю населявших их народов, в общем картину расселения и этнических соотношений прежнего, предшествовавшего покорению, времени, Северо-Западный Кавказ изменил в течение нескольких лет эмиграции и последовавшей за ней иммиграции разноплеменных колонистов до совершенной неузнаваемости свой этнический облик»³. Махаджирское движение существенно затронуло также грузин (Южная Грузия), осетин, чеченцев и другие кавказские народы.

Однако по истории махаджирства, в частности, абхазского, до сих пор не было обобщающего монографического исследования. Наиболее ценные материалы, без которых невозможно осмыслить глубоко данный вопрос, оставались неразысканными, продолжая лежать под спудом в течение десятилетий. Поэтому отдельные стороны рассматриваемого явления казались даже загадочными. Между тем нельзя считать освещенным прошлое абхазского народа в целом, как и, скажем, адыгейского, без истории той его органической части, которая волей судьбы сравнительно недавно оказалась по ту сторону Черного моря — в Турции, а также рассеялась частично по другим странам Ближнего Востока, входившим в состав Османской империи⁴.

Автор настоящего труда, посвященного, главным образом, истории абхазского махаджирского (переселенческого) движения, т. е. явления, считающегося «самым большим местом истории абхазского народа»⁵, ставит перед собой следующие задачи. Прежде всего — изучение конкретного положения в Абхазском княжестве в первой половине XIX века, причем на фоне тех общих вопросов истории края и той общей обстановки на Кавказе в целом, которые создавали почву и так или иначе способствовали процессу миграции населения, а именно: социально-экономические условия; активизация военных мероприятий царского самодержавия, сопровождавшаяся усилением антиколониального движения; реваншистская политика правящих кругов Турции, преследовавшая и иные цели (колонизация кавказскими переселенцами пустых и малозаселенных земель страны, особенно пограничных с Россией территорий, использование воинственных горцев в будущем в войне против последней и для поддержания разваливавшейся Османской империи и т. д.); происки английских интервентов, во внешне-

³ А. Н. Генко. О языке убыхов. — «Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук». Л., 1928, с. 227.

⁴ Современная Турция — это сравнительно незначительная часть бывшей Османской или Оттоманской империи (официальное название султанской Турции), многонационального государства, занимавшего в XV — начале XX века огромную территорию в Азии, Африке и Европе.

⁵ Д. Гулиа. Стиха, М., 1964, с. 6.

политических планах которых Западный Кавказ занимал особое место. В XIX веке Англия и Франция, став на путь колониальных захватов на Востоке и преследуя свои экономические и политические выгоды, стремились к ослаблению России и вытеснению ее с Кавказа. Агрессивные происки капиталистических держав Запада, в первую очередь Англии, и султанской Турции были направлены на то, чтобы разжечь ненависть народов Кавказа к России и тем самым затянуть Кавказскую войну.

Россия же боролась за Кавказ как за исключительно важную стратегическую позицию. И значение этой позиции в обстановке нараставшего международного соперничества все увеличивалось.

Другая задача книги — освещение последствий Кавказской войны, национально-колониальной и административной политики царизма и его агрессивной внешней политики. Добровольное политическое присоединение районов Кавказа к России, начавшееся еще в XVI веке, завершилось, в основном, в течение первой трети XIX столетия. Однако создание военно-административного аппарата царизма в отдельных районах, превращение их, с применением вооруженной силы, в колонии было завершено лишь в 60-х годах XIX века — факт, с которым была связана длительная и упорная национально-освободительная борьба кавказских народов. Упразднение Абхазского княжества и введение непосредственного царского управления рассматривалось как «государственная необходимость» именно в связи с окончанием указанной войны. А все эти акты имели и такие серьезные последствия, как обострение движения против колониальной политики и рост классовой борьбы в крае. С другой стороны, наблюдаются новые маневры англо-турецких агрессоров на Западном Кавказе.

Выселение основной массы горцев Северо-Западного Кавказа, в том числе и значительной части абхазского населения, связано с завершением Кавказской войны, введением «военно-народного управления» и началом крестьянской реформы.

Пожалуй со многими указанными фактами неразрывно были связаны события Крымской (Восточной) войны на Кавказе, во время которой одной из главных целей Турции и ее партнеров являлось отторжение Кавказа от России и когда, в частности, была ими сделана серьезная попытка осуществления плана захвата Абхазского побережья и сопредельных с ним районов — события, с одной стороны, расшатавшие автономию Абхазии и ускорившие ее ликвидацию, а, с другой — вызвавшие новый подъем освободительного движения кавказских народов, поражение которого означеновалось переселением значительной части его участников в Малую Азию, автор счел необходимым посвятить данному вопросу специальную главу. Это тем более важно, что колонизаторские устремления западных держав и завоевательная политика султанской Турции, которые пытались в своих целях использовать антиколониальную борьбу народов Кавказа, потерпели полный провал.

Вопреки тенденциозным стремлениям зарубежных авторов (как XIX века, так и современных — западных и турецких) изобразить народы Кавказа лишь противниками России, боровшимися будто бы в большинстве своем на стороне султанской Турции и ее союзников, широкие массы населения края, как и во время других русско-турецких войн, в частности 1877 — 1878 годов, оказали вооруженную, материальную и моральную поддержку русской армии; было продемонстрировано боевое содружество русских и закавказских воинов в борьбе с общим врагом. Что касается дореволюционной военно-исторической науки, подчиненной интересам царского самодержавия, то тема Кавказского театра Крымской войны и роли народов края были ею, в лучшем случае, оставлены в тени. Вместе с тем в нашей литературе до сих пор еще ощущается известное влияние этой науки в освещении событий в Абхазии, в частности, в трактовке позиции ее владетеля Михаила Шервашидзе (Чачба).

Разумеется, нельзя было пройти мимо и таких вопросов, как подготовка и проведение крестьянской реформы в Абхазии и связанного с ней крупного восстания 1866 года, непосредственно за которым последовала одна из самых значительных волн махаджирства здесь. [Многие абхазские феодалы, напуганные крестьянской реформой в России и в ведущих районах Грузии и обострившейся классовой борьбой внутри княжества, а также недовольные царской администрацией, особенно после Адрианопольского мира 1829 года, практики работорговли и вывоза невольников в Турцию, что лишало их важнейшего источника дохода, давно взяли курс на переселение в Турцию. Стремление это особенно активизировалось специфическим характером проведения крестьянской реформы в Абхазии, когда незадачливые царские власти, не нуждаясь более в широкой поддержке местной знати и преследуя определенные политические цели, стали отрицать право на землю даже у высшего сословия. Представители последнего в первую очередь и поспешили в Турцию, увлекая за собой подвластных им крестьян, среди которых с помощью мусульманского духовенства развернули широкую агитацию. Причем это были, главным образом, те абхазские феодалы, которые мечтали о восстановлении владетельской власти и всех старых привилегий князей и дворян, для достижения которых ориентировались на султанскую Турцию и другие иностранные государства. Часть крестьян и сама поддавалась агитации за массовое переселение в Османскую империю.

Следующая задача работы — исследование кардинальных вопросов политической жизни Абхазии, сложившейся накануне и в связи с русско-турецкой войной 1877—1878 годов, в разгаре которой была сделана новая попытка иностранных государств овладеть Абхазским побережьем. Результатом этой войны для Абхазии было полное разорение края и самое массовое и почти исключительно

насильственное переселение ее жителей в Османскую империю. В данном разделе рассматриваются и другие вопросы, связанные с войной — событием, которое было важнейшим этапом внешней политики России второй половины XIX века, связанным с решением Восточного вопроса. В частности, подчеркивается, что кавказская проблема в целом являлась органической частью этой восточной политики, игравшей существенную роль вообще в жизни европейских держав. Следует также заметить, что официальная турецкая историография стремится оправдать захватническую политику султанской Турции, тогда как русская дворянско-буржуазная историография причиной рассматриваемой войны объявила лишь защиту интересов славян и оправдывала агрессивную политику царизма. Особое место занимает вопрос о восстании 1877 года в Абхазии. Вопреки господствовавшей официальной версии, оно было одним из ярких народных движений в Абхазии в XIX веке; в этом плане оно и исследуется в монографии. Между тем даже в некоторых последних работах по истории Кавказа данное восстание рассматривается как «мятеж», организованный правящими кругами Турции и их агентурой в Абхазии.

Махаджирство на Кавказе продолжалось периодически в течение почти всего XIX века и вплоть до начала первой мировой войны. Однако это движение имело несколько, уже отмеченных выше, основных этапов, связанных, как правило, с крупными внутренними и международными событиями, когда оно становилось особенно массовым⁶, причем на большом пространстве Кавказского края или в отдельных его частях. И именно на этих этапах переселенческая проблема превращалась в важную часть внешней и внутренней политики как России и Турции, так и отчасти европейских держав, особенно Англии, захватнические интересы которой в данном районе необходимо рассматривать в широком плане британской экспансии на Ближнем и Среднем Востоке, в плане борьбы против интересов России. Если говорить конкретно об Абхазии, то соперничавшие с Россией страны прекрасно учитывали стратегическое положение этого края, связывающего Закавказье с Северо-Западным Кавказом — факт, не в меньшей степени оценивавшийся самой Россией, которой обладание Абхазским побережьем давало возможность вплотную подойти к горским племенам, находившимся под влиянием Турции и закрывавшим доступ к Черному морю. Вместе с тем из политических устремлений всех названных государств по отношению к Кавказу в целом вытекала и совершенно определенная их экономическая заинтересованность. Поэтому, например, русский царизм пытался

⁶ Не случайно современные потомки убыхских махаджиров в Турции переселение горцев, например, 1864 года называют «большой эмиграцией» в отличие от предыдущих, «малых» (См.: G. Dumézil et Namitok. Récits Cubykh, II, Paris, 1955, p. 448).

расширить и укрепить свои позиции здесь не только политическими и военными методами, но и целой системой экономических мероприятий. Действенным же средством борьбы против окончательного утверждения России на Кавказе европейская и турецкая дипломатия всегда считала горцев. Этому она придавала и большое международное значение. Это подтверждается, в частности, тем, что в зарубежной политической литературе того времени широко проводилась мысль о том, что горцы Кавказа «прикрывают собой Турцию, Персию, Индию и даже Европу»⁷.

В работе вскрываются и другие причины заинтересованности в махаджирской проблеме со стороны всех упомянутых государств. Выясняется роль известных кругов местной феодальной знати, предательская деятельность которых была вообще одним из решающих факторов, инспирировавших переселенческое движение, что в свою очередь также значительно облегчало иностранным государствам вмешательство во внутренние дела края. В числе главных экономических и социально-политических причин почти непрерывного переселения горцев, причин, которые порой оказывались различными для отдельных народов, но имелись и общие для всех них, были: стремление трудящихся избавиться от тяжелой и обидной жизни на родине, колониальная политика царизма и желание местных реакционных феодальных кругов избавиться от «ненадежных» и «вредных» элементов (в первую очередь активных участников национально-освободительного движения и антифеодальных выступлений) и получить дополнительные земельные фонды. Ставя вопрос о выселении кавказцев в широком плане, царизм стремился избавиться от «непокорного» населения вообще и таким образом, с одной стороны, ослабить физически и духовно народы Кавказа, а с другой — получить для колонизационных целей обширные земли. В этом случае особенно проявлялась своеобразная форма классовой борьбы: пассивный протест населения против «новых порядков» — колониального режима. Сами представители этого режима недвусмысленно писали: «Стремление к переселению в Турцию служило и служит в этом населении выражением протеста против всякой правительственной меры, которая покажется для него почему-то неприятною или же тягостною»⁸.

Надо иметь в виду и историческую обстановку, в которой возник вопрос о массовой эмиграции кавказского населения. Для царизма время это было весьма тревожное, характеризовавшееся подъе-

⁷ Jean C z i n s k i. La révolte des Circassiens. Paris, 1837, p. 23. См.: М. Покровский. Диверсионная деятельность иностранных агентов на Западном Кавказе после окончания Крымской войны. — «Кубань», 1953, № 13, с. 233.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 15, 1870 г., д. 56, л. 59 (Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863 — 1869 гг.).

мом революционного движения народных масс в стране. Правительство спешило решить кавказскую проблему, чтобы затем все силы бросить против внутреннего классового врага. С другой стороны, оно опасалось, что горцы Кавказа могут быть использованы против России при осложнении международной обстановки, особенно в случае новой войны с Турцией. Вдохновителем переселения была Османская империя, которая, выступая в роли «покровителя» мусульманских народов, стремилась завлечь к себе как можно большее число кавказцев. Что касается европейских держав, то их позиция в этом вопросе совпадала с турецкой, поскольку она выражала антирусскую политику. Но когда переселение горцев приняло всеобщий характер, серьезно забеспокоились как те, так и другие, поскольку «очищение» Кавказа от коренного населения могло прочно закрепить этот край за Россией, чего они больше всего и боялись. Поэтому со стороны правящих кругов последних начинаются всевозможные интриги среди переселенческой массы.

Преступную роль играли, помимо уже известных протурецких элементов, местные князья и дворяне, власть и влияние которых были в значительной степени ограничены, особенно буржуазными преобразованиями 60—70-х годов в Абхазии, те феодалы, которые, заняв антирусскую позицию, боролись за восстановление старых феодально-патриархальных устоев, как это имело место и на всем Северо-Западном Кавказе. Иные же из них, по той или иной причине не ужившись с царскими администраторами или просто провинившись перед ними, избегали неминуемого наказания. Эти помещики, стремясь таким образом сохранить свои феодальные права и привилегии, удалялись в султанскую Турцию, в деспотическом строе которой многие из них видели идеал политического и религиозного устройства. Будучи безразличными к судьбе родины, они всячески подстрекали к переселению обманутых ими крестьян, при этом широко пользуясь бытовавшими патриархально-феодальными отношениями и родовыми институтами.

Освещение этого последнего факта и вообще анализу социальной жизни абхазов той поры, уровень развития которой имел немаловажное значение в истории махаджирства, уделяется особое внимание. Наличие указанных отношений, тяготение вековой традиции и обычного права над крестьянами приводило к тому, что если «влиятельное» лицо переселялось в Турцию, то за ним часто следовали не только близкие люди, но и многие псевдорodственники и зависимые крестьяне. Еще более серьезное значение в этом деле приобретало наличие действительных родственных отношений. Надо иметь в виду, что у абхазов и других кавказских народов наблюдались и еще сохраняются очень сильные и широко распространенные родственные связи. Особо следует сказать и о том, что здесь идея национального и государственного един-

ства в период махаджирства не достигла еще существенного развития. То есть этническая жизнь абхазов, оставаясь в целом на уровне патриархально-феодалных отношений, не успела еще выработать прочного и единого национального самосознания. Султанская Турция на протяжении веков всемерно препятствовала процессу объединения абхазских племен⁹, как, например, и соседних адыгейских, в единое политическое целое. Противник всякого прогресса, она консервировала социально-экономическую и культурную отсталость кавказских народов. Более того, английские колонизаторы поддерживали и направляли эту политику Османской империи. Царизм же на Кавказе пока преследовал прежде всего свои стратегические, завоевательные цели, хотя уже с конца 20-х годов и начинаются первые попытки систематической колониальной эксплуатации края¹⁰. Следует также отметить, что века господства Турции в Абхазии привели, как и у некоторых черкесских племен, к ослаблению идеи государственного объединения. Касаясь истории абхазского махаджирства, народный поэт Абхазии Д. И. Гулиа указывал и на тот факт, что «отсутствие в Абхазии твердого и дальновидного национального руководителя сказалось пагубно на судьбе народа»¹¹.

Большое количество людей уходило из Абхазии и вообще с Кавказа в Турцию также на почве «пленопродавства» (работоторговли) — неизменного спутника грабежей и набегов. Это поистине национальное бедствие, история которого восходит к весьма отдаленным временам, в определенной степени продолжалось вплоть до 60-х годов, т. е. до тех пор, пока политическое укрепление России на Кавказе в целом и процесс разложения феодализма не подорвали основы работоторговли. Убыль населения происходила и по другим причинам.

Необходимо серьезно учесть религиозные мотивы. Мусульманство, исповедывавшееся известной частью населения, в сознание которой внедрялось представление о турецком султанине как о главе «правовверных», т. е. верховном покровителе и властелине всех мусульман, играло определенную роль во многих событиях, имевших место в Абхазии и на Северо-Западном Кавказе в XIX веке. Однако, несмотря на все усилия англо-турецкой агентуры и мусульманского духовенства, в отличие от Восточного Кавказа, где борьба против колониальной политики царизма велась под знаменем «священной» войны — газавата и возглавлялись мюридами, а мю-

⁹ Термин «племя» в работе употребляется в известной мере условно. Разумеется, племена Западного Кавказа в XIX веке, по своей сущности, коренным образом отличаются от племен первобытно-общинного строя. В данном случае речь идет лишь о полупатриархальных формах и родо-племенных пережитках, которые прикрывали классовые, в большинстве случаев, феодальные отношения.

¹⁰ М. А. Полиевктов. Европейские путешественники по Кавказу. 1800—1830 гг. Тбилиси, 1946, с. 2.

¹¹ Цит. по: Г. Гулиа. Водоворот. Исторический роман. М., 1959, с. 70.

ризм направлялся против установления влияния России в крае, антиколониальная борьба на Западном Кавказе не носила религиозной окраски. Но в то же время значительная масса кавказского горского населения, особенно ее мусульманская часть (сунниты), новым своим местожительством предпочитала Турцию, казавшуюся ей «меньшим злом», прежде всего как единовѣрную страну. Именно общность религии, исповедание мусульманской веры, главой которой считался турецкий султан, являлась основной исторической нитью, которая «связывала» кавказское мусульманское население вообще с Османской империей.

Среди других «нитей» следует иметь в виду давние политические и торговые связи. Особое значение имело то обстоятельство, что кавказские горцы, многие из которых номинально подчинялись Турции, «общий язык получили... лишь с исламом»¹², т. е. языком общения их был турецкий. При султанском дворе постоянно фигурировали кавказского происхождения феодалы, а в гаремах содержались горянки¹³. Это порождало родственные и личные связи. С Турцией абхазы вообще издавна поддерживали разносторонние отношения. Многие феодалы, особенно члены владетельского дома, экономически и политически были связаны с Турцией. Некоторые их дети получали воспитание в столице империи, где усваивали язык, обычаи и т. д. Наиболее ловкие из них устраивались там довольно удачно. Нередко достигали важных должностей и отдельные лица из проданных в свое время мальчиков. Те и другие вызывали к себе своих близких. Особенно широки были связи на почве родства (главным образом по женской линии), а в Абхазии такие отношения, как известно, цтились весьма глубоко. На это обстоятельство указывал, например, П. К. Услар. Он писал, что «родственная связь между семейством и увезенною за море девушкой не прерывалась без следа»¹⁴. Причем этот увоз «прекрасных уроженок» края чаще всего происходил на почве «чудовищного торга». Но при этом надо знать особенность мусульманского брака и то, что в отношении указанных лиц речь шла о готовившемся им «законном браке, нередко даже самой блестящей будущности»¹⁵. Некоторые из них, устроившись удачно, приобретали большое влияние. Они и вели активную пропаганду о «прелестной» жизни в Османской империи. В результате всего этого среди горцев создавалось весьма преувеличенное представление о могуществе

¹² М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1924, с. 197.

¹³ Вот что писал по этому поводу кавказовед А. П. Берже: «Девушки и девочки замечательных красотой кавказских племен очень легко доходили до Константинополя, наполняли там гаремы султана и знатных пашей, делались любимыми женами...» («Русская старина», 1882, т. XXXIII, январь, с. 171).

¹⁴ [П. К. Услар]. Древнейшие сказания о Кавказе. — ССКГ, 1881, вып. X, с. 492.

¹⁵ Там же.

и богатстве этой страны, о ее готовности оказать всеобъемлющую помощь в борьбе, о которой правящие круги Турции старались создать впечатление как о действии против общего врага — России и этим скрепить «союз». В отдельных районах Кавказа имелись и сугубо специфические условия, способствовавшие махаджирскому движению. Словом, было много обстоятельств, которые так или иначе принуждали население Кавказа переселяться именно в Турцию, несмотря, как подчеркивал еще генерал А. П. Ермолов, говоря об Абхазии, на «чрезвычайную привязанность жителей здешних стран к месту рождения»¹⁶.

✓ Нельзя не согласиться с выводом исследователя кавказского махаджирства М. С. Тогоева, который, перечислив основные причины переселения горцев в Турцию, утверждает, что все эти моменты не вызвали бы массового их переселения, если бы не провокационная политика царских колонизаторов, и эмиграция горцев являлась одной из форм протеста масс против режима, насаждавшегося царизмом¹⁷. Но, с другой стороны, не было бы, конечно, массового махаджирства, если бы сама Турция, влияние которой на многие кавказские народы было еще достаточно сильно, не способствовала этой трагедии, пользуясь тяжелым социально-экономическим и политическим положением горцев, заманивая отчаявшихся или, в ряде случаев, насильственно переселяя их, исключительно в своих интересах, в безлюдные пространства обширной империи. Односторонний подход исключается. После выяснения всех отмеченных обстоятельств, обусловивших трагическую эпопею абхазского махаджирства, что является одной из основных задач настоящего труда, вряд ли будут казаться загадочными те абхазы, которые снялись с насиженных мест, воистину райских уголков, где, как говорится, расцветают даже сухие палки, если воткнуть их в землю, и кинулись неведомо куда.

В работе делается попытка, насколько это позволяют материалы, определить примерное количество переселенцев, выяснить не только причины, но и характер ухода их с родины в каждом конкретном случае. При этом подчеркивается, что абхазское махаджирство было одним из потоков в общем переселенческом движении кавказских народов — адыгов (черкесов), грузин, чеченцев, дагестанцев, карачаевцев, балкарцев, осетин и других; оно рассматривается на общем фоне этого движения. В работе дается также подробное описание трагических условий переселения и еще более трагического положения кавказцев в Османской империи, где, в зависимости от классовой принадлежности, по-разному

¹⁶ АКАК, т. VI, ч. I, с. 653, № 932 (Отношение ген. Ермолова от 16 июля 1820 г. гр. Нессельроде).

¹⁷ М. С. Тогоев, К вопросу о переселении осетин в Турцию (1859—1865 гг.). — «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. XIII, вып. I. Орджоникидзе, 1948, с. 46.

складывается их судьба. Надо иметь в виду и то обстоятельство, что переселение шло в страну более отсталую в социально-экономическом и культурном отношении, чем Россия. Переселенцы попадали также в еще более тяжелые условия национального гнета. Это, естественно, ускоряло процесс их денационализации.

Когда говорится о махаджирском движении, то имеется в виду не только выселение части народов Кавказа в Османскую империю, но и ее стремление вернуться на родину, т. е. обратная эмиграция. А процесс возвращения на Кавказ начался сразу же, поскольку переселенческие массы, попав в невероятно тяжелые условия, были глубоко разочарованы, стало ясно, что они оказались жертвой чуждой им политики и интересов. Но вернуться на родину, в силу запрета и строгости турецкого и царского правительств, было гораздо труднее и сложнее, почему мечта этих переселенцев о возвращении в родные края и осуществлялась лишь частично.

Большого внимания заслуживает вопрос об отношении русской, грузинской и мировой, в частности, турецкой и других ближневосточных стран, прогрессивной общественности к махаджирам и махаджирскому движению. Не менее интересна патриотическая позиция в этом вопросе передовых представителей как местной, так и зарубежной кавказской горской общественности. В работе освещаются разные аспекты отношения русского общества к кавказским народам. Осуждая политику царизма на Кавказе, передовые люди России сочувственно относились к борьбе горцев за свою свободу, против социального и национального гнета. Они ратовали за тесное содружество русского народа с народами Кавказа, за их экономическое и культурное развитие. Даже в маленькой и заброшенной Абхазии было немало русских вольнодумцев, которые не только выражали эти идеи, но и пытались осуществить их практически. Это были, в первую очередь, сосланные сюда в 20—30-х годах декабристы и их единомышленники. Имелись и такие, которые с оружием в руках становились в ряды борцов за свою независимость. Наблюдалось также установление нормальных отношений и контактов на почве торговли и т. д. Таким образом, вопреки царизму и его чиновникам, шел объективный процесс сближения народов, происходили глубокие перемены в их судьбах, определяемые ролью великого русского народа.

В работе красной нитью проводится мысль о том, что абхазы относятся к тем народам, которые в результате присоединения к России, вступившей в новый период своей истории, были избавлены от угрозы полного порабощения более отсталыми, чем Россия, восточными деспотиями — султанской Турцией и шахским Ираном, от тормозившей развитие кавказских народов военно-феодалной экспансии. Подчеркивая таким образом значение международных аспектов в подходе к проблеме присоединения и вместе с тем рассматривая прогрессивный характер этого явления в широ-

кой исторической перспективе, мы констатируем тот факт, что абхазский народ постепенно избавлялся от этнической разобщенности, феодальной раздробленности и междоусобных войн, углублявших замкнутость хозяйственной жизни, ускорялась ломка патриархальных отношений, страна втягивалась в общее русло экономического развития России, в ней росли производительные силы¹⁸, народ приобщался к передовой русской культуре, на новую ступень поднималась здесь национальная и социальная борьба трудящихся.

Однако, подчеркивая объективно-историческую прогрессивность присоединения народов к России, нельзя забывать, что в ряде случаев это присоединение носило характер завоевания. И даже тогда, когда акт присоединения совершался на основе договора или добровольного соглашения, население присоединенной территории все равно оказывалось под властью царизма с характерными для него военно-феодальными методами управления¹⁹. Кавказ в целом относился к тому типу окраин дореформенной, феодально-крепостнической России, который В. И. Ленин называл колониями «чистейшего типа»²⁰. Причем активизация политики царизма здесь, как и вообще на окраинах империи, с самого начала была связана со стремлением развивать феодально-крепостнические отношения вширь, а также обеспечить отечественную промышленность новыми рынками сбыта и источниками сырья. В конкретном же вопросе махаджирства политика царизма заключалась в том, что, принуждая к нему, он добивался освобождения горских земель в целях развития широкой колонизации края, а также из военно-стратегических соображений.

Все это с первых же лет закономерно вызывало стихийное возмущение населения. В Абхазии, как и в других районах Кавказа, борьба эта часто носила двойкий характер — антифеодальный и антиколониальный, приобретая нередко общенародное значение. Сплошь и рядом борьбу пытались возглавить местные феодалы в своих интересах, что не могло не влиять на размах движения. В нашей исторической литературе уже воссоздана подлинная картина народных выступлений на Кавказе в XIX веке, в том числе Абхазского (Лыхненского) восстания 1866 года²¹, выяснена степень участия в них отдельных социальных групп, являвшихся носителями различных политических тенденций. Жестоким колониальным гнетом царской России, которому подвергались народы Кавказа, и вызывавшимися этими протестами и подчас мощными народными выступлениями старались воспользоваться соперничавшие с Россией державы, а им способствовали опреде-

18 См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 594—595.

19 А. В. Фадеев. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1961, с. 10.

20 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 35.

21 См.: Г. А. Дзидзария. Восстание 1866 года в Абхазии. Сухуми, 1955.

ленные круги местной феодальной знати, которые ориентировались на эти внешние силы по уже известным нам причинам.

Как видно из сказанного выше, махаджирская проблема рассматривается в свете истории международных отношений. Вообще Кавказ с его природными богатствами и выгодным географическим положением в XIX веке приобретает важное международное значение, почему вопросы, касавшиеся западных районов этого края, находились в значительной степени в ведении Министерства иностранных дел России²². Все это обуславливает необходимость рассмотрения истории взаимоотношений последней с кавказскими народами на широком фоне международной политики ряда держав, особенно Англии и Франции, которые, став на путь колониальных захватов на Востоке и преследуя свои экономические и политические цели, стремились к ослаблению России и вытеснению ее с Кавказа²³. Важной задачей является вскрытие классовой сущности кавказской политики названных государств, связь ее с интересами и потребностями их правящих кругов. Вспомним слова В. И. Ленина о том, что «нет более ошибочной и более вредной идеи, чем отрывание внешней от внутренней политики»²⁴. В ходе исследования автор стремился подвергнуть критике ложные концепции буржуазных европейских и турецких фальсификаторов истории Кавказа XIX столетия.

В предпоследней главе монографии характеризуется политическая обстановка, сложившаяся в пореформенной Абхазии, когда абхазы были объявлены «виновным населением» и «временными жителями» родной земли и соответственно были внесены изменения в «Положение» о проведении крестьянской реформы; речь идет также о судьбе махаджирских земель, о вопросе, связанном с колонизационной политикой царизма. Однако эти колонизаторские мероприятия не имели ничего общего с трудовой деятельностью самой массы русских и других переселенцев-тружеников, также испытывавших политический гнет. Развернувшаяся во второй половине XIX века колонизация Абхазии была в значительной мере крестьянской, земледельческой. Вместе с тем начинается пролетарская колонизация, чему особенно способствовало приморское положение Абхазии. Развитие в России капитализма вширь объективно оказывало плодотворное влияние на все стороны экономической жизни Абхазии, которая вместе со всей Грузией являлась частью целого народнохозяйственного организма России, той России, важнейшим фактором политической жизни которой стало рабочее движение.

Развитие капиталистических отношений в Абхазии к концу

²² М. О. Косвен. Материалы по истории этнографии Кавказа в русской науке. — КЭС, т. I. М., 1965, с. 301.

²³ Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. М., 1958, с. 4—5.

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 335.

XIX — началу XX века, сдвиги в области экономики, тенденция к хозяйственному объединению районов, приводившие к общности экономической жизни, а также другие факторы обусловили образование абхазской буржуазной народности. Результатом общего развития Абхазии рассматриваемого периода был рост классового самосознания трудящихся края, нашедший свое проявление в ярких фактах борьбы. Важнейшим явлением было зарождение рабочего класса и его революционного движения, которое в начале XX столетия увенчивается созданием здесь социал-демократической организации и связано с самого начала с борьбой рабочих всей Грузии и русских приморских городов. Все эти и другие связанные с данным процессом вопросы анализируются в завершающей главе — «Экономическое, социально-политическое и культурное состояние Абхазии на исходе XIX века».

Заключение работы посвящается главным образом характеристике дальнейшей жизни махаджиров на чужбине. По-разному складываются судьбы безжалостно разрезанного XIX веком надвое абхазского народа. Здесь — рожденная Великим Октябрем, счастливая и полнокровная жизнь Абхазской Автономной Советской Социалистической Республики в единой братской семье народов СССР, строящих светлое здание коммунизма. Там, в условиях капиталистического строя, — бесправная, тяжелая доля трудовых масс.

Документы, хранящиеся в центральных и местных архивохранилищах (главным образом в фондах Центрального государственного военно-исторического архива СССР — ЦГВИА, Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР — ЦГАОР, Центрального государственного исторического архива СССР — ЦГИА, Архива внешней политики России — АВПР, Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР — ЦГИАГ и Государственного архива Краснодарского края — ГАКК) и другие первоисточники, содержащиеся в различных публикациях и повременных изданиях [«Акты, собранные Кавказскою археологическою комиссиею» (АКАК), т. I—XII, Тифлис, 1866—1904²⁶; «Материалы для описания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Кавказско-Малоазиятском театре», т. I—VII. СПб. — Тифлис, 1904—1911 («Материалы...»); «Переселение горцев в Турцию». Сост. Г. А. Дзагуров. Ростов н/Д, 1925; «Документы по истории

²⁶ Следует особо подчеркнуть весьма ценный характер этих «Актов» как источника для изучения социально-экономической и политической истории народов Кавказа, в частности абхазов, в первой половине XIX в. Речь идет о своде официальных документов, извлеченных из архива Главного управления наместника кавказского. Изучая огромный фактический материал этого источника, хотя и явно тенденциозный, можно проследить основные этапы колониальной политики царизма на Кавказе, получить представление о национально-освободительном движении народов края, а также о взаимоотношениях государств в связи с кавказской проблемой.

Грузии», серия II, т. I, ч. I, 1954; ч. 2, 1960, Тбилиси и др.], данные периодической печати — столичных газет и журналов и органов местной прессы («Русский мир», «Голос», «Русские ведомости», «Тифлисский вестник», «Кавказ», «Морской сборник», «Военный сборник», «Кавказский сборник», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа» и т. д.), произведения мемуарного характера ([Ф. Ф. Торнау]. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864; Осман-бей. Воспоминания 1855 г. События в Грузии и на Кавказе. — «Кавказский сборник», 1877, т. II; К. А. Бороздин. Закавказские воспоминания. СПб., 1885; А. Фонвилль. Последний год войны Черкесии за независимость. 1863—1864 гг. Краснодар, 1927; Канитц. Дунайская Болгария и Балканский полуостров. СПб., 1876; Я. Абрамов. Кавказские торцы. Краснодар, 1927), дневники, письма и прочие источники личного происхождения, относящиеся преимущественно к главной теме настоящей монографии (абхазскому махаджирству) и легшие в ее основу, довольно разнообразны и имеются в достаточном количестве, но слишком противоречивы. В них отчетливо преломляются различные политические и иные взгляды и умонастроения. Главная особенность большинства материалов — тенденциозность. На многих из них лежит печать великодержавной завоевательной политики царизма. Страдают они также неполнотой и обилием фактических ошибок.

В то же время, благодаря практическому отсутствию письменности у абхазов и весьма слабому распространению среди них иноязычной письменности, у нас, к сожалению, мало документов, которые исходят от самих переселенцев. Но махаджирство в известной степени было предметом внимания прогрессивной прессы и вообще более или менее объективных органов печати того времени (русской, грузинской и мировой). Особо следует выделить газеты «Дрозда», «Иверия», «Русские ведомости», «Голос», «Тифлисский вестник». Судьба абхазских махаджиров волновала многих передовых людей эпохи. Большой интерес представляют также материалы устных источников: свидетельства современников и памятники фольклора — махаджирство, естественно, оставило глубокий след в устном творчестве абхазского народа. При этом сообщения некоторых непосредственных участников событий были зафиксированы и опубликованы еще в тот период.

Тем не менее источниковедческая сторона проблемы в целом представляет большую трудность. Не все аспекты истории абхазского махаджирства и связанные с ней вопросы можно осветить с достаточной степенью полноты. Предшествующая весьма скудная литература по основной теме работы дает в целом слишком мало опорных точек, которые могли бы быть использованы для дальнейшего анализа. Немногие дворянско-буржуазные авторы (А. П. Берже, А. Н. Дьячков-Тарасов, С. С. Эсадзе, К. Д. Мачавариани и др.), по существу, лишь вскользь касались вопроса об

абхазском махаджирстве, а некоторые из них освещали его с великодержавно-монархических позиций. Следовательно, работы этих авторов могут представлять интерес только с точки зрения использования содержащихся в них фактических данных, причем среди них в этом отношении выделяется книга З. И. Чичинадзе „ქართველ მახადჯირთს დროი ვადისხსენება ოსმალეთში. შექაჯარი — უმჯეროცია“ (თბილისი, 1912).

Зарубежная буржуазная историография, изображающая в ложном свете роль России в истории международных отношений XIX века, всю ответственность за переселение кавказских народов, как правило, возлагает на царское правительство. Один из первых во времени авторов — Карлайль Мак-Коан, например, так и объясняет эту эмиграцию только «строгостью», с которой русское правительство обошлось с большинством кавказских племен после Крымской войны и, в особенности, пленения Шамиля²⁶. Указанные авторы при этом приукрашивают и маскируют агрессивную политику Британской империи и других западноевропейских государств. Эти страны, особенно Англия, апологетами западного колониализма рисуются бескорыстными миротворцами и пекущимися с самого начала о судьбах народов Кавказа²⁷. Особое место занимает мемуарная литература, представленная записками, дневниками и воспоминаниями всевозможных агентов, разведчиков, авантюристов²⁸. Труды многих авторов носят протурецкий характер. Но некоторые историки вскрывают роль правящих кругов своих стран в Восточном вопросе, порицают политику султана по отношению к поработленным народам.

В духе антирусской политики рисуются события и турецкими историками. Пытаясь оправдать преступную деятельность своего правительства по отношению к народам Кавказа, они доказывают, что мусульманское население этого края якобы всегда испытывало «чувство любви и преданности» к султанской Турции. В этом отношении особенно отличается работа профессора Ахмеда Джавада Эрена «Вопросы переселения и переселенцев в Турции», изданная в Стамбуле в 1966 году. Это — образчик фальсификации истории кавказских народов, особенно после Крымской войны. Говоря, в частности, о переселении горцев Северного и Западного

²⁶ К. Мак-Коан. Наш новый протектор. Описание географических, этнографических и экономических свойств Турецкой Азии. Т. I. М., 1884, с. 115.

²⁷ А. В. Фадеев. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века, М., 1958, с. 8—9; его же. Россия и Кавказ первой трети XIX в., с. 24—25.

²⁸ Для нас, в данном случае, представляют интерес в первую очередь авторы, сообщающие о событиях на Северо-Западном Кавказе, среди которых следует выделить: E. Sprenger, Travels in Circassia, Krim Tartary. London, 1838; J. S. Bell, Journal of a residence in Circassia during the years 1837, 1838 and 1839. London, 1840; J. A. Longworth, A year among the Circassians. London, 1840; T. Larpinski, Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen, Hamburg, 1863.

Кавказа в Турцию, автор утверждает, что Турция якобы не была причастна к этому трагическому событию. Искажая историческое прошлое мусульманских народов Кавказа, Эрен договаривается до того, что отождествляет их с турками, а территорию, занимаемую ими, объявляет исконно турецкой²⁹.

В советской исторической литературе по проблеме кавказского махаджирства имеются лишь отдельные работы, очень ценные, но по существу локального характера³⁰. Что касается абхазского махаджирства, то оно, как отмечалось, еще не было объектом специального исследования, а в указанных работах о нем, можно сказать, даже не упоминается. Исследователи истории Абхазии касались этого вопроса лишь мимоходом (если не иметь в виду небольшую статью И. Г. Антелава, посвященную событиям 1877—1878 годов в Абхазии³¹, и работу Ш. В. Мегрелидзе «Турецкие войска в Абхазии в 1877 гг.»³²), в своих общих трудах, интересующих главным образом отдельными его сторонами (К. Д. Кудрявцев, А. В. Фадеев, А. А. Олонецкий, Г. А. Дзидзария и др.).

Для нашей темы представляет интерес литература по истории Кавказа XIX века вообще. После присоединения кавказских областей к России об этом крае, в том числе и об Абхазии, начали писать многие политические и дипломатические деятели, военные и гражданские чиновники, ученые и духовные лица, литераторы и просто путешественники. Некоторые русские ученые, литераторы, деятели искусства серьезно изучали, особенно с 60-х годов, историю, археологию, этнографию, природные богатства, хозяйственные и социальный строй, культуру края. Часть этого разнохарактерного материала издавалась отдельными книгами и брошюрами, часть печаталась в журналах и газетах. Но в данном случае нас, естественно, интересует чисто историческая литература, притом определенного аспекта, взгляды ее официальных представителей. Русским дворянским и буржуазным историкам было свойственно стремление оправдать захватническую политику царизма и затушевать военно-феодалные методы ее колониальной деятельности. Все народы, стойко сопротивлявшиеся этим методам, характерным для

²⁹ Х. М. Ибрагимбеги, Кавказ в Крымской войне 1853—1856 гг. и международные отношения, М., 1971, с. 55—56.

³⁰ См.: М. С. Гоголев, К вопросу о переселении осетин в Турцию 1859—1865 гг.). — «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. XIII, вып. I. Орджоникидзе, 1948; Ш. В. Мегрелидзе, აზნა წარსულთან (შუბუკობა 1877—1878 წლებში), თბილისი, 1964; Ш. В. Мегрелидзе, Вопросы Закавказья в истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Тбилиси, 1969; Х. О. Лайпанов, К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию. — «Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института языка и литературы», вып. V. Серия историческая. Ставрополь, 1966; А. Х. Касумов, Разные судьбы. Нальчик, 1967.

³¹ См.: სპ. სსრ მეცნ. აკად. ივ. ჯავახიშვილის სახ. ისტორიის ინსტ. „შრომები“, ტ. IV, ნაკ. I, თბ., 1958.

³² См.: Ш. В. Мегрелидзе, Вопросы Закавказья в истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг., с. 4—38.

экспансионистской политики феодальных государств, являлись в глазах названных авторов, особенно в великодержавно-шовинистических описаниях В. А. Потто, ничем иным, как «разбойниками», «хищниками» и пр. Они призывали к решительным действиям по «усмирению буйных сынов Кавказа». Освободительная борьба кавказских горцев изображалась как одно из проявлений якобы извечной религиозной борьбы между мусульманством и христианством.

Возьмем, например, Р. А. Фадеева, достаточно подробно касавшегося вопроса о переселении в Турцию горцев Северо-Западного Кавказа. Этот великодержавный историк уверял, что переселение горцев произошло будто помимо царского правительства, которое имело лишь одну цель — «сдвинуть горцев с восточного берега Черного моря и заселить его русскими», т. е. переселить горцев на равнины, окруженные со всех сторон казачьими станицами. Оправдывая дальше царизм, он писал, что не было и причины удерживать горцев от переселения в Турцию, так как в противном случае Кавказская война затянулась бы на лишний год. Переселение горцев Фадеев признавал целесообразным еще и потому, что считал их «малопроизводительными». Одним словом, например, «земля закубанцев нужна была государству, в них самих не было никакой надобности»³³. В таком духе рассуждал и А. И. Лиллов, который доходил даже до обвинения горцев, которые якобы по своей инициативе «решились (в 1864 году. — Г. Д.) переселиться в Турцию»; «следовательно, все невыгоды, сопровождавшие их переселение, они навлекли на себя сами»³⁴. А некий А. Нисченков также без зазрения совести утверждал, что переселение горцев — настоящая человеческая трагедия — «вполне отвечала» желаниям и интересам не только царского правительства, но и, оказывается, самих горцев³⁵. Еще более цинично писал об этом Е. Прудков в своих очерках «Из Сухума»³⁶. А П. П. Короленко называл абхазов не иначе как «вечно мятежными азиатами»³⁷. Вообще это был один из тех дореволюционных авторов, которые занимались историей кавказских народов постольку, поскольку это было необходимо для политических надобностей царской администрации. Официальный историк кавказских войн генерал Н. Ф. Дубровин в первом томе своего широко известного сочинения «История войны и владычества русских на Кавказе» (СПб., 1888) раздел о черкесах начинает с рубрики: «Одежда черкеса,

³³ Р. А. Фадеев. Собрание сочинений, т. I, ч. I. СПб., 1890, с. 200—202.

³⁴ А. Лиллов. Последние годы борьбы русских с горцами на Западном Кавказе. — «Кавказ», № 20, 9(21) марта 1867 г.

³⁵ А. Нисченков. Переселение горцев в Турцию. (Из воспоминаний кавказского офицера). — «Всемирная иллюстрация», т. I. СПб., 1869, с. 122.

³⁶ См.: «Кавказ», № 82, 17(29) июля 1870 г.

³⁷ П. П. Короленко. На берегах Абхазии. — «Военный сборник», 1891, № 8, с. 355.

его жизнь и хищничество». Он просто повторяет характеристику царских администраторов, в глазах которых все народы, населявшие Кавказский хребет и его предгорья, были на одно лицо: «мошенники», «злодеи» и «коварные хищники»³⁸. Это и понятно. Дубровин — апологет колониальной политики царизма на Кавказе и вообще на Востоке. Другой ревностный выразитель этой политики, А. М. Зайончковский, устремления царизма на Кавказе рассматривал как акт «усмирения» не поддающихся «покорению» народов края³⁹. В таком духе писал и А. Юров⁴⁰. Не лучшим образом думал Н. Башенев, который «серьезное значение» заключительного этапа Кавказской войны определял уже тем, что «военные действия на Западном Кавказе сняли с исторической карты некоторые кавказские народности и уничтожили даже память о них», народности («дикие кавказские племена»), которые, оказывается, даже были «настроены враждебно» против развития в своей собственной среде «образования и народного благоустройства»⁴¹. Незадачливый автор вместе с тем, вступая в принципиальное противоречие со своими позорными рассуждениями, развивал мысль о том, что «горцы, отстаивая свою независимость, оказали большое сопротивление при завоевании Кавказа... Кавказ, по своим топографическим условиям, явился для горских обществ, желавших сохранить свою независимость, естественно крепостью»⁴².

Для дореволюционной историографии характерно также ложное обвинение горцев в измене России, как это имело место, например, после русско-турецкой войны 1877 — 1878 годов по отношению к абхазскому народу. Апологеты царского самодержавия вместе с тем, по существу, обходили вопросы внутренней истории кавказских народов. Основной методологический порок старой историографии в том и заключался, что ее представители не занимались изучением экономической жизни края, не вскрывали процессов развития производительных сил и производственных отношений; социально-экономический строй рисовался вне классовой борьбы крестьянства. В лучшем случае дело ограничивалось поверхностным изучением социально-экономической жизни местного населения с точки зрения буржуазных или дворянских правовых норм. Многие авторы преувеличивали реальное значение патриархально-родового уклада в общественном строе горцев Кавказа, в том числе абхазов. Они стремились выделить местных князей

³⁸ М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1924, с. 195.

³⁹ См.: А. М. Зайончковский. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой, т. II, ч. I. СПб., 1908, с. 192.

⁴⁰ См.: А. Юров. Три года на Кавказе. 1837—1839 (КС, 1884, т. VIII; 1885, т. IX); его же. 1843 год на Кавказе (там же, 1882, т. VI) и др.

⁴¹ [Н. Башенев]. Пятидесятилетие покорения Западного Кавказа и окончания Кавказской войны. Тифлис, 1914, с. 4—5.

⁴² Там же, с. 5.

я дворян, рисуя их в светлых тонах, замаскировывая их эксплуататорскую сущность. Оставались нераскрытыми также отдельные стороны турецкой истории, без анализа которых нельзя было правильно осмыслить некоторые важные события на Кавказе. Совершенно был прав О. И. Бакст, переводчик и издатель книги А. Убичини и П. де Куртейля «Современное состояние Османской империи» (СПб., 1877), когда писал: «Мысль русского читателя вот уже два года почти всецело поглощена Турцией; однако же многие ли у нас имеют хоть сколько-нибудь ясное понятие о внутреннем устройстве Турецкой империи, особенно за последние три-четыре десятилетия» (стр. V).

Однако в некоторых трудах указанных историографов России содержится и обильный фактический материал по истории Кавказской войны и социально-экономическому быту народов края. Например, в сочинениях того же академика Н. Ф. Дубровина, которого, несомненно, можно отнести к числу лучших историков-кавказоведов второй половины XIX столетия, определенное место занял вопрос о роли народных масс и различных слоев и групп кавказского населения в военных и социально-политических событиях XIX века.

Имея в виду классовую ограниченность и тенденциозность домарксистской социологии и историографии, В. И. Ленин говорил, что они «в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набравших, и изображение отдельных сторон исторического процесса»⁴³.

Особое место занимает М. Н. Покровский, ставший затем крупным советским историком. В своих статьях по внешней политике России в XIX веке, написанных для «Энциклопедии» бр. Гранат, он выступает с разоблачением политики царизма на Ближнем и Среднем Востоке, предпринимает попытку показать классовую сущность этой политики⁴⁴. Например, работа «Завоевание Кавказа»⁴⁵ имела важное значение в осмыслении Кавказской войны, хотя уже само название ее сразустораживает. Вообще же, как признавал сам Покровский в 1924 году, эти сочинения его «написаны в 1907—1910 гг. и, с точки зрения общей концепции, порядочно устарели»⁴⁶. Он, в частности, допускал известную идеализацию юридиказма. Для изучения политической обстановки, сложившейся на Кавказе в рассматриваемый период, большое значение имеют сочинения передовых представителей национальной интеллигенции. Отношение современников ко многим важным событиям этого времени нашло также отражение в художественных произведениях выдающихся кавказских писателей.

⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 57.

⁴⁴ См.: М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1924.

⁴⁵ См.: Там же. с. 179—229.

⁴⁶ Там же, с. 390.

В основе концепции, которой придерживается в отношении истории Кавказа XIX века большинство зарубежных буржуазных, особенно англо-американских, историков, лежит традиционная для них версия об извечном якобы стремлении русской нации к мировому господству⁴⁷. Преувеличивая агрессивность внешней политики России, многие из этих авторов вместе с тем, как отмечалось выше, стараются приписать западному колониализму бескорыстные и миролюбивые намерения. Естественно, они совершенно отрицают объективно прогрессивные последствия присоединения народов Кавказа к России. Отождествляя русский царизм и русский народ, буржуазные фальсификаторы истории в то же время затушевывают классовые противоречия среди коренных обитателей Кавказа, которые изображаются как исконные враги России. Турецкие буржуазные националисты, в частности, стараются представить борьбу горцев как выражение панисламистских и пантюркистских тенденций, имевших будто бы распространение среди кавказских мусульман. В Турции вышло и выходит немало работ, которые извращают русско-кавказские отношения, пытаются оправдать реваншистские устремления турецких правящих кругов. Вместе с тем для ряда турецких авторов характерно стремление умолчать о том, что Турция уже в первой трети XIX века все более становится объектом колониальной экспансии западных держав, руководствовавшихся планами захвата как османских, так и иранских территорий и делавших попытки ограничить влияние России на Ближнем и Среднем Востоке⁴⁸. Следует также отметить, что некоторые современные буржуазные историки Турции неверно освещают внутреннюю историю России и Кавказа; они совершенно не касаются социальных противоречий и борьбы кавказских и других народов Российской империи против царизма⁴⁹. Но в то же время в турецкой историографии появляются взгляды, связанные с разоблачением подстрекательской, экспансионистской политики Англии, Франции и других европейских стран на Востоке, в частности, в Турции⁵⁰. Так, профессор И. Х. Узунчаршылы в своем много-томном исследовании «Османская история» (Анкара, 1956) пря-

⁴⁷ См.: А. В. Фадеев. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1961, с. 24—25; В. А. Федоров. Против фальсификации истории народов Кавказа. — «Вестник московского университета. Историко-филологическая серия», 1958, 3, с. 232—234; Х. М. Ибрагимбейли. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века. М., 1969, с. 19—29; его же. Кавказ в Крымской войне 1853—1856 гг. и международные отношения. М., 1971, с. 51—59; Ш. В. Мегрелидзе. Закавказье в русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Тбилиси, 1972, с. 38—49 и др. О некоторых указанных зарубежных авторах будет сказано в ходе изложения материалов в соответствующих местах.

⁴⁸ См. рецензию С. Б. Окуня и В. И. Шеремета на работу Х. М. Ибрагимбейли «Россия и Азербайджан в первой трети XIX века» (М., 1969). — «Вопросы истории», 1970, № 7, с. 153.

⁴⁹ Х. М. Ибрагимбейли. Кавказ в Крымской войне..., с. 56.

⁵⁰ Ш. В. Мегрелидзе. Закавказье в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Тбилиси, 1972, с. 41.

мо пишет, что правительства этих государств «всегда натравливали Османскую империю на Россию»⁵¹. Вообще труд Узунчаршылы представляет несомненный интерес для специалистов, занимающихся изучением средневековой и новой истории Турции⁵².

Советские исследователи⁵³ дали принципиально новую постановку основных проблем истории Кавказа XIX века, разоблачая зарубежных буржуазных историков и в то же время осуждая тех отечественных авторов, которые допустили отход от марксистско-ленинских принципов в изучении истории Кавказского края указанного периода.

Как известно, одно время в нашей исторической литературе наблюдалась безмерная идеализация Шамиля, недооценка объективных последствий присоединения к России («абсолютное зло»), хотя и вскрывалась классовая сущность колонизаторской политики царизма, характеризовался героизм освободительной борьбы кавказских народов. Впоследствии же некоторыми авторами в освещении Кавказской войны, напротив, был допущен, можно сказать, произвол. Национально-освободительное движение горцев Кавказа, извращенное освещение которого доводилось ими до прямого признания явлением реакционным, религиозным, объявлялось в целом возникшим и развивавшимся вследствие воздействия со стороны Турции и Англии, а его вожди (Шамиль и др.) — агентами этих государств. Причем версия об агентурном, реакционном характере данного движения основывалась, как правило, на тенденциозных донесениях царских военных и гражданских чиновников. В связи с этим и имея в виду, что Россия стояла выше по уровню общественно-политического развития, иные историки доходили до идеализации политики царского самодержавия на Кавказе, сливая таким образом понятия русского царизма и русского народа⁵⁴.

Советские историки, сосредотачивая главное внимание на анализе социально-экономических факторов, восстановили подлинную картину антиколониальных движений, раскрыли сложный характер освободительной борьбы народов России. Надо заметить, что буржуазные историки, яростно нападая на советскую историческую науку, как известно, наибольшему сомнению подвергают объективность исследования советских ученых колониальной поли-

⁵¹ Цит. по: Х. М. Ибрагимбеги. Страницы истории боевого содружества. Баку, 1970, с. 24.

⁵² Ю. А. Петросян. Изучение истории в современной Турции. — «Вопросы истории», 1969, № 7, с. 191.

О турецких историках Грузии и Кавказа см.: Б. ზებეგოვი. XV-XIX სუბეგების საქართველოს ისტორიის თანამედროვე წყაროები, თბილისი, 1974.

⁵³ См., например, А. В. Фадеев. Россия и Кавказ..., с. 26—27.

⁵⁴ «Вопросы истории», 1947, № 11, с. 134—140; И. В. Бестужев. Кавказские войны. — СИЭ, т. 6, 1965, с. 764; А. Д. Даниялов. Движение горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. — «Вопросы истории», 1966, № 10, с. 15, 18, 26; А. М. Пикман. О борьбе кавказских горцев с царскими колонизаторами. — Там же, 1956, № 3, с. 75—77.

тики царизма, влияния России на исторические судьбы присоединенных ею народов и национально-освободительного движения последних, т. е. будто бы все это изображается в розовом свете («абсолютное благо») ⁵⁵. Между тем советская историография имеет большой опыт в объективном освещении указанных процессов, во всех их глубоких противоречиях. Она руководствуется положением о том, что признание прогрессивности присоединения к России несколько не противоречит одновременному признанию в нем реакционного характера политики царизма. В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» писал, что «признание прогрессивности» исторической роли капитализма в хозяйственном развитии страны «вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма» ⁵⁶.

Замалчивание того, что формы процесса сближения народов не соответствовали его исторически прогрессивному содержанию было бы умалением «роли национально-освободительной борьбы народов в истории нашей Родины и принижением значения Великой Октябрьской социалистической революции, освободившей эти народы от национального и колониального угнетения» ⁵⁷.

Достаточно сослаться на двенадцатитомную «Историю СССР», чтобы убедиться в лживости утверждения названных незадачливых «критиков». В этом фундаментальном обобщающем труде виднейших советских историков вслед за положением о прогрессивной роли России в отношении ряда народов Востока говорится, что, однако, «прогресс в условиях эксплуататорского строя всегда осуществлялся ценой невероятных бедствий и тяжелых лишений трудящихся масс, а порой и гибели целых народов» ⁵⁸. Характерно название и самой главы (9-ой), в которой содержится приведенная цитата: «Национально-колониальная политика царизма и освободительная борьба народов России. Царская Россия — тюрьма народов» ⁵⁹. В частности, оценка национально-освободительной борьбы горцев Дагестана, Чечни и Северного Кавказа против царизма под руководством Шамгиля сводится к следующему: «Было бы неверно за религиозной оболочкой не видеть антиколониального и антифеодалного содержания движения горцев Чечни и Дагестана, которые вели справедливую, освободительную борьбу против царского колониализма и хапско-бекского владычества. Однако при этом не надо забывать, что идеология мюридизма изолировала горцев от общения с другими народами, затемняла их классовое самосознание религиозными предрассудками, сдерживала социальную

⁵⁵ См., например, М. А. Магомедов. Несостоятельная попытка очернить советскую историографию (По поводу книги американского историка Лоуэлла Тиллета «Великая дружба. Советские историки о нерусских национальностях»). — «История СССР». 1973, № 1, с. 191—197.

⁵⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 597.

⁵⁷ А. В. Фадеев. Россия и Кавказ..., с. 10.

⁵⁸ «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. IV, с. 360.

⁵⁹ Там же, с. 357.

энергию горцев и не могла поэтому обеспечить победу в борьбе за национальную независимость, не говоря уже о социальном освобождении⁶⁰. Однако известно и то, как писал В. И. Ленин, что «выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам на известной стадии их развития»⁶¹. Следовательно, каждое такое движение нужно рассматривать конкретно-исторически. Движение горцев Кавказа имело свои глубокие социальные, классовые и национальные корни. Оно было порождено прежде всего тяжелым национально-колониальным гнетом царизма. Само присоединение Дагестана и Чечни было проведено «насильственными методами, свойственными политике царизма»⁶².

К. Маркс и Ф. Энгельс борьбу горцев Кавказа в XIX веке рассматривали именно как справедливую, освободительную войну, в «которой участвует сам народ»⁶³. Поэтому они сочувствовали этому событию и дали ему глубокий анализ, а оно к тому же происходило в то время, когда самодержавие являлось главным оплотом европейской реакции и, следовательно, ослабляло силы этой реакции в борьбе с революционным движением в масштабе Европы. Учитывая отрицательные для революции факторы, К. Маркс считал подавление польского восстания 1863 года и «овладение Кавказом» «самыми серьезными европейскими событиями со времени 1815 года»⁶⁴, т. е. после реакционного Венского конгресса. В то же время, подчеркивая большое международное значение движения кавказских горцев, основоположниками марксизма-ленинизма всегда проводилось различие между прогрессивными последствиями присоединения Кавказа и целями, которые ставило царское правительство в войне против горских народов⁶⁵.

Освободительный характер борьбы народов Кавказа поддерживали и лучшие сыны русского народа. Из всей многообразной дореволюционной литературы наиболее правильные выводы об этой борьбе содержатся в трудах великих русских революционных демократов — А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и А. Н. Добро-

⁶⁰ «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. IV, с. 435.

Академик Н. М. Дружинин еще в 1947 году, выступая против ошибочной концепции о движении горцев Кавказа под руководством Шамиля, подчеркивал, что советская историческая наука рассматривает эту борьбу «как национально-освободительное движение, направленное против колониальной политики царской России, как историческое явление, прогрессивное по существу ... Нельзя согласиться с тем, что движение горцев Северного Кавказа было инспирировано Турцией. Это движение выросло органически на почве самой страны... Однако нужно отметить в нем и ряд отрицательных черт» («Вопросы истории», 1947, № 11, с. 134, 139).

⁶¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, с. 228.

⁶² БСЭ, 3-е изд., т. 29, с. 821.

⁶³ Ф. Энгельс. Шансы войны. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 17, с. 200.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 30, с. 335.

⁶⁵ А. Д. Даниялов. Указ. соч., с. 27—28.

любова. Они вскрыли суть агрессивной политики самодержавия, установили истинные причины, вызвавшие движение кавказских горцев, которое сравнивали с освободительной борьбой поляков и народным восстанием в Индии⁶⁶. «Борьба, — подчеркивал Добролюбов, — велась со стороны горцев за независимость их страны, за неприкосновенность их быта!..»⁶⁷. При этом указывалось на слабые стороны движения, недостатки и ошибки Шамиля (особенно последнего периода), которые, как известно, были свойственны и многим другим движениям национально-освободительного характера. Революционные демократы подчеркивали также страдания самого русского народа в результате ведения самодержавием несправедливых войн.

Правящие круги Англии, Франции и Турции пытались использовать в своих агрессивных целях движение кавказских горцев, происходившее под знаменем мюридизма, но носившее национально-освободительный характер.

Следует также отметить, что советские историки, опираясь на указания классиков марксизма-ленинизма, показали классовую сущность внешней политики царской России и западноевропейских государств, соперничавших с ней на Востоке. Они раскрыли происки султанской Турции и шахского Ирана на Кавказе. История русско-кавказских связей стала изучаться ими как история отношений не только между правительствами, но и между народами. Можно сослаться, например, на обобщающие работы А. В. Фадеева⁶⁸, посвященные военно-политической и дипломатической истории присоединения Кавказа к России, международным отношениям на Ближнем и Среднем Востоке в первой половине XIX века. В них исследуются такие вопросы истории Кавказа XIX века, как значение кавказской проблемы в целом в системе внешней политики России, отношение народов Кавказа к борьбе соперничавших в этом районе Востока держав, отношение различных слоев русского общества к кавказской проблеме. Как видим, политика России на Кавказе рассматривается автором как составная часть Восточного вопроса. В названных его трудах содержится обстоятельная критика взглядов зарубежных буржуазных авторов на Восточный вопрос, разоблачаются их утверждения о «спасительной» миссии западных держав в отношении, с одной стороны, Турции, и народов Кавказа — с другой. Таким образом, А. В. Фадеев внес серьезный вклад и в разоблачение апологетов западного колониализма, показав его агрессивную сущность. Следует также отметить об-

⁶⁶ Подробнее см.: В. Г. Гаджиев, А. М. Пикман. Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. Махачкала, 1972.

⁶⁷ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. IV. М., 1937, с. 155.

⁶⁸ А. В. Фадеев. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960; Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958; Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957 и др.

стоятельное освещение им вопроса об отношении русского общества к кавказской проблеме.

Из иных монографических исследований, посвященных событиям на Кавказе разных периодов XIX века и имеющих более или менее непосредственное отношение к изучаемым вопросам, наиболее общий характер носят труды Е. В. Тарле, С. К. Бушуева, Н. А. Смирнова, А. Р. Иоаннисяна, М. К. Думбадзе, Ш. В. Мегрелидзе, Х. М. Ибрагимбейли и др.⁶⁹ Например, профессор Смирнов, используя обширный круг источников, главным образом материалы дипломатической истории, основное место в работе отводит внешнеполитическому положению Кавказа. Вместе с тем в ней большое внимание уделено социально-экономическим условиям жизни горских народов. На конкретных примерах автор показывает стремление трудящихся к сближению с русским народом и подчеркивает объективно прогрессивное значение присоединения народов Кавказа к России, не замалчивая при этом национально-колониальную, дискриминационную политику царизма. Проблемы истории Закавказья и Кавказа в середине XIX века и разыгравшаяся острая дипломатическая борьба на Ближнем и Среднем Востоке исследуются в монографии Х. М. Ибрагимбейли «Кавказ в Крымской войне...», а в книге Ш. В. Мегрелидзе «Закавказье в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.» рассматриваются вопросы Закавказья во внешнеполитических отношениях второй половины XIX столетия, роль и место этого региона в развитии Восточного вопроса; вскрываются стремления агрессивных держав к отторжению края от России. Важным этапом в разработке основных вопросов исторического прошлого кавказских народов, в частности XIX века, является издание за последнее время обобщающих коллективных трудов по истории этих народов («საქართველოს ისტორიის ნარკვევები», ტ. V. თბილისი, 1970; «Очерки истории Адыгеи». Майкоп, 1959; «Очерки истории Абхазской АССР», ч. I. Сухуми, 1960; «История Дагестана», т. II. М., 1968; «Очерки истории Карачаево-Черкесии», т. I. Ставрополь, 1968; «История Кабардино-Балкарской АССР», т. I, М., 1967; «История Северо-Осетинской АССР», т. I, М., 1959; «Очерки истории Чечено-Ингушетии», т. I. Грозный, 1967 и др.). Все эти работы советских ученых, в которых дано подлинно-научное освещение военно-поли-

⁶⁹ Е. В. Тарле. Крымская война, т. I и II. М.—Л., 1950; С. К. Бушуев. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20—70-е годы XIX века). М., 1955; Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958; А. Р. Иоаннисян. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958; შ. ვ. მერელიძე. დასავლეთ საქართველო XIX ს. I ნახევარი თბილისი, 1957; Ш. В. Мегрелидзе. Закавказье в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Тбилиси, 1972; е го же. Вопросы Закавказья в истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг.; Х. М. Ибрагимбейли. Россия и Азербайджан в первой трети XIX века; е го же. Страницы истории боевого содружества; е го же. Кавказ в Крымской войне... М., 1971.

тических и дипломатических событий, имевших место на Кавказе и Ближнем Востоке, в значительной степени облегчают задачу автора, избавляя его от необходимости изучать по первоисточникам все аспекты темы и помогая исследованию отдельных, общего характера, вопросов или частных явлений.

В процессе критического изучения источников и литературы проблемы автор руководствовался основополагающими положениями и указаниями классиков марксизма-ленинизма. В частности, как отмечалось, они подчеркивали захватнический, колонизаторский характер Кавказской войны со стороны царизма, указывая в то же время на объективно прогрессивные последствия присоединения Кавказа к России. Кавказские народы сблизились с борющимся за свое освобождение великим русским народом, с передовой культурой революционной демократической России, что имело огромное значение для их будущего. Коренным же вопросом и главным звеном в развитии экономики народов Кавказа в XIX веке был процесс вовлечения хозяйства кавказцев во всероссийский и мировой рынок, укрепление экономического единства края со всей страной, факт, который стал основой для общности революционной борьбы трудящихся Кавказа и всей России против самодержавия и гнета капитала⁷⁰. Это было одним из примеров ленинского положения о том, что развитие капитализма «вширь и вглубь» имело «глубоко прогрессивное значение»⁷¹.

⁷⁰ Т. Х. Кумыков. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Налчик, 1962, с. 198; Л. М. Горюшкин. Развитие капитализма вширь и характер аграрно-капиталистической эволюции в России периода империализма. — «История СССР», 1974, № 2, с. 69.

⁷¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 581.

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ОБСТАНОВКА В АБХАЗИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.****§ 1. Русско-турецкие противоречия на Западном Кавказе
и развертывание национально-освободительной
и антифеодальной борьбы**

Марксистско-ленинская наука заложила фундаментальную основу правильной оценке присоединения Кавказа к России как прогрессивного явления. Процесс добровольного политического присоединения кавказских народов к России начался уже в XVI веке. Но в конце XVIII — начале XIX столетия еще многие из них неминуемо стояли перед альтернативой: либо быть поглощенными султанской Турцией и шахским Ираном, либо прочно присоединиться к русскому государству. Вторая перспектива, несмотря на утверждение колониального режима, с чем народы Кавказа никогда не мирились, предвещала общее движение вместе с русским и другими народами огромной страны по пути социально-экономических преобразований и культурного прогресса. По уровню своего общего развития — способу производства, культуре и просвещению — Россия стояла выше Турции и Ирана, хозяйственная и культурная жизнь которых характеризовалась отсталыми формами. К тому же эти страны были втянуты Англией и Францией в дипломатические комбинации, рассчитанные на закабаление народов Востока. Естественно, что кавказские народы тяготели к России, на которую они смотрели как на избавительницу от гнета восточных деспотов. Не сбрасывались со счетов и горькие уроки. Как известно, военно-феодалная экспансия Турции и Ирана на протяжении веков тормозила развитие производительных сил края.

Царское правительство, разумеется, хорошо учитывало благоприятную для себя обстановку. Но оно вынуждено было действовать весьма осторожно. Когда речь шла о Закавказском крае, Россия считалась не только с наличием таких соперников, как Турция и Иран, поощряемых Англией и Францией, но и с существованием за ее спиной «непокорных» кавказских горцев, часть которых, вследствие происков турецких правителей, оказалась оторванной от России. Вместе с тем царизм стремился создать для себя здесь, как всюду на окраинах, социальную опору в лице местной эксплуататорской верхушки. Поэтому его территориальные приобретения были результатом не только прямых военных захватов, но также добровольного перехода местных владетелей в подданство России. Русскому правительству приходилось даже сохранять за некоторыми из них право на внутреннюю автономию, хотя бы номинально. С течением времени и здесь устанавливался режим национального гнета и бесправия, поскольку он, как известно, в принципе не

терпел сохранения каких бы то ни было элементов государственности или каких-либо автономных прав у народов окраин¹.

В 1801 году к России была присоединена Восточная Грузия. Этому предшествовал известный Георгиевский трактат (Дружественный договор России с грузинским царством Картли — Кахети), двухсотлетие которого будет широко отмечено в 1983 году. Присоединение к России в тех конкретно-исторических условиях было единственной возможностью для физического сохранения грузинского народа. Оно предопределяло дальнейшую судьбу не только феодально раздробленной Грузии, но и всего Закавказья. Этот акт имел далеко идущие прогрессивные результаты вообще для народов Кавказа, особенно если рассматривать вопрос в широкой исторической перспективе, несмотря на тяжелые последствия колониальных устремлений царизма, определявших основное содержание его политики в отношении этих народов. Отныне политика России на Кавказе состояла в обеспечении выхода к Черному и Каспийскому морям. Было совершенно очевидно, что без устройства на побережье Закавказья гаваней для причала судов своих флотилий, Россия не только не могла успешно развивать свою политику на Ближнем Востоке, но и сохранить только что присоединенную Восточную Грузию. Известный военный историк XIX века Р. А. Фадеев писал: «Между тем владычество на Черном и Каспийском морях, или в случае крайности, хоть нейтралитет этих морей, составляет жизненный вопрос для всей южной половины России, от Оки до Крыма, в которой все более и более сосредотачиваются главные силы империи и личные и материальные. Эта половина государства создана, можно сказать, Черным морем»². В этом плане значение факта образования в середине Закавказского края новой губернии Российской империи — Тифлисской — трудно, конечно, переоценить. При этом учитывалась также важность выступления Грузии на стороне России в ее борьбе с Турцией и Ираном, которая была обусловлена стремлением российского правительства решить ближневосточную проблему³. Не упускались из виду и другие интересы — естественные богатства края и то, что он представлял удобный транзитный путь для торговли со странами Востока и т. д.⁴

Сразу же встал вопрос о присоединении к России и раздробленной Западной Грузии, политические единицы⁵ которой, желая избавиться от чужеземного господства, а иные из них и в силу внут-

¹ «История СССР...», т. IV, с. 380—381.

² Р. Фадеев. Шестьдесят лет Кавказской войны, Тифлис, 1860, с. 8.

³ Н. С. Княпина. Внешняя политика России первой половины XIX века. М., 1963, с. 5.

⁴ შ. დუმბაძე. დასავლეთ საქართველო XIX ს. პირველ ნახევარში (რუსეთთან შეერთება და სოციალურ-ეკონომიკური განვითარება). თბილისი, 1957, თავი I.

⁵ Кроме того, внутри них существовало несколько полузависимых феодальных владений (сеньорий — сатавадо), а также наблюдалась пестрота общественных отношений.

ренных междоусобиц⁶, также давно стремились к союзу с Россией. В 1803 — 1804 годах под покровительство России одно за другим вступают Мегрельское княжество и Имеретинское царство, в 1810 году — Гурийское княжество, а Имеретинское царство упраздняется⁷.

В 1810 году решился и вопрос Абхазского княжества⁸. Надо сказать, что некоторые его владельцы еще с 70-х годов XVIII века поддерживали политику грузинских правителей, направленную на сближение с русским государством. Одним из выразителей этой внешнеполитической ориентации в начале XIX века был Келешбей Шервашидзе (Чачба). В свое время он утвердился владетелем Абхазии при содействии Турции, а затем, с ее же помощью, стремился уладить и сложные внутривластные дела. Резиденцией он избрал, вместо старинного политического центра края Лыхны, Сухумскую крепость, где стоял усиленный турецкий гарнизон.

Однако, учитывая изменение обстановки — укрепление позиций России в Грузии и во всем Закавказье, тяготение народов края к этой могущественной стране, а также весьма упадочное состояние султанской Турции, — Келешбей Шервашидзе, рассчитывая к тому же удержать свои привилегии под покровительством российского правительства, устанавливает с 1803 года непосредственные контакты с командованием русских войск в Грузии.

Академик Н. С. Джанашиа подчеркивал, что Келешбей «проявил стремление к приобретению покровительства России вследствие тех условий, в которых ему приходилось действовать в начале XIX столетия. Эта политическая комбинация совпадала с намерением России»⁹.

⁶ См.: И. И. Сургуладзе. История государства и права Грузии. Тбилиси, 1968, гл. IV.

⁷ В 1801 году была образована Грузинская губерния, а в 1811 году — Имеретинская область, которые в 1840 году были объединены в Грузино-Имеретинскую область и в 1846 году разделены на Тифлисскую и Кутаисскую губернии.

⁸ Границы Абхазского княжества в XIX веке проходили, в основном, по р. Ингури, Главному Кавказскому хребту, Гагринским теснинам и Черному морю. Страна, находившаяся под управлением князей Шервашидзе (Чачба), делилась на Бзыбский, Абхазский (Сухумский) и Абжуйский округа, Цебельдинское (с 1837 г.) и Самурзаканское (с 1840 г.) приставства. В 1840 году было образовано еще Джигетское приставство, в пределах от Гагр до р. Хоста (Малая Абхазия) и обитаемое издревле также населением абхазской этнической группы. В 1841 году оно было причислено к Абхазскому княжеству, а в 1847 году, вместе с Цебельдинским, передано в распоряжение приставских управлений на Кавказе, впоследствии же его территория вошла в состав Черноморского округа. Во главе округов стояли члены владетельской семьи. Приставы назначались царской администрацией. Во главе же сел (ахыта, общин) были «патроны», покровители (ахылашны). В период с 1808 до 1864 год резиденция владетельных князей находилась в селении Лыхны, являвшемся старинным политическим центром Абхазии.

⁹ См.: Ф. Энгельс. Что будет с Европейской Турцией? — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 9, с. 36.

¹⁰ В. ჯანაშიას კავშირი შერვაშიძეებთან. — გ. ჯანაშიას შრომები. თბილისი, 1946, გვ. 7.

Идя на такой принципиальный политический шаг, владетель дает согласие на тайное принятие сыном Сафарбеем, избранным им наследником престола, христианства и христианского имени Георгия.

Однако в условиях чрезвычайно сложных международных отношений, обострения англо-франко-русских противоречий на Ближнем Востоке; российские дипломаты соблюдали большую осторожность и сдержанность в абхазском вопросе, поскольку владетель Абхазии считался вассалом турецкого султана. Надо сказать, что правительство Александра I некоторое время вообще было настроено миролюбиво по отношению к своим соседям в Закавказье, желая иметь свободу действий на Западном фронте¹¹.

В то же время Россия была весьма заинтересована в Абхазии, учитывая прежде всего ее стратегическое значение. Присоединив Абхазию, она могла с юго-запада вплотную подойти к другим горским народам, находившимся под влиянием Турции и закрывавшим доступ к Черному морю, в связи с чем, как говорил К. Маркс, «ноги гигантской империи» были «отрезаны от туловища»¹². Таким образом, речь шла о крае, который должен был стать плацдармом для расширения российских владений на Западном Кавказе. Кроме того, имелись в виду его богатые ресурсы, в первую очередь лес, особенно «корабельный».

Надо полагать, что именно такая, вынужденная, позиция временного «воздержания» правительства Александра I в вопросе Абхазии, с одной стороны, и реальная угроза со стороны турецкого султана — с другой, заставляют Келешбей Шервашидзе сделать попытку установить связь с наполеоновской Францией. А последняя проявляла к нему, как и к некоторым другим кавказским деятелям, живой интерес в аспекте осуществления своей далеко идущей политики на Востоке. Несомненно, при этом Келешбей преследовал и свои личные интересы¹³.

Вскоре Келешбей Шервашидзе, предварительно заключив соглашение с владетелями Мегрелии, идет на открытый разрыв с Турцией и вступает в прямые переговоры с российским правительством. Он уверял, что усерднее его «нет никого к службе российской». Владетель, в частности, обещывался, при известных условиях (сохранение работорговли и пр.), «с верными своими герольд, коих число до 6000, по границам Грузии и около Тифлиса... продолжать российскому престолу искреннюю службу»¹⁴. Правда, Келешбей при этом не только оговаривал определенные непреклонные условия, но в отдельных случаях проявлял и колебания.

¹¹ О. П. Маркова. Восстание в Кахети, 1812 г. М., 1957, с. 200.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, с. 468.

¹³ შ. ეჭრემიძე. სურბანგობა და დამატებული საქართველოს სამეფო-სამთავროების უზრუნველყოფის საკითხები წამოყვანილი 1 ნაწილი. — «Труды педагогического института Гruzинской ССР». Тбилиси, 1978, IV, с. 63—76.

¹⁴ АКАК, т. III, с. 189, 192.

Тем самым абхазский владетель, как говорится в одном официальном документе, «навлек на себя всю тяжесть гнева султана»¹⁵. Дело дошло до прямого военного конфликта. В 1806 году Келешбей возглавил общенародное выступление и, опираясь на собравшихся в Сухуме готовых к бою 25 тысяч вооруженных защитников родной земли, добился независимости. Отныне он более «повелений султана не исполнял, управляя своим народом»¹⁶.

Однако в Абхазии не были ослеплены победой, ослаблением на некоторое время воинственности Османской империи. Наиболее дальновидные деятели верным выходом из создавшейся обстановки продолжали считать немедленное присоединение маленького феодального княжества к великой России, в лице которой они видели твердую опору и защиту. Это совпадало с интересами народных масс, ожидавших к тому же облегчения своей тяжелой участи и прекращения беспорядков, происходивших от постоянных феодальных междоусобиц.

И когда в конце 1806 года Турция, в результате обещаний Наполеона, объявила войну России и в следующем году русско-турецкая война захлестнула территорию Западной Грузии, Келешбей для содействия русской армии и грузинским войскам послал в Поти отряд своих воинов. А главное — он не дал турецкому командованию высадить десант в пределах Абхазии и превратить ее в базу для военных операций. Это, разумеется, имело важное значение для интересов России в данном регионе и должным образом было оценено русским командованием¹⁷.

Встревоженные положением дел в Абхазии и опасаясь дальнейших успехов России вообще на Кавказе, турецкое правительство и его агенты в лице части местной феодальной оппозиции организовали обширный заговор. Активная деятельность со стороны последней вызывалась еще усилением внутриполитического курса владетеля, направленного на более прочное объединение княжества и укрепление его центральной власти. В результате заговора в мае 1808 года Келешбей, не без участия сухумского паши, был убит у входа в свой дворец в Сухуме.

Владетелем Абхазии и вассалом Турции объявил себя предводитель оппозиции, старший сын убитого князя Асланбей Шервашидзе, который со своими приверженцами укрылся за толстыми стенами Сухумской крепости, захватив при этом всю казну и большое личное состояние отца.

Акт вероломного убийства по политическим мотивам вызвал в крае большой резонанс, глубокое возмущение. В официальных

¹⁵ Там же, с. 192.

¹⁶ Там же, с. 191.

¹⁷ См.: Там же, с. 190, 198; АВПР, ф. Главный архив, 1—7, 1804 г., д. 1; 1907, г., д. 1.

источниках говорится, что «отцеубийца обратил на себя... даже черни ненависть»¹⁸.

С другой стороны, на кровавую сухумскую драму быстро отреагировало правительство Турции, которое в срочном порядке оказало помощь своему ставленнику. Правительница Мегрельского княжества Нина Дадзани свидетельствовала о том, что из Константинополя (Стамбула) прибыло судно с «разными подарками» и деньгами для Асланбея, которого правящие круги Турции уверяли, что «всякая нужная помощь со стороны Порты будет ему оказана, относящаяся до войск и денег»¹⁹. В результате в Сухуме был размещен крупный гарнизон. Если в 1807 году здесь имелось, например, всего 16 пушек, то теперь их насчитывалось около 100, а на рейде стояло несколько вооруженных турецких судов²⁰.

Кроме того, вскоре на сторону Асланбея переходит новая партия абхазских феодалов турецкой ориентации, а из Потийской крепости прибывает с войсками ее комендант Кучукбей Шервашидзе. О дальнейшей помощи Асланбею со стороны Турции свидетельствует тот факт, что уже вскоре после падения Сухумской крепости, в августе 1810 года, русским кораблям удалось задержать прибывшее из турецкой столицы судно с экипажем в 43 человека, на котором были найдены три султанских фирмана на имя Асланбея, фалкопеты, лафеты для пушек, пшеница, соль и т. д.²¹

Русскую ориентацию в Абхазии возглавил второй сын Келешбея — Георгий (Сафарбей) Шервашидзе, названный владельцем еще при жизни отца и, между прочим, происходивший от женщины крестьянского сословия (Лейба). Но попытка последнего завладеть Сухумской крепостью вместе с войсками владельца Мегрелии, который всячески поощрял его (он был женат на княжне Дадзани), не увенчались успехом. Тогда Г. Шервашидзе обращается за помощью к России.

Это совпало с возобновлением русско-турецкой войны и переходом самих российских войск к активным операциям на территории Западной Грузии, в результате чего в ноябре 1809 года был взят Поти. В боевых действиях под руководством генерала Д. Орбелиани отличились и местные воинские формирования, в частности, абхазский отряд²². Этому предшествовало занятие Анапы. Названные события имели важное военно-политическое значение для укрепления русской власти в Закавказье.

Теперь настала очередь Сухума. Но было решено сначала юридически оформить присоединение Абхазского княжества к России. Император Александр I своим манифестом от 17 февраля 1810 го-

¹⁸ АКАК, т. IV, с. 412.

¹⁹ Там же, с. 389—390.

²⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18490, лл. 1—4; Г. А. Дзидзария. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века, Сухуми, 1940, с. 20.

²¹ АВПР, ф. Главный архив, 1—13, 1810 г., д. 2, лл. 9—11.

²² См.: АКАК, т. IV, с. 763—764; [М. А. Селезнев]. Руководство к познанию Кавказа, кн. II. СПб., 1847, с. 163.

да утвердил так называемые «Просительные пункты» Георгия Шервашидзе²³ и дал ему — «любезно верноподданному абхазские земли владетелю» — инвеституРНую грамоту²⁴.

Под «верховным покровительством» Российской империи за владетелем Абхазии было признано право управлять княжеством «по древним обычаям»²⁵. На этом этапе правительство Александра I удовлетворялось получением выгодных военно-стратегических позиций в борьбе с Турцией и ее западными «покровителями».

Уже в марте 1810 года к восточным берегам была направлена часть судов Черноморского флота. А 8 июня на сухумском рейде появилась эскадра с десантным отрядом в 640 человек, который в результате кровопролитных боев, происходивших в течение 9 и 10 июня, завладел крепостью. Одновременно в нее вошел и сухопутный отряд во главе с генералом Д. Орбелиани и новым владетельным князем Абхазии Г. Шервашидзе (Чачба). Противник потерял только убитыми 300 человек, а также значительное количество оружия и боеприпасов, в том числе 62 пушки и 1080 пудов пороха²⁶. Асланбей с уцелевшими своими сподвижниками ушел потайным ходом.

Население Абхазии восприняло это событие с большим удовлетворением. Командир отряда флота капитан-лейтенант Додт в своем донесении от 20 июля 1810 года отмечал: «...Живущие в окрестности Сухума жители приходили ко мне во множестве и просили покровительства, желая при том быть вечно в подданстве России»²⁷. Асланбей же и наиболее преданные ему лица бежали в Турцию, потянув за собой немало связанных с ними людей. Надо сказать, что русское командование пыталось принять меры «для воспрепятствования к переселению абхазцев в Батум»²⁸. З. И. Чичинадзе количество абхазских махаджиров 1810 года определяет в 5000 человек²⁹. Многие турки, покинувшие Сухум, рассыпались по всей Абхазии и «с ожесточением возбуждали народ против русских, толкуя, что Асланбей убил своего отца, повинувшись воле алла-

²³ См.: ПСЗРИ, т. X. СПб., 1830, с. 74—75, № 24128 а.

²⁴ См.: «Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков свет. князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии». Венден, 1913, с. 5—7; АВПР, ф. Главный архив, 1—10, 1808 г., д. 1, лл. 52—54.

²⁵ См.: И. И. Сургуладзе. Указ. соч., с. 271.

При этом, однако, цесельдинские и дальские князья Маршанли «отказались быть покоренными России и не признали над собой владельцем Сафар-бея» (АКАК, т. IV, с. 426—427). Так поступили и садзские (джигетские) князья, за исключением Левана Цанба, которого Георгию Шервашидзе удалось склонить к принятию подданства России (там же, с. 426).

²⁶ АКАК, т. IV, с. 424.

²⁷ ЦГВМФ СССР, ф. 166, оп. 1, д. 4241, л. 64 об.

²⁸ Там же, д. 4243, л. 42 об. (Список с преданиями вице-адмирала Языкова от 10 июня 1810 г. контр-адмиралу Сарычеву).

²⁹ З. И. Чичинадзе. *Абхазия в XVIII-XIX вв.* Тбилиси, 1969, с. 169.

ха»³⁰. Асланбей и его единомышленники, изменники и политические авантюристы, навсегда потерявшие место под солнцем на родине, в течение десятилетий тем и занимались, что постоянно тревожили жителей Абхазии и провоцировали их переселение в султанскую Турцию.

К этому моменту, к лету 1810 года, Турция потеряла все свои опорные пункты на Кавказском побережье Черного моря (Анапу, Суджук-Кале, Сухум, Анаклию, Потю). Только отсутствие необходимой согласованности между армейским и флотским командованием не позволило русским войскам завершить эти крупные успехи занятием Батума и Трапезунда³¹.

Главкомандующий в Грузии генерал Ф. О. Паулуччи в январе 1812 года писал фельдмаршалу М. И. Кутузову о том, что Османская Порта «все еще старается» держать в зависимости Имеретию, Мегрелию «и всю Абхазию»³². Но вот в мае 1812 года гениальным русским полководцем и дипломатом Кутузовым в Бухаресте был заключен мир с Турцией, по которому за Россией закреплялось побережье от устья р. Бзыбь до р. Риони, общим протяжением до 200 километров³³. Сухум и Редут-Кале (Кулеви) превратились в опорные стратегические пункты России. Это не только надежно обеспечивало морские коммуникации с Крымом, но и пресекало турецкую военную экспансию на берегах Кавказа, укрепляя стратегические позиции и политическое влияние России здесь.

Следовательно, легко опровергается точка зрения представителей западноевропейской историографии (Вебстер, Темперлей, Дебидур и др.) о том, что Бухарестский трактат 1812 года лишь восстановил прежние границы между Россией и Турцией³⁴. Кстати, это утверждение явилось источником версии о том, что Россия будто бы отказалась выполнить условия Бухарестского мира, версия, которая так усердно использовалась в целях оправдания прожектов английской дипломатии, добивавшейся ревизии основных положений этого мира³⁵.

В 1813 году в местечке Гюлистан был подписан мирный договор и с Ираном, закрепивший присоединение к России ханств Азербайджана (Бакинского, Карабахского, Дербентского, Гянджинского и др.), части Восточной Армении, Дагестана. Иран отказался также от своих «претензий» на Грузию. Шах вместе с тем «признал» за

³⁰ М. Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу, ч. I. М., 1885, с. 341.

³¹ А. В. Фадеев. Россия и Кавказ., с. 154.

³² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 2884, л. 204.

³³ См.: Т. Юзефович. Договоры России с Востоком. СПб., 1809, с. 49—58.

³⁴ См.: А. В. Фадеев. Бухарестский мир 1812 года и вопрос о кавказских границах. — «Ученые записки Ростовского государственного университета», 1952, т. XXI, вып. 3, с. 84.

³⁵ Там же, с. 79.

Россией Мегрелию, Абхазию, Имеретию и Гурию³⁶. Таким образом, в начале XIX века Россией был достигнут значительный успех в борьбе за Закавказье. В центре Кавказа был создан важный форпост для распространения влияния на весь этот край. Правда, относительно Абхазии в тот период речь шла фактически только о Сухумской крепости, где стоял небольшой русский гарнизон. Но значение «приобретения» данной крепости с «превосходной гаванью», «владеющей над всем народом абхазским», было таково, что она делала русских «полными властителями того берега Черного моря»³⁷. С другой стороны, официальное присоединение Абхазии к России, как уже подчеркивалось, было фактом большой исторической важности для ее народа. Речь шла о том, что дальнейшая судьба абхазского народа определялась благотворным влиянием русского народа. В конкретной обстановке речь шла о включении Абхазии, в условиях ликвидации политической раздробленности Грузии в целом³⁸, в состав государства, вступившего на путь капиталистического развития. Следовательно, Абхазия, несмотря на колониальную политику царизма, о чем подробно будет сказано в дальнейшем изложении, вступила в новую, прогрессивную полосу своей жизни, создавались предпосылки для хозяйственного и культурного развития. Особо следует отметить значение обеспечения внешней безопасности в развитии производительных сил края. Заметно ослабляются феодальные устои. Все это создавало условия для установления более тесных отношений между абхазским и грузинским народами, традиционные связи которых были ослаблены трехвековым господством султанской Турции в крае.

Между тем начало XIX века для Османской империи, «одряхлевшей и обессилевшей»³⁹, военно-феодальный характер которой определял весь уклад ее политической жизни, социальных отношений и основ народного быта, ознаменовалось дальнейшим обострением глубокого экономического и политического кризиса, который она переживала в течение многих лет. Закономерно усиливается в это время национально-освободительное движение поработенных народов. Происходит обострение восточного кризиса, вопроса о судьбах турецких владений, вызванного усилением соперничества прежде всего между Англией и Францией.

Утверждение России в Закавказье постоянно вызывало беспокойство как Турции и Ирана, так и западноевропейских держав.

³⁶ История XIX века. Под ред. проф. Лависса и Рамбо, т. 2. М., 1937, с. 398; Т. Юзефович. Указ. соч., с. 208—214.

³⁷ АКАК, т. IV, с. 945, № 1444 (Отношение генерала Торماسова от 6 августа 1810 г. графу Румянцеву).

³⁸ Раздробленная ранее на отдельные мелкие царства и княжества, Грузия становится составной частью Российской империи и таким образом была насоединена.

³⁹ Ф. Энгельс. Что будет с Европейской Турцией? — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2-е, т. 9, с. 36.

В частности, турецкие правящие круги, используя напряженную международную обстановку в связи с нашествием Наполеона на Россию, которое вселило в них новые надежды на осуществление их агрессивных замыслов на Кавказе, упорно стремились к пересмотру Бухарестского трактата в части кавказских границ. Оттоманское правительство требовало, в частности, вывода русских войск из пределов Западной Грузии и передачи Турции всех занимаемых ими здесь укрепленных пунктов⁴⁰. Так, трапезундский сераскир Харнадар-оглу Сулейман-паша предлагал русскому командованию на Кавказе «возвратить» крепость Сухум⁴¹, а на исходе 1813 года, нарушив мирный трактат, ввел войска «в самую Абхазию»⁴². Но владельцы Абхазии, Мегрелии и Гурии, которые, как ближайшие к турецким границам княжества, «весьма много» потерпели «от неприятельских набегов и неоднократных покушений турок покорить оные силою оружия», «незвизрая на все угрозы неприятеля и на льстивые предложения»⁴³, много раз Портою им делаемые», твердо проявили преданность России⁴⁴. За эту решительную борьбу против турецких реваншистов названные правители были вознаграждены: абхазский владетель Георгий Шервашидзе, в частности, получил чин генерала русской армии. Летом 1813 года эрзерумский сераскир Ахмед-паша также потребовал от русского командования вывода войск из Гурии, Мегрелии и Абхазии и передачи их «под власть султана»⁴⁵. Летом 1815 года новый эрзерумский сераскир Пехлеван-паша, сосредоточив на границе Грузии 20 000 войск (а трапезундский сераскир — 15 000), вновь потребовал от главнокомандующего в Грузии и на Кавказской линии Н. Ф. Ртищева «возвращения» Оттоманской империи Имеретии, Гурии, Мегрелии, Абхазии и некоторых других земель, ссылаясь при этом на постановления Бухарестского договора⁴⁶. «Впрочем

⁴⁰ АКАК, т. V, с. 784—785 и 797, №№ 926 и 936 (Донесение ген. Ртищева от 3 января и 26 июля 1813 г. гр. Румянцеву).

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, с. 500, № 591 (Письмо ген. Ртищева от 2 мая 1813 г. П. А. Вейсмеберу).

⁴³ «Правитель» Имеретии, Абхазии, Мегрелии и Гурии ген. Ф. Ф. Симонович еще в августе 1811 г. писал Тормасову о том, что Мамия Гурели получил от Харнадар-оглу письмо, в котором тот предлагал гурийскому владетелю принять турецкую сторону (см.: Б. კობახიძე, საქართველო 1806-1812 წლებში რუსეთთან ჯიშის თბიბ. თბილისი, 1964, გვ. 375-376).

⁴⁴ АКАК, т. V, с. 500, № 591.

⁴⁵ Там же, с. 792—796, № 931 (Отношение ген. Ртищева от 19 июля 1813 г. А. Я. Италинскому).

⁴⁶ Там же, с. 807—808, 827—833.

Генерал Ртищев, отвергая все притязания Турции, заявлял эрзерумскому сераскиру 7 июля 1815 г., что указанные земли добровольно вошли в состав Российской империи и, если понадобится, будут защищаться силой оружия, так как и по Бухарестскому миру они не отходят к Турции. Он подчеркивал, что подобные вопросы должны решаться между правительствами (АКАК, т. V, с. 826—827). Главнокомандующий принимает и другие меры. 4 июля 1815 года он просил распоряжения херсонского военного губернатора А. Я. Рудзевича об

известно, — доносил главнокомандующий на Кавказе генерал А. П. Ермолов 28 марта 1818 года Александру I, — что Порты Оттоманская требует всего восточного берега Черного моря...»⁴⁷. То есть, «Порта хотела бы владеть всем побережьем от устья Фазиса (Риони. — Г. Д.) до Анапы», — как сообщал русский посланник в Константинополе А. Я. Италинский еще 13 (25) марта 1815 года К. В. Нессельроде. К этому он добавлял, что «значение, придаваемое Портой всем этим землям, объясняется легкостью, с какой отсюда можно нанести нам вред в случае войны»⁴⁸.

В то же время султанское правительство старалось использовать в своих интересах любое событие, происходившее на Западном Кавказе. Этому особенно способствовал тот факт, что Турция на протяжении трех первых десятилетий XIX века еще продолжала удерживать некоторые опорные пункты на Черноморском побережье Кавказа. Турецкие военачальники, имевшие резиденции в ряде крепостей, стремились распространить политическое влияние султана на местное население. Причем Анапская крепость⁴⁹ была превращена в резиденцию не только турецкого пашы, но и иранской и англо-французской агентуры. Генерал-губернатор Новороссийского края Ришелье в своем сообщении от августа 1810 года военному министру подчеркивал, что анапский паша получил оружие со снарядами и деньги «на подкупление и соединение всех владельцев» черкесских, которые, собравшись в большом количестве, намеревались напасть на российскую границу⁵⁰. С 1821 года в Анапе сидел алчный делец Чечен-оглу-Хаги-Хасан-паша, который систематически вывозил из Константинополя мулл и кади для судебных учреждений в крае⁵¹. Как доносил генерал А. П. Ермолов 9 июня 1823 года Александру I, горцы, готовясь к набегам на Кавказскую линию, отдалили свои жилища к самым

отправлении достаточного числа военных судов для крейсирования у берегов Абхазии, Имеретии и Гурии в целях недопущения высадки турецких войск со стороны моря (там же, с. 824—826). А император Александр I предписывал Ришелье (10 сентября 1815 года) установить вдоль грании с Турцией «прочную военную кордонную цепь», во исполнение чего генерал лично осмотрел границу и определил места, где должны быть созданы таможенные и карантинные заставы (там же, с. 320—321).

⁴⁷ АВПР, ф. Главный архив, 1—13. 1810 г., д. 2, л. 21.

⁴⁸ «Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского Министерства иностранных дел». Серия 1. Т. VIII. М., 1972, с. 248.

⁴⁹ Анапа, самый северный форпост Османской империи в бассейне Черного моря, влюч к северо-восточным берегам последнего, являлась главным очагом политического и идеологического влияния султанского самодержавия на Западном Кавказе. Она была построена в 1781 году по приказанию турецкого султана Абдул-Хамида I французскими инженерами по всем правилам фортификационной техники и считалась первоклассной по тому времени крепостью. Анапа трижды переходила из турецких рук в русские; в 1791 г. взята и отдана, в 1808 г. снова взята и снова отдана, в 1828 г. взята окончательно.

⁵⁰ См.: Б. Добокор. Указ. соч., с. 360.

⁵¹ «Очерки истории Адыгея», т. 1. Майкоп, 1957, с. 305.

торам, «сего требовал от них анапский паша»⁵². А комиссар черкесской и абазинской торговли Тоуш 5 сентября 1826 года сообщал командующему черноморскими войсками генерал-майору Сысоеву о том, что шапсугам и натухайцам, собравшимся возле Анапы, Хасан-паша предлагал, чтобы они «утвердились в турецкой религии» присягами, что будут «наблюдать совершенно турецкий закон...»⁵³. В том же году анапский паша, в целях «утверждения владычества Турции над черкессами», послал в горы 24 ефенди, а впоследствии «число мулл увеличилось». Вообще этот прожженный делец «не шадил ни трудов, ни издержек»⁵⁴ и даже два раза прибегал к вооруженной силе для обращения жителей к исламу⁵⁵. Он явно готовился к войне с Россией. В Анапу продолжали прибывать суда, нагруженные порохом, оружием, ядрами и амуницией. Гарнизон крепости был увеличен в соответствии с задачами войны⁵⁶. Анапа — «этот главный пункт сношения Константинополя с Кавказом» — являлась и центром работорговли на побережье⁵⁷. Агенты Турции также пытались воспользоваться внутренними раздорами местного населения. Они разжигали межплеменную вражду и междоусобицы феодалов, всемерно содействуя тем, кто придерживался турецкой ориентации. Правящие круги Османской империи вместе с тем продолжали провоцировать пограничные инциденты. А. П. Ермолов просил у русского посланника в Константинополе Г. А. Строганова «настоятельного содействия» для прекращения всех этих «насильственных и неприязненных поступков, коими турецкие пограничные начальники беспрестанно нарушают спокойствие... границы и дружественные связи, каковые должны существовать между соседними державами»⁵⁸. Он обращался и к управляющему Министерством иностранных дел графу К. В. Нессельроде, чтобы тот со своей стороны подтвердил Строганову «о настоящем требовании, дабы необузданная наглость и дерзкие поступки прекращены были»⁵⁹. Но последний на все это вынужден был заявить, что он не имеет «средств убедить Порту,

⁵² АКАК, т. VI, ч. II, с. 488, № 863.

⁵³ «Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов». Сб. документальных материалов. Тбилиси, 1953, № I, с. 1 (В дальнейшем: «Шамиль...»).

⁵⁴ Анапский паша, в частности, «расточал подарки для склонения народа адыге к принятию действительного подданства турецкому султану»; правда, горцы охотно брали эти «подарки», но «смеялись над пашою и не признавали над собою ничьей власти» (АВПР, ф. Турецкий стол (старый), оп. 502 а, 1831 — 1868 гг., д. 4504, л. 14 об. Копия с рапорта командира Отдельного Кавказского корпуса от 6 ноября 1843 г. и д. пачка Черноморской береговой линии).

⁵⁵ АКАК, т. X, ч. I, с. 234, № 240 (Записка вице-адм. Серебрякова от 11 декабря 1852 г.).

⁵⁶ «Очерки истории Адыгем», т. 1, с. 306.

⁵⁷ «Русский архив», 1894, вып. 6, с. 219.

⁵⁸ АКАК, т. VI, ч. II, с. 405, № 725 (Делеша бар. Строганова от 16 мая 1817 г. ген. Ермолову).

⁵⁹ Там же, с. 410, № 733; с. 413, № 742.

упорствующую в своем равнодушии к принятию мер...». Всеми этими мерами султанская Турция добивалась возврата своих утерянных позиций и мечтала превратить Северо-Западный Кавказ в неприступный бастион против Российской империи. При этом, как утверждал первый драгман Турции князь Скарлат Каллимаки, «Порта особенно заинтересована в возвращении Сухума с прилегающей территорией...» причем заинтересована в этом больше, нежели в возврате других земель»⁶⁰.

└ Таким образом, Черкесия (Адыгея), занимавшая западную часть Кавказского хребта вместе с прилегающей к нему полосой предгорий, спускающихся в Прикубанскую низменность, оказалась в фокусе борьбы между Россией, с одной стороны, и Турцией и Англией — с другой. Было ясно, что, не включив прочно в свой состав эту страну, а затем и Дагестан, Россия не могла сохранить за собой Закавказье.]

Тревожная была обстановка и в Абхазии. Ее владетель генерал-майор Георгий Шервашидзе в рапорте на имя Александра I уже вслед за заключением Бухарестского мира писал, что некоторые его родственники-магометане, т. е. сторонники турецкой ориентации, мечтают о возвращении Сухумской крепости Турции; склонив к этому часть абхазского дворянства и пригласив турок, пытаются «произвести бунт». В связи с этим, дабы «Абхазское княжество не отошло по-прежнему во владение турецкого султана», владетельный князь просил о военной помощи, на что и последовало «высочайшее соизволение»⁶¹. Наиболее же активным ставленником султанского правительства в Абхазии был тот же Асланбей Шервашидзе, который неоднократно, с помощью турецких сил, пытался овладеть Сухумской крепостью и тем самым отторгнуть Абхазию от России. К этому незадачливому претенденту на абхазский престол как нельзя лучше применимы слова Адольфа Берже о том, что «при начале подданства лишившиеся престола цари и владетели бегали к туркам, находили у них приют, помощь и производили при их посредстве набеги и волнения в прежних своих владениях»⁶². В этом деле к их услугам всегда были всевозможные турецкие агенты-авантюристы.

О действиях таких лиц в Абхазии в 1820 году французский коммерсант Поль Гибаль писал, что они стремились «обращать в магометанство как можно больше абхазов и особенно стараются поддерживать и разжигать у местных жителей враждебные чувства по отношению к русским», внушая им, что рано или поздно последние уйдут из Абхазии. Они сочиняли и иные небывлицы, и это делали «в своих собственных интересах и в интересах своей стра-

⁶⁰ «Внешняя политика России XIX и начала XX века», серия II, т. III (X). М., 1979, с. 367 (Г. А. Строганов — К. В. Нессельроде, 23 апреля 1820 г.).

⁶¹ АВПР, ф. Главный архив, 1—10, 1808 г., д. 1, лл. 118, 132, 156.

⁶² Ад. П. Берже. Выселение горцев с Кавказа. — «Русская старина», 1882, т. XXXIII, январь, с. 170—171.

ны»⁶³. А султанская Турция на население Абхазии и всего Западного Кавказа всегда смотрела, говоря словами историка Ф. А. Щербина, лишь «как на боевой материал, которым можно было во всякое время пользоваться в целях чисто турецкой политики»⁶⁴.

В таком же почти духе действовали и иранские агенты, рыскавшие по всему Кавказу. Во многих районах ими распространялись, например, шахские фирманы и прокламации, призывавшие к восстанию и истреблению «гяуров». Часть недовольной Россией местной феодалной знати оказалась агентурой Ирана⁶⁵. Декабрист А. С. Гангеблов (Гангеблидзе) отмечал, что в начале войны с Ираном, участником которой он был, «по горским мирным аулам стали появляться эмиссары от наследника персидского престола, Аббаса-Мирзы, с целью возбудить между ними восстание против белого царя. Эмиссары эти снабжены были деньгами, но не более того, что было нужно для задатков; тем же из них, которые действительно отпадут от России, обещаны горы золота»⁶⁶.

Летом 1826 года в Тифлисе поймали и казнили двух шпионов Ирана. В Дагестане некий Казы-мулла объявил себя пророком и пытался склонить на свою сторону дагестанцев и других кавказских горцев. Одним словом, политика иранского правительства, как и турецкого, была направлена на объединение мусульманских народов против растущего могущества России, и этой политике придавался характер религиозной борьбы за торжество правверных мусульманских идеалов⁶⁷.

Для известного успеха такой агитации и других антирусских акций со стороны Турции и Ирана здесь имелась почва, создавшаяся прежде всего жестоким характером колониально-завоевательной политики царского самодержавия и его военно-феодалными методами управления. Надо подчеркнуть еще раз, что политика царизма преследовала прямые завоевательные цели и по отношению к тем народам, которые добровольно присоединились к Российской империи. Заметим, что завоевательная политика царизма на Кавказе особенно активизировалась после завершения в Европе войн с наполеоновской коалицией⁶⁸. Царское прави-

⁶³ См.: ЦГАДА СССР, ф. 1261/1, д. 2896, лл. 133—133 об.

⁶⁴ Ф. Щербина. История Кубанского казачьего войска, т. II. Екатеринодар, 1913, с. 555.

⁶⁵ М. Г. Нерсисян. Отечественная война 1812 года и народы Кавказа, с. 273; Х. М. Ибрагимбеги. Россия и Азербайджан., с. 91 и др.

⁶⁶ «Русский архив». 1886, вып. 6, с. 233.

⁶⁷ Н. М. Коргуа. Из истории восточной политики России. Мир — Фетте — Ага — Сеид — Муштанд Тавризский. Тбилиси, 1978, с. 7—9.

⁶⁸ Как известно, накануне и в период Отечественной войны 1812 года отношения между царской Россией и горскими народами Кавказа носили сравнительно мирный характер, во всяком случае они не были такими напряженными и враждебными, как в последующие времена. К планомерному наступлению на горцев Северного Кавказа царизм перешел в 1817 году. С этого момента и на-

тельство спешило полностью «покорить» кавказских горцев и включить в административную систему империи их земли. Внешне-политические успехи нужны были ему, кроме того, для того, чтобы разрядить напряженную обстановку внутри страны, отвлечь народные массы от острых социальных вопросов и классовой борьбы. Стремление царизма к окончательному утверждению своего господства на всем Кавказе диктовалось также желанием обеспечить новые рынки сбыта и источники сырья для растущей российской промышленности, поскольку рамки внутреннего рынка были весьма ограничены и стеснены крепостническим строем, желанием обладать торговыми путями, проходившими через Кавказ в Иран и Азиатскую Турцию. Министр финансов граф Е. Ф. Канкрин еще в 1827 году предлагал «закавказские провинции» сделать сырьевой колонией Российской империи и требовать ограждения там интересов русского купчества и отмены льготного тарифа, установленного для Закавказья в 1821 году⁶⁹. Таким образом, внешняя политика царизма наглядно подтверждает ленинское положение о неразрывной взаимосвязи внешней политики государства с его внутренней политикой, обусловленной прежде всего социально-экономическим развитием страны⁷⁰.

Военно-феодалные методы политики царизма на Кавказе, с предельной четкостью сформулированные позднее императором Николаем I в рескрипте на имя главнокомандующего на Кавказе И. Ф. Паскевича, заключались в «успокоении навсегда горских народов или истреблении непокорных»⁷¹. Любое сопротивление кавказского населения подавлялось силой оружия в ходе карательных экспедиций. Генерал А. П. Ермолов откровенно заявлял: «Здесь (на Кавказе. — Г. Д.)... первый закон есть сила»⁷², а кавказские народы в лице абхазов называл «дикими и хищными» народами⁷³.

Суровый «проконсул» Кавказа применением «силы» в Гурии и Имеретии в 1820 году хотел «успокоить Грузию» всю⁷⁴. Во время похода только одного казачьего атамана Власова в 1822 году

чинается собственно Кавказская война, которая делится на три периода: 1817 — 1829, 1830—1856 и 1856—1864 гг. Вообще же более или менее постоянные военные действия царской России на Северо-Западном Кавказе начались с конца XVIII века.

⁶⁹ М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. М.—Л., 1949, с. 85, 94.

⁷⁰ А. В. Фадеев. Социально-экономические предпосылки внешней политики царизма в период «восточного кризиса» 20-х годов XIX в. — «Исторические записки», М., 1956, с. 327.

⁷¹ Щербатов. Генерал-фельдмаршал граф Паскевич, т. II, СПб., 1891, с. 230.

⁷² «Материалы по истории Дагестана и Чечни» (сб. документов). Махачкала, 1940, с. 10.

⁷³ Утверждение русского владычества на Кавказе, т. III, ч. 2. Под ред. г.-м. Потто. Тифлис, 1904, с. 547.

⁷⁴ «Письма А. П. Ермолова». Махачкала, 1926, с. 37.

за Кубань было сожжено 17 черкесских аулов, угнано несколько тысяч голов скота, уничтожены посевы⁷⁵.

По словам А. С. Пушкина черкесы вытеснены «из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены» («Путешествие в Арзрум»). Страшную картину разорения горского аула нарисовал позднее и Л. Н. Толстой, заклеивший царских сатрапов в своей повести «Хаджи-Мурат». В официальных материалах того времени нередко можно встретить и такое сообщение, что генерал Засс «решился ... предпринять движение для истребления абхазского аула Гурмая, лежащего у вершин Ходза...»⁷⁶. Адольф Берже о результатах другого похода, совершенного царским отрядом в абазинский Дударуков аул, писал: «Существовал до 1829 года... был совершенно разрушен нашими войсками»⁷⁷. Ту же участь постиг тогда и Бибердов аул, часть жителей которого была «отведена в плен, остальные погибли»⁷⁸. Военный министр А. И. Чернышев, получив известие о разгроме Черноморской береговой линии горцами и резко осудив ее начальника, генерала Раевского, 12 апреля 1840 года приказал командиру Отдельного Кавказского корпуса немедленно направить карательную экспедицию в землю убыхов, категорически требуя «жечь и уничтожить их посевы, жатву и запасы»⁷⁹. По официальным данным, экспедиционный отряд генерала Н. Н. Муравьева (Амурского) в декабре того же года оставил «совершенно пустым» абхазское горное село Дал с населением около 6 тыс. человек⁸⁰. Или же возьмем приказ М. С. Воронцова⁸¹ от 19 ноября 1853 года по Отдельному Кавказ-

⁷⁵ А. В. Фадеев. Дореформенная Россия (1800—1861 гг.). Изд. МГУ. 1960. с. 138.

⁷⁶ АКАК, т. VIII, ч. II, с. 758, № 661 (Отношение бар. Розена от 6 августа 1856 г. ген. Алдербергу).

⁷⁷ Ад. Берже. Краткий обзор горских племен на Кавказе. — КК, 1857, с. 276.

⁷⁸ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 839, 1838 г., д. 192, л. 29 об.

⁷⁹ Цит. по: А. В. Фадеев. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе. — «Исторический сборник». Изд. АН СССР. Л., 1935, № 4, с. 149.

⁸⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, 1840 г., д. 6392, лл. 43—44; см. там же л. 37—42.

⁸¹ «Либерализм» этого царского правителя Кавказа была чисто внешним. Более того, даже самые реакционные законы Николая I не очень его удовлетворяли. Как писал ген. Г. И. Филиппсон, Воронцов не знал этих законов, «да и не хотел знать». Когда однажды ему доложили, что отдаваемое им приказание «противно закону», он сказал: «Если бы здесь нужно было только исполнять законы, государь прислал бы сюда не меня, а Полный Свод Законов» (Г. И. Филиппсон. Воспоминания. М., 1885, с. 3. 17). А иной раз этот жестокий царский администратор рассуждал, например, о возможности «привлечь к себе черкесов» с помощью выгодной мирной торговли с ними, акцентирова при этом политический аспект вопроса. Подчеркивая, что «воевать и торговать в одно и то же время... есть почти невозможность», Воронцов предлагал: «Отменяя сколь возможно всякого рода операции и походы во внутренности земель», прилагать усилия «только к занятию ... всего морского берега». В другом случае он писал даже так: «Черкесов же мы должны считать нашими подданными, и с ними должны поступать также дружелюбно, пока они сами сопротивляться не будут». («Воронцовский «Перилл» Черного моря» (Рапорт М. С. Воронцова Николаю I от 26 августа 1836 г. — Г. Д.). — «Русский архив», 1894, 6, с. 228, 230).

скому корпусу, в котором отмечались «заслуги» генерала Козловского: «Истребил все окрестные аулы, в равно заготовления, сделанные жителями на зиму»⁸².

Так, царские войска «ураганом проносились по горским землям... оставляя за собою кровавые следы и груды развалин»⁸³. Жестокость царских властей на Кавказе доходила до того, что в мае 1852 года начальник Черноморской береговой линии получил приказание о запрещении продавать чугунные котлы «прибрежным непокорным горцам, дабы лишить их возможности добывать себе соль из морской воды»⁸⁴. Дело в том, что ввиду монопольного характера продажи соли и блокады побережья горцы вынуждены были в больших чугунных котлах варить из морской воды соль, которую они до этого покупали, главным образом, у турецких торговцев. В одном только Геленджике, например, в 1851 году было продано горцам до 130 таких котлов⁸⁵.

Принявшие же новое управление кавказские народы нередко на протяжении десятилетий находились под властью столь же бессердечных порочных царских чиновников. Даже сам генерал А. П. Ермолов, вскоре после своего назначения на Кавказ в 1816 году, весьма нехотело отзывался об этих деятелях в Грузии⁸⁶. «Если и приезжали в Грузию чиновники, — писал он, — то, конечно, большею частью такие, которые по ограниченным способностям и дурному поведению нигде уже в России не могли найти себе места. Вся цель их состоит только в том, чтобы, воспользовавшись определенным пособием, иметь возможность удовлетворить своим наклонностям»⁸⁷. Граф И. Ф. Паскевич в 1829 году также писал: «Народ страдал, правосудия не было... Злоупотребление низших местных начальств доходило до высшей степени»⁸⁸. Хотя известно, что именно при Паскевиче «репутация Кавказа как страны, дающей способы сделать без особенных усилий и пожертвований быструю карьеру, была установлена»⁸⁹. Сенаторы Е. И. Кутайсов и П. И. Мечников, произведшие ревизию управления Грузией в 1830—1831 годах, сообщали, что приставы управляют не как чиновники от правительства, а как помещики своими поместьями⁹⁰. Генерал Г. И. Филиппсон, вспоминая о своей службе на Кавказе, писал, что край этот в то время являлся «убежищем и сборным местом разных пройдох и искателей средств вынырнуть из грязи

⁸² АКАК, т. X, ч. 1, с. 338, № 342.

⁸³ А. Юров. 1843 год на Кавказе. — «Кавказский сборник», 1882, т. VI, с. 4.

⁸⁴ ЦГВИА, ф. 1396 (гр.), оп. 1, д. 92, л. 3.

⁸⁵ Там же, л. 2.

⁸⁶ Подробнее об этом см.: И. Джавахов. Политическое и социальное движение в Грузии в XIX в. СПб., 1906, с. 11—18 и сл.

⁸⁷ АКАК, т. VI, ч. I, с. 45.

⁸⁸ АКАК, т. VII, ч. I, с. 18.

⁸⁹ [Е. Вейденбаум]. Кавказские этюды. Тифлис, 1901, с. 230.

⁹⁰ АКАК, т. VIII, ч. I, с. 41.

или неловкого положения»⁹¹. Начальник Черноморской береговой линии генерал Н. Н. Раевский, осуждавший вообще жестокую политику царизма на Кавказе, писал в 1841 году: «Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами...»⁹². Он подчеркивал, что царские военачальники «мстили целым племенам за вину нескольких людей», уничтожая и стирая с лица земли целые аулы и села⁹³. Бичуя «произвол, злоупотребления и беспорядки», царившие в органах царской администрации на Кавказе, тот же Раевский восклицал: «В областях Кавказского края, где не введено гражданское управление, мы, частные начальники, более похожи на турецких пашей, чем на русских чиновников»⁹⁴. Таким образом, говоря словами великого русского революционного демократа Н. А. Добролюбова, царское управление на Кавказе «не было совершенно сообразно с местными потребностями и отношениями»⁹⁵.

Кроме того, отрицательно сказывалось на экономической жизни и, следовательно, политическом устроении горцев то обстоятельство, что русские купцы пока что не могли удовлетворить их потребности в предметах первой необходимости. Генерал А. А. Вельяминов писал: «Впрочем, не должно думать, чтобы для горцев купцы наши заменили турецких, по крайней мере на долгое еще время». Далее он подчеркивал, что последние этим пользуются⁹⁶, а горцы не могут обойтись без торговли, без приобретения таких предметов, как соль, железо, оружие и пр.⁹⁷ Даже в 1840 году Н. Н. Раевский указывал на продолжающуюся безынициативность русских купцов и высказывался против «странного способа» снабжения «русскими произведениями» Закавказья. Он предлагал правительству, поощряя развитие торговли на берегах Абхазии и Черкессии, предоставить русским купцам и ремесленникам, желающим переселиться туда, льготы, чтобы привлечь к экономическому развитию края «достойных негоциантов»⁹⁸.

⁹¹ Г. И. Филипсон. Воспоминания, с. 173.

⁹² АКАК, т. IX, ч. I, с. 505, № 434.

⁹³ «Архив Раевских», т. III, СПб., 1910, с. 342.

⁹⁴ Цит. по: А. В. Фадеев. О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе в XIX веке. — «Вопросы истории», 1955, № 6, с. 74.

⁹⁵ Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. IV, М., 1937, с. 155.

⁹⁶ Порты азиатской части Турции имели довольно прочные связи с восточными берегами Черного моря, куда вывозились разные товары. Достаточно сказать, что до 1834 года только в одном Суджук-Кале (будущий Новороссийск) находилось 150 турецких лавок, торговавших «красным товаром». Многие местные феодалы и богатые старшины также активно занимались торговой деятельностью, а отдельные из них, как, например, убухские старшины, имели собственные суда, которые совершали регулярные торговые рейсы в Турцию и вдоль Черноморского побережья Кавказа (М. В. Покровский. Русско-адыгские торговые связи. Майкоп, 1957, с. 12).

⁹⁷ АКАК, т. VIII, ч. II, с. 644—645, № 557 (Отношение ген. Вельяминова от 14 июля 1836 г. кн. Воронцову).

⁹⁸ АКАК, т. IX, ч. I, с. 474, № 414.

Положение осложнялось еще и тем, что, если такие прогрессивные для своего времени деятели, как Н. Н. Раевский, понимали необходимость широкого развития торговли с горцами и вообще установления с ними «мирных сношений»⁹⁹, то официальная политика на Кавказе, по словам того же Раевского, заключалась «в пагубных военных действиях»¹⁰⁰. Правда, для экономического завоевания кавказских районов российским капитализмом тогда еще не имелось необходимых предпосылок. Путь от Москвы, например, до Тифлиса на лошадях требовал около месяца. Кавказские горы были ареной ожесточенной войны. Без сильного военного конвоя нельзя было и думать провезти по горным ущельям обоз, груженный товарами. Главное же заключалось в том, что русская буржуазия была еще слаба, чтобы завладеть закавказским рынком¹⁰¹. Но и ту торговлю, которая велась, в частности на Западном Кавказе, царизм пытался превратить в орудие своей колониальной экспансии¹⁰². Вообще, как известно, колониальная политика царизма являлась фактором, весьма существенно тормозившим развитие производительных сил Кавказского края¹⁰³. Надо сказать, что царское правительство, опровергая «программу» «духа» Н. Н. Раевского, порой само старалось создать видимость мирной, благожелательной деятельности учреждением меновых дворов и т. д.¹⁰⁴ Такую мысль, как уже отмечалось, активно высказывал новороссийский генерал-губернатор граф М. С. Воронцов¹⁰⁵. Это было рассчитано на то, чтобы пригласить социальную борьбу, «расположить» кавказские народы к себе, по выражению того же Воронцова, «успокоить враждебный их дух»¹⁰⁶.

Нельзя не отметить и роль православной религии. В целях своей великодержавной политики царизм усиленно насаждал ее повсюду на Кавказе под видом «восстановления христианства». Это была своеобразная идеологическая работа среди тех народов края, где еще не совсем укрепилась христианская вера или произошло ее ослабление, которую проводило, наряду с военными действиями, царское правительство. В Абхазии, например, в 1851 году были учреждены духовная миссия и архиерейская кафедра, состоявшие в ведении Синода через посредство Кавказского экзархата¹⁰⁷. Тогдашний наместник Кавказа М. С. Воронцов в связи

⁹⁹ Там же, с. 471.

¹⁰⁰ Там же, с. 505, № 434.

¹⁰¹ «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. IV, с. 391.

¹⁰² См.: М. В. Покровский. Русско-адыгейские торговые связи, Майкоп, 1957.

¹⁰³ З. В. Анчабадзе. Очерки экономической истории Грузии первой половины XIX века. Тбилиси, 1956, с. 37.

¹⁰⁴ Т. Х. Кумыков. Вовлечение Северного Кавказа во Всероссийский рынок. Нальчик, 1962, с. 26.

¹⁰⁵ См.: «Русский архив», 1894, вып. 6, с. 218, 228 и др.

¹⁰⁶ Там же, с. 228.

¹⁰⁷ АКАК, т. X, ч. II, с. 899; ГАКК, ф. 260, оп. 1, св. 151, д. 1203, лл. 1, 6; ПСЗРИ, 1851, т. XVI. СПб., 1852, № 25233.

Впоследствии, в 1869 году, Абхазская епархия указом Синода была времен-

с этим выражал надежду «на великие успехи... для того полезного в политическом виде влияния, которое мы в этих диких горах и плоскостях всегда должны получать от распространения нашей веры»¹⁰⁸. Однако методы и цель достижения этих «великих успехов», как и вся система действий и планы царизма, вопреки официальным утверждениям, только препятствовали действительно великому делу тесного сближения местного населения с русским народом. Даже такой типичный царский колонизатор на Кавказе, как генерал Д. И. Святополк-Мирский, выражал недовольство по поводу деятельности русских миссионеров и результатов их деятельности: «По недостатку у нас нравственных элементов для такой деятельности все наши попытки в этом деле имеют какой-то характер, смею сказать, недостойный такой высокой и священной цели, и поэтому вместо успеха возбуждают часто лишь справедливые нарекания и ненависть. В Абхазии по этому вопросу случилось и случается то же, что и везде»¹⁰⁹.

Отдельные церковники по своей алчности не уступали тем чиновникам, о которых говорилось выше. Девяностолетний дурипшский крестьянин рассказывал: «Пользуясь темнотой нашей, стали они (священники. — Г. Д.) изощряться, как бы извлечь от нас доходы, казенного жалованья им было мало»¹¹⁰. Показательно, что верными помощниками русских миссионеров были абхазские князья и дворяне. Надо сказать, что антирусские элементы, в частности турецкие агенты, стремившиеся воспользоваться вообще любым промахом русских властей, старались использовать неблагоприятное поведение церковников.

Следует также подчеркнуть, что вся система национально-колониальной политики царизма являлась неразрывной частью его реакционной внутренней политики, направленной на сохранение крепостного права и соответствующего ему режима управления. Активизация политики царского правительства на окраинах в рассматриваемое время была связана тесно со стремлением развивать эти феодально-крепостнические отношения вширь, а также обеспечить отечественную промышленность новыми рынками сбыта и источниками сырья¹¹¹. Проведение такой политики на Кавказе диктовалось еще и тем, что, несмотря на важное военно-стратегическое значение данного района, Россия практически не могла использовать его в экономическом отношении вплоть до второй по-

но присоединена к Имеретинской епархии, а в 1885 году выделена под названным Сухумской. Причем в ее состав входила не только современная Абхазия, но и значительная часть остальной приморской территории Северо-Западного Кавказа, включая г. Новороссийск (М. И. Тарнава. Краткий очерк истории абхазской церкви. Сухум, 1917, с. 17—18).

¹⁰⁸ АКАК, т. X, ч. I, с. 231, № 238.

¹⁰⁹ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 160.

¹¹⁰ «Сотрудник Закавказской миссии». Сухум, 1914, № 1, с. 13—16.

¹¹¹ А. В. Фадеев. Россия и Кавказ первой., с. 74.

ловины XIX века¹¹². Утверждение и упрочение военно-административного аппарата царизма на Кавказе, превращение его в колонию осуществлялось, как говорилось выше, крайне жестокими мерами. А это обстоятельство в свою очередь вызывало разворачивание борьбы кавказцев, той борьбы, которая была направлена своим острием, в первую очередь, именно против насаждения колониально-крепостнических порядков. Свободолюбивые горцы Кавказа в этой справедливой борьбе, протекавшей временами в острой и сложной форме, вынуждены были пытаться использовать всякую возможность и помощь. И делали они это, разумеется, вовсе не ради того, чтобы подчинить свою родину Турции или любому другому иностранному государству. Кстати, даже русские дворянско-буржуазные историки подчеркивали, что горцы не имели намерения присоединиться к Турции¹¹³. Не случайно поэтому К. Маркс и Ф. Энгельс, которым прекрасно были известны внешнеполитические связи кавказских горцев, не осуждали их за это.

Таким образом, царские генералы и дипломаты в силу своей социальной ограниченности, крепостнической природы, движимые личными эгоистическими интересами, упорно придерживаясь военно-феодальных методов «усмирения», отбрасывали возможность мирного решения вопроса о кавказских горцах. А этим не преминули воспользоваться английские и турецкие правящие круги. Последние все еще выпинали территориальные претензии, стремясь овладеть всем Кавказским побережьем¹¹⁴. Для англо-турецких колонизаторов и работорговцев было крайне желательно продолжение войны на Кавказе, где они стремились установить свое господство. Поэтому с их стороны было больше разговоров о помощи горцам, чем реальной поддержки.

Кроме того, надо иметь в виду, что в первой половине XIX века отдельные регионы Кавказа резко различались по своему социально-экономическому и политическому строю и уровню культурного развития. Следовательно, необходимо учитывать специфику социально-экономической структуры общества того или иного народа этого необыкновенно сложного края. Абхазия в этом отношении может быть ярким примером. Даже к моменту крестьянской реформы она оставалась, по существу, страной господства феодальных отношений и натурального хозяйства с весьма слабым развитием торговли и городской жизни, хотя в ней и наметились некоторые элементы товарно-денежных отношений. Причем в горной полосе процесс феодализации, можно сказать, еще не был завершен. В стране пока сохранились родовые пережитки и патри-

¹¹² М. М. Блиев. О времени присоединения народов Северного Кавказа к России. — «Вопросы истории», 1970, № 7, с. 53.

¹¹³ А. Д. Даниялов. О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. — «Вопросы истории», 1966, № 10, с. 22.

¹¹⁴ «Внешняя политика России XIX и начала XX века», серия 1, т. VIII. М., 1972, с. 248, 430, 439, 501, 617.

архально-общинные традиции, хотя они в значительной степени были феодализированы. Наличие уже разлагающегося патриархально-общинного уклада наряду с отживающим институтом домашнего рабства и категории свободного крестьянства и составляли, главным образом, особенности социальных отношений феодальной Абхазии XIX века¹¹⁵ по сравнению с ведущими районами Грузии и Закавказья в целом.

В дореформенной Абхазии существовало довольно четкое классовое разделение населения с более или менее ясно очерченными правами и обязанностями каждого сословия. Причем эта социальная иерархия характеризовалась значительным числом ступеней. Феодальная знать была представлена двумя основными сословиями — князьями (тавады) и дворянами (аамста), которые, в свою очередь, подразделялись на категории. Для феодального землевладения было характерно соединение собственности на землю с политическими правами в отношении феодально-зависимого населения.

Крестьяне по своему правовому и экономическому положению также делились на категории. Основной из них являлись анхаю, составлявшие преобладающую массу всего населения страны (около 80 проц.), следовательно, «ядро» абхазского народа, главный производительный его элемент. Они хотя и давно не составляли однородной и устойчивой массы, но в целом занимали относительно лучшее положение по сравнению с другими категориями зависимых людей (ахоую — собственно крепостные, ахашвала или атвы — рабы и т. д.), а их некоторая часть, по существу, не была еще закрепощена. Эти крестьяне в известной мере обладали частной собственностью и вели самостоятельное хозяйство в рамках своеобразной абхазской сельской общины. В горных же районах страны процесс феодализации оставался незавершенным.

Патриархально-родовые пережитки переплетались с феодальными отношениями и, как уже подчеркивалось, оказывали влияние на всю сферу экономического развития и классовых отношений, маскируя действительные отношения между помещиками и крестьянами, которые являлись в сущности феодальными. Всевозможные повинности крестьян, присвоение помещиками прибавочного труда или продуктов непосредственных производителей часто выступали в форме «взаимопомощи», «подарков», «гостеприимства» (асасство), воспитания детей (аталычество) и т. д. Обратимся, например, к последнему обычаю. Видоизменив в своих интересах смысл древнего обычая аталычества, абхазские феодалы отдавали своих детей на воспитание в крестьянские семьи¹¹⁶, чтобы теснее привязать их к себе и обеспечить выполнение ими фактически феодальных повинностей. Отсюда и понятно, почему так часто

¹¹⁵ Подробнее об этом см.: Г. А. Дандзария. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии (до крестьянской реформы 1870 г.). Сухуми, 1958.

¹¹⁶ Речь идет главным образом о высшем слое категории крестьян — анхаю.

между феодалами происходила борьба за воспитателей — аталыков. Причем пользовавшихся особой «известностью» феодалов признавали нередко многие общины, «усыновляя» и принимая на воспитание их детей и родственников, и таким образом эти помещики «увеличивали влияние на дела края»¹¹⁷. Эти и другие пережитки дофеодального быта, как увидим дальше, сыграли роковую роль в истории абхазского махаджирства.

Царское правительство, осуществляя колониальную политику, носившую сугубо классовый характер, старалось найти социальную опору в местной феодальной знати, почему и поддерживало ее эксплуататорские права в отношении крестьянства. Эти феодалы широко использовались и в проведении политики разжигания национальной вражды¹¹⁸. М. С. Воронцов, наместник на Кавказе в 1844 — 1856 годах, свою пресловутую политику полного слияния окраины с империей проводил именно через создание социальной опоры в верхах местного дворянства¹¹⁹. Малограмотным и даже неграмотным князьям и дворянам присваивались офицерские и генеральские звания, выдавались крупные единовременные денежные пособия, устанавливалось высокое жалованье из казны, вручались награды и подарки. Возьмем для примера владельца Абхазии Михаила Шервашидзе (Чачба), о котором наместник Кавказа, великий князь Михаил Николаевич, в 1864 году писал: «Правительство наше осыпало его щедрыми наградами — награждало всех, кого он желал, без суда отправляло в ссылку тех, кто казался ему опасным. Благодаря этой поддержке, власть кн. Шервашидзе, прежде весьма шаткая и неопределенная, сделалась вполне неограниченной...»¹²⁰. А за 30 лет до этого, в апреле 1834 года, барон Г. В. Розен с грубой откровенностью писал абхазскому владельцу: «Что с вами будет, если сильная Российская держава, доставившая в Абхазии дому вашему первенство и всеми средствами поддерживающая вас, откажется от оказываемого покровительства, без которого вы и существовать не можете?»¹²¹. М. Шервашидзе был удостоен званий генерал-лейтенанта и генерал-адъютанта. Помимо денежного вознаграждения за таможенные доходы, ему была пожалована ежегодная аренда в 10 тыс. рублей¹²². Звание генерал-майора имел и его отец — владелец Абхазии Георгий Шервашидзе. Другой крупный абхазский феодал — Кац Маргания (Маан), являвшийся правой рукой Михаила Шервашидзе во всех его делах, будучи совершенно неграмотным человеком, также

¹¹⁷ А. П. Черепов. Краткие заметки о сословиях и взаимных отношениях жителей Бзыпского округа Абхазии [1866 г.]. — «Исторический архив», 1950, V, с. 403.

¹¹⁸ См.: Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. IV, с. 142; Н. Ф. Грабовский.. Ингуша. — ССКГ, 1876, вып. IX, с. 11.

¹¹⁹ СИЭ, т. 3, с. 711.

¹²⁰ ЦГИАГ, ф. 416, д. 177, л. 12.

¹²¹ АКАК, т. VIII, ч. I, с. 447, № 325.

¹²² ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1213, л. 1 об.

достиг чина генерала русской армии, не говоря уже о многочисленных орденах и других знаках отличия, которыми осыпали его в течение десятилетий¹²³.

Однако царизм в то же время старался постепенно ограничить права Абхазского княжества, так же как Мегрельского и других политических единиц Западной Грузии, и при помощи владельца влиял на его внутреннюю жизнь. Не случайно исследователь Кавказа В. Н. Григорьев «общего абхазского владельца» называл «назначенным» царским правительством¹²⁴, а граф Н. П. Игнатьев — подчиненным «высшим распоряжениям местного русского начальства»¹²⁵. В ряде случаев речь шла не только об ограничении политических привилегий местных феодалов, но и о проявлении к ним великодержавно-презрительного отношения. Кроме того, многие из князей и дворян лишались таких важных источников своего обогащения, как набеги на соседей и работорговля. Эти феодальные круги, часть из которых к тому же давно придерживалась турецкой ориентации вследствие религиозной общности, материальной заинтересованности в торговых отношениях с Османской империей и т. д., становились в оппозицию к «новому порядку» в крае. Они пытались использовать недовольство народных масс колониальными методами управления.

Между тем русско-турецкие противоречия на Кавказе все более осложняются русско-английскими отношениями. За спиной Османской империи неизменно стояла буржуазная Англия. Это и понятно. В XIX веке Кавказ, как уже подчеркивалось, приобрел значение одной из важнейших позиций в борьбе европейских держав за преобладание в районе Черного моря и Передней Азии; предметом особого внимания Кавказ делали и его природные богатства. В рассматриваемой конкретной обстановке английские дипломаты, стремясь помешать утверждению России на Черноморском побережье, всемерно поддерживали требование ревизии Бухарестского трактата и вообще реваншистские устремления султанской Турции на Кавказе. Турецкие же феодалы еще долго строили несбыточные планы возвращения Оттоманской империи к границам XVII—XVIII веков. Русский посланник в Константинополе Г. А. Строганов в письме от 2 декабря 1818 года на имя главнокомандующего на Кавказе А. П. Ермолова подчеркивал, что активизация враждебных действий Турции была обусловлена внушениями «завистливых держав, особливо Англии...»¹²⁶. Последняя

¹²³ Между прочим, на полях одного документа за 1844 год, в котором упоминаются К. Б. Маргания и некоторые другие абхазские феодалы, Николай I по поводу первого написал: «Я его лично знаю» (ЦГВИА, ф. ВУА, 1844 г., д. 6540, лл. 2—8).

¹²⁴ В. Н. [Григорьев]. Абхазия. — Энциклопедический лексикон, т. I (А—Алм.), СПб., 1835, с. 56.

¹²⁵ Лекции Н. П. Игнатьева в Военной академии Генштаба по Кавказу (1852 г.). — ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1, д. 21, л. 86.

¹²⁶ АКАК, т. VI, ч. II, с. 414, № 736.

рассматривала Турцию как серьезную силу для ослабления России на Кавказе.

Английские дипломаты добивались пересмотра и Гюлистанского договора¹²⁷.

Однако царское правительство в начале 20-х годов еще не проявляет решительности в вопросе о кавказских границах. Более того, оно готово было даже пойти на известные уступки. Так, в 1820 году управляющий Министерством иностранных дел К. В. Нессельроде высказал мнение о том, что поскольку пребывание русского гарнизона в Сухуме является основанием для обвинений России в невыполнении Бухарестского трактата, лучше было бы совсем оставить эту крепость и вывести русские войска из Абхазии¹²⁸. Только вследствие резкого протеста генерала А. П. Ермолова¹²⁹ это предложение не получило «высочайшего одобрения». Причем Ермолов еще до этого предполагал, напротив, усилить гарнизон Сухумской крепости и соорудить новое русское укрепление в Гаграх для противодействия иностранным державам на Черноморском побережье.

В 1821 году в Абхазии вспыхнуло восстание, которое еще больше осложнило положение в крае. Это стихийное движение масс антиколониального характера пытались возглавить и использовать в своих целях враждебные России феодально-клерикальные элементы, главным образом, протурецкой ориентации. В нем приняли участие и те представители местной феодальной знати, которые были возмущены грубым вмешательством царской военной администрации во внутренние дела Абхазского княжества. Турецкие паши в Потти и Трапезунде, быстро среагировав на события в Абхазии, немедленно перебросили сюда Асланбея Шервашидзе, снабдив его оружием и деньгами¹³⁰. Сам Асланбей не только не скрывал, но, напротив, всячески подчеркивал, что он пользуется покровительством и поддержкой турецкого султана. Он уверял народ, что имеет фирман от султана Махмуда II об утверждении его «абхазским беем». Асланбей, кроме того, распускал провокационные слухи о том, что будто бы русский посланник в Константинополе заявил о согласии царя вывести войска из пределов Абхазии. Тем самым отцеубийца имел в виду ослабить политическое влияние тех своих противников из рядов местной знати, ко-

¹²⁷ Ц. П. Агаян. Роль России в исторических судьбах армянского народа. М., 1978, с. 193.

¹²⁸ А. В. Фадеев. Россия и восточный кризис..., с. 101.

¹²⁹ См.: АКАК, т. VI, ч. I, с. 652—654, № 932 (Рапорт ген. Ермолова от 16 июля 1820 г. гр. Нессельроде).

¹³⁰ Обращал на себя внимание и такой факт. Когда в связи с рассматриваемым движением Хасанбей Шервашидзе, младший брат Асланбея, был удален в Сибирь, трапезундский сераскир Хаджи Салах-паша потребовал от генерала А. П. Ермолова немедленно освободить его и прислать в Трапезунд, что дало последнему «право заключать о тайных действиях сераскира» в Абхазии (АКАК, т. VI, ч. I, с. 656, № 936. Письмо Ермолова от 28 июня 1821 г. Строганову).

торые придерживались русской ориентации¹³¹. Однако, несмотря на все усилия, Асланбею и на этот раз не удалось собрать достаточно крупные силы. Он вынужден был пополнить свои банды за счет наемников, завербованных с помощью анапского пашы и некоторых черкесских феодалов. Но этого оказалось совершенно недостаточно, чтобы овладеть Сухумской крепостью. Сторонники Асланбея и в целом участники движения были разбиты военным экспедиционным отрядом генерала М. Д. Горчакова. В ходе этой операции последний действовал типичными для царского администратора военно-феодалными методами. По свидетельству участника экспедиции, грузинского историка Нико Дадзиани, войска «совершенно сожгли и опустошили» Сухум и его окрестные деревни, не пощадив даже дворца владетельных князей¹³². В северо-западной части Абхазии, на левом берегу р. Бзыбь, царские войска также «опустошили много места и взяли добычу», а для «устройства» населения повесили двух повстанцев¹³³.

С конца 1821 года обстановка обострилась и на Кубани по причине углубления русско-турецких противоречий в связи с помощью России Греции, где в это время развернулось национально-освободительное движение, направленное против турецкого деспотизма. Как писал один дореволюционный автор, на Кубани «мелкие набеги стали принимать характер уже открытых вторжений. Турецкая пропаганда на Кавказе приняла весьма опасный характер, а занятие Кабарды русскими войсками дало еще больший толчок этому движению. Турция не могла не понимать, что покорение Кабарды есть первый шаг к покорению Черкесии, а в ее планы не входило уступить России обладание страной, богатой и дарами природы и воинственным населением, выставлявшим превосходнейшую легкую конницу»¹³⁴. Анапский паша продолжал с большим «радушием и даже почетом» принимать всех бежавших от царских властей кабардинских князей и селить их на Урупе, в ближайшем соседстве от границ русских владений. А эти «гордые, отважные князья», «оскорбленные в своем достоинстве», «пылали мщением к России, и охотно становились во главе всякого военного предприятия, принимая на себя предводительство партиями»¹³⁵. Кстати, у анапского пашы убежище нашел и Асланбей Шервашидзе.

В 1824 году в Абхазии снова вспыхнуло пламя восстания. Снова вмешивается в «дело» Асланбей, прибывший на турецком корабле из Анапы. Генерал Горчаков во главе еще более крупного экспедиционного отряда был направлен в «мятежную» страну. Вдохно-

131 А. В. Фадеев. Россия и восточный кризис., с. 102—103.

132 Н. Дадзиани. История Грузии. — СМОМПК, 1902, т. 31, с. 101.

133 Утверждение русского владычества на Кавказе. Под ред. В. А. Потто, т. III, ч. 2. Тифлис, 1904, с. 556.

134 Там же, с. 101.

135 Там же.

витель жестокой колониальной политики на Кавказе генерал А. П. Ермолов предписал ему действовать «в оной огнем и мечом.., шадя лишь дом владетеля...»¹³⁶. И снова запылали целые деревни. Асланбей Шервашидзе, «проклинаемый всеми и всюду преследуемый, бежал в Турцию»¹³⁷. Абхазские крестьяне не пошли за турецким ставленником, а другого руководителя у них пока не было. Вместе с тем размах движения напугал и тех феодалов, которые вначале примкнули к нему. Не случайно вскоре после подавления этого восстания 130 абхазских князей и дворян принесли торжественную присягу на «верность» русскому царю¹³⁸. Но многие из них последовали за Асланом, причем со «своими людьми», как и в 1821 году, когда тот одних «заложников» увел 56 человек.

Начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Л. М. Серебряков впоследствии (1852 год) дал восстанию 20-х годов в Абхазии такую оценку: «Оно не только было направлено против русского (царского. — Г. Д.) владычества, но имело вместе с тем преимущественно характер революции низших сословий против господствующего класса в Абхазии»¹³⁹. Подобные восстания в 20-х годах имели место и в других районах Кавказа — в Имеретии и Гурии (Западная Грузия), Кабарде, Чечне и Адыгее.

Правящие круги Турции и Ирана пытались максимально использовать в своих интересах новый подъем народно-освободительного движения на Кавказе. Во второй половине 20-х годов еще больше активизируются, в частности, действия турецких агентов на Западном Кавказе; как писал командующий русскими войсками на Кавказской линии генерал Г. А. Эмануэль 17 июля 1828 года графу Паскевичу, «распространившись по разным владениям, они стараются возбудить в народе ненависть» к России¹⁴⁰. А сераскир Аналы Осман-паша «по воле своего государя» послал в Абхазию Ахмед-пашу «управлять этой страной» и вооружить ее население против русских. Орудовали здесь и другие турецкие агенты, в том числе тот же Асланбей Шервашидзе, кстати, получавший от султана «пожизненный пенсион»¹⁴¹. Вместе с тем продолжалась переброска сюда контрабандным путем оружия и боеприпасов непосредственно из Турции. Так, в июне 1829 года русский корвет захватил судно, шедшее из Трапезунда, в котором оказалось много «военных снарядов» и 26 конвертов с «турецкой надписью», адресованных разным лицам. Судно пригнали в Сухум, где его груз сдали местному коменданту¹⁴².

¹³⁶ АКАК, т. VI, ч. 1, с. 635, № 909 (Письмо ген. Ермолова от 21 июня 1824 г. кн. Левану Дадзиани).

¹³⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 23678, лл. 1—49 (Восточный берег Черного моря. Историческое описание).

¹³⁸ А. В. Фадеев. Россия и Кавказ., с. 258.

¹³⁹ ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 745, лл. 14—22.

¹⁴⁰ АКАК, т. VII, ч. II, с. 880, № 850.

¹⁴¹ Там же, с. 886, № 859 (Записки гр. Паскевича).

¹⁴² «Шамиль...», с. 9, № 11.

Одним словом, «турки настойчиво и систематически стремились утвердить свое влияние по всему европейскому берегу Черного моря; но так как это касалось насущных интересов России, неизбежны были столкновения, разрешение которых кончалось войнами России с Турцией»¹⁴³. Речь идет о русско-турецкой войне 1828—1829 годов, в результате которой «спорный вопрос» о прибрежных землях был окончательно решен. Адрианопольский трактат 1829 года санкционировал притязания России на Кавказ. Статья четвертая этого договора гласила, что «весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани св. Николая (Шекветили. — Г. Д.) включительно пребудет в вечном владении Российской империи»¹⁴⁴. Другими словами, Османская империя лишалась всех опорных пунктов на Черноморском побережье Кавказа, включая Анапу и Поти. Причем за Россией закреплялось побережье, которое включало в себя территории Абхазии и Мегрелии, присоединенные еще по Бухарестскому миру 1812 года. Таким образом, в итоге новой русско-турецкой войны политическая обстановка на Западном Кавказе существенно изменялась в пользу России¹⁴⁵. А еще до этого, в 1828 году, в Туркманчае был заключен мир с Ираном. Завершился длительный и сложный процесс присоединения Закавказья к России¹⁴⁶. Все это являлось крупной дипломатической победой России, упрочившей ее позиции на Востоке, вопреки претензиям и препятствиям Англии и Франции¹⁴⁷.

Что касается Турции, то условия Адрианопольского мира не только пресекали ее военную экспансию в указанном направлении, но и подрывали ее экономическое и политическое влияние на Западном Кавказе. Наносился удар процветавшей здесь ранее рабо-

¹⁴³ С. Эсадзе. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Тифлис, 1914, с. 19.

¹⁴⁴ РСЗР, т. IV, 1829. СПб., 1830, с. 625; № 3128 [Т. Юзефович]. Договоры России с Востоком. СПб., 1869, с. 74.

¹⁴⁵ Подробнее см.: В. И. Шеремет. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975.

¹⁴⁶ В результате указанных войн к России, кроме отмеченной территории, отошли Эриванское и Нахичеванское ханства, крепости Ахалцих и Ахалкалаки. Но Юго-Западная Грузия и Западная Армения оставались в пределах Османской империи, а Южный Азербайджан — в составе Ирана. Следует также отметить, что результатом действий Ермолова было подчинение почти всего Дагестана, Чечни и Закубанья. Кроме того, в 1828 году, в связи со строительством Военно-Сухумской дороги, была присоединена Карачаевская область (А. Г. Кавтарадзе. Кавказская война 1817—1864. — БСЭ, изд. 3-е, т. 11, с. 119).

¹⁴⁷ Русско-турецкие и русско-иранские войны первой трети XIX века носили несправедливый, захватнический характер с обеих сторон, соперничавших за обладание Кавказом. Но для народов Закавказья эти войны были освободительными, так как только в результате победы России в указанных событиях они могли спастись от угрозы порабощения и физического уничтожения со стороны феодально-отсталых деспотий Востока. Поэтому, естественно, закавказские народы в этих войнах принимали активное участие на стороне России. Так, во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. при взятии Поти мегрельская милиция участвовала в составе 1 500 чел., а в Батумской операции приняла участие 1 315 чел. гурийской милиции (შ. ჯგერე ლეძე. საქართველო აღმოსავლეთის ომებში. თბილისი, 1974. გვ. 11).

торговле, а также меновой торговле самшитом, пушниной, кожей и проч., которая велась на береговых базарах с приезжавшими из Анатолии купцами. Неизбежно было падение политического престижа и протурецки настроенных феодально-клерикальных элементов среди широкой массы населения. Это относилось также к влиянию ислама, «которое и без того не было прочным» на Западном Кавказе¹⁴⁸.

На все это враждебные России силы отвечали усилением пропаганды среди горцев, в результате чего в 1829—1830 годах последовало новое переселение в Турцию, которое на Абхазид, в частности, отразилось существенно — 10 тысяч человек, если верить сообщению З. И. Чичинадзе¹⁴⁹.

Кавказские горцы не признали Адрианопольского трактата. Во-первых, потому, что он был заключен без их участия. Во-вторых, и самое главное, подавляющее большинство горцев никогда не считало себя подданными, в полном смысле этого слова, турецких султанов. Говоря словами историка Ф. А. Щербины, они «не признавали чужой власти над собою и терпели турок как единоверцев, а не владетелей»¹⁵⁰. И, действительно, в политическом и культурно-экономическом отношении зависимость кавказских горцев от Османской империи была больше номинальной, чем фактической¹⁵¹. Таким образом, «Адрианопольским трактатом Османская Порта уступала России права свои на кавказские племена, обитающие по восточному берегу Черного моря, — права, которых до того никто из горцев не признавал, и Порта никогда не имела в сем крае средств, достаточных для их поддержания»¹⁵². Следовательно, как писал К. Маркс, «Турция не могла уступить России то, чем не владела сама»¹⁵³. Далее он подчеркивал, что «Черкесия всегда была настолько независима от Порты, что даже в те времена, когда в Анапе еще находился турецкий паша, Россия заключила несколько соглашений с черкесскими вождями о прибрежной торговле...»¹⁵⁴.

Но горские народные массы не желали власти и российских императоров, олигархов на Ермоловых, Зассов, Горчаковых и Муравьевых — на этих жестоких «покорителей» Кавказа. Жители окрестностей Адлера (Лиашв и др.) — садзы (джигеты) в письме к генералу А. М. Симборскому от июля 1837 года писали: «Если

¹⁴⁸ А. В. Фадеев, *Россия и Кавказ*, с. 338—339.

¹⁴⁹ ზ. ი. ჩიჩინაძე, *ქართველ მშობლივთ დიდ გლეხებზე, მშობლები*, გვ. 169.

¹⁵⁰ Ф. Щербина, *История Кубанского казачьего войска*, т. II. Екатеринбург, 1913, с. 296.

¹⁵¹ М. С. Тогоев, *К вопросу о переселении осетин в Турцию (1859—1865 гг.)*. — *Известия Северо-Осетинского НИИ. Дзауджикау*, 1948, т. XIII, вып. I, с. 24.

¹⁵² АВПР, ф. Турецкий стол (старый), оп. 502 а, 1831—1868 гг., д. 4504, л. 14. (Копия с рап. командиру Отдельного Кавказского корпуса от 6 ноября 1843 г. и д. начальника Черноморской береговой линии).

¹⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 9, с. 417.

¹⁵⁴ Там же, с. 418.

вы (царские власти. — Г. Д.) говорите, что ваш падишах дал вам эти горы, он нас не уведомил, что отдал вам нас лично; и если бы мы знали, что эти земли вам отданы, то мы не остались бы на них жить»¹⁵⁵. А черкесы в следующем году ему же писали: «Вы говорите, что по Адрианопольскому миру земля наша вам отдана; но это несправедливо; мы с незапамятных времен ничьими рабами не были; неужели впредь мы ими будем?»¹⁵⁶. Отказываясь от повиновения царским колонизаторам, горцы Кавказа решались с оружием в руках отстаивать свою независимость. Недаром генерал А. А. Вельяминов войну на Кавказе сравнивал с «осадой обширной и сильной крепости, где с успехом можно продвигаться вперед только шаг за шагом»¹⁵⁷. Вскрывая подлинные причины возникновения, затяжного и самоотверженного характера борьбы горцев против царского господства на Кавказе, Н. А. Добролюбов писал: «...Едва ли нужно прибегать к чуду для того, чтобы растолковать причины непрерывной ненависти свободных горских племен к русскому владычеству. Все дело разрешается гораздо проще: во-первых, ненависть к чужому господству вообще сильна была в горских племенах; во-вторых, наше управление на Кавказе не было совершенно сообразно с местными потребностями и отношениями»¹⁵⁸.

Если до заключения Адрианопольского мира царское правительство, опасаясь внешнеполитических осложнений, особенно с Англией, не преследовало широких наступательных операций (война с Ираном и Турцией сорвали осуществление плана «покорения» Кавказа, разработанного А. П. Ермоловым), то теперь, когда упрочилось положение России на Ближнем Востоке и укрепились ее позиции на Черном море и Кавказе, николаевская дипломатия подготовила почву для утверждения колониальной администрации силой оружия на всей территории между Кубанью и берегом Черного моря. Отныне вопрос ставился категорически: полная «покорность» горцев или их физическое истребление. Так и сформулировал свою политику на Кавказе Николай I в упомянутом выше рескрипте на имя графа Паскевича после окончания русско-турецкой войны 1828 — 1829 годов. Поздравляя по этому поводу своего фаворита, он писал: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее — усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»¹⁵⁹. Царское правительство именно после заключения Адрианопольского мира, который оно считало юридическим основанием для упрочения своей

¹⁵⁵ АКАК, т. VIII, ч. II, с. 877, № 754.

¹⁵⁶ Там же, т. IX, ч. I, с. 455, № 395.

¹⁵⁷ С. Духовский. Материалы для описания войны на Западном Кавказе. — «Военный сборник», 1864, № 11, с. 145.

¹⁵⁸ Н. А. Добролюбов. Поли, собр. соч., т. IV. М., 1937, с. 143—144.

¹⁵⁹ Цит. по: Шербатов. Указ. соч., с. 230.

власти над кавказскими народами, приступило, притом немедленно, к разработке широкого плана «покорения» горцев, которым предусматривалась целая серия военно-политических экспедиций. Следовательно, присоединение территории, находившейся между Кубанью и берегом Черного моря, мыслилось в Петербурге не иначе, как в форме завоевания.

В отношении Грузии правительство Николая I могло теперь меньше считаться с местными феодалами. Еще в 1810 году было упразднено Имеретинское царство, а в 1828 году подчинено власти российского царя и Гурийское княжество. Тогда же граф Паскевич начал во всех административных органах заменять грузинских дворян русскими чиновниками и жаловаться царю, что в Грузии «существует смещение законов грузинских с русскими». Проводившие ревизию Закавказского края сенаторы Е. И. Мечников и П. И. Кутайсов также высказывались за введение здесь русского управления и общеимперских законов¹⁶⁰.

В феврале 1830 года была предпринята военная экспедиция в Джарскую и Белаганскую области, завершившаяся для царизма успешно. Однако тем временем обстановка на Кавказе в целом накалилась. В Дагестане и Чечне широкий размах приняло мюридистское движение. Заволновались и закубанские горцы. Подобные факты, а также то, что возвращение русских войск с турецкого фронта задержалось, вынудили Паскевича отказаться от прежнего, ермоловского плана — планомерного продвижения с закреплением занятых территорий¹⁶¹ — и вернуться в основном к тактике отдельных карательных экспедиций, пятая из которых падала на Абхазию. При этом царская администрация делала вид, что эти походы вызывались «поведением» горских народов и имели целью покончить с «хищничеством и грабежом», которыми якобы занималось местное население¹⁶². Социальные верхи горцев, по крайней мере, известная их часть, всячески стремилась войти в союз с царской администрацией. Согласно указанному плану, все военные экспедиции предполагалось осуществить к августу 1830 года, т. е. до возвращения пехотной дивизии с турецкого фронта, после чего Паскевич собирался приступить к основной военной операции — «покорению» Чечни. Но не все то, что предусматривалось планом Николая I и Паскевича, осуществилось в 30-х годах. Французский ученый и путешественник Фредерик Дюбуа де Монперэ, посетивший Кавказ как раз в этом десятилетии, утверждал, что когда Паскевич покинул Кавказ, «почти не было заметно никаких успехов в достижении этого грандиозного проекта»¹⁶³. Как известно,

¹⁶⁰ «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. IV, с. 383.

¹⁶¹ Это достигалось путем окружения горных районов сплошным кольцом укреплений с прорубкой просек в труднопроходимых лесах, прокладкой дорог и разрушением «непокорных» аулов.

¹⁶² М. М. Бляев. Указ, соч., с. 54—55.

¹⁶³ Фредерик Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа, т. I. Сухуми, 1937, с. 64.

Кавказская война затянулась и закончилась лишь в 60-х годах.

Это относится, в частности, и к «Абхазской экспедиции». Граф Паскевич, излагая свой взгляд на положение Абхазского края и «главные причины», вызвавшие завоевательные действия, писал: «Хотя сия часть земли более тридцати лет считалась под влиянием нашего правительства, но мы не имели средств удержать оную в повиновении...»¹⁶⁴. Поскольку при таком положении Абхазия была «известна очень мало», а она, как мы видели, включалась в «обширный план покорения горских земель», Паскевич распорядился о предварительном сборе «всех сведений» о ней. Такой материал действительно представлял интерес «для истории страны и народа»¹⁶⁵.

Для предварительного осмотра будущего места расположения штабквартиры российских войск в Абхазии (44-го егерского полка) в начале 1830 года туда был секретно командирован поручик Генерального штаба барон И. К. Аш. Начальнику отряда Пацавскому предписывалось сразу же заняться собиранием «подробнейших сведений» о прямой береговой и других дорогах, ведущих из Абхазии к Анапе, а также о племенах, населяющих это пространство. Надо было также получить «верные известия» о дорогах, ведущих из Абхазии через Кавказский хребет на Кубань. Кроме того, на барона Аша возлагалось ведение подробного журнала «о всех обстоятельствах и действиях» отряда в продолжении этой экспедиции¹⁶⁶.

Барон Аш, прибывший в Сухум 10 апреля 1830 года в сопровождении майора Хасанбея Шервашидзе (Чачба), доносил, что в Абхазии «вообще происходят ... большие междоусобия... До сих пор ... не верят, чтобы турки отдали весь берег от Анакрии (Анаклии. — Г. Д.) к Анапе России...» По его сообщению также было видно, что «князья абхазские не отказались бы принять в своей земле русских дружелюбно, если уверены будут, что они не лишаются своих прав, земель и прочей собственности...»¹⁶⁷. Вообще же в результате указанной поездки И. К. Аш в том же 1830 году составил свою хорошо известную в специальной литературе рукопись «Военностатистическое обозрение страны, заключенной между Мингрелией, крепостью Анапою, Черным морем и северо-западной частью Кавказского станového хребта» (другое название — «Описание Абхазии»). Между прочим, ему же принадлежит «Описание Цебельды и дорог, ведущих из одной в Абхазию и закубанскую сторону к карачаевцам и чеченцам» (без даты) и «Сведения,

¹⁶⁴ Цит. по: «Утверждение наше в Абхазии». — «Кавказский сборник», 1889, т. XIII, с. 124.

¹⁶⁵ Там же, с. 124.

¹⁶⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, 1829 г., д. 6234, лл. 59—70 (Предписание И. Ф. Паскевича от 28 марта 1830 г. К. Ф. Гессе).

¹⁶⁷ Там же, 1830 г., д. 6239, лл. 9—10 (Отношение Н. Ф. Паскевича от 22 мая 1830 г. А. И. Чернышеву).

составленные по расспросам о народах, населяющих пространство от развалин монастыря Гагры до р. Сочали и береговой дороги на сем расстоянии»¹⁶⁶.

Но графа Паскевича в первую очередь интересовала стратегическая сторона дела, хотя и здесь не достигли заметного успеха. Намного позже Теофил Лапинский замечал, что «одно из важнейших условий успешной борьбы» обитателей Западного Кавказа против царской России — именно «незнание русскими этого края» (отсутствие карт, топографических описаний и пр.)¹⁶⁹. План «общирного предприятия» — «Абхазской экспедиции», разработанный Паскевичем в начале 1830 года и затем утвержденный Николаем I, имел конкретной целью «продолжение и освоение сухопутного по берегу моря сообщения от крепости Анапы до Поти»¹⁷⁰. В том же году экспедиция заложила укрепления в приморских пунктах — Бамборе, Пицуиде и Гаграх. В частности, Гагринские теснины — ворота в Абхазию, названные Паскевичем «Кавказскими Фермопилами», должны были отрезать Абхазское княжество, в первую очередь, от саздов — джигетов и убыхов, почему эти горы во главе с Хаджи-Берзеком-Даромуко (Адагуа-ипа) оказали здесь упорное сопротивление русской десантной части¹⁷¹. Владелец Абхазии М. Шервашидзе активно действовал на стороне последней. Асланбей, проживавший в это время в Джигетии, снова бежал в Константинополь. А наибольшая часть народа, как писал Паскевич, «не имела решительной привязанности... к правительству и буйную свою свободу считала дороже всего»¹⁷².

На этом закончилась широко задуманная, но плохо подготовленная «Абхазская экспедиция». Береговая полоса между Гаграми и Анапой осталась не занятой царскими войсками. Сухопутное сообщение, которое предполагалось проложить между указанными пунктами в 1830 году, было осуществлено фактически лишь в 1864 году. Но на Абхазском побережье уже в 1834—1835 годах бы-

¹⁶⁶ Там же, д. 103212, лл. 1—34; д. 146, лл. 1—3.

¹⁶⁹ T. L a p i n s k i. Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen. Bd. I. Hamburg, 1863, S. 2.

¹⁷⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6234, лл. 14—15 (Отношение гр. Паскевича от 16 января 1830 г. гр. Чернышеву). Подробнее см.: Д. Гулна. Из истории политики России на Черноморском побережье Кавказа в 30-е гг. XIX в. — «Сборник работ молодых ученых и специалистов Абхазии», Сухуми, 1980.

¹⁷¹ Впоследствии на гагринский гарнизон часто совершались нападения, и он фактически находился в постоянной блокаде. Профессор Одесского рижельевского лицея А. Д. Нордман, посетивший эти места в 1836 году, писал: «Это укрепление важно в военном отношении тем, что пересекает береговое сообщение между джигетами и абхазами, не менее значительно и по своему единственному положению. Здесь часть Кавказской цепи гор врывается в море и образует устье, в котором на самом берегу лежит укрепление, с двух сторон окруженное высокими холмами. Отсюда-то бдительные джигеты примечают малейшее движение гарнизона и, по своему выгодному положению, нередко стреляют сверху прямо в укрепление» (ЖМНП, 1838, № 11, с. 412).

¹⁷² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6339, л. 63.

ла проведена «военная дорога», соединявшая все укрепления на этой территории. А в 1837 году началось новое продвижение войск вдоль Черноморского побережья¹⁷³. Укрепления строились со стороны Сухума и от правого фланга Кавказской линии. В 1837—1839 годах по приказу Николая I, лично побывавшего на Кавказском побережье в 1837 году, был построен еще ряд береговых укреплений до Анапы. Кстати, тогда император остался недоволен «ничтожными успехами» на побережье, в результате чего главнокомандующий на Кавказе барон Г. В. Розен был заменен реакционнейшим генералом Е. А. Головиным. В 1839 году все указанные выше укрепления были объединены в Черноморскую береговую линию под начальством генерала Н. Н. Раевского. После завершения (1843 г.) она, разделенная на четыре отделения, тянулась от устья р. Кубани до поста св. Николая (Шевкетили у устья р. Сунса), т. е. до турецкой границы, на протяжении 500 км и имела 17 фортов. На территории Абхазии, включенной в третье отделение, находились укрепления Гагры, Пицунда, Бамбора и Мрамба (в Цебельде), крепость Сухум и посты Дранда, Квитаул (Кутол) и Илори. Гарнизоны укреплений состояли преимущественно из черноморских линейных батальонов.

Поскольку отдельные крепости береговой линии не имели между собой сообщения и вследствие этого создавалась возможность проникнуть в край, решено было учредить особую флотилию, которая бы крейсировала вдоль побережья. Кроме того, здесь, на фланге кавказской армии, действовал Черноморский военный флот, сыгравший во всех этих событиях самую значительную роль. Надо сказать, что Черноморский флот под руководством его главного командира (командующего) адмирала М. П. Лазарева в короткий срок был создан «фактически заново»¹⁷⁴, превосходивший по организации и боевой подготовке лучшие иностранные флоты¹⁷⁵. Но учреждение и содержание Черноморской береговой линии обо-

¹⁷³ Это было время, когда царское командование, воспользовавшись временным поражением Шамиля, в результате экспедиции командующего войсками Кавказской линии и Черноморья генерала П. Х. Граббе, а также слабостью крестьянского движения в начале деятельности Шамиля, усилило свое наступление на Западном Кавказе с целью окружить горцев и отрезать их от Черного моря. Надо сказать, что с точки зрения царского правительства Западный Кавказ, по своему географическому положению и характеру горского населения, «не имел того политического значения, какой имел Восточный, сплоченный мюридизмом в одно целое и управляемый таким талантливым вождем, каким был Шамиль. Поэтому война на Западном Кавказе всегда имела второстепенное значение и ограничивалась обороной передовых линий и набегами... в неприятельские аулы». [Н. Ф. Дубровин]. Кавказская война в царствование императоров Николая I и Александра II (1825—1864 гг.). — «Обзор войн России от Петра Великого до наших дней». СПб., ч. IV, кн. 2, 1896, с. 289.

¹⁷⁴ А. Лурье, А. Маринин. Адмирал Г. И. Бутков, М., 1954, с. 15.

¹⁷⁵ М. Литвинов. Черное море. СПб., 1881, с. 51—52; Б. Островский. Лазарев. ЖЗЛ. М., 1966, с. 140—141, 147, 149—152.

шлось казне около 100 миллионов рублей¹⁷⁶, не говоря уже о колоссальных человеческих жертвах.

Система Черноморской береговой линии (укрепления, крепости и форты в устьях рек, населенных пунктах и плодородных долинах), которой царское правительство придавало столь важное значение для прочного утверждения в северо-западной части Кавказа, с одной стороны, отрезала горцев от морских сношений с Турцией, а с другой — лишила их возможности пользоваться зимой пастбищами в прилегающей к теплому морю прибрежной зоне, что в суровые зимы приводило к массовому падежу скота и обрекало самих горцев на голодную смерть. Однако нельзя забывать и о том, что Черноморская береговая линия играла большую роль в борьбе против работорговли и всякой вообще контрабандной торговли, которую в обширных размерах вели Турция и Англия¹⁷⁷. А эта торговля, в которой были заинтересованы местные эксплуататорские элементы, являлась серьезным тормозом в развитии производительных сил края¹⁷⁸. Не приходится отрицать и некоторое экономическое значение береговой линии. Воспрепятствовав серьезно торговле турецких купцов с горцами Западного Кавказа, указанные укрепления превращались в торговые пункты, хотя это так мало гармонировало с завоевательной политикой царизма. Уже вскоре после их основания сюда устремились русские вольнопромышленники¹⁷⁹. Словом, создание системы Черноморской береговой линии, как писал Ф. А. Щербина, «было логическим следствием тех задач, которые преследовала Россия в своих отношениях к Турции и Кавказу»¹⁸⁰. Поэтому понятно, почему правящие круги Англии и Турции всячески стремились помешать укреплению береговой линии и препятствовать учреждению постоянного русского крейсерства у берегов Кавказа. Так русское правительство упорно добивалось

¹⁷⁶ А. В. Верещагин. Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и его результат. СПб., 1885, с. 2—3.

¹⁷⁷ Выгоды кавказской торговли были настолько велики, что турецкие купцы стали вкладывать большие средства в организацию контрабандного торга. В этом они нашли активную поддержку со стороны английской торговой компании, основанной в Трапезунде, которая при их посредничестве также перевозила свои товары на берега Зап. Кавказа. Ф. Энгельс отмечал большое значение для английской промышленности вывоза ее изделий в бассейн Черного моря (См. его статью «Действительно спорный пункт в Турции». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, с. 11—15).

¹⁷⁸ Генерал И. Р. Агрес в одном из своих дописаний военному министру подчеркивал, что «торговые сношения турок с горцами, живущими по восточному берегу Черного моря, приносят последним существенный вред, поощряя праздность и уничтожая всякую промышленность, основанную на труде» («Военный сборник», 1874, № 9, с. 6).

¹⁷⁹ Подробнее см.: М. В. Покровский. Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп, 1957, с. 86 и сл.; Н. И. Карлгоф. Военно-статистическое обозрение Российской империи, т. XVI, ч. 3. Восточный берег Черного моря. СПб., 1853, с. 30—34.

¹⁸⁰ Ф. Щербина. История Кубанского казачьего войска, т. II. Екатеринбург, 1913, с. 292.

создания господствующего положения на побережье Черного моря, ясно понимая, что это — один из важных аспектов положительного для него решения Восточной проблемы вообще.

Однако и после этого борьба не прекратилась. Батальоны, расчлененные поротно в небольших изолированных укреплениях, постоянно находились в осаде, каждую ночь ожидая нападения. Помимо боевых потерь, береговые гарнизоны таяли от жестокой малярии, цинги и тифа. «Сотни деревянных крестов теснились около укреплений, огороженных четырьмя валами, и «придавали своим укреплениям вид раскрытых могил»¹⁸¹. В этих условиях Черноморская береговая линия не могла оправдать возлагавшихся на нее надежд. Блокада Западного Кавказа с моря не достигла цели¹⁸².

Подстрекаемое Англией турецкое правительство, как мы видели, вообще с самого начала вероломно относилось к заключенному с Россией Адрианопольскому мирному договору, по которому оно должно было отказаться от своего влияния на Кавказе. Правящие круги Турции ревниво относились к успехам России здесь и ни в коем случае не хотели уступить край, который имел столь важное стратегическое значение и был столь богат дарами природы. Начальник Кавказской области и командующий Кавказской линией генерал Г. А. Эмануэль в своем письме графу Паскевичу от 14 апреля 1830 года сообщал о новых непрекращающихся враждебных действиях против России со стороны турецких шпионников-агентов¹⁸³. Английские и турецкие корабли постоянно нарушали русские правила мореплавания у кавказских берегов, особенно между Анапой и Сухумом. Например, в течение весны 1830 года Турция направила к черкесским и абхазским берегам 20 судов с оружием и порохом¹⁸⁴. Джемс Белл писал: «И мне не раз говорили, что сто пятьдесят кораблей находятся в постоянном движении для того, чтобы поддерживать торговлю между этой страной (Черкесией. — Г. Д.) и Турцией, вопреки всякой блокаде»¹⁸⁵. Кстати, в Самсуне строились специальные контрабандные лодки, которые затем приставали к кавказским берегам¹⁸⁶. Т. Лапинский не без иронии сообщает об одном из таких фактов, имевшем место в конце 1830 года. К горцам прибыл обещанный турками транспорт артиллерии и амуниции. В то же время высадились четыре унтер-офицера артиллерии, чтобы научить население обращаться с пушками. «Подарок был поистине турецкий»: орудия старые, громоздкие, совершенно неприменимые в условиях данного

¹⁸¹ В. Потто, А. А. Марлинский (Бестужев). — «Кавказ», № 345, 31 декабря 1897 г.

¹⁸² А. В. Фадеев. Россия и Кавказ..., с. 344.

¹⁸³ «Шамиль...», с. 12, № 14.

¹⁸⁴ Там же, с. 17, № 20.

¹⁸⁵ J. S. Bell. Journal of a residence in Circassia during the years 1827-1838 and 1839, vol. 1. London, 1840, p. 71.

¹⁸⁶ АКАК, т. VIII, ч. II, с. 768, № 671 (Замечания ген.-м. Вельяминова, 21 августа 1837).

края и к тому же без всяких принадлежностей и приспособлений; пороховые бочки наполовину пустые. Вскоре офицеры уехали обратно в Турцию; жители растащили порох, с лафетов и колес сорвали железо¹⁸⁷.

Доставкой оружия и боеприпасов на Кавказ в то время занимался, вместе с другими агентами, Сеид-Ахмед-паша. Заведующий сношениями с побережьем Черкесии Кюдинец в специальном рапорте от 25 июля 1830 года на имя князя М. С. Воронцова сообщал о подрывной деятельности этого турецкого агента среди местного населения¹⁸⁸. Продолжая жить у горцев, «по приказанию султана», Сеид-Ахмед-паша распространял всевозможные провокационные слухи, вроде того, что весь Черкесский берег принадлежит Турции, и для его защиты скоро должны прибыть войска последней. Эти слухи, как сообщал М. Шервашидзе, имели влияние и на Абхазию¹⁸⁹. В связи с этим граф Паскевич 23 августа 1820 года обратился с прокламацией к населению Абхазии и всего Черноморского побережья Кавказа, в которой опровергал все утверждения Ахмед-паши и предлагал сложить оружие¹⁹⁰. На Западном Кавказе тогда действовал и другой известный турецкий агент — натухайский князь Сефер-бей Зан-Уко (Зан-оглу). Потеряв всякую надежду стать единоличным властелином Черкесии, он вынужден был эмигрировать в Турцию. Но в 1830 году Сефер-бей в сопровождении 20 турок тайно вернулся на родину и начал еще более энергично призывать народ к борьбе против России, уверяя их в скорой помощи и поддержке Турции и Англии. Сефер-бей неоднократно отправлялся в Константинополь для установления более тесных связей с султанским правительством и английским посольством, при этом объявляя себя «депутатом» черкесского народа. В 1833 году русскими властями была отмечена активная антирусская деятельность в Черкесии турецкого подполковника по имени Али-бей, имевшего связь с Сеид-Ахмедом. Кстати, оба они являлись крупными работоторговцами — вывозили черкешенок на невольничьи рынки Османской империи. Али-бей «советовал старшинам шапсугов и натухайцев, чтобы они не покорялись русским и не имели бы с ними никаких сношений». Об этом же говорилось и в привезенном им письме Сефер-бея и оглашенном 28 августа муллой в Пшаве «при собрании около 200 человек». Вместе с Али-беем был задержан некий Гаджи Солейман-оглу, выдававший себя за Гасан-бея, который «между горцами славится сильным, удалым, морским или береговым разбойником»¹⁹¹.

Как писал Ф. Ф. Торнау, турецкие агенты именно в это время

¹⁸⁷ Т. I. ар I n s k i. Указ соч., т. I, с. 267—268.

¹⁸⁸ «Шамиль...», с. 18, № 21.

¹⁸⁹ АКАК, т. VII, ч. II, с. 403, № 336 (Рапорт ген. Гессе от 19 мая 1830 г. гр. Паскевичу).

¹⁹⁰ Там же, с. 403, № 338.

¹⁹¹ См.: «Шамиль...», с. 40—41, №№ 45—46.

объявили, что египетский полководец Ибрагим-паша¹⁹² намеревается прибыть в Абхазию «для освобождения ее от русских». Это известие взволновало жителей, «особенно дворянство», которому выгодно было тревожное состояние края¹⁹³. Тот же Торнау отмечал (1835 г.), что «турки, распространявшиеся по округам Сухумскому и Абживскому, старались всячески восстановить народ против русских..., продолжая вопреки военным крейсерам, закупать в ней (в Абхазии. — Г. Д.) пленных мужчин и женщин»¹⁹⁴. Обращало на себя внимание тогда и то, что такие агенты уверяли шапсугов, абадзехов и убухов, будто в коране отыскивали «пророчество», по которому они никогда не будут подвластны России, если станут защищать свою независимость, молиться и уважать мусульманское духовенство¹⁹⁵. М. А. Селезнев, внимательно следивший за действиями турецких агентов в Абхазии, свидетельствовал (1841 г.), что в местечке Очемчиры жило несколько турецких купцов, среди которых имелись «фанатики, служащие агентами турецкого правительства... Из Ошенчур (Очамчиры. — Г. Д.) против России в горах разливался яд ненависти»¹⁹⁶.

Турецкие агенты, как и английские эмиссары, подстрекали горцев, в частности, к нападениям на укрепления Черноморской береговой линии. В 1839 году население северо-западных районов Кавказа пострадало от неурожая. Царское командование распорядилось о запрещении продажи хлеба из кордонных укреплений береговым горцам, полагая, что это заставит их на все согласиться, «потому что голод и хищных зверей делает ручными»¹⁹⁷. Однако указанная мера послужила только поводом к тому, что в конце голодной зимы 1839 — 1840 годов Черноморское побережье запылало в огне всеобщего восстания. В короткий срок под натиском горцев один за другим пали важнейшие береговые укрепления (Лазаревское, Вельяминовское, Михайловское) и, таким образом, была прорвана Черноморская береговая линия. Правда, летом 1840 года, в результате ряда десантных операций, царские войска при содействии Черноморского флота заняли все потерянные зимой укрепления на побережье.

Горцы не получили помощи, обещанной им турками и англичанами. А надо заметить, что влияние на них Турции и Англии держалось лишь постольку, поскольку они обещали горцам помощь.

¹⁹² Ибрагимпаша в 1831—1833 и 1839—1841 годах являлся главнокомандующим египетскими войсками в войнах Египта против Турции.

¹⁹³ [Ф. Ф. Торнау]. Взгляд на настоящее положение Абхазии и русских войск ее занимающих (1835 г.). — ЦГВИА, ф. 482, д. 57, л. 4 об.

¹⁹⁴ Там же, ф. ВУА, д. 45240, л. 55.

¹⁹⁵ Торнау. Записки русского офицера, бывшего в плену у горцев. — «Кавказ», № 1, 5 января 1852 г.

¹⁹⁶ [М. А. Селезнев]. Руководство к познанию Кавказа, кн. II, М., 1847, с. 155.

¹⁹⁷ АКАК, т. IX, ч. I, с. 500, № 433 (Рапорт Л. М. Серебрякова от 31 января 1841 г. Н. Н. Раевскому).

Без этого условия черкесы не признавали ничего влияния¹⁹⁸. Не случайно, что после событий 1840 года среди так называемых «непокорных черкесов» возросло число сторонников русской орнации. Начальник Черноморской береговой линии А. И. Будберг в рапорте от 6 ноября 1843 года командиру Отдельного Кавказского корпуса А. И. Нейдгарту сообщил, что у абадзехов было «большое собрание», на котором присутствовали и «почетные люди» от других племен, в том числе и от убыхов, где было заявлено, что «не видя конца бедствиям войны, они хотели бы принять какую-либо решимость, чтобы по крайней мере отдохнуть от непрерывных и бесполезных тревог. Абадзехи, выслушав перед собранием бедствия, которые они терпят, объявили, что они решаются сблизиться с русскими, даже покориться, лишь бы избавиться от положения для всех равно тягостного». Однако благоприятный исход дела был сорван возражением «некоторых» о том, что «они будто не имеют права приступить к этой мере без формального объявления турецкого султана, что он от них отказывается и не дает им никакой помощи против русских»¹⁹⁹. Военный министр А. И. Чернышев в своем отношении от 29 ноября 1843 года на имя командира Отдельного Кавказского корпуса подчеркивал: «Недопозумение горцев относительно настоящих видов Турции по делам Кавказа не раз уже удерживало их от исполнения намерения прекратить враждебные против нас действия»²⁰⁰.

Теперь о положении в собственно Абхазском княжестве. Восстание, начатое в 1840 году убыхами и шапсугами, грозило охватить и этот край. Через примкнувших к движению соседних садзов весть о разгроме береговых укреплений быстро распространилась по всему краю. В то же время убыхи обратились с призывом к населению Цебельлы (Шабал) и Дала, озлобленному бесчеловечными действиями царских карательных отрядов незадолго до этого. Кстати, голод 1840 года охватил и эти районы. Цебельдинский пристав очень рассчитывал на разразившееся бедствие, надеясь, что повстанцы «не в состоянии будут долго содержать людей, которые бы хотели прийти к ним на помощь»²⁰¹. Это были высокогорные районы Абхазии, которые еще долго оставались вне пределов власти царской военной администрации и фактически не признавали и абхазского владетеля. Феодалные отношения здесь были менее развиты, основная масса крестьянства не была еще закреплена, в сильной степени сохранились пережитки институтов родового строя. Знать была представлена различными ветвями княжеской фамилии Маршания. Население этих горных обществ

¹⁹⁸ «Очерки истории Адыгеи», т. I, с. 290.

¹⁹⁹ АВПР, ф. Турецкий стол (старый), оп. 502 а, 1831—1868 гг., д. 4504, лл. 3—4.

²⁰⁰ Там же, л. 8 об.

²⁰¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6417, лл. 1—17 (Рапорт Н. Н. Раевского от 15 июля 1840 г. А. И. Чернышеву).

долго и упорно защищало свою «вольность» от посягательств на нее со стороны феодальных владетелей Абхазии и царских генералов. Сюда массами бежали крестьяне, а также русские солдаты с побережья, пополняя ряды абреков (партизан). Это была своеобразная форма классовой борьбы.

В 1837 году состоялась первая военная экспедиция в Цебельду под непосредственным начальством главнокомандующего на Кавказе барона Г. В. Розена. Войска действовали чрезвычайно жестоко, огнем артиллерии уничтожая целые села и тем самым еще сильнее возбуждая ненависть к царизму и абхазскому владетелю со стороны населения, которое оказало упорное сопротивление. Розену удалось добиться присяги «на верность» лишь от некоторых князей Маршания, которые согласились на пребывание в Цебельде русского пристава. Но не сложили оружия крестьянские массы, а за Цебельдой находился еще неприступный и воинственный Дал²⁰². И вот в 1840 году жители названных горных районов Абхазии, естественно, быстро откликнулись на события, разыгравшиеся на Черноморской береговой линии. Призвав на помощь жителей соседнего абхазского общества Псху и сванов, они решили изгнать царского пристава и заставить князей Маршания отказаться от своей присяги. Но в Цебельду снова был двинут крупный карательный отряд, в котором приняли участие и многие абхазские феодалы, в том числе некоторые из князей Маршания. Здесь был «восстановлен порядок». Однако в Дал отряд и на этот раз не решился направиться. Кстати, в 1840 году в Закавказье «спокойствие было нарушено» в Осетии²⁰³.

Дальцы же готовились к обороне, укрепляя завалами все тропы своего ущелья. Хаджи-Берзек обещал им прислать 1 000 человек²⁰⁴. Жители Дала пытались также установить связи с Карачаем и Кабардой и осведомиться о действиях Шамиля²⁰⁵. Однако начальник третьего отделения Черноморской береговой линии полковник Н. Н. Муравьев (Амурский) решил покончить с Далом раньше, чем ему могла быть оказана помощь со стороны соседей. Он составил большой экспедиционный отряд и вместе с «милицией»²⁰⁶ из абхазских феодалов, интересы которых совпадали с интересами царского самодержавия, пушечным огнем прокладывая себе путь, в конце декабря 1840 года завладел Багадскими воротами; затем перешел на правый берег Кодора и ворвался в Дал,

²⁰² Подробнее см.: Г. А. Дзидзария. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение, с. 186—189.

²⁰³ АКАК, т. IX, ч. I, с. 292.

²⁰⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, 1840 г., д. 6392, лл. 7—8 (Рапорт Н. Н. Раевского от 2 ноября 1840 г. Е. А. Головину).

²⁰⁵ Там же, лл. 1—4 (То же от 17 октября 1840 г. А. И. Чернышеву).

²⁰⁶ «Милиция» — иррегулярные отряды, собиравшиеся владетельными князьями в порядке феодальной повинности.

каждую пядь которого отстаивали его жители. 31 декабря войска, в авангарде которых шел отряд князя Д. Шервашидзе, заняли центр горного района — селения Лата и Варда. «Жители, отступая, сами жгли свои жилища, упорство казалось неукротимое...», а что оставалось несожженным, уничтожалось войсками, движение которых вообще «сопровождается совершенным истреблением всех жилищ и имуществ»²⁰⁷. Муравьев в рапорте от 7 января 1841 года на имя командира Отдельного Кавказского корпуса Е. А. Головина писал, что пространство от с. Амзара до верховьев Кодора, на протяжении около 60 верст, где жило 500 семейств (около 6 000 чел.), он решил «оставить совершенно пустым»; всем «строго приказано было, пользуясь присутствием отряда и общим в Дале страхом, немедленно вывести отсюда всех жителей со всем их имуществом, а жилища предать пламени». Далее Муравьев доносил: «С 3-го уже числа распоряжение это приводится в исполнение, мимо отряда проходят дальские семейства толпами со всеми их имуществами, а с ними и семейства бежавших князей. Не позже как 9 числа Дал будет совершенно пуст, прап. кн. Хинкорос (Маршания. — Г. Д.), выведя жителей, предал пламени их жилища от самых верховьев Кодор... Последняя мера совершенно необходима для того, чтобы здесь не оставалось и крова для людей беспокойных, которые бы хотели опять сюда бежать». Сам Муравьев признавал свои репрессии «мерой самой решительной и едва ли не беспримерной на Кавказе». «На страже этого опустошенного ущелья» был оставлен князь Хинкупас Маршания, «дабы никто не дерзал возвращаться сюда»²⁰⁸. Эта «беспримерная» жестокость еще больше усилила ненависть дальских крестьян к царизму и местным феодалам. Укрываясь в дремучих лесах, они обошли отряд Муравьева и спустились к Багалской теснине. Отряд начал панически отступать по другой дороге — через с. Наа. Преследуемый населением, карательный отряд по горной тропе едва пробился к названному селу, бросив всю свою «добычу». Тем не менее Муравьев за эту экспедицию получил генеральский чин; награждены были и абхазские феодалы, проявившие усердие в расправе над мирными жителями горного Дала.

В конце 1841 года в Абхазии начинается новый подъем освободительного движения, на этот раз под влиянием Гурийского восстания, направленного, главным образом, против царского колониального режима²⁰⁹. В 1840 — 1841 годах произошли также восстания в Южной Осетии и Приморском Дагестане. Цебельда и Дал опять стали очагами народного движения. Снова туда были направлены карательные войска под командованием того же Му-

²⁰⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, 1840 г., 6392, лл. 37 — 42 (Рапорт Н. Н. Муравьева от 1 января 1841 г. Е. А. Головину).

²⁰⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, 1840 г., д. 6392, лл. 43—44 об.

²⁰⁹ См.: Г. В. Хачапуридзе. Гурийское восстание в 1841 году. Записка, 1931, с. 62.

равьева. Но brave генерал дальше Цебельды не пошел. Арестовав нескольких наиболее «неблагонамеренных» лиц и конфисковав в порядке контрибуции 150 голов скота, он вернулся в Сухум²¹⁰. Таким образом, Дал по-прежнему оставался «непокорным», являясь одним из важных очагов освободительной борьбы в Абхазии против царизма и его опоры в лице местной феодальной знати. В 1843 году в Псху (около 500 дворов), расположенном в верховьях р. Бзыбь и являвшимся также «убежищем всех беглецов из Абхазии»²¹¹, был послан карательный отряд из 3 700 человек под командованием самого владетеля Абхазии. Последний цинично заявлял, что он мог бы «истребить Псху и не оставить в нем камня на камне...»²¹². Псхуцам были продиктованы «условия покорности».

Но самым тяжелым последствием карательных экспедиций 30—40 годов в горные районы Абхазии была частичная эмиграция их населения в Турцию. Это было продолжением процесса переселения предыдущих лет, особенно времен генерала Ермолова, о котором Султан Довлет-Гирей писал: «На руку Турции действовала и система генерала Ермолова: вместо того, чтобы приостановить переселение, он сам всячески поощрял тяготение кавказских племен к Турции; поощрял материально и морально переселенцев, предполагая тем достигнуть целей быстрого покорения и завладения Кавказом, думая, что через уменьшение численности населения Кавказа будет ослаблено то упорство, с которым русским войскам так долго и бесплодно приходилось бороться. *Принудительное выселение* (курсив мой. — Г. Д.) кавказских племен продолжалось и при преемнике генерала Ермолова...»²¹³. К сожалению, у нас нет конкретных данных об этих переселениях. Но не приходится сомневаться в значительности их размеров. Во всяком случае, в Абхазии это были, пожалуй, первые крупные волны махаджирства XIX века. Можно сослаться на такой факт. Согласно одному обзору политического положения Черкесии, относящемуся к 1837 году, около 370 семейств, вышедших в середине 30-х годов из разных мест Кабарды и Адыгеи, были расселены по Черноморскому берегу Азиатской Турции — в Трапезунде, Самсуне, Синопе и т. д. Занимались они здесь земледелием и отчасти торговлей с Кавказом; их уздени отправлялись в Черкесию и вывозили оттуда невольников для продажи в Турцию²¹⁴.

Надо отметить, что вообще-то переселение кавказских горцев

²¹⁰ АКАК, т. IX, ч. I, с. 519—523, № 440 (Рапорт И. Р. Аврепа от 15 ноября 1841 г. А. И. Чернышеву).

²¹¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6470, лл. 51—61 (Рапорт И. Р. Аврепа от 6 июня 1842 г. П. А. Клейнмихелю).

²¹² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6540, лл. 2—8 (Рапорт М. Шервашидзе А. И. Буд-бергу от 8 января 1844 г.).

²¹³ ЛОАН, ф. 800, Н. Я. Марра, л. 188, л. 3 (Доклад Султана Довлет-Гирей Черкесские племена в Турции» на собрании «Общества любителей изучения Кубанской области» 10 ноября 1911 года).

²¹⁴ ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 190, лл. 33—36.

в Турцию носило, можно сказать, постоянный характер. Одна из главных экономических и политических причин этого явления, как уже говорилось, заключалась в стремлении людей избавиться от тяжелой и обидной жизни на родине. И это придавало уходу характер социального протеста. Даже граф Паскевич в рапорте от 16 мая 1829 года на имя Николая I, описывая злоупотребления царских чиновников в Грузии, подчеркивал, что народ, не видя справедливости в действиях последних и теряя «доверенность к правительству», «искал нередко удовлетворения самоуправством, а некоторые убежали в отчаянии за границу»²¹⁵. Епископ Имеретин Гавриил (Г. М. Кикодзе) вспоминал в 1870 году, как лет 35 до этого в Грузии «народ, мало знакомый с русскими и наущаемый турками, думал переселиться в Турцию». Но казачьи истриты, которые предотвратили эту беду²¹⁶. Во «Всподданнейшем отчете» главнокомандующего Кавказской армией по военно-народному управлению за 1863—1869 годы прямо говорилось, что стремление к переселению в Турцию со стороны кавказских горцев «служило и служит» «выражением протеста против всякой правительственной меры, которая покажется для него почему-либо неприятною или же тягостною»²¹⁷.

Вот один факт такого рода из жизни Абхазии, правда, относящийся к 80-м годам, но довольно типичный. В нынешнем Гальском районе жил старик по имени Реджеб Хахубия, которому в 1930 году исполнилось 122 года. Его, как «непримиримого врага» царской власти, сослали «в отдаленные губернии», но оттуда он бежал. Однако, не имея возможности далее скрываться на родине, Реджеб переселился в Турцию, откуда он через некоторое время возвращается в Абхазию, так как слишком тамошние «порядки ему не понравились»²¹⁸. Из отдельных кавказских районов в Турцию бежали и некоторые русские солдаты. Г. Н. Казбек (Казбег) во время своего путешествия по Турецкой Грузии в 1874 году в Шавшети (в яйле Карагель) гостил «у потомка беглого русского солдата», отец которого прибыл сюда еще в 20-х годах. Только в Верхней Аджарии он встретил четыре русских семейства. «Все они, — писал Казбек, — жертвы нашей старой солдатчины, бежавшие в туретчину от 25-летней службы»²¹⁹.

В поисках счастья кавказцы бежали также и в другие страны. Вообще уход населения Российской империи за границу был серьезным явлением. В. И. Ленин указывал, что по переписи 1900 года в США было 166 тыс. эмигрантов из России²²⁰. И это был лишь один из многих примеров.

²¹⁵ АКАК, т. VII, ч. I, с. 19, № 35.

²¹⁶ «Кавказ», № 142, 4 декабря 1870 г.

²¹⁷ ЦГАИ СССР, ф. 1268, оп. 15, 1870 г., д. 56, л. 59 об.

²¹⁸ С. П. Басария. Избранные сочинения. Сухуми, 1967, с. 61.

²¹⁹ Г. Н. Казбек. Трех месяца в Турецкой Грузии. — ЗКОРГО, 1876, кн. I, вып. I, с. 45—46.

²²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 126.

Вместе с тем в Абхазии в 40-х годах XIX века царское правительство приступило к внутреннему переселению, «перегруппировке» жителей. В 1840 году Н. Н. Муравьев, «разорив Дальское ущелье», переселил часть жителей к морскому берегу, а в 14 верстах от устья р. Келасури, близ горы Апианча, построил укрепление Марамба (Мрамба) и поставил роту. Сюда было также переселено 80 семейств русских солдат, в разное время бежавших в эти горные места. В 40-х же годах жители Мрамба были переселены в Анапу²²¹.

Таково было общее положение в Абхазии и частично на Западном Кавказе в первые четыре десятилетия XIX века. Но картина была бы неполной без характеристики, хотя бы в самых общих чертах, отношения русской передовой общественности к описанным событиям²²². При этом мы хотели бы ограничиться деятельностью лишь тех из «вольнодумцев», в первую очередь декабристов²²³, кто в рассматриваемое время находился на Кавказе²²⁴, в основном в качестве ссыльных, поскольку край этот считался тогда «теплой Сибирью», как окрестил его Александр I. Абхазия же и все Кавказское Черноморье были признаны чуть ли не «самыми суровыми» и «опасными» его районами. В ту пору здесь, как мы видели,

²²¹ А. Н. Дьячков-Тарасов. Гагры и их окрестности. — ЗКОРГО, 1903, кн. XXIV, вып. 1, с. 68.

²²² Вопрос этот в масштабе всего Кавказа — тема большая и специальная. Как известно, среди русской интеллигенции было немало людей, которые с самого начала осуждали колониальную политику царизма на Кавказе. Возьмем, например, А. С. Грибоедова, начало службы которого на Кавказе совпало как раз с активизацией военных действий против горцев. Признавая историческую необходимость присоединения Кавказа к России, великий поэт открыто порицал систему управления краем, построенную на насилии, грабежах и измесе. Его глубоко возмущали жестокости царских военачальников. Генералу А. П. Ермолову Грибоедов прямо заявил, что он «на деле... совершенный деспот», а в адрес графа И. Ф. Паскевича говорил: он «так невыносим». «Боже, какие у нас здесь генералы! — с горечью писал Грибоедов. — Они точно нарочно созданы для того, чтобы еще более укрепить мое отвращение к чинам и отличиям». В беседах с Ермоловым и Паскевичем, в записках и докладах А. С. Грибоедов выступал в защиту прав угнетенных царизмом народов Кавказского края. Он заботился о расширении мирных, экономических связей России с Кавказом. В сочинениях А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и других передовых деятелей России также содержится важные оценки политики царизма на Кавказе и борьбы горцев. Благодаря Пушкину впервые в русской литературе кавказские горцы предстали мирными тружениками, которых лишь угроза порабощения заставляет братья за оружие. «Как сладкую песню отчизны моей люблю я Кавказ!» — восклицал и Лермонтов («Кавказ»). Свое отношение к Кавказу он выражает как «к живищу вольности простой» (См.: А. В. Фадеев. Россия и Кавказ., с. 345—356). Однако, как уже отмечалось, из всей дореволюционной литературы наиболее правильные взгляды и характеристики борьбы кавказских горцев с царским самодержавием XIX века мы находим в трудах великих русских революционных демократов А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Но об этом ниже, в заключительной части истории Кавказской войны и ее последствий.

²²³ Подробнее об этом см.: Г. А. Дзидзария. Декабристы в Абхазии. Сухуми. 1970.

²²⁴ Об отношении вообще русского общества к Кавказу см.: А. В. Фадеев. Россия и Кавказ., гл. III, § 3.

почти каждый царский гарнизон находился фактически в осадном положении; военные действия все более разгорались. Но, пожалуй, особенно пагубно влиял на северян сырой климат этих мест, порождавший малярию. Были укрепления, где «в течение 3—4 лет целый состав гарнизона переменался, т. е. вымирал»²²⁵. А изгонял царизм русских революционеров на Кавказ с тем, чтобы задушить революционную мысль в России. Декабристы, как известно, осуждали военно-феодальный колониальный режим, устанавливавшийся на Кавказе царизмом, хотя в силу своей классовой ограниченности и не были сторонниками предоставления кавказским народам права на национальное самоопределение. Столкнувшись, во всех значениях этого слова, с горцами и получив возможность глубже познать их, они стали искренне выражать свое желание видеть этих «достоинных детей Кавказа», как называл их А. А. Бестужев-Марлинский, в благополучии, мире и дружбе с русским народом.

Декабристы уважали национальные традиции кавказских народов, проявляли глубокий интерес к их богатому прошлому, самобытной древней культуре, языку, общественному укладу и семейному быту, экономическому положению. Вокруг них создавалась сочувствующая социальная среда, возникало благотворное взаимодействие первых русских революционных борцов и передовых представителей местных народов²²⁶. Уезжая на родину, декабрист А. Е. Розен писал: «Прощай, Кавказ! Красуйся не одною природою, но и благосостоянием твоих обитателей»²²⁷.

Декабристы в Абхазии и вообще на Кавказе — «одна из сложных и трагических страниц русской культуры», если иметь в виду их «двойственность положения.., их участие в военных действиях русских войск против исконных жителей края, с одной стороны, их первые дружественные связи с жителями края — с другой, их личное свободолюбие и свободомыслие и их прикованность к своим военным обязанностям, их взгляд на все происходящее, носившее на себе печать многих неустрашимых противоречий»²²⁸. Причем по поводу «служебной обязанности» декабристов участвовать в происходящих тогда на Кавказе военных действиях нужно сделать оговорку, что для многих из них эта служба могла быть выходом из тягчайших условий жизни «разжалованного»²²⁹.

Теперь обратимся к некоторым фактам, опять-таки с точки зрения характеристики отношения прогрессивной части русского общества и, прежде всего, именно тех декабристов, деятельность которых непосредственно связана с интересующим нас регионом, к кавказской политике царизма. Начнем с «государственного пре-

225 Н. Торопов. Опыт медицинской географии Кавказа. СПб., 1864, с. 165—166.

226 М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II, М., 1955, с. 448.

227 А. Розен. Записки декабристов. СПб., 1907, с. 262.

228 К. Симонов. Вместо предисловия. — В кн.: Г. А. Дзидзария. Декабристы в Абхазии, с. 5.

229 М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 156.

ступника» В. С. Норова, который в течение 1835 — 1838 годов тянул солдатскую лямку на Абхазском побережье, живя, главным образом, в Бамборском укреплении. «Признаюсь, — заявлял он, — что я шел в бой за дело, которое было мне совершенно чуждо... Я был тем более далек от того, чтобы считать черкесов своими врагами, что я всегда восторгался их героическим сопротивлением». Норов писал о жестоких репрессиях царских карательных отрядов и сочувственно отзывался об абхазском населении. Воспный поход 1837 года в горную Цебельду, участником которого он был, Норов называет «тяжелой экспедицией»²³⁰. Одновременно Норов восхищался красотой края, его редкостными богатствами, разнообразием растительного и животного мира. Но он писал и о страшном биче — малярии и чуме, которые приносили населению края невероятные страдания²³¹.

В 30-х же годах в Абхазии находился один из самых замечательных представителей «фаланги героев», как назвал Герцег людей 14 декабря, А. А. Бестужев-Марлинский, которому пришлось бывать и жить в Сухуме, а также частично Гаграх, Пицундс, Цебельде и других местах края. А. А. Бестужев осуждал жестокую политику царского самодержавия на Кавказе и в то же время выступал против идеализации «азиатской патриархальщины», сковывавшей развитие кавказцев. Он глубоко верил, что присоединение к России принесет Кавказу прогресс. «Дай Кавказу мир, и не ищи-те земного рая на Евфрате... он здесь, — он здесь!» — восклицал Бестужев²³². С горечью отмечая, что сведения о Кавказе «текут к нам сквозь иностранное решето», Бестужев критически отзывался о сочинениях иностранных кавказоведов, неверно или источно рассказывавших об этой земле и остававшихся совершенно равнодушными к животрепещущим вопросам социальной жизни кавказских народов. Он упрекал и отечественных ученых, не уделявших должного внимания Кавказу и его народам. Не удовлетворяли его и газетные сведения.

Всюду, куда бы судьба ни забрасывала А. А. Бестужева, он очень легко приобретал новых друзей и почитателей. В Абхазии Бестужев сближается с известным абхазским ученым-этнографом С. Т. Званба, с которым он некоторое время служил в одной воинской части. Есть основания полагать, что А. А. Бестужев и некоторые другие русские дворянские революционеры оказали определенное влияние на развитие общественно-политических взглядов подполковника Званба. А Бестужев, как известно, был прекрасным знатоком этнографии. Кавказские повести и очерки писателя свидетельствуют о его серьезном интересе к истории, обычаям, фольклору народов Кавказа. Он сыграл важную роль в развитии рус-

²³⁰ ОР ГБЛ, ф. 201, В. С. Норова, № 56, л. 49.

²³¹ См.: «Русский вестник», 1900, кн. 2, с. 295.

²³² А. Марлинский. Путь до города Кубы. — Полн. собр. соч. Часть X. — «Кавказские очерки». СПб., 1838, с. 204.

ского кавказоведения²³³. В кавказских письмах А. А. Бестужева содержатся ценные сведения об Абхазии. Например, в письме от 12 мая 1837 года К. П. Полевому, названном им «В сердце Цебельды», Бестужев писал: «Вот уже три недели как я шляюсь по новому для меня краю Мингрелии, Абхазии и новому для русских вообще краю Цебельде. Виды — прелесть, но люди... бедны, как нельзя более, в крае, раскошном дарами природы...»²³⁴. Во многих своих письмах он с большою горит о гнетущей, невыносимой для воинских частей жизни в Абхазии, об «ужасном климате» этого края.

Представляет большой интерес пребывание в Абхазии и других ссыльных декабристов и их друзей — Павла Александровича Бестужева, В. С. Норова, В. П. Романова, С. И. Кривцова, А. С. Гангелова (Гангелидзе), А. А. Фока, Н. Н. Раевского, В. Д. Вольховского и т. д. Но мы остановимся несколько подробнее лишь на Н. Н. Раевском, деятеле декабристского круга, сыгравшем значительную роль в Абхазии и на Черноморье. Нижеприведенные факты убедительно характеризуют его не только как прогрессивно настроенного, но и инициативного человека для своего времени. В этом и секрет традиционной популярности Раевского на Кавказе. Он вынашивал план экономического развития края. Будучи начальником Черноморской береговой линии, Раевский, в частности, обращал особое внимание на установление прочных экономических связей России с Кавказским краем, а существовавшие на побережье укрепления рассматривал не только как форпосты, но и как опорные пункты для развития торговли. Раевский ставил вопрос о развитии в Абхазии торгового земледелия, рыбного промысла, технических культур, а также первым обратил внимание на наличие здесь каменноугольного месторождения²³⁵. Он же основал Сухумский военно-ботанический сад. Н. Н. Раевский, как и В. Д. Вольховский, разделял идеи авторов Проекта создания Российской закавказской комиссии, принципиально отрицавших крепостное право. Не случайно граф Паскевич резко выступил против этого Проекта. Неодобрение прогрессивных взглядов и деятельности Н. Н. Раевского, шедших вразрез с официальной политикой царизма на Кавказе, заставило его уйти в отставку. Уезжая навсегда с Кавказа, он 28 февраля 1841 года писал военному министру: «...Я здесь первый и один по сие время восстал против пагубных военных действий на Кавказе, и от этого вынужден покинуть край»²³⁶. Это было и одним из откликов передовой части офицерства Отдельного Кавказского корпуса²³⁷ на взгляды декабристов,

²³³ М. О. Косвен. Указ. соч., с. 161—163.

²³⁴ «Русский вестник», 1861, т. 32, IV, с. 485.

²³⁵ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, 1840 г., св. 40, д. 104, лл. 8—8 об.

²³⁶ АКАК, т. IX, ч. I, с. 505, № 434.

²³⁷ Надо отметить, что Кавказский Отдельный корпус (до 1819 года — Грузинский Отдельный корпус) в то время занимал особое место среди других соединений царской армии, будучи в меньшей степени затронут губительным влиянием аракеевского режима. Объяснялось это в значительной степени осо-

резко осуждавших завосставительную политику царизма и ратовавших за мирное сотрудничество с народами Кавказа. Подчеркивая жестокий характер действий царских войск на Кавказе, Раевский восклицал: «Я не вижу здесь ни подвигов геройства, ни успехов завоеваний Пицера (Pizarro) и Кортеса (Cortez)...»²³⁸. Раевский считал, что преемнику его «предстоит блестящее поприще», если он убедится, что набеги и опустошения вредят примирению края, и если он устоит против общего влечения к сим мнимым военным подвигам»²³⁹.

Даже такой деятель, как Д. А. Милютин, будущий военный министр и профессор Военной академии, который в тот период находился (в годичной командировке) в войсках Кавказской линии и Черноморья²⁴⁰, ознакомившись с положением дел на Кавказе, пришел к выводу о необходимости изменить как систему военных действий, так и политику по отношению к горским народам. Эти взгляды нашли свое отражение в его записке «О средствах и системе утверждения русского владычества на Кавказе», составленной в 1840—1841 годах. Милютин писал: «...Чтобы горцы терпеливо несли иго русского владычества, одно необходимое условие то, чтобы они были убеждены в неприкосновенности их религии, обычаев и образа жизни... Мы должны всеми силами стараться согласовать наше владычество с интересами самих горцев как материальными, так и нравственными... Не в таком духе действовали мы до сих пор на Кавказе...»²⁴¹. Известный советский историк, профессор П. А. Зайончковский, характеризуя в общем мировоззрение Д. А. Милютина 40—50-х годов, отмечает «отрицательное отношение последнего к существующей николаевской действительности и крепостному праву в особенности, предпочтение им бур-

бенностями организации и комплектования его полков. После 1815 года в корпус было переведено немало участников Отечественной войны и европейских походов. Кроме того, он пополнялся всякого рода «штрафными» и ссыльными, участниками крестьянских, солдатских и иных выступлений. С 1826 года началась ссылка на Кавказ участников восстания декабристов (А. В. Фадеев, Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958, с. 216—217). Например, почти все воинские части Черноморской береговой линии «были из разжалованных или по крайней мере не по своей воле прибывших на Кавказ» (Г. М. Филиппов. Воспоминания. М., 1886, с. 209). Таким образом, среди кавказского офицерства возрастал процент вольных и невольных изгнанных, которых объединяла ненависть к николаевской реакции.

²³⁸ АКАК, т. IX, ч. I, с. 505, № 434.

²³⁹ Там же, с. 268, № 268.

²⁴⁰ Д. А. Милютин служил на Кавказе трижды: в 1839—1840, 1843—1845 и 1856—1860 гг.; но непосредственного участия в Кавказской войне он почти не принимал, занимая ряд должностей в высших штабах (Н. И. Белзев. Русско-турецкая война 1877—1878 г. М., 1956, с. 20). Между прочим, здесь он написал и в 1843 году издал «Наставление к занятию, обороне и атаке лесов, строгий, деревень и других местных предметов».

²⁴¹ Цит. по: П. Зайончковский, Д. И. Милютин. Биографический очерк. — В кн.: Дневник Д. А. Милютина, 1873—1875, т. I, М., 1947, с. 10—11.

жуазных форм общественной жизни»²⁴². Как известно, Д. А. Милютин впоследствии был преобразователем русской армии; военная реформа 60—70-х годов способствовала превращению феодально-крепостнической армии России, потерпевшей поражение в Крымской войне, в армию нового типа. Хотя противники Милютина из реакционного лагеря считали его чуть ли не социалистом²⁴³, но в действительности он был лишь умеренным либералом, предпочитавшим реформы революции²⁴⁴. Между прочим, Д. А. Милютин проявлял большой интерес к истории Кавказа²⁴⁵.

Раевский и Милютин были, конечно, не единственными представителями русской администрации на Кавказе, которых волновало положение дел в этом сложном и очень важном для России крае. Тем более, что среди них были лица, направленные сюда, по существу, за «политическую неблагонадежность» и не желавшие примириться с реакционным режимом, который насаждался в стране и армии после Отечественной войны 1812 года, особенно после декабрьского восстания 1825 года. Даже среди деятелей более умеренных воззрений²⁴⁶ встречались лица, которые, по крайней мере, разделяли мнение о необходимости вступить с горцами в отношения, основанные на разумных экономических началах. Но, к сожалению, и их доклады и планы, представляемые в Петербург, не встречали там должного внимания. Вообще мысль об удовлетворении экономических запросов населения Кавказа настойчиво высказывалась в течение всей первой половины XIX века людьми самого различного служебного положения и политического направления. Так, в 1816 году крупный экономист своего времени адмирал Н. С. Мордвинов²⁴⁷ высказал мнение «о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жите-

²⁴² П. Зайончковский. Указ. соч., с. 20.

²⁴³ Например, у А. В. Никитенко было представление о Д. А. Милютине как о «красном», т. е. революционере, зашедшем в своем демократизме «слишком далеко» (См. его «Дневник». Т. 2. 1856—1865 гг. М., 1955, с. 395).

²⁴⁴ П. Зайончковский. Указ. соч., с. 21 и сл.

²⁴⁵ См.: КЭС. М., 1958, II, с. 183—184.

²⁴⁶ Здесь можно было бы назвать А. А. Вельяминова и П. Х. Граббе, как представителей передовых военачальников Кавказской армии, находившихся в оппозиции к реакционному главнокомандующему генералу Е. А. Головину и его штабу, и у которых даже декабристы находили «прибежище» и покровительство. Или же возьмем контр-адмирала Л. М. Серебрякова (о нем: «Вестник архивов Армении». Ереван, 1973, I), начальника 1-го отделения, а затем всей Черноморской береговой линии в 30—50-х гг., который не считал применение оружия первым и главным способом достижения цели. Он по своей личной инициативе прибегал к практическим шагам сближения с горцами, особенно к меновой торговле с ними. Проложенные им дороги служили не только военным целям, но и торговым. В Новороссийске Серебряков учредил училище для малолетних черкесов. Под его руководством на береговой линии было развернуто большое строительство военных и гражданских объектов. (Там же, с. 10).

²⁴⁷ Это был тот Мордвинов — единственный из членов Верховного уголовного суда, который отказался в 1826 году подписать смертный приговор декабристам.

лей»²⁴⁸. В этом отношении интересна, например, его записка еще от 1811 года на имя Александра I о преимуществах Сухумской морской пристани. В ней, в частности, говорилось: «Удобность сей пристани подает возможность приблизить Грузию и прикосновенные к оной области через Азовское море ко внутренности России; а к границе европейской через Черное море Сухум-Кале открыты может торговые сношения, с одной стороны, с Таганрогом, с другой — с Одессой»²⁴⁹. Еще более конкретно проблема мирных взаимоотношений России с горцами Кавказа была выдвинута в статье С. Иванова «О сближении горцев с русскими на Кавказе»²⁵⁰.

И среди солдат Кавказской армии было немало «штрафных» и ссыльных, участников различных массовых выступлений, из которых многие были причастны к общественной деятельности представителей прогрессивной России на Кавказе. Достаточно сказать, что в рядах Отдельного Кавказского корпуса в 1827 году, например, насчитывалось не менее 2 800 солдат-декабристов, часть из которых служила в Абхазии и на Западном Кавказе. Сочувственное отношение этих солдат к борющимся кавказским народам было очевидно с самого начала, и оно часто выражалось даже в открытом переходе их на сторону последних. Офицер Генерального штаба В. И. Мочульский писал, что солдаты, уходя в горы, «постоянно находят приют у ...неприятелей. Им дают... пищу, одежду и помещение... Их принимают с радостью... По прибытии ими некоторого времени в горах, горцы дают им жен и земли... Они вступают во все права коренных жителей...»²⁵¹. В частности, в Абхазии русские солдаты, избегая тяжелых условий военной службы²⁵² и жесточайшей палочной дисциплины, нередко совершали побег с береговых укреплений в горные районы, которые, как мы видели выше, долго оставались неподвластными царской военной администрации и не признавали фактически абхазского владетеля. Поэтому сюда, где веками жили «вольные» абхазские общества, массами стекались и местные крестьяне со всех концов Абхазии. Эти районы, отгороженные высокими хребтами и окруженные густыми лесами, под сенью традиционного гостеприимства их обитателей, были надежным убежищем бежавших с побережья абхаз-

248 См.: Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках, с. 187.

249 ЦГИА СССР, ф. 994, оп. 2. 1811 г., д. 80, л. 1.

250 См.: «Военный сборник»; 1859, т. VI, с. 541—549.

251 [В. И.] Мочульский. Война на Кавказе и Дагестане, ч. I. Политическая. 1844 г. — ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6528, лл. 73—74.

252 Между прочим, позже журнал «Отечественные записки» отмечал (1878, т. 237, № 3, с. 35) и такой вид эксплуатации солдат на Кавказе: «Сельскими хозяевами являлись, разумеется, офицеры, а солдаты — работниками. Хозяйство, основанное на дармовом или очень дешевом солдатском труде, было издавна распространено на Кавказе: у многих офицеров были пчельники, табачные плантации, табуны лошадей и овец; затем появлялись в городах домики, составлялись капиталы и т. д.» Порой у семейного офицера вся прислуга состояла из одного солдата.

ских крестьян и русских солдат. Переход последних из действующих воинских частей на сторону кавказцев и участие в их национально-освободительной борьбе, в которой главной движущей силой выступало крестьянство, порой были обусловлены ненавистью к самодержавию, сознанием общности интересов с интересами местных трудовых масс²⁵³.

Не случайно, конечно, именно в рассматриваемое время появляется острый памфлет на систему действий царских властей на Кавказе. Речь идет о книге (повести) «Проделки на Кавказе», автор которой назвал себя Е. Хамар-Дабановым²⁵⁴. Прототипом главного ее героя являлся декабрист А. А. Бестужев-Марлинский, под влиянием которого она и была написана. Поскольку книга, вышедшая в 1844 году, по признанию военного министра графа А. И. Чернышева, «тем вреднее, что в ней — что строчка, то правда»²⁵⁵, она была немедленно запрещена как весьма опасная²⁵⁶. В повести, в частности, говорилось: «Если бы все, которые готовы давать свое мнение о горцах, говорили о доставлении этим племенам мирных занятий хлебопашеством, промышленностью, торговлею, об обеспечении им безопасного существования, а не о резани

²⁵³ Этот процесс сближения абхазского населения с русскими наблюдается с самого начала. Уже французский коммерсант Поль Гибаль (1820 г.) «часто видел, как абхазцы охотно сближаются с русскими офицерами»: они «охотно выдают своих дочерей замуж за русских» (ИГАДА СССР, ф. 1261/1, д. 2896, лл. 133 об. — 134). Между прочим, один бывший русский солдат, женатый на абхазке, на р. Келасури имел мельницу, и «он мог бы разбогатеть, если бы ему не приходилось делиться со всеми родственниками» (Там же, л. 59).

Р. де Скарри (1818 — 1820 гг.) писал о русских солдатах-дезертирах, встречавшихся в Абхазии в большом количестве, которые были также «женаты на местных женщинах» (АКАК, т. VI, ч. I, с. 650). Ф. Ф. Торнау (1834 — 1835 гг.) отмечал, что лесопильный завод, построенный солдатами Бамборского укрепления недалеко от этого места, служил «одним из главных пунктов сближения абхазцев со своими русскими соседями». Последние мало-помалу привозили на завод «выменивать и выращивать доски» ([Ф. Ф. Торнау]. Воспоминания кавказского офицера, ч. I, с. 35). Во время военной экспедиции в Цесбальду в 1837 году в этом горном районе было обнаружено 129 русских солдат и матросов, которые большей частью имели «семейства и оседлость». Показательно и то, что когда их вели в лагерь, они «бежали с дороги, не желая явиться к царскому командованию» (АКАК, т. VIII, ч. I, с. 459 и 461, №№ 345 и 346).

²⁵⁴ Это — псевдоним, под которым, как предполагают, скрывается Е. П. Лачинова (урожд. Шелашникова), жена Н. Е. Лачинова, бывшего в 1839 году генерал-интендантом Отдельного Кавказского корпуса. Но повесть могла быть написана только с помощью человека, хорошо знавшего положение дел на Кавказе. Таким был брат мужа автора — Е. Е. Лачинов, который, попав в число лиц «прикосновенных» к делу декабристов, был разжалован в солдаты и отправлен на Кавказ. Вместе с тем сама Лачинова, находясь со своим мужем на Кавказе, вращалась в кругу декабристов и литераторов («Русский архив», 1881, кн. II (2), с. 246; [Е. Г. Вейденбаум]. Кавказские этюды. Тифлис, 1901, с. 319—320).

²⁵⁵ Цит. по: Е. Г. Вейденбаум. Указ. соч., с. 308.

²⁵⁶ Большое беспокойство вызвало также появление в «Отечественных записках» (1844, № 6, отд. VI, с. 67—72) рецензии на книгу. Рецензия эта тем более интересна, что имеются веские основания считать автором ее В. Г. Вельянского. (См.: А. В. Никитенко. Дневник. Т. I, 1826 — 1857. М., 1955, с. 283; 510—511, прим. И. Я. Аяенштока).

и вешании, то такие отзывы, раздаваясь со всех сторон, произвели бы лучшее впечатление в черкесах, поселили бы в них доверие и надежду, подали бы хорошие идеи²⁵⁷. Вообще же в книге изображена картина разложения офицерства царской армии на Кавказе, которое пользовалось варварскими методами истребления горцев, а иные из них обогащались, торгуя жизнью пленных и даже трупами. В этом отношении интересны высказывания и такого представителя кавказской армии, как Ф. Ф. Торнау (Торнов). Прибыв в Тифлис в 1832 году, молодой офицер знакомится с разными фактами, имевшими место на Кавказе в последние годы, «совершенно с другой стороны, чем они были известны публике»²⁵⁸. Торнау довольно резко отзываясь о «проектах о покорении Кавказа»²⁵⁹. С сарказмом говорит он о форме военного писемоводства²⁶⁰. Правда, с другой стороны, он отмечает стремление русской дворянской «военной молодежи» на Кавказ, «предпочитавшей труды боевой жизни парадной службе и блеску паркетных удач»²⁶¹. Торнау идет дальше этой довольно обычной критики бюрократическо-чиновничьих порядков на Кавказе, что граничило уже с протестом. Иначе нельзя расценивать, например, осуждение им «нравственного гнета, который всегда лежит на завоеванном народе»²⁶², взгляд, который явно перекликается с взглядами декабристов на Кавказскую войну. Показательно и рассуждение Торнау о том, что «бумаги писались в то время по присутственным местам не для уяснения, а для искажения правды...»²⁶³.

Укрепление связей Закавказья с Россией народной, демократической, и его последствия выражались и во многих других важных фактах и явлениях. Перемены, которые происходили в хозяйственном и общественном строе, хотя пока и в очень слабой степени²⁶⁴, закономерно сопровождались распространением свободолюбивых идей, стремлением к просвещению и культуре. Во всяком случае, создается почва для приобщения к передовой русской культуре, расширению идейных связей. Абхазия относилась к тем районам, для которых присоединение к России имело далеко идущие последствия и в сфере культуры. Стал изменяться облик Сухума, который в 1847 году был официально объявлен городом, и других

257 Цит. по: Е. Г. Вейденбаум. Указ. соч., с. 316.

258 Т. [Ф. Ф. Торнау]. Воспоминания о Кавказе и Грузии. — «Русский вестник», 1869, № 2, с. 415.

259 Там же, с. 416—417.

260 Там же, с. 411—412.

261 Там же, № 1, с. 7.

262 Е го ж е. Воспоминания кавказского офицера, ч. I, с. 36.

263 «Русский вестник», 1869, № 2, с. 415.

264 Здесь мы не будем касаться конкретно тех определенных изменений, которые произошли в социально-экономической жизни края уже в первой половине XIX века и были обусловлены как его присоединением к России, так и некоторыми внутренними событиями, связанными в значительной степени тоже с присоединением. Они будут рассмотрены частично в дальнейшем изложении, а результаты этого процесса — в заключительной главе.

населенных пунктов городского типа. В Сухуме проводится «большая улица», появляются «европейские магазины», аптека, больница, «клубная библиотека», в которой имелись, например, такие издания, как «Отечественные записки». Прокладываются дороги. Даже в сельских домах кое-где стали замечаться застекленные окна.

Особого внимания заслуживает возникновение школ и связанное с этим зарождение национальной демократической интеллигенции, хотя учебные заведения как в этот, так и в последующие периоды открывались «в видах правительства». А. Н. Лаврентьев в 1858 году, отмечая учреждение школ в с. Лыхны и в г. Сухуме, в которых воспитывалось за счет казны 40 абхазских детей, подчеркивал, что они «предназначены» именно «для духовного звания и должностей переводчиков»²⁶⁵. Трудно переоценить и значение практики направления юношей из местной знати в разные учебные заведения России, хотя это также делалось в интересах политики царизма. Приобщаясь к русской культуре и науке, некоторые из них продолжали служить им по возвращении на родину. Так, С. Т. Званба (1809—1855), свыше четырех лет проведя в военном училище в Петербурге, пристрастился к чтению, стал подписчиком многих периодических изданий. Едва ли не первые научные журналы попали в Абхазию, будучи адресованы ему. Вернувшись в родной край, Званба уже по-новому смотрел на быт и нравы земляков²⁶⁶. В первой половине 40-х годов Званба, будучи и. д. джигетского пристава²⁶⁷, в укреплении св. Духа (Адлер) открыл библиотеку²⁶⁸. Вскоре Званба получил известность своими очерками по этнографии абхазов и убыхов, опубликованными в газете «Кавказ». Сборник этих работ, положивших начало серьезному этнографическому изучению быта абхазского народа и внесших вклад в абхазоведение, был издан в Сухуми в 1955 году под названием «Этнографические этюды». Его перу принадлежит также обширная рукопись «О Гагре и джигетах», хранящаяся ныне в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина²⁶⁹. Есть основание полагать, что на общественно-политические взгляды Званба определенное влияние оказали декабрист А. А. Бестужев-Марлинский и некоторые другие русские дворянские революционеры²⁷⁰. Почти одновременно с С. Т. Званба

²⁶⁵ «Военно-статистическое описание губерний и областей Российской империи», т. XVI, ч. 5. СПб., 1858, с. 264.

²⁶⁶ «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. IV, с. 699.

²⁶⁷ Джигетское приставство, занимавшее значительную часть территории между Гаграми и Сочи, было образовано в 1840 году и причислено к Абхазии в 1841 году.

²⁶⁸ Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Грузинской ССР, ф. Е. Г. Вейденбаума, д. 1882/347, лл. 283—284.

²⁶⁹ См.: ф. 1000, собр. ед. дост. 1928, № 553.

²⁷⁰ См.: Г. А. Дзидзария. Соломон Теймуркович Званба, Биографически-библиографический очерк. — В кн.: С. Т. Званба. Этнографические этюды. Сухуми, 1955.

свою деятельность начинает и К. Г. Шервашидзе, выпускник Пажеского корпуса (1831 г.). Еще в Петербурге он сближается с революционно настроенной группой грузинских революционеров-учащихся. Здесь он приобщается к декабристским идеям, воспитывается на традициях передовой русской и европейской культур²⁷¹. В 1832 году К. Г. Шервашидзе был арестован в Тифлисе и выслан с Кавказа за причастность к грузинскому дворянскому заговору²⁷², который, несмотря на всю свою ограниченность и оторванность от народа, прозвучал как голос протеста против национального угнетения, и главной целью его было восстановление национальной независимости. Шервашидзе был арестован одновременно с А. Г. Чавчавадзе — виднейшим представителем грузинской интеллигенции того времени и выдающимся поэтом, с которым, как видно, он был в близких отношениях²⁷³.

Укрепление связей Абхазии с Россией выражалось также в том, что об этом крае все чаще стали писать политические и дипломатические деятели, военные и штатские чиновники, ученые и литераторы, путешественники и пр. В частности, уже с 30-х годов в русской прессе появляются сведения об истории, климате, физико-географических условиях и полезных ископаемых Абхазии (С. М. Броневский, А. Д. Абрюцкий, А. Д. Нордман, И. Т. Радожицкий, М. А. Селезнев, акад. М. И. Броссе, Г. И. Радде, Ф. И. Рупрехт и др.)²⁷⁴. Абхазия находит свое отражение в русском изобразительном искусстве (И. К. Айвазовский, Н. Г. Чернецов). Она стано-

271 См.: О. Г. Чургулиа. Грузино-абхазские литературно-культурные взаимосвязи в XIX веке. Автореферат докторской диссертации. Тбилиси, 1973, с. 35.

272 См.: АКАК, т. VIII, ч. I, № 281, 285 и 290; გ. გოჭეშვილი. 1832 წლის ზღაპრული, გ. II. თბილისი, 1970. გვ. 363—364, 379; З. В. Анчабадзе, Г. А. Дандария. Дружба вечная, нерушимая. Очерк из истории грузино-абхазских отношений. Сухуми, 1972, с. 101—104.

273 См.: В. Потто. История 44-го драгунского Нижегородского полка, т. IV. СПб., 1894, с. 25—26.

274 Говоря о научном знакомстве с народами Кавказа, следует выделить С. М. Броневского (1763—1830), который в 1802—1804 годах состоял правителем дел канцелярии главнокомандующего на Кавказе. Его основной труд «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе и его народах» (М., 1823) содержит в себе ценные сведения о Кавказском крае, в том числе и об Абхазии. В нем дается первая в истории русской науки общая характеристика общественного строя кавказских народов. С. М. Броневский был человеком прогрессивных взглядов. Он писал, что «продажа крестьян почитается за великий стыд» (с. 49). Книга Броневского получила широкую известность и большое распространение и надолго сделалась главным источником сведений о Кавказе. Она явилась для Лермонтова источником сведений о быте горцев Кавказа, которые поэт отразил в поэме «Измаил-бей». О книге Броневского отзывался А. А. Бестужев-Марлинский. Она имела в библиотеке Пушкина. Между прочим, великий писатель в 1820 году останавливался у С. М. Броневского на даче в Кефе, близ Керчи (КЭС, I, М., 1955, с. 297; II, 1958, с. 199; III, 1962, с. 262). Или же возьмем более конкретную работу об Абхазии — статью Абрюцкого «Статистический взгляд на Абхазию», помещенную в №№ 24—29 газеты «Тифлисские ведомости» за 1831 год. Она включает в себе главы: «Краткие исторические сведения об Абхазии» (происхождение абхазов, владетельные князья Шервашидзе-Чачба, присоединение к России), «Географическое описание стра-

вится и темой русской художественной литературы (Е. П. Зайцевский, А. А. Бестужев-Марлинский, П. П. Каменский и др.), в которой находят отражение важные социальные проблемы, связанные с присоединением края к России. Вместе с тем знакомство деятелей русской культуры с жизнью и творчеством абхазского и других народов Кавказа, в свою очередь, расширяло их кругозор, помогало им осознать значение общих социальных и политических вопросов того времени. Как писал Н. П. Огарев, «среди величавой природы... не исчезал приют русского свободомыслия». Возьмем, например, П. П. Каменского (1810—1870), популярного в то время писателя. Именно кавказские повести создали ему особый успех. Сосланный на Кавказ «за какие-то свободные разговоры»²⁷⁵, он становится членом предполагавшегося «Нового общества» в Тифлисе (писатель был в Грузии в 1833—1837 годах) и «закадычным другом» А. А. Бестужева-Марлинского, последователем которого он был²⁷⁶. Все это делает неслучайным прогрессивный характер позиций Каменского по отношению к судьбам кавказских народов. В повести «Келиш-бей»²⁷⁷, об абхазском владетеле конца XVIII—начала XIX века, он показывает свою осведомленность в сложных вопросах истории, быта и нравов абхазского народа. Это отнесется и к его роману «Искатель сильных ощущений» (СПб., 1839), 26-я глава третьей части которого посвящена Абхазии. В нем автор, в частности, выступает против такого социального зла, как практика работорговли. О поэте-моряке Е. П. Зайцевском следует сказать, что он с абхазским краем, видимо, был связан еще теснее. Зайцевский своим проникновенным лирическим стихотворением «Абазия» (Абхазия), написанным в Сухуме в 1823 году²⁷⁸, создал песню-гимн природе Абхазии. Девственная красота края, которой он так был очарован, оказала глубокое влияние на его поэтическое воображение. В таком взаимном обогащении национальных культур и заключался основной результат возраставшего с каждым десятилетием сближения народов дореформенной России²⁷⁹.

С другой стороны, как мы видели, уже к середине 40-х годов наблюдается более тесное сближение представителей феодальной и племенной знати Западного Кавказа и царских властей, массо-

ны» (границы, реки, озера, значение Черного моря, климат, флора) и «Состояние народа» (народонаселение, быт, вера, занятия). В отдельной главе рассказывается о системе управления Абхазского княжества. Затем следует «Перечневая ведомость о числе деревень и дворов в Абхазии». Большую ценность представляют также сочинения А. Д. Нордмана «Путешествие по Закавказскому краю» (ЖМНП, 1838, № 11) и В. П. Романова «Замечания о рейде при Сухум-Кале» (ЗУКМШ, 1829, ч. III).

²⁷⁵ «Русский архив», 1887, вып. 1, с. 109.

²⁷⁶ См.: В. Шадури. Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси, 1958, с. 222—226.

²⁷⁷ Эта повесть впервые была опубликована в «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду» от 20 и 28 января 1837 г.

²⁷⁸ См.: альманах «Полярная Звезда» на 1825 г. СПб., с. 112.

²⁷⁹ «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. IV, с. 701.

вый переход первых на сторону царизма. Даже наиболее популярный в народе убыхский предводитель Хаджи-Берзек-Дагомук, правда, не присягнувший официально царскому правительству, теряет свой авторитет в глазах народа. Убедившись в этом, он отрывается от политической деятельности, хотя незадолго до этого он при всех дал клятву, что «скорее позволит на себя надеть женские шаровары, чем пропустит русских в свой край»²⁸⁰. Но вскоре на Северо-Западном Кавказе одновременно появляются наибы Шамиля, из которых самым активным оказался Мухаммед-Эмиль. Под руководством этого выдающегося наместника имама в конце 40-х годов борьба горцев вступает в новую фазу. В одном только 1849 году было совершено 101 вторжение на занятую царскими войсками территорию²⁸¹. Главнокомандующий и самодержавный наместник Кавказа М. С. Воронцов в инструкции от 1 марта 1854 года генералу Н. А. Реаду подчеркивал: «Хотя действия Шамиля ограничиваются Дагестаном и Чечнею, но после успехов в 1843 году его влияние распространилось во всех горах и за Кубанью и по Черноморской береговой линии; агенты его: Хаджи-Мухаммед, потом Сулейман-эфенди и, наконец, теперешний Мухаммед-Эмиль, говоря его именем и действуя по его системе...»²⁸², старались воспользоваться помощью как со стороны Шамиля, так и иностранных государств. В своей внешней политике он преследовал цель укрепления союза с Турцией. Как увидим ниже, энергичный наиб очень стремился распространить свое влияние и на Абхазию, установив связь с некоторыми ее феодалами.

Однако, несмотря на все усилия англо-турецкой агентуры и местного мусульманского духовенства, в отличие от Восточного Кавказа, где освободительное движение развивалось под знаменем «священной войны» — газавата и возглавлялось мюридами и мюридизм своим острием стал направляться против установления влияния России в крае, антиколониальная борьба на Западном Кавказе не носила религиозного характера. Во всяком случае, мюридизм здесь не получил значительного распространения и не пустил корней в гущу народа, несмотря на то, что он наложил известный отпечаток на всю последующую деятельность ряда вождей племен этого района Кавказа²⁸³. Как писал М. Н. Покровский, «строй черкесского общества

²⁸⁰ «Русский архив», 1884, № 1, с. 214.

Восвал же Хаджи-Берзек отчаянно. В 1841 году в одном бою он, 70-летний старец, за два дня потерял из 9 своих сыновей четырех убитыми; остальных, израненных, привезли в отцовский дом (М. Ф. Федоров. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 год. — КС, 1879, т. III, с. 213).

²⁸¹ «История СССР», т. II. Учебник для высшей школы. Под редакцией проф. М. В. Нечкиной. М., 1940, с. 287 — 288.

²⁸² АКАК, т. X, ч. I, № 71, с. 93.

²⁸³ «Очерки истории Адыгеев», т. I, с. 308, 341; С. К. Бушуев. О кавказском мюридизме. — «Вопросы истории», 1956, № 12, с. 74; В. П. Невская. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Черкеск, 1956, с. 77.

сам по себе плохо мирился с новым учением», т. е. с мюридизмом²⁸⁴. Даже такой великодержавный историк Кавказской войны и видный царский военачальник как Р. А. Фадеев безоговорочно утверждал, что «мюридизм с его всепоглощающим и всезаменяющим фанатизмом не привился к закубанцам»²⁸⁵. В этом духе писал и Г. Мерцбахер: «Тщетно эмиссары Шамиля старались воспламенить воинственный народ в пользу мюридизма, и даже искуснейший уполномоченный Шамиля Магомед-Эмин, проживавший с 1848 по 1859 год между черкесами, не сумел вовлечь их в союз с предводителем мюридов»²⁸⁶. Советский историк М. В. Покровский еще более конкретизирует этот вопрос и дает ему, на наш взгляд, единственно правильную оценку. Он считает, что борьба осетин, кабардинцев, абхазов и большинства адыгейских (черкесских) племен, населявших обширную территорию Западного Кавказа, против колониальной политики русского царизма «протекала вне связи» с мюридистским движением; кавказский мюридизм тем более необходимо отделить от антифеодальных движений крестьян²⁸⁷.

Лишь некоторые горские племена одно время поддерживали мероприятия наиба. Это были, главным образом, абадзехи, а затем — натухайцы и убыхи. Еще менее были затронуты мюридистским движением шапсуги, бжедуги и другие адыгейские племена, а из абхазских племен, в такой же слабой степени, — садзы (джигеты). Что касается собственно Абхазского княжества, то здесь, как в Кабарде и Осетии, ранее вошедших в состав России и имеющих более тесные политико-экономические и культурные связи с ней, и вовсе неудачными оказались попытки распространить мюридизм²⁸⁸. Вице-адмирал Л. М. Серебряков в записке от 11 декабря 1852 года констатировал: «Абхазия отделяется от земли абадзехов главным снеговым хребтом и от убыхов — едва проходимыми хребтами, образующими нагорную долину Псху и подходящими к самому морю при укр. Гагры. Через эти пределы еще не переступало учение мюридизма в страну абхазского племени, и только джигеты и жители Ахчипсоу, находящиеся вне этих пределов, со стороны убыхов подверглись влиянию соприкосновения с этою сектою»²⁸⁹.

В этом деле наиболее активную роль играли убыхские пред-

284 М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1924, с. 228.

285 Р. А. Фадеев. Собрание сочинений, т. I, ч. I. СПб., 1890, с. 132.

286 Г. Мерцбахер. К этнографии обитателей Кавказских альп. — ИКОРГО, 1905—1906, т. XVIII, № 2, с. 97. Эта статья является переводом восьмой главы („Aus der Hoch regionen des Kaukasus“) первого тома сочинения автора „Zur Ethnographie der Bewohner der kaukasischen Alpen“.

287 М. В. Покровский. О характере движения горцев Западного Кавказа в 40—60-х годах XIX века. — «Вопросы истории», 1957, № 2, с. 62.

288 А. В. Фадеев. О внутренней социальной базе мюридистского движения на Кавказе в XIX в. — «Вопросы истории», 1955, № 6, с. 68.

289 АКАК, т. X, ч. I, № 240, с. 238.

водители — непосредственные соседи садзов-джигетов²⁹⁰, значительная часть которых к тому времени приняла русское подданство. Убыхи с самого начала вплотную столкнулись с колониальной политикой царизма и пытались организовать совместную борьбу против царизма всех соседних племен и народностей²⁹¹. Начальник Черноморской береговой линии А. И. Будберг недвусмысленно писал, что «прибрежное народонаселение от Геленджика до границы джигетов составляет второй союз, во главе которого стоят убыхи»²⁹². Они стремились оказать давление на садзов и силой оружия. Так, начальник Черноморской береговой линии И. Р. Анреп в рапорте от 12 сентября 1842 года командиру Отдельного Кавказского корпуса Е. А. Головину сообщал, что убыхский предводитель Хаджи-Берзек-Дагомук²⁹³, голова которого была оценена царским правительством в 1000 рублей серебром, предпринимал меры к сбору «вооруженных людей», чтобы «с силами, доселе невиданными, ударить на джигетов» и заставить их отложиться или «огнем и мечом опустошить землю»²⁹⁴.

²⁹⁰ Убыхи занимали часть Черноморского побережья, между р. Хоста (Хамышь) и р. Шахе, гранича на востоке с абхазскими племенами, а на западе — с шапсугами и подразделяясь на ряд племен. Этнически и лингвистически они составляли промежуточное звено между абхазами и адыге (черкесы) и занимали особое место в западной группе народов Кавказа. Численность убыхов в 30-х годах XIX века равнялась около 40 тыс. человек. Но поскольку убыхи в Кавказской войне «играли выдающуюся роль, считали их народом многочисленным и сильным» («Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXXIV, 67, СПб., 1902, с. 413). Они отличались храбростью и организованностью, почему царские генералы и называли их «самым воинственным» племенем на Западном Кавказе (Г. И. Филипсон. Воспоминания. М., 1885, с. 187), «главным ядром, образцовым отрядом, бившимся отчаянно вперед всех, в отступлении — сзади всех» («Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXXIV, 67, с. 413). Убыхи, и по характеристике Н. Карлгофа, «хотя и немногочисленные, но сильные по своей воинственности и деятельности» (КК, 1860, отд. III, с. 79).

Джигеты (джики) — садзы (точнее асадуа или асадука) принадлежали к абхазской этнической группе. Занимали они территорию от гагринских теснин до р. Хоста (Хамышь) и делились на горных и прибрежных, которые в свою очередь подразделялись на ряд обществ. Первые (ахчипсаа, айбгаа, псхуаа и др.), обитавшие в верховьях рек Мзымта и Псоу и среднем течении Бзыби, были известны под названием мдоаа — «медовсвцы» в русских источниках. Здесь господствовали княжеские фамилии Маршанья (Маршьян) и Анчабадзе (Ачба). Территория же, занятая прибрежными садзами, делилась на общества, связанные, главным образом, с наиболее знатными родами (фамилиями) данного региона — Гечба (Геч), Арыдба (Арыд, Аред), Артба (Арт) и др. Эти общества северо-западных абхазских племен Ф. Ф. Торнау называл также княжествами и республиками (См.: «Воспоминания кавказского офицера», ч. II. М., 1865, с. 46). Территория, занятая садзами, была известна под общим названием Джигетия или Малая Абхазия.

²⁹¹ А. Фадеев. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе..., с. 146—147.

²⁹² АКАК, т. X, ч. II, с. 670, № 617 (Рапорт ген.-адъют. Будберга от 29 июня 1848 г. кн. Воронцову).

²⁹³ Жил он на правом берегу Сочи-пста, в ауле Мутыхуасуа.

²⁹⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6470, лл. 105—109.

Хаджи-Берзек пытался оказать воздействие и на Абхазское княжество, где он, как мы видели, обратил свои взоры прежде всего на Цебельду и Дал с целью установления контакта с движением в этих горных районах. Надо сказать, что царские власти очень опасались его появления здесь, полагая, что это могло стать сигналом к восстанию по всей Абхазии²⁹⁵. А угрожал Хаджи-Берзек довольно серьезно. В сентябре 1840 года, например, он собрал до 7 тысяч человек и дошел до р. Цаидрипшь. Но меры, своевременно принятые русским командованием и абхазским владетелем, который собрал значительную «милицию» и во многих местах на р. Бзыбь устроил завалы, заставили убыхского предводителя вернуться обратно²⁹⁶. Подобные попытки предпринимались убыхами и позже. Так, в феврале 1852 года «убыхская партия» в составе до 3 тыс. человек вторглась в Абхазию. Она спустилась в ущелье Аура, в 12 километрах от Бамборы, где была встречена абхазской «милицией» под начальством генерала Каца Маргания (Маан). Перестрелка продолжалась в течение нескольких часов, в результате чего убыхи вынуждены были отступить²⁹⁷. Владелец Абхазии Михаил Шервашидзе играл активную роль в борьбе против подобных вторжений, что было оценено правительством весьма высоко.

Неравномерность распространения мюридизма среди горских народностей Кавказа объяснялась отличием в уровне их общественно-экономической и культурной жизни. Мюридизм получил наибольшее распространение как раз среди тех из них, которые отличались неразвитостью феодальных отношений и значительной крепостью патриархально-общинного уклада²⁹⁸. Не случайно, конечно, в Абхазском княжестве именно в его горных районах — Дале и Цебельде — была сделана попытка установить связи с Шамилем и Мухаммед-Эмином. По сообщению генерала Н. Н. Раевского, некоторые дальские князья Маршания посылали гонца в Дагестан с целью разведать «со всей подробностью о действиях Шамиля»²⁹⁹. А спустя через 11 лет после этого адмирал Л. М. Серебряков до-

²⁹⁵ Там же. 1840 г., д. 6392, лл. 7—11 (Рапорт Н. Н. Раевского от 2 ноября 1840 г. Е. А. Головину).

²⁹⁶ Там же, д. 6381, лл. 75—78 (Рапорт Е. А. Головина от 17 октября 1840 г. А. И. Чернышеву).

²⁹⁷ АКАК, т. XII, ч. II, с. 537, № 483 (Приказ М. С. Воронцова от 15 марта 1852 г. по Отдельному кавказскому корпусу).

²⁹⁸ А. В. Фадеев. О внутренней социальной базе мюридистского движения, с. 68, 77 и др.

²⁹⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, 1840, г., д. 6392, лл. 1—4 (Рапорт ген. Н. Н. Раевского от 17 октября 1840 г.).

В другом документе, относящемся к началу 40-х годов, говорится, что в лагере Шамиля находился один из абхазских феодалов, чуть ли не брат владетеля. Этот князь, будучи русской гвардии подпоручиком, бежал в горы, сорвав с себя эполеты и изрубив их шашкой. Он «при восстании Шамиля... соединился с ним, помогал возмущать горцев и учить их регулярству» (ЦГАОР СССР, ф. 109, I экспед., д. 292, лл. 135—136).

носил, что руководитель абреческого движения в Дале и Цебельде Эшсоу Маршания «вошел в сношение с Могамет-Амином и, как носят слухи, получил от него приглашение принять начальство над сильною партией в замышленном наибом предприятии овладеть Карачаем». При этом уверяли, что «наиб объявил, будто бы это предприятие необходимо для открытия Шамилю свободной дороги к Абхазии, а также и для предварительного распространения влияния своего на этот край...»³⁰⁰.

Это отмечал и К. Д. Мачавариани, который писал: «...Эшсоу принимал участие во всех действиях Магомета-Эмина (главного помощника Шамиля) на Северном Кавказе и оттуда вторгнулся в Цебельду»³⁰¹. Есть также сведения о том, что в Абхазию проникали «разные шейхи», которые проповедовали шариат, тарикат и «общее восстание против русских»³⁰². Следует сказать и о том, что в абхазских героических песнях, одной из важнейших тем которых является народно-освободительная борьба, хорошо известен газават в его почти идентичной форме — «казаут» (казаут) (сходен с кабардинским «казуат»). «Казаут» — тема многих песен этого жанра. Характерно, что территорией сражений являются районы Северо-Западного Кавказа и равнины Кубани; встречаются и такие топонимы, которые заставляют искать места отдельных событий именно в областях Восточного Кавказа — родины газавата.

Но и тот незначительный успех сподвижника Шамиля в распространении мюридизма, являвшегося по своей социальной природе, несмотря на все разнообразие внешних форм его проявления, идеологией феодальных верхов, среди некоторых народностей этого края в 40—50-х годах был обусловлен в первую очередь поддержкой дворянско-княжеской знати. Не случайно, что в ряду ближайших помощников Мухаммед-Эмина были такие личности, как Измаил Дзиаш (Дзейш) и Хаджи-Керантух-Берзек — члены «самых знатных» убыхских фамилий. Крестьян же привлекали к движению, в основном, обещания наиба дать им свободу и независимость. Вообщем популярности Мухаммед-Эмина способствовала именно его социальная демагогия. Он настойчиво и, надо сказать, довольно умело внушал горским массам мысль, что шариат якобы «устанавливает равенство между мусульманами». А время было такое, когда происходило дальнейшее обострение социальной борьбы внутри горского общества³⁰³. И проповедники мюридизма очень ловко

³⁰⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35—692, лл. 89—98.

³⁰¹ К. Д. Мачавариани. Описательный путеводитель по Сухуму и Сухумскому округу. Сухум, 1913, с. 277.

³⁰² ГАКК, ф. 260, ол. 1, д. 559, л. 185.

³⁰³ В этом отношении весьма интересны наблюдения английского агента на Северо-Западном Кавказе Лонгворта, относящиеся к 1837—1838 годам. Подчеркивая усиление классовых противоречий в черкесском обществе, он писал, что «власть дворян повсеместно клонилась к упадку», «средний класс» «торжествовал свою победу». В подтверждение своей мысли он приводит следующий факт. В Пшаде жил очень «богатый и могущественный» дворянин по имени Ислам Гери Индар-оглу, поля которого обрабатывали около сотни крестьян. Он при-

лавировали между борющимися классами. Нуждаясь в поддержке широких слоев народа, они заигрывали с крестьянством. Именно этим и объясняется, повторяем, известный успех Мухаммед-Эмина среди крестьянских масс на Северо-Западном Кавказе, которые надеялись с помощью энергичного наиба «сбросить с себя власть высшего сословия»³⁰⁴.

Вожди мюридизма использовали также стихийное недовольство населения колониальным режимом, насаждавшимся на Кавказе царизмом. Режим же этот, как уже отмечалось, был весьма жестоким. Антинародная по своей сущности политика царского самодержавия исключала возможность введения гуманного и справедливого управления. И мюридистские проповедники старались, и не безрезультатно, возмущение горцев завосвательной политикой царизма обратить в чувство ненависти к России. Этим в основном объясняется добровольное участие в мюридистском движении вообще горских крестьян, что придавало силу и размах движению и определяло его успехи³⁰⁵.

Во то же время это было временным явлением. Отход крестьян от мюридистского движения был неизбежным по причине именно его социальной природы. Тем болсе, что Мухаммед-Эмин, укрепив свою власть, начал открыто сотрудничать с дворянством. Он облагал крестьян тяжелыми налогами, запрещал торговлю с русскими, преследовал противников газавата и т. д. Народные массы отказывались принять систему, насаждавшуюся наибом. Они начинают выступать против мюридизма, военно-теократического режима и усилившейся феодальной эксплуатации. В ряде случаев эти выступления носили характер вооруженного сопротивления. «Бывало, — писал Т. Лапинский, — не успеет наиб повернуться спиной к мекхеме, как жители уже были охвачены восстанием, и начальник мекхемы, кади и муртакики изгнаны. Нередко также подвергались пламени общественные здания и мечети. Это особенно часто наблюдалось в Убухии и Шалсугин»³⁰⁶. Командующий Черноморской кордонной линии генерал Рашпиль в июле 1850 года писал: «Редкий день приходится, чтобы я не слышал жалоб от них (бжедугов. — Г. Д.) на настоящее положение дел и раскаяния за признание власти Мухаммед-Эмина, слишком для них тягост-

своил себе право обложения налогом всех заходивших в гавань судов и их грузов. Представители «среднего класса» на своем совете решили «считать это право узурпацией, против которой они были готовы использовать силу своего оружия». (J. A. Longworth. A year among the Circassians, vol. I London, 1840, p. 55). А вот что сообщает Лонгворт о размере богатств одного из представителей «простого народа» — Хас Демира: около 3-4 тыс. голов овец, около 100 голов крупного рогатого скота и несколько дюжин рабов (там же, с. 171).

³⁰⁴ ГАКК, ф. 261, оп. 2, д. 1041, л. 86. — Б. И. Джимов, Крестьянское движение в Адыгее в XIX веке (до 1870 года) (Автореферат кандидатской диссертации). Майкоп, 1967, с. 24.

³⁰⁵ А. В. Фадеев. О внутренней социальной базе мюридистского движения, с. 72 — 75.

³⁰⁶ Т. Lapinski. Указ. соч., т. I, с. 282.

ной»³⁰⁷. Даже со стороны абадзехов наиб часто испытывал подобное отношение к себе. Воспользовавшись открытием военных действий русскими войсками, в начале 1851 года темиргоевцы отошли от Мухаммед-Эмина и установили добрососедские отношения с Россией. В начале октября того же года так называемые «беглые кабардинцы» и бесленеевцы выступили против наива и изъявили «покорность» России. В ноябре восстание подняли бжедуги, которые сбросили власть Мухаммед-Эмина и принесли присягу России³⁰⁸. В ноябре 1851 года, во время движения русского отряда вверх по реке Белой, население верховьев рек Уль и Фарс отказалось выступить против этого отряда. Абадзехские старшины уверяли русское командование в своей «покорности» и «явно отреклись от Мухаммед-Эмина, который должен был укрыться в отдаленные леса с опасностью для собственной жизни»³⁰⁹. Другое абадзехское общество, Псюшепс, где в конце 1851 года проживал Мухаммед-Эмин и которое готово было снова выдать ему аманатов (заложников), решило отказаться от этого и предложило наиву (выехать от них куда ему угодно, вследствие чего Мухаммед-Эмин и отправился на р. Псекулс»³¹⁰. Кстати, когда 30 мая 1850 года наиб прибыл сюда, в долину Псекулс, то шапсуги не приняли его, и он вынужден был вернуться обратно к абадзехам³¹¹.

Наиболее упорное сопротивление Мухаммед-Эмину оказали прибрежные шапсуги и натухайцы, а крестьянское ополчение шапсугов во главе с Хамызом Кобле окружило лагерь наива около реки Шесбжа и уничтожило его³¹². Восстали также бжедуги и другие адыгейские племена. Одним словом, восстание охватило все побережье, а затем и северный склон Кавказского хребта. Этот факт в русской официальной переписке был квалифицирован как всеобщее выступление адыгейских племен «против власти» Мухаммед-Эмина³¹³. Наив с остатками своих сил вынужден был укрыться в земле убыхов, у границ которых, в долине Вардане, повстанцы сожгли построенную им крепость³¹⁴. Граф Н. П. Игнатьев, известный дипломат и государственный деятель царской России, в своих лекциях по военной географии на тему «Кавказский край», прочитанных в 1852 году в Военной академии Генерального штаба, подчеркивал, что «доселе все старания шамильевых поверенных подчинить эти племена (шапсугов и убыхов. — Г. Д.) главе мюридизма оставались напрасными»³¹⁵.

³⁰⁷ АКАК, т. X, ч. II, с. 602, № 553.

³⁰⁸ Б. М. Джимов. Указ. соч., с. 24.

³⁰⁹ АКАК, т. X, ч. II, с. 613, № 562 (Приказ М. С. Воронцова от 20 декабря 1851 г. по Отдельному Кавказскому корпусу).

³¹⁰ АКАК, т. X, ч. II, с. 612, № 559.

³¹¹ Там же, с. 681, № 632.

³¹² Б. М. Джимов. Указ. соч., с. 24—25.

³¹³ М. В. Покровский. О характере движения горцев Западного Кавказа в 40—60-х годах XIX века, с. 69, 73.

³¹⁴ ГАКК, ф. 260, св. 177, л. 1406, л. 125.

³¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. I, д. 21, л. 84 об.

Объясняя причины того, что, например, на так называемом правом фланге Кавказской линии (от верховьев р. Кубани до границ Черноморья) «распространение мюридизма ... шло довольно медленно», что «пропаганда Магомета Амина встретила довольно сильный отпор», Добровольский-Евдокимов подчеркивал, что «это учение почти противоречит духу учреждений закубанских племен»³¹⁶.

Вооруженное выступление адыгейских крестьян против режима Мухаммед-Эмина в 1850—1851 годах привело к ликвидации созданной им теократической власти. Но в 1852 году ему удалось с помощью дворянства и духовенства восстановить свои позиции. Обосновавшись наконец в Убыхии, Мухаммед-Эмин с самого начала угрожал вторжением в землю садзов-джигетов, присягнувших на верность России. А убыхи были известны как «всегдашние противники джигетской покорности»³¹⁷. Русским командованием был предпринят ряд специальных мер для защиты Джигетии³¹⁸. Тем не менее Мухаммед-Эмину удалось установить свою власть над частью этого края. Теперь серьезно стал вопрос о защите Абхазского княжества «от властолюбивых... замыслов наиба»³¹⁹. Еще в начале его появления среди убыхов начальник Черноморской береговой линии А. И. Будберг писал, что успех наиба «между джигетами принесли бы тот большой вред, что из этого абхазского племени мюридизм легко мог бы постепенно распространиться во владении абхазском, которого народонаселение наполовину (?) состоит из мусульман»³²⁰. Об этой опасности писал с тревогой и абхазский владетель М. Шервашидзе. Он даже считал, что успех наиба в Абхазии поставил бы под угрозу «все пространство гор, окружающих ее», поскольку она «представляет весьма удобный спуск» для неприятеля в пределы указанного края³²¹. Однако Мухаммед-Эмин и в Джигетии встретил сильное сопротивление. Начальник Черноморской береговой линии Л. М. Серебряков в рапорте от 4 сентября 1852 года на имя наместника Кавказа сообщал, что среди даже принявших власть наиба джигетов «есть и партия недовольных... [они] тайно поджигают сено и строения у лиц, облеченных властью» Мухаммед-Эмином³²². Тот же Серебряков, говоря о действиях наиба среди убыхов, писал об имевшем место «всеобщем восстании прибрежных жителей против власти» наиба³²³. Извест-

³¹⁶ Добровольский-Евдокимов. Экспедиция 1851-го года на Правом фланге Кавказской линии. — КС, 1884, т. VIII, с. 333—334.

³¹⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35—692, лл. 89—98 (Рапорт Серебрякова Воронцову от 8 июля 1852 г.).

³¹⁸ Там же, лл. 129—147.

³¹⁹ Там же, лл. 105—108.

³²⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 272, 1850 г., св. 126, д. 206/11, л. 116.

³²¹ ГАКК, ф. 60, оп. 1, д. 1202, св. 151, лл. 2—4. (Письмо владетеля Абхазии М. Шервашидзе от 24 марта 1851 г. М. С. Воронцову).

³²² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 35—692, лл. 115—122.

³²³ Там же, л. 89 (Рапорт Серебрякова от 8 июля 1852 г. Воронцову).

но также, что Мухаммед-Эмин на Черноморской береговой линии где только ему удалось действовать, «ниспроверг все кресты», но «впоследствии жители возобновили их во многих местах, разрушили мечети»³²⁴.

Все эти и другие факты свидетельствуют о том, что антиколониальная борьба на Западном Кавказе действительно не носила религиозного характера; юридикализм здесь имел «наносный характер», «религиозные мотивы в борьбе адыгов за свободу не играли заметной роли»³²⁵. С другой стороны, нельзя полностью отрицать роль религиозной идеологии в этой борьбе, а, следовательно, и в истории махаджирства. Это подчеркивали и те царские военные деятели, которые хорошо знали обстановку на Западном Кавказе. Так, начальник Черноморской береговой линии в ноябре 1843 года писал: «Единство веры усилило влияние Турции, и горцы, признавая султана главой мусульман, были недалеко от того, чтобы подчиниться его политической власти»³²⁶.

Об отрицательной роли мусульманства вообще на Кавказе хорошо сказал азербайджанский историк Х. М. Ибрагимбеги. «Ислам, — пишет он, — как господствующая на большей части Кавказа религия, выполнял роль сильного ветра при возникновении даже небольшого огня. Ислам являлся врагом народов Кавказа, ибо он разжигал вражду не только против русских, но и против христианских народов самого Кавказа. Уместно сказать, что русский царизм весьма эффективно использовал эту особенность ислама для разжигания национальной вражды между разными народами Кавказа»³²⁷.

Говоря конкретно об абхазской действительности, следует остановиться хотя бы вкратце на вопросе о религиозных воззрениях абхазов в XIX веке для выяснения роли этой идеологии в переселенческом движении. В Абхазии, как известно, издавна соперничали христианство³²⁸ и мусульманство, а им обоим противостояли

³²⁴ АКАК, т. X, ч. 1, с. 235, № 240 (Записка вице-адм. Серебрякова от 11 декабря 1852 г.).

³²⁵ «Очерки истории Адыген», т. I, с. 351.

³²⁶ АВВР, ф. Турецкий стол (старый), оп. 502 а, 1843-1868 г., д. 4504, л. 14-об.

³²⁷ Х. М. Ибрагимбеги. Страницы истории боевого содружества, с. 69.

³²⁸ Христианство в Абхазии официально было введено в VI веке, при византийском императоре Юстиниане. Но еще до этого, к концу античной эпохи, на территорию Абхазии, как и на все Черноморское побережье Кавказа, христианство проникает сравнительно быстро. Уже к первой четверти IV в. одним из главных центров христианства на Кавказе становится Питвунт (Пицунда), где учреждается епископская кафедра. На первом Вселенском соборе в Никее (325 г.) присутствовал пицундский епископ Стратофил, а на Халкедонском (451 г.) — анакопийский епископ Керконий. Христианство постепенно проникает и во внутренние районы края. Вот почему Прокопий Кесарийский (VI в.), говоря об апсилах, подчеркивал, что они «с давних уже времен христиане» (Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, с. 380). М. Пейсонель писал, что религия абхазов «представляет собою смесь христианства с пантеизмом; тем не менее народ признает себя благочестивыми христианами» (М. Пейсонель. Иссле-

родо-племенные культы, связанные с пережитками первобытно-общинного строя. Борьба этих двух религий в крае шла остро с самого начала установления здесь господства султанской Турции. А для последней насаждение мусульманства и уничтожение христианства на Кавказе было одним из важнейших средств, применявшихся ею для утверждения своего владычества в крае. Но в Абхазии «первыми, принявшими магометанство, по словам народа, были люди зажиточные, преимущественно из высших фамилий, имевших торговые дела с турками»³²⁹. Положение фактически не изменилось даже к началу XIX века³³⁰. Причем распространение ислама ограничилось не только некоторыми социальными слоями населения, но и определенными районами.

После присоединения Абхазии к России борьба между христианством и мусульманством здесь принимает еще более острый характер. Как уже подчеркивалось, российская официальная церковь являлась верным орудием колониальной политики царизма, призванной привести население окраин к «повиновению» мюхтарху. И для достижения этой цели «восстановители» православного христианства не брезговали никакими средствами, в том числе подкупом и насилием. Это обстоятельство особенно осложняло положение дел в Абхазии, усиливая недовольство масс политикой царских колонизаторов вообще и их ставленников в лице некоторых кругов абхазских феодалов. С другой стороны, объективно создавались благоприятные условия для мусульманства, проповедники которого вместе с протурецки настроенными местными князьями и дворянами стремились воспользоваться ими незамедлительно. О временных успехах этих «ловких проповедников корана», например, в русской официальной прессе было сказано довольно много³³¹.

Однако в целом каждая из названных соперничавших религий находила более серьезное препятствие со стороны самого трудового народа, в сознание и быт которого они не могли войти прочно. В связи с этим наблюдалось даже определенное оживление древнейших религиозных верований, которых абхазские крестьяне придерживались довольно упорно. Русский офицер-разведчик Ф. Ф. Тор-

дование торговли на абхазско-черкесском берегу Черного моря в 1750—1762 годах. Краснодар, 1927, с. 29). А вот что писал академик И. А. Гюльденштедт: «Кроме каменных церквей и их развалин, следы прежнего христианства видны еще и в образе их (абхазов.— Г. Д.) жизни: они все еще соблюдают великие посты, празднуют воскресные дни не богослужением, но отложением всякой работы, и едят свинину» (Гюльденштедт. Географическое и историческое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809, с. 139—146).

³²⁹ [А. Н. Введенский]. Религиозные верования абхазов.— ССКГ, 1871, в. V, отд. III, с. 6.

³³⁰ Абхазский владетель Сафарбей (Георгий) Шервашидзе в своих «Просительных пунктах», поданных Александру I в 1809 году, писал, что он вместе со всем своим народом принимает подданство российских императоров «с исповеданием прежней веры нашей, которой были предки наши христианами по греческому закону» (АКАК, т. III, с. 209, № 375).

³³¹ См.: например, «Кавказ», № 5, 1868 г. (О положении Абхазии в религиозном отношении).

нау по поводу своего посещения в 1835 году Ахчипсу (Ахчипсы) писал: «В Медовое только все Маршани и некоторые второстепенные дворянские фамилии исповедуют магометанскую веру; простой народ склоняется к язычеству...»³³². обстоятельно об этом читаем в «Этнографических этюдах» подполковника С. Т. Званба: «В Абхазии следы христианства остались только в развалинах древних церквей и монастырей. Учение Магомета затмило в этой стране луч истинной веры; но, в свою очередь, и оно не нашло ревностных последователей в народе. За исключением владетельного дома, коего члены исповедуют православную веру, весьма немногая часть народонаселения Абхазии считается христианами и очень ограниченное число жителей ее признают себя магометанами; остальные же все язычники. Хотя христиане и магометане не имеют никакого понятия о догмах исповедуемой ими веры и исполняют только наружные обряды в искаженном виде, но у них, как и у язычников, остались христианские понятия о боге и будущей жизни. Все они вообще питают большое уважение к остаткам христианских храмов и в важных случаях принимают в них присягу. Несмотря, однако же, на эти религиозные понятия, все жители Абхазии, без различия вероисповедания, поклоняются некоторым божествам и совершают языческие обряды»³³³. Ф. Завадский к этому добавляет: «Религия ни в каком отношении не налагает различия между жителями Абхазии. Часто в одном семействе находятся христиане и магометане и живут между собою в совершенном согласии»³³⁴.

Еще более обстоятельную картину распространения христианства и мусульманства и их соотношения к середине XIX века в Абхазии дает вице-адмирал Л. М. Серебряков. «Абхазское племя... составляет собственно владение Абхазское, под наследственным управлением владетельного дома князей Шервашидзе и независимые от владетеля и между собою отдельные области: Самурзакань, Цебельду, Псху, Ахчипсоу и джигетов. В первом и Самурзакани часть народонаселения исповедует христианскую веру, в прочих все жители — мухаммедане³³⁵. Собственно во владении Абхазском святое учение принято владетельным домом³³⁶ и низшими слоями (крестьянским населением. — Г. Д.), а прочие аристократические фамилии, за весьма редким исключением небольшого числа дворян, преданы мусульманству. Если принять в соображение, что в абхазском племени князья и дворяне управляют народом на правах наследственных властей и что между первыми есть

332 Ф. Ф. Торнау. Воспоминания кавказского офицера, ч. I, с. 40.

333 С. Т. Званба. Этнографические этюды. Сухуми, 1955, с. 65.

334 Ф. Завадский. Абхазия и Цебельда. — «Кавказ», № 60, 3(15) августа 1867.

335 Последнее утверждение не совсем соответствовало действительности. Даже в горной Цебельде христианство, как отмечал наместник Кавказа М. С. Воронцов в 1851 году, имело некоторое распространение (АКАК, т. X, ч. I, с. 230, № 238).

336 В частности, сам владетель М. Шервашидзе «усердно действует в пользу христианской веры в своем владении» (Там же, с. 231).

весьма сильные фамилии князей Маршания и Анчабадзе, особенно Маршания, которые частью подвластны владельцу и частью независимо от него владеют Цебельдою, Псху и Ахчипсоу, то последование мухаммеданскому учению всем господствующим классом жителей, за исключением князей Шервашидзе, составляет обстоятельство неблагоприятное для христианства. Сколько ни важно это обстоятельство, но оно умеряется тем, что самая знаменитая из всех фамилий, князья Шервашидзе, проникнута светом истинной веры и что в абхазском племени мусульмане не имеют духа фанатизма и отличаются веротерпимостью. Веротерпимость там обобщающая между христианами и мусульманами»³³⁷.

В Убыхии, по свидетельству Т. Лапинского, «магометанство также не сильно распространено», а «ревностные мусульмане» — это «торговцы рабами», «в угоду туркам»³³⁸. М. Владыкин, подчеркивая, что «абхазцы равнодушны в деле религии», писал: «Здесь магометанство и христианство парализуют друг друга, и результат борьбы — совершенное безверие... с индифферентизмом все-таки легче бороться, чем с фанатизмом»³³⁹. Говоря о причинах распространения «исламизма» вообще среди горцев Западного Кавказа, Серебряков развивает положения, которые кажутся важными и вызывают интерес. Он считает, что известным успехом этой религии здесь способствовали прежде всего торговые связи населения с Турцией, их связи и родственные отношения³⁴⁰, в частности, с высшими турецкими государственными сановниками по бракам их с горянками, которые вывозились в значительном количестве

³³⁷ АКАК, т. X, ч. I, с. 237, № 240 (Записка Серебрякова от 11 декабря 1852 г.).

³³⁸ T. Lapinski. Указ. соч., с. 93.

³³⁹ М. Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу, ч. I, М., 1885, с. 340—341.

³⁴⁰ Один паша, являвшийся молочным братом турецкого султана, рассказывал дочери английского консула в Константинополе: «Прежде еще, чем я родился на свет, мать моя была выписана с Кавказа; она родила меня в серале за несколько недель до появления на свет его султанского величества. Когда я стал подрастать, щедрости султана относительно моего семейства не ограничались моей матерью и мною, но распространились и на остальных моих родственников; все они были выписаны в Константинополь и осчастливлены подарками и почестями» («Народы Турции», т. I, СПб., 1879, с. 175). Кроме того, как уже отмечалось, многие абхазские и черкесские феодалы своих дочерей и сестер выдавали замуж за турецких сановников и знатных людей. Так, двоюродная сестра Михаила Шервашидзе Аше-ханум была замужем за пашой Эссадом Мухлисом (ЦГВИА, ф. 400, аз. ч., 1869/70 гг., д. 56, л. 11); сестра садзского князя Решид Геч (Гечба) была выдана за одного знатного человека в Турцию (М. Владыкин. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу, ч. II, М., 1885, с. 69). Любимая жена султана Абд-Уль-Азиза была черкешенка (из племени шапсугов), которая «много способствовала своим единоплеменникам, и в короткое время дворец наводнился выходцами с Кавказа». Мать (валида) султана Абдул Хамида II по происхождению также черкешенка, и все окружавшие ее женщины были с Кавказа (М. Ечерух. Роль кавказских горцев в политической и общественной жизни Турции. — «Moussoulmanine. Мусульманин», Париж, 1910, № 6 с. 143, 146).

на продажу в Турцию³⁴¹. В одном обзоре политического положения в Черкесии, относящемся к июлю 1837 года, по этому поводу говорится: «У многих важных сановников, по женам, есть родственники в Черкесии. По этой причине контрабандная торговля с Кавказом пользуется скрытым покровительством многих из местных начальников, несмотря на запрещение и фирманы Порты»³⁴².

Интересно и сообщение начальника войск в Абхазии генерала М. Т. Лорис-Меликова. «Турецкий элемент, — писал он, — сильно развит между убыхами; у редкого из них нет сестры либо дочери, проданной в Турцию; многие из этих невольниц сделались женами тамошних сановников; большинство убыхов перебивало в Трелизонде и Константинополе, и все они, возвращаясь оттуда, остаются под влиянием ложного убеждения, что султан есть главный властелин их и рано или поздно подаст им руку помощи»³⁴³. Представляет интерес и следующая цитата из работы Адольфа Берже «Выселение горцев с Кавказа». «Пленопродавство, неизменный спутник грабежей и набегов, вошло в нравы и обычаи горских народов и распространялось даже на собственных детей... Кроме общей религии, благодаря которой тысячи кавказских правоверных пилигримов посещали Мекку и жилали в Константинополе по гаремным связям и карьерам их родственников, среди горцев веками вырабатывалось глубокое убеждение в исключительной силе и могуществе султана, в лице которого сосредотачивалось понятие о верховном главе религии, об истинном... покровителе и источнике всех благ. На таком убеждении не трудно было основать сильное политическое влияние Турции между мусульманскими племенами...»³⁴⁴. Л. М. Серебряков писал: «Последование исламу узденями и людьми с влиянием было причиною, что вера эта сделалась как бы отличительным признаком высшего сословия и порядочных людей, а поэтому многие, без всякого убеждения, присоединились к ней, чтобы отделиться от толпы. От слияния религии с политикою произошло то, что имя мусульманина стало уже решительным выражением политического образа мыслей и независимости горцев от русского правительства, при верховном господстве над ними турецкого султана как главы веры и священном долге вести непримиримую войну с христианами»³⁴⁵.

Из изложенного ясно, какую отрицательную роль могло сыграть и, как увидим ниже, сыграло мусульманство в переселении жителей Абхазии, особенно ее горной полосы, в Османскую империю. Некоторые из наиболее отсталой части населения временно добровольно уходили в Турцию, желая умереть на «священной» ма-

³⁴¹ АКАК, т. X, ч. I, с. 234, № 240.

³⁴² ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 190, лл. 33—36.

³⁴³ АКАК, т. XII, ч. II, с. 796, № 666 (Записка Лорис-Меликова от 3 октября 1858 г.).

³⁴⁴ «Русская старина», 1882, т. XXXIII, январь, с. 171.

³⁴⁵ АКАК, т. X, ч. I, с. 234, № 240.

гометанской земле. Вместе с тем древние религиозные предрассудки, которые так цепко держались, особенно в крестьянской среде, переплетаясь с другими институтами дофеодального быта, объективно благоприятствовали, как и эти последние, тем из абхазских феодалов, которые провоцировали переселенческое движение, са нецелесообразно, по той или иной причине, становясь махаджирами. Последнюю роль играла российская официальная церковь, которая как и повсюду, выступала верным орудием колониальной политики царизма. Влияние церкви выражалось и в том, что она объективно способствовала не только известному оживлению древних обычаев, но и некоторому распространению мусульманства. Не случайно командующий войсками в Абхазии генерал Корганов даже в 1861 году, т. е. через 50 лет после официального присоединения к России, писал об известном «успехе исламизма в Абхазии»³⁴⁶

§ 2. Англо-французские происки

Охарактеризованная выше политика султанской Турции на Кавказе, как мы видели, встречала одобрение и поддержку со стороны таких европейских держав, как Англия и Франция, которые, с целью на путь колониальных захватов на Востоке и преследуя свои экономические и политические цели, стремились к ослаблению своего общего врага — России и к вытеснению ее из Черноморского бассейна и Кавказа. В частности, английские происки на Кавказе активизировались с самого начала XIX века, т. е. с момента присоединения Восточной Грузии к России. Антирусские интрижки происки английских агентов, как и французских, во многом отличались сравнительно затяжной характер первых в XIX веке отношений России с Ираном и Турцией, продолжавшихся в общей сложности с 1804 по 1813 год, и исход которых обеспечил значительное укрепление позиций России на Кавказе³⁴⁷. И совершенно естественно, что поражение названных государств ими расценивалось как успех по их ближневосточной политике.

Русская ориентация, как уже подчеркивалось, имела большое экономическое, политическое и культурное значение для кавказских народов. По словам Ф. Энгельса, «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей...»³⁴⁸. Кавказские народы один за другим присоединялись к русскому государству. Диверсионные действия иностранных государств серьезно препятствовали этому процессу, уст

³⁴⁶ Там же, т. XII, ч. II, с. 856, № 735.

³⁴⁷ С. К. Бушуев. Из истории внешнеполитических отношений в период присоединения Кавказа к России (20 — 70 годы XIX века). М., 1955, с. 12.

³⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 27, с. 241.

лению мирной жизни в крае. Как отмечал турецкий офицер Осман-бей, кстати, агент английской разведки, «англичане... ничего не щадили, чтобы внушить черкесам недоброжелательство к России и вовлечь их в войну с русскими»³⁴⁹. Принимая все меры, чтобы оттеснить Россию с Кавказского перешейка, британское правительство само мечтало овладеть этой территорией. Это и понятно. «Тот, кто держит в своих руках устье Дуная, — писал К. Маркс, — господствует и над самим Дунаем — этим путем в Азию... Если эта держава владеет к тому же еще и Кавказом, тогда ей принадлежит Черное море, и ей не хватает только Дарданелл и Константинополя, чтобы закрыть вход в это море»³⁵⁰. Но если до заключения русско-английского договора 6 июля 1812 года правящие круги Англии свою антирусскую политику на Кавказе проводили открыто, то после него — в завуалированной форме.

После русско-турецкой войны 1828 — 1829 годов, в результате которой Турция потеряла новые свои важные позиции на побережье Кавказа, основная борьба за обладание северо-западной частью этой территории велась главным образом между Россией и Англией. В то же время усиливается влияние последней в Турции, как и в Иране. Однако Адрианопольским трактатом были обеспокоены не только правящие круги Англии³⁵¹. Вся Европа «переполошилась не на шутку»; убеждение же, что «существование Османской империи составляет главнейшее условие сохранения политического равновесия, еще прочнее утвердилось во всех государственных деятелях, управлявших политикою Европы»³⁵². «...Война России с Черкесией, — подчеркивал и известный французский ученый, путешественник Фредерик Дюбуа де Монперэ, посетивший Кавказское побережье в 1833 году, — привлекала к себе взоры всех европейских стран, которые ревниво относились к усилению могущества России и успехам ее оружия на Востоке и Турции»³⁵³. Особенно была встревожена Англия русско-турецким двухсторонним Унклар-Искелесским договором 1833 года, который сильно подрывал турецкое влияние в районе Черного моря и еще больше укреплял стратегические позиции России на Ближнем Востоке. Извест-

³⁴⁹ КС, 1877, т. II, с. 206.

³⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, с. 408.

³⁵¹ Английское правительство даже направило в Петербург ноту протеста, заявляя, что расширение границ России на Кавказе «нарушает европейское равновесие». А принц Веллингтон заявил, что «поджог и взятие Константинополя в тысячу раз менее затруднили бы английское правительство, нежели такой результат» (Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, т. XI. СПб., 1895, с. 417). Английские правящие круги весьма раздражало, в частности, открытое крейсерство русского парусного флота вдоль всего берега для предупреждения как торговых, так и «политических сношений горцев с Турцией», сношения, которые «всегда клонились бы ко вреду России» (П. В. Апрельев. Два года в Абхазии. СПб., 1868. — РО ГПБ, шифр F, IV, 551/54, л. 405).

³⁵² Д. Бухаров. Россия и Турция. СПб., 1878, с. 104.

³⁵³ Фредерик Дюбуа де Монперэ. Путешествие вокруг Кавказа, т. I. Сухуми, 1937, с. 68.

ное значение имел этот трактат и для народов Кавказа, так как в результате его прежнее влияние протурецких элементов было ослаблено. В 30-е годы почти прекратились военные действия со стороны Турции на турецко-кавказской границе³⁵⁴.

Главную причину повышенного интереса Англии к Кавказскому краю в это время прежде всего следует искать в быстро растущей экспансии британского капитала в районе Черного моря и в Восточной Анатолии. Англия мечтала о включении Кавказа в сферу своей колониальной экспансии и, в частности, об отторжении от России его Черноморского побережья. Создание же Россией военных укреплений на побережье ставили под угрозу британскую колониальную торговлю. Английская газета «The Free Press» подчеркивала, что отказ от права торговли с Черкесией обходится Англии в 100 тыс. фунтов стерлингов в год³⁵⁵. Английская дипломатия выступала при этом в роли поборника «независимости Черкесии»³⁵⁶, под таким названием понимая весь Северо-Западный Кавказ и рассматривая его как важный политический фактор, поскольку он обладал «мощными средствами сопротивления России», являлся «ценным союзником, обладая к тому же большими естественными ресурсами»³⁵⁷. Вот что писал один из идеологов английской буржуазии, известный русофоб Дэвид Уркарт (Даудбей) о стратегическом значении рассматриваемой части Кавказа: «Если Персия является заставой Индии, то в еще большей мере ею является Черкесия, которая защищает Афганистан и которая наравне с Персией защищает и Индию»³⁵⁸. Так Британская империя прикрывалась демагогическими рассуждениями о стремлении противодействовать угрозе своей богатейшей колонии — Индии³⁵⁹.

Если говорить конкретно об Абхазии, то соперничавшие с Россией государства прекрасно учитывали стратегическое положение этой страны, связывающей Закавказье с Северо-Западным Кавказом, — факт, который не в меньшей степени оценивался самой Россией. Сохранение царским правительством автономии Абхазии бы-

354 Е. В. Тарле. Крымская война, т. I. М.—Л., 1950, с. 93.

355 С. Бушуев. Англо-русский инцидент со шхуной «Виксен». — «Красный архив», 1940, № 5, с. 190.

356 Обстановка на Северном Кавказе и в районе Черного моря к этому времени была такова, что исключала возможность создания «независимой Черкесии». Вопрос был не только в политической раздробленности и этнической пестроты племен и примитивности их хозяйства или в междоусобной борьбе внутри феодализирующегося черкесского общества. При той активности, какую проявляли в отношении Кавказа Турция и Англия, западнокавказские племена могли или присоединиться к России, получив при этом надежную защиту и перспективу экономического и культурного развития, или превратиться в колониальное владение Турции, а, может быть, и Англии (Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. М., 1958, с. 216).

357 «Portfolio», I, № 9, р. 434. — «Очерки истории Адыгеев», т. I, с. 311.

358 «Красный архив», 1940, № 5, с. 190.

359 Н. А. Халфин. Вступительная статья в кн.: И. О. Симонович. Воспоминания полномочного министра. М., 1967, с. 3.

до обусловлено в первую очередь именно этим обстоятельством, а также той активной ролью, которую играли ее правители в «поко- рении» Западного Кавказа вообще. «В общей системе кавказской военной политики, — писал полковник П. К. Услар, — Абхазия играет весьма важную роль. Страна эта, вместе с Цебельдою, на большом протяжении границ своих соприкасается с землями непокорных черкесов, врезываясь в наименее доступные части Кавказа. Абхазия должна служить оплотом для западной части Закавказья и проводником нашего влияния в Черкесию»³⁶⁰.

Связанные с колониальной торговлей круги английской буржуазии, считая своей первостепенной задачей отеснить Россию с Кавказа и ликвидировать ее влияние в Турции, не жалели средств для политических диверсий на Западном Кавказе. Английские и вообще иностранные агенты всячески усердствовали в дезориентации горцев, в разжигании у них чувства вражды и ненависти ко всему русскому народу. Британское посольство в Константинополе стало центром организации подрывной деятельности против России. В 1830 году было открыто английское консульство и в Трапезунде. Правительство Англии переходит от эпизодических наскоков к широкой системе наступательных действий. 25 мая 1830 года на пути из Анапы в Сухум русским бригом «Орфей» было задержано английское судно „Adolpho“, в котором оказалось 6 бочек пороха. Из предъявленных паспортов шкипером этого судна, приведенного в Сухум, было видно, что «судно и груз адресованы в Абхазию из Константинополя»³⁶¹. В июне 1831 года у восточного берега Черного моря русскими крейсерами были взяты 3 судна, на одном из которых под английским флагом было обнаружено также 6 бочек пороха³⁶². В июне 1834 года на Кавказ был командирован капитан королевской гвардии Лайонс, имея целью, как сообщал вице-адмирал М. П. Лазарев, «вероятно, какие-либо особенные виды английского правительства»³⁶³. Заехав по пути в Сухум, Лайонс на разведывательной яхте „Tigkiaz“ 23 июля прибыл на Геленджикский рейд. Интересовались английские агенты русскими гарнизонами, укреплениями, расположением отдельных частей Кавказского корпуса и т. д.³⁶⁴. Летом того же 1834 года около Туапсе побывал Дэвид Уркарт. По некоторым данным, он тогда посетил и Сухум³⁶⁵. Уркарт вскоре занял должность секретаря британского посольства в Константинополе, совмещая ее с обязанностями главного резидента английской разведки в районе Черного моря. Это был один из самых агрессивных британских агентов-публицистов, по выражению К. Маркса, «известный поклонник

³⁶⁰ П. К. Услар. Гурийский отряд в 1855 году. — КС, 1880, т. V, с. 258.

³⁶¹ «Шамиль...», с. 25-26, № 31.

³⁶² АКАК, т. VIII, ч. II, с. 845, № 722 (Отношение Родофинкина от 26 октября 1831 г. Розену).

³⁶³ «Шамиль...», с. 46-47, № 48.

³⁶⁴ Там же, с. 46-49, №№ 48-50.

³⁶⁵ См.: КС, 1877, т. II, с. 3.

Турции и восточных учреждений»³⁶⁶. Это был настоящий «проповедник ненависти к России», шумевший «об опасных замыслах России»³⁶⁷. Дом его и английское посольство в Константинополе «служили сборным местом для всех враждебных России элементов, пребывающих в столице Турции»³⁶⁸. Уркарту, именно с целью вытеснения России с Кавказского побережья, удалось путем провокации втянуть Россию в дипломатический конфликт с Англией. (Этот старый разведчик, постоянно стремившийся обострить англо-русские отношения, в 1847 году стал членом парламента Англии³⁶⁹). Однако Пальмерстон, считая время для войны между Англией и Россией «неудобным», отставил Уркарта, деятельность которого едва не вызвала войну.

Очередной английский агент капитан Дринкварт на пароходе „Pluton“ тщательно осмотрел и изучил северо-восточные берега Черного моря, после чего им был составлен секретный доклад «о русских военных приготовлениях». В мае 1835 года недалеко от Геленджика была задержана английская шхуна, на которую были возложены разведывательные задачи³⁷⁰. В 1835 же году к восточным берегам Черного моря, с ведома Уркарта, вторично прибыл капитан Лайонс с несколькими другими агентами и повел антирусскую агитацию. Г. В. Розен в своем отношении от 4 сентября 1835 года тайному советнику Родофинкину подчеркивал, что «такое появление английских военных судов у черкесских и абхазских берегов не может не иметь влияние на горцев, и с некоторого времени я вынуждаюсь думать, что английское правительство не остается без внимания к действиям и успехам нашим в Кавказском крае»³⁷¹. Лайонс, в свою очередь, был связан с Сефер-беем, который из Константинополя постоянно инспирировал подготовку нападения на русские укрепления³⁷². Этот турецкий агент был завербован и в английскую разведку, служа, таким образом, двум хозяевам. Как доносил русский консул в Трапезунде Герси 2 октября 1835 года Розену о связях английских дипломатов и их агентов в Черкесии, Сефер-бей в Константинополе останавливался в доме английского посольства, и лорд Понсонби поддерживал с ним «весьма дружеские отношения»³⁷³. Кстати, этот видный представитель агрессивной английской дипломатии писал лорду Пальмерстону в 1837 году: «Никто из людей не оценивает так высоко зна-

³⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, с. 123.

³⁶⁷ Е. Белов. Результаты войны России с Турцией. — В сб.: «Древняя и новая Россия». СПб., т. II, 1877, с. 342.

³⁶⁸ С. С. Татищев. Внешняя политика императора Николая первого. СПб., 1887, с. 401.

³⁶⁹ С. К. Бушуев. Из истории внешнеполитических отношений., с. 28 — 29; А. В. Фадеев. Россия и Кавказ., с. 342—343.

³⁷⁰ С. К. Бушуев. Из истории внешнеполитических отношений., с. 30 — 31.

³⁷¹ АКАК, т. VIII, ч. II, с. 891, № 771.

³⁷² Там же, №№ 771—772, с. 891.

³⁷³ «Шамиль...», с. 58, № 60.

чение Черкесии для сохранения политического равновесия в Европе, как я»³⁷⁴. При таком покровительстве английского посла в Турции Сефер-бей всегда имел возможность установить сношения с горцами Кавказа, посылать им свои «возмутительные письма», оружие, порох и т. д.³⁷⁵. Таким образом, покровительство, которое Сефер-бей нашел в британском посольстве в Константинополе, сделало его «орудием политических видов Англии касательно кавказских народов»³⁷⁶.

Сефер-бей был характерным представителем протурецки и проанглийски настроенных слоев адыгейской и вообще горской верхушки. Но горцы в своей массе не стали слепым орудием англотурецкой агрессии на Кавказе, к обещаниям которых они всегда относились с недоверием и подозрением. Военный министр А. И. Чернышев в предписании командиру Отдельного Кавказского корпуса от 27 ноября 1838 года констатировал: «...Английские эмиссары находятся в крайне стесненном положении, лишены доверенности горцев и опасаются пасть жертвами миссии их за ложные обещания избыточного содействия со стороны иностранных держав, которыми агенты доселе обманывали их»³⁷⁷.

В 1836 году на Кавказском побережье продолжал действовать «сам» Уркарт под видом торгового агента. Он основательно исходил Адыгею, где вел переговоры с отдельными лицами о методах и способах ведения войны с Россией и одновременно занимался вербовкой шпионов. В помощь ему была прислана группа разведчиков во главе с Чарльзом Воганом³⁷⁸. Прибывает сюда, в том числе на территорию Абхазии (Бамбора и т. д.), и журналист Эдмунд Спенсер, выпустивший затем в Лондоне книгу о своем путешествии по Кавказскому побережью³⁷⁹. С ним поддерживал тесную связь другой английский разведчик на Северо-Западном Кавказе, племянник Уркарта, офицер Стюарт, пересекший край в различных направлениях, от Абхазии до Кубани³⁸⁰. Ему содействовал Сефер-бей в посылке к берегам Черкесии английской шхуны „Visard“, на борту которой находилось до 12 орудий³⁸¹. В 1836 году на Западном Кавказе начинается деятельность еще одного крупного английского разведчика — кулца Джемса Белла, который высадился здесь с помощью того же Сефер-бея. Вслед за ним Сефер-бей выслал в Батум 80 бочонков пороха для постепенного их доставления горцам на мелких судах. Как раз в это время

374 «Красный архив», 1940, № 5, с. 190.

375 АКАК, т. VIII, ч. II, с. 892—893, № 775 (Отношение Розена от 14 июля 1836 г. Нессельроде).

376 Там же, с. 893, № 776 (Отношение Бутенева от 6 октября 1836 г. Розену).

377 «Шамиль...», с. 148, № 125.

378 С. К. Бушуев. Из истории внешнеполитических отношений..., с. 29.

379 В его сочинении „Travels in Circassia, Krim Tartary (London, I—II, 1838) содержатся данные и об Абхазии.

380 С. К. Бушуев. Из истории внешнеполитических отношений..., с. 40.

381 «Красный архив», 1940, с. 216, № 5.

у шапсугов и натухайцев происходило, близ урочища Вардане, «большое собрание», на котором обсуждался вопрос о прекращении войны с Россией и вступлении под ее покровительство. Но положительное решение этого вопроса было сорвано вследствие вмешательства Белла и его помощника, которые «вручили старшинам от английского короля знамя и мнимую грамоту с обещанием покровительства Англии и паши египетского»³⁸².

Распространявшаяся на Северо-Западном Кавказе мнимая грамота короля Англии, якобы обещавшего горцам «независимость», была одним из экземпляров английского дипломатического периодического издания „Portfolio“³⁸³, причем, по-видимому, тем экземпляром, о котором писал К. Маркс³⁸⁴, разоблачая агрессивные планы лорда Пальмерстона в отношении Кавказа, с ведома которого была опубликована декларация Черкесии о ее «независимости»³⁸⁵. В последней говорилось, что горцы, борющиеся за «независимость», просят помощи Турции, Англии и других держав против «русской агрессии». Между прочим, на карте, отредактированной Пальмерстоном, Черкесия обозначена именно как «независимая страна»³⁸⁶. Но английские разведчики в лице Джемса Белла, который в своих мемуарах рассказывает о том, как он подбирал среди местных князей кандидатов в «министры» «черкесского правительства», цинично заявляли: «черкесы сражаются за наше дело»³⁸⁷, т. е. за интересы английской буржуазии. Таким образом, как писал граф М. С. Воронцов, агенты из Лондона и Парижа «питают пустую надежду и из черкесов сделать новые орудия для вреда великой державе»³⁸⁸. Между прочим, граф Воронцов во время путешествия по восточному берегу Черного моря летом 1836 года узнал, что незадолго до этого два или три европейских агента ездили по горам, распространяя «фальшивые слухи» о намерении некоторых европейских держав объявить России войну, совместно с Турцией, и прислать вспомогательное войско черкесам для «истребления русских на Кавказе». Ему дали даже перевод одной бумаги, как оказалось, извлеченной из „Portfolio“, наполненной ложными и нелепыми уверениями и укоризнами насчет России³⁸⁹.

³⁸² АКАК, т. IX, ч. I, с. 454 (Рапорт ген. Раевского ген. Головину от 8 апреля 1838 г.).

³⁸³ Газета „Portfolio“, издававшаяся в Лондоне Д. Уркартом, была специально посвящена «наблюдению за всеми мероприятиями России на Востоке и констатированию их» (Д. Бухаров. Россия и Турция. СПб., 1878, с. 112).

³⁸⁴ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, с. 423.

³⁸⁵ „Portfolio“, vol. I, № 4, p. 25—31.

³⁸⁶ А. Х. Касумов. Из истории англо-турецких происков на Северном Кавказе в 30—40-х гг. XIX в. — «Ученые записки Кабардино-Балкарского государственного университета». Нальчик, 1958, вып. 4, с. 113.

³⁸⁷ J. S. Велл. Указ. соч., т. II, с. 426.

³⁸⁸ «Воронцовский «Перипл» Черного моря» (Рапорт М. С. Воронцова Николаю I от 26 августа 1836 г. — Г. Д.). — «Русский архив», 1894, 6, с. 16.

³⁸⁹ Там же, с. 219.

Эти и другие факты лишней раз подтверждают, что деятельность английских агентов на Западном Кавказе отнюдь не носила характер какой-то личной инициативы, продиктованной их «симпатиями» к горцам, как утверждают буржуазные историки и сами авантюристы. Тем более, что не приходится сомневаться в том, что действия Белла и целого ряда других агентов Британской империи здесь были санкционированы властями этой державы. А один из самых деятельных из них — Уркарт, как уже говорилось, был первым секретарем английского посольства в Константинополе³⁹⁰. Дюбуа де Монперэ, говоря о подобных фактах, подчеркивал, что они являются именно «доказательством незуитизма Англии, стремившейся подчинить себе Черкессию наперекор России»³⁹¹.

Английское правительство при благоприятных для себя условиях само стремилось спровоцировать Россию на военный конфликт. Наиболее характерным был в этом отношении случай, связанный со шхуной „Vixen“. Это вооруженное судно, законтрактванное и находившееся в распоряжении уже знакомого нам Джемса Белла (капитан Чайльде), под покровительством правительственных лиц и даже самого короля Вильгельма IV³⁹², которые хотели показать, что Англия не признает права России запрещать иностранную торговлю с «независимыми племенами» Западного Кавказа, в конце 1836 года было направлено к восточным берегам Черного моря. Его груз, розданный горцам, состоял из пороха, пушек, оружия и соли. Но судно было захвачено русскими крейсерами в Суджукской бухте и передано в состав Черноморского флота, получив новое название «Суджук-Кале»³⁹³. Белл, к счастью для себя, был в это время на берегу и потому избежал «прогулки» в Сибирь, которая полагалась по закону для контрабандистов. Этот случай вызвал резкое обострение англо-русских отношений. На него обратил внимание К. Маркс в своих статьях, посвященных лорду Пальмерстону³⁹⁴, в которых он всесторонне осветил традиционную политику Англии и России на Ближнем Востоке, англо-русские противоречия и инцидент с «дерзкой» шхуной „Vixen“, имевший целью «определенное намерение уязвить царя, продемонстрировать нежелание считаться с Адрианопольским договором и подтвердить независимость Черкессии»³⁹⁵. Английское правительство громко заговорило об оскорблении великобританского флага и в своих протестах по поводу захвата „Vixen“ угрожало войной. В парламенте несколько раз возбуждалась оживленная дискуссия. Но в конце концов

³⁹⁰ М. Покровский. Иностранцы на Западном Кавказе в первой половине XIX века. — «Кубань», 1952, № 11, с. 158.

³⁹¹ Фредерик Дюбуа де Монперэ. Указ. соч., т. I, с. 66.

³⁹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, с. 422.

³⁹³ АКАК, т. IX, ч. I, с. 454 (Рапорт ген. Раевского от 8 апреля 1838 г. ген. Головинну).

³⁹⁴ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, с. 359—425.

³⁹⁵ Там же, с. 422.

оба правительства пришли к соглашению. Однако Англия не думала о прекращении борьбы с Россией. Напротив, Пальмерстон предпринимает еще более широко задуманный план ослабления влияния России на Кавказе. Характерно, что в современной буржуазной историографии подчеркивается роль Пальмерстона, как ярого врага России и идеолога колониальных устремлений английских захватчиков³⁹⁶.

В течение 1836—1837 годов из Англии к берегам северо-западного Кавказа, с оружием и порохом, были направлены „Essex“ и „Crescent“ и большое количество турецких кораблей. В одном только 1836 году, несмотря на значительное число русских крейсеров, к указанным берегам прибыло до 80, преимущественно мелких, судов с контрабандными товарами³⁹⁷. Дело в том, что большие русские корабли не могли подходить близко к берегу, тогда как мелкие турецкие и горские кочермы, вооруженные иногда одной или двумя пушками, быстро прорывались сюда и затем входили в устья рек; иногда же их вытаскивали на самый берег, где производились обмен, выгрузка и погрузка товаров. Например, в 1835 году таких судов, дошедших благополучно к месту назначения, насчитывалось более 60, и только 8 попали в руки русских крейсеров³⁹⁸. В Петербурге были очень обеспокоены этим обстоятельством и разрабатывали меры по усилению борьбы с англо-турецкой контрабандой. Одной из таких мер и было ускорение с 1836 года темпов возведения укреплений на Черноморском побережье Кавказа.

Одновременно еще больше активизируется разведывательная деятельность Англии на Кавказе. Как писал командующий войсками на Кавказской линии и Черноморье генерал А. А. Вельяминов, «желание англичан вмешиваться в дела Кавказского края не подлежит сомнению»³⁹⁹. Так, например, в результате распространения

³⁹⁶ См.: Х. М. Ибрагимбейли. Страницы истории боевого содружества, с. 10—11.

³⁹⁷ С. К. Бушуев. Из истории внешнеполитических отношений, с. 35, 37; «Шамиль...», с. 86—87, № 76.

³⁹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1, д. 21, л. 82 (Лекции Н. П. Игнатъева); «Русский архив», 1894, вып. 6, с. 222.

Т. Лаппинский писал, что маленькое, обычно одномачтовое турецкое судно-сандак как бы было создано «для этой опасной торговли». Он лично знал одного старого моряка, который с 1830 года раз пять или шесть в году совершал плавание между анатолийскими и черкесскими берегами и при этом так удачно, что ни разу не попал в руки русских. Указанные турецкие суденышки, которые при хорошем попутном ветре могли далеко оставить за собой русский пароход, не страшлись кавказских берегов с их частыми мелями и скалистыми утесами, между тем как русские крейсера, находившиеся на расстоянии нескольких часов пути от берегов, при каждой непогоде должны были уходить в глубь моря. Стоило судно причалить, как его сейчас же или втаскивали на берег или же тянули вверх по течению рек, чтобы укрыть «от зоркого наблюдения русских крейсеров» (Т. Лаппинский. Указ. соч., т. I, с. 54—55).

³⁹⁹ АКАК, т. VIII, ч. II, с. 758, № 662 (Отношение гр. Чернышева от 7 сентября 1836 г. бар. Розену).

среди натухайцев мнимой грамоты английского короля, доставленной к ним эмиссаром Стюартом, те отказались от переговоров с Вельяминовым, как они решили было на своем совете⁴⁰⁰. Весной 1837 года на Кавказском побережье снова появляется агент торговой компании английских купцов в Трапезунде Джеймс Белл. Французский посол в Константинополе маркиз д'Эпраг сообщал своему министру, графу Моле, что Белл, наняв в Синопе турецкую шхуну, отправился в Абхазию, что уверяют о готовности еще двух английских судов к отплытию к абхазским же берегам, чтобы спровоцировать русский крейсер на их захват⁴⁰¹. Белл высадился все-таки в районе Геленджика, а через некоторое время около Пшада появился сотрудник газеты "Morning Chronicle" Джеймс Лонгворт (Альсид-бей). Это были наиболее активные представители торговых интересов Англии. Причем Белл на этот раз выдавал себя за посланника английского короля, направленного для доставления подробных сведений о событиях здесь⁴⁰². Но Лонгворт в своих мемуарах отмечал, что для «ободрения» горцев должно было больше всего послужить то «секретное поручение», которое было дано Беллу от английского посла в Турции лорда Джона Понсонби⁴⁰³.

Надо сказать, что эти британские агенты довольно тщательно и всесторонне изучали Черноморское побережье Кавказа в экономическом, военно-стратегическом и политическом отношении⁴⁰⁴, одновременно продолжая доставлять горцам порох, свинец, оружие и т. д. Так, Лонгворт весной 1838 года на большой турецкой лодке, купленной им в Синопе, доставил сюда железа, серы и прочих материалов на 30 тыс. турецких пиастров, а Белл — на 5 тыс.⁴⁰⁵ В середине того же года Лонгворт доставил горцам на зафрахтованном турецком корабле еще более значительный груз, в том числе 14 тыс. фунтов свинца и 35 бочонков пороха⁴⁰⁶. Белл и Лонгворт, пересезжая из одного аула в другой, принимали меры к объединению военных сил населения, делая при этом всевозможные лживые обещания. Они мечтали об объединении горцев под эгидой Англии и об уничтожении укреплений и фортов Черноморской береговой линии. Предприимчивые эмиссары принимали самое активное участие в организации операций, ставивших под угрозу существование указанных укреплений. В январе 1838 года Белл уже вместе с Найтом печется об объединении натухайцев и шапсугов с абхазами и «кубанскими провинциями» для отправки от их

⁴⁰⁰ Там же, с. 646. № 559. То же от 14 ноября 1836 г.

⁴⁰¹ ЦГАДА, ф. 1 (а), д. 135, л. 177. — С. К. Бушуев. Из истории внешнеполитических отношений..., с. 43.

⁴⁰² АКАК, т. VIII, ч. II, с. 768 (Записка А. П. Бутенева от августа 1837 г.).

⁴⁰³ J. A. Longworth. A year among the Circassians. London, vol. I, 1840, p. 5.

⁴⁰⁴ См. указ. книги Белла и Лонгворта.

⁴⁰⁵ АКАК, т. IX, ч. I, с. 454 (Рапорт ген. Раевского от 8 октября 1838 г. ген. Головину).

⁴⁰⁶ С. К. Бушуев. Из истории внешнеполитических отношений..., с. 45.

имени послов в Англию с петицией о помощи и покровительстве⁴⁰⁷. Лонгворт систематически писал корреспонденции в лондонскую газету „Times“, Белл вел дневники, на основе которых впоследствии составил двухтомную книгу о своем пребывании у горцев Северо-Западного Кавказа⁴⁰⁸. Лонгворт написал указанное выше сочинение⁴⁰⁹.

Пособниками этих англо-турецких агентов являлись местные феодально-клерикальные элементы. Например, Белл и Лонгворт были связаны, помимо злополучного Сефер-бея, с черкесским дворянином Череекко Цегамизом (в Цемесе), дом которого служил прибежищем вообще для всяких авантюристов. Известную роль в деле расширения английской пропаганды среди населения в тот период играл и натухайский дворянин Молла-Хаджи-оглу Мансур⁴¹⁰. Об этих и других подобных им фактах довольно подробно сообщают сами Белл и Лонгворт в своих мемуарах.

Лонгворт возвратился в Константинополь в июне 1838 года. Говоря о причинах своего удаления из Черкесии, он подчеркивал крушение своих надежд в этом крае и жестокое разочарование обитателей последнего «поведением» английского правительства⁴¹¹. Белл же пока оставался у черкесов, поддерживая непрерывную связь с Уркартом и получая от него инструкции. Белл через Ионес-Лукко (родом из тифлисских армян), в свое время завербованного им в Константинополе и служившего при нем переводчиком, отправил в турецкую столицу «разные» письма, географические карты и пр. По другим сведениям, один натухаец также повез в Константинополь «важные бумаги» от Белла лорду Понсонби⁴¹². В 1839 году Белл появляется уже среди убыхов и садзов-джигетов, поджигая их к нападению на Навагинский форт (Сочи), обещая за голову генерала Н. Н. Раевского один миллион рублей⁴¹³; он

407 J. S. Bell. Указ. соч., т. I, с. 379.

408 Надо сказать, что книга Белла отличается тенденциозностью, а также изобилует фактическими ошибками. Первым ее критиком (французского издания 1841 года) был декабрист В. С. Норов (См.: ОР ГБЛ, ф. 201, В. С. Норова, № 56). Он вскрывает ошибки и клеветнические измышления автора на примерах тех событий, участником которых сам был. Норов делает целый ряд замечаний, касающихся военных действий на побережье Абхазии и Черкесии, а также политики России на Кавказе.

409 Между прочим, Лонгворт в предисловии к своему труду пишет, что он решил составить нечто вроде отчета, пока его впечатления были свежи и «пока в Англии продолжали проявлять интерес к этому вопросу», т. е. к военно-политической обстановке в Черкесии. Английский агент при этом рисует себя горячим сторонником и активным участником «патриотической борьбы горцев» (с. V).

410 Т. X. Кумыков. Хан-Гирей. Нальчик, 1968, с. 94.

411 J. A. Longworth. Указ. соч., т. II, с. 330.

412 Н. Н. Раевский. Обозрение восточного берега Черного моря (середина апреля 1839 г.). — «Архив Раевских», т. III. СПб., 1910, с. 50.

413 Н. Н. Раевский в свою очередь объявил Белла «ане покровительстве законов и назначил цену за его голову» (3 тыс. руб.), что «наделало много шума в Европе» (Г. И. Филиппов. Воспоминания. М., 1885, с. 248). Контр-адмирал Л. М. Серебряков, начальник 1-го отделения Черноморской береговой линии, в

распускал также слух, что в Грузию вторглось огромное войско египетского паши и заняло многие крепости⁴¹⁴. Одним словом, Белл, говоря словами декабриста Н. И. Лорера, «играл таинственную роль»⁴¹⁵. В декабре того же года Белл, наконец, уехал в Константинополь, откуда он внимательно следил за событиями в «облюбованном» им крае. Между прочим, владетель Абхазии М. Шервашидзе посылал прапорщика К. Маргания к черкесским берегам с четырьмя галерами, чтобы захватить турецкую кочерму, на которой «испытанный маэстро шпионажа» Белл должен был отплыть в Турцию⁴¹⁶. Остается еще сказать, что в прорыве Черноморской береговой линии горцами в 1840—1841 годах важную роль сыграл план, разработанный Беллом и Лонгвортом⁴¹⁷.

Обратимся еще к некоторым другим фактам. В 1837 году в русской миссии в Константинополе был составлен документ⁴¹⁸, в котором были изложены собранные ею в течение последнего времени сведения «о тайных интригах английских и польских авантюристов» на Кавказе. Некий Магомет Шнауш (черкес) рассказывал в марте 1836 года, что одна английская шхуна, груженная боеприпасами, должна была отплыть из турецкой столицы; на ее борту были три агента, из которых один направлялся к кавказским берегам, второй — в Восточную Грузию, а третий — в Крым. Первый должен был «поощрять сопротивление горцев и пообещать им эффективную помощь», а другие агенты — «подготовить восстание в Грузии и в Крыму». Агенты Белла сообщали, что англичане не прекращают посылку боеприпасов черкесам и что «это даст им основание надеяться на ту эффективную помощь, которую английские интриганы все время им обещают». Они уверяли, что в 1837 году России будет нанесен решительный удар. «Черкесы, — говорится в документе, — ослепленные этими вероломными обещаниями, только и ждут, когда Англия открыто выступит на их стороне, объявив войну России».

В апреле 1837 года один из черкесских «вождей» прибыл от Сефер-бея в Константинополь, под видом продажи своих рабов, чтобы удостовериться, «действительно ли поступит в текущем году помощь, обещанная англичанами». От него стало известно, что «черкесским агентам» в Турции были вручены письма, адресованные королеве Великобритании и лорду Понсонби, а также спаря-

одном из писем того периода, сообщая о подстрекательской деятельности Белла, писал: «Я с своей стороны все средства употребляю достать Белла живого, но он, как говорят, очень осторожен... один из отважных лазутчиков дал мне слово употребить все средства исполнить мое желание» (ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 2, д. 209, л. 32).

⁴¹⁴ Б. Черноморская береговая линия. — «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXXVIIa, 76. СПб., 1903, с. 645.

⁴¹⁵ Н. И. Лорер. Записки. М., 1931, с. 25.

⁴¹⁶ АКАК, т. IX, ч. I, с. 462, № 1791 (Рапорт ген. Головина от 19 октября 1839 г. гр. Чернышеву).

⁴¹⁷ С. К. Бушуев. О кавказском мюридизме, с. 76.

⁴¹⁸ См.: ЦГВИА, ф. 14719, оп. 3, 1839 г., д. 223, лл. 38—43 об.

жен английский корабль с боеприпасами для Черкесии. Это сообщение подтверждало сведения Шнауца относительно английской шхуны. Другой черкес в мае того же года рассказывал, что его соотечественники, проживающие в Константинополе, ждали прихода корабля, груженного боеприпасами, для отправки на Кавказ. Они уверяли, что «англичане только и ждут сообщения об успехе этой экспедиции, чтобы направить свой флот в Черное море и поддержать открыто дело горцев». «Однако, — читаем в документе, — вида, что неоднократно обещанная помощь не прибывает, черкесы начинают сомневаться в искренности иностранных подстрекателей, использующих их слепую доверчивость в интересах своей собственной ненависти к России»⁴¹⁹.

Осенью 1837 года к черкесским берегам прибыли капитан Морринг и лейтенант Иддо на английском купеческом судне, «нагруженном военными припасами»⁴²⁰. Установив связь с Беллом и собрав нужные им сведения, они вскоре отправились в Константинополь. Эти агенты, наряду с пропагандой против России, вели разведку природных богатств кавказских гор. Результаты, добытые лейтенантом Иддо, видимо, сильно заинтересовали правителей Англии. В указанные районы англичане и в дальнейшем посылали специалистов-инженеров. В этом отношении характерно и то, что в феврале 1838 года русский консул в Трапезунде Герси сообщал о «специальном изучении» Батумского рейда офицером британского флота Гласковом⁴²¹.

Кстати, в это время в Батуме сидел английский вице-консул Фридрих Гаррачино, который в 1839 году привез на восточный берег Черного моря 9000 фунтов селитры (необходимый компонент для кустарного изготовления пороха) и раздал горцам. Он вел тайные переговоры с последними и оказывал активное содействие отдельным их «вождям». Гаррачино «ухватился» и за Гурийское восстание 1841 года, чтобы создать временные затруднения для России. Надо сказать, что британский консул в Эрзеруме и вице-консулы в Трапезунде и Батуме не только вели активную политику против России, но и сами непосредственно занимались торговыми, в том числе контрабандными, операциями⁴²².

Много фактов о деятельности английских агентов в Черкесии в 1837—1839 годах содержится также в записках и письмах известного адыгейского общественно-политического и культурного деятеля Султана Хан-Гирея (1808—1846), который был убежден, что происки Англии и Турции сыграли далеко не последнюю роль в ухудшении взаимоотношений адыгских народов с Россией. Он «вскрывал конкретную деятельность» английских шпионов, посыла-

⁴¹⁹ Там же.

⁴²⁰ АКАК, т. IX, ч. I, с. 454 (Рапорт ген. Раевского от 8 апреля 1838 г. ген. Головину).

⁴²¹ «Шамиль...», с. 137, № 118.

⁴²² Г. Хачапурдзе. Гурийское восстание в 1841 году. Тифлис, 1931, с. 40—41

емых в Черкесию, и вел борьбу против этой агентуры. 24 июля 1837 года Хан-Гирей доносил кавказской военной администрации, что он спешит за Кубань, чтобы употребить зависящие от него средства «к уничтожению интриг англичан»⁴²³, а в августе послал секретный рапорт о деятельности английской и турецкой агентуры. В донесении от 19 сентября он писал: «На днях пристало к речке Хазе судно, на котором находились натухайский первостепенный уздень Кази Магомет и два европейца»; судно доставило свинец и порох, которые были розданы населению в качестве «подарка от английского правительства»⁴²⁴.

Из донесения русского чрезвычайного посланника в Константинополе тайного советника А. П. Бутенева от 7 февраля 1839 года командиру Черноморского флота и портов М. П. Лазареву и других документов узнаем, что три английских инженера прибыли в Константинополь, а затем в Самсун «для следования оттуда в Черкесию». Эти агенты имели сношение с Лонгвортом, а также посылали человека к Сефер-бею, чтобы получить от него «рекомендательные письма». Причем они прибыли на английском купеческом судне «Роберт», нагруженном «разными военными припасами». Со стороны русских военных властей были предприняты меры, «дабы захватить английских эмиссаров»⁴²⁵. Однако вообще нелегко было вести подобную борьбу с Англией, если иметь в виду, что, например, в 1836 году она имела до 550 пароходов⁴²⁶.

Надо сказать, что английская дипломатия, как и турецкая, в своей подрывной деятельности против России на Кавказе пытались также использовать представителей польской политической эмиграции. Деятельность последних здесь обычно рассматривалась как деятельность польских патриотов, которые думали, подняв горцев, ослабить тем самым царскую Россию и добиться восстановления независимости польского государства. При этом почти не учитывалась их роль как орудия политики буржуазной Англии, отмеченная К. Марксом⁴²⁷. Речь идет о польских деятелях типа князя Адама Чарторыйского, возглавлявшего польскую консервативно-монархическую эмиграцию. Они пытались вмешаться в кавказские дела, но у них, в сущности, не было никакого интереса к борьбе горцев. Попытка же связать свои планы с англо-турецкой политикой вела неизбежно к подчинению польского вопроса политическим интересам этих государств⁴²⁸. Даже историк Ф. А. Шербина, который европейских эмиссаров на Кавказе называл «добровольцами»

⁴²³ Т. Х. Кумыков. Хан-Гирей, с. 94.

⁴²⁴ Там же, с. 94.

⁴²⁵ ЦГВИА, ф. 14719, оп. 3, 1843 г., д. 223, лл. 29, 32, 36 об.

⁴²⁶ «Очерки истории Адыген», т. I, с. 341.

⁴²⁷ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. II, с. 514—515.

⁴²⁸ М. Вержовский. Польское национально-освободительное движение в Царстве Польском, Литве, Белоруссии и на Украине и русско-польские революционные связи. 1830—1849 гг. (Автореферат кандидатской диссертации). М., 1958, с. 14.

союзниками черкесов», подчеркивал, что часть из них, «исходя из, казалось бы, чисто идеальных побуждений», находили поддержку у своих правителей, «преследовавших совсем не идеалистические цели»⁴²⁹. Они, как правило, начинали свою деятельность в Константинополе, где «получали турецкие чины и звания, превращались в пашей и беев, а некоторые даже становились ренегатами и затем в качестве уже турецких агентов отправлялись на Кавказ к горцам и вели между ними агитационную деятельность»⁴³⁰. Надо заметить, что сами кавказские горцы весьма слабо разбирались в польском деле; они часто даже не отличали поляков от русских⁴³¹.

Одним из указанных авантюристов был, например, некий Полинский. Он находился на военной службе то у турок, то в Иране, а в конце жизни поступил в Константинополе на службу к английскому капитану Найту, вместе с которым в 1837 году отправился к кавказским берегам. После долгого пребывания среди шапсугов и натухайцев, Полинский был послан Найтом, Беллом и Лонгвортом в Константинополь к английскому генеральному консулу. Оттуда он вывез к горцам 30 бочек пороха и инструменты для Белла. Но вскоре Полинский был убит, под именем англичанина, в Софии⁴³².

В основном деятельность польских эмигрантов, как увидим ниже, падает на 40-е годы и связана непосредственно с именем М. С. Чайковского (Садык-паши). Часто эти авантюристы, соблазненные английским золотом, устремлялись на Кавказ под видом установления связи с сосланными сюда польскими революционерами. Последних, настоящих патриотов Польши, ни в коем случае нельзя смешивать с названными выше деятелями. Это были подлинные участники польского национально-освободительного движения. Кроме того, из Польши на Кавказ направляли большие партии рекрутов. Многие истинные польские патриоты действительно играли активную роль в крае, участвуя в его общественно-политической жизни. Так, видные деятели польского движения Николай Ворцель и Станислав Карвицкий фигурировали в «деле Раевского», а Карвицкий, кроме того, проходил по политическому процессу над группой декабристов в Кутаисе в 1831 году. Декабристы Е. С. Мусин-Пушкин, А. А. Брокке, Н. П. Акулов, А. А. Фок вместе с Карвицким и другими опальными лицами распространяли «мысли вольные и буйные, одобряли и выхваляли дух буйный некоторых европейских держав»⁴³³. В архивном фонде Отдельного Кавказского корпуса хранится «Дело штаба Отдельного корпуса по дежурству Особого отделения о патриотических сочинениях, отобранных у нижних чинов военно-рабочих рот, в Анапе

⁴²⁹ Ф. Щербина. Указ. соч., т. II, с. 534.

⁴³⁰ Там же.

⁴³¹ М. Вежовский. Указ. соч., с. 14.

⁴³² Ф. Щербина. Указ. соч., т. II, с. 538, 541.

⁴³³ ЦГВИА, ф. 36, оп. 9/852, св. 60, д. 22, л. 17 об.

состоящих». В этом «Деле» имеется рапорт генерала А. А. Вельямина от 4 ноября 1836 года на имя барона Г. В. Розена, в котором говорится, что анапский комендант граф Н. Е. Цукато 7 сентября того же года представил отобранные у польских солдат 40-й и 41-й военно-рабочих рот «разного рода польские стихотворения, между коими находятся патриотические мотивы и песни», «непозволительные сочинения»⁴³⁴. Дальше приводится список всех найденных сочинений с указанием лиц, у кого они были изъяты.

Еще в 1828 году на Кавказ были сосланы студенты Виленского университета Ф. Я. Лисовский, А. Ф. Тржасковский и К. И. Зах за принадлежность к тайному политическому обществу. Им пришлось в основном служить на Черноморской береговой линии, главным образом на территории Абхазии⁴³⁵. Особого внимания заслуживает деятельность В. И. Багриновского. Он в 1838 году за участие в тайной польской организации был исключен из Виленской медико-хирургической академии и привлечен к суду по делу о «конаршине». Багриновский был отдан в солдаты и в числе других студентов-медиков выслан на Кавказ. Здесь он начал службу на Черноморской береговой линии и вскоре обосновался в Сухуме в качестве лекаря по обслуживанию воинской части. Кстати, на базе его сада возник Сухумский ботанический сад, заведовать которым он в 1840 году был назначен генералом Н. Н. Раевским⁴³⁶.

В 1844 году в Отдельный Кавказский корпус были отправлены солдатами 21 человек, которые являлись «виновными по следственному делу... о существовании в Царстве Польском заговора» в том же году⁴³⁷. Особо следует выделить тех поляков, которые, как и многие русские солдаты, принимали бескорыстное и активное участие в национально-освободительной борьбе кавказских народов. Надо сказать, что англичане пытались и их использовать против России, разумеется, в своих интересах, а основательно попавшие в британские сети лица часто оказывались в рабстве и продавались, например, в Трапезунде, где откупщики медных руд весьма охотно приобретали их⁴³⁸. На этом наживались и отдельные местные работорговцы⁴³⁹.

Накануне Крымской войны на Западном Кавказе действовала уже целая разветвленная агентурная сеть Англии⁴⁴⁰. Константинополь также старался не отстать в ведении «активной политики» на Кавказском побережье, не исключая и контрабандной торговли.

Из докладной записки о состоянии четвертого отделения Черно-

⁴³⁴ Там же, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, д. 845.

⁴³⁵ Подробнее об этом см.: Г. А. Дзидзария. Декабристы в Абхазии. Сухум, 1970, с. 106—108.

⁴³⁶ См.: Там же, с. 108—110.

⁴³⁷ ЦГВИА, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, д. 656, лл. 82—87.

⁴³⁸ АКАК, т. IX, ч. I, с. 454. Рапорт ген. (Н. Н. Раевского от 8 апреля 1838 г.).

⁴³⁹ См., например, J. A. Longworth. Указ. соч., т. I, с. 194—195.

⁴⁴⁰ М. Покровский. Иностранцы на Западном Кавказе, с. 162.

морской береговой линии от 22 апреля 1842 года узнаем: «В Батуме, Трапезонде, Ризе, Синопе и Самсуне открыто собираются ко чермы для запрещенной торговли с восточным берегом Черного моря. Там постоянное пребывание многих выходцев из племени адиге и абхазского, к коим собираются все горцы, желающие возвратиться на свою сторону»⁴⁴¹. Летом 1844 года начальник Черноморской береговой линии А. И. Будберг констатировал, что «с некоторого времени увеличилось число следующих из Турции контрабандных судов, пристающих к восточному берегу Черного моря»⁴⁴². Эти турецкие контрабандисты, как и западные их партнеры, вели среди жителей указанного района антирусскую агитацию. Агенты уверяли их, что вскоре султан пришлет сильный флот и войска и «выгонит русских не только из их земли, но и из Крыма...»⁴⁴³.

Вот конкретные факты. В сентябре 1843 года русский посланник в Константинополе доставил в военное министерство записку о пяти турецких судах, назначенных «для отправления из тамошнего порта к абхазским берегам с грузом соли и других предметов и на которых будет помещено до 150 горцев»⁴⁴⁴. В ноябре 1846 года в Константинопольском порту стояло два вооруженных судна, назначенных для отправления к черкесским берегам. В декабре в районе Вардане было задержано одно из этих турецких контрабандных судов, на котором находилось 25 человек и столько же оружия⁴⁴⁵. Управляющий военным министерством генерал-адъютант Долгоруков в секретном отношении от 6 апреля 1854 года государственному канцлеру «по предмету доставления турецкими судами пороха горцам» отмечал, что два турецких судна, управляемые турецкими шкиперами, были нагружены в Мальте 208 бочками мелкого пороха, чтобы доставить их, как он полагал, на Черноморский берег. До этого же к Вардане пристала кочерма с товарами и 18 бочками пороха⁴⁴⁶.

Не была в стороне от этих дел и Франция. Ее правящие круги, как и английские, в интересах буржуазии своей страны всячески добивались полного вытеснения России с берегов Черного моря и из пределов Кавказа.

С этой целью Наполеон I еще задолго до большой войны с Россией предпринял целый ряд мер для включения Турции и Ирана в антирусский блок. Французский министр иностранных дел Талейран в циркуляре от 27 июля (8 августа) 1805 года по поводу восточной политики России отмечал: «...Уже давно его величество император и король (Наполеон I. — Г. Д.) молчаливо наблюдает за

⁴⁴¹ Цит. по: Г. Хачапуридзе. Указ. соч., с. 85.

⁴⁴² АВПР, ф. Турецкий стол (старый), оп. 502 а, 1831—1858 гг., д. 4504, лл. 22 об — 23.

⁴⁴³ Там же, л. 15 об.

⁴⁴⁴ Там же, 1843—1848 гг., д. 4503, л. 6.

⁴⁴⁵ АВПР, ф. Турецкий стол (старый), оп. 502 а, 1843—1848 гг., д. 4503, л. 22.

⁴⁴⁶ Там же, д. 4502, 1843—1853 гг., лл. 23 — 24.

распространением России на юг Азии. С... беспокойством видит он опасности, угрожающие Персии и Турции; а эти две большие империи таковы, что приобщение одной неизбежно влечет за собой гибель ее непосредственной соседки, которая составляет единственный оплот материка против России»⁴⁴⁷.

Французские тайные агенты, особенно в период войны Франции с Россией, всячески пытались поднять кавказские народы против России. Как было отмечено выше, французские дипломаты проявили живой интерес, в частности, к Абхазскому княжеству. Речь идет о консуле в Синопе Томасе Фуркаде и самом Талейране. А в 1807 году в Сухум был направлен дипломатический агент Адриан Дюбре, который, кстати, подробно изучил и описал береговую линию Абхазии, порт и т. д.⁴⁴⁸ Согласно одному документу, относящемуся к 1811 году, «некоторые суда под французским флагом привозят прибрежным жителям не только жизненные потребности, но и воинские снаряды». И вскоре несколько таких судов были взяты русскими крейсерами недалеко от Суджук-Кале⁴⁴⁹. В связи с этим херсонский военный губернатор просил об «исходатайствовании высочайшего соизволения» объявить французскому послу в Петербурге, чтобы «воздержались под французским флагом производить торговые сношения с нашими неприятелями, привозя им воинские снаряды и припасы»⁴⁵⁰. Однако Франции не удалось изменить русскую ориентацию народов Кавказа. Напротив, в тяжелом для России 1812 году они остались верными ей. Помощь же, оказанная закавказским населением русским войскам на Кавказе в 1812 году, была значительной. Врагам России также не удалось достигнуть больших успехов в стремлении организовать в 1812 году массовое восстание горцев⁴⁵¹, несмотря на то, что те продолжали вести борьбу против царизма. Тысячи кавказцев в рядах русской армии сражались на фронтах. Отряды ополченцев из представителей кавказских народов, в том числе абхазского, вместе с русскими солдатами воевали против турецких и иранских войск в Закавказье. Все это дало возможность России перебросить ряд воинских частей с Кавказа на Запад, против Наполеона⁴⁵². Но недруги России продолжали свою деятельность. Вице-канцлер в донесении от 19 декабря 1844 года военному министру Чернышеву хотя и считал их неосновательными, но тем не менее признавал необходимым сообщить показания французского оружейного мастера Кюри о намерении торгового дома Рикарда и Девиля в Марселе доставить кавказским горцам (черкесам) «большое количество

⁴⁴⁷ Цит. по: А. Н. Шebuниh. Россия на Ближнем Востоке. Л., 1925, с. 18.

⁴⁴⁸ *А р о б о з д а н е*. Указ. соч. См. также: О. П. Маркова. Указ. соч., с. 254.

⁴⁴⁹ ЦГАОР СССР, ф. 18, оп. 4, 1811 г., д. 5, лл. 33—34; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6192, лл. 103—104, 141.

⁴⁵⁰ ЦГАОР СССР, ф. 18, оп. 4, 1811 г., д. 5, лл. 33—34.

⁴⁵¹ Подробнее об этом см.: М. Г. Нерсисян. Отечественная война 1812 года и народы Кавказа. Ереван, 1965, с. 277—285.

⁴⁵² Там же, с. 6—7, 275.

ружей», к которому будут «присоединены» еще 20 тыс. из Англии⁴⁵³.

Оружие и товары, проникавшие в Черкессию и Абхазию, оставались в основном английскими. В начале 30-х годов XIX века, например, ежегодно из Черкесии в Англию через Константинополь отбывало до 200 судов, нагруженных местными продуктами⁴⁵⁴. Академик Мари Броссе, совершивший путешествие по Абхазии весной 1848 года, посетив, в частности, Окум, Бедиа, Илори, Моква и Очемчиры, обратил свое внимание на иностранные товары, привезенные из Лондона и Бристоля⁴⁵⁵. Особо следует сказать о «путешествиях» представителей Запада, которые прямо или косвенно являлись разведочными экспедициями⁴⁵⁶, долженствовавшие подготовить почву к «освоению» в той или иной форме отдельных частей Кавказского края. С середины 20-х годов эти разведки окончательно разворачиваются в программу систематического обследования всех русских владений на Кавказе. Англо-русское соперничество на Кавказе находит в рассматриваемое время, т. е. в первые три десятилетия XIX века, свое отражение у таких путешественников-разведчиков, как Олькок, Армстронг, Александер, Джонсон, Кеппель, Кларк, Конноли, Лайлл, Лёмзден, Мигнен, Монтис, Морьер, Портер. Путешествия Т. Олькока и Т. Армстронга, например, были тесно связаны с международными осложнениями того времени: русско-турецкой войной 1828—1829 годов. В свои описания они влетают рассуждения о восточной политике России на Кавказе.

Со стороны Франции стратегические разведки на Черном море и Кавказе в 20-х годах вел Божур, гидрографические работы — знаменитый мореплаватель Дюмон д'Юрвиль и капитан Готье

⁴⁵³ АВПР, ф. Турецкий стол (старый), оп. 502 а, 1843—1853 гг., д. 4502, лл. 19—20.

⁴⁵⁴ «Очерки истории Адыгси», т. I, с. 299.

⁴⁵⁵ Ш. А. Ханталзе. Академик Мари Броссе и европейское русское грузиноведение. Тбилиси, 1970 г., с. 114.

⁴⁵⁶ Все эти «путешественники» и «туристы» в то же время дают очень много для освещения жизни Кавказа того периода. Например, Гамба в книге «Voyage dans la Russie méridionale et particulièrement dans les provinces situées au delà du Caucase...» т. II-1, Paris, 1824) систематизирует и сводит в большие очерки свои дневники преимущественно экономического характера со значительным количеством статистических данных, отчасти этнографического и исторического: Черноморское побережье Кавказа, Восточная Грузия, Восточное Закавказье и Дагестан; на Северном Кавказе — преимущественно прикаспийские, на север от Терека, области. Даны описания отдельных городов и других населенных пунктов указанной территории (Тифлис, Кутаис, Сухум, Баку, Ганджа, Дербент, Кизляр и т. д.). Во введении — большой очерк об европейской колониальной экспансии, в плане антитезы Англии и Франции. В приложении к первому тому — словарь абхазских, черкесских и грузинских слов и другие материалы. Отдельно — атлас рисунков, карт и чертежей (в частности, карта Абхазии, вид Сухума и чертеж абхазского гребного судна).

Приводимые ниже сведения почерпнуты из книги М. А. Полиевктова «Европейские путешественники по Кавказу, 1800—1830 гг.» (Тбилиси, 1946).

(де Риньи). С другой стороны, установление колониального режима русского царизма на Кавказе, вне какой бы то ни было политической оценки этого факта, открывало для запада самые разнообразные перспективы. Одни, как Беланже, Гамба, Иегер, Логорио, Скасси, Тэбу-де-Мариньи и др., стараются использовать здесь этот режим в экономических интересах западноевропейского капитала. Другие, как Бессе, по мере того, как царизм и с севера и с юга проникает в глубь Кавказа, устремляются сюда в целях лингвистических и этнографических изысканий.

В условиях установления режима русского царизма, в особенности после возникновения в России Библейского общества, на Кавказ проникают протестанские миссионеры—Гендерсон, Смес, Двайт и др. Между прочим, Смес и Двайт — американцы; их деятельность на Востоке, в частности в Грузии и Армении, была связана с активизацией американского миссионерства, подготавливавшего, как всегда и везде, почву для внедрения политического и экономического влияния. Некоторые из путешественников (Конноли, Монтис, Скасси, Гамба) были непосредственно в Абхазии, а многие другие — и в соседних районах Черкесии и Западной Грузии.

Однако горцы Кавказа начинают все больше понимать смысл всей этой чрезвычайно сложной политики западных держав, о чем свидетельствуют многочисленные документы. Например, в упоминавшемся сборнике документов и материалов Архивного управления Грузинской ССР («Шамиль...», 1953) содержится немало материалов, говорящих «о провале планов английских эмиссаров заставить выступить против России» горцев. Так, документ № 113 (от 9 декабря 1837 г.) носит название «...О возмущении против английских эмиссаров». Лонгворт прямо признавал, что на «народных собраниях» («советах») отдельные участники на него и Белла смотрели «с некоторой враждебностью», а многие «выкрикивали, что их снова обманывают»⁴⁵⁷. И сами царские генералы часто указывали на безуспешность попыток использовать горцев в интересах какой-либо иностранной державы. Горцы тем более были разочарованы, что не получали обещанной помощи ни со стороны Англии, ни со стороны Турции. Как отмечалось выше, этим и объяснялся тот факт, что на «народных собраниях» все чаще обсуждался вопрос «о добровольном покорении» России, росло число сторонников русской ориентации. Ф. Энгельс, внимательно следивший за борьбой кавказских горцев и за попытками Англии влиять на нее, отмечал, что «эскадра, под командой контр-адмирала Лайонса, должна... вступить в связь с черкесами, в особенности с вождем их Шамилем», но Лайонс «не может доставить ему того, в чем тот наиболее нуждается, т. е. оружия и боевых припасов»⁴⁵⁸. С другой стороны, именно потому, что Турция неодно-

⁴⁵⁷ J. A. Longworth. Указ. соч., т. 1, с. 116, 128.

⁴⁵⁸ Ф. Энгельс, Война. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 10, с. 239—240.

кратно обещала оказать реальную помощь и не сдержала слова. Шамиль, пытавшийся получить ее, говорил, что султан и его приближенные хуже всех гяуров⁴⁵⁹.

Так, попытка англо-франко-турецких агентов поднять горцев Западного Кавказа против России провалилась. Однако европейская дипломатия, как и турецкая, продолжала делать все, чтобы воспрепятствовать наметившемуся сближению горцев с русскими и тем самым затянуть Кавказскую войну. А вскоре на Северо-Западном Кавказе начинается деятельность Мухаммед-Эмина, которая, как уже говорилось, так или иначе была связана не только с турецкой, но и с английской политикой в этом районе. Дакный период, с другой стороны, характеризуется обострением Восточного вопроса и, как его следствие, особенным усилением происков иностранных агентов на Западном Кавказе. Таким образом, рассматриваемый отрезок прошлого и Адыгеи, и Абхазии — один из сложнейших и своеобразных — был тесно связан с историей международных отношений.

§ 3. Агрессия султанской Турции и ее союзников на Абхазском побережье в период Крымской (Восточной) войны

Во время Крымской (Восточной) войны одной из главных целей политики и стратегии Англии, давно стремившейся ослабить влияние России на Востоке и в бассейне Черного моря, являлось отторжение Кавказа от России. Об этом недвусмысленно заявлял британский премьер лорд Пальмерстон накануне вступления Англии в войну с Россией. «Крым, Черкесия и Грузия должны быть отторгнуты от России; Крым и Грузию отдать Турции, а Черкесию либо сделать независимой, либо передать под суверенитет султана»⁴⁶⁰. Экспансионистскую программу этого выразителя захватнической идеологии английских колонизаторов в период Крымской войны разделял и французский император Наполеон III. Англия пыталась нанести удар России, по своему обыкновению, чужими руками, и прежде всего с помощью Турции.

Кроме того, она придавала весьма серьезное значение, опять-таки с точки зрения своих интересов, движению кавказских горцев, а также деятельности польских и венгерских эмигрантов, участников восстаний 1830—1831 и 1848—1849 годов. Как мы видели, английским правящим кругам удалось использовать на Кавказе часть

⁴⁵⁹ «История Дагестана», т. II. М., 1968, с. 114.

⁴⁶⁰ Цит. по: М. А. Рахматуллин. Войны России в Крымской кампании. — «Вопросы истории», 1972, № 8, с. 95.

этих эмигрантов⁴⁶¹. Некоторые из них наивно верили, что Англия поможет им восстановить независимость Польши и Венгрии⁴⁶². Видными их представителями в Константинополе были поляки Михаил Чайковский (Чайка) и Теофил Лапинский (Тефик-бей), венгр Иоган Бандья (Мехмед-бей), немец барон Штейн (Фергат-паша) и др., которые начали играть важную роль в турецкой армии. Некоторые же из них были непосредственно связаны с английским посольством, Уркартом, а через него — с Сефер-беем.

В начале 1847 года распространился слух о проникновении новой группы польских эмиссаров на Кавказ. При этом речь шла конкретно об Абхазии⁴⁶³. Военный министр «по высочайшему повелению» уведомлял кавказское начальство о том, что, согласно секретным сведениям из Константинополя, «должно с вероятностью предполагать», что эти агенты, а именно Якусский, Миревский, Олевский, Дашбринский и Чашевский, имеющие сношения с Константинополем и Трапезундом, «успели проникнуть в Абхазию» еще летом 1846 года⁴⁶⁴. Правда, все эти слухи затем были опровергнуты⁴⁶⁵, однако начальник главного штаба войск на Кавказе в апреле 1848 года предупредил, что «многие эмиссары иностранных государств будут стараться проникнуть не только по сухопутной границе Гурии, но и морем в Абхазию и иные места для подстрекания волнений за Кубанским краем и даже для тайного привоза оружия и огнестрельных припасов некоторым племенам...»⁴⁶⁶.

Во время Крымской войны англо-французская дипломатия пыталась использовать в своих комбинациях польский вопрос как орудие давления на противника и на нейтральные государства⁴⁶⁷.

На Кавказе действовали такие известные английские агенты, как Лонгворт, Олифант (выдававший себя за корреспондента газеты «Таймс»), майор Стюарт, Брант (английский консул в Эрзеруме) и др. Словом, как писал майор турецкой армии Осман-бей, «англичане... ничего не щадили, чтобы внушить черкесам недоброжелательство к России и вовлечь их в войну с русскими», а «глав-

⁴⁶¹ Николай I предъявил султану, давшему возможность польским и венгерским эмигрантам укрыться на территории Турции, ультимативное требование выдать их правительствам тех государств, поданными которых они являлись, т. е. русскому и австрийскому. Однако, получив поддержку западноевропейских держав, правительство Турции отказалось выдать Россию и Австрию, заявив, что они не эмигранты, а правоверные мусульмане — турецкие подданные. Дело в том, что польские и венгерские эмигранты-атеисты согласились принять мусульманство и турецкое подданство, что их ни к чему не обязывало, но спасало от наказания (Н. С. Княпина. Внешняя политика России первой половины XIX в. М., 1963, с. 240).

⁴⁶² С. К. Бушуев. О кавказском мюридизме, с. 75.

⁴⁶³ АКАК, т. X, ч. I, с. 241, № 245 (Отношение кн. Чернышова от 10 февраля 1847 г. кн. Воронцову).

⁴⁶⁴ ГАКК, ф. 260, оп. I, д. 559, л. 146.

⁴⁶⁵ Там же, лл. 168—169; АКАК, т. X, ч. II, с. 242, № 246.

⁴⁶⁶ Цит. по: С. К. Бушуев. Из истории внешнеполитических отношений... с. 66.

⁴⁶⁷ С. Кеневич. Лелевель. ЖЗЛ. М., 1970, с. 469.

ная квартира интриг находилась в Константинополе»⁴⁶⁸. Разветвленную шпионскую сеть на Кавказе накануне Крымской войны имела и Франция. По словам того же турецкого офицера, «первоначально правительство Наполеона III шло об руку с Турцией и Англией с целью взволновать Кавказ и тем устранить влияние России»⁴⁶⁹. Действительно, перед войной «начались интриги» Франции для восстановления против России горцев при посредстве Турции и с целью усиления влияния и владений последней на юге. При этом речь шла о Крыме и Закавказье или, по крайней мере, Западной Грузии (Кутаисская губерния), территории, прилегающей к Черному морю и границам Турции, которая должна была быть отнята у России и «возвращена» султану. Но это был «фантастический проект, основанный на ложном представлении о действительном положении народов и земель, которыми думал распоряжаться французский император»⁴⁷⁰. В числе видных французских агентов были граф Жан-де-Розмордюк и Шампуассо. Последний в марте 1855 года был назначен агентом французской миссии на Кавказе с официальной резиденцией в Сухуме. Он считал это «прекрасным положением» для себя и старался «его заслужить своей напряженной работой»⁴⁷¹. Розмордюк же поселился в Мегрелии, где под видом занятий на шелкоткальной фабрике, которой заведовал в течение 10 лет, занимался шпионской деятельностью. Особенно его интересовало Черноморское побережье. Розмордюк имел своего агента в Тифлисе в лице Сен-Клера. Во время Крымской войны граф был уличен в сношениях с Турцией⁴⁷². В 1855 году Розмордюк сделался «одним из самых деятельных» помощников командира турецкого экспедиционного корпуса Омер-паши⁴⁷³, для которого он оказался просто находкой вследствие знания края, его людей и языка⁴⁷⁴. Как писал офицер Генерального штаба П. И. Аверьянов, этот тайный агент Франции стал «дейтельным помощником» Омер-паши «в деле возмущения» населения Мегрелии против России⁴⁷⁵.

Активизация турецких агентов на Кавказе накануне войны была особенно значительной. В больших размерах перебрасывалось сюда оружие. Так, русская миссия в Константинополе в феврале 1853 года уведомляла своего консула в Трапезунде о том, что два турецких судна, нагруженных 208 бочками мелкого пороха,

⁴⁶⁸ Осман-бей. Воспоминания 1885 года. События в Грузии и на Кавказе. — *ЖС*, 1877, ч. II, с. 206.

⁴⁶⁹ Там же.

⁴⁷⁰ Ад. П. Берже. Выселение горцев с Кавказа. — «Русская старина», т. XXXIII, 1882, январь, с. 173—174.

⁴⁷¹ АКАК, т. XI, ч. I, с. 133, № 99 (Письмо Шампуассо от 5 сентября 1855 года Розмордюку, Сухум-Кале).

⁴⁷² Там же, с. 133—134, 150.

⁴⁷³ АКАК, т. XI, ч. I, с. 250, № 223.

⁴⁷⁴ К. Бороздин. Омер-паша в Мегрелии (Рассказ очевидца). — «Военный сборник», 1873, № 7, с. 15.

⁴⁷⁵ Цит. по: Х. М. Ибрагимбеги. Кавказ в Крымской войне., с. 344.

из Мальты направлялись к черкесским берегам⁴⁷⁶. Для задержания этого транспорта командованием Черноморской береговой линии был принят ряд мер, в частности, на побережье Абхазии⁴⁷⁷. Усиливается и деятельность шамилевского наиба Мухаммед-Эмина. Летом 1853 года он имел до 10 тыс. конных и пеших людей, собранных со всех концов Адыгеи⁴⁷⁸.

В октябре 1853 года вспыхнула война. Она развернулась между Россией и коалицией Англии, Франции и Сардинии. Это было одно из крупнейших событий XIX столетия. Война началась в интересах реакционных правящих классов и носила захватнический, несправедливый характер с обеих сторон. К Крымской войне привело столкновение наступательной политики царизма и агрессивных стремлений Англии и Франции. Союзники, как характеризовал их Джузеппе Мадзини в письме от 22 июля 1855 года А. И. Герцену, — «безобразное соединение французского деспотизма с монархическо-аристократической свободной Англией». А об их противнике итальянский революционер писал: «Но побежденный или победитель — народ русский поймет, что он Россия, а не царь»⁴⁷⁹. При вступлении союзников в войну с Россией предполагалось разрушить многочисленные укрепления и форты Черноморской береговой линии и уничтожить русский флот. Война на Кавказе началась нападением в ночь на 16 октября 1853 года на пограничный пост св. Николая (Шекветили), находившийся между Батумом и Поти. Здесь было всего 355 чел. и 2 орудия; корпус же турок, прибывший из Батума, состоял из 500 чел.⁴⁸⁰. Однако главные силы турецкой армии сосредоточивались не в Западной Грузии, а в Армении. Турецкий главнокомандующий Абди-паша рассчитывал ударом из района Карса смять русские отряды, прикрывавшие границу Закавказья, и, развивая наступление, выйти на подступы к Тифлису с юга, где надеялся встретиться с Шамилем, обещавшим к тому времени прорваться сюда с северо-востока через Кахетию⁴⁸¹.

Война на Кавказе началась при очень трудных для России обстоятельствах, хотя, как известно, в ходе борьбы за установление влияния в Турции в начале 50-х годов она и предприняла ряд мер для усиления своих позиций на Востоке и особенно в бассейне Черного моря, как и на Дунае. К. Маркс, подчеркивая, что Россия устремила свои взоры на устье Дуная и на Кавказский хребет, писал: «В одном месте ей предстояло еще установить свое владычество, в другом — удержать его»⁴⁸². Основная трудность заключалась в необъятном размере слабо укрепленной кавказской погра-

⁴⁷⁶ ГАКК, ф. 260, оп. I, д. 1602, св. 199, л. 6.

⁴⁷⁷ Там же, л. 5.

⁴⁷⁸ С. К. Бушуев. Из истории внешнеполитических отношений..., с. 62 — 63.

⁴⁷⁹ «Полярная звезда», кн. I, М., 1966, с. 230.

⁴⁸⁰ «Батумское побережье» (сб. статей). Батум, 1911, с. 35.

⁴⁸¹ «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. IV, с. 530.

⁴⁸² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, с. 408.

ничной линии, тянувшейся на протяжении почти 500 километров (от устья реки Чорох на Черном море до горы Арарат), и в необычайно невыгодных и опасных условиях, при которых создавалась дипломатическая обстановка войны⁴⁸³. Между тем командование кавказских войск не провело никаких подготовительных мероприятий на случай войны с Турцией, хотя сведения о разрыве с ней уже стали поступать задолго до начала внезапного нападения на кавказские границы России. И напрасно полковник Генерального штаба Д. И. Романовский утверждал в оправдание, что война застала царскую Россию на Кавказе «почти врасплох»⁴⁸⁴. Турки же «никогда не имели такой многочисленной и так хорошо устроенной армии, какая была у них в Азиатской Турции» во время этой войны⁴⁸⁵.

Настолько был велик страх царского правительства перед «непокорными» кавказскими горцами, что в самый напряженный период Крымской войны оно против национально-освободительного движения использовало значительные военные силы⁴⁸⁶. Царские военачальники даже сдачу в плен союзникам предпочитали капитуляции перед горцами. Так, генерал Ред начал переговоры о сдаче укреплению Вы обязаны держаться против покушения горцев до последней крайности и не сдаваться ни под каким предлогом. Если же подойдут эскадры соединенных флотов, начнут бомбардировать укрепление или откроют по нему огонь из орудий, коих калибр больше калибра орудий, имеющихся в укреплении, и ежели убедитесь, что упорною защитою уничтожите только, но не отстоите вверенного Вам поста, — в таком случае можете выбросить белый флаг и сдаться неприятелю»⁴⁸⁷.

Поэтому, изучая события Крымской войны на Кавказе, нельзя не остановиться специально на борьбе горцев, которая оставалась движением, направленным против царизма и его захватнической политики. Как уже отмечалось, англо-франко-турецкая коалиция большие надежды в деле завоевания Кавказа возлагала на его обитателей — горцев, с помощью которых она надеялась взорвать Кавказский фронт. Царское правительство боялось этого, и отсюда — всевозможные преувеличенные слухи о действиях горских руководителей. В официальных материалах тех лет чрезмерно подчеркиваются связи Шамиля с турецким командованием. Нередко категорически утверждается, что они согласованно действовали, чтобы уничтожить русские войска в Закавказье. Мухаммед-Эмин также готовится к встрече турецких войск, которые, согласно султанскому фирману, должны были прибыть на Черноморское побе-

483 Е. В. Гурле. Крымская война, т. I, с. 296—297.

484 [Д. И.] Романовский. Кавказ и Кавказская война. СПб., 1860, с. 40.

485 Там же, с. 140.

486 Х. М. Ибрагимбеги. Кавказ в Крымской войне., с. 165.

487 Цит. по: Х. М. Ибрагимбеги. Указ. соч., с. 166.

режье Кавказа; яиб возвещал повсюду, что падишах «призвал всех правоверных к оружию»⁴⁸⁸. Шамиль и Мухаммед-Эмин убеждали горцев, «будто султан объявляет войну единственно для защиты кавказских племен»⁴⁸⁹. Распространялись также «самые слепые слухи о могуществе турок»⁴⁹⁰. Наконец, к Мухаммед-Эмину прибывает Лонгворт с поручениями от союзного командования, рассчитывавшего на корпус «черкесской конницы»⁴⁹¹. Но в действительности в годы Крымской войны горцы как Северного, так и Западного Кавказа отказались выступить против России на стороне Турции. Е. Д. Фелицын пишет: «Раздраженный безуспешностью попытки сбора горского ополчения» Мухаммед-Эмин отправил, в конце января 1856 года, Омер-паше письмо, в котором уведомлял его о том, что «готов был немедленно прибыть к нему с десятью тысячами всадников для действий в Закавказском крае или в Малой Азии, но для этого нужно повесить 150 горцев, противящихся всем его распоряжениям для пользы падишаха»⁴⁹².

Борьба кавказских горцев против царской России являлась по-прежнему национально-освободительной. Именно поэтому Маркс и Энгельс и в эти годы сочувственно писали о их боевых действиях, осуждая русский царизм. В статье «Отход русских войск», написанной в июне 1854 года, основоположники марксизма сообщали, что «...Шамиль и его горцы не только очистили... ближайшие горы и долины, но также отрезали графа Воронцова от России...»⁴⁹³.

По поводу же утверждения представителей официальной дворянско-буржуазной историографии (Н. Ф. Дубровина, В. А. Потто, М. И. Богдановича и др.) и некоторых советских исследователей о согласованности боевых операций горцев под руководством Шамиля с наступательными действиями турок, о помощи Турции и Англии Шамилю, следует сказать, что в этом отношении, как отмечает Х. М. Ибрагимбеили, ни один из этих историков не приводит убедительных фактов и аргументированных доводов, которые бы свидетельствовали о взаимодействии горцев с турецкой армией, ограничиваясь лишь голословными утверждениями о переписке между султаном и Шамилем, цитированием бесчисленных фирманов и воззваний султана и его военачальников, адресованных мусульманским народам Кавказа⁴⁹⁴. Даже в современной зарубежной историографии встречаются признания о единоборстве горцев и Шамиля в борьбе с царской Россией и о пустых, ничего не стоящих обещаниях

488 АКАК, т. X, ч. II, с. 621, № 569.

489 Д. И. Романовский. Указ. соч., с. 148.

490 АКАК, т. X, ч. II, с. 786, № 736.

491 Е. Д. Фелицын. Князь Сефер-бей. Зап. — «Кубанский сборник», 1904, т. X, с. 86.

492 Там же, с. 86.

493 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 10, с. 290.

494 Х. М. Ибрагимбеили. Кавказ в Крымской войне..., с. 354.

Англии и Турции⁴⁹⁵. Что же касается похода семитысячного отряда под командованием сына Шамиля, Казимагомеда, в Кахетию в 1854 году, то даже по характеристике современника событий официального историка генерала А. Л. Зиссермана, это был, «в сущности... простой набег, не имевший никакого влияния на ход... дел» на Кавказе⁴⁹⁶. О переписке и вообще о политике Шамиля по отношению к Турции следует сказать, что только явным преувеличением экономических, политических и военных возможностей Османской империи⁴⁹⁷ и непониманием той пагубной роли, которую эта страна могла бы сыграть в судьбах кавказских народов, если бы они оказались в ее руках, можно объяснить стремление Шамиля получить покровительство Турции и воспользоваться ее помощью, которой так усиленно его соблазняли⁴⁹⁸.

Боевые действия горцев в период Крымской войны даже несколько ослабли, что было обусловлено, главным образом, обострением внутренних противоречий. Известно, что как раз в это время основная масса горцев отшатнулась от мюридистского движения. Все это и дало возможность царскому правительству высвободить свои кордонные гарнизоны путем замены их местными ополчениями, высвободившимися же войсками пополнить части действовавшего против Турции Кавказского корпуса. А действия горцев в 1853—1854 годах предпринимались по самостоятельным планам Шамиля и его сподвижников, которым не были даже известны планы антирусской коалиции. Таким образом, горцы, ведя справедливую борьбу против царизма, не стремились подчинить ее интересам ни Турции, ни Англии⁴⁹⁹. Более того, Шамиль и другие руководители восставших горцев Кавказа, как мы видели, с недоверием относились к султанскому правительству. Даже такой апологет колониальной политики царизма на Кавказе, как генерал Н. Ф. Дубровин признавал, что Шамиль «не желал соединения с турками»⁵⁰⁰. Это и понятно. Горцы нуждались в реальной помощи, а султан только обещал ее. Шамиль даже заявлял, что если бы турки по-

⁴⁹⁵ Там же, с. 85.

⁴⁹⁶ А. Л. Зиссерман. История 80-го пехотного Кабардинского полка (1726—1880), т. III. СПб., 1881, с. 116; X. М. Ибрагимбеяли. Кавказ в Крымской войне., с. 192.

Горцы вторглись в Кахетию, где заняли Цянандали, прорвав Лезгинскую линию. Они были задержаны грузинским ополчением, а затем разбиты русскими войсками.

⁴⁹⁷ В начале второй половины XIX в. положение Турецкой империи характеризовалось обострением внутренних противоречий — классовых и национальных — быстрым ростом экономической и политической зависимости страны от иностранных держав (Ю. А. Петросян. Из истории общественно-политической мысли в Турции. — «Краткие сообщения Института народов Азии». М., 1964, № 71, с. 91).

⁴⁹⁸ Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках, с. 212.

⁴⁹⁹ X. М. Ибрагимбеяли. Страницы истории., с. 70, 73—74.

⁵⁰⁰ Н. Дубровин. Обзор войн России от Петра Великого до наших дней, ч. IV, кн. 2. СПб., 1896, с. 322.

пались в его руки, то он «изрубил бы их на двадцать четыре куска, начиная с султана»⁵⁰¹. Именно в период Крымской войны писали К. Маркс и Ф. Энгельс, что «грозных черкесов» «перспектива присоединения к Турции, по-видимому, отнюдь не приводит... в восторг»⁵⁰². Горцы фактически никакой помощи не получили также от Англии и Франции. Все это вовсе не значит, конечно, что борющиеся горцы Кавказа, особенно в критические моменты, не пытались использовать любую помощь, в том числе от Турции. Когда же иноземные захватчики вторглись в кавказские пределы, уничтожая все и вся на своем пути, то горские массы, как увидим ниже, именно во имя собственных интересов действовали самоотверженно вместе с русскими войсками — против общего врага.

Как доносил в сентябре 1853 года командующий Черноморской кордонной линией генерал Кухаренко графу Воронцову, Мухаммед-Эмин специально ездил в Абхазию⁵⁰³. Воронцов, в свою очередь, подчеркивал, что «одно поле для действий и возможных успехов Мухаммед-Эмина остается на южном покате гор со стороны Черного моря и особенно Абхазии», где якобы наиб. собирался соединиться с турецким десантом⁵⁰⁴. Однако дела в Абхазии, «по большей части, зависят от того, что будет решено западными морскими державами». С другой стороны, участь Абхазии была связана с положением русского флота на Черном море. Отсюда наместник делал вывод, что если будет сильное нападение соединенного флота на Сухум, то «весьма трудно будет спасти этот важный пункт, равно как Пицунду и Бомборы», следовательно, весь край⁵⁰⁵. Воронцов вообще был убежден, что «в случае разрыва с Англией и Францией... форты Черноморской береговой линии не могут устоять против морских сил трех союзных держав»⁵⁰⁶. Собственно, это было первоначальное мнение чрезвычайного посланника в Турции генерала А. С. Меншикова⁵⁰⁷. Возможно, что это было и признанием командующего Черноморским флотом адмирала В. А. Корнилова, который, кстати, в сентябре 1853 года посетил Сухум⁵⁰⁸. Во всяком случае, начальник Черноморской береговой линии контр-адмирал Л. М. Серебряков писал об этом весьма откровенно в ноябре 1853 года⁵⁰⁹.

Вообще же Абхазия, Мегрелия и Гурия, как и вся Грузия в целом, отделенные от империи огромным горным хребтом и не-

501 Цит. по: А. Д. Даниялов. О движении горцев Дагестана и Чечни под руководством Шамшля. — «Вопросы истории», 1966, № 10, с. 22.

502 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. II, с. 522.

503 АКАК, т. X, ч. II, с. 269, № 279.

504 Там же, ч. I, с. 94, № 71.

505 Там же.

506 АКАК, т. X, ч. II, с. 698, № 650.

507 А. М. Зайончковский. Восточная война 1853—1856 гг., т. II, ч. 2. СПб., 1913, с. 1122.

508 «Русский архив», 1882, кн. II, вып. 8, с. 471.

509 См.: «Морской сборник», 1865, № 6, с. 105—109.

укротимо борющимися за свою самостоятельность горскими племенами, прежде всего рисковали подвергнуться нападению многочисленных турецких войск, укрепившихся в пунктах неподалеку от русской границы⁵¹⁰. М. С. Воронцов, ясно сознававший совершенно неудовлетворительное состояние обороны Южного Кавказа к началу войны, настойчиво требовал войск. Но плац-парадный генерал Николай I обнаружил абсолютное непонимание истинного положения вещей⁵¹¹. Черноморская береговая линия состояла из 25 отдельных укреплений и фортов, но они были заняты малочисленными гарнизонами, не соответствовавшими потребностям обороны края и не имевшими между собой сухопутного сообщения⁵¹². Кстати, еще в 1839 году кавказский офицер Ф. Ф. Торнау, бывший в плену у горцев, говорил царю откровенно: «...Береговая линия не оправдывает ожиданий Вашего величества. Укрепления малы, гарнизоны слабы, изнурены болезнями, едва в силах обороняться от горцев, которых не они, а которые их держат в постоянной блокаде. Кроме того, в случае европейской войны, при появлении в Босфоре любого неприятельского флота, кажется необходимым снять всю линию; в горы гарнизонам нет отступления, и ни одно укрепление не в силах выдержать бомбардировки с моря»⁵¹³. Но тогда «государь махнул рукой»⁵¹⁴. И очень скоро в Приморье сложилась такая ситуация, которой так боялся Воронцов. Горцы вновь атаковали укрепления Черноморской береговой и Лабийской линий. Атаки были отбиты, но угроза со стороны появившегося на Черном море англо-французского флота заставила русское командование эвакуировать Приморскую линию⁵¹⁵.

Объясняя конкретные причины вывода войск из Абхазии (пять батальонов Черноморской береговой линии), М. С. Воронцов писал: «...Усматривая, что нельзя рассчитывать на теперешние средства к сохранению наших гарнизонов и что усилить войска в Абхазии мы не имеем средств, я решился приступить к выводу оных из абхазских укреплений сухопутно»⁵¹⁶. Кутаисский генерал-губернатор Г. Р. Эрстов (Эристави) в донесении от 16 мая 1859 года намест-

510 Е. В. Тарле. Крымская война, т. I, с. 298.

511 Там же.

512 А. М. Зайончковский. Указ. соч., т. I. СПб., 1908, с. 720—721.

513 «Русский архив», 1881, кн. 2, с. 242.

514 Там же.

515 И. В. Бестужев. Кавказские войны. — СИЭ, т. 6, с. 763.

516 АКАК, т. X, ч. II, с. 699, № 653 (Отношение кн. Воронцова от 17 марта 1854 г. кн. Долгорукову).

Генерал Н. А. Реад, в руках которого в это время было сосредоточено верховное командование на Кавказе, писал об этом еще более откровенно: «Принимая во внимание положение наших укреплений в Абхазии и совершенную невозможность их противостоять неприятельским покушениям с моря, я счел необходимым приступить к снятию этих укреплений; этой мерой «устранить другое не менее важное затруднение» — чувствовался «крайний недостаток в войсках для охранения Закавказского края» — усилить Гурийский отряд (АКАК, т. X, ч. I, с. 273, № 286).

нику Кавказа «главнейшею и почти единственною причиною столь быстрого отступления» русских войск из Абхазии считал «недостаток сообщений, хотя бы несколько обеспечивающих отступление Абхазского отряда»⁵¹⁷. Сообщение между Сухумом и другими прибрежными пунктами совершалось только морем, так как приморская дорога, сооруженная еще в 30-х годах, пришла в негодность. Все продовольствие и снаряжение для русских войск шло морским путем из Крыма. И этот единственный путь был закрыт с началом военных действий англо-французскими судами — «утратилось всякое значение» Черного моря для русских⁵¹⁸. А. Л. Зиссерман, говоря о внезапном нападении турок на русские приморские укрепления⁵¹⁹, также подчеркивал: «Войск в крае было мало, пути сообщения ужасные, продовольственных припасов недостаточно»⁵²⁰. Об этом писал и начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Л. М. Серебряков еще 6 ноября 1850 года⁵²¹. Англо-французская корабельная артиллерия имела полную возможность разрушить русские береговые укрепления, а орудия, которыми были вооружены последние, ни по числу, ни по калибру не могли поражать противника на море⁵²². Одним словом, как часто указывали Маркс и Энгельс, Кавказ и Закавказье — «самое слабое место России»⁵²³.

При выводе русских войск из Абхазии кавказскому начальству было весьма желательно «уменьшить, по возможности, неблагоприятное впечатление, которое это сообщение должно произвести на весь край». Оно было озабочено также тем, «в какой степени полагаться можно на преданность самого владельца Абхазии и влиятельных в том крае лиц...»⁵²⁴. Тем не менее дело эвакуации русских войск из края было поручено именно абхазскому владельцу, который принял командование над войсками 19 марта 1854 года, а 5 апреля они уже были переправлены через р. Ингури на соединение с Ингурским отрядом⁵²⁵. Гарнизоны были эвакуированы последовательно из Пицунды, Бамборы и Цебельды, а их укрепления преданы огню. Лишь Гагринское укрепление было сохранено

517 АКАК, т. XII, ч. II, с. 812.

518 М. Я. Ольшевский. Записки. — «Русская старина», 1891, июль, с. 29.

519 Например, в районе Пицундского мыса 9 ноября 1853 года произошел бой между турецкими вооруженными пароходами («Гапер», «Фези-Бахри» и «Санк-Имаде») и русским парусным фрегатом «Флора» (командир — капитан-лейтенант А. Н. Скоробогатов), длившийся около 7 часов. Событие это запечатлено в картине художника Н. Боголюбова ««Флора» у берегов Пицунды».

520 А. Л. Зиссерман. Двадцать пять лет на Кавказе (1842—1867). Часть II. 1851—1856. СПб., 1879, с. 209.

521 См.: «Морской сборник», 1865, № 6, с. 105—109.

522 «Кубанский сборник», 1904, т. X, с. 77.

523 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. II, с. 620.

524 АКАК, т. X, ч. I, с. 269, № 280 (Отношение ген. Долгорукова от 29 марта 1854 г. ген. Реаду).

525 Там же, с. 271 (Донесение кн. Шервашидзе от 6 апреля 1864 г. ген. Реаду).

на некоторое время, поскольку оно запирало «важнейший горный проход от непокорных горцев в Абхазию» — сюда могли хлынуть отряды Мухаммед-Эмина и оказать препятствие движению русских войск, подвергнуть их «всем случайностям неравного боя»⁵²⁶. Когда войска были сосредоточены в Сухуме, М. Шервашидзе решил создать впечатление, что речь идет об организации «решительного боя» за этот пункт, для чего он собрал «милицию» (ополчение) из окрестных жителей. Цель была достигнута. Горцы, которые начали стекаться с Ахчипсу (Ахчипсы), Аибга и Цебельды, вынуждены были отступить, лишь в отдельных случаях вступая в перестрелку⁵²⁷. А через некоторое время войска покинули Сухум, где опасно было оставаться при появлении неприятельской эскадры — город не был укреплен ни с моря, ни с суши. Отступление было произведено к Мегрелии «без сопротивления абхазцев»⁵²⁸.

В осуществлении этой операции Михаилу Шервашидзе содействовали Баталбей Маршания, Георгий Курцикидзе и другие абхазские офицеры. Последний, например, в память Крымской (Восточной) войны был награжден бронзовой медалью⁵²⁹. Таким образом, владетель Абхазии, «несмотря на большие затруднения», «спас гарнизоны и жителей», что было оценено как «важнейший подвиг» и удостоено ордена⁵³⁰. Царское правительство вместе с тем надеялось, что с помощью М. Шервашидзе, который пользовался «большим уважением между убыхами и другими непокорными племенами... расстроить виды Мухаммед-Эмина на Абхазию»⁵³¹.

А «виды» Мухаммед-Эмина на этот край, как уже говорилось, были весьма серьезные. Еще накануне войны, когда наиб только усилил свои военные действия против русских укрепленных пунктов, ему удалось установить связь с абхазским влиятельным дворянином Хасаном Маргания (Маан). При чем тот в свою очередь содействовал сношениям Мухаммед-Эмина с турецким правительством⁵³². После начала военных событий распространяется ложный слух «о волнении Бзыбского округа, и что многие между жителями дали присягу Магомет-Амину передаться ему, когда он к ним придет»⁵³³. Слух этот, однако, был опровергнут немедленно владете-

⁵²⁶ Там же, ч. II, с. 699, № 653 (Рапорт ген. Реада от 17 мая 1854 г. кн. Долгорукову); ЦГАВМФ, ф. 19, оп. 2, д. 209, лл. 170—172 об. (Письмо Л. М. Серебрякова от 13 апреля 1854 г. А. С. Меньшикову).

⁵²⁷ Донесение кн. Шервашидзе от 6 апреля 1854 г. ген. Реаду.

⁵²⁸ «Русская старина», 1882, т. XXXIII, январь, с. 174.

⁵²⁹ ЦГАА, ф. 833, д. 28, лл. 18—19.

⁵³⁰ АКАК, т. X, ч. II, с. 272, № 285 (Рапорт ген. Реада от 22 апреля 1854 г. ген. Долгорукову).

⁵³¹ Там же, с. 276, № 289 (Отношение ген. Долгорукова от 7 мая 1854 г. ген. Реаду).

⁵³² АКАК, т. X, ч. II, с. 49 (Записка о прап. Хасане Маргания и майорехн. Баталбее Маршания, 1855 г.).

⁵³³ „საბჭოთაო მუშაკთა“. Исторический вестник. Тбилиси, 1963, №№ 15—16, с. 137, № 1.

дем Абхазии в письме от 18 ноября 1853 года на имя наместника Кавказа М. С. Воронцова⁵³⁴.

Осенью 1853 года синопская победа Нахимова сорвала предполагавшуюся высадку турецкого десанта на берегах Абхазского княжества и в других местах Кавказского края. Однако весной следующего года при указанных выше обстоятельствах и с появлением англо-французского флота в Черном море возможность десантных операций на восточном его побережье стала вполне реальной. И вскоре союзный флот, в составе 100 военных судов с 3 000 орудий, разделившись на небольшие эскадры, начал крейсировать вдоль этого побережья и уничтожать укрепления и форты береговой линии. 20 апреля 1854 года был упразднен и Гагринский пост, а его гарнизон, по вызову Серебрякова, доставлен частным греческим шкипером Сарандо Фоти в Керчь. 4 мая одна из вражеских эскадр под командованием контр-адмирала Лайонса уже бомбардировала Редут-Кале (Кулеви). Русский гарнизон оставил и это важнейшее укрепление в южной части Черноморской береговой линии⁵³⁵. Войска были эвакуированы также из других пунктов. Поэтому поводу М. Крыжановский резонно писал: «Поти, Редут-Кале, Анаклия, Очемчиры, Сухум-Кале и даже Озургеты были брошены на произвол судьбы»⁵³⁶.

Между тем, как отмечал Ф. Энгельс в статье, написанной 22 мая 1855 года, например, форты Анапа, Сухум и Редут-Кале были «довольно сильно укреплены и построены на высотах, господствующих над открытым морем (за исключением Редут-Кале)»⁵³⁷.

Теперь Николай I считал неизбежным нападение турок из Батума, главного сборного пункта турецкой армии, на Абхазию и признавал последнюю границей «слабейшей»⁵³⁸. И действительно, вскоре после указанных событий, весной 1854 года, в Сухум прибыли два парохода с турецкими войсками — около 1 500 чел. с 38 орудиями под начальством двух пашей — Сефер-бея⁵³⁹ и другого, «младшего». А в Бзыбскую Абхазию, по воззванию того же Сефер-бея, пришли отряды из убыхов, абадзехов, шапсугов и др.⁵⁴⁰. Однако абхазский владетель М. Шервашидзе «употребил все свои старания, чтобы... вселить у жителей Бзыбского округа недоверие» к

⁵³⁴ Там же, с. 137—138, № 1.

⁵³⁵ «Русский архив», 1892, кн. II, вып. 7, с. 392; С. К. Бушуев. Из истории внешнеполитических отношений, с. 73.

⁵³⁶ М. Крыжановский. Последний абхазский бунт. Очерк событий 1877 г. РО ГПБ, шифр F IV, 837, л. 7.

⁵³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 10, с. 239.

⁵³⁸ «Русская старина», 1876, август, с. 703—704 (Николай I — к кн. Воронцову от 6/8 октября 1853 г.).

⁵³⁹ Еще в октябре 1853 г. Сефер-бей (Зан-оглу) тайно приезжал в Абхазию, «в бедной одежде» и с султанскими грамотами; проник в Псху, а оттуда поехал к натухайцам («Вестник архивов Армении», Ереван, 1973, I (35), с. 113).

⁵⁴⁰ АКАК, т. X, ч. I, с. 274—275, № 287. См. также ЦГВИА, ф. ВУА, д. 110 (40—192), лл. 72—76.

дится, основана на ошибочной мысли»⁵⁴⁹. Но, как подчеркивали Маркс и Энгельс, русские «оставили почти все свои крепости на восточном берегу Черного моря не из боязни союзного флота, а для усиления своей армии в Грузии»⁵⁵⁰.

Это было результатом общего тяжелого положения — экономической и военной отсталости, в которое была ввергнута Россия политикой паризма. Достаточно сказать, что в самый разгар Крымской войны, когда в Англии и Франции суда, приводимые в движение винтовым двигателем, «составляли значительный процент всякой эволюционной эскадры», у России не было ни одного винтового судна в плавании; кроме того, вовсе не было паровых судов торгового флота⁵⁵¹.

Теперь англо-французское командование ставило своей целью завладеть всем Кавказом. При этом из его западных областей наибольшее внимание англо-франко-турецкой коалиции привлекала Абхазия. Такой интерес союзников был обусловлен важным стратегическим значением данного края⁵⁵². В августе 1854 года в Сухуме был высажен новый турецкий десант. Английские агенты Ловгорт и Олифант были озабочены заготовлением запасов для европейских десантных войск на восточном берегу Черного моря. В начале 1855 года здесь уже были возобновлены военные действия, а 12 мая в Таманский пролив прибыло более 50 английских и французских пароходов, кроме кораблей, которые быстро атаковали и взяли Керчь и Еникаль⁵⁵³. Затем русские войска вынуждены были оставить Геленджик, Новороссийск и Апапу. Последняя, рассматривавшаяся как «ворота к русским владениям на Кавказе и в Крыму», «ключ к Азовскому морю», была занята турецкими войсками под начальством Сефер-бея⁵⁵⁴, хотя этому «князю черкесов» и не удалось создать армию из горцев⁵⁵⁵. Таким образом, «на всем побережье от Керченского пролива до Батума были полностью ликвидированы опорные пункты русских»⁵⁵⁶.

Мухаммед-Эмин, в свою очередь, стремился соединиться с Шамилем. Летом 1854 года он делает ряд попыток осуществить этот план через Марухский перевал, а в августе 1855 года — через Тебердинское ущелье. Но эти походы не увенчались успехами. Наиболее решительным отрядом направиться в Абхазию. Он через своих эмиссаров уговаривал и карачаевцев следовать за ним, преодолев Клухорский перевал. Впоследствии Мухаммед-Эмин в Су-

549 «Морской сборник», 1865, с. 109, № 6 (Письмо начальника Черноморской береговой линии Л. М. Серебрякова от 6 ноября 1853 г. М. С. Воронцову).

550 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 10, с. 287.

551 М. Литвинов. Черное море. СПб., 1881, с. 181.

552 Х. М. Ибрагимбеги. Кавказ в Крымской войне., с. 97.

553 Ф. Щербина. Указ. соч., т. II, с. 510.

554 С. К. Бушуев. Из истории внешнеполитических отношений, с. 78—80.

555 «Times», 30 августа 1854 г. — С. К. Бушуев. О кавказском мюридизме, с. 77.

556 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. II, с. 619.

хуме встретился с Омер-пашой, которому сделал сообщение о своей «неуспешной экспедиции»⁵⁵⁷. Таким образом, попытка Мухаммед-Эмина вторгнуться в Карачай и Кабарду провалилась⁵⁵⁸.

С наступлением весны 1855 года Мустафа-паша, которому вначале было поручено высшее руководство военными операциями на Кавказском побережье, «серьезно принялся» за осуществление экспедиции. В конце марта четыре батальона в Батуме были погружены на суда, которые вскоре вошли в Сухумский рейд. Кстати, на фрегате мушира незаметно выехал и французский консульский агент Шампуассо. Как доносил начальник Гурийского отряда, Мустафа-паша в Сухуме был занят «исключительно переговорами с абхазскими, черкесскими и цебельдинскими старшинами», главным образом с целью «определить отношение этих народов к турецкому правительству»⁵⁵⁹. И действительно, через несколько дней к Мустафа-паше в Сухум явился с многочисленной свитой князь Александр Шервашидзе, который теперь именовал себя не иначе, как Сулейман-пашой, и нашел благодарным обмотать свою папаху белой шалью. Его приезд, по словам адъютанта Мустафа-пашки майора Осман-бея, «имел целью сближение с турками и их союзниками, вследствие чего князя надеялись вернуть прежнее независимое положение». Александр «старался всеми силами уверить» турок «в добрых намерениях», предупреждал по возможности все их желания; «оказывал во всем содействие, доставляя припасы для продовольствия, и заботился о всех нуждах войска. Одним словом, за чем бы к нему ни обращались — все исполнялось немедленно»⁵⁶⁰.

Но при этом Осман-бей не мог не обратить свое внимание на другое, более существенное обстоятельство — отрицательное отношение самого народа к непрошеным гостям. «Входя в город, — пишет он, — мы нашли его почти пустым; дома были оставлены... жители удалились вследствие завязия города нашими войсками»⁵⁶¹. С помощью Александра Шервашидзе и других абхазских феодалов Мустафа-паша пытался привлечь на свою сторону 7—8 сотен молодых абхазов, «но деятельность их не принесла пользы»⁵⁶². Алек-

⁵⁵⁷ Н. Н. Муравьев. Война за Кавказом в 1855 году, т. I, ч. II. СПб., 1877, с. 291—292; С. К. Бушнев. Из истории внешнеполитических отношений..., с. 79—80; У. Алиев. Карачай. Ростов н/Д., 1927, с. 86.

⁵⁵⁸ Надо отметить, что еще в 1851 году начальником Черноморской береговой линии контр-адмиралом Л. М. Серебряковым был составлен документ («Дорога из Сухума к Кубани через Главный Кавказский хребет»), который имел важное значение в разработке мер против устремлений Турции проникнуть через Сухум в Западную Грузию и на Северный Кавказ. Причем сам Серебряков во главе небольшого отряда (полк. Карлгоф, кап. Рябов, поруч. Абряцкий и др.), рискуя жизнью, пешком и верхом, прошел этот путь. Он произвел рекогносцировку Марухского и Нахарского перевалов и вышел к р. Кубани («Морской сборник», 1865, № 6, с. 90—105).

⁵⁵⁹ АКАК, т. XI, ч. I, с. 182, № 159.

⁵⁶⁰ Осман-бей. Указ. соч., с. 200—201.

⁵⁶¹ Там же, с. 200.

⁵⁶² Там же, с. 201.

сандр Шервашидзе отговаривался, что подчиняющаяся ему страна — «христианская, и население испытывает большое нерасположение к туркам»⁵⁶³. Вступая в Сухум, турки также «с уверенностью полагали быть встреченными и окруженными черкесами». «Но, — пишет Осман-бей, — эти господа не торопились явиться приветствовать нас: многие из них остались у себя на вершинах своих суровых гор; один Сефер-паша прибыл и поселился в старой турецкой крепости»⁵⁶⁴. Сам мушир сообщал турецкому правительству, что он изгнал бы русских с Черкесского побережья⁵⁶⁵ и продвинулся бы дальше, если бы население этого края не было «таким непокорным, необузданным... народом, который при этом настолько... подготовлен к восстанию против султана, что войскам падишаха нечего дальше делать в этой стране»⁵⁶⁶. По словам Лапинского, английское правительство, «издавна следившее с беспокойством и интересом за ростом русского владычества на Кавказе, вследствие каких причин народ, который долгие годы совершенно без всякой поддержки с успехом боролся против гигантской мощи России, теперь не принимал никакого участия в общей войне против нее и остался равнодушным зрителем»⁵⁶⁷.

Еще в 1853 году имел место такой случай. 7 ноября около укрепления Бамборы произошел бой между русским фрегатом «Флора» и тремя турецкими пароходами. По приказанию владелицы Абхазии Александры «жители Бзыбского округа немедленно собрались... около укрепления и на берегу моря, в местах более удобных для высадки, с тем, чтобы воспрепятствовать туркам сделать высадку войск...». Михаил Шервашидзе, сообщавший об этом факте наместнику Кавказа, говорил, что, если бы слухи о нелояльном поведении населения «имели бы хоть тень истины, то явились ли жители Бзыбского округа на защиту укрепления против врагов России»⁵⁶⁸. Другой факт — «о колеблющемся мнении горцев насчет подачи помощи туркам». Последние через своих агентов требовали от горцев содействия и предлагали им собрать пеших и конных для движения на Сухум и действия оттуда против закавказских провинций. Но это предложение «было встречено очень холодно всеми залабинскими народами, особенно абадзехами, которые... отговариваются от всякой посылки своих партий далеко от домов... На предложение турецких агентов продовольствовать отряд, имеющий высадиться для действия в горах, абадзехи и прочие горцы отказались бедностью. Убеждения Магомет-Амина

563 Т. Лапинский. Указ. соч., т. I, с. 300.

564 Осман-бей. Указ. соч., с. 202—203.

565 Мустафа-паша, после некоторого пребывания в Сухуме, совершил свою «черкесскую экспедицию» (Сочи — Туапсе — Геленджик), а вернувшись обратно, в Сухум, вскоре удалился в лагерь при Армудлу.

566 Т. Лапинский. Указ. соч., т. I, с. 313.

567 Там же, с. 317.

568 «Исторический вестник», 1963, №№ 15—16, с. 138, № 1.

в пользу посылки партий в Сухум до сих пор были бессильны и даже вовлекли его отчасти в недоверие»⁵⁶⁹.

Горцы не доверяли не только туркам, но и англо-французским агентам. Сразу же после десанта в Крым союзные дипломаты явились на восточный берег и предложили горцам «избавить» их навсегда от русских, если они примут покровительство Англии. Но горцы ответили, что если и французы, и англичане начнут занимать их земли, то они будут с ними драться также ожесточенно, как дрались с царскими войсками. «Поэтому идея принять горцев под покровительство всей Европы или Англии и Франции и не допустить России завладеть Кавказом так и осталась в проекте»⁵⁷⁰. Горцы стали воздерживаться и от повиновения Мухаммед-Эмину. Например, в Шапсугии и Убухрии, где, по словам Т. Лапинского, «население всегда относилось неприязненно к религиозному введению наиба и его страсти к обращению в новую религию, ничего больше не требовалось для того, чтобы поколебать и повергнуть его еще слабый авторитет. В самое короткое время была сброшена с таким трудом введенная административная система; здания мехкеме были сожжены, начальники изгнаны, кади и муртачики принуждены были разойтись по домам. Но на этом не остановились эти горные народы. Русские отступили, и пророк Магомет уже являлся лишним. Во многих местностях, в особенности в горах, жители сожгли мечети и воздвигли снова старые кресты»⁵⁷¹.

В осложнении обстановки в Абхазии существенное значение имело еще одно обстоятельство, о котором следует сказать особо. Речь идет о позиции абхазского владетеля М. Шервашидзе⁵⁷². Граф Розмордюк, Шампуассо, Лонгворт и Мустафа-паша незамедлительно принялись за установление с ним сношений. В частности, англичане явно пытались привлечь владетеля на свою сторону. Однако желание владетеля «оставаться совершенно нейтральным между воюющими державами» они столь же быстро и «решительно отвергли», считая, что «объявление нейтральной Абхазии, составляющей часть Российской империи и занятой турецкими войсками, было бы нелепостью, беспрецедентною в военной дипломатии»⁵⁷³. По официальной версии, М. Шервашидзе встречался с Мустафа-пашой в Очемчирах и Сухуме. В связи с некоторой непоследовательностью в действиях владетеля фабрикуется обвинение его в «измене». Оно «возникло по донесению российского посла в Константинополе, ссылавшегося на сообщение турецкого минист-

⁵⁶⁹ «Шамиль...», с. 402, № 326. Рапорт ген.-м. Евдокимова от 20 июля 1854 г.

⁵⁷⁰ А. П. Берге. Выселение горцев. — «Русская старина», т. XXXIII, 1882, январь, с. 174.

⁵⁷¹ T. L a p i n s k i. Указ. соч., т. I, с. 298.

⁵⁷² Подробнее об этом см.: З. К е г е л о в. «გეგობის ნათესავის ისტორიისათვის» (1853—1856). — «საბჭოთაო მკვლევ. Исторический вестник», 1963, №№ 15—16, с. 123—137.

⁵⁷³ АКАК, т. XI, ч. I, с. 238, № 223.

ра»⁵⁷⁴. Этот «голословный донос, никакими фактическими данными впоследствии не подтвержденный»⁵⁷⁵, был подхвачен начальником Гурийского отряда генералом И. К. Багратион-Мухранским. Срочно отправляется соответствующий рапорт в Тифлис⁵⁷⁶, а оттуда в Петербург летят наспех состряпанные донесения⁵⁷⁷. Причем в Тифлис «сногшибательное» сообщение привез Григорий Шервашидзе, который «как очевидец» дал и личные показания в дополнение к изложенному в рапорте. Абжуйский «удельный князь», недовольный владетелем за «неправильно им присвоенные» некоторые его «родовые земли», уж, конечно, рад был стараться, за что он и удостоивается «состоять» при начальнике Гурийского отряда⁵⁷⁸. Этим кавказская администрация и военное командование начали злополучное дело об «измене», «неверности» и «неблагонадежности» М. Шервашидзе, стремясь использовать данные обвинения в качестве повода или даже причины для ликвидации Абхазского княжества еще в тот период⁵⁷⁹. Дело это стало сенсационным и для мировой прессы.

На Михаила Шервашидзе было оказано давление и со стороны тех влиятельных абхазских феодалов, которые в столь критической обстановке поспешно отрекались от российского подданства и открыто избрали ориентацию на Турцию. Среди них мы видим Александра Шервашидзе, Хасана Марганя, Баталбея Маршаня, т. е. деятелей, вместе с которыми владетель в течение многих лет вершил дела в княжестве⁵⁸⁰, а Александр Шервашидзе к тому же являлся его родным братом. Поспешил в Абхазию также Хаджи-Керантух-Берзек, «один из самых сильных людей в земле убыхов»⁵⁸¹, — тоже с определенным расчетом. Дело в том, что М. Шервашидзе воспитывался в доме его дяди — известного Хаджи-Берзека-Дагомукко, а следовательно, согласно обычаю, считался названным сыном последнего. Кроме того, Хаджи-Керантух был женат на сестре

⁵⁷⁴ «Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков свет. князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии». Венден, 1913, с. 89.

⁵⁷⁵ Там же.

⁵⁷⁶ См.: АКАК, т. XI, ч. I, с. 45—46, № 36 (Рапорт ген. Багратион-Мухранского от 20 июня 1855 года ген. Бебутову).

А впоследствии (1856 г.) все «факты» по этому делу постарался обобщить начальник штаба названного отряда полк. П. К. Услар в своей обширной «Записке о военных действиях Гурийского отряда за время командования ген.-м. кн. Багратион-Мухранского» (АКАК, т. XI, ч. I, с. 231—255, № 223).

⁵⁷⁷ Там же, с. 46—49, №№ 37 и 38.

⁵⁷⁸ Там же, с. 49—50, № 38.

⁵⁷⁹ *ს. ჯობაძის გარდაცვალების შესახებ*, გვ. 10—11; Ш. К. Чхетия. Предисловие к сб. «Документы по истории Грузии (1862—1872)», серия II, т. I, ч. I. Тбилиси, 1960, с. XII.

⁵⁸⁰ См.: АКАК, т. XI, ч. I, с. 49—50 (Записка о прапорщике Хасане Марганя и майоре кн. Баталбее Маршаня).

⁵⁸¹ Там же, с. 48, № 38 (Рапорт Бебутова от 11 июля 1855 г. Долгорукову).

Каца Маргания. Не случаен был и приезд Сефер-бея⁵⁸² в Сухум в июле 1854 года. До начала войны он проживал в Адрианополе «частным лицом», «назвавшись моим родственником», — сообщал М. Шервашидзе. «Турецкое правительство, — писал владетель далае, — имея это в виду, предполагало, что ему легче других удастся убедить меня признать власть султана в Абхазии и, сознавая при этом влияние его на народ земель северо-восточного берега Черного моря, дало ему звание паши и отправило туда для сбора горцев и для склонения меня в пользу Турции»⁵⁸³. В июле же 1854 года, как мы видели, в Сухум на некоторое время приезжал также Мухаммед-Эмин, с которым, вероятно, Сефер-бей был уполномочен турецким правительством войти в сношение для согласования действий «мятежных горцев»⁵⁸⁴. Однако появление его в Сухуме в звании турецкого паши с полномочиями объединить все племена Северо-Западного Кавказа, очевидно, побудило Мухаммед-Эмина резко переменить отношение к нему, поскольку сам наиб давно претендовал на такую роль. И это было началом серьезной вражды между обоими «черкесскими вождями»⁵⁸⁵.

Между тем положение в Абхазии и на всем Черноморье с лета 1855 года становится еще более сложным. Отчаянное состояние турецких войск в Карсе и успехи русской армии на Кавказе заставили союзников снова обратить свое внимание на последний. Стратегическая же идея турок сводилась к тому, «чтобы занять эксцентрическую позицию по отношению к осаждающей армии, создать угрозу Тифлису, этому центру русского господства в Азии, и, поставив Муравьева перед опасностью быть отрезанным от своей операционной базы и коммуникационной линии, вынудить его отступить от Карса»⁵⁸⁶. С этой целью, т. е. чтобы создать угрозу

⁵⁸² Между прочим, абхазские исторические предания хорошо знают Сефер-бея под именем Ахан-па. С ним обычно связывают усиление мусульманства в Абхазии. Вот что рассказывал в 1914 году 90-летний Антон Гуатас-ипа из с. Лыхны: «...Лет шестьдесят тому назад черкесский князь Ахан-ипа во время своего нашествия на наш край силой оружия заставил нас перейти в магометанство, уничтожил он на всем протяжении Абхазии и свиней. Целый год почти Ахан-ипа царствовал над нами и жил в Сухуме» (П. Образцов. Из отголосков прошлого (Воспоминания абхазского крестьянина). — «Сотрудник Закавказской миссии», 1914, № 1, с. 13—16. Ср. С. П. Басария. Избранные сочинения. Сухуми, 1967, с. 54). Об уничтожении свиней в Абхазии в этот период говорится и в другом материале — факт, приписываемый в этом случае Омер-паше. Как рассказывал в 1868 году один из жителей села Хуап, «когда однажды турецкие солдаты начали истреблять его свиней, то он с насмешкою сказал им: «Кажется, султан послал вас сражаться с войсками, а не со свиньями». Этот ответ, говорят, дошел до Омер-паши и вынудил его похвалить этого твердого христианина» (ООВПХК за 1868 г. Тифлис, 1869, с. 14).

⁵⁸³ АКАК, т. X, ч. I, с. 274, № 287.

⁵⁸⁴ «Шамиль...», с. 404, № 328 (Отношение военного министра от 23 июля 1854 г. наказному атаману Войска донского).

⁵⁸⁵ Ф. Щербина. Указ. соч., т. II, с. 546, 548, 549; Н. Карлгоф. Магомет-Амин. — КК, 1860, отд. III, с. 96—97.

⁵⁸⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. II, с. 639.

Тифлису и снять осаду Карса, было решено совершить диверсию в Западную Грузию, начав вторжение со стороны Абхазии⁵⁸⁷, стратегическое значение которой было хорошо оценено англо-франко-турецкой коалицией. Турецкий военный историк Исмаил Беркок цель прихода турецкого флота к берегам Сухума определяет именно как стремление захватить этот город и создать в нем базу для «дальнейшего действия на Кавказе; завладеть всеми крепостями Абхазского побережья»⁵⁸⁸. Турецкое командование при выборе Абхазии основным пунктом действий руководствовалось и чисто политическими соображениями, о чем говорилось выше. То есть оно рассчитывало на помощь феодалов Абхазии и на содействие горских племен, соседствовавших с этим краем, а также на возможное установление связи с Шамилем⁵⁸⁹. Беркок так и пишет: «Под видом мусульманского союза — объединить все кавказские племена»⁵⁹⁰. Сухум же был избран операционной базой движения турецких войск, поскольку там имелась «хорошая гавань, и более удобная дорога по побережью»⁵⁹¹.

Таким образом, эту военную экспедицию турецкого десантного корпуса нельзя рассматривать только как операцию противника для помощи блокированному карсскому гарнизону, как это пытаются представить дореволюционная и зарубежная историография. Англо-турецкая коалиция предусматривала подчинение юго-восточного берега Черного моря и всего Западного Кавказа, создание Англией военно-стратегического плацдарма для дальнейшего расширения экспансии против России и народов Кавказа⁵⁹². Об этом свидетельствует уже размер экспедиционного корпуса — в Сухуме были сосредоточены отборные войска в составе около 30 тыс. человек⁵⁹³. Главнокомандующим экспедиционным корпусом был назначен вместо английского генерала Вивиана сардар-экрем (генералиссимус) Омер-паша⁵⁹⁴, которому было поручено руководство всеми действиями турецких войск против русской Кавказской армии⁵⁹⁵.

Армия Омер-паши еще в сентябре 1855 года была высажена

587 Н. Н. Муравьев, *Война за Кавказом в 1855 году*, т. II, ч. III. СПб., 1877,

с. 174.

588 I. Berkok. *Tarihte Kafkasia*. Istanbul, 1958, с. 497.

589 М. И. Богданович, *Восточная война 1853—1856 годов*. СПб., 1876, т. IV, с. 343.

590 I. Berkok. Указ. соч., с. 497.

591 К. Маркс и Ф. Энгельс. *Сочинения*, т. II, с. 599.

592 Х. М. Ибрагимбеги. *Кавказ и Крымская война*, с. 325—326; ЦГИАГ, ф. 1087, оп. 1, д. 444, л. 2 об.

593 АКАК, т. XI, ч. I, с. 135, № 103; Н. Н. Муравьев, *Указ. соч.*, т. II, ч. IV, с. 272.

594 О нем: Н. Н. Муравьев, *Указ. соч.*, т. II, ч. IV, с. 382—384; «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXI а, 42. СПб., 1897, с. 934—935.

595 «Русский мир», № 130, 16 мая 1877 г. (На восточном берегу Черного моря).

в Трапезунде, Батуме и Редут-Кале, а в Сухуме — в центре десантных операций — он высадился 19 октября. Это был его второй приезд в Абхазию. Омер-паша, прибывший на английском пароходе «Циклоп», сошел на берег в сопровождении «блистательного штаба», в том числе европейских офицеров (английских, французских, немецких, польских и др.), а на рейде стояло до 20 судов разного типа, в частности, 5 английских пароходов⁵⁹⁶. Особое положение в армии Омер-паши занимал генерал Фергат-паша (прусский барон Штейн), начальником штаба стал Искандер-паша (поляк Ильинский), комиссаром Англии — полковник Симмонс, в качестве английских советников при штабе экспедиционного корпуса находились также Лонгворт и Олифант. Сюда из Анапы поспешил и герцог Генри Ньюкестль[ский]⁵⁹⁷, руководивший тогда военным ведомством Англии. Сам Омер-паша (Михаил Латош, Латас) был по национальности австрийцем.

По поводу того, что Омер-паша именно в надежде на переход прежде всего жителей Абхазии и Черкесии на сторону Турции выбрал исходным пунктом наступления в глубь территории Западной Грузии не Редут-Кале (Кулеви), от которого до Кутаиса было всего 108 км, а Сухум, отстоящий от центра Имеретии на 200 км, причем при движении от Сухума предстояло совершить две переправы — через реки Кодор и Ингур, подполковник П. И. Аверьянов писал следующее: «Желание быть ближе к абхазцам и черкесам, которых Омер-паша надеялся поголовно поднять против России, и заставило турецкого главнокомандующего избрать для наступления к Кутаису наиболее длинный и наименее удобный путь»⁵⁹⁸. Командующий авангардом экспедиционного корпуса Фергат-паша в письме от 18 октября 1855 года графу Розмордюку из лагеря при с. Гудава хвастливо заявил: «Мы отбросим русского царя за Кубань и Терек. Так это и будет»⁵⁹⁹. Еще до этого, 5 сентября 1855 года, французский агент Шампуассо в письме из Сухума на имя того же графа просил оказать всяческую помощь генералу Фергат-паше, которого он называл своим другом. Агент также настраивал Розмордюка склонить мегрельскую владительницу Екатерину Даддани на сторону союзников, дав ей множество обещаний (о ее безопасности и т. д.). «Пусть все на меня надеются», — подбодрял Шампуассо⁶⁰⁰.

К. Маркс еще в конце 1853 года отмечал: «В данный момент наше внимание одинаково приковано и к берегам Дуная, где Рос-

⁵⁹⁶ АКАК, т. XI, ч. I, с. 134—135, № 103; Н. П. Колюбакин. Закавказье в 1855 г. — «Русская старина», 1876, т. 17, № 10, с. 325—326.

⁵⁹⁷ Н. Муравьев. Указ. соч., т. II, ч. IV, с. 272, 299.

⁵⁹⁸ ЦГИАГ, ф. 1087, оп. I, д. 443, л. 44 об. (Подполк. Аверьянов. О Крымской войне 1853—1856 гг.).

⁵⁹⁹ АКАК, т. XI, ч. I, с. 133, № 99.

⁶⁰⁰ Там же.

сия овладела двумя житницами Европы, и к Кавказу, где России угрожает потеря Грузии»⁶⁰¹.

Турецкие войска, заняв все важнейшие пункты Абхазии⁶⁰², сразу принялись за осуществление своей программы на захваченной территории. Сухум и некоторые другие пункты Абхазии были разорены. Генерал Н. Н. Муравьев (Карский), говоря о высадке турецких войск в Сухуме, писал: «Войсками покрылись все окрестности города и отдаленные пастбища, его окружающие, запестрели под табунами и стадами нескольких тысяч подъемных лошадей и скота, привезенных из Варны; с ними прибыли и болгары, назначенные погонщиками к устраивавшемуся обозу»⁶⁰³. Михаил Шервашидзе 24 июня 1856 года, вскоре после ухода турок из края, доносил наместнику Кавказа, что Сухумскую крепость нашел в полуразрушенном состоянии; одна казарма была сожжена, а со всех остальных казарм и казенных зданий были «расхищены все двери, оконные рамы и печные приборы»; частные дома «подверглись еще большему разрушению». Некоторые здания карантинно-таможенного управления остались в полуразрушенном виде, а другие «совершенно уничтожены... Укрепление Бамборы не оставило по себе следов». С Пицундского храма был снят крест, а все остальные здания «были совершенно уничтожены»; укрепление Гагры было «превращено в груду развалин и пепла»⁶⁰⁴. Имущество Д. Х. Шервашидзе, имение которого примыкало непосредственно к городу Сухуму, турецкие войска «разорили дотла»⁶⁰⁵. Огромный ущерб был нанесен и хозяйству владельца. Значительно пострадал вообще весь край. «Мосты и переправы по всей дороге в Абхазии уничтожены до основания», — отсчитал владелец в указанном выше донесении. К этому добавим еще сообщение И. А. Бартоломея и Д. А. Мачавариани о том, что «как театр последней войны Самурзакань подвергалась грабежам и разорению»⁶⁰⁶. Известно также, что этот район был превращен в турецкий пашалык и его жителям объявили, что «котыне они поданные турецкого султана и обязаны, каждое село, платить по корове, которых и доставлять в турецкий лагерь для продовольствия войск»⁶⁰⁷.

Невероятные опустошения турки впоследствии учинили и в Мегрелии. Они разорили, например, Зугдиди, пощадив при этом лишь шелкомотальную фабрику Розмордюка и дом другого иност-

⁶⁰¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, с. 409.

⁶⁰² С. Смоленский. Воспоминания кавказца. — «Военный сборник», 1872, № 10, с. 338.

⁶⁰³ Н. Н. Муравьев. Указ. соч., т. II, ч. IV, с. 272.

⁶⁰⁴ АЖАК, т. XI, ч. I, с. 297, № 282.

⁶⁰⁵ Там же, ч. II, с. 949, № 853.

⁶⁰⁶ [И. Бартоломей и Д. Мачавариани]. Нечто о Самурзакани. — ЗКОРГО, 1864, кн. VI, с. 78.

⁶⁰⁷ К. А. Бороздин. Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год. СПб., 1885, с. 42—43.

франца — Бауммера⁶⁰⁸. Отважный руководитель восставших крестьян в Мегрелии в 1857 году Уту Микава говорил: «С небольшим год тому назад... как наша родина была наводнена османским (турецким) войском; неприятель истребил у нас все, что попадало ему под руку»⁶⁰⁹.

Вместе с тем оккупанты, пользуясь благоприятной обстановкой, развернули работорговлю. Оксфордский епископ на заседании палаты лордов английского парламента 13 июля 1854 года, обращаясь к министру иностранных дел, говорил: «Первым результатом занятия черкесского побережья англичанами и турками было возобновление одного из худших проклятий, когда-либо постигавших человечество — работорговли»⁶¹⁰. В одном из описаний появления англичан и турок в Гурии в 1854 году говорится, что турецкие купцы занимались «ловлей красивых девочек и мальчиков, которых целыми партиями сплавляли в Константинополь»⁶¹¹. 26 октября 1855 года из Абхазии сообщали, что на Сухумский рейд прибыл английский коммерческий пароход «Кенгуру», «который занимался торговлей людьми (невольниками и невольницами). Соучастниками этой торговли людьми являются английские шкиперы, перевозящие этот живой товар»⁶¹². Одна из невольниц, по имени Елена Маргания («Кацо-Маргания»), жившая недалеко от Сухума, была отправлена в Константинополь, в дом самого Омер-паши, в качестве прислуги его жен. Затем 23-летнюю девушку решили продать в Трапезунде или Батуме. Однако Елена бежала с парохода, а чиновники русского консульства в Трапезунде переправили ее в Сухум. Это было в 1857 году. Полный трагизма рассказ Елены Маргания был записан К. Маняты и опубликован в номере газеты «Кавказ» от 21 ноября 1857 года. Активная работорговля в Абхазии продолжалась и после войны еще некоторое время, поскольку разрушение укреплений и фортов Черноморской береговой линии, которые после потери флота в Севастополе не так легко было восстановить, чрезвычайно затрудняло блокирование берега, и, следовательно, облегчало сношения с Турцией. Например, в октябре 1856 года тот же пароход «Кенгуру» заходил в разные пристани Западного Кавказа. Владелец Абхазии, в связи с прибытием указанного судна, в частности в Сухум, писал, что «другого груза, кроме невольников и невольниц, не может быть с Черкесского берега и что, таким образом, постыдная торговля людьми возобновится при содействии английского шкипера»⁶¹³.

608 АКАК, т. XI, ч. I, с. 148, № 117; с. 259, № 227.

609 Цит. по: К. А. Бороздин, Указ. соч., с. 144.

610 «Times», 14 июля 1854 г. Цит. по: С. К. Бушуев, Из истории внешнеполитических отношений..., с. 76.

611 Цит. по: Е. Е. Бурчуладзе, Крушение англо-турецких захватнических владений в Грузии в 1855—1856 гг. — «Вопросы истории», 1952, № 4, с. 18.

612 Там же.

613 АКАК, т. XII, ч. II, с. 705, 706, № 60 (Довесение ген.-ад. Баряткинского от 14 ноября 1856 г. министру иностранных дел кн. Горчакову).

Грязную роль играли и местные феодалы. Уту Микава, о котором говорилось выше, разоблачая этих изменников родины, заявил: «...Наши господа, вместо всякой защиты, стали похищать у нас наших детей — мальчиков и девочек и продавать османам. Множество их увезли те с собою в Турцию»⁶¹⁴. Об этом свидетельствовал и К. А. Бороздин, который писал, что после оккупации Мегрелии турецкими войсками «князья и дворяне мингрельские тряхнули старинной и поналегли на мужиков, угодив туркам пленопродавством в широких размерах»⁶¹⁵. От них не отставали и их абхазские братья. По сообщению Екатерины Дадияни, последние в Мегрелии ужасному разорению подвергли целую деревню (Суджуна), и много «мальчиков и девочек взяли оттуда и продали туркам»⁶¹⁶. По сообщению Л. Олифанта, они «силой увезли» от родителей 60 мальчиков и девочек, «выбирая из их числа самых красивых»⁶¹⁷. В числе «лоиманных на грабеже» были братья Гыд и Мажара Шервашидзе⁶¹⁸.

Рассчитывая вызвать антирусское движение в крае, турецкое командование стремилось склонить на свою сторону новых приверженцев из наиболее влиятельных представителей абхазской феодальной верхушки. Кроме уже названных, благожелательно встретили войска Омер-паши Гыд и Мажара Шервашидзе, а также Кац Маргания, Зураб Чхотуа и некоторые другие дезориентированные феодалы. Александр Шервашидзе, возведенный в звание паши, принял «управление» Абхазией и действовал как человек, «движимый собственным убеждением»⁶¹⁹. Правда, владетель доказывал, что князь Александр был оставлен в Абхазии только для того, чтобы через него «поддерживать влияние владетельного дома на абхазцев», и что он «для пользы службы будет весьма полезен»⁶²⁰. Хасан Маргания еще до этого был назначен правителем Сухума⁶²¹; он ездил для переговоров в лагерь мушира Селим-паши, а сына своего отправил в Константинополь⁶²². Кац Маргания стал пашой Самурзаканской Абхазии, объявленной Омер-пашой турецким пашалыком⁶²³. В Абхазию явился и сын злополучного Асланбея Шервашидзе. Омер-паша особенно важное значение придавал переходу на сторону Турции полковника Д. Х. Шервашидзе, который играл большую роль в политической жизни края и в войсках Гурийского отряда. Это относилось и к абжуйскому владельцу Григорию Шервашидзе. Турецкий главнокомандующий приказал написать тому и другому специальные

⁶¹⁴ Цит. по: К. А. Бороздин. Закавказские воспоминания, с. 144.

⁶¹⁵ Там же, с. 177.

⁶¹⁶ АКАК, т. XI, ч. I, с. 148, № 117.

⁶¹⁷ Н. Н. Муравьев. Указ. соч., т. II, ч. IV, с. 299.

⁶¹⁸ К. А. Бороздин. Указ. соч., с. 43.

⁶¹⁹ ЦГВИА, ф. 482, д. 110, лл. 155—155 об.

⁶²⁰ Там же, л. 156.

⁶²¹ АКАК, т. X, ч. II, с. 49.

⁶²² ЦГВИА, ф. 482, д. 110, л. 155 об.

⁶²³ К. А. Бороздин. Указ. соч., с. 42.

письма, в которых, с целью обострить раздоры между ними и владельцем, особо подчеркивалось, что если они покинули родину по неудовольствию на М. Шервашидзе, вследствие его посягательства на их наследственные имения, то теперь могут возвратиться и получить все им принадлежащее⁶²⁴. Однако на письмо турецкого сардар-экрема, составленного 12 сентября 1855 года⁶²⁵, Дмитрий Шервашидзе ответил следующим образом: «Временные впечатления не могут отклонить честного человека от путей, начертанных ему собственными его убеждениями. Мои понятия об обязанностях абхазца и о цели вашего вторжения совершенно противны вашему взгляду на сей предмет. Я недоступен заразе, вызываемой дурными примерами... Конечно, не заслужил бы выражений, которыми вашему превосходительству угодно одобрить мои военные достоинства, если бы я обратил оружие свое против тех, в победах которых я не один раз участвовал. Всегда и везде позорен побег и уклонение от своих знамен»⁶²⁶. Имение «несговорчивого» Дмитрия Шервашидзе, раскинувшееся на побережье между реками Гумиста и Колор, турецким командованием было «предоставлено» в собственность сыну давнишнего верного ставленника султанов Асланбея Шервашидзе⁶²⁷. Генерал Муравьев в письме от 31 июля 1856 года графу Орлову констатировал: «Покинув вместе с нашими войсками Абхазию, престарелую мать и имение, полк. кн. Дмитрий Шервашидзе до самого окончания войны не переставал сражаться с общим врагом в рядах наших, несмотря ни на какие внушения и приглашения, делавшие ему с разных сторон»⁶²⁸.

Тем временем положение Михаила Шервашидзе еще больше осложняется. В сентябре 1855 года он на короткий срок возвращался в Абхазию, где встретился с Омер-пашой, в окружении до 20 «старшин разноплеменных» — Хасана Маргания, Хаджи-Керантуха-Берзека и др. Недругам владельца, а их у него было больше чем достаточно, это дало новую пищу для раздувания версии об его «измене»⁶²⁹. Особенно напряженные отношения складываются между ним и мегрельской владелицей (дедопали) Екатериной Дадияни⁶³⁰. Усердствовали и такие лица, как протоиерей

⁶²⁴ М. И. Богданович. Восточная война 1853—1856 годов, т. IV. СПб., 1876, с. 344; Н. П. Колобакин. Закавказье в 1855 г. — «Русская старина», 1876, № 10, с. 327.

⁶²⁵ См.: Н. Н. Муравьев. Указ. соч., т. II, ч. IV, приложение, с. 386.

⁶²⁶ Там же, с. 387—388.

⁶²⁷ «საბატონო მთაბდრ». Исторический вестник», 1963, №№ 15—16, с. 215, № 44 (Докладная записка Д. Килиани от 12 октября 1855 г. ген. В. Бebutову).

⁶²⁸ АКАК, т. XI, ч. II, с. 713.

⁶²⁹ С. Эсадзе. Историческая записка..., с. 146—147.

⁶³⁰ См., например, письмо Е. Дадияни от 8 ноября 1854 г. ген. Рсаду. — «საბატონო მთაბდრ». Исторический вестник», 1963, № 15—16, с. 140—141, № 4. Кстати, командование Гурийским отрядом было «несудбно поручить» М. Шервашидзе именно потому, что войска этой области были расположены в Мингрелии, «где, по непримиримым несогласиям его (Шервашидзе. — Г. Д.) с владельцем»

Д. А. Мачавариани⁶³¹. А впоследствии слухи об «измене» пытались «обосновать» официальный военный историк М. И. Богданович, К. А. Бороздин и некоторые другие авторы. Объясняя свое пребывание в Мегрелии, куда он после оккупации Абхазии выехал с семьей и где остановился у тестя своего Георгия Дадзиани, М. Шервашидзе писал, что поступил он так, «чтобы иметь возможность воспользоваться» своим влиянием на подвластных ему людей и «соседственные с ними племена и тем расстраивать планы... неприятелей. Я не ошибся в моих расчетах. Союзники уже обмануты в надеждах, которые они полагали на Магомед-Амина, и племена, населяющие северо-восточный берег Черного моря, принимают уже с недоверчивостью их предложения»⁶³². Возвращение его на некоторое время в оккупированную турками Абхазию также объяснялось желанием установления в крае порядка и оказания России посильного содействия. Именно так восприняли этот факт многие современники событий. Один из них, князь Михаил Эристов (Эристави), сообщал, что владетель добился прекращения всяких раздоров, «партии рассеял, привел всех к присяге действовать по его указаниям, и все успокоилось... Если бы он замышлял недоброе, — рассуждал он далее, — давно уже стал бы тревожить наши границы, но до сих пор там спокойно»⁶³³.

Несмотря на огромное давление, какое было оказано на М. Шервашидзе, и создавшуюся сложнейшую обстановку в Абхазии и на всем Западном Кавказе, владетель упорно держался своей позиции. Определяя эту позицию со своей точки зрения, наместник Кавказа Н. Н. Муравьев (Карский) писал: «В действиях владетеля Абхазии я вижу двуличное поведение против нас и турок, происходящее от волнующих его сомнений: за кем из воюющих держав останется Абхазия? Он не имеет искренней привязанности ни к одной стране, но желает сохранить свое владение и считает себя вправе держать род нейтралитета...»⁶³⁴. Муравьев явно сгущал краски. Он предавал забвению заслуги М. Шервашидзе, например, в выводе русских войск из Абхазии, что в свое время было признано «важнейшим подвигом» или, как писал тогдашний кавказский на-

ным домом мингрельским, присутствие его, в звании главного начальника, не могло не иметь самого неблагоприятного влияния» (Письмо В. Бебутова от 16 октября 1855 г. наместнику Кавказа. — Там же, с. 226, № 45).

⁶³¹ შ. მჭედოძე. აფხაზეთის სამთავროს ისტორიისათვის, გვ. 130.

⁶³² Письмо владетеля Абхазии М. Шервашидзе от 11 декабря 1854 г. военному министру В. Долгорукову. — «Исторический вестник», 1963, № 15—16, с. 142, № 5.

⁶³³ См.: Д. Кипиани. Докладная записка, с. 212.

⁶³⁴ АКАК, т. XI, ч. I, с. 53, № 42 (Рапорт ген. Муравьева от 27 февраля 1855 г. ген. Долгорукову). См. также: Н. Н. Муравьев. Указ, соч., т. I, ч. II, с. 286; т. II, ч. IV, с. 267. На эту «установку» наместника по сути дела ориентировался и кутаисский военный губернатор Н. П. Колюбакин (см.: «Русская старина», 1876, т. 17, № 10, с. 321 и сл.).

местник граф М. С. Воронцов, «прекрасными действиями»⁶³⁵. По свидетельству военного министра В. А. Долгорукова сам император «был очень доволен порядком, с каким совершенно очищение [русских] крепостей... в Абхазии». Жалуя М. Шервашидзе орден св. Александра Невского, Николай I хотел наградить прежде всего «старание, которое он выказал при этом случае»⁶³⁶. А вот что писал император в указе по поводу награждения: «В минувшую войну отличною распорядительностью вы с полным успехом содействовали к выводу войск наших из Абхазии»⁶³⁷. Муравьев игнорировал и другие факты, свидетельствовавшие о действиях абхазского владельца в пользу России в период той же Крымской войны. О них сам М. Шервашидзе напоминал в письме от 22 января 1855 года на имя В. О. Бебутова. Так, он «воспрепятствовал туркам в наборе из Абхазии, Цебельды и у горцев (черкес. — Г. Д.) рекрут для регулярных войск их и возвратил из Кобулет тех новобранцев, которые были уже туда отправлены». Вскоре владелец расстроил, по его же словам, вызванное Мустафа-пашой «горское ополчение», которое тот намерен был направить в Самурзакано для прочного занятия этого района. М. Шервашидзе также констатировал, что он «расстроил присоединение к корпусу Омер-паши горцев»⁶³⁸ при наступательном движении его в Мингрелию; что это стоило ему до 25-ти т. р.; что он убедил турецкого военачальника прекратить грабеж, начатый в Мингрелии небольшим числом следовавших за ним горцев...»⁶³⁹. Владелец добился также удаления из Абхазии «действовавших в пользу турецкого дела в настоящей войне» сына Асланбея Шервашидзе и другого агента из Константинополя, который называл себя потомком казыкумыкских ханов, а прибыл на Кавказ года за два до начала войны и стал «верным сподвижником» Мухаммед-Эмина. Эти сообщения, свидетельствующие о действиях владельца Абхазии Михаила Шервашидзе в пользу России, принадлежат видному деятелю грузинской культуры Д. И. Кипиани⁶⁴⁰. Он сообщает и о следующем. М. Шервашидзе, узнав, что 700 абхазов было отправлено для пополнения турецкой армии в Анатолию, настоял на их возвращении на родину, и «народ остался этим весьма доволен»⁶⁴¹.

Царские власти, разумеется, и сами прекрасно понимали, какой вред мог нанести им М. Шервашидзе, если бы он действительно

⁶³⁵ [М. П. Щербинин]. Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова. СПб., 1858, с. 303. См. также: «Русский архив», 1870 г., с. 2170.

⁶³⁶ «Русский архив», 1888, кн. III, с. 92, № 9.

⁶³⁷ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 9, 1857 г., д. 242, л. 3.

⁶³⁸ Полк. Н. П. Коллюбакин в письме от 15 сентября 1855 года ген. В. О. Бебутову подтверждал, что М. Шервашидзе черкесскими старши «доныне удерживал от сборов и действий наступательных» (АКАК, т. XI, ч. I, с. 12, № 87).

⁶³⁹ АКАК, т. XI, ч. I, с. 52, № 42.

⁶⁴⁰ Д. Кипиани. Докладная записка, с. 215.

⁶⁴¹ Там же, с. 224.

заял враждебную позицию. Вот что писал по этому поводу сам генерал Муравьев: «Если владетель Абхазии не имеет над враждебными нам горцами столь большого влияния, чтобы принести нам пользу, то ему нетрудно вредить нам... ему легко было бы собрать шайку хищников и тревожить набегами Самурзакань и Мингрелию, что принудило бы нас выдвинуть в настоящее время войска не только до Ингура, но даже до р. Гализги..., а такое растянутое расположение Гурийского отряда было бы крайне невыгодно»⁶⁴². В другом официального характера документе также подчеркивалось: «Владетель Абхазии — воспитанник убыхов, пользуется в этом племени популярностью и влиянием совершенно исключительным. Что он у убыхов сильнее Магомета-Амина и прочих проповедников, в том нет сомнения, и, при искреннем желании его, дело совершенного подчинения власти нашей джигетов, убыхов, ахчипсоуцев и псхувцев потребовало бы никак не более 3-х лет времени»⁶⁴³. Такое понимание «возможностей» владетеля, как увидим ниже, было одной из решающих причин, почему царские власти признали необходимым, «чтобы действия правосудия над этим человеком... отложены были до другого, более благоприятного времени»⁶⁴⁴.

В формировании позиции Михаила Шервашидзе немаловажное значение имели и обстоятельства личного порядка, о которых немного было сказано в приведенном выше письме Н. П. Колюбакина. Будучи владетельным князем и имея высокие звания генерал-лейтенанта и генерал-адъютанта, он не без основания рассчитывал, что именно ему будет поручено командование Гурийским отрядом, и в этой должности «он надеялся защитить от врага и свое владение, и вообще прилежащий к восточному берегу Черного моря край»⁶⁴⁵. Но этого не случилось. После вступления в командование генерал-майора И. К. Багратиона-Мухранского, который к тому же состоял с некоторыми членами неприязненного ему мегрельского владетельского дома в родстве⁶⁴⁶ и в хороших отношениях, М. Шервашидзе, у которого «властолюбие... подавлено» было сильно, поселился «частным лицом» в Мегрелии⁶⁴⁷. Он просил дать ему возможность жить до конца войны в Кутаисе или отвести имение где-нибудь в Раче. Но и в этом владетелю было отказано. Более того, царский наместник, как видно уже из сказанного, с самого начала был одержим желанием покончить с Абхазским княжеством и ввести здесь военное управление. Однако его удерживали весьма веские причины. Сам Александр II находил целесообраз-

642 АКАК, т. XI, ч. I, с. 53, № 42.

643 Там же, т. XII, ч. II, с. 796, № 666 (Записка начальника войск в Абхазии г.-м. Лорис-Меликова от 3 октября 1858 г.).

644 АКАК, т. XI, ч. I, с. 53, № 42.

645 Д. Кипиани. Докладная записка, с. 205.

646 Он был женат на сестре владетеля Мегрелии Давида Дадзиани, Нине Левановне.

647 Д. Кипиани. Докладная записка, с. 205.

ным отложить решения вопроса «до более благоприятного времени»⁶⁴⁸. Расшифровывая это «высочайшее» мнение, военный министр В. А. Долгоруков писал, что с окончательным заключением о «поступке» М. Шервашидзе «торопиться не следует, дабы не принять неосторожной меры, которая могла бы повредить нам в будущем и навсегда сделать врагом нашим человека, который... может еще быть нам полезным». Он считал необходимым учесть, что известия, идущие с турецкой стороны и публикуемые в иностранных (в особенности константинопольских) газетах, «показывают, что и турки, стараясь приманить к себе кн. Михаила., не совсем еще полагают на его преданность и чистосердечие»⁶⁴⁹. А на обещания турецкое правительство, как видно, не поспешило. Как писал майор Осман-бей, еще мушир Мустафа-паша «не переставал обещать Михаилу всю вверенную, если тот серьезно примет участие в интересах Турции»⁶⁵⁰.

Но строптивый наместник царя упорствовал. Он решил создать, по крайней мере, «убедительный» документ. В октябре 1855 года действительному статскому советнику Дмитрию Килиани официально и срочно поручается собрать «по величайшему секрету» сведения «к разрешению вопроса: изменил ли (России.— Г. Д.)... кн. Михаил Шервашидзе или нет?» И он, к великому огорчению генерала Муравьева, на основании собранного им большого материала, объективно соблюдая «особенную осторожность в разборе данных», в указанной выше обширной докладной записке решительно опровергает версию об «измене» владельца. Наместник с явным подозрением отнесся к выводу Килиани, огульно отрицая ряд беспорных положений доклада⁶⁵¹. Дополнительное изучение вопроса через генерала В. О. Бебутова также не дало Муравьеву желаемых результатов. В 1856 году он снова возвращался к этому вопросу⁶⁵², но правительство и на этот раз воздержалось от решения участи абхазского владельца из-за отсутствия «прямых доказательств» его «измены» и считая эту меру преждевременной, а деятельность М. Шервашидзе пока полезной для себя⁶⁵³. На реше-

⁶⁴⁸ «Документы по истории Грузии (1862—1872)». Серия II. Т. I. Ч. I. Под редакцией проф. Ш. Чхетия. Тбилиси, 1954, с. 637, № 93.

⁶⁴⁹ АКАК, т. XI, ч. I, с. 51, № 41 (Письмо кн. Долгорукова от 16 августа 1855 г. ген. Муравьеву).

⁶⁵⁰ Осман-бей. Указ. соч., с. 201.

⁶⁵¹ ЦГИАГ, ф. ОВД/47, д. 42, лл. 124—125.

⁶⁵² См. его письмо от 12 июня 1856 г. на имя военного министра Н. О. Сухожанета. — ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 863, 1865 г., д. 20, лл. 1—4.

Между прочим, в случае несобoreния императором и на этот раз упразднения Абхазского княжества, Муравьев предлагал владельцем провозгласить малолетство сына Михаила Шервашидзе с учреждением опеки его матери (правительница) и Совета при ней в составе Дм. Шервашидзе, архиепископа Германна и Гр. Шервашидзе, а главное — Абхазское княжество поступало под управление командующего войсками в Абхазии.

⁶⁵³ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, 1865 г., д. 20, лл. 12—13 (Предписание военного министра ген. Сухожанета от 26 июня 1865 г. ген. Муравьеву).

ние судьбы владетеля Абхазии большое влияние имело и личное отношение к нему российских императоров. В указе по поводу награждения владетеля орденом за удачный вывод им русских войск из Абхазии в 1854 году Александр II подчеркивал: «Усердное служение ваше России постоянно обращало на вас особое внимание в бозе почившего незабвенного родителя нашего»⁶⁵⁴. А в ответ на письмо М. Шервашидзе⁶⁵⁵, в связи со смертью Николая I, он писал: «Князь Михаил Георгиевич. Зная искреннее благорасположение, которое питал к вам незабвенный мой родитель, я постигаю горесть вашу о его кончине»⁶⁵⁶.

Омер-паша стремился склонить на свою сторону наиболее влиятельных людей также Мегрелии и Гурии, награждая их титулами беев и орденами. Находившиеся же в армии Омер-паши английские и французские эмиссары и агенты распространяли слухи, будто турки прибыли для восстановления независимости Абхазии, Мегрелии и Гурии, а герцог Ньюкестльский, с целью привлечь правителя Абхазии на сторону Англии, обещал содействовать ему даже в занятии царского престола в Грузии⁶⁵⁷. Омер-паша пытался завязать переговоры с самой правительницей Мегрелии Екатериной Дадияни, а на дочери князя Георгия Джанани — жениться⁶⁵⁸. Омер-паша предпринимает целый ряд и других мер, чтобы выполнить указание союзного командования и особенно Англии об организации всеобщего восстания народов Кавказа против России. Не только во все княжества Западной Грузии, но и в горные районы Западного Кавказа, а также в Дагестан и Азербайджан были направлены многочисленные турецкие и английские эмиссары для агитации населения на «священную войну» против России. Например, как доносил генерал Грамотин наместнику Кавказа, «к абадзехам прибыл турецкий паша с двумя иностранными офицерами, английским и французским, и 40 турками. Они требуют у Магомет-Амина, чтобы абадзехи дали турецкому султану на службу молодых людей... Паша требует, чтобы эти молодые люди отправились бы в Сухум-кале...»⁶⁵⁹.

Багратион-Мухранский, следивший внимательно за действиями Омер-паши, писал 20 октября 1855 года командиру Отдельного Кавказского корпуса: «...План Омер-паши... заключается в том, что-

654 ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 9, 1857 г., д. 242, л. 3.

655 См.: ЦГВИА, ф. 482, д. 110, л. 165.

656 Там же, л. 166.

657 А. Е. Чхеидзе. Кавказ в ближневосточной политике Англии (30—50-е гг. XIX в.) Автореферат докторской диссертации. Тбилиси, 1974, с. 43.

Мы остановились довольно подробно на роли М. Г. Шервашидзе в период Крымской войны и потому, что в нашей исторической литературе в этом вопросе все еще наблюдаются односторонние толкования. (См., например, книга Х. М. Ибрагимбеи «Страницы истории...» и «Кавказ в Крымской войне...»).

658 К. Бороздин. Омер-паша в Мингрелии. — «Военный сборник», 1873, № 7, с. 16.

659 ЦГА Кабардино-Балкарской АССР, ф. 16, оп. 2, д. 142, лл. 1—2. — Х. М. Ибрагимбеи. Кавказ и Крымская война., с. 327.

бы, избегая по возможности военных действий, склонить народонаселение на свою сторону, надеясь этим подготовить себе успех без всяких для себя потерь. Для этой цели щедро расточает он ложь, угрозы, ласкательства и увещания; назначает время, когда он может прибыть не только в Кутаис, но даже в Тифлис»⁶⁶⁰. Как раз в это время Омер-паша произвел Шамиля в чин маршала (мушира), а Мухаммед-Эмина назначил «правителем всех черкесских племен, начиная от владений Шамиля до земель шапсугов и натухайцев», которыми номинально управлял Сефер-бей. Так, «увлекаясь высоким значением своим», Омер-паша мечтал раздавать земли, жители которых «и не помышляли покориться ни ему, ни наместнику его». Затем он, по сообщению Н. Н. Муравьева, отправил Мухаммед-Эмина в горы для сбора «ополчения», приказав ему всех живущих далее мест, занимаемых обществом айбга, направить со стороны абадзехов в Кабарду, а живущих по другую их сторону собрать к Сухуму, откуда они должны следовать в поход с Омер-пашой в Мегрелию. Всего же «горского ополчения» турки надеялись собрать до 20 тыс. человек⁶⁶¹.

По сообщению самих же англичан, черкесы, однако, «после первого знакомства в Анапе с турецкими чиновниками, пытавшимися подчинить их своему правительству, остыли к союзникам и смотрели на них с недоверием, стараясь избавиться от них»⁶⁶². Адмирал Лайонс, например, писал, что горцы «начисто отказываются от соединения с турками для войны с Россией»⁶⁶³. А начальник главного штаба английской армии генерал-лейтенант Виндаш заявил после окончания войны: «Вообще надо сказать, что кавказские горцы, в особенности Шамиль, обманули наши ожидания»⁶⁶⁴. Об этом, само собой, очень часто писали и русские официальные лица. Так, начальник Черноморской береговой линии в рапорте на имя наказного атамана Войска донского от 13 марта 1855 года сообщал: «Враги наши (Англия и Турция.—Г. Д.) весьма недовольны поведением горцев»⁶⁶⁵. А вот что писал наместник Кавказа Н. Н. Муравьев: «Союзники не достигли сближения, коего домогались в сношениях с народами Кавказа. Турки употребили всевозможные усилия, чтобы склонить закубанских горцев к совокупным наступательным действиям против России, определяя каждому горцу по десяти рублей жалованья в месяц, но закубанцы

⁶⁶⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5961, л. 116. — Х. М. Ибрагимбейли. Страницы истории..., с. 177.

⁶⁶¹ Н. Н. Муравьев. Указ. соч., т. II, ч. IV, с. 268—269.

⁶⁶² Там же, с. 269.

⁶⁶³ Цит. по: Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967, с. 111.

⁶⁶⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5953, л. 207. Х. М. Ибрагимбейли. Кавказ в Крымской войне..., с. 190.

⁶⁶⁵ Цит. по: А. Г. Коломойцев. Провал агрессивных происков Англии и Турции на Северо-Западном Кавказе в 50-х годах XIX века. — «Ученые записки Туркменского государственного университета им. А. М. Горького». Ашхабад, 1958, вып. XIV, с. 83.

решительно отказались следовать за ними и показали явное отвращение к англо-французам... При большей опытности и лучшем знании народов, с какими союзники вступили в сношения, они должны были бы рассудить, что горцам, воюющим с нами за независимость, равно противно было всякое иго и что введение порядков, которых они могли ожидать от наших врагов, столько же было бы для них тягостно, как и наше владычество»⁶⁶⁶.

Имеются и более конкретные данные, свидетельствующие об этом явлении. Когда турецкий паша, прибывший в Абадзехию с английскими и французскими офицерами, потребовал от населения молодых людей для военной службы и чтобы они немедленно отправились в Сухум, абадзехи, как сообщалось официально, «отказываются от этого»⁶⁶⁷. Собираясь оккупировать Мегрелию, Омер-паша снова пытался через Мухаммед-Эмина сколотить отряд из абадзехов, но и на этот раз «они отказались». Осталось «без успеха» также непосредственное обращение Омера к абадзехским «старшинам»; только один беглый темиргоевский князь Корбек Болотуков отправился к нему с несколькими своими узденями⁶⁶⁸. Очень интересно и сообщение начальника войск в Абхазии генерала М. Т. Лорис-Меликова об убыхах. «Впрочем, — писал он, — последняя война значительно охладила веру в могущество турок: убыхам сулили свободу, высылку денег, назначили даже многим жалованье, но все это ограничилось лишь одними обещаниями»⁶⁶⁹. Обращают на себя внимание также следующие названия некоторых документов сборника Архивного управления Грузинской ССР («Шамиль...», Тбилиси, 1953): № 330 (от 31 июля 1854 г.) — «...О недоверчивом отношении некоторых горских племен к прояскам англо-франко-турецких агентов»; № 358 (от 20 июня 1855 г.) — «...О нежелании горцев выступить в поход против России»; № 362 (от 4 июля 1855 г.) — «...О провале планов английских эмиссаров заставить черкесов воевать против России».

Вскоре даже Мухаммед-Эмин фактически отказывается от подготовки горцев к совместной с турками и их союзниками войне, правда, как утверждали тогда, оскорбленный предпочтением ему Сефер-бея⁶⁷⁰. Но здесь дело было не только и не столько в самолюбии найба. Мухаммед-Эмин все сильнее чувствовал противодействие со стороны крестьян, борьба которых против мюридизма вновь обострилась во время Крымской войны. Именно это обстоятельство и помешало ему выполнить свое обязательство усилить турецкий десант в Сухуме 20-тысячной конницей. Мы уже не говорим об обещании найба маршалу Сент-Арно выставить 40-тысяч-

⁶⁶⁶ Н. Н. Муравьев. Указ. соч., т. I, ч. II, с. 293.

⁶⁶⁷ Цит. по: Х. М. Ибрагимбеги. Страницы истории..., с. 176.

⁶⁶⁸ Там же, с. 177.

⁶⁶⁹ АКАК, т. XII, ч. II, с. 796, № 666 (Записка ген.-м. Лорис-Меликова от 3 октября 1858 г.).

⁶⁷⁰ Ф. Щербина. Указ. соч., т. II, с. 510.

ный вспомогательный корпус конницы, как только союзники выса-
дятся на Кавказском побережье⁶⁷¹.

Так, расчет Турции и ее союзников использовать стихийный протест кавказских народов против колониальной политики царской России и добиться их более активного антирусского выступления в своих корыстных интересах не оправдался. Факт, что вообще перспектива превращения в подданных Турции, которую предвещала победа союзной коалиции над царской Россией в период Крымской войны, не привлекала народные массы Кавказского края, как уже подчеркивалось, был отмечен также К. Марксом и Ф. Энгельсом⁶⁷².

Как было сказано выше, абхазский народ, в частности, с большой ненавистью встретил оккупантов. Можно говорить, например, о полном провале миссии Сефер-бея и других ставленников Турции и ее союзников в Абхазии. Сефер-бей, этот, по характеристике Осман-бея, «выродившийся горец» и «создание англичан»⁶⁷³, «потеряв всякую надежду на помощь убыхов», рассчитывал на поддержку абхазов, «но и в этом не имел успеха»⁶⁷⁴. Впоследствии Сефер-бей жаловался Лапинскому «на тяжелые условия, в которых он находился в Сухуме»⁶⁷⁵, где «снова стало пустынно и безлюдно»⁶⁷⁶. По словам Лапинского, Сефер-бей со своим гарнизоном «было словно блокирован со стороны суши, так как расположенные вокруг абазы никого не выпускали из крепости». Лапинский приводит и другие факты, свидетельствующие об отрицательном отношении населения к турецким захватчикам. «Некоторые, — пишет он далее, — турецкие солдаты, которые отважились слишком далеко отойти от крепости, были схвачены... бывало, даже ночью дохизались со своих постов некоторые турецкие часовые»⁶⁷⁷. По сообщению начальника штаба Гурийского отряда полковника П. К. Услара, паша, бывший в Сухуме, доносил Омер-паше, что «в Абхазии вообще заметно мало сочувствия выражают к туркам и что владелец не оказывает им никакого содействия»⁶⁷⁸. Более того, абхазы, и «без того не очень расположенные к туркам, стали совершенно равнодушно относиться к войне с Россией»⁶⁷⁹.

Генерал Д. И. Святополк-Мирский впоследствии одной из ошибок турок считал выбор Сухума базой для своего наступления, что «немало повлияло на его неудачу» вообще. Он считал заблужде-

671 А. В. Фадеев. Кавказ в системе международных отношений..., с. 29.

672 См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 522.

673 Осман-бей. Указ. соч., с. 203, 205.

674 «Шамиль...», с. 413—414, № 334 (Донесение начальника Главного штаба войск на Кавказе от 7 сентября 1854 г. ген. Врангелю).

675 Т. Lapinski. Указ. соч., т. I, с. 294.

676 Там же, с. 226.

677 Там же, с. 226—227.

678 АКАК, т. XI, ч. I, с. 240, № 223 (Записка о военных действиях Гурийского отряда..., составленная полк. Усларом).

679 Т. Lapinski. Указ. соч., т. I, с. 322.

нием расчет Омер-паши присоединить к себе многочисленное черкесское население и обратить против России также абхазов, что казалось туркам «весьма возможным и заманчивым»⁶⁸⁰. И Сефербей в своих донесениях турецкому правительству «оговаривался тем, что эта часть Абазии была заселена гяурами, с которыми нельзя справиться»⁶⁸¹. О других частях Абазии, т. е. черкесских землях, Лапинский писал, что и там «неприятель народа росла со дня на день, а в особенности по ту сторону Абадзехи настроения было определено враждебное»⁶⁸². Автор пишет также о «ненависти и презрении» по отношению к турецким оккупантам «даже со стороны магометанских горских племен», не говоря уже о христианах адыгейцах, абхазах, грузинах и др.⁶⁸³. Таким образом, как отмечал генерал И. К. Багратион-Мухранский, с самого начала «надежды Омер-паши зажечь на Кавказе всеобщее восстание против русского владычества не осуществились: абхазцы и черкесы, узнав союзников поближе, желали лишь, чтобы их оставили в покое»⁶⁸⁴. Такое весьма неприятное отношение горского населения к туркам, стремившимся снова подчинить их султану, признавал и британский агент Лоуренс Олифант⁶⁸⁵.

Враждебное отношение к оккупантам населения Абхазского княжества особенно проявилось, когда войска Омер-паши в первых числах октября 1855 года двинулись из Сухума к границам Мегрелии. Двадцать дней тянулся переход на расстоянии около 70 верст, от Сухума до Ингури⁶⁸⁶. Треть войск Омер-паше пришлось оставить позади для обеспечения коммуникационной линии. В английской газете «Times» уже накануне этого выступления, 24 сентября, было напечатано сообщение из Сухума: «Отвращение здешних абхазов от турок не подлежит никакому сомнению... Они не только не помогают нам, но еще разрушили несколько мостов, которые облегчили бы наши движения, и портят везде, где могут, дороги. Высшие классы в этом народе не скрывают своего сочувствия и привязанности к России и ожидают не иначе, как с ужасом, вторжения турок»⁶⁸⁷. А вот выдержки из другого документа: «У абхазов вновь появились агенты, которые стараются склонить немирных горцев к поданию помощи туркам набором из горцев, партии пеших и конных для отправления их в Сухум. Обещают горцам большие награждения. До сих пор, однако, горцы не изъявляют готовность на эти предложения»⁶⁸⁸. Лоуренс Олифант также

680 «Материалы для описания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. на Кавказско-Малоазийском театре», т. V. Тифлис, 1909 г. Приложения к военным действиям Кобулетского отряда, № 1, с. 6.

681 Т. Лапинский. Указ. соч., т. I, с. 301.

682 Там же, с. 237.

683 Там же, с. 251.

684 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5961, л. 166.

685 Н. Н. Муравьев. Указ. соч., т. II, ч. IV, с. 269.

686 Там же, с. 274—275.

687 Цит. по: «Кавказ», 2 ноября 1855 г.

688 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6663, л. 35.

подчеркивает исключительную враждебность, с которой население Абхазии и Мегрелии относилось к турецким захватчикам. «Жители, — пишет он, — глубоко убеждены в том, что нашествие турок является предзнаменованием полной оккупации края и громко и на заявляют, что они туркам предпочитают русских». В другом месте он отмечает, что «народ враждебно относится к турецким солдатам». Перед «носителями фесок» «всюду закрыты двери крестьянских хат. Сельчане во всем отказывают им»⁶⁸⁹.

Многие местные жители вступили в ряды русской армии, чтобы с оружием в руках сражаться с агрессорами. В общий состав милиции (ополчения) Гурийского отряда входили конные и пешие сотни, сформированные на территории Абхазии. В Самурзаканской ее части уже к апрелю 1854 года было создано пять таких сотен⁶⁹⁰. Причем три из них состояли из крестьян⁶⁹¹. Сотнями командовал Бата Шервашидзе, Маху Чхогуа, Бакура Маргания, Мурзака (Григорий) Анчабадзе⁶⁹². Отдельные же князья и дворяне, как Лахвала Маргания в Саберио, создавали из своих крестьян караулы в 10 и более человек. По всей самурзаканской границе, в том числе и со стороны моря, были устроены две линии завалов. Кроме того, каждое село жителями было обнесено одним, а иногда двумя рядами палисадов или завалов. Были приняты и другие оборонительные меры⁶⁹³. Поручик Махотин, докладывая о всех этих мероприятиях командующему Гурийским отрядом, писал «Вообще можно надеяться, что неприятель при вторжении в Самурзакань встретит значительные препятствия; особенно же, если жители будут упорно защищаться. Кроме того, что ему придется брать завалы и атаковать большую часть поселений, он потеряет много времени на исправление и расчистку дорог, которые завалены на границе огромными деревьями»⁶⁹⁴. Так что напрасно турецкий военный историк Исмаил Беркок все неудачи турецких войск в Абхазии объяснял лишь «неорганизованностью, неподготовленностью турецкого флота, отсутствием плана»⁶⁹⁵.

Когда наступление неприятеля со стороны Абхазии ясно обрисовалось⁶⁹⁶, начальник Гурийского (Кутаисского) отряда русские

⁶⁸⁹ Цит. по: Е. Бурчуладзе. К вопросу о роли грузинского ополчения в Восточной войне 1853—1856 гг. — «Труды Тбилисского государственного педагогического института им. А. С. Пушкина», 1950, VIII, с. 98.

⁶⁹⁰ ЦГВИА, ф. 956 (гр.), оп. I, 1854 г., д. 4, лл. 59—60; д. 6, лл. 38—39.

⁶⁹¹ Там же, ф. 38, оп. 30/286, св. 860, 1854 г., д. 37, л. 1.

⁶⁹² Кстати, М. Анчабадзе в этот период выполнял разные конфиденциальные поручения русского командования в переговорах с убыхами, а также временно замещал начальника Самурзаканского приставства.

⁶⁹³ ЦГВИА, ф. 956 (гр.), оп. I, 1854 г., д. 4, лл. 59—60; д. 6, лл. 38—39.

⁶⁹⁴ Там же, д. 4, л. 60. В этих делах большую помощь оказал полк. И. А. Батоволей.

⁶⁹⁵ I. Berkok. Указ. соч., с. 499.

⁶⁹⁶ Наступление Омер-паши в это время имело целью отвлечь внимание русского командования от Карса и ослабить натиск русских войск в Армении. Де-

войск, предназначенного для обороны Западной Грузии (на Батумском и Сухумском направлениях), генерал И. К. Багратион-Мухранский на левом берегу реки Ингури сосредоточил большую часть своих войск. Учитывая значение этой реки в качестве хорошей оборонительной линии, русское командование решило встретить здесь войска противника упорным сопротивлением, несмотря на незначительность сил. Общее руководство обороной переправ было возложено на начальника кавалерии Гурийского отряда полковника Д. Х. Шервашидзе. К 20 октября основные силы противника были стянуты на правом берегу реки, где расположились в селах Пахулани, Дихазурга и Чубурхинджи, став у переправы Оцарце. 25 октября (6 ноября) разыгрался знаменитый Ингурский бой⁶⁹⁷. Противник завязал перестрелку у развалин Рухской крепости (устье р. Джума). Встретив сильное сопротивление со стороны отряда генерала Григория Дадвани, стоящего на Рухской позиции, прикрывавшей самый удобный путь в направлении Зугдиди, турки главной своей массой продвинулись до переправы в Коки. Линия обороны оказалась очень растянутой — на 20 с лишним верст, или от позиции на Рухи до Хорго. Кроме того, в связи с сухой погодой открылись новые, легко проходимые броды.

Вскоре на высоте Нарманиевской переправы (Санарманио) появился значительный отряд противника. Оборона этого участка была поручена подполковнику С. Т. Званба, который со своим Черноморским линейным № 11 батальоном и другими частями стоял здесь. В этом месте силы врага превосходили почти в десять раз численность русских частей. Тем не менее солдаты отряда Званба героически отбивали натиск Омер-паши до поздней ночи. Противник понес большие потери. Оборона Нарманиевской переправы заставила Омер-пашу даже усомниться в возможности успеха⁶⁹⁸.

Багратион-Мухранский в официальном описании хода Ингурского сражения особо отметил заслуги Черноморского линейного № 11 батальона подполковника Званба. «Изложенный мной ход боя, — писал он, — как я смею надеяться, красноречивее всех похвал доказывает, с каким героическим мужеством, с каким упорством сражались войска наши против многократ сильнеешего неприятеля. Черноморский линейный № 11 батальон кровью своей и кровью врагов записал имя свое в летописях славы русского оружия. Все части, бывшие в деле, соперничали взаимно в мужестве, но, по ходу

в том, что летом 1855 года русские войска под командованием генерала Н. Н. Муравьева блокировали Карс и отбросили польские войска турецкой анатолийской армии к Эрзеруму.

Наступательное движение неприятеля осуществлялось из Сухума к пределам Мегрелии двумя колоннами: одной — по берегу моря к Анаклии, а другой — по Рухской дороге через Оцарце к среднему течению Ингури («Русский инвалид», № 250, 16 ноября 1855 г.).

⁶⁹⁷ П. К. Услар. Записка о военных действиях Гурийского отряда, с. 241—243.

⁶⁹⁸ С. Т. Званба. Этнографические этюды. Сухуми, 1955, с. 16—17.

самого боя, в наилучшем блеске обнаружили это качество части, оборонявшие Норманские (Нарманьевские. — Г. Д.) переправы⁶⁹⁹. В этом сражении пал смертью храбрых С. Т. Званба, оставив «среди солдат и офицеров лучшую память о себе»⁷⁰⁰. Его сменил командир Грузинского линейного № 1 батальона полковник Р. И. Иоселиани, который также геройски погиб. Был убит и мужественный капитан И. Л. Кобелев. По старшинству начальство осталось за поручиком Рубцовым. Вскоре подошел майор Ивин, но через некоторое время и он был смертельно ранен. Затем, уже при отступлении, смертью храбрых пал также подпоручик Рубцов. Пришлось лично приехать Д. Х. Шервашидзе, чтобы организовать отступление истекавшей кровью части. Прибыл сюда и сам командир отряда И. К. Багратион-Мухранский⁷⁰¹.

Особо следует сказать о Д. Х. Шервашидзе, герое-командире этого «в высшей степени кровопролитного сражения», которого «видели все время на коне, в самой жаркой схватке, впереди командуемой им части»⁷⁰². Активное участие в битве на Рухском участке Ингурского боя, а также в разгроме противника на территории Мегрелии принял со своей батареей и прапорщик С. Л. Шервашидзе, за что был награжден орденом Анны 4-й степени⁷⁰³. Бронзовой медалью на анненской ленте в память Крымской войны был награжден прапорщик Бабишбей Маршания⁷⁰⁴. Отличились также Зураб Анчабадзе, который «за отличие против турок» получил звание подпоручика и одновременно денежное вознаграждение⁷⁰⁵, и Григорий Шервашидзе⁷⁰⁶. Как уже отмечалось, был награжден и Михаил Шервашидзе орденом св. Александра Невского. Отставной же ротмистр Константин Шервашидзе, который в годы Крымской войны под надзором полиции находился в г. Ярославле⁷⁰⁷, несмотря на это, «зная хорошо жителей Абхазии... и местность края», где происходили военные действия, и «желая быть сколько-нибудь полезным» в борьбе с экспедиционным корпусом Омер-паши, в декабре 1855 года составил специальную записку, в которой изложил свои соображения (план) по разгрому противника на территории Западной Грузии. О владельце Абхазии в записке говорилось, что он не в состоянии предпринять

⁶⁹⁹ АКАК, т. XI, ч. I, с. 107—108.

⁷⁰⁰ М. Миансаров. *Bibliographia Caucasica et Transcaucasica*. Опыт справочного систематического каталога печатным сочинениям о Кавказе, Закавказье и племенах, эти края населяющие, т. I. СПб., 1874—1875, с. 260.

⁷⁰¹ АКАК, т. XI, ч. I, с. 242—243, № 223; КС, 1880, т. V, с. 338 и сл.; «Русская старина», 1876, т. 17, № 10, с. 330.

⁷⁰² К. Бороздин. Омер-паша в Мингрелии. — «Военный сборник», 1873, № 6, с. 207.

⁷⁰³ С. Т. Званба. Этнографические этюды, с. 19—20.

⁷⁰⁴ ЦГИА СССР, ф. 1268, 1862 г., д. 109, л. 3 об.

⁷⁰⁵ ЦГАА, ф. 833, д. 16, лл. 1 об. — 2.

⁷⁰⁶ См.: «Кавказ», № 51, 24 февраля 1898 г.

⁷⁰⁷ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 экспед., 1853 г., д. 3, ч. 22, лл. 1—9.

что-либо в пользу России, поскольку удаление русских войск из края ослабило его влияние на народ⁷⁰⁸. Записка К. Шервашидзе, в конце концов, дошла до императора, который адресовал ее кавказскому главнокомандующему Н. Н. Муравьеву⁷⁰⁹.

Среди грузин, отличившихся во время Ингурского боя, следует еще назвать генерала Григория Дадияни, подполковника Симона Церетели, командиров имеретинских дружин (милиции) Сико Цулукидзе и Бабэ Агиашвили и др.

Золотыми буквами в историю этого боя записаны также имена капитана Панфилова, поручика Шкляревского (убит), Симонова, Кашаева и др.

Это был яркий пример боевого содружества представителей братских народов, противостоявших общему врагу.

В 1913 году на территории Ингурского сражения был воздвигнут памятник, на котором и сегодня можно прочитать: «Славным предкам-героям, павшим в бою при реке Ингур 25 октября 1855 года».

Сражение на р. Ингури в целом закончилось неудачно для Гурийского отряда⁷¹⁰. Он был вынужден отступить под натиском численно превосходивших сил противника⁷¹¹. Тем не менее на р. Ингури получил сильный удар турецкий экспедиционный корпус, понесший, как констатировал полковник П. К. Услар, «огромную потерю, в несколько раз превышавшую нашу»⁷¹². Было очевидно, что ближайшая стратегическая задача главных сил корпуса Омер-пашы (наступление на Кутаис, переход через Сурамский перевал и

⁷⁰⁸ Там же, л. 10—12.

⁷⁰⁹ Там же, л. 14—14 об.

⁷¹⁰ Генерал М. Ольшевский, анализируя это событие, отмечал, что Гурийский отряд находился в самом неблагоприятном положении по сравнению с другими отрядами, действовавшими на турецкой границе; его войскам угрожала опасность не только от неприятеля со стороны Батума и Кобулет и с моря, «наполненного» англо-французскими и турецкими судами, но и от тех миазмов, которые гнездятся в болотах, образуемых Риони и другими реками. Притом снабжение продовольствием людей и лошадей было затруднительно из-за плохого состояния дорог и незначительного количества покосных и пастбищных мест. Ошибки же отряда заключались в том, что пехота с артиллерией не была сосредоточена за Цхенис-Шкали или не далее р. Техури. В результате этого и не удалось ему удержать неприятеля на р. Ингури, и с большой потерей в людях отряд должен был спешить за Цхенис-Шкали на пункт общего соединения, бросая и сжигая продовольствие и военные запасы («Русская старина», 1894, июль, с. 27, 29).

⁷¹¹ В распоряжении Омер-пашы было свыше 20 тыс. человек регулярных войск и от 5 до 8 тыс. башибузук и местных вооруженных жителей (Е. В. Тарле. Указ. соч., т. II, с. 535), а также 37 орудий. Одновременно на р. Чолок стоял Батумский корпус противника под командованием Мустафа-пашы численностью около 20 тыс. человек (М. И. Богданович. Восточная война 1853—1856 гг., т. IV. СПб., 1876, с. 346, 357—358). Гурийский отряд насчитывал около 20 тыс. человек, в том числе до 10 тыс. грузинской милиции, но половина отряда была оставлена для борьбы против восстановления Батумского корпуса турок. Так что на Ингури оборонялось лишь 9 тыс. русских и местных иррегулярных войск (ЦГВИА, ф. ВУА, л. 5961, л. 280. И. В. Бестужев. Оборона Закавказья в Крымской войне 1853—1856 годов. — «Вопросы истории», 1954, № 12, с. 65).

⁷¹² АКАК, т. XI, ч. I, с. 243, № 223.

зятие Тифлиса) поставлена под угрозу срыва. Отойдя на 50 км за реку Цхенис-Цкали, русские части вновь заняли сильную оборонительную позицию. Теперь туркам предстоял еще один упорный бой, а под Кутансом снова такой же бой на одной из крупнейших рек Закавказья — Риони. Было ясно, что дальнейшее наступление турецкого корпуса будет связано с тяжелыми боями⁷¹³. Но так или иначе Мегрелия оказалась в руках Омер-паши, а также нависла опасность быть оккупированными над Имеретией и Гурией. Создалось исключительно тяжелое положение для Грузии в целом⁷¹⁴.

По всей Мегрелии против оккупантов началось «народное восстание»⁷¹⁵. Л. Олифант вынужден был признать, что местное население в то же время проявляет «добросердечное отношение к русским, оказывая им всяческую поддержку и помощь» в борьбе с турецкими войсками⁷¹⁶. В Имеретии буквально «в несколько дней» было выставлено ополчение из крестьян в 3 000 человек, а Гурия «вся под ружьем... Никто не рассчитывал на неудачу русских... одушевление доходило до самонадеянности»⁷¹⁷. Омер-паша пытался террором запугать народ. По его приказу начались массовые расстрелы крестьян, обвиняемых в истреблении турецких солдат. Но тщетно. С капитуляцией Карса и отступлением Омер-паши из Мегрелии преследование и разгром турецких колонн вообще стали задачей народной милиции и всего местного населения. В организации этой борьбы против армии Омер-паши большую роль сыграл полковник Дмитрий Шервашидзе. Отряды милиции (ополчение) под общим командованием Дмитрия Шервашидзе и Григория Дадиани преследовали и уничтожали войска противника⁷¹⁸. В критический момент и сама владетельница Мегрелии Екатерина Дадиани, женщина большого ума и силы воли, дочь поэта Александра Чавчавадзе, «во главе с мингрельской милицией участвовала в нескольких партизанских действиях против турок. В бурке и башлыке... верхом на лошади, она была под выстрелами неприятельскими и познакомилась с жужжанием пуль»⁷¹⁹. «Отступление турецкого главнокомандующего, — подчеркивал К. А. Бороздин, — после Карса было действительно весьма естественным: цель его похода — отвлечение генерала Муравьева от блокады Карса — не была достигнута, но, с другой стороны, отступление вызывалось и тем обстоятельством, что в самой стране он не мог, при всем старании, установить и упрочить связи с жителями, ни привлечь власти на свою сторону ... Жители встретили его с оружием в руках, как о том и

⁷¹³ Н. В. Бестужев. Крымская война. М., 1956, с. 157.

⁷¹⁴ Е. Бурчуладзе. К вопросу о роли грузинского ополчения в Восточной войне 1853—1856 гг., с. 97.

⁷¹⁵ «Русский инвалид», № 283, 29 декабря 1855 г.

⁷¹⁶ Цит. по: Е. Е. Бурчуладзе. Крушение..., с. 19.

⁷¹⁷ Н. П. Колдобакин. Закавказье в 1855 г., с. 328.

⁷¹⁸ См., например, «Русский инвалид», № 283, 29 декабря 1855 г.

⁷¹⁹ К. А. Бороздин. Закавказские воспоминания. Мингрелия и Сванетия с 1854 по 1861 год. СПб., 1885, с. 61.

сам говорит в письме к княгине Дадяни...»⁷²⁰. Это было общим явлением для всей Грузии. Только в Тифлисской губернии в милицию вступило 23 709 чел.⁷²¹

Вообще военные действия России против Турции на Кавказе вызвали огромный подъем патриотического чувства по всему Кавказскому краю. В ходе всех военных кампаний Кавказского театра Крымской войны национальные ополчения края насчитывали до 52 000 конных и пеших воинов⁷²². Таким образом, враг натолкнулся на решимость кавказского населения защищать свои земли совместно с русскими войсками. Академик Е. В. Тарле писал, что если победа русского оружия на Кавказе оказала очень большое влияние при мирных переговорах в Париже, то «здесь, по всей справедливости, должно поставить это в громадную заслугу не только храбрости и оперативности действующей армии, но и истинно патриотическому, стойкому, мужественному поведению грузинского народа, народа армянского, народа азербайджанского»⁷²³. Между тем многие даже видные современные историки Турции (Исмаил Хакки Узунчаршылы, Энвер Бехнан Шапальо, Энвер Зия Карал, Шакир Зия и др.), извращая русско-кавказские отношения, совершенно умалчивают об этом факте — участии народов Кавказа в Крымской войне на стороне России⁷²⁴.

Падение Карса⁷²⁵ — «твердыни Малой Азии» — в случае прибытия к Гурийскому отряду крупных подкреплений ставило турецкий корпус под угрозу полного разгрома в долинах рек Ингури и Риони, лежавших «как бы в ящике, ограниченные с запада Черным морем, с севера и с северо-востока непроходимым Кавказским хребтом, а с востока и юга столь же непроходимыми хребтами»⁷²⁶. Поэтому Омер-паша ускорил свое отступление из Мегрелии. Приходилось двигаться по непроходимой грязи. В это время прошли проливные дожди, поля и дороги обратились в топкие болота, ручьи вышли из своих берегов, мосты же были сорваны; армии не хватало продовольствия, теплой одежды и обуви, а также перевозочных средств⁷²⁷. Турецкие войска с большим трудом отошли к Редут-Кале и Батуму. Омер-паша, проклиная в Карсе за такое маневрирование, чувствовал себя в безопасности только у берега:

⁷²⁰ Там же.

⁷²¹ БСЭ, т. 13, изд. 2-е, с. 47.

⁷²² Х. М. Ибрагимбеяли. Кавказ в Крымской войне., с. 71. Например, из абазинских аулов Тахтамышского приставства было сформировано ополчение, а одного из его участников, ротмистра Мамат-Гирея Лоова, произвели в майоры и назначили командиром двухсотенной сборной горской конной дружины (Там же, с. 348).

⁷²³ Е. В. Тарле. Указ. соч., т. I, с. 296.

⁷²⁴ Х. М. Ибрагимбеяли. Указ. соч., с. 55.

⁷²⁵ С падением Карса было связано пленение всего его гарнизона вместе с английским генералом Вильямсом.

⁷²⁶ «С.-Петербургские ведомости», № 134, 17 мая 1877 г.

⁷²⁷ «Русский инвалид», № 283, 29 декабря 1855 г.; «Русский мир», № 130, 16 мая 1877 г.

моря. А ранней весной 1856 года, потерпевший полное поражение в своей шумевшей операции в Мегрелии, он был отозван в Константинополь⁷²⁸.

Подводя итоги боевых операций на Кавказском театре Крымской войны, в частности «злополучной экспедиции в Мингрелию» Омер-паши⁷²⁹, Ф. Энгельс в статье «Война в Азии», написанной 11 января 1856 года, подчеркивал: «...Когда все было готово, обещанных английских транспортов не оказалось, и когда турецкая армия была сосредоточена около Батума, а позднее близ Сухум-Кале, она оказалась без продовольствия, без боевых припасов и транспортных средств...⁷³⁰. Мы видели, что во время своей мингрельской экспедиции он (Омер-паша.— Г. Д.) ни разу не рискнул удалиться от побережья дальше, чем на расстояние двух-трех дней пути... Мы с самого начала заявляли, что, по всей вероятности, русские окажутся слишком крупной силой для этой нападающей армии... Даже при условии беспрепятственного передвижения Омер-паша не мог бы с армией, находящейся в его распоряжении, форсировать переправу через Рион...⁷³¹. Оказавшись в то же время перед лицом более сильной армии, Омер-паша вынужден был отступить к побережью, а русские последовали за ним, весьма сильно беспокоя его арьергард. В настоящее время турецкая армия, серьезно пострадавшая как от столкновений с противником, так и от болезней, расположилась биваком на побережье и переправляется в Батум, Трапезунд и другие места. Мингрелия, за исключением береговых фортов, снова в руках русских.

Этим заканчивается третья удачная кампания русских в Азии: Карс и его пашалык завоеваны; Мингрелия освобождена от неприятеля; последний остаток турецкой действующей армии — армия Омер-паши — значительно ослаблен как в численном, так и в моральном отношении»⁷³².

Таким образом, факты со всей очевидностью говорят о полном поражении Омер-паши. К тому же его поход не играл «крупной роли в ходе Восточной войны», не имел «самостоятельного значе-

⁷²⁸ Е. В. Тарле. Указ. соч., т. II, с. 535, 537; И. В. Бестужев. Оборона Закавказья в Крымской войне 1853—1856 годов, с. 65; «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. IV. М., 1967, с. 558; Х. М. Ибрагимбея. Кавказ в Крымской войне..., с. 352.

⁷²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. II, с. 620.

⁷³⁰ С упорством «союзники сосредоточивали все военные усилия на полуострове» Крымском (Там же).

⁷³¹ К. Маркс писал: «Чтобы осуществить этот план, необходимо было бы высадить на черкесском побережье (имеется в виду абхазское.— Г. Д.) по меньшей мере 55 000 человек, взять Кутаис и пройти через Горийскую котловину. Омер-паша, который позже предпринял подобную экспедицию во главе 36 000 человек, подойдя к Риону, насчитывал не больше 18 000—20 000 человек» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. II, с. 639—640).

⁷³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. II, с. 614—616.

ния»⁷³³. Тем не менее в современной турецкой буржуазной историографии тенденциозно изображаются результаты действий его экспедиционного корпуса. Так, Чавлы Эмин Али пишет (1957 г.), будто Омер-паша совершил «победоносное наступление из Крыма через Анатолию на Карс, в ходе которого он провел успешные военные операции против русских»⁷³⁴. А Фахир Х. Армаоглу заявляет (1961 г.): «На Кавказском фронте успешно наступал Омер-паша, поставивший русских в Евлатории в тяжелое положение»⁷³⁵.

Как известно, в целом Крымская война закончилась поражением русского царизма. Но по Парижскому трактату 1856 года владения России на Кавказе остались за ней⁷³⁶. Весной 1856 года последние турецкие части покинули Западную Грузию. Русские войска в сопровождении Михаила Шервашидзе 10 июля вошли в Сухум, оставленный турками в мае того же года⁷³⁷. Легко произошло «вторичное покорение» восточного берега, что было вызвано ослаблением веры горцев в свою несокрушимость после событий периода Крымской войны. Сам турецкий султан с помощью англичан, французов и итальянцев, рассуждали они, «пришли уничтожить Россию и, наобещавши всякого блага, ушли с позором домой»⁷³⁸. Тем не менее четырехлетняя Восточная война с Турцией и почти со всеми главными государствами Западной Европы сильно ослабили Россию на Кавказе. В целом неудачный исход этой войны нанес обороне всего Юга России серьезный ущерб. Одним из условий Парижского мира было разоружение всех крепостей Черноморского побережья. Измаил, Севастополь, Новороссийск, Сухум и другие стали безоружными приморскими городами, неспособными к обороне. По существу юго-западная и южная гра-

⁷³³ К. Бороздин. Омер-паша в Мингрелии. — «Военный сборник», 1873, № 6, с. 181.

⁷³⁴ Цит. по: Х. М. Ибрагимбейли. Страницы истории., с. 181.

⁷³⁵ Там же.

⁷³⁶ На мирной конференции английская сторона пыталась оспаривать целостность русских владений на Кавказе. В частности, речь шла о создании «независимых» буферных государств: Черкесского, Абхазского и Мегрельского. Однако английские претензии не были поддержаны Францией. В результате русская делегация в этом вопросе одержала победу (Х. М. Ибрагимбейли. Кавказ в Крымской войне., с. 364 и сл.; А. Е. Чхеидзе. Указ. соч., с. 78 и сл.).

⁷³⁷ Новый наместник Кавказа А. И. Барятинский, считая целесообразным поручить экспедицию именно М. Шервашидзе, писал, что это «восстановит его в общем мнении и восстановит в глазах его собственное его достоинство. Нет сомнения, что он исполнит ее хорошо, потому что в поручении этом будет видеть двойную для себя пользу: восстановить честь свою и власть над краем» («Русский архив», 1881, кн. III, № 12, с. 529). А кутаисский военный губернатор Н. П. Колюбакин уже 30 мая 1856 года писал генералу В. О. Бебутову: «Об Абхазии могу вам дать сведения положительные. Владелец в Соухсу (с. Лыхны. — Г. Д.). Он давал пир по случаю заключения мира. Народ ждет нас с нетерпением...» («Восточный вестник», Исторический вестник», 1963, № 15, с. 249, № 68).

⁷³⁸ Ад. П. Берже. Указ. соч., январь, ср. 174.

ницы оказались открытыми для вторжения⁷³⁹. Мы уже не говорим о таком факте, как ликвидация на Черном море русского боевого флота.

Не следует сбрасывать со счета и такое явление, как подъем национально-освободительной борьбы народов Дагестана, Чечни, Северного и Западного Кавказа в период Крымской войны и другие антиколониальные войны и антифеодалные выступления угнетенного населения.

Для Абхазии война имела и свои особые последствия. Она расшатала автономию княжества и ускорила ее ликвидацию. Кстати, царизм, стремясь укрепить свои позиции в Западной Грузии, уже в 1857 году лишил владельцев прав правительницу Мегрелии Екатерину Дадиани, а в следующем году упразднил Сванетское княжество. После войны феодально-крепостническая система в Абхазии вступила в новый этап своего существования. Крестьянское движение приняло острый характер. Вместе с тем, с событиями Крымской войны была связана очередная крупная эмиграция населения Абхазии и всего Западного Кавказа в Турцию. В Абхазии, как мы видели, оккупанты в целом были враждебно встречены, но на сторону противника перешли некоторые влиятельные феодалы, а с ними было связано значительное количество людей, многим из которых пришлось участвовать и в боевых операциях. Так, по сообщению князя В. О. Бебутова от 11 июля 1855 года военному министру В. А. Долгорукову, Мустафа-паша, встревоженный движением Гурийского отряда на Кобулет, отправился на пароходе из Сухума в Цихидзири, взяв с собой 500 человек Абхазской милиции под начальством майора князя Александра Шервашидзе⁷⁴⁰. Абхазские феодалы кое-кого привели и на Ингури. Тот же Александр Шервашидзе сопровождал турецкий эшелон, двигавшийся к указанному водному рубежу. Как раз во время этого похода «пример отпадания» подал начальник Самураканской милиции князь Зураб Чхотуа⁷⁴¹. 90-летний лыхнинский крестьянин Антон Гуатас-ипа о Сефер-бее (Ахан-ипа), который целый год находился в Сухуме, сообщает: «В то время, по его наущению, жители двух селений, Гума и Акапа, побросали дома и переселились в Турцию. Живя там, они не порвали связи с оставшимися на родине абхазцами, но старались и их сообразить в ислам, и в этом имели успех...»⁷⁴². Все эти элементы и составили основное ядро махаджирской массы Абхазии середины 50-х годов XIX века, численность которой, к сожалению, не представляется возможным определить, хотя и имеется утверждение З. И. Чичинадзе, что она составляла 20 тыс. человек⁷⁴³. Вынуждены были удалиться в Турцию

739 Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973, с. 439.

740 АКАК, т. XI, ч. I, с. 47, № 38.

741 Н. Н. Муравьев. Указ. соч., т. II, ч. IV, с. 274—275.

742 «Сотрудник Закавказской миссии», 1914, № 1, с. 13—16.

743 ზ. ჭიჭინაძე. ქაზახელ მამურობის დრო ვარსახულები თბილისში., გვ. 169.

и многие активные участники антиколониального движения. Так, Эшсоу Маршанья, один из руководителей народной борьбы в Цебельде и Дале в 40-х годах, о котором затем еще долго говорят источники как «о неуловимом абреке», именно после Крымской войны переселился в Турцию, хотя и был «прощен» царскими властями⁷⁴⁴; причем уехал он, разумеется, не один, а со многими своими крестьянами и близкими людьми.

После Крымской войны Турция, с целью заманить в свои пределы мусульманский элемент России, в том числе кавказских горцев, разработала план переселения. По закону определялись льготные условия для эмигрантов. Им обещались земля в том размере, в каком они смогли бы ее обработать; освобождение от налогов (в Анатолии — на 12 лет, в Румелии — на 6 лет) и от воинской повинности⁷⁴⁵. Это мероприятие также имело определенное влияние на эмиграционный процесс в Абхазии. В итоге именно по причине переселения в Турцию здесь уже в 50-х годах произошло определенное сокращение населения. Если по сообщению Ф. Ф. Торнау, относящемуся к 30-м годам, в Абхазии было около 90 000 жителей⁷⁴⁶, а по данным графа Н. П. Игнатьева за 1852 год — 98 000 чел.⁷⁴⁷, то, согласно официальной статистике, население Абхазского княжества в 1858 году равнялось 89 866 чел.⁷⁴⁸.

⁷⁴⁴ АҚАҚ, т. XII, ч. II, с. 858, № 735.

⁷⁴⁵ ს. ბ ვ ლ ო ბ ო. შიშის მემლოქელობისქლოქმეხი ავარანი. ბათუმი, 1958, გვ. 79.

⁷⁴⁶ Т. [Ф. Ф. Торнау]. Воспоминания кавказского офицера, ч. I. М., 1964, с. 113—114; ЦГВИА, ф. 38, т. 30/386, св. 839, 1838 г., д., д. 192, лл. 25—26.

⁷⁴⁷ ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. I, д. 21, лл. 86—86 об.

⁷⁴⁸ «Статистическая таблица Российской империи, Выпуск второй. Наличное население империи за 1858 год». СПб., 1863, с. 175.

ГЛАВА II

ЗАВЕРШЕНИЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

§ 1. Новые англо-турецкие маневры

Статьи Парижского договора 1856 года о нейтрализации Черного моря, запрещении держать там военные корабли¹ и строить на его побережье укрепления² для России были весьма тяжелыми. Они лишали ее, государство черноморское, возможности защищать свои южные границы от нападения противника, который мог появиться в Черном море через проливы Дарданеллы и Босфор, на которые нейтрализация не распространялась. Кроме того, они тормозили развитие внешней торговли через черноморские порты, задерживали освоение южных районов страны. Поэтому после Крымской войны центральной проблемой внешней политики России становится борьба за ликвидацию ограничительных условий Парижского договора³.

Все это означало усиление на Черноморском бассейне позиций Англии, самой мощной в то время морской державы. И последняя незамедлительно воспользовалась сложившейся ситуацией для оказания давления на Россию. Как известно, Англия на Парижский конгресс шла с дипломатией, которая заключалась в том, что она не прочь была, во-первых, отобрать весь Крым до Перекопа и «возвратить» его Турции, затем высадиться на Кавказе, отнять Грузию и весь Юго-Восточный Кавказ, создать для Шамиля «Черкесию» в надежде, что тот будет действовать и в целях преграждения дороги русскому правительству в Иран⁴. Вынужденное пойти на уступки во время конгресса, английское правительство тем не менее не оставляло мысли оттеснить Россию за Кубань и Терек, помешать ей окончательно укрепиться на Кавказе. Следовательно, о прекращении тайной войны английских правящих кругов против России на Кавказе не могло быть и речи. Как писал генерал Зиссерман, «лишь незнакомство с традициями коварной английской

¹ По выражению М. Литвинова, «работа гениальных русских людей, начатая с Петра, была прервана, и многое уничтожено» (М. Литвинов. Черное море, с. 55, 181).

² В частности, на Кавказе береговые укрепления подлежали уничтожению (См.: Т. Юзефович. Договоры России с Востоком. СПб., 1869, с. 111, 120).

³ Н. С. Кивлягина. Борьба России за отмену ограничительных условий Парижского договора 1856 года. — «Вопросы истории», 1972, № 8, с. 35.

⁴ «История дипломатии», т. I. М., 1941, с. 455.

политики могло допускать», что противники России, «по крайней мере, с уважением отнесутся к своим собственным подписям, так торжественно приложенным в Тюльерийском дворце к мирному трактату»⁵.

Что касается турецкого правительства, то оно после войны тем более не собиралось отказываться от подрывной деятельности против России. Условия же Парижского мира делали Черное море, по существу, открытым для осуществления всевозможных политических авантюр. Теофил Лапинский писал, что на Кавказе «морские берега были открыты и некоторые местности заняты оттоманскими войсками и таким образом было легко пробраться в страну»⁶. Черноморская береговая линия уже не могла быть возобновлена, поскольку, во-первых, ее «чрезвычайно дорогое содержание никогда не достигало вполне своей цели» и, во-вторых, «самое ее существование зависело от неприменного условия» господства России на Черном море⁷. После Парижского трактата нечего было и думать о строительстве на морском берегу слабых укреплений, которым со стороны суши невозможно было подать помощь.

Хотя основная цель Англии в результате Крымской войны и была достигнута, но ее захватнические планы в отношении Кавказа, Крыма и других районов еще не были осуществлены. Правящие круги Британской империи ставили своей задачей затянуть Кавказскую войну, истощить военные и экономические ресурсы России и добиться в конце концов превращения Кавказа в свою колонию. Английские промышленники мечтали о кавказском рынке, особенно они интересовались портами Черноморского побережья и торговыми путями от Анапы до богатых равнин Кубани⁸. И вот не успели замолкнуть последние выстрелы войны, как английские и турецкие разведчики вновь развернули среди горцев широкую антирусскую пропаганду, организовывали военные провокации, политические диверсии⁹. Именно для этой цели английское правительство поспешило учредить консульства в портовых городах восточного берега¹⁰. В Босфоре и на Черном море различным проискам против России благоприятствовало присутствие британского флота и тайных агентов английского посольства¹¹. Тот же Уркарт был душой «общества», имевшего задачей снаряжать вооруженные

⁵ А. Л. Зиссерман. Фельдмаршал князь А. И. Барятинский. («Русский архив», 1889, кн. I, с. 274.

⁶ T. Lapinski. Указ. соч., т. II, с. 3.

⁷ А. Л. Зиссерман. Указ. соч. — «Русский архив», 1889, кн. 3, с. 254.

Кавказское Черноморское побережье после ликвидации береговой линии было разделено на две части, подчиненные командиру войсками Правого крыла и кутаисскому генерал-губернатору и, согласно с этим, учреждены две морские станции — в Новороссийске и Сухуме.

⁸ С. К. Бушуев. А. М. Горчаков. М., 1961, с. 84—85.

⁹ А. Х. Касумов. Две судьбы. Нальчик, 1967, с. 8.

¹⁰ Ад. П. Берже. Указ. соч., январь, с. 175.

¹¹ КС, 1887, т. XI, с. 586.

корабли с военными припасами и инструкторами на северо-восточные берега Черного моря. Наряду с военно-политическими, проводились разведки и экономического характера.

Новый наместник и главнокомандующий на Кавказе генерал А. И. Барятинский 14 ноября 1856 года составил обширное отношение на имя министра иностранных дел А. М. Горчакова под названием «О частом появлении на восточном берегу Черного моря английских пароходов и о сношениях с горцами»¹², в котором было собрано большое количество фактов о неблагоприятных действиях Англии на Северо-Западном Кавказе. Обобщая эти данные, Барятинский писал: «Военные и коммерческие пароходы иностранных наций довольно часто появляются на восточном берегу Черного моря, перевозят торговцев и имеют с ними на берегу сношения, для нас особенно вредные в том отношении, что появление их и отсутствие нашего крейсерства поддерживает в горах уверенность в содействии им против нас Турции и Англии и придают вес словам Сефербея и подобных ему возмутителей, уверяющих горцев, что они подданные турецкого султана и должны во всем повиноваться поставленным им властям». Так, 3 октября 1856 года в Редут-Кале (Кулеви) под коммерческим флагом пришел английский военный пароход «Ронгвер» из эскадры адмирала Лайонса под командованием капитана Мариэтта для осмотра берега Черного моря. Было установлено, что команда судна производила составление планов и промеры глубины указанного рейда. Среди многочисленных иностранных судов, посещавших Кавказское побережье, мы видим и злополучный пароход «Кенгуру», который 26 октября 1856 года подошел к Сухуму. Когда комендант города потребовал соответствующий документ, капитан судна отказался предъявить его. На вопрос, почему он без разрешения подошел к чужому берегу, тот вызывающе заявил, что по Парижскому трактату плавание в водах Черного моря для коммерческих судов всех стран объявлено свободным. Однако не вызывало сомнения, что этот пароход выполнял чисто военное задание, что вскоре и подтвердилось. В сообщении за подписью генерала Д. А. Милютина от 14 февраля 1857 года указывалось, что турки высадили в устье р. Туапсе с двух больших пароходов и двух парусных фрегатов до 3000 человек пехоты с орудиями. Двое турецких пашей, прибывших с войсками, пытались связаться с Сефер-беем¹³. 23 февраля 1857 года также в устье р. Туапсе «Кенгуру» высадил отряд из находившихся на турецкой службе флибустьеров во главе с бывшим полковником венгерской армии Яношем Бандья (Мехмед-бей) в сопровождении около 200 завербованных последним в Константинополе «превосходных военных инструкторов для различных родов войск»¹⁴. Теофил Лапин-

¹² АВПР, ф. Азиатский департамент, оп. 729, 1856—1858 гг., д. 6, лл. 23—32. Ср. АКАК, т. XII, ч. II, с. 705—706, № 602.

¹³ «Очерки истории Адыгеи», т. I, с. 367.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, с. 171.

ский, участник этой «экспедиции», писал впоследствии: «С нами прибыл венгерский офицер-ренегат... и американский оружейный мастер; кроме того, трое турецких артиллерийских офицеров и двое молодых людей из военной школы в Константинополе... К нашему приезду в стране не было сделано ни малейших приготовлений, но и жители даже никакого представления не имели о том, кто мы и зачем к ним явились»¹⁵. «Кенгуру» был нагружен также оружием и боевым снаряжением¹⁶. К. Маркс писал по этому поводу: «В Константинополе было хорошо известно, что пароход «Кенгуру» был зафрахтован для перевозки войск и военных припасов в Черкессию»¹⁷.

Как выяснилось, в посылке отряда «главное участие» принимал министр почт Турции Исмаил-паша, ему помогали и другие турецкие сановники и английские дипломаты, в числе которых называли самого британского посланника в Константинополе лорда Стратфорда Редклиффа¹⁸ и даже великого визиря Мустафу Решид-пашу¹⁹. Причастен был к этому делу и австрийский посол Прокеш-Остен. Исполнением же всего дела руководил поляк граф Замойский, причем на английские деньги²⁰. Бандья был провозглашен «главнокомандующим черкесских войск», а вскоре присвоил себе еще более громкий титул — «главнокомандующий европейскими войсками на Кавказе». В действительности же он стал, по словам К. Маркса, «чем-то вроде начальника штаба у Сефер-паши»²¹. К. Маркс в статье «Предатель в Черкессии» об этом авантюристе писал, что он «в 1851 и 1852 гг. находился в эмиграции в Англии; состоял на службе у русского и у французского правительства в качестве шпиона и, разумеется, должен был действовать заодно с их общим хозяином; теперь, пользуясь покровительством Англии, он отправляется в Черкессию, где якобы преобладают новые настроения. Старые настроения были антирусскими, новые должны быть в пользу России — Черкессия должна-де **добиться** независимости, которую она никогда не теряла, и, в довершение всего, выдвигается парламент, который еще только должен быть создан»²².

В «европейских войсках» на Кавказе крупную роль играли также поляк полковник Теофил Лапинский (Тефик-бей), венгр

¹⁵ Т. Лапинский. Указ. соч., т. II, с. 31—32.

¹⁶ См.: ЦГАИГ, ф. 548, оп. 2, д. 969, лл. 2—7.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, с. 496.

¹⁸ Это был тот английский дипломат, о котором Н. Г. Чернышевский писал «В Константинополе Стратфорду представлялась полная свобода действовать по его собственному усмотрению» (Н. Чернышевский. Рассказы о Крымской войне по Кинглеку. М., 1935, с. 201).

¹⁹ Ф. Шербина. Указ. соч., т. II, с. 552; Т. Лапинский. Указ. соч., т. II, гл. XII—XIII.

²⁰ Б. Черноморская береговая линия. — «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXXVIII а, 76, с. 645.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, с. 490.

²² Там же, с. 172.

полковник Тюрр (Ахмед Киямил-бей), англичане Истервельс и Гомер и немец генерал Штейн (Фергат-паша). Бандья и его единомышленники носились с планом создания «воссоединенной Черкесии», которая должна была признать русского императора номинальным протектором, но не платить ему никаких податей, не содержать царских гарнизонов и не отбывать воинскую повинность, а какой-нибудь местный князек должен был подчинить своему управлению всю страну²³. Так мыслилось прекращение Кавказской войны и «умиротворение» края. Во имя достижения этой цели горцы призывались в последний раз взяться за оружие, а Англия и Франция, как уверяли названные авантюристы, готовы были оказать всю необходимую военную помощь²⁴.

Таким образом, перед Бандья англо-турецкими вдохновителями была поставлена задача снова поднять горцев на войну против России. Между прочим, этот честолюбивый авантюрист еще в период Крымской войны, приехав первый раз на Кавказ вместе с Сефер-беем и обосновавшись в Сухуме, развернул среди местного населения энергичную протурецкую и проанглийскую пропаганду. А для укрепления связи с «влиятельными старшинами» он даже женился на дочери одного из них²⁵. Однако, как сообщил владелец Абхазии М. Шервашидзе, «горцы не очень доверяют этой шайке и всем ее рассказам»²⁶. В марте 1857 года «иностранный легион» перешел в Адербиенское ущелье, близ Геленджика, где были устроены склады военного снаряжения и жилые помещения. В Геленджике сразу же началась оживленная торговля рабами, которых сбывали в Турцию. Кандидатом на пост владетельного князя Черкесии был объявлен Сефер-бей, который срочно прибыл сюда и «принял» верховное командование над «европейскими силами»²⁷. «Черкесский вождь» все внушал Лалинскому, что он, Сефер-бей, единственный полномочный властелин края и что только наиб Мухаммед-Эмин возбуждает против него народ и обещал с ним вскоре расправиться, а в доказательство показывал какую-то старую турецкую газету, в которой говорилось, что Зан-оглы в продолжение 500 лет были владетельными князьями страны черкесов²⁸. В начале апреля 1857 года в одном из облюбованных пунктов отряда Лалинского был выдан «огнестрельный запас», о котором накануне говорил сам Сефер-бей и который состоял из 81 бочки пороха и 57 ящиков ружейных патронов²⁹. Все это, разумеется, не мог-

²³ Там же, с. 493, 495.

²⁴ Ф. Щербина. Указ. соч., т. II, с. 522.

²⁵ М. Покровский. Диверсионная деятельность иностранных агентов на Западном Кавказе после окончания Крымской войны. — «Кубань», 1953, № 13, с. 226.

²⁶ КС, 1887, т. XI, с. 590—591.

²⁷ М. Покровский. Диверсионная деятельность иностранных агентов на Кавказе, с. 277.

²⁸ Т. Lapiński. Указ. соч., т. II, с. 53.

²⁹ Там же, с. 54.

до не насторожить и не озлобить против старого Сефер-бея наиба Мухаммед-Эмина.

Между тем военные материалы продолжали поступать в Новороссийск, Геленджик, Пшад, Адлер и другие приморские пункты в устьях рек. Центром средоточия диверсантов был Туапсе³⁰. Именно отсюда намечалось осуществление плана занятия основных стратегических пунктов Северного Кавказа — Екатеринодара и Владикавказа. Кавказский наместник Барятинский, встревоженный этими обстоятельствами, писал 10 апреля 1857 года министру иностранных дел: «Вредные сношения с горцами турок и выходцев разных наций, под влиянием тайных политических интриг, усиливаются со дня на день и дошли до того, что недавно высадка шайки флибустьеров на Кавказский берег сделана почти открыто; подвоз военной контрабанды и торговли невольниками производится непрерывно»³¹. Вскоре Барятинский получил новое сообщение о том, что «подвоз к горцам пороха и оружия делается на турецких кочермах... из Трбизонда, Самсуна и других более отдаленных пунктов турецкого берега, куда материалы сии подвозятся из Константинополя»³². Так, в том же месяце в Геленджик прибыли две кочермы, на которых были привезены 6 орудий, большой запас пороха, свинца, снарядов и несколько новых флибустьеров. Как было установлено, весь этот груз сперва был доставлен из Константинополя в Тралезунд. В первых числах мая в Геленджик пришло еще одно судно с боеприпасами³³.

Наказной атаман Черноморского войска генерал Г. И. Филипсон в мае 1857 года произвел на пароходе «Эльбрус» с десантом движение из Анапы на Новороссийск и Геленджик, и так напугал турецких контрабандистов, что они отказались заходить в Геленджикскую бухту³⁴. Тогда полковник Лапинский соорудил в бухте батарею, вооружил ее 6 пушками, вырыл на берегу моря траншею и дал горцам торжественное обещание, что «впредь не пустит русские суда в эту бухту»³⁵. Надо сказать, что батарея Лапинского произвела впечатление, и в Геленджикскую бухту снова стали заходить турецкие контрабандные суда. В конце июля, например, сюда пришло 7 кочерм, на которых было привезено много пороха и снарядов, а также 160 штуцеров и «несколько новых европейских». Причем все припасы на арбах были отправлены в Адлер. Генерал Филипсон предполагал, что данная военная контрабанда была взята с английского судна на константинопольском рейде, а в Геленджик доставлена через 10 дней после этого³⁶. Тот же Филипсон

³⁰ АКАК, т. XII, ч. II, с. 721, № 617.

³¹ АВПР, ф. Азиатский департамент, оп. 729, 1856—1858 гг., д. 6, лл. 48—48 об.

³² «Шамиль...», с. 470, № 379.

³³ АКАК, т. XII, ч. II, с. 726, № 623.

³⁴ Ф. Шербина. Указ. соч., т. II, с. 553.

³⁵ АКАК, т. XII, ч. II, с. 730, № 626.

³⁶ Там же, с. 732, № 627.

3 июля 1857 года доносил «о беспристанином прибытии к Черкесскому берегу турецких судов, привозе на них боевых припасов, орудий и новых пришельцев разных наций»³⁷. Несколько позже Барятинский также писал, что сотни судов «отходят беспрепятственно из турецких портов и везут к черкесским берегам шайки европейцев, часто пересодетых в турецких матросов»³⁸. Все эти новые факты, имевшие место после приведенного выше обобщающего сообщения министру иностранных дел, наместник Кавказа перечислил в новом своем донесении на имя министра от 20 июня 1857 года — «О частом появлении на восточном берегу Черного моря турецких судов и сношениях их с горцами»³⁹.

Однако вскоре «европейский отряд» постигла печальная участь. В конце 1857 года Лапинский⁴⁰ избавился от своего соперника Бандья⁴¹ и сам стал «главнокомандующим»⁴². Но последовавшие в начале 1858 года неудачи привели к полному разложению отряда и к краху всех затей авантюристов, разжигавших по указке Англии и Турции пожар войны на Кавказе. Историк Ф. Щербина писал об этих людях: «Легкомыслие и непонимание ни собственных своих задач, ни жизни того народа, которому они пытались служить, были наиболее характерными чертами их деятельности»⁴³. Наступает также конец деятельности Сефер-бея и Мухаммед-Эмире.

Но англо-турецкие политические акулы продолжали свою деятельность на Кавказе и без этих «мавров». По некоторым данным, в 1857 году английский торговый пароход в Батуме высадил 360 человек, а также выгрузил 60 орудий, порох, оружие и пр.⁴⁴ Русский консул в Трапезунде А. Н. Мошнин в записке на имя наместника Кавказа от 18 октября 1858 года сообщал: «...Консульство успело остановить в течение последнего года один бриг в Платане

³⁷ Там же, с. 729, № 626.

³⁸ Там же, с. 746, № 633.

³⁹ ЦМ: АВПР, ф. Азиатский департамент, оп. 729, 1856—1858 гг., д. 6, лл. 78—84.

⁴⁰ ЦМ: нем. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, с. 491—495, 573—577.

⁴¹ ЦМ: нем. Там же, с. 491—495, 576—578.

⁴² Бандья был уличен в переписке с генералом Филиппом, в которой залагал свои права, и обвинен в измене; в Адерби над ним был организован военный суд (председатель — Лапинский), который вынес смертный приговор. Однако Сефер-бей не решился привести в исполнение смертный приговор над человеком, который имел чин полковника в армии турецкого султана, поэтому он отправил его под конвоем в Трапезунд (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 12, с. 490—495).

⁴³ Ф. Щербина. Указ. соч., т. II, с. 555.

Рецензент книги Т. Лапинского А. В. окончательное банкротство последнего в 1859 году объяснял двумя основными причинами: недостатком «материального содействия из Константинополя», что поставило Лапинского «в совершенно изолированное и зависимое от горцев положение», и «миролюбивой склонностью» черкесов, особенно абадзехов (ЗКОРГО, 1864, кн. VI, критика и библиография, с. 62—64).

⁴⁴ КС, 1887, т. XI, с. 589.

с 90 вооруженными черкесами, таковой же в Синопе с 50 бочками пороха и таковой же в Самсуне с 158 бочками пороха, назначенно-го для горцев. По случаю оставления нами незанятыми прежних наших фортов по Черкесскому берегу, сношения горцев с Требизондом усилились. В последний год их проехало туда и обратно 4 000. Более 800 барок под видом отправления в Анапу отошли к черкесскому берегу, отвезя с собою всякого рода контрабанду... В особой записке⁴⁵ я имел честь предоставить г-ну наместнику кавказскому мой взгляд на эту торговлю, равно как и на торговлю невольниками... В последний год с лишком 2 000 человек отправилось из Трабизонда в Россию и преимущественно на Кавказ»⁴⁶. 14 июня 1858 года в Геленджикской бухте была уничтожена одна и взяты две контрабандные турецкие кочерымы. В числе их груза имелись ружья, пистолеты и кинжалы⁴⁷. В организации доставки указанных материалов на Западный Кавказ, как уже говорилось, деятельное участие принимали английский посланник в Константинополе лорд Редклиф и великий визирь Турции Решид-паша.

Русский посланник в Константинополе А. П. Бутенев еще 11 февраля 1857 года писал министру иностранных дел А. М. Горчакову: Турецкий великий визирь «не опровергал ни в чем верность моих заявлений или же фактов, мною переданных в отношении преступных и смелых происков в столице, направленных против спокойствия и безопасности наших владений Восточного берега...» Из объяснения и отзыва турецкого правительства, продолжал он далее, «ясно выводится, что происки эmissаров и партий черкесов, находящихся в Константинополе, с одной стороны, поощряемые под рукою первыми государственными людьми за спиной слабого султана, с другой — они поощряются и поддерживаются присутствием в Босфоре и Черном море английского флота и, кроме того, господствующим влиянием тайных агентов английского посольства»⁴⁸. От них не отставал и военный министр Турции Риза-паша, который, как заключал русский чрезвычайный посланник и полномочный министр в Турции князь А. Б. Лобанов-Ростовский, «никогда не переставал поддерживать сношения с черкесами, и в последнее время он им обещал новую помощь для поддержания их войны с Россией»⁴⁹. Так, адъютант Риза-паши подполковник Омер-бей 17 октября 1858 года прибыл в Сухум под предлогом приведения в порядок своих семейных дел в Убыхии. Этот агент вел переговоры с некоторыми представителями убыхов и абадзехов, распространяя повсюду слухи, якобы Парижский трактат признал незави-

⁴⁵ Очевидно, речь идет о докладной записке консула, опубликованной в сборнике «Шамкель...» (с. 477—478, № 388), в которой, в частности, говорится: «В числе торговой контрабанды была и военная, т. е. порох, оружие и иностранные... в числе пассажиров проехало туда много невольниц и мальчиков».

⁴⁶ АВПР, ф. Турецкий стол (старый), 1857 г., д. 143, лл. 10 об. — 12 об.

⁴⁷ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 867, 1858 г., д. 19, лл. 1 — 4.

⁴⁸ Там же, ф. 14719 (548 гр.), оп. 2, д. 969, лл. 5—7.

⁴⁹ АКАК, т. XII, ч. II, с. 808, № 678.

симость Черкесии и предоставил ей право свободной торговли с Турцией и другими странами. Затем он отвез военному министру Турции петицию⁵⁰, поданную нанбом Мухаммед-Эмином и другими в ответ на сообщения, которые послал им Риза-паша через своего адъютанта⁵¹. Начальник войск в Абхазии генерал М. Т. Лорис-Меликов подчеркивал, что число подобных лиц, действующих среди прибрежных горцев «во вред интересам» России, «слишком значительно»⁵². Характерно, что в это время появляется рассказ писателя В. Савинова «Англичане-контрабандисты на сухумских берегах»⁵³.

Русский офицер С. Смоленский, в 1859 году находившийся вместе с сотней солдат в Бзыбской Абхазии, около р. Хыпста (Белая), писал, что абхазы «стали делать предположения, что, вероятно, сотня поставлена здесь не без цели, что недаром говорят, будто их ... хотят сделать русскими, брать в солдаты, принуждать брить бороду, а волосы на голове стричь и, наконец, заставить их марушек ходить без шальвар, что для женщины, конечно, последнее дело... Рассуждения эти... были последствием распространения между абазинами (абхазами. — Г. Д.) нелепых толков турками, которые постоянно старались поддерживать между ними неприязнь к русским и усилить расположение к Турции». Муллы обещали каждому в загробной жизни за одну поездку в Турцию оставить «наполовину отверстыми двери магометова рая. О России же они имели понятие как о крае бедном, неудобном и даже не вознаграждающем труда земледельцев. Иначе они и не объясняли занятие края, как желанием русского правительства утвердить свою власть в земле их, ввиду крайней бедности нашего отечества, или теснотой населения»⁵⁴. Между прочим, в этот период в Сухуме находились в качестве муфти Ахмед-Эфенди Мамед-Эфенди-оглы, а в качестве кади — Джомхун-Эфенди-Кадиде⁵⁵. Они-то и были заправилами всяких темных дел, творимых протурецкими элементами в Абхазии.

3 октября 1859 года корвет под командованием капитан-лейтенанта Добровольского в районе Геленджика захватил турецкое контрабандное судно, направлявшееся из Туапсе в Константинополь. В нем оказались 5 турок, 3 черкеса, 1 поляк и 2 пленницы. 23 и 24 октября указанный корвет в Геленджикской бухте и Пшадде столкнулся еще с несколькими турецкими контрабандными ко-

⁵⁰ Там же, с. 809, № 679.

⁵¹ Там же, с. 799, № 668; с. 806—808, № 677; «Шамиль...», с. 476—477, № 387.

⁵² «Шамиль...», с. 477, № 387 (Репорт начальника войск в Абхазии от 3 декабря 1858 г. кутаисскому генерал-губернатору).

⁵³ «Сын Отечества», 1858, № 22, с. 631—635.

⁵⁴ С. Смоленский. Воспоминания кавказца. — «Военный сборник», 1872, № 10, с. 357.

⁵⁵ КК, 1859, отд. V, с. 13.

чермами, некоторые из них также были захвачены⁵⁶. Летом 1861 года в Абхазии были обнаружены люди, в патронташах которых оказался порох английский и турецкий, «тайно продаваемый во всех прибрежных базарах Абхазии»⁵⁷. В 1860 году в Сухум английским правительством был прислан консул. По этому поводу С. Рыжов писал: «В Сухум-Кале, в военный лагерь — консул!» До войны здесь консула не было; держала Англия его в Тифлисе для всего Кавказского края. Но теперь в Тифлисе ей «незачем было наблюдать; а консула она не назначает туда, где нет надобности... Англия лучше всех на свете знает, где ей нужен консул»⁵⁸. И действительно, уже в августе 1861 года к британскому консулу в Сухуме Диксону через садзского дворянина Абица Сомеха «убыхские старшины» Измаил Баракай-ипа Дзиаш (Дзейш) и Хаджи-Керантух-Берзек обратились с письмом, в котором просили довести до сведения правительства Англии о посягательстве на их независимость со стороны русских войск; они жаловались, что генерал Евдокимов окружил край со всех сторон⁵⁹. Еще через некоторое время на одном из заседаний меджлиса («Великое свободное собрание»), созданного в 1861 году у горцев Западного Кавказа, было принято решение отправить специальное посольство в Константинополь, Париж и Лондон с просьбой о «заступничестве». Для покрытия расходов посольства на все население от Туалсе до Адлера наложили денежный сбор с каждого дома. Посольство возглавлял Измаил Дзиаш, «присвоивший себе исключительно роль дипломата и разыгрывавший ее довольно удачно»⁶⁰.

Правда, в Англии на многочисленных митингах сторонники черкесов громко заявляли, что торгово-политические интересы Великобритании требуют, чтобы королева поддержала черкесов, которые составляют «живую занозу в теле России», а в Министерство иностранных дел Англии адреса сыпались градом⁶¹. Однако британское правительство вынуждено было сохранить нейтралитет в силу тогдашней сложной международной обстановки. И лорд Джон Рассел дал отрицательный ответ на вопрос английских арматоров и юристов, могут ли торговые корабли империи рассчитывать на поддержку правительства, если они, согласно Парижскому договору, войдут в сношения с черкесскими берегами⁶². Фсликс

⁵⁶ «Морской сборник», 1860, XLV, № 2, с. 131 — 136.

⁵⁷ «Документы по истории Грузии». Под ред. проф. Ш. Чхетия. Серия II. Т. I. Ч. I. Тбилиси, 1954, с. 643.

⁵⁸ С. Рыжов. Очерки Западного Закавказья. — «Отечественные записки», т. СXXX, № 6, 1860, с. 22—23.

⁵⁹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 38/286, св. 872, 1862 г., д. 12 а, лл. 32 об. — 33 (Отзыв кутаисского генерал-губернатора от 30 июня 1862 г.); С. Эсадзе, Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. — КК, 1913, с. 45.

⁶⁰ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 872, 1862 г., д. 12 а, лл. 24 — 24 об.

⁶¹ Канитц. Дунайская Болгария и Балканский полуостров. СПб., 1876, с. 332—333; М. Т. — в. Черкесы в Турции. — «Русский мир», № 128, 14 мая, 1877 г.

⁶² Канитц. Указ. соч., с. 333.

Канити следующим образом комментировал эту позицию английского правительства: «Лорд Джон понимал, конечно, что здесь идет речь о прямой помощи кавказским горцам посредством доставления им разных военных снарядов, в которых они так нуждались, и боясь столкновения с Россией, он объяснил коротко и ясно, что английские корабли, которые решатся бросить якорь в других русских гаванях, кроме Анапы, Сухум-Кале, Поти, Редут-Кале и Св. Николая, должны будут подчиниться последствию их поступка, т. е. конфискации их грузов»⁶³. Введение Уркартом горской депутации в Гуайтинский клуб и его заявление, что ответ лорда Рассела «вовсе не заключает в себе выражения чувства английской нации» и что учреждается комитет, который будет ходатайствовать перед правительством и парламентом «о защите прав храброго черкесского народа» и об охране британской торговли, также не подействовали на позицию правительства. Более того, некоторые журналисты, поддерживая ее, даже упрекали черкесов в измене в период Крымской войны: они, дескать, не только не выставили 12 тыс. всадников, но, напротив, многие из них выступали в рядах русских войск против союзников⁶⁴.

Дело в конце концов кончилось тем, что горская депутация, рассчитывавшая «с детским доверием на великодушие Англии и ее политическую мудрость», должна была удовлетвориться, после торького разочарования, небольшой денежной помощью на путевые издержки. Причем даже данный акт «гуманности» был вызван лишь обращением Черкесского комитета к английскому «торговому духу»⁶⁵. Между прочим, одной из задач этого комитета, созданного в результате приезда черкесских депутатов, была организация военной экспедиции к северо-восточным берегам Черного моря. Из константинопольского рапорта полковника Краншина от 17 (29) января 1863 года на имя военного министра России мы также узнаем, что Черкесский комитет в Турции «опирался на поддержку Лондонского комитета, который он выдает населению (черкесскому. — Г. Д.) за само английское правительство. Он всегда поддерживает в сердцах черкесов надежду на более или менее прямое вмешательство европейских держав в дела их страны. В то же время он собирает материальные средства, необходимые для оказания помощи племенам, ведущим в настоящее время борьбу против русских. Именно на средства, собранные здесь этим комитетом, делегаты смогли совершить свою поездку, и в Англии было заказано несколько тысяч карабинов для черкесов. Что касается влияния английского кабинета, то несмотря на неудачу, которую потерпела делегация в Лондоне, господин Уркарт и его друзья, вероятно, с целью министерской оппозиции, а также из-за желания

⁶³ Там же, с. 334.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

сохранить верность своим принципам, пообещали свою помощь, и сейчас ожидают, что они что-либо предпримут»⁶⁶.

Дело в том, что к этому моменту в определенных правительственных кругах Британской империи уже созрело мнение о нецелесообразности дальнейшей ставки на кавказских горцев в Восточном вопросе, и, следовательно, о нецелесообразности серьезных денежных затрат на организацию им военной помощи.

По прибытии из Европы в Константинополь делегация Дзиана огласила в Толхане своего рода манифест, обращенный ко всем черкесам, в котором заявлялось, что «пришло время» освобождения их отечества, а все государства мира помогут им в этом святом деле. Воззвание заканчивалось словами: «Мы знаем, что сделаем после этого с русскими при помощи королей»⁶⁷.

Однако неудачная миссия указанной делегации произвела глубокое впечатление на здравомыслящих черкесских руководителей, не говоря уже о народных массах. Характерно, что этот неблагоприятный факт долго скрывали от населения, а министр иностранных дел Турции Аали-паша, человек, который «всегда находил поддержку в английском посольстве»⁶⁸, даже предложил членам делегации отложить на некоторое время их отъезд на родину⁶⁹. Как писал Кранцин, «наиболее недоверчивые из них после неудачи, постигшей делегацию, возвратившуюся из Лондона, убедились в том, что от Европы им больше нечего ожидать, и они в настоящее время сознают, что все обещания, связанные с этим вопросом, оказались иллюзией, от которой приходится отказаться. Благодаря своему уму, в котором природа им не отказала, и тому опыту, который они приобрели... они с каждым днем все более и более убеждаются, что положение современной Турции весьма шаткое, и она не может служить надеждой и долговременной опорой. Они видят, что будут одинокими в борьбе с Россией и что исход этой неравной борьбы не может долгое время оставаться неопределенным»⁷⁰. Более того, некоторые из них, «желая спасти свою страну от разрушительной войны и уничтожения населения и стремясь сохранить свою собственность и свое богатство..., неоднократно и различными путями стремились узнать условия, на которых Россия согласилась бы заключить с ними мир». При этом они надеялись на более или менее широкую автономию в рамках Российской империи⁷¹. К этим здравомыслящим лицам относился, например, Исмаил-бей из Вардане, человек, пользовавшийся большим влиянием в крае. Он со-

⁶⁶ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 873, 1863 г., д. 8, лл. 23 об. — 24. (Рапорт полк. Кранцина от 17/29 января 1863 г. военному министру. На франц. яз.).

⁶⁷ Там же, св. 872, 1862 г., д. 12 а, лл. 24 — 24 об.; св. 873, 1863 г., д. 8, лл. 24 об. — 25.

⁶⁸ «Турецкий сборник. (К событиям на Ближнем Востоке)». Под ред. Г. М. Бикермана. СПб., 1909, с. 95.

⁶⁹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 873, 1863 г., д. 8, лл. 18 — 19.

⁷⁰ Там же, лл. 27 — 27 об.

⁷¹ Там же, л. 27 об.

ветовал своим соотечественникам «обратиться непосредственно в Санкт-Петербург»⁷². Однако «эти намеки всегда встречали очень холодный ответ»⁷³. И самое худшее, что этими обстоятельствами продолжали пользоваться всякие англо-турецкие контрабандисты и политические авантюристы. В это время, как доносил полковник Крайшии, «сообщение между Константинополем и Черкесским побережьем поддерживается сандалами турецких контрабандистов так регулярно и с такой быстротой, что этому можно только удивляться», а осторожность, которую русские крейсера «обязаны соблюдать данной им инструкцией, небольшое количество судов, выделяемых для патрульной службы, конфигурация побережья — все это очень легко используется контрабандистами... В среднем из 2000 сандалов, получивших визу в Трапезунде, в течение года едва лишь четыреста или пятьсот причаливают в пункте, указанном в визе, в Анапе или в Новороссийске, а все останавливаются в Вардане или Туапсе»⁷⁴.

Что касается деятельности иностранных политических агентов в Закавказье, то она особенно активизируется в начале 60-х годов. Даже официальный представитель Англии при иранском дворе генерал Раулинсон в сопровождении английского генерального консула в Тегеране Тейлора и трех чиновников миссии — доктора Диксона, Файна и Вадетона совершил специальную поездку по этому краю⁷⁵. А в мае 1861 года на Кавказское побережье Черного моря приезжала особая группа англо-турецких разведчиков в составе капитана турецкой армии Смеля, эфенди Гасана и одного английского офицера. Вместе с Карабатыром, сыном Сефер-бея (умер в 1859 году), они разослали воззвание ко всем горским племенам Западного Кавказа, в котором писали, что Англия, Франция и Турция обещают им покровительство и силой заставят Россию признать независимость Черкесии, но при условии, если горцы, со своей стороны, объединятся для борьбы с русскими⁷⁶. Весной следующего года на Кавказ проникли многочисленные группы агитаторов, привозившие воззвания из Константинополя. Вместе с ними действовала и группа английских офицеров, высадившихся в районе Джубги⁷⁷. Как сообщал Мухаммед-Эмин, один из этих агентов все лето 1862 года пробыл на Кавказе, где он «много ездил в горах и все там списал и срисовал»⁷⁸. Интриги иностранных эмиссаров среди горцев еще больше усиливаются в конце лета и осенью

72 Там же, л. 17 об.

73 Там же, л. 27 об.

74 Там же, л. 23.

75 С. К. Бушуев. Из истории внешнеполитических отношений... с. 95.

76 Е. Д. Фелицын. Князь Сефер-бей Зап. — «Кубанский сборник», 1904, т. X, с. 152.

77 М. Покровский. Диверсионная деятельность иностранных агентов на Кавказе, с. 231.

78 ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 873, 1863 г., л. 8, л. 5 об.

1864 года⁷⁹. Их постоянные утверждения о «величии» султана и его «несметных богатствах» доходили до абсурда.

В Лондоне центром интриг против России по-прежнему являлся так называемый «Черкесский комитет», состоявший из одних англичан, которым теперь непосредственно руководил уркартист Эдмон Билс, имевший прямое отношение к кавказским делам. Этот комитет, связанный с промышленниками и купцами Бирмингема, Глазго и Ливерпуля, ставил перед собой задачу изучения ресурсов Кавказа и прилегающих к нему стран, хотя все это делалось вопреки обязательствам, принятым на Парижском мирном конгрессе⁸⁰.

Правительство Франции, несмотря на неудачу вмешательства в дела кавказских народов, также не оставляло мысль об организации восстания одновременно на Кавказе и в Польше. Оно оказывало непосредственное содействие пресловутой экспедиции Т. Лапинского и имело сношения с горцами через французского консула в Трапезунде, посылавшего на северо-восточный берег эмисаров⁸¹. Осенью 1863 года русское посольство в Константинополе получило сведения об отправлении на Кавказ французской военной «комиссии» в составе двух офицеров генерального штаба и 8 других офицеров (инженерных и др.) «с каким-то тайным поручением от французского правительства». Русский поверенный в делах в Константинополе этот факт считал «весьма правдоподобным». «Вообще, — писал он далее, — весьма вероятно, что в видах французов и англичан наш кавказский берег представляется одной из лучших операционных линий против России в случае объявления нам войны по поводу польского вопроса. Последние подвозы оружия в Вардане происходили под главным руководством французского авантюриста капитана Маньяна (Magnan), имевшего на этот конец в своем распоряжении суммы от здешнего Польского комитета»⁸². Одним из французских разведчиков на Западном Кавказе был А. Фонвилль, автор книги «Последний год войны Черкесии за независимость 1863—1864 гг.»⁸³. Русский консул в Трапезунде А. Н. Мошнин 15 апреля 1864 года сообщал кавказской администрации об «открытом содействии» французского правительства в делах горцев и привозе «военных снарядов» в Потю в 1863 году⁸⁴. В то же время Франция, чтобы привлечь на свою сторону народы Закавказья, проявляет «заботу» о восстановлении «самостоятельности» Армении и Грузии. По этому поводу посланник в Турции граф. Н. П. Игнатьев в письме на имя заместителя министра ино-

⁷⁹ См.: А. Лялов. Последние годы борьбы русских с горцами на Западном Кавказе. — «Кавказ», № 18, 2 марта 1867 г.

⁸⁰ С. К. Бушуев. Из истории внешнеполитических отношений..., с. 95.

⁸¹ Ад. Берже. Указ. соч., январь, с. 175.

⁸² АВПР, ф. Турецкий стол (старый), оп. 502 а, 1863 г., л. 4505, лл. 21—22.

⁸³ Это сочинение впервые было опубликовано (на русском языке) в «Ежедневных прибавлениях» к «Русскому инвалиду» за 1865 год (№№ 21, 22 и 25), а отдельной книжкой издано в Краснодаре в 1927 году.

⁸⁴ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1118, л. 1.

странных дел России от 10 августа 1865 года писал: «С некоторого времени начинают проявляться признаки намерения французского правительства создать нам затруднения на Кавказе, подготовив посредством тайных агентов какие-либо недоразумения с пограничными турецкими властями и возбуждая в армянах и грузинах дух самобытной народности и стремления к независимости»⁸⁵. В документе также говорится, что одному французскому агенту, рекомендованному правительству Франции его консулом в Яссах Тиссо-кетати, давно известному враждебным настроением к интересам России на Востоке, было поручено внимательно осмотреть русские пограничные укрепления и военные склады, а также собрать подробные сведения о численности и «о настроении умов местного населения»⁸⁶.

Сохранилось много и других документов, свидетельствующих о деятельности английских, французских, турецких и иных иностранных агентов на Кавказе после Крымской войны. В Военно-историческом архиве СССР, например, имеется обширная докладная записка главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом А. И. Барятинского на имя военного министра Н. О. Сухозанета от 14 ноября 1856 года «О частом появлении на восточном берегу Черного моря английских пароходов и о сношениях их с горцами»⁸⁷. Часть этого документа опубликована в «Актах, собранных Кавказскою археографическою комиссиею» и сборнике документов и материалов Архивного управления Грузинской ССР («Шамиль...»). В последнем, в частности, имеются такие документы, как: «...О виновности английских и турецких сановников в организации интриг и диверсий в Черкесии против России» (11 февраля 1856 г., № 375); «...О невыполнении турецким правительством условий Парижского мира и продолжении снабжения горцев оружием и боеприпасами» (28 апреля 1857 г., № 379); «...Об отправлении тайным английским обществом оружия и боеприпасов в Черкесию» (6 июня 1857 г., № 382); «...Об отправлении из Англии в Константинополь парохода «Африкан» с грузом, предназначенным для Черкесии» (6 июня 1857 г., № 384); «...О снабжении горцев боеприпасами и вооружением со стороны Англии и Турции» (15 июля 1857 г., № 385); «...О действиях европейских агентов среди черкесов» (16 июня 1860 г., № 388); «...О прибытии к горцам из Константинополя «посольства» в составе английского и турецких представителей для поддержания борьбы черкесов против России» (26 мая 1861 г., № 397); «...О действиях европейских агентов среди черкесов» (16 июня 1860 г., № 398); «...О прибытии французских эмиссаров в Черкесию» (1863 г., № 400); «...О сношении французов с горцами» (15 апреля 1864 г., № 401) и др. Кроме того, в Центральном государственном архиве Грузинской ССР (Тбилиси) хранятся два

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6662, лл. 1—9.

дела: «Письмо экзарха Грузии архиепископа Евсевия об агитации турок за религию мусульман в пределах Самурзакана» (1862 г.)⁸⁸ и «Доклад и отношение начальника главного управления кавказского кутаисскому генерал-губернатору об удалении из Самурзакани и Мингрелии турецкоподданных, оказывающих вредное влияние на обращенных в православие самурзаканцев» (1863 г.)⁸⁹. В втором документе, в частности, говорится, что «турки, оставаясь в Самурзакани и бродя по селениям, открыли сношения с контрабандистами и другими неблагонадежными лицами». В другом месте речь идет также о «постоянных беспорядках, производимых в Самурзакани турками». В 1865 году, например, в с. Гудава проживал 41 турок, а в Окуме, Набакеви и Очемчирах — 50 человек. В Абжуйском (Очемчирском) округе их было 184 человека. Основная же масса турок проживала в Сухуме и Келасури, но у нас нет цифровых данных по этим населенным пунктам. Однако известно, что из келасурских жителей 57 человек изъявили желание принять русское подданство, а по Бзыбскому округу таких вышло 54 человека⁹⁰.

Правящие круги Англии, Франции и Турции в период массового переселения горцев Западного Кавказа то всячески провоцировали это движение, то тормозили его⁹¹, в том и другом случае стремясь нанести вред интересам России. То есть, вмешательство европейской дипломатии, как и турецкой, «в дела горцев... происходило не в интересах их или с какою-либо гуманною и нравственною целью, а явилось как средство загребать жар чужими руками. Горцы и в глазах турок, и в глазах Европы представляли только средство для противодействия России, и в пользовании этим средством ни Европа, ни Турция не обнаружили никакой жалости»⁹². В рассматриваемое время в связи с так называемым «польским вопросом» обостряется политическая борьба в Европе. Мало заботясь о судьбе польского народа, европейские правительства жаждали воспользоваться польским восстанием 1863 года для борьбы с Россией. Именно в этих целях Англия и Франция стремились использовать Турцию и Кавказ. Причем руководящая роль в антирусской деятельности на первом этапе восстания принадлежала Англии⁹³. Политика ее активизирует поддержку Россией Соединенных Штатов Америки в период Гражданской войны (1861—1865 гг.). В 1863 году, в разгаре польского восстания, русское правительство направило в Атлантический и Тихий океаны свои

⁸⁸ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 606.

⁸⁹ Там же, д. 607.

⁹⁰ Там же, ф. 545, оп. 1, (кн. I), д. 91, л. 11.

⁹¹ В этом случае, чтобы «удержать» их на родине для продолжения борьбы, «доверчивым честным» горцам твердили, что Россия не имеет права переселять их, и клялись оказать им всю необходимую помощь.

⁹² Ад. П. Берже. Указ. соч., январь, с. 176.

⁹³ Н. С. Княгина. Внешняя политика России второй половины XIX века. М., 1974, с. 37.

военные эскадры. Одна из них вошла в Сан-Франциско, другая — в Нью-Йорк. Позиция России, в частности, ее морская экспедиция, сыграла огромную роль в предотвращении прямой военной интервенции Англии и Франции против Соединенных Штатов. Русское правительство содействовало победе Федерального Союза⁹⁴.

Европейские державы, как мы видели, не оказали горцам необходимой помощи в их борьбе на Кавказе. Для спасения же последних от неминуемой гибели на чужбине эти «благодетели» не только не приняли никаких мер, а, напротив, всевозможные их советы и предложения, сделанные турецким властям, во многом усугубляли трагизм исторической драмы. Более того, в то печальное время на Закавказском побережье наблюдалась оживленная торговля, в которой активную роль играли не только турки, но и англичане⁹⁵. Не приходится уже говорить о массовой торговле горцами в самой «обетованной» стране. Как писал современник событий военный историк Р. А. Фадеев, «довольно посмотреть на донесения консулов; чтобы знать, как тают черкесы в Турции; их было уже на половину, между ними нет больше женщин, а новых женщин в Турции можно достать только за деньги»⁹⁶.

§ 2. Военно-колониальная политика царизма после Крымской войны

После Крымской войны царское правительство получило возможность сконцентрировать на Кавказе большие военные силы — до 200 тыс. пехоты и конницы при 200 орудиях⁹⁷. Было решено задержать все войска, двинутые сюда в период войны с Турцией и под непосредственным руководством наместника Кавказа А. И. Бяргатинского «вести борьбу с горцами без перерыва, летом и зимой, до полного их поражения»⁹⁸. Таким образом, царское правительство решило воспользоваться присутствием на Кавказе значительного количества своих войск, т. е. исключительно с помощью «сильных приемов» добиться быстрейшего осуществления своих целей

⁹⁴ С. Бушуев. А. М. Горчаков, с. 7, 90; Н. С. Княпина. Указ. соч., с. 77—82.

⁹⁵ См.: «Кавказ», № 134, 1877 г.

⁹⁶ Р. А. Фадеев. Собрание сочинений, т. 1, ч. I. СПб., 1889 [на обложке 1890], с. 265.

⁹⁷ М. М. Шашкевич. Покорение Кавказа. — «История русской армии и флота», М., 1911, вып. 6, с. 98.

⁹⁸ ЦГАОР СССР. ф. 677, оп. 1, д. 511, л. 2 об. (Материалы по Кавказу).

Первой же мерой нового наместника было разделение Кавказского края на 5 военно-административных отделов, а именно: Правое крыло Кавказской линии, Левое крыло Кавказской линии, Прикаспийский край, Лезгинская кордонная линия, Кутавское генерал-губернаторство, состоявшее из Кутавской губернии и бывшего 3-го отделения Черноморской береговой линии, включая и Абхазское княжество (М. М. Шашкевич. Указ. соч., с. 98—99).

на Кавказе⁹⁹. Выбор главнокомандующего на пост начальника Главного штаба Кавказского корпуса, переименованного в Кавказскую армию, пал на генерала Д. А. Милютину, который сумел централизовать все самостоятельные действия отдельных начальников и направить их на исполнение одного общего плана «покорения» Кавказа¹⁰⁰. Однако, по признанию многих «компетентных» лиц, едва ли все это привело бы к «решительным результатам», если бы не был изменен установленный Ермоловым и Воронцовым «образ ведения войны» и не была принята система «водворения» «прочных» казачьих поселений в «покоренных» местах, приведенная в исполнение (с 1860 года) командующим войсками Кубанской области генералом Евдокимовым, кстати, избранным самим Александром II исполнителем своей «державной воли»¹⁰¹. Таким образом, речь шла о переходе «в наступательный образ действий»¹⁰². Причем имелось в виду прежде всего «решающее наступление» на силы Шамиля.

Однако и Западный Кавказ после Крымской войны приобретает «особое значение». Поскольку условия Парижского мира не давали России возможности базироваться на Черном море, был принят план генерала Евдокимова — при «покорении» этой части Кавказа опираться на кубанское казачье войско и линиями новых поселений «стеснять постоянно горские племена до полной невозможности жить в горах»¹⁰³, «совершенно вытеснить... из страны»¹⁰⁴. Поэтому царские войска заняли со стороны Черного моря: на юге — Сухум и Гагры, «необходимые для владения Абхазией»; на севере — Анапу и Новороссийск, а затем усиленным крейсерством и частыми десантами тревожили «непокорные» прибрежные племена¹⁰⁵. При этом особое значение придавалось Гагринскому укреплению. Еще в мае 1856 года Барятинский писал, что необходимо возобновить и укрепить этот пункт «прежде всего, чтобы замкнуть убыхам ворота для вторжения в Абхазию, так как Гагринское ущелье служит им единственным удобным для сего пунктом»¹⁰⁶; потом, вторым десантом, в два батальона, занять Сухум...»¹⁰⁷. Пред-

⁹⁹ П. Бобровский. Император Александр II и его первые шаги к покорению Кавказа. — «Военный сборник», 1897, № 4, с. 204—205.

¹⁰⁰ «Русская старина», 1882, т. XXXIII, февраль, с. 337.

¹⁰¹ Там же, с. 337—338, 363; С. Эсадзе. Историческая записка..., с. 44—45.

¹⁰² Собственно, эта система ведения войны на Кавказе не была новой. Ее можно адресовать еще ген. А. А. Вельяминову, мысли которого «о способах покорения Кавказа» «впоследствии, с некоторыми лишь видоизменениями, применены были на практике гг. Барятинским и гр. Евдокимовым» («Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. Vа, 10. СПб., 1892, с. 868).

¹⁰³ Ад. П. Берже. Указ. соч., февраль, с. 340.

¹⁰⁴ П. Надежин. Кавказский край. Природа и люди. Тула, 1895, с. 112—113.

¹⁰⁵ Ад. П. Берже. Указ. соч., февраль, с. 340.

¹⁰⁶ М. В. Владыкин писал: Гагры запирают «единственный путь по берегу Черного моря в мирные части Закавказского края» («Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу», ч. I. М., 1885, с. 70).

¹⁰⁷ АКАК: т. XII, ч. II, с. 693, № 594 (Записка ген.-ад. Барятинского от 25 мая 1856 г. о новом устройстве Восточного берега Черного моря).

полагалось также иметь отряд на р. Бзыбь, который в случае нападения на Гагры мог бы «защищать Абхазию от горцев»¹⁰⁸. Абхазский владетель М. Шервашидзе предлагал для «демонстрации силы» занять еще два пункта: один в земле убыхов, другой — шапсугов, после чего начать «мирные переговоры»; в «случае же надобности» — применить оружие¹⁰⁹. Главные военные действия были развернуты на северном склоне Кавказского хребта, где царские войска систематически продвигались, опираясь на существующие поселения и создавая новые линии: в течение 1856 — 1859 годов были заложены, например, Адагумская и Белореченская¹¹⁰.

Надо сказать, что горцы Западного Кавказа были застигнуты врасплох. Три года свободы от царских колонизаторов они не сумели использовать для укрепления своей обороноспособности. Уверенные в окончательном отказе царизма от ведения войны на Кавказе, горские крестьяне в своей массе вернулись к мирному труду. Став перед фактом нового наступления царизма, они снова взялись за оружие. Это один из ярких примеров в истории Кавказской войны, когда «мирные горцы, будучи возмущены, поднимались с оружием в руках»¹¹¹. Уже летом 1857 года идет ожесточенная борьба за Гагринский пункт. Вместе с убыхами выступают садзы-джигеты. В мае они атаковали отряд царских войск, занявший бывшее Гагринское укрепление. В июне того же года около Адлера собралось до пяти тыс. горцев. Кавказское командование принимает срочные меры для изоляции населения Абхазского княжества от этих событий. Кутаисский генерал-губернатор А. И. Гагарин, доказывая необходимость сосредоточения 1 300 человек пехоты на мысе Пицунда, писал: «В последнее время число недовольных настоящим порядком вещей значительно увеличилось в Бзыбском округе, и они могут, соединясь с горцами, произвести большие беспорядки в Абхазии»¹¹². Однако вскоре ряды повстанцев были расстроены благодаря, главным образом, двуличному поведению некоторых из их предводителей.

В 1858 году к убыхам прибыл Мухаммед-Эмин, который опять начал вводить у них народный суд, «убеждая племена северо-вос-

¹⁰⁸ Там же, с. 709, № 606 (Записка ген.-м. Карлгофа от 23 декабря 1856 г.).

¹⁰⁹ ЦГИАГ, ф. 548, оп. 1, д. 244, лл. 14—15 (Письмо Гагарина от 2 марта 1857 г. Милютину).

¹¹⁰ За главными силами войск тянулись «бесчисленные переселенческие транспорты», которые «водворялись» на местах, прежде принадлежавших горцам, чтобы лишить последних «возможности возвратиться» обратно (Н. Башнев. Пятидесятилетие покорения Западного Кавказа и окончания Кавказской войны. Тифлис, 1914, с. 7). В июне 1861 года был издан «высочайший рескрипт» об увеличении льгот и пособий казакам Кубанского казачьего войска, переселяющимся на передовые линии, а в мае 1862 года уже было утверждено положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России.

¹¹¹ Е. Фелицын. О переселении горцев в Турцию. — «Кавказ», № 147, 16 декабря 1877 г.

¹¹² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6668, л. 33.

точного берега соединиться в одно целое». Владелец Абхазии М. Шервашидзе принимает срочные меры противодействия и, надо сказать, «небольших трудов стоило владельцу убедить горцев остерегаться набега и даже не принимать его. Вследствие этого Магомет-Амин, встреченный весьма неласково и опасаясь за свою целостность, поспешил обратным уходом, угрожая придти к ним снова с сборищем абадзехов»¹¹³. Однако под влиянием убыхов растет повстанческое движение у побережных садзов; активизировались и абреки в Абхазии, где пламя восстания разгоралось в горных районах. В частности, партизанское движение в Псху снова создает угрозу в тылу. Сюда в январе 1859 года был двинут экспедиционный отряд под непосредственным командованием начальника войск в Абхазии генерала М. Т. Лорис-Меликова, в составе которого было и ополчение абхазских феодалов — 1 700 человек. Псхувцы, делегаты которых явились к Лорис-Меликову в с. Аацы, вынуждены были заявить о признании царского правительства и выдать заложников (аманатов)¹¹⁴. В июле того же года горцы делают новые отчаянные попытки занять Гагринское укрепление. При этом с их стороны было расстреляно свыше 1 560 патронов¹¹⁵. Генерал М. Т. Лорис-Меликов в августе 1858 года следующим образом характеризовал общее положение царизма в Абхазии: «Мы заняли Сухум в 1810 году. С того времени прошло уже столетия и надо сказать, что влияние наше в Абхазии несколько не улучшилось, что, действительно, как выразился ген.-л. Филипсон¹¹⁶, мы не владем, а только занимаем ее. Даже кажется вернее предположить, что это занятие в настоящее время менее прочно, чем было прежде...»¹¹⁷. В связи с такой обстановкой в Абхазии усиленно изучается вопрос о перевальной дороге, которая должна была соединить Сухум с Северным Кавказом. Цель этой дороги «есть, во-первых, случайное движение войск и доставление продовольствия Абхазскому отряду, во-вторых, торговое сообщение с Сухум-Кале»¹¹⁸. Генерал Д. А. Милютин, признавая, что «из всех частей Кавказского края Абхазия скорее всех может подвергнуться нападению неприятеля и менее всех приготовлена к обороне», считал, что «самая важная и неотлагательно нужная работа» есть прокладка Кутаисско — Сухумской дороги, а затем «весьма было бы жела-

¹¹³ АКАК, т. XII, ч. II, с. 796, № 666 (Записка начальника войск в Абхазии ген.-л. Лорис-Меликова от 3 октября 1858 г.).

¹¹⁴ АКАК, т. XII, ч. II, с. 805—806, № 675.

¹¹⁵ Там же, с. 823, № 696.

¹¹⁶ Командующий войсками Правого крыла Кавказской линии генерал Г. И. Филипсон в мае 1858 года писал: «Сколько мне известно, положение Абхазии не изменилось к лучшему... с тех пор, как я ее оставил: так же точно наш солдат не может отойти от своего укрепления на версту, не подвергаясь опасности быть убитым или взятым в плен... Одним словом, мы занимаем Абхазию, не владем ею. В случае повторения несчастных событий 1854—1856 годов, мы опять потеряем эту область» (АКАК, т. XII, ч. II, с. 776, № 655).

¹¹⁷ АКАК, т. XII, ч. II, с. 792, № 662.

¹¹⁸ Там же, с. 789 (Записка подполковника Иогеля).

тельно» продолжать разработку перевальной дороги, которая привела бы к открытию сообщения между Абхазией и Кавказской линией. Он также считал абсолютно необходимым устройство «твердого опорного пункта» внутри Абхазии. «До тех пор, — писал генерал, — пока мы будем держаться только на берегу моря, влияние наше в Абхазии не может упрочиться»¹¹⁹.

В начале 1859 года против бжедугов, занимавших территорию на левом берегу Кубани между абадзехами и шапсугами, был двинут крупный военный отряд. По приказанию его начальника, генерала П. Д. Бабича, войска прорубили просеку в лесах, прикрывавших жилища горцев, и вторглись в их земли. Отряд «взял с боем и истребил один за другим 44 укрепленных аула. Население бжедухов осталось на снегу, посреди своих погоревших деревень, без крова и пищи». Они убедились в «невозможности отстаивать» занимаемый ими район¹²⁰. В апреле того же года генерал Бабич двинулся с отрядом к месту слияния рек Бакана и Неберджазя для довершения Адагумской линии. «Горцы решились употребить все зависевшие от них усилия», чтобы не дать этим войскам обосноваться в данном месте. Шапсуги, натухайцы и убыхи, в количестве 15 тысяч человек, окружили лагерь Бабича, но вскоре вынуждены были отступить¹²¹.

В 1859 году, как и в предыдущем, «производились решительные военные действия» и против натухайцев. Зимние военные экспедиции совершенно «опустошили земли» их¹²². Сефер-бей, действовавший у натухайцев и шапсугов, находился в это время в тяжелом положении. Не в лучшем состоянии оказался и Мухаммед-Эмин у абадзехов. Кстати, после Крымской войны между этими «главными предводителями» горцев Западного Кавказа обостряется скрытая вражда, которая затем переходит даже в открытое столкновение. Барятинский в феврале 1857 года писал военному министру о том, что «партии» Мухаммед-Эмина и Сефер-бея «опять имели неприятельскую встречу» близ ущелья Туапсе. Причем с обеих сторон было 12 убитых и 40 раненых¹²³. Однако в последний период борьбы на Западном Кавказе и Мухаммед-Эмин, и Сефер-бей с сыном Карабатыром «отчаянно воевали» с царскими войсками¹²⁴.

В результате «твердого курса» — решительного наступления царизма на Кавказе — в августе 1859 года Шамиль вынужден был сложить оружие. Его пленением в Гунибе закончилось завоевание Восточного Кавказа. Этот удар отразился и на Западном Кавказе. «Конец Шамиля был сигналом к решительному наступлению»

¹¹⁹ Там же, с. 815, № 687.

¹²⁰ Там же, с. 1285 (Отчет ген.-фельдм. А. И. Барятинского за 1857 — 1859 годы).

¹²¹ Там же, с. 1285.

¹²² Там же, с. 871, № 748.

¹²³ Там же, с. 719, № 614.

¹²⁴ С. Эсадзе. Покорение Западного Кавказа, с. 95.

здесь¹²⁵. Против западных горцев, зажатых царскими войсками с двух сторон — Кавказской линией по Кубани и Черноморской вдоль морского берега — было сосредоточено 70 батальонов, драгунская дивизия, 20 казачьих полков и 100 орудий¹²⁶. «Непокорные» племена, стесненные Адагумской и Белореченской линиями, потеряли надежду на успешное сопротивление и постепенно стали заявлять о своей «покорности» или согласии переселиться в Турцию. Первыми в середине лета 1859 года присягнули бжедуги, жившие на левом берегу Кубани, по низовьям рек Пшиша и Псекупса, до границ Шапсугии. Их примеру последовало и население между Белой и Лабой¹²⁷. В ноябре 1859 года капитулировал и Мухаммед-Эмин. Абадзехи во главе с панбом поклялись на «вечные времена» быть верными русскому царю. А. И. Барятинский, кстати, возведенный в это время в чин генерал-фельдмаршала, по этому поводу в приказе по войскам Правого крыла Кавказской линии от 27 ноября 1859 года писал: «Вы покорили главное и грозное племя Западного Кавказа: 100 000 абадзехов и самого Магомета-Амина уже привели вы в подданство императора. Да поможет бог совершить нам скоро и остальное завоевание непокорных племен...»¹²⁸. Правда, через несколько месяцев выяснилось, «как непрочна была покорность, принесенная абадзехами». Мухаммед-Эмин, при всем желании, ничего не мог сделать и вынужден был скрытно от всех уехать в Турцию¹²⁹, где до конца жизни (ум. в 1899 г.) ежегодно получал пенсию от русского правительства в размере 10 000 руб.¹³⁰

В 1860 году «покорились» натухайцы (натхокуадж), «стесненные окончательно между морем и... Адагумской линией, убедившись опытом нескольких предшествующих зим в неминуемом своем разорении от... войск, обложивших их грозным кругом»¹³¹. Они занимали западную оконечность понижающегося к Черному морю Кавказского хребта и южный склон последнего от Анапы до р. Джубга. Барятинский писал об «упадке духа» этих горцев и «сильном развитии склонности» к переселению в Турцию¹³². А в августе 1862 года генерал Г. З. Орбелиани констатировал, что большая часть земель натухайцев занята казаками, и горцы «так стеснены, что им действительно трудно существовать на оставшейся в их владении земле»¹³³. Но шапсуги, убыхи и западноабхазские племена (сазы-

125 М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии, с. 129.

126 «История СССР», т. II. Под ред. М. В. Нежкиной. М., 1940, с. 289.

127 ЦГАОР СССР, ф. 677, оп. I, д. 511, л. 3 (Материалы по Кавказу).

128 АКАК, т. XII, ч. II, с. 827, № 703.

129 С. Эсадзе. Покорение Западного Кавказа, с. 98.

130 А. Н. Дьячков-Тарасов. Абадзехи. (Историко-этнографический очерк). — ЗКОРГО. 1902, кн. XII, вып. 4, с. 49.

131 АКАК, т. XII, ч. II, с. 844, № 723 (Рапорт ген.-фельдм. Барятинского от 21 марта 1860 г. военному министру ген.-ад. Сухозанету).

132 Там же, с. 871, № 748.

133 Там же, с. 1007, № 884.

джигеты), испытывавшие давление извне, еще некоторое время продолжают оказывать упорное сопротивление. Шапсуги, например, «с ожесточением дрались» при вступлении в их землю отряда генерала Бабича, который разорил всю территорию, примыкавшую к Адагумской линии, шириной до 25 верст¹³⁴. Они «умели мужественно и стойко защищаться в своей земле»¹³⁵. Шапсуги жили на нижней Кубани по северному скату Главного хребта, между реками Адагум и Псекупс, на южном склоне хребта, между Шахе, землей убыхов, р. Джубга и землей натухайцев. Убыхи и садзы усиливают свои нападения особенно на побережные гарнизоны. Кутаисский генерал-губернатор Г. Р. Эристов (Эристави) писал в рапорте от 19 марта 1860 года на имя Барятинского, что эти горцы «беспрестанно появляются на высотах, прилегающих к укр. Гаграм, и, как видно, следят за действиями гарнизона с намерением воспользоваться малейшей нашей олошностью»¹³⁶. Военский пачальник Гагринского укрепления доносил, что в Сочи горцы снаряжают до 25 галер или кочерм с целью высадить десант между Гаграм и Пицундой¹³⁷. В связи с этим кавказскому командованию пришлось усилить гарнизоны указанных пунктов¹³⁸.

Чтобы еще больше накалить обстановку в крае, распространяется слух о приближении новой войны между Россией и Турцией и, в связи с этим, об очищении Абхазии от русских войск. В этом особенно усердствовали турецкие муллы и некоторые махаджеры. Делались и призывы к объединению населения «в один общий племенной союз». Кутаисский генерал-губернатор писал о приглашении жителями Аибга, Ахчипсу (Ахчипсы) и Псху чебельдинцев и представителей многочисленной фамилии Маршания с целью присоединиться «к составленному ими фамильному союзу»¹³⁹.

Царское командование решило принять против аборигенов «самые настойчивые и энергичные меры»¹⁴⁰. Наиболее существенным из них было объявление «похода» на «непокорный», расположенный в верховьях р. Бзыбь, высокогорный район Псху. Дело в том, что захвцы в обстановке нового подъема национально-освободительного движения в крае «опять отложились». «Все комбинации, — писал новый командующий войсками в Абхазии генерал Корганов, — обстоятельства и настроение умов в Абхазии и Цебельде представляли, как уже не раз мною было написано, глубокие смыслы противодействия нашему государству...»¹⁴¹. Желая одним ударом разрушить все эти «тайные приготовления», генерал

¹³⁴ Там же, с. 844, № 723 (Рапорт ген.-фельдм. Барятинского от 21 марта 1860 г. военному министру ген.-ад. Сухозанету).

¹³⁵ С. Эсадзе. Покорение Западного Кавказа, с. 9.

¹³⁶ АКАК, т. XII, ч. II, с. 843, № 722.

¹³⁷ АКАК, т. XII, ч. II, с. 843, № 722.

¹³⁸ Там же, с. 861, № 738.

¹³⁹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 869, 1860 г., д. 17, лл. 19—20.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ АКАК, т. XII, ч. II, с. 859, № 739.

Корганов в августе 1860 года двинул на Псху «усиленный отряд», состоявший из 3 тыс. «милиции» абхазских феодалов, 6 стрелковых и 4 линейных рот, взвода горной артиллерии, полусотни казаков и др.¹⁴² Одновременно с походом на Псху были предприняты «поиски» к берегам садзов и убыхов, чтобы предотвратить их содействие исхувцам. Этот отряд в течение 6 дней, «разоряя прибрежные аулы» около Адлера и Сочи, причинил «такое разрушение, что все подданные кн. Аридбаевых, бросив свои жилища, переселились с семьями и имуществом в глубину гор»¹⁴³. Этой операцией непосредственно руководил начальник войск в Абхазии генерал Корганов, который открыл с корветов «по аулам их артиллерийский огонь», в результате чего были «многие дома разрушены и нанесен вред жителям, обратившимся в бегство в горы»¹⁴⁴.

Как говорилось выше, в этот период борьбы кавказских горцев Англия, Франция и Турция, весьма обеспокоенные вообще положением дел на Кавказе, поднимают новую кампанию против России. Иностранные агенты всячески убеждали население восточного берега Черного моря, в том числе и Абхазии, продолжать борьбу с Россией и заявляли, что они примут их под свое покровительство и объявят русским войну, что имело для России «неблагоприятное влияние» на обстановку в крае¹⁴⁵. Так, по сообщению С. Духовского, один из таких агентов прибыл на пароходе к убыхам и на сходе последних заявил, что он будто прислан от своего правительства для убеждения горцев, чтобы они держались враждебно по отношению к русским и что в самом непродолжительном времени все горцы, оставившие свои земли, увидят себя на прежних местах, которые им помогут возвратить союзные войска, и получат все необходимое для ведения войны с русскими войсками¹⁴⁶. Политические враги русского государства рассчитывали, что Кавказ долго еще останется «больным местом России», постоянно будет истощать и отвлекать ее силы, вызывать различные затруд-

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ «Кавказ», № 37, 15 мая 1860 г.

¹⁴⁵ АКАК, т. XII, ч. II, с. 857, № 736 (Рапорт ген.-ад. Орбелани от 8 августа 1860 г. военному министру ген.-ад. Сухожанету); С. Эсадзе. Покорение Западного Кавказа, с. III.

А. П. Берже подчеркивал, что горцы «покорились» бы, «несмотря на привычку к полнейшей свободе и своеволию, если бы их не сбивала с толку европейская и турецкая дипломатия. Им столько веков внушали, что могущественный султан, верховный представитель ислама, никогда не оставит их своей помощью, а европейские державы, в своих интересах, не могут допустить России овладеть Кавказом, что такое убеждение не в силах была поколебать самая очевидность фактов. Горцы видели невозможность противостоять русским, но свято верили в близость внешней помощи» («Русская старина», 1882, т. XXXIII, февраль, с. 341).

¹⁴⁶ С. Духовский. Материалы для описания войны на Западном Кавказе. Духовский отряд на южном склоне в 1864 году. — «Военный сборник», 1864, LX, № II, с. 146.

нения в ее внутренней и внешней политике¹⁴⁷. Англия особенно стремилась, чтобы горцы находились в непрерывной войне с Россией.

Не менее провокационную роль продолжали играть те горские «старшины», которые давно уже скитались по Османской империи и оказались в хитро сплетенных сетях иностранных дипломатов-интриганов. Такие лица, в частности абадзехские «старшины», приезжали из Турции с «письменными увещеваниями» «не изъявлять покорности» России; они старались убедить горцев, что в самом непродолжительном времени начнется европейская война, в начале которой будут отправлены турецкие войска на восточный берег Черного моря — сильный десант подкрепит всех «непокорных» горцев и поможет им получить свои земли обратно¹⁴⁸. 30 августа 1863 года было получено письмо, в котором «старшины» обращались уже к убыхам. В нем говорилось: «...Мы представили жалобы великой державе, министрам и агентам всех держав; посылали депутатов в Париж, Лондон и Египет... Мы не можем вам выразить, с какою готовностью были приняты всеми дворами наши просьбы. Результат наших стараний превзошел наши ожидания. Итак, братцы, мы скоро нагрянем к Вам и принесем с собою все то, что полезно для нас и может успокоить нас в этой жизни... Настанут времена славы; придет день, когда русские сладут тыл и обратятся в бегство... Не переставайте же быть мужественными против врагов ваших...»¹⁴⁹. Чтобы уверить окончательно горцев в этих лживых обещаниях, присылались и кое-что из оружия и «специалисты». Так, в августе 1863 года командующий войсками Кубанской области был извещен по телеграфу, что из Константинополя вышел пароход с баржей, который везет оружие и агентов для высадки на кавказских берегах. Действительно, указанные суда пристали к убыхскому берегу и выгрузили 5 нарезных пушек, ящики с оружием, порохом и артиллерийскими снарядами, а также 8 авантюристов. Последние заявили убыхам, что «придет много войск к ним на помощь, что им будут отданы все земли и что Россия не справится, потому что со всеми державами будет иметь войну»¹⁵⁰.

И вот в ожидании скорой помощи и войны «непокорные племена решились твердо отстаивать свою независимость и, образовав между собою тесный союз, стараются привлечь на свою сторону и племена покорных»¹⁵¹. Имеется в виду, что убыхи, шапсуги и абадзехи еще в июне 1861 года создали меджлис под названием «Великое и свободное заседание». Руководящую роль в стремлении

147 А. Лиллов. Последние годы борьбы... — «Кавказ», № 20, 9 марта 1867 г.

148 С. Духовский. Указ. соч., с. 146.

149 Цит. по: С. Духовский. Указ. соч., с. 146.

150 Там же, с. 152.

151 АКАК, т. XII, ч. II, № 736, с. 857 (Рапорт ген.-ад. Орбеллиани от 8 августа 1860 г. гсн.-ад. Сухозанету); С. Эсадае. Покорение Западного Кавказа, с. 111.

объединить горские племена «в один громадный вал» играли убыхи¹⁵². Здание меджлиса было воздвигнуто в долине реки Псахе, недалеко от Сочи. Причем в постройке этого здания, кроме убыхов, участвовали ахчпсувцы, айбговцы и побережные садзы-джигеты. Меджлис состоял из 15 членов (улемов) и известных, «умных людей». Весь край был разделен на 12 округов, в которые были определены два «законника», муфти и кади, обязанные исполнять «повеления меджлиса и действовать заодно с Великим заседанием»¹⁵³. Вводилась воинская повинность (по 5 вооруженных всадников от 100 дворов) и налоговая система, прежде всего, в целях создания фонда обороны¹⁵⁴. При этом большое значение придавалось содействию садзов, поскольку они под влиянием князя Решида Геча (Гечба) «оставались холодными к призыву»¹⁵⁵. Совет поддерживал связь с Черкесским комитетом в Константинополе, пользовавшимся покровительством «самых высших сановников государства», а этот комитет, в свою очередь, поддерживал «постоянную связь» с комитетом, учрежденным в Лондоне¹⁵⁶. Решением меджлиса в Турцию и европейские государства было направлено специальное посольство во главе с Измаилом Баракай-ипа Дзаш, на покрытие расходов которого и предполагалось наложить денежный сбор на все население от Туапсе до Адлера¹⁵⁷. Однако результаты этой поездки, как мы видели, не оправдали ожиданий.

С другой стороны, все усилия горцев не могли изменить задуманного царизмом систематического плана «покорения» Кавказа. А план этот в последние четыре года войны, по определению Р. А. Фадеева, заключался «в изгнании горцев из их трущоб и заселении Западного Кавказа русскими»¹⁵⁸. И война шла «с немолимой суровостью. Черкесские аулы выжигались сотнями, посевы их истреблялись или вытравывались лошадьми, а жители, избывавшие покорность, выселялись на плоскость под управлением...

¹⁵² «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXXIV, 67. СПб., 1902, с. 414.

¹⁵³ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 872, 1862 г., д. 12 а, лл. 23 об, 34—34 об; св. 873, 1863 г., д. 8, л. 22.

¹⁵⁴ Надо отметить, что убыхская «конституция», возникшая в условиях смертельной опасности, лишь на первый взгляд кажется «образцом» демократического устройства. Прежде всего здесь мы имеем дело всего-навсего с проектом социальных реформ, хотя и выражающим высшую ступень политического сознания горцев, но вместе с тем и утопичным. Меджлис, разумеется, не был в состоянии преодолеть племенную разобщенность и разрозненность выступлений, прибегая к лозунгу газавата, который, как мы видели, с самого начала оказался малоэффективным. Уже нечего говорить о тщетности стремления примирить внутренние социальные противоречия (Подробнее об этом см.: А. Фадеев. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе. — «Исторический сборник» АН СССР, 1935, № 4, с. 175 — 179).

¹⁵⁵ С. Эсадзе. Историческая записка... т. I, с. 50.

¹⁵⁶ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 873, 1863 г., д. 8, лл. 22 — 22 об. (Репорт полк. Крашпина от 17 января 1863 г. военному министру).

¹⁵⁷ Там же, св. 872, 1862 г., д. 12 а, лл. 24—24 об.

¹⁵⁸ Р. А. Фадеев. Собрание сочинений, т. I, ч. I, с. 150.

«приставов, непокорные же отправлялись на берег моря для переселения в Турцию». Так описывает эту войну известный русский историк-кавказовед Е. Д. Фелицын¹⁵⁹. По словам другого автора, Гейсара, «в ясные дни нередко скрывалось солнце от бесчисленных пожаров»¹⁶⁰. Еще в сентябре 1861 года Кавказ посетил сам Александр II, который решил «обозреть вновь покорённые земли» края. К нему обратилась черкесская делегация, которая просила о прекращении захватов «тех мест, где родились и жили... отцы и деды» их и заселения этой земли станицами и крепостями, «чтобы не выжигались аулы, не пролагались дороги и прекратились военные действия»¹⁶¹. В ответ на это «гуманнейший из венценосцев XIX века» заявил: «Я даю месячный срок — абадзехи должны решить: желают ли они переселиться на Кубань... или же пусть переселяются в Турцию»¹⁶². Вместе с тем царское правительство в конце 1862 года, как одну из «решительных мер», объявило, что все крепостные, вышедшие из гор, делаются «свободными» и будут поселены на «удобных местах»¹⁶³.

Кутаисский генерал-губернатор Н. П. Колюбакин 19 июня 1862 года высаживает десант уже в самом устье р. Сочи и наносит горцам прежде всего моральный удар — сжигает здание меджлиса. Десант в то же время отвлекает часть убыхов из Кубанской области. В этих операциях принимали участие М. Шервашидзе и Джигетский князь Цанба (Цамбаев)¹⁶⁴. В начале 1863 года на Кавказ прибыл новый главнокомандующий и наместник великий князь Михаил Николаевич¹⁶⁵. По характеристике известного государственного деятеля России С. Ю. Витте, он был «человеком довольно ограниченным, государственно ограниченным, государственно мало образованным»¹⁶⁶. Он «больше всего ... боялся своего царственного племянника» — Александра III¹⁶⁷; «взгляды его в своей основе были, естественно, реакционны»¹⁶⁸. Новому «вершителю судеб» Кавказа предстояло прежде всего «упрочить только что сде-

¹⁵⁹ «Кубанский сборник», 1904, т. X, с. 164.

¹⁶⁰ Цит. по: А. Лилов. Указ. соч. — «Кавказ», № 18, 2 марта 1867.

¹⁶¹ С. Эсадзе. Покорение Западного Кавказа, с. 114—115; Предисловие к указ. труду А. Фоявила, с. 3.

¹⁶² С. Эсадзе. Указ. соч., с. 119—120.

¹⁶³ Цит. по: А. Лилов. Указ. соч.

¹⁶⁴ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 872, 1862 г., д. 12 а, лл. 26—30. (Отзыв кутаисского генерал-губернатора от 30 июня 1862 г. начальнику штаба Кавказской армии).

¹⁶⁵ Барятинский ушел в отставку по болезни в 1862 году. «Покоритель» Кавказа» входил в состав ближайшего окружения Александра II и считался большим мастером интриг (В. Г. Чернуха. Крестьянский вопрос в правительственной политике России. Л., 1972, с. 147, 149).

¹⁶⁶ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I. М., 1960, с. 39.

¹⁶⁷ Государственный секретарь А. А. Половцев во время беседы с Александром III в июле 1884 г. заметил: Михаил Николаевич признается, что он «перед Вами совершеннейший пас» (Дневник... А. А. Половцева, т. I. М., 1966, с. 235).

¹⁶⁸ П. А. Зайончковский. Александр III и его ближайшее окружение. — «Вопросы истории», 1966, № 8, с. 130.

данные завоевания и довершить покорение западной части хребта»¹⁶⁹, т. е. осуществить планы и распоряжения своего предшественника — князя Барятинского¹⁷⁰.

И напрасно Султан Довлет-Гирей проявлял безудержно верноподданнические чувства, выгораживая царя и его дядю — заместника, которые будто «всеми мерами старались прекратить переселение», представляя «всевозможные льготы», поняв таким образом сделанные генералом Ермоловым ошибки и сознавая, что «в лице кавказских племен они теряют живую, здоровую народную силу, храбрых воинственных мужей, способных себя посвятить с беззаветной преданностью служению интересам» царя и страны¹⁷¹. Но автор все же признавал, что «однако и во время замещения великого князя Михаила Николаевича было немало сторонников изгнания черкесов с Кавказа во главе с графом Евдокимовым и Лорис-Меликовым»¹⁷². Недаром Ф. Ф. Торнау первого называл «покорителем-истребителем черкесских племен правого фланга Кавказской линии»¹⁷³.

Как уже было отмечено, главным средством для покорения Кавказа, особенно с 1860 года, была «признана» военная колонизация, с чем было и связано принудительное выселение горцев. «...Осенью 1860 года решено было прекратить бесполезные экспедиции, — писал начальник штаба кавказской армии генерал Карцов, — и приступить к систематическому заселению гор казачьими станицами; горцев же выселять на плоскость, подчиняя там нашему управлению»¹⁷⁴. Этими мерами царское правительство стремилось лишить горцев естественных убежищ в горах и поставить их под контроль своей администрации, окружив со всех сторон казаками и другими переселенцами¹⁷⁵. Например, с весны 1861 года до весны 1862 года в Закубанском крае было создано 35 станиц с населением в 5482 семейства¹⁷⁶. Было заселено все пространство между Лабой и Белой, с одной стороны, Урупом и Ходзью — с другой. Большая часть горцев ушла за Белую, а остальная — в прикубанские степи. Причем сплошь и рядом это происходило насильственным путем. Например, 20 июня аулы бесленеевцев были «внезапно окружены, и все 4-х тысячное племя было выведено на правый берег Урупа, под сильным прикрытием войск. Все племя изъя-

169 ЦГАОР СССР, ф. 677, оп. 1, д. 511, л. 3 об. (Материалы по Кавказу).

170 А. Л. Зиссерман. Указ. соч. — «Русский архив», 1889, кн. II, с. 429.

171 ЛОААН, ф. 800, Н. Я. Марра, д. 188, л. 3 об.

172 Там же.

Между прочим, Султан Довлет-Гирей был родственником известного адыгейского историка и этнографа Хан-Гирея. Он воспитывался в Константинополе, а в начале XX века жил в ауле Тлюстенхабль (М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 198).

173 «Русский архив», 1881, кн. II, вып. 3—4, с. 459.

174 Цит. по: Ад. П. Берже. Указ. соч., февраль, с. 338.

175 В. И. Писарев. Методы завоевания адыгейского народа царизмом в первой половине XIX в. — «Исторические записки», 1940, № 9, с. 162.

176 ЦГАОР СССР, ф. 677, оп. 1, д. 511, л. 3 об. (Материалы по Кавказу).

жило желание переселиться в Турцию, за исключением 110 семейств, водворенных в нижнекубанском приставстве»¹⁷⁷.

Разумеется, такие действия велись «не без более или менее упорного с их (горцев. — Г. Д.) стороны сопротивления, но перед выставленными... военными силами оно не могло долго тянуться»¹⁷⁸, тем более, что у противника было дальнобойное нарезное оружие¹⁷⁹, хотя горцы, «благодаря постоянной войне», и «отучились враждовать между собою и постигли силу соглашения, а от этого один только шаг к солидарности и единству»¹⁸⁰.

К октябрю 1863 года с абадзехами и шапсугами было покончено. Генерал Евдокимов в донесении великому князю Михаилу Николаевичу победоносным тоном сообщал, что «на северном склоне Кавказского хребта нет более вооруженного неприятеля»¹⁸¹. Шапсуги частью были переселены на Кубань, частью — на юго-западный склон. Абадзехи, стесненные с востока и с запада линиями казачьих станиц по рекам Пшиш и Шебш и отрезанные от гор войсками, принуждены были «покориться безусловно» в начале февраля 1864 года; затем, по требованию Евдокимова, они оставили свои жилища и горные ущелья — одни для поселения на прикубанской равнине, другие для переселения в Турцию. «Таким образом, — писал генерал А. П. Карцов, — на северной покатости западной части кавказских гор не осталось ни одного горца; южная покатость, вплоть до морского берега, от Новороссийской бухты до Туапсе, совершенно очищена от всякого населения»¹⁸². Фонвиль был свидетелем страшной картины ухода горцев, сгоняемых царскими войсками с насиженных мест. Он писал: «...Мы имели случай вблизи видеть поражающую нищету этого несчастного народа; ежедневно мы встречали новые партии горцев, выселявшихся в земли, еще не занятые» войсками; «последние дожди и наводнения погубили большое число этих переселенцев, и мы беспрестанно встречали на пути нашем трупы. Голод был страшный; много несчастных погибло от него... Иногда нас принимали в аулах, но мы бежали оттуда, боясь заразиться болезнями, которые уничтожали целые населения аулов. Так, однажды, во время нахождения нашего в одном ауле, в нем умерло восемь человек от тифа»¹⁸³. Вот другое сообщение. Заняв в стране абадзехов Пшеху, писал некий Ив. Дроздов, «мы врезались в самое густое население: аулы на каждой версте, или, вернее сказать, иногда верст на пять, на шесть тянутся сплошные аулы, расположенные хуторами. Судя по количеству домов и запасам хлеба, надо предполагать, что здесь

¹⁷⁷ К. Гейнс. Пшехский отряд. — КС, 1884, т. VIII, с. 402—406, 437 и сл.

¹⁷⁸ ЦГАОР СССР, ф. 677, оп. 1, д. 511, л. 3 об.

¹⁷⁹ М. Венюков. Кавказские воспоминания (1861—1863). — «Русский архив», кн. 1, 1880, с. 447.

¹⁸⁰ Добровольский-Евдокимов. Указ. соч., с. 331.

¹⁸¹ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 63, лл. 56 — 56 об.

¹⁸² Там же, л. 27 об.

¹⁸³ А. Фонвиль. Указ. соч., с. 29.

было чрезвычайно большое население; но на встречу к нам, при истреблении их жилищ, выезжало обыкновенно не более двух, трех человек, и то редко. Постоянно выселяясь все глубже и глубже в горы, они до такой степени стеснились, что начинают между собой враждовать из-за мест»¹⁸⁴.

Теперь войскам предстояло «очистить» береговую полосу. Генерал Карцов полагал, что стесненные в узкой прибрежной полосе горцы «будут поставлены в отчаянное положение», но вряд ли они согласятся покинуть «живописную природу родины», чтобы переселиться в прикубанскую степь. Поэтому он считал необходимым дать им «возможность» переселиться в Турцию, рассматривая это как проявление человеколюбия¹⁸⁵. В начале 1864 года по плану, выработанному генералом Евдокимовым, войска двинулись на южный склон Главного Кавказского хребта. Это было сделано именно в начале года, т. е. в зимних условиях, когда «уничтожение запасов и селений действует губительно, горцы остаются совершенно без крова, с меньшими средствами для защиты и крайне стеснены в пище»¹⁸⁶. Действия на южном склоне были возложены на так называемый Даховский отряд. Как сообщал великий князь Михаил Николаевич, отряд под командованием генерала В. А. Геймана, «очистив ... пространство между Туапсе и Псезуапсе и истребив все аулы, лежавшие по течению этих рек», 16 марта 1864 года занял бывший форт Лазарев, а 19 марта — бывшее укрепление Головинское¹⁸⁷. Таким образом, войска вышли к Шахе, к границе с убыхами. Еще в марте 1863 года некоторые «почетные убыхи» во главе с Берзеком ездили к владельцу Абхазии М. Шервашидзе за советом. Тот рекомендовал сложить оружие, считая сопротивление совершенно бесполезным, которое может только разорить их землю¹⁸⁸. Однако прибывшая осенью 1863 года к убыхам «партия из 40 европейских авантюристов» с четырьмя пушками, выдавая себя за авангард давно ожидаемой «вспомогательной армии», снова воскресила несбыточные надежды горцев на успех борьбы¹⁸⁹. Пригласив ахчипсувцев, убыхи приготовились к отчаянному сопротивлению. Но после «падения» абадзехов и шалсугов это было совершенно бессмысленно, что хорошо учитывалось царским командованием. А последнее, как писал наместник, «непременным условием окончания войны» по-прежнему считало «совершенное очищение Восточного Черноморского побережья и переселение горцев в Турцию»¹⁹⁰. Генерал Гейман категорически предложил убыхам: «...Сей-

184 «Кавказ», № 19, 7 марта 1863 г.

185 См.: Ад. П. Берже. Указ. соч., февраль, с. 343.

186 Так писал начальник Главного штаба Кавказской армии в письме на имя командующего войсками Кубанской области. Цит. по: А. Лилов. Указ. соч. — «Кавказ», № 19, 5 марта 1867 г.

187 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 63, л. 57.

188 ЦГВНА, ф. ВУА, 1856 г., д. 6696, ч. 10, л. 111.

189 «Восный сборник», 1864, т. 39, № 10, III, с. 168.

190 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 63, л. 58.

час же, без обозначения срока, те, кто желают идти в Турцию, должны собраться табором на берегу моря к устьям Шахе, Вардане и Сочи... Те же, кто хочет идти к нам, должны сейчас же выслаться на Кубань...» Обращаясь к убыхским представителям, генерал спрашивал с иронией: «Где же войска ваши в европейских мундирах, о которых вы столько кричали? Где нарезные орудия и снаряды? Где союзники ваши?» Горцы ответили: «Мы уже убедились, что все надежды наши на постороннюю помощь — мечта... Но мы все-таки остаемся убыхами, мы все-таки целый народ и, кажется, можем для своего блага вступить в сношения и заявлять свои требования»¹⁹¹.

Но после заявления Геймана: «Уступок с моей стороны нет и не будет впереди», — убыхские представители окончательно поняли, что участь их народа решена бесповоротно. «В осанке, во взгляде каждого убыха проглядывало сознание полного достоинства; ни капли унижения или боязни. Было, однако, ясно, что такие минуты испытывают они в первый и последний раз в жизни. Видно было, что они задеты за самую слабую струнку — за самолюбие. Гордые... убыхи вынуждены были признать себя бессильными»¹⁹². Начались «атаки» убыхских аулов. Горцы делают отчаянные попытки задержать стремительное наступление царских войск. Но последние 19 марта с боем занимают форт Головинский и двигаются дальше — «все многочисленные селения общества Вардане были сожжены». 25 марта был занят Сочи — сердце убыхской земли. С гордыми и воинственными убыхами также было покончено¹⁹³. Этот факт для царизма был настолько значительным, что Александр II 8 апреля 1864 года телеграфировал своему кавказскому наместнику: «Искренно радуюсь счастливому обороту дел с убыхами. Остается благодарить бога за достигнутый результат»¹⁹⁴.

26 марта 1864 года к генералу Гейману приехали представители садзов — джигетов. Предводитель их Решид Гечба (Геч) заявил: «Мы — джигеты; мы народ вольный, никогда ни с кем открыто не воевали и никогда никому не подчинялись. Теперь мы видим, что все кругом нас покоряется русским, и мы уже считаем землю нашу собственностью российского императора»¹⁹⁵. 2 апреля в лагерь, куда прибыл и наместник Кавказа, явились уже представители шапсугов, убыхов и других. Они от имени своих сородичей заявили «безусловную покорность» и просили дать им возможность переселиться в Турцию. Наместник ответил, что «согласен на их просьбы и дает им месяц сроку для того, чтобы они могли подготовиться к переселению и выйти со своими семьями... и что по истечении срока, если кто не исполнит этого требования,

191 С. Эсадзе. Покорение Западного Кавказа, с. 156 — 157.

192 Там же, с. 159.

193 Там же, с. 162—163.

194 ЦГАОР СССР, ф. 728, 1862—1881 гг., л. 2732/а, л. 69.

195 С. Духовский. Даховский отряд в 1864 году. СПб., 1864, с. 94.

то будет поступлено как с военнопленными, для чего будут присланы еще новые войска»¹⁹⁶. Но уже к 19 апреля войска не встречали в горах убыхов — они тронулись в Турцию¹⁹⁷.

Собственно, Кавказскую войну уже можно было считать оконченной. Только некоторые западноабхазские племена, занимавшие труднодоступные ущелья по верховьям рек Мзымта и Бзыбь, «не хотели расстаться со своей свободой и готовы были оказать сопротивление»¹⁹⁸. Для завершения «покорения» Кавказа, признанного делом «первостепенной необходимости», главнокомандующий армией двинул в эти незанятые еще земли четыре колонны, чтобы совместным их действием «поставить непокорных в необходимость немедленно подчиниться всем... требованиям и очистить страну в возможно скорейшее время»¹⁹⁹. Первой колонне под начальством командующего войсками в Абхазии генерала П. Н. Шатилова было предписано идти от Гагр на Айбгу и, заняв ее, направиться в Ахчипсу (Ахчипсы) с южной стороны; второй колонне (десантной) под начальством генерала Д. И. Святополк-Мирского, — высадившись у устья р. Мзымта (Адлер), наступать по ее долине; третьей колонне генерала В. А. Геймана — от кубанского поста идти в верховья р. Сочи, а оттуда, параллельно Главному хребту, тоже в Ахчипсу; четвертая колонна генерала П. Х. Граббе должна была от истоков р. Малой Лабы перейти через Главный хребет на южный склон и ущельем Мзымта идти навстречу второй колонне. Войскам приходилось продвигаться, преодолевая отчаянное сопротивление горцев²⁰⁰. Самое упорное сопротивление встретили они в ущелье р. Псоу, где обитали воинственные айбговцы. Последние особенно надеялись на неприступность данной территории, состоявшей почти из одних отвесных скал, а также на помощь соседних племен, которые «сбежались со всего восточного берега... жаждавши подраться последний раз»²⁰¹. Айбговцы «решились защищаться до последней возможности». С этой целью они укрепили теснину, сквозь которую прорывается р. Псоу и проходила единственная тропинка с сильными завалами. Стараясь задержать здесь войска, айбговцы с прилегавших скал сбрасывали на них огромные камни и бревна. Таким образом они четыре дня мужественно удерживали отряд генерала Шатилова, который, по признанию главнокомандующего Кавказской армией, «понес самую значительную

¹⁹⁶ С. Эсадзе. Покорение Западного Кавказа, с. 166 — 167. См. также: Капитц. Указ. соч., с. 339.

¹⁹⁷ А. Лялов. Указ. соч. — «Кавказ», № 19, 5 марта 1867 г.

¹⁹⁸ С. Эсадзе. Покорение Западного Кавказа, с. 167.

¹⁹⁹ «Кавказ», № 44, 11 июня 1864 г.

²⁰⁰ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1156, лл. 1 — 1 об.; ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 805, лл. 69 об. — 70.

²⁰¹ ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 805, л. 76 об. (Письмо вел. кн. Михаила Николаевича от 26 июня 1864 г. Александру П.).

потерю»²⁰². Защищали родное гнездо все — и женщины. Ив. Аверкиев писал: «При занятии Аябга две девушки вышли с ружьями на плечах, готовые защищать свое пепелище»²⁰³.

Видя такое положение, командование двинуло в обход Аябга сильный отряд, который «после жаркой перестрелки» достиг аябговских аулов, а 12 мая обошел все населенные пункты, расположенные на правой стороне р. Псоу. Тем временем генерал Шатилов занял аябговскую котловину и 18 мая перевалил оттуда в Ахчипсу²⁰⁴. Аябговцы, после того как войска прошли трупобы, которые они считали совершенно недоступными, и внезапно очутились среди их сел на горной равнине, 12 же мая изъявили «полную покорность» и немедленно начали выходить на берег моря для переселения в Турцию. Этот поход решил участь и других горских абхазских племен. Вслед за аябговцами все ахчипсувцы «с семействами и со всем имуществом оставили свои жилища и двинулись к морю»²⁰⁵. К 20 мая все четыре колонны войск с разных сторон сосредоточились в центре «очищенной» земли ахчипсувцев — Губаадвы (Губаадэ), ныне Красная Поляна, часто неправильно именуемая Кбаада или Кбаадэ. Этому глухому местечку, затерянному среди горных гигантов²⁰⁶, суждено было быть местом «торжества» по поводу окончания Кавказской войны, состоявшегося 21 мая 1864 года в присутствии самого наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича²⁰⁷.

Но оставались еще пехувцы и их соседи куджовцы, которые еще 2 апреля 1864 года «изъявили покорность, но не оставили свои жилища». Сюда были двинуты войска через Санчарский перевал, а для содействия им в урочище Загбан поспешил отряд, в составе которого находились две сотни «милиции» абхазских феодалов²⁰⁸. К 20—23 июля уже были заняты все «очищенные» местности от населения». Пехувцы оставили «пустые аулы», которые «большей частью ими же сожжены, затем были сожжены все их жилища»²⁰⁹. Пехувцев загнали в урочище Хабю. Кроме того, часть отряда блокировала Гунурхва, где незадолго до этого поселилось 802 человека из Аябга и Ахчипсу. Вскоре и они были выселены, «при этом их

²⁰² ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 805, л. 76 об.; ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1156, л. 2; «Русский инвалид», № 131, 13/25 июня 1864.

²⁰³ Ив. Аверкиев. С северо-восточного побережья Черного моря. — «Кавказ», № 74, 1866 г.

²⁰⁴ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1156, лл. 2 — 2 об.

²⁰⁵ «Кавказ», № 44, 11 июня 1864 г.

²⁰⁶ Красная Поляна состоит из двух озеровидных расширений, соединяющихся между собой небольшим ущельем, со всех сторон окружена высокими хребтами, расположена на высоте 1730 м над уровнем моря (ИКОРГО, 1902, т. XV, № 5, с. 318).

²⁰⁷ ЦГАОР СССР, ф. 677, оп. 1, д. 511, л. 3 об.; ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1156, лл. 3—4.

²⁰⁸ ЦГИАГ, ф. 645, оп. 1, д. 65, л. 2.

²⁰⁹ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 144, л. 1.

жилища и большие запасы кукурузы и гоми» были уничтожены, а «в наказание за сопротивление к выселению в пользу войск были отданы» отобранные у них 220 голов скота²¹⁰. Все население указанного района вынуждено было спуститься к морскому берегу для отправления в Турцию, за исключением 107 семейств псхувцев, изъявивших желание переселиться на Северный Кавказ²¹¹. Корреспондент газеты «Кавказ» 10 августа писал из Сухума о районе Псху уже как о «бывшей земле псхувцев»²¹². Так основная масса населения Псху была удалена в Турцию.

Судьба же тех из псхувцев, которые перевалили Главный Кавказский хребет, сложилась следующим образом. Во-первых, к 107 «вольным семьям» присоединилось еще 35 «крестьянских», т. е. крепостных (ахоую) и рабов (ахашвала), а через некоторое время с дороги в Турцию возвратился еще 61 человек; итого стало 844 человека²¹³. Их сперва поселили в Кувинском ущелье. Все они, «по бедности своей», оказались не имеющими «никаких средств к прокормлению себя»²¹⁴. К тому же местность их нового «водворения» оказалась «совершенно неудобной для хлебопашества»²¹⁵. Поэтому весной 1866 года им было разрешено переместиться в район р. Большого Зеленчука²¹⁶.

Таким образом, по выражению одного из активных участников военных операций на Кавказе тех лет Р. А. Фадеева, «действия порохом и железом кончились»²¹⁷. Другой адвокат политики самодержавия о характере действий регулярных царских войск на Кавказе писал следующее: «Надо было истребить черкесов наполовину, чтобы заставить другую половину положить оружие. Но едва ли не более десятой части погибших пали от лишений и суровых зим, проведенных под метелями в лесу и на голых скалах. Особенно пострадала слабая часть населения — женщины и дети. Когда черкесы столпились на берегу для отправления в Турцию, по первому взгляду была заметна неестественно малая пропорция женщин и детей против взрослых мужчин. При наших погромах множество людей разбегалось по лесу, и в этой кровавой трагедии нередко матери разбивали головы своим детям...»²¹⁸. По распоря-

²¹⁰ Там же, д. 63, лл. 256—258 (Рапорт командующего войсками в Абхазии от 20 августа 1864 г. кутаисскому генерал-губернатору).

²¹¹ Там же, д. 65, л. 2.

²¹² «Кавказ», № 64, 9 августа 1864 г.

²¹³ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 65, лл. 2, 5 — 6 об.

²¹⁴ Там же, л. 5 — 5 об.

²¹⁵ Там же, л. 24 об.

²¹⁶ Сохранился список этих переселенцев (см. там же, лл. 36—40), из которого видно, что многие современные ашхарцы (абазины) — потомки тех псхувских абхазов. Таковы, например, фамилии (некоторые искажены): Азимба, Адзик (Адзинба), Ахи (Ахба), Аджи (Аджба), Ажи (Ажиба), Кеч (Кечба), Кудж (Куджба), Козба (Куадзба), Капо (Капба), Ашиба (Ашуба), Эгба, Эхба, Жир (Джыр, Джыраа), Тахушян, Нил и др.

²¹⁷ Р. А. Фадеев. Собрание сочинений, т. 1, ч. 1, с. 200.

²¹⁸ Цит. по предисловию к указ. соч. А. Фонвиля, с. 4.

женню главнокомандующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича «для очищения» от остатков населения верхних котловин южного склона Кавказа между р. Туапсе и Гагринским хребтом был сформирован особый отряд войск из 12 рот и одной сотни. Чтобы «остатки горского населения не могли укрыться на северной покатоки», было сосредоточено еще два отряда в верховьях р. Пшища и в долине Пшехи²¹⁹.

Ущельевые горцы продолжали оказывать отчаянное сопротивление. Как отмечал сам главнокомандующий, в Нуажинской долине, например, они «решились лучше умереть с оружием в руках, чем оставлять занимаемые ими места и потому, укрыв свои семейства и имущество в лесах и трущобах, дрались упорно». Но в результате 8-дневного «похода», нуажинцам был нанесен «значительный удар разорением большей части их жилищ», и население отброшено от местности, ближайшей к Туапсинской линии. Горцы потеряли, не считая убитых и раненых, 147 человек пленными, было отбито 2 908 голов скота, уничтожено более 500 домов, взято много имущества и оружия²²⁰. Корреспондент «Кавказа» в июньском номере, констатируя, что «покорение Западного Кавказа, а с тем вместе и война кавказская, окончены», писал: «Если в горных трущобах, заросших лесами, и могли укрыться от наших войск несколько десятков семейств или бездомных хищников, то для истребления их уже не понадобится военная экспедиция». Только в котловине Ахчипсу, при обратном движении войск, были оставлены два батальона «для поисков во всех боковых ущельях и оврагах», а колонна Святополк-Мирского расположилась эшелонами по р. Мзымта «до окончательного переезда в Турцию» жителей этого района²²¹. Такие отряды и команды («летучие» и «охотничьи») действовали и в других местах — по ту и другую сторону Главного хребта. Их посылали рыскать повсюду и захватывать оставшихся горцев, которые обычно скитались без крова в трущобах около Главного хребта. Особенно «занимали всех» хакучи, обитавшие в верховьях рек Аше, Псезуапсе и Шахе, владающих в Черное море между Туапсе и Сочи. Это были «отовсюду из гор люди», которые по разным причинам «не могли ужиться в прежней среде» и бежавшие сюда, в эти котловины, отгороженные горами, «суровее которых трудно что-нибудь себе представить». Среди бежавших в это «отдельное гнездо и живших совершенно особою жизнью» были главным образом шапсуги и убухи, а также казаки и солдаты (русские и украинцы) царской армии, преобладали же первые²²². Они оказали отчаянное сопротивление и нанесли про-

²¹⁹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 880, 1865 г., д. 21, лл. 1—2 (Рапорт главнокомандующего Кавказской армией от 14 июня 1865 г. военному министру).

²²⁰ Там же.

²²¹ «Кавказ», № 44, 11 июня 1864 г.

²²² Слово «хакуч» для Северо-Западного Кавказа тех времен было синонимом слова «абрек», и выделение хакучей в литературе «в особое время — недо-

тивнику большой урон, но и сами почти исчезли — ушли последними в Турцию²²³. Царские войска при этом не щадили даже больных, а их было немало. Дело в том, что как раз в 1864 году среди псхувцев и ахчисувцев разразилась оспа, которая «сильно покарала их»²²⁴. Эта страшная болезнь затем распространилась по всей Абхазии²²⁵.

Горцы, борющиеся «с необычайным ожесточением», «побежденные, но не покоренные», огромной массой потянулись в Турцию²²⁶. Таким образом, говоря словами хорошо осведомленного участника борьбы на Кавказе историка генерала А. Л. Зиссермана, «вытесняемое шаг за шагом с плоскости в предгорья, с предгорья в горы, с гор к морскому берегу, полумиллионное население горцев перенесло все ужасы истребительной войны, страшные лишения, голод, повальные болезни, а очутившись на берегу — должно было искать спасения в переселении в Турцию»²²⁷. Но там, как констатировал еще в 1861 году А. И. Барятинский, они оказались брошенными «на произвол судьбы»²²⁸. Таков был печальный финал Кавказской войны — яркий пример присоединения насильственными военно-феодальными методами, свойственными колониальной политике царизма. Затем последовала еще более трагическая картина — массовое переселение горцев в Османскую империю.

§ 3. Массовое переселение горцев Северо-Западного Кавказа в Турцию в 1859 — 1864 годах

Как уже отмечалось, переселение кавказских горцев нарастало по мере утверждения колониального режима в крае, обострения внутренних социальных противоречий и международных отношений. Причем начало этой трагедии в XIX веке обычно связывают с генералом Ермоловым, «система» которого, как писал Султан

разумею» (Н. Г. Волкова. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, с. 38. См. также: Л. Загурский. По поводу трудов Е. Д. Фелицына о горах Кубанской области. — ИКОРГО, 1885, т. VIII, вып. 2, с. 365, 368, 369; А. Н. Дьячков-Тарасов. Абадзехи. Историко-этнографический очерк. — ЗКОРГО, 1902, кн. XXII, вып. 4, с. 3).

²²³ А. Лиллов. Указ. соч. — «Кавказ», № 19, 5 марта 1867 г. См. также: М. Я. Ольшевский. Записки о Кавказской войне с 1854 по 1866 г. — «Русская старина», 1895, октябрь, с. 266.

Осталось хакучей на Кавказе около 110 дворов, из коих 40 обосновались на р. Шахе, а 70 — в верховьях р. Аше. До этого они жили на р. Мзымта, возле Адлера (ЗКОРГО, 1894, кн. XVI, с. 138; ИКОРГО, 1915, т. XXIII, № 1, с. 79).

²²⁴ И. Пантюхов. О мифах и поверьях туземцев Рионской долины. — «Кавказ», 1867, № 28.

²²⁵ Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, с. 209.

²²⁶ Е. Вейденбаум. Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888, с. 207.

²²⁷ «Русский архив», 1889, кн. II, с. 428.

²²⁸ Там же, с. 285.

Довлет-Гирей, «действовала на руку Турции»²²⁹ Однако массовое переселение горцев Западного Кавказа развернулось в конце 50-х годов XIX столетия. Время это было для самого царизма весьма тревожное. Оно характеризовалось подъемом революционного движения народных масс по всей Российской империи. Даже такие деятели, как генерал А. Л. Зиссерман, хотя и не совсем отчетливо, сознавали серьезность создавшейся в стране обстановки. «Россия, — писал он, — переживала тогда вообще тяжелое время. Студенческие беспорядки, страшные пожары... явное усиление социальных, анархических идей, беспорядки в Польше, принимавшие все более и более угрожающий характер...»²³⁰ Революционная ситуация, сложившаяся в 1859—1861 годах, вынудила правительство Александра II отменить крепостное право. Однако этот акт, как известно, только еще больше обострил классовые противоречия. Царизм в поисках выхода из положения стремился ускорить решение «кавказской проблемы», чтобы затем все силы бросить против внутреннего классового врага. С другой стороны, существовало серьезное опасение, что горцы Кавказа могут быть использованы против России при осложнении международной обстановки, в частности, в случае новой войны с Турцией²⁶¹.

Если говорить конкретно, активизация переселенческого движения в рассматриваемое время прежде всего была связана с осуществлением «новой системы» борьбы царизма с горцами, о которой речь шла выше. Кавказское начальство, как и во времена Ермолова, который «явился на Кавказ с выработанной системой — огня и меча»²³², стремилось ослабить численный состав горского населения, всячески содействуя переселению основной части его в пределы Турецкой империи и даже прямо вызывая этот процесс, а другой части — на плоскость, «очищенные» же районы заселить казачьими станицами. Для непосредственного проведения этой политики новый наместник Кавказа князь Барятинский был весьма подходящим. Если при прежнем наместнике, Воронцове, переселение кавказского населения в Турцию «значительно уменьшилось», то с назначением Барятинского «снова начались волнения кавказских племен и снова началось переселение»²³³. Говоря о «поощрении кавказского переселения», сам Барятинский писал в октябре 1861 года, что основная цель этого переселения — «избавить Кавказское плоскогорье от населения... и открыть этим самым прекрасные и плодородные места для... казачьего поселения»²³⁴. Поздравляя Александра II с

²²⁹ ЛОААН СССР, ф. 800, Н. Я. Марра, д. 188, л. 3.

²³⁰ «Русский архив», 1899, кн. III, с. 429—430.

²³¹ Х. О. Лайпанов. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию. — «Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, языка и литературы». Вып. V. Серия историческая, Ставрополь, 1966, с. 111.

²³² С. Довлет-Гирей. Указ. рук., л. 2 об.

²³³ Там же, л. 3 об.

²³⁴ «Русский архив», 1889, кн. II, с. 284—285.

окончанием Кавказской войны, в письме от 1 мая 1864 года фельд-маршал восклицал: «Без потери времени и насколько возможно» выселять в Турцию горцев, а «раз страна будет от них очищена, мы утвердим свое положение навсегда»²³⁵. И всякий раз, когда то или иное горское племя Западного Кавказа вынуждено было заявить о своей «покорности», перед ним ультимативно ставилась дилемма: или переселиться к Кубани и безусловно подчиниться царскому управлению, или выселиться в султанскую Турцию. Отказавшиеся «покориться» племена «отбрасывались в бесплодные горы, оттеснялись к морю, а затем им только и оставалось, что уходить в Турцию...»²³⁶. Прикубанские же болота, отводимые горцам, «могли всего менее прельстить их»²³⁷; представления о царском управлении, «которому горцев приглашали безусловно подчиниться, слагались у них на основании действий... чиновников». К тому же их прямо подстрекали к переселению в Турцию: обещали казенную помощь, подсылали к ним турецких эмиссаров, к «приглашавшим» переселиться принимались и другие меры²³⁸. Таким образом царское правительство добивалось освобождения земель (которых так жаждали получить кавказское начальство, казачество и горская знать)²³⁹, удаления «непокорного» горского населения и тем самым ускорения «усмирения» края.

Командующий войсками Кубанской области Н. И. Евдокимов, рьяно претворявший «новую систему» в жизнь, писал: «Переселение горцев в Турцию, без сомнения, составляет важную государственную меру, способную окончить войну в кратчайший срок без

²³⁵ Там же, 1890, кн. III, с. 389.

²³⁶ «Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа». Книга 5. Изд. А. А. Каспаря. СПб., 1904, с. 505.

²³⁷ Насколько это было приемлемо, можно судить, в частности, по отношению к этой «системе» генерала М. Ольшевского, присутствовавшего при разговоре Александра II с черкесской делегацией: «Променять свои заветные, дышащие здоровьем, свободной, независимостью горы и леса на зловредные равнины Черноморья и болотные низменности Большой Лабы — не значит ли отдать себя на жертву лихорадок? И действительно, если сравню болоты живущие там казаки, как родившиеся среди миазм, или переселившиеся туда со степного пространства, то каким образом могли перенести эту миазму жители гор, дышащие воздухом свежим, здоровым воздухом?» (Цит. по предисловию к указ. труду А. Фонвиля, с. 4).

²³⁸ Я. Абрамов. Кавказские горцы. Краснодар, 1927, с. 7. Эта работа впервые опубликована в журнале «Дело» за 1864 г. (№ 1).

²³⁹ Так, например, в 1862 — 1863 гг. феодалам и военным чинам Западного Кавказа было роздано 52,5 тыс. десятин земли, а кубанской горской знати — около 23 тыс. десятин (Х. О. Лайпанов. Указ. соч., с. 114). Впоследствии только три человека — командующий войсками Кубанской области Евдокимов, начальник Кубанской области Сумароков-Эльстон и начальник Дагестанской области Мельников — получили 24 866 десятин лучшей земли (А. П. Алексеева и др. Добровольное присоединение Черкесии к России. Черкесск, 1957, с. 39). Генерал же А. П. Карцов, который одно время являлся начальником Главного штаба Кавказской армии, а затем помощником главнокомандующего этой армии, был награжден землей в размере 6 000 десятин в Кубанской области (РБС, т. 8 [Иб. — Кл.]; СПб., 1897, с. 538).

Большого напряжения с нашей стороны»²⁴⁰. Он считал, что мера эта тем более могла принести «великую пользу», что давало возможность «более свободно» развивать колонизацию в предгорьях западной части Кавказского хребта²⁴¹. Именно поэтому Евдокимов, этот непосредственный исполнитель «проекта заселения Западного Кавказа», и на «мирных подданных» черкесов Кубани «смотрел лишь как на неизбежное зло и делал, что мог, чтобы уменьшить их число и стеснить для них удобства жизни»²⁴².

И вот с 1858 года вопрос о переселенческом движении горцев Западного Кавказа становится предметом «весьма деятельной» дипломатической переписки царского правительства с оттоманским²⁴³. Правящие круги Турции, как мы видели, с самого начала поощряли и всячески провоцировали это движение: Они все больше наводняли Кавказ своими тайными агентами с прокламациями и воззваниями, призывавшими его население переселиться в Турцию. Русский консул в Трапезунде А. Н. Мошин в письме от 28 декабря 1863 года подчеркивал: «Порта рада переселению и принимает меры к его облегчению»²⁴⁴. Адольф Берже также сообщает, что турецкое правительство, полагая, что это переселение будет совершаться постоянно и не потребует особых усилий и средств, «смотрело весьма благоприятно на прилив горцев в Турцию»²⁴⁵. Правда, согласно обнародованным еще в 1859 году правилам колонизации кавказских горцев, турецкое правительство предполагало переселение последних «малыми партиями»²⁴⁶. Основные социально-экономические причины массового переселения горцев Кавказа заключались в следующем. С одной стороны, тяжелый двойной гнет, гнет царизма и местных феодалов (особенно сильно страдали трудящиеся от безземелья)²⁴⁷. А с другой — не только царизм, но и горские феодалы были заинтересованы в избавлении от «непокорных» горцев и в получении их земель. Часть же наиболее реакционных феодалов стремилась «спастись» от крестьянской реформы уводом своих крестьян в Турцию. Удалялись добровольно и явные туркофильствующие элементы. Также имели определенное значение религиозная общность значительной части горцев с Турцией и родо-племенные отношения²⁴⁸.

Правительство же султанской Турции, как уже об этом частично говорилось выше, стремилось колонизовать кавказскими пере-

²⁴⁰ АКАК, т. XII, ч. II, № 889, с. 1009 — 1010.

²⁴¹ «Русская старина», т. XXXIII, 1882, февраль, с. 341.

²⁴² М. И. Венюков. Кавказские воспоминания (1861 — 1863 гг.). — «Русский архив», 1880, кн. I, вып. 1 — 2, с. 435 — 436.

²⁴³ АКАК, т. XII, ч. II, с. 1011, № 890.

²⁴⁴ Цит. по: Ад. П. Берже. Указ. соч., февраль, с. 353.

²⁴⁵ Там же, с. 342.

²⁴⁶ Там же, с. 343.

²⁴⁷ Как известно, в поисках лучшей жизни за границу уходили не только горцы, но и русские, украинцы, белорусы, татары и др.

²⁴⁸ Х. О. Лайпанов. Указ. соч., с. 115 — 117.

селенцами пустые и малозаселенные места империи²⁴⁹ и получить в их лице дешевую рабочую силу; также использовать часть махаджиров в осуществлении военно-политических задач, расселив их на стратегически важных пунктах (в случае войны с Россией они должны были служить в качестве боевой силы). Кроме того, правители султанской Турции очень надеялись «найти в черкесах цемент для сплочения своей распадающейся империи»²⁵⁰, т. е. использовать их в борьбе с центробежными силами, а также пытались увеличить удельный вес мусульман среди угнетенных христианских народов в стране и, опираясь на кавказских выходцев, покончить с движением, развившимся среди национальных меньшинств²⁵¹. Турецкие же парусники-контрабандисты в процессе переселения мечтали набить большие прибыли, а работорговцы в лице кавказской эмигрантской массы — получить дешевый контингент рабов. Наконец преследовалась цель показать, что Оттоманская империя — покровительница всех мусульман, а султан — их верховный судья²⁵².

Современник событий Феликс Канитц писал еще об одном обстоятельстве, о котором следует сказать, хотя оно и не является столь существенным, каким изображает его автор. «На Востоке, — писал он, — политические нити сходятся весьма часто в узел в гаремах вельмож. Женская дипломатия кавказских красавиц, заключенных в гаремах Турции, не оставалась, по-видимому, пассивною в это тяжкое для их отчизны время, и, конечно, та ничтожная помощь, которую решалась, наконец, оказать Турция черкесам, должна быть отнесена гораздо более на счет женского дипломатического корпуса, сераля падишаха, корпуса, составленного большею частью из дочерей глубоких долин Эльбруса, чем на счет депутации черкесских коноводов»²⁵³. О «сильном черкесском влиянии в гаремах» писал и Файф Куксон²⁵⁴. Это подчеркивал также полковник Краншин в рапорте от 17 (29) января 1863 года из Констан-

²⁴⁹ По этому поводу Султан Довлет-Гирей писал: «Турецкое правительство охотно принимало к себе переселенцев, а переселенцы нужны были для заселения пустынных мест в европейской и азиатской губерниях. Народонаселение Турции в то время сильно уменьшилось после двухвековой борьбы с балканскими народами и в Аравии. Турция совсем опустела, теряя каждый год, как показывают статистические данные, относящиеся к тому времени, более 100 тысяч своих сыновей в непрерывных войнах. Турция не ошиблась, ей выгодно было получить новый народ — народ здоровый, воинственный, воспитанный на традициях мужества, благородства и беззаветной преданности» (Указ. рук., л. 2 об).

²⁵⁰ «Одесский вестник», № 140, 29 июня 1877 г.

Кстати, эта газета в том же номере писала: «Колонии черкесов расположены таким образом, чтобы образовать полосы между христианским населением и обуздывать последнее в случае надобности».

²⁵¹ Мустафа Кемаль. Путь новой Турции, т. II, М., 1932, приложения, с. 380.

²⁵² М. С. Тотоев. К вопросу о переселении осетин в Турцию (1859—1865 гг.). — «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института», т. XIII, вып. I. Дзауджикау, 1948, с. 36—37.

²⁵³ Канитц. Указ. соч., с. 335.

²⁵⁴ См.: «Русский архив», 1880, кн. I, с. 388.

тинополя. «В больших константинопольских гаремах, — сообщал он, — очень много черкесских женщин, и они считают для себя честью жить в окружении своих родственников»²⁵⁵.

Не оставались безрезультатными также меры султанского правительства и его эмиссаров с самого начала «волновать горцев обещаниями всех благ в случае переселения», призывая их к «мусульманскому братству»²⁵⁶. В частности, агенты Турции распространили слухи о том, что русский император заключил с турецким султаном условие, по которому, для взаимного обмена «кивоверчески подданных», разрешается кавказским мусульманам переселиться свободно в Турцию, что последняя отводит им земли и даже выдает денежные пособия²⁵⁷. Один из таких эмиссаров, Мухамме Насарет, 1 июня 1864 года, обращаясь к черкесам, призывал: «Брите ваши семейства... и все необходимые вещи, потому что наше правительство заботится о постройке для вас домов, и весь народ наш принимает в этом деле участие. Если тяжелые дела задержат вас до весны, то по окончании их поспешите переселиться с таким же рвением, как предшественники ваши»²⁵⁸. Надо сказать, что иногда сами представители кавказского командования являлись распространителями таких прокламаций среди горцев. Военный и чальник и командующий войсками Терской области М. Т. Лорис-Меликов в письме от 18 июля 1864 года на имя генерала А. П. Кацова писал: «Граф Евдокимов передал мне перевод прокламации турецкого эмиссара, приглашающего горцев в Турцию. Содержанием своим прокламация эта подходит близко к экземпляру, доставленному мной вашему превосходительству в бытность мою в Коджорах. Хотя и трудно ожидать, чтобы можно было возбудить охоту к переселению в добрых наших чеченцах собственно одной этой прокламацией, но все-таки не мешало бы прислать мне несколько экземпляров для распространения в населении»²⁵⁹.

Однако, как совершенно правильно отмечает Н. А. Смирнов, горская масса в большинстве случаев переселялась в Турцию вопреки своему желанию, под давлением влиятельных сородичей духовенства и социальных верхов, злоупотреблявших вековыми обычаями и традициями, а также догмой ислама о слепом подчинении старшим и влиятельным лицам²⁶⁰. Инициаторами в переселении, например, осетин явились алдары Цаликовы и Канукобадеяты Абисалоновы и Тугановы²⁶¹. Предатель Мусса Кунду писал генералу Лорис-Меликову, что «придется, быть может,

²⁵⁵ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 873, 1863, д. 8, лл. 22 — 23 об.

²⁵⁶ Ад. П. Берже. Указ. соч., февраль, с. 342.

²⁵⁷ АКАЖ, т. XII, ч. I, с. 51. № 34 (Отношение куталеского генерал-губернатора от 23 мая 1859 г. начальнику Главного управления наместника Кавказа).

²⁵⁸ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 63, л. 266.

²⁵⁹ Цит. по: Г. А. Дзагуров. Переселение горцев в Турцию, с. 19.

²⁶⁰ Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX ввек, с. 22.

²⁶¹ М. С. Тогоев. Указ. соч., с. 29.

первоначального возбуждения переселения (чеченцев. — Г. Д.) прибегнуть к негласному вознаграждению трех или четырех личностей, наиболее популярных в населении»²⁶². Сам Кундухов рассчитывал «на успех переселения и намерен тогда, по уходе не менее 3 [тысяч] семейств, получить увольнение от службы и самому последовать туда же», но с условием, что взамен отведенных ему в Осетии 2 800 дес. земли и построенного на ней большого каменистого дома ему выдано будет от казны 45 тыс. рублей²⁶³. Понятно, что на это наместник Кавказа мог только «изъявить свое согласие», однако в отношении Кундухова лишь в том случае, если с этим переселением будет связан уход не менее 5 тыс. семейств чеченцев и карабулаков²⁶⁴.

Массовое переселение горцев в Турцию, как уже говорилось, активно поддерживала и та реакционная часть горских феодалов, которая выступала против крестьянской реформы и бегством в турецкие пределы пыталась сохранить свои права и привилегии.

Вот что писал по этому поводу кавказовед Берже: «Потеряв еще тогда уверенность в своих силах и предвидя неизбежность подчинения русской власти, наиболее зажиточные и предусмотрительные из горцев начали вывозить свои семейства в Турцию, продавая на месте, с выгодой, свое имущество... Впоследствии к политическим и нравственным стимулам выселения... присоединились причины экономические. Они выразились в том, что более почетные и влиятельные из горцев после освобождения крестьян в России, боясь с принятием нашего подданства лишиться своих подвластных, стали уходить в Турцию, увлекая за собою... массу... Эти именно лица и должны считаться инициаторами выселения. Влияние их на народ было неотразимо. Руководствуясь личным интересом, они употребляли все усилия, чтобы запугать желавших перейти к нам произволом русских властей, солдатчиною и необходимостью отказаться в будущем от мусульманской религии...»²⁶⁵. А. Лиллов также подчеркивал, что «горским старшинам» и «богатым людям» «не хотелось расставаться с большим числом рабов и они надеялись с тою же дикою свободой, как в горах, расположиться в Турции»²⁶⁶. Этим феодалам, которые опасались, что русское правительство проведением крестьянской реформы может лишить их даровой рабочей силы, и давно стремились «увести своих крестьян в Турцию», было предоставлено право «насильно вести в Турцию крестьян, которые не хотят туда идти». Иной же «владелец» уводил с собой крестьян, чтобы просто «распродать их» на турецких невольничьих рынках. Р. А. Фадеев, которому принадлежат эти слова, упрекал местных царских администраторов в том,

²⁶² Г. А. Дзагуров. Переселение горцев в Турцию, с. 47.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Там же, с. 49, 67.

²⁶⁵ Ад. П. Берже. Указ, соч., февраль, с. 346—347.

²⁶⁶ «Кавказ», № 18, 2 марта 1867 г.

что они позволяли выселяющимся в Турцию «владельцам» «увести массою своих крепостных», что лишало весьма нужных в крае «рабочих рук, чрезвычайно трудолюбивых, смиренных и ни в коем отношении не опасных людей». Он даже требовал, чтобы указанные лица лишены были «права на своих крепостных», т. е. права «их увести» и «продавать» с того момента, как они объявляли себя турками, для чего предлагал «объявить свободу тем крестьянам, господа которых выселяются в Турцию»²⁶⁷.

Царское правительство воспользовалось этим обстоятельством. Зная «ахиллесову пяту» горской феодальной знати, оно, как одну из решительных мер по оказанию давления на представителей последней, в конце 1862 года объявило об освобождении горских крепостных крестьян. А когда в апреле 1863 года царские войска вступили в землю абадзехов, командование этих войск одним из главных условий переговоров выдвинуло: «Крепостное право будет иметь место только в тех случаях, когда владелец добровольно перейдет в русское подданство со всем семейством, холопами и имуществом»²⁶⁸. Правда, часть горских феодалов выступила против переселения в Турцию. Но и она руководствовалась, как правило, «своими классовыми интересами — старалась не лишиться той же даровой рабочей силы. В ряде случаев под давлением именно этих феодалов царское правительство ограничивало выезд крестьян в Турцию, которые без согласия своих хозяев не имели права переселяться. Надо отметить, что нередко против подобных эгонстических планов феодальных группировок²⁶⁹ выступали народные массы, особенно те из них, которые были склонны к мирной жизни в рамках Российского государства. Т. Лапинский, например, рассказывает, что в феврале 1857 года «горячо восстали шапсуги против двух уорков. Они говорили, что эти люди — самые известные обманщики в стране, которые, обманывая и турок и русских, сидят как бы между двух стульев...»²⁷⁰.

В возбуждении переселения горцев в Турцию немалую роль играл грубый произвол царских администраторов и казачьей верхушки. «От незаконных убийств до мелких оскорблений, побоев, захватов отведенной им земли им пришлось много вытерпеть», — писал Р. А. Фадеев. В частности, захваты земли производились «без зазрения совести не только казаками, но и войсками, которые выкашивают у горцев покосы, как сделал ставропольский полк и многие станицы на Кубани и Лабе, или даже хлеба, отданные им начальством, как сделал крымский полк». Бывали «насилия покрупнее». Фадееву доводилось слышать «о многих случаях убий-

²⁶⁷ Р. А. Фадеев. Собрание сочинений, т. 1, ч. 2, с. 69 — 70.

²⁶⁸ А. Лилов. Указ. соч. — «Кавказ», № 18, 2 марта 1867 г.

²⁶⁹ Представители этих феодальных группировок сносились с османским правительством, ездили в Константинополь, представлялись султану, его сановникам, иностранным послам, принимали у себя всяких эмиссаров.

²⁷⁰ Т. Лапинский. Указ. соч., т. II, с. 35 — 36.

ства и разбоя, совершенных казаками над горцами». Правда, за такие происшествия «наряжалось» следствие, но «самая бесконечность следствия и суда составляют в глазах горцев доказательство безнаказанности всякого совершенного над ним насилия. В народе укореняется мнение, что он беззащитно предан насилию... может найти спасение только в переселении в Турцию... Можно смело сказать, что вся масса шапсугов и абадзехов, выдвинутая весной из гор, сначала не думала идти в Турцию, и для того, чтобы направить ее туда, приставам было достаточно, вследствие полученных приказаний, показать горцам суровое лицо»²⁷¹. А выше крупные царские военачальники и администраторы и по личному своему «хотению» выселяли целые племена. Так, граф Евдокимов говорил Р. А. Фадееву, что он «желает выселения бжедухов, слишком близких к морю»²⁷². Правда, как констатировал тот же автор, «несмотря на желание графа Евдокимова, бжедухский народ не идет в Турцию массою»²⁷³. Известный народник и публицист Я. В. Абрамов²⁷⁴, критикуя «официального историка этих выселений» А. П. Берже, который объяснял, что «изгнание горцев было вызвано их постоянными разбоями, что усмирить их не было никакой возможности иначе, как или истребить совершенно, или выселить из гор на плоскость или в Турцию», указывал, что на «официальный план» заселения казаками занятых горцами местностей и изгнания последних из гор является следствием разбоев горцев, а, наоборот, самые «разбой» явились следствием «гениального плана»²⁷⁵. Да и сам Берже очень наивно проговаривался на этот счет. Касаясь выселения чеченцев в 1865 году, он писал, что царские власти прежде всего решились выселить всех карабулаков (1 500 семей), которые, будучи стеснены поселением на их землях казачьего полка, «почти не имели других средств к существованию, кроме хищничества»²⁷⁶.

Р. А. Фадеев подчеркивал и роль родовых и патриархальных отношений в переселенческом вопросе, о чем говорилось частично выше. «Движение это, — писал он, — действует как поветрие. Идет один, за ним идет его родственник и так дальше»²⁷⁷. И действительно, «достаточно было одному старшему и влиятельному лицу той или иной фамилии решиться на переселение, при тогдашних родственных отношениях и родовых пережитках, он «принуждал к уходу других»²⁷⁸. Так, например, «глава большого убыхского племени» Хаджи-Керантух-Берзек поселился в Родосто, на берегу Мраморного моря, с принадлежащими ему лично 350 семейства-

271 Р. А. Фадеев. Собр. соч., т. I, ч. 2, с. 71—72.

272 Там же, с. 74.

273 Там же, с. 75.

274 О нем: КЭС, III, с. 165.

275 Я. Абрамов. Указ. соч., с. 11—12.

276 «Русская старина», 1882, № 10, с. 16.

277 Р. А. Фадеев. Собр. соч., т. I, ч. 2, с. 74.

278 М. С. Тогоев. Указ. соч., с. 30.

ми²⁷⁹. А садзский князь Решид Геч (Гечба) увез в Турцию до 400 человек²⁸⁰. Недаром феодалы всячески культивировали, например, обычай отдавать детей на воспитание кормилицам. Этот вид искусственного родства был основан на их стремлении «быть как можно ближе к простому сословию или к соседним племенам, чтобы списать у них расположение и преданность к себе»²⁸¹. Что касается религии, то «в этом переселении религиозный фанатизм, на который любят ссылаться некоторые историки, далеко не играл той роли, которую ему обыкновенно стараются приписать, дабы сложить всякую ответственность за судьбы многочисленного народа с тогдашних вершителей судеб на Кавказе»²⁸².

Таким образом, переселение горской массы в Турцию совершилось в основном вопреки ее желанию покинуть родные края. Горцы, говоря словами П. С. Уваровой, «с горем покидали свое насиженное гнездо»²⁸³ и направлялись в султанскую Турцию, как мотыльки на огонь.

Барятинский уже весной 1860 года предполагал отправить в Турцию, через Закавказский край, несколько тысяч семейств с левого фланга. Чтобы ускорить решение этого вопроса и «устранить затруднения» со стороны Турции, в Константинополь был послан генерал М. Т. Лорис-Меликов, который «превосходно» справился со своим заданием, добившись вместе с российским поверенным А. Б. Лобановым-Ростовским согласия турецкого правительства принять в пределы империи 3 000 семейств кавказских горцев²⁸⁴. При этом царское правительство старалось, чтобы Турция выделяла этим переселенцам такие районы, которые находились подальше от русских границ. В противном случае, говорилось в предписании министра иностранных дел русскому посланнику в Константинополь, сделанном в 1860 году, это будет расценено как отсутствие дружелюбия со стороны Турции²⁸⁵. Первыми начали покидать свои земли, «в большом числе», абазины и прикубанские ногайцы, причем под предлогом странствования в Мекку, а «на самом деле с намерением навсегда переселиться с Кавказа». Их примеру последовали кабардинцы, чеченцы, дагестанцы и др.²⁸⁶ Население

279 Канитц. Указ. соч., с. 340.

280 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864, д. 63, л. 216.

281 К. Д. Мачавариани. Описательный путеводитель..., с. 317.

282 Ах. Цаликов. Кавказ и Поволжье. М., 1913, с. 14.

283 [П. С.] Уварова. Кавказ. Абхазия, Аджария, Шавшети, Псоковский участок. Путевые заметки, ч. II, М., 1891, с. 57.

284 «Русская старина», 1882, XXXIII, февраль, с. 342.

285 АКАК, т. XII, ч. II, с. 1011, № 890.

286 В 1860 году началось переселение и крымских татар — «сперва одинокие странники, потом семьи, наконец деревни и общества потянулись в Турцию, распродавая свое имущество, бросая в степи и топя в море то, что не находило покупателей» (Н. Щербин. Переселение крымских татар. — «Русский вестник», 1860, т. 30, с. 213). Турция дала согласие принять 300 тыс. переселенцев из Крыма. («Русский вестник», 1860, т. 28, современная летопись, с. 372). Собственно, переселение крымских татар в Турцию началось еще в XVIII веке. В 1783 году из

Северного Кавказа отправилось тогда в Турцию «в таком значительном числе, что в приставствах прикубанских ушло $\frac{2}{3}$ всего мирного населения»²⁸⁷. В 1860 году переселение горцев приостановилось, так как им стала известна неблагоприятная судьба в пределах Османской империи переселившихся туда ногайцев²⁸⁸. Вскоре многие из них начали возвращаться обратно на Кавказ, готовые принять любые условия царского правительства»²⁸⁹. Обратная эмиграция ногайцев происходила и позже²⁹⁰. Тем не менее в 1861 году переселение горской массы в Турцию снова активизировалось, вызванное теми же глубокими социально-экономическими, политическими и религиозными причинами. Переселение разрешалось только морем, так как при сухопутном движении переселенцы могли унать с собой часть скота. Так, в июле 1861 года всем абазинским племенам (казильбековцы, башилбаевцы, баговцы, шагиревцы, тамовцы)²⁹¹, соседство которых «держит в тревожном положении... казацкие поселения в горах», было предложено переселиться в Турцию, следуя непременно через Сухум²⁹². По сообщению одного официального документа, «благодаря присутствию войск и готовности их начать немедленно военные действия, указанные племена «очистили свои места жительства и удалились в Турцию», за исключением бесленевцев, которые, «вследствие упорства», внезапно были окружены войсками и в числе 4 тыс. душ переведены на Уруп, откуда уже большая часть их переселилась в Тур-

них ушло около 300 человек. После Крымской войны переселилось 200 тыс. человек (Д. Е. Еремеев. Этногенез турок. М., 1971, с. 171). Тогда им последовали и ногайцы из Таврической губернии (Е. И. Дружинин. Южная Украина в период кризиса феодализма. 1825—1866 гг. М., 1981, с. 50), которые к 60-м годам, как полагают, эмигрировало 180 тыс. человек («Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XX, 39, СПб., 1897, с. 422).

²⁸⁷ АКАК, т. XII, ч. II, с. 52, № 34 (Отношение кутаисского генерал-губернатора от 23 мая 1859 г. начальнику Главного управления наместника Кавказа).

²⁸⁸ Н. Башенев. Пятидесятилетие покорения Западного Кавказа и окончания Кавказской войны. Тифлис, 1914, с. 7.

²⁸⁹ Отчет по Главному управлению наместника кавказского за первое десятилетие управления Кавказским и Закавказским краем великим князем Михаилом Николаевичем (6 декабря 1862 — 6 декабря 1872 г.). Тифлис, 1873, с. XVI.

²⁹⁰ Например, в начале 1862 года в Батум прибыло до 340 человек, которые были в «безвыходном положении». Им было разрешено «водвориться» в Ставропольской губернии с обращением в государственных крестьян. И те из них, которые вернулись на родину, «сами рассказывают, что они вынуждены были для своего пропитания распродавать детей, жен и даже оружие...» (ЦИАГ, ф. 545, оп. 1 (кв. 1), д. 31, лл. 10—11). В ноябре того же года из Трапезунда в Сухум прибыли 92 ногайца, также не имея никаких средств к существованию; на первом казенном пароходе их отправили в Новороссийск (Там же, л. 43).

²⁹¹ Абзины (абаза) принадлежат к абхазско-абазинской этнической группе. Некогда абхазы и абзины составляли один этнический массив, говоривший на общем языке, имевшем диалектное дробление. На Северном Кавказе часть их (тапанта) появляется (по разным причинам) примерно в XII—XIII вв. В рассматриваемое время абзины населяли самую возвышенную полосу северного склона Главного Кавказского хребта, между верховьями Кумы и Подкумка, на левом берегу Кубани и у истоков рек Лабы, Ходзи и Губса.

²⁹² АКАК, т. XII, ч. II, с. 920, № 792.

цию²⁹³. Одновременно шло переселение кабардинцев — по официальным данным, в течение 1860—1861 годов их эмигрировало 10 343²⁹⁴ (вместе с некоторыми другими кавказцами).

Официальное выселение адыгейских (черкесских) племен было начато в 1862 году, когда 10 мая состоялось «высочайшее утверждение» постановления Кавказского комитета о переселении горцев, которое в действительности, как мы видели, последовало вслед за усилившимися военными действиями на Северном Кавказе после Крымской войны. Прежде всего был поставлен вопрос о переселении абадзехов и шапсугов, чтобы широко развернуть колонизацию в данном районе²⁹⁵. С целью «облегчить достижение полного успеха» в этом деле, генералу Евдокимову было разрешено переселение горцев морем в Турцию производить на казенный счет²⁹⁶. Однако этот вопрос оставался открытым. Переселение продолжалось «с вольных берегов» на контрабандных турецких кочермах, приезжавших за горцами десятками. «Переезд, — как констатировал Р. А. Фадеев, — сопровождался бесчисленными бесчеловечиями и страданиями»²⁹⁷. Г. З. Орбелиани, заменявший наместника Кавказа, подчеркивая вынужденный характер переселения черкесов в Турцию, писал: «В последнее время весьма многие из горцев, принадлежащих к непокорным еще нам племенам западной части Кавказа, будучи теснимы нашими войсками, ищут возможности удалиться в Турцию»²⁹⁸. Но, опасаясь русских крейсеров и не решаясь доверять судьбу своих семейств судам контрабандистов, они неоднократно обращались к властям за разрешением садиться на суда в принадлежащих России портах. В связи с этим тот же Орбелиани сообщал: «Имея в виду, что всякое противодействие намерению этих горцев удалиться из отечества, при том крайнем положении, в которое они поставлены действиями войск наших, было бы в отношении к ним только излишнею жестокостью, ничем неоправдываемою, я разрешил ген.-адъют. гр. Евдокимову дозволить всем горцам, принадлежащим к племенам шапсугов, абадзехов и непокорным натахайцам, отправляться в Турцию из Константиновского укрепления и других пунктов нашего побережья»²⁹⁹.

При этом был запрещен пропуск переселенцев Северного Кав-

²⁹³ ЦГАОР СССР, ф. 679, оп. 1, л. 682, л. 27 (Кавказ в течение 25-летнего царствования императора Александра II. 1855—1880 гг.).

²⁹⁴ А. Х. Касумов. Разные судьбы, с. 11.

По сообщению Н. Ф. Грабовского, в указанные годы выселилось 881 кабардинское семейство, т. е. 1/8 часть населения Кабарды. «И в последующие годы кабардинцы неудержимо продолжали эмигрировать в Турцию, хотя и не в таком количестве, как в первые два года» (ССКГ, 1876, вып. IX, с. 210).

²⁹⁵ АКАК, т. XII, ч. II, с. 1006, № 883.

²⁹⁶ Там же, с. 1007, № 885.

²⁹⁷ Р. А. Фадеев. Собрание сочинений, т. 1, ч. I, с. 203.

²⁹⁸ АКАК, т. XII, ч. II, с. 1012, № 891.

²⁹⁹ Там же.

каза через Закавказский край. Это было вызвано давнишним опасением кавказского начальства, что турецкое правительство может расселить их в пашалыках, близких к закавказским владениям России; «и тогда, — писал ген. Евдокимов, — на южной границе явится тот же неприятель, с которым мы стараемся кончить войну на Северном Кавказе»³⁰⁰. Начальник Главного штаба Кавказской армии генерал А. П. Карцов также подчеркивал для интересов царского правительства важность того, чтобы турецкое правительство «не отводило горцам места для поселения вблизи границ» закавказских владений России³⁰¹. Царские администраторы и в дальнейшем очень внимательно следили за этим. М. Т. Лорис-Меликов, находя необходимым и полезным, например, «удаление из малоземельной, густонаселенной Чевни какой бы то ни было части беспокойного и воспитанного в полувековой борьбе племени», категорически возражал против их поселения поблизости к азиатской границе России³⁰². В то же время британский посол в Константинополе настойчиво советовал турецкому правительству горцев «растянуть... военными колониями по армянской границе и таким образом воспользоваться ими как пограничной стражей против» России³⁰³. Однако Турция вынуждена была, наконец, согласиться с требованием русского правительства и заключить с ним специальное соглашение.

Начальник главного штаба Кавказской армии генерал Карцов, рассматривавший переселение горцев в тот момент как «предмет первостепенной важности», считал, что если «оно будет производиться беспрепятственно», то в течение лета 1864 года «война на Западном Кавказе будет окончена». Таково было мнение и наместника Кавказа, который через того же Карцова просил русского поверенного в делах в Константинополе «употребить все усилия к тому, чтобы Порты не препятствовала... в этом деле...»³⁰⁴. При этом речь шла прежде всего о том, чтобы, как писал ген. Евдокимов в 1863 году, «из общей массы туземного населения Кубанской области ушли те люди, которые недовольны настоящим положением дел и своим характером могут иметь дурное влияние»³⁰⁵. Таким путем царизм стремился решить важную политическую задачу — прежде всего избавиться от активных участников национально-освободительного движения, а затем вообще от всех «ненадежных» и «вредных» элементов и этим ослабить классовую борьбу в крае.

В секретном письме начальника штаба Кавказской армии от 29 октября 1863 года российскому консулу в Трапезунде сообщалось: «...В настоящее время горцы так стеснены в береговой поло-

³⁰⁰ Там же, с. 1009—1010, № 889.

³⁰¹ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, л. 1096, л. 1.

³⁰² Г. А. Дзагуров. Переселение горцев в Турцию, с. 35.

³⁰³ К. Мак-Коан. Наш новый протектор., с. 115.

³⁰⁴ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, л. 1096, л. 2.

³⁰⁵ Там же, л. 139, л. 3.

се, что выражают сильное стремление выселиться в Турцию, что совершенно согласно с нашими видами и может весьма ускорить окончательное покорение всего Кавказа... Мы должны всеми средствами облегчить горцам высел в Турцию и для чего временно изменить наш образ действий, а потому кутаисскому генерал-губернатору генерал-майору князю Мирскому дано следующее приказание: в виде временной меры сделать распоряжение, чтобы крейсера наши задерживали только те суда, на коих окажется военная контрабанда — оружие, порох, свинец и снаряды. Всем же прочим турецким судам, хотя бы они имели таможенную контрабанду, не препятствовать приставать к любому пункту берега, населенного горцами, а равно отнюдь не останавливать их, если на обратном пути они будут везти горцев, переселявшихся в Турцию»³⁰⁶. Вопрос о кавказских переселенцах обсуждался турецким правительством в ноябре 1863 года, и решение последнего было сообщено через русского поверенного в Константинополе. Турция не отказывалась в принципе принять кавказских горцев, но снова настаивала чтобы она сама решала вопрос об избрании места для их расселения, тем более, что переселенцы, в свою очередь, желали ехать только в Константинополь и Трапезунд³⁰⁷.

Согласно докладу комиссии по делу о переселении горцев в Турцию от 18 февраля 1865 года из пределов Северо-Западного Кавказа в течение 1863 и 1864 годов в Турецкую империю переселилось 470 703 человека, оставлены же на берегу и размещены по станциям Адагумского полка — 4 600 человек. Операция эта обошлась казне 289 678 руб. Но комиссия предупреждала, что «итогами этим не следует вполне доверять»³⁰⁸. По другим официальным данным, из горцев Северо-Западного Кавказа около 90 тыс. были выселены на равнину по Кубани и Лабее, а 418 тыс. — в султанскую Турцию. Кроме того, в 1865 году на Черноморском побережье, между р. Туапсе и Гаграми, «были уничтожены или разогнаны» появившиеся «еще кой-какие мятежные остатки... племен»³⁰⁹.

По подсчетам же председателя Кавказской археографической комиссии А. П. Берже, анализировавшего официальные статистические сведения, за период с 1858 по 1865 год в Турцию переселилось 439 194 души³¹⁰, или 11 часть населения, занимавшее северный склон Западного Кавказа и прибрежную горную полосу между Главным хребтом и Черным морем от Анапы до Гагры и котловину реки Бзызь³¹¹. Из них за период с 1862 по июль 1865 год

³⁰⁶ АВПР. ф. Посольство в Константинополе, 1863 г., д. 2603, лл. 241 — 242.

³⁰⁷ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1097, лл. 1—2.

³⁰⁸ Там же, л. 154, л. 13 об.

³⁰⁹ ЦГАОР СССР, ф. 677, оп. 1, д. 511, л. 3 об. 4 (Материалы по Кавказу).

³¹⁰ В. Миллер полагал, что за 1858 — 1865 гг. переселилось подмиллиона чел., а по официальным данным — 470 453 (См. его рукопись «К исторической этнографии восточного берега Черного моря». — Архив Института востоковедения АН СССР (Ленинградское отделение), ф. 38, д. 7/319, л. 1).

³¹¹ Ад. П. Берже. Указ. соч., январь, с. 163.

выселилось 180 000 душ. Причем на это переселение было издержано 224 000 руб. серебром. «Выселение горцев продолжалось и впоследствии»³¹². По отношению к адыгейцам, в частности, это привело к тому, что «от стройного прежнего и цельного народа остались небольшие клочки в виде этнографических островков и полосок по Кубани, Зеленчуку и другим впадающим в Кубань рекам». Количество же выселившихся в Турцию черкесов «с ушедшим раньше и позже» 1864 года, по мнению Л. Г. Лопатинского, «набирается больше полмиллиона»³¹³.

Однако к приведенным выше цифровым данным Берже совершенно резонно относился скептически. «К сожалению, — писал он, — мы не имеем данных определить хотя бы с достаточной приближительностью численность каждого из племен, так как при абсолютном отсутствии между ними государственности, сами представители их и старшины никогда не знали точной цифры своих единоплеменников. Даже число дымов, при полной свободе каждого жить и уходить куда ему угодно, не могло быть определено... Горцы грузились на турецкие кочермы, выходявшие из пунктов, принадлежащих еще непокорным племенам, которым решительно не было никакого интереса считать, кто и зачем отправляется в Турцию. С другой стороны, при усилившемся выселении... счет переселенца производился не с научною, а с ... целью уменьшить размер бедствий переселенцев. Оттого в официальных документах всего обращалось внимание на счетоводство, на количество выданных пособий, причем этнографические особенности оставались в стороне. Сколько тысяч горцев было отправлено на частных, казенных и турецких судах определить можно»³¹⁴; но кто именно отправлялся: бжедуги, абадзехи или шапсуги, оказывалось известным только в редких случаях... Есть полное основание думать, что даже в то время, когда главнокомандующим армиею были назначены специальные агенты для наблюдения за выселением горцев, то и они неверно показывали число душ»³¹⁵. В другом месте Берже также подчеркивает, что число переселенцев, отправившихся из незанятых русскими приморских пунктов на турецких кочермах, «нельзя определить даже приблизительно; оно никому не было известно и остается неизвестным точно так же, как

³¹² Ад. П. Берже. Этнографическое обозрение Кавказа. — «Труды III Международного съезда ориенталистов», т. I. СПб., 1879—1880, с. 299.

³¹³ Л. Г. Лопатинский. Заметки о народе адыгс вообще и кабардинцах в частности. — СМОМПК, 1891, вып. XII, с. 5.

³¹⁴ Однако не поддается учету число горцев, эмигрировавших в Турцию без ведома царских властей. Даже по официальным данным, в 1861—1862 годах, например, таким образом ушло 20 156 жителей Западного Кавказа (ЦГИАГ, ф. 545, оп. I, д. 69, л. 8), а в 1864 году — 21 350 человек (Х. О. Лайпанов. Указ. соч., с. 114). Такому виду «утечки» горцев способствовало то обстоятельство, что побережье Черного моря плохо охранялось, да и шаризм, как уже отмечалось, не особенно препятствовал тайному уходу населения с Кавказа.

³¹⁵ Ад. П. Берже. Выселение горцев., январь, с. 164—166.

и места, куда они прибыли в Турцию и где водворились»³¹⁶. Таким образом, сведения официальных источников об общем количестве переселившихся горцев Северо-Западного Кавказа в Турцию в 1858 — 1864 годах сильно преуменьшены. По мнению М. С. Тотоева, оно достигает 700 — 750 тыс.³¹⁷ А. Убичини и Павэ де Куртейль определенно называют цифру 700 тыс.³¹⁸ Весьма убедительно и логично раскрывает стремление царских властей преуменьшить количество горцев-переселенцев А. Х. Касумов. Он считает, что если на Северо-Западном Кавказе к середине XIX века проживало более одного миллиона адыгов, а после окончания Кавказской войны и переселения в Турцию их осталось всего около 100 тысяч, то, следовательно, речь идет более чем о 900 тысячах человек³¹⁹.

Еще не успело завершиться окончательно выселение горцев Западного Кавказа, как в 1865 году началось второе массовое переселение жителей Восточного и Центрального Кавказа³²⁰. Если выселение черкесов и их ближайших соседей явилось непосредственным результатом их военного поражения, то выселение 1865 года осуществлялось исключительно царизмом, который добивался дальнейшего усиления своей власти на Северном Кавказе, преследуя цель «разгрузить» край от «ненадежных» жителей, ослабить физически и духовно горское население, а также освободить земли для новых казачьих поселений и т. д.³²¹. Поэтому царское правительство всячески провоцировало это переселение, а ему способствовали в этом местные феодалы, вроде осетинского генерала М. Кундухова³²². По подсчетам М. С. Тотоева, количество переселившихся в 1865 году горцев колеблется между 40 000 и 50 000 душ³²³. При этом их основную массу составляли горцы Восточного Кавказа, значительное число переселенцев дали также Осетия и

³¹⁶ Там же, февраль, с. 349.

³¹⁷ М. С. Тотоев. Указ. соч., с. 33.

³¹⁸ А. Убичини и П. де Куртейль. Указ. соч., с. 32.

³¹⁹ А. Х. Касумов. Разные судьбы, с. 13.

³²⁰ Вообще в 60-х годах в Турцию эмигрировала, например, группа азербайджанцев — карапахаи (См.: П. И. Надежди. Кавказский край. Природа и люди. Тула, 1895, с. 203; «Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока». «Наука», М., 1970, с. 30). Известный зоолог и географ Г. И. Раде, совершивший путешествие в Турецкую Армению в 1867 году, писал о них: «Замечательные утраты мусульманского фанатизма; состояли из суннитов и шитов, живущих в полном согласии» (ИРГО, 1868, IV, 3, с. 236—237). По сообщению И. И. Пантюхова, жили они в Ардаганском округе, занимаясь египетского земледелием, несколько больше скотоводством» («Кавказ», 12 февраля 1891 г., с. 40). По данным же П. И. Аверьянова, карапахаи обосновались по долине р. Звинчая и в Дутак-Баязидском санджаке ([П. И. Аверьянов]. Этнографический и военно-политический обзор азиатских владений Османской империи. СПб., 1912, с. 22).

³²¹ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 15, 1870 г., д. 56, л. 60 (Всеподавнейший отчет... за 1863—1869 гг.).

³²² О нем: ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. I), д. 65.

³²³ М. С. Тотоев. Указ. соч., с. 38.

Кабарда³²⁴. По данным специальной переселенческой комиссии, в 1865 году из Терской области переселилось в Турцию 4 989 семейств или 23 057 душ, основной контингент которых составляли чеченцы и ингуши³²⁵. Генерал Лорис-Меликов, главный деятель переселения горцев 1865 года, рассматривал это движение как меру, принятую местной администрацией именно с целью «избавиться от лиц, имевших наиболее враждебное» к царизму настроение³²⁶. По данным А. Убичини и П. де Куртейля, общее количество кавказских переселенцев 60-х годов в 1866 году дошло до миллиона человек³²⁷. Это мнение разделяет и турецкий историк И. Беркок³²⁸.

По сообщению А. П. Берже, из общего количества кавказских переселенцев представители абазин и садзов-джигетов, относящиеся к абхазско-абазинской этнической группе, составляли:

1. Первые (1858—1866 гг.) ...	4 350 семейств или 30 000 душ ³²⁹ .
2. Вторые (1863—1864 гг.) ...	19 925 душ ³³⁰ .
Итого	49 925 душ

³²⁴ Между прочим, кабардинские феодалы в 1866 году пытались вызвать новое массовое переселенческое движение, но безуспешно. Дело в том, что в этом году в Кабарде подготавливалась почва для проведения крестьянской реформы. Напуганные этой реформой, князя и дворяне обратились к правительству с просьбой разрешить им переселиться в «заветную страну» или не освобождать их крестьян. Но в просьбе им было отказано. Тогда они, в феврале 1867 года, собравшись в количестве около 400 человек, «затеяли было нечто вроде неповиновения начальству», однако стянутые тогда же в Кабарду войска «успокоили недовольных» (Н. Грабовский. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость. — ССКГ, 1876, вып. IX, с. 211).

³²⁵ Г. А. Дзагуров. Переселение горцев, с. 137, 139; ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, кн. I, д. 90.

³²⁶ А. Убичини и П. де Куртейль. Указ. соч., с. 32.

³²⁷ И. Беркок. Указ. соч., с. 528.

³²⁸ См.: Ад. П. Берже. Выселение горцев., январь, с. 165—167.

³²⁹ По одному официальному сообщению, такое количество абазин выселилось за период с 1861 по 1863 г. (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 63, л. 220); по другим данным, абазин за 1859—1865 гг. было переселено 45 000 (там же, л. 120; ф. 416, оп. 3, д. 1190, л. 62).

³³⁰ Эти сведения Ад. П. Берже, как и некоторые другие авторы, почерпнул из рапорта командующего войсками в Абхазии от 20 августа 1864 года. Однако, как отмечает А. Н. Дьячков-Тарасов, в указанное число садзов не были включены псухвцы, занимавшие бассейн верхнего течения р. Бзыбь (А. Н. Дьячков-Тарасов. Гагры и их окрестности, с. 82). Между тем по одному сообщению, из Пеху в 1864 году выселилось 5 040 чел. (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 63, л. 216), а по другому, вероятно, более реальному, — 2 840 (там же, л. 257 об.). Следовательно, количество всех выселившихся садзов в 1863—1864 гг. даже по официальным данным было, по крайней мере, около 25 тыс. Как справедливо полагал Дьячков-Тарасов, все эти цифры были «ниже действительности, ибо регистрация отплывающих в Турцию не могла вестись точно: много горцев тайно садялись на кочермы» (А. Н. Дьячков-Тарасов. Указ. соч., с. 82). Кроме того, не все садзы удалились тогда в Турцию, часть из них перешла на Северный Кавказ, а другая осталась на родине — 81 двор, (493 чел.) — и была поселена близ Гагринской крепости, на берегах р. Гагрипш (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 91, лл. II — II об.).

Исчезли и некоторые другие народности и племена. Об одних из них — кара-

Берже допускает ошибку, когда количество выселившихся в Турцию убухов считает 74 565³³¹. Возможно, что здесь просто опечатка, так как в другой своей работе — «Краткий обзор горских племен на Кавказе» — количество убухов определяет он в 25 тыс.³³² Вероятно, ближе к истине Султан Довлет-Гирей, который называет несколько иную цифру — 44 939³³³. В таком случае число выселившихся в указанный период людей абхазско-абазинской и убыхской этнической принадлежности определяется цифрой 94 864.

Следует также отметить, что к горским переселенцам в Абхазии относились весьма сочувственно. Наместник Кавказа М. Романов в этом упрекал самого владельца. В письме Александру II от 23 марта 1864 года он сообщал, что последний «не только не запретил своим подвластным помогать убухам и выходцам абадзехским и шапсугским, столпившимся на их земле и терпящим голод и всякие лишения, но даже обложил абхазцев налогом хлеба в пользу наших врагов»³³⁴.

Уже в ходе переселения горцев начинается колонизация их земель, в результате чего за период с 1861 по 1865 год было «водворено» около 16 000 семейств, в том числе 150 офицерских. Шли сюда казаки бывшего черноморского кавказского линейного, оренбургского, донского и уральского войск, а также женатые отставные солдаты кавказской армии, крестьяне разных губерний³³⁵. Чтобы возможно скорее заселить край широко, вызывались «охотники», а генерал Евдокимов прибегнул даже к жеребьевке среди казаков для переселения. Причем добровольцами на Кавказ шли «большей частью» люди «нехозяйственные», а «имевшие порядочное хозяйство на родине» и «попадавшие по жеребью старались как-нибудь заменить себя и за деньги нанимали охотников»³³⁶.

булаках известный чеченский революционер Асланбек Шерипов в 1918 году говорил: «Уничтожение горцев было так сильно, что исчезли целые племена. Я укажу на сильное племя карабулак, которое было расположено на месте нынешней Сунженской линии. Теперь об этом племени напоминает только название станции Карабулакской. Вполне естественно, что в подобных условиях всякая агитация за восстание и турецкую ориентацию не могла не иметь успеха (Цит. по: «Съезды народов Терека. 1918», т. I. Орджоникидзе, 1977, с. 309).

³³¹ Убухи выселились в Турцию почти целиком. Осталось на Кавказе лишь 13 семейств (80 душ) в разных черкесских аулах Кубанской области (Бгуаше-хавль, Кошь-хавль) и 40 дворов на Черноморском побережье, недалеко от с. Головинского (ИКОРГО, 1885, т. VIII, вып. II, с. 368, 371; СМОМПК, 1891, вып. XII, с. 1). Некоторые же убыхские семьи с Кубани были переселены в Костромскую губернию, где вскоре забыли свой язык (Dumézil G. Documents anatolien sur les langues et les traditions du Caucase. III. Nouvelles études oubyk. Paris. p. 19).

³³² КК, 1857, с. 269.

³³³ ЛОААН СССР, ф. 800, Н. Я. Марра, д. 188, л. 4.

³³⁴ ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, 1864 г., д. 608, л. 13.

³³⁵ П. П. Надеждин, Кавказский край., с. 112—113.

³³⁶ К. И. Подозерский, По Черноморской губернии (В Туапсинском и Сочинском округах). — ИКОРГО, 1904, т. XVII, № 3, с. 193—194.

После войны колонизация идет почти только по линии гражданского населения.

В первой половине 60-х годов, как мы видели, по отношению к населению абхазско-абазинского этнического корня дело ограничилось выселением садзов-джигетов и абазин, а также убыхов. Однако тогда же планировалось выселение жителей и собственно Абхазского княжества. В марте 1864 года, т. е. до окончания Кавказской войны, наместник в личном письме Александру II писал: «...Будем действовать осмотрительно, но и решительно, чтобы окончательно очистить все Черноморское побережье. Надо ожидать, что большая часть горцев предпочитает выселиться в Турцию, чем перейти на назначенные для них места на Кубани... Дело окончательного покорения восточного берега Черного моря наиболее зависит от быстроты выселения туземцев на указанные им места или в Турцию. Для облегчения сего последнего я предлагаю разрешить употребить казенные транспортные суда и компанейские пароходы»³³⁷. А еще раньше, 27 февраля того же года, кутаисский генерал-губернатор Святополк-Мирский писал, что, если абхазское население «возьмем намерение удалиться в Турцию, то полагаю, что этому препятствовать не следует»³³⁸. Но в том, что в этот период не был осуществлен широкий план удаления населения Абхазского княжества, по-видимому, известную роль сыграло общественное мнение России. И в самом правительстве некоторые лица, по той или иной причине, не поддерживали пока этого плана. Таким образом, в официальных кругах «еще во время выселения горцев Западного Кавказа, в 1864 году, некоторые полагали, что вместе с ними следовало бы выселить и абхазцев»³³⁹, но «в то время не было признано полезным привести в исполнение эту мысль»³⁴⁰; против переселения абхазов «было говорено много, и абхазы остались»³⁴¹.

Тем не менее, повторяем, часть населения собственно Абхазского княжества в рассматриваемый период все-таки переселилась в пределы Турции, о чем свидетельствует ряд документов. В заявлении от 22 июля 1879 года группы абхазских махаджиров, проживавших в селении Нурие (окрестности Батума), прямо указывается, что они переселились в эти места в 1863 году³⁴². Некий Хусейн Хасан-оглы (Габлия Хасан-оглы Хусейн) 7 декабря 1879 года обратился в русское генеральное консульство в Константинополе с заявлением, в котором сообщал, что он, «бывший сухумский житель, абхазского происхождения, деревни Келасуры», переселился

³³⁷ ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, 1864 г., 805, лл. 13—16.

³³⁸ Цит. по: ს. ჯ. ხ. ა. შ. ვიწრო შარვაში. В кн.: გ. შარვაშიძე. ლიბია-ქობის დროს სომხები, 1946, გვ. 8.

³³⁹ «Кавказ», 25 мая 1867 г., № 40.

³⁴⁰ «Московские ведомости», 15 июня 1867 г., № 130.

³⁴¹ «Кавказ», 25 мая 1867 г., № 40.

³⁴² ЦГИАГ, ф. 7, оп. 1, д. 3345, л. 101.

в Батум вместе с 3000 семьями³⁴³ 15 лет тому назад³⁴⁴, т. е. в 1863 или 1864 году. Это подтверждается и сообщением Георгия Церетели, который в апреле 1878 года в качестве специального корреспондента газеты «Голос» был в Батуме. В Чурук-су (Кобулет) он нанял парусную лодку до Поти и оттуда — до Батума. В числе гребцов был мальчик лет пятнадцати, который рассказал писателю следующее: «Мы, барин, все здесь — абхазцы. У меня мать жива; она в Батуме. Мне было два года, когда моих родных выселили из Сухума. Моего отца турки поселили в Кобулетах. Я там выучился между кобулетскими мальчиками по-грузински; мать же со мною говорит постоянно по-абхазски. Она одна в Батуме; от султана получает две оки (шесть фунтов) кукурузной муки в день, одну оку (три фунта) на меня, а другую на себя. У моей матери было немножко денег. Она в товариществе с моим двоюродным братом купила перед открытием русско-турецкой войны эту фелуку, и мы занялись извозом»³⁴⁵. Обращает на себя внимание также сообщение русского генерального консула в Трапезунде А. Н. Мошнина в донесении от 1 августа 1866 года русскому посланнику в Константинополе графу Н. П. Игнатьеву о том, что в Батуме «поселены вышедшие из Абхазии переселенцы»³⁴⁶. В 1872—1873 годах абхазская девушка Хамида Керексиджи добивалась разрешения на выезд ее «навсегда в Турцию к родным, выселившимся туда в 1863 году»³⁴⁷. Есть и такие сведения, что абхазцы в Батум попали еще раньше — в 1862 году³⁴⁸. Например, З. И. Чичинадзе начало этого процесса относит даже к 1829 году, причем согласно рассказам самих переселенцев³⁴⁹.

В результате в Батумской области образовалось 20 деревень из абхазских (в том числе садзских-джгетских) и черкесских махаджиров³⁵⁰. Занимали они казенные земли, отведенные им турецким правительством. Между прочим, переселенцы, согласно закону страны, вступали в права турецких подданных, живших на казенных землях, лишь по истечении 20 лет со дня занятия ими этих земель³⁵¹. По данным В. С. Сичинава, в 60-х годах XIX века на территории Аджарии абхазы жили, главным образом, в следующих местах: Калтибаури, Куашадие (Чалта), Имамие (Салибаури), Белеппе, Фезие, Соук-су, Иджедие, Шерис (Шукрис), Луфитие. Атие, Адлие, Нурие, Ерге, Махмудие, Намандро (Узатие),

343 Около 10 000 человек.

344 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1880 г., д. 2073, л. 56.

345 «Голос», № 132, 14 мая 1878 г.

346 АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1866 г., д. 2606, л. 145.

347 ЦГИАГ, ф. 545, д. 614, л. 24.

348 «Черноморский вестник» (Батум), № 8, 12 января 1900 г.

349 ზ. ჩიჩინაძის კანონულ მემკვიდრეთ დროს ვადასახლება ოსმალეთში. გვ. 164.

350 Дм. Бакрадзе. Заметка о Батумской области. — ЗКОРГО, 1879, т. VI, № 2, с. 161; С. Эсадзе. Историческая записка..., с. 272.

351 Дм. Бакрадзе. Указ. соч., с. 161.

Урехи³⁵². Вначале абхазы обосновались в основном на морском побережье. Постепенно большая их масса сосредоточивается в Нурие (Нурие-гель), в окрестностях Батума³⁵³. Впоследствии на месте абхазской деревни Нурие образовался городской центр (Нурийская площадь с торговыми рядами), а тогда это было довольно далеко за чертой города³⁵⁴.

Что касается характера эмиграции абхазов в первой половине 60-х годов XIX-века, то она, как и в других районах Западного Кавказа, была в основном вынужденной. Названный выше мальчик ясно указывает, что его родители были именно **высланы** из Сухума. Мы уже видели, как принуждались к выезду псхувцы, часть которых под натиском царских войск удалилась в Турцию. О трагедии псхувцев Тарас Анчабадзе (Ачба) рассказывает: «Ужасно было видеть, с какой нежностью жители Псху прощались со своей родиной. С утра до вечера были слышны душераздирающий плач женщин и детей, их крик, грустные песни. Вечерами, по старым обычаям, приносили жертвы, резали овец, кур, готовили на дорогу бастурму, сыр, пекли каду, в бурдюки наливали вино. Прощальные обеды и поминки по умершим продолжались неделями в домах и на кладбищах. Со всех краев приходили гости и друзья, чтобы попрощаться с выселяемыми, желали им счастья в новой стране, принесли прощальные тосты. Грустные седые старики с беспокойными лицами бродили среди могил предков, прощались с ними, навсегда оставляя землю отцов и дедов... Строгие всадники, которые не желали продавать своих любимых коней, неоднократно спасавших хозяев от смертельной опасности, выводили их к лесу и выстрелом под ухо убивали своих любимых существ. Особенно крик и плач были сильны, когда группа махаджиров направлялась к Сухуму. Кричали и плакали как уходящие, так и провожавшие... и сегодня не могу без волнения вспомнить эти тяжелые дни прощания абхазов с родиной... В середине мая в Псху не оставалось ни одного абхаза, перед уходом абхазы поджигали все дома и строения. В Псху теперь стоял только русский полк со своими солдатами. Вокруг — сожженные села, оставленные сады, полное безлюдье. Оставленные хозяевами голодные собаки и кошки рыскали по бывшим поселениям. Полку уже нечего было делать в Псху. Некого было «усмирять». Поступил приказ о возвращении в Сухум»³⁵⁵. Один чеченец из «бедного народа» прямо заявил полковнику Беллику: «Не пойдем мы в Турцию и не пустим тех, кто собирается туда; в Турции ждет нас смерть, ждет она и здесь нас, но здесь она приятней, потому что здесь наша родина и здесь

352 См.: ვ. სოჭოხვაძე, ბათუმის ისტორიიდან, ბათუმი, 1958, გვ. 53.

353 С. Л. Зыхула. Ачара илао ацр уаа рьбзаара акьыт. — «Современное абхазское село. Этнографический сборник». Тбилиси, 1967, с. 214 — 216.

354 И. И. Кальфоглу. Древнейшие известия о Батуме. — ИКОРГО, 1905, т. XVIII, № 1. с. 45 — 46; Л. В. Вилькенский. История Батумского края. — «Батумское побережье». Батум, 1911, с. 37.

355 Цит. по: ვ. შატკოჯი, მონღოლის მემკვიდრეები, თბილისი, 1959, გვ. 113-114.

лежат отцы наши...»³⁵⁶. Так рассуждали многие горцы, в частности, абхазы. И действительно, для горцев, в том числе и для мусульман, которым эмиграция в единоверную Османскую империю казалась «меньшим злом», переселение в эту страну — «кладбище для народов»³⁵⁷ — фактически оказалось еще более губительным, нежели их покорение огнем и мечом у себя на родине³⁵⁸.

Трагедия переселенцев начиналась еще на родине. Быстрота и жестокость действий царских войск вызывали панику в горах, которые, бросив все свое имущество, спешили к морскому берегу. Переселялись они в Турцию через морские порты — Новороссийск, Тамань, Анапу, Константиновское, Туапсе, Сухум. До побережья ехали на арбах и лошадях. Движение затруднялось отсутствием мостов и бездорожьем. Дальше ни турецкий, ни царский флот не могли обеспечить своевременную перевозку огромной массы людей в пределы Турции. Не облегчило существенно положение и частичное привлечение флотов Англии, Греции и других государств. Без продовольствия, без денег и даже без одежды, горцы, в ожидании прихода судов, порой по 3—4 месяца переносили всевозможные лишения на открытом морском берегу. Ко всему прочему, суровая зима, например, 1863—1864 года, какой не знали в Анатолии с 1810 года, крайне затрудняла сообщение Турции с Кавказским берегом. Горцы не выдерживали бедственного положения, заболели³⁵⁹ и умирали массами³⁶⁰. «Весь северо-восточный берег Черного моря был усеян трупами и умирающими, между которыми сохранялись небольшие оазисы еле живых, ожидавших своей очереди отправления в Турцию»³⁶¹. Военный корреспондент, описывая десант царских войск на Адлерском мысу, 13 мая 1864 года из Сухума сообщал: «Перевозка десанта и снабжение провиантом, это первая часть программы, уже исполненная черноморскою флотилиею; теперь предстоит работа совсем другого рода и именно перевозка горцев с Кавказского берега в Варну и Кюстендже, работа не столько трудная, сколько неприятная. Сколько разрывающих сцен предстоит вынести командам судов, которые будут для этого отряжены. Оборванные, голодные горцы бродят по берегу, готовясь отправиться в Турцию и покинуть свои чудесные горы; плач и стоны нередко раздаются в таборе, и много можно увидеть самых отчаянных, трогательных сцен, посмотревши на эти голодные толпы, пресмыкающиеся на пустынном берегу. Турецкие военные суда примут участие в перевозке, и уже два судна, пароход-фрегат «Меджиде» и парусный фрегат «Гейван», принимают пере-

³⁵⁶ Г. А. Дзагуров. Переселение горцев, с. 60.

³⁵⁷ П. А. Чихачев. Великие державы и Восточный вопрос. М., 1970, с. 4.

³⁵⁸ М. С. Тотоев. Указ. соч., с. 25.

³⁵⁹ Например, в июне 1864 года в одном только Адлере было около 100 человек больных оспой (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 63, л. 216).

³⁶⁰ Ад. П. Берже. Указ. соч., февраль, с. 352, 360.

³⁶¹ Ах. Цаликов. Указ. соч., с. 15—16.

селенцев в Субеших (Субашах?) и Пезузале. Большая часть, однако, отправляется на кочермах в Анатолию»³⁶².

А. П. Берже, который в самый разгар переселенческого движения, летом 1864 года, отправился в путешествие из Закавказья через Константинополь в Грецию и Италию, писал: «Следуя вдоль Анатолийского берега, я встретил их во множестве в открытом море и был очевидцем их горестного положения в Батуме и Тракезунде. В ноябре того же года, на возвратном пути из Европы, я видел их при несравненно еще худшей обстановке в Рушуке и Силстрии. Но никогда не забуду я того подавляющего впечатления, какое произвели на меня горцы в Новороссийской бухте, где их собралось на берегу около 17 000 человек³⁶³. Позднее, ненастное и холодное время года, почти совершенное отсутствие средств к существованию и свирепствовавшая между горцами эпидемия тифа и оспы, делали положение их отчаянным. И действительно, чье сердце не содрогнулось бы при виде, например, молодой черкешенки, в рубищах лежащей на сырой почве, под открытым небом, с двумя малютками, из которых один в предсмертных судорогах боролся со смертью в то время, как другой искал утоления голода у груди уже окоченевшего трупа матери. А подобных сцен встречалось немало...»³⁶⁴. Вот еще одна из этих страшных сцен. «Поразительное зрелище, — свидетельствовал И. Дроздов, — представлялось глазам нашим по пути: разбросанные трупы детей, женщин, стариков, растерзанные, полуобъеденные собаками, изможденные голодом и болезнями переселенцы, едва поднимавшие ноги от слабости, падавшие от измождения и еще заживо делавшиеся добычей голодных собак... Живым и здоровым некогда было думать об умирающих; им и самим перспектива была не утешительная; турецкие шкиперы, из жадности, наваливали, как груз, черкесов; нанимавших их кочермы до берегов Малой Азии, и, как груз, выбрасывали лишних за борт при малейшем признаке болезни. Волны выбрасывали трупы этих несчастных на берега Анатолии... едва ли половина отправившихся в Турцию прибыла к месту. Такое

³⁶² «Морской сборник», 1864, XXII, № 6, с. 44 — 45.

³⁶³ К 21 ноября 1864 года в Новороссийске накопилось уже около 24 790 абазехов, шапсугов и бжедугов, из которых выехало в Турцию лишь 14 900 чел., а из Константиновского порта с 1 по 21 ноября того же года выехало 108 166 чел. (ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 152, лл. 1—3). По сообщению генерала М. Ольшевского от 9 января 1865 года, только на северо-восточной стороне этой бухты, где расположились горцы таборами, почти на пятиверстном пространстве были разбросаны кладбища, в которых было погребено до 1 480 трупов (ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 142, л. 5). Причем в указанных и других пунктах скопления горцев был установлен «полицейский надзор», в целях чего усиливали гарнизоны и укрепления, чтобы отчаявшиеся «переселенцы не могли бродить по горам и разбойничать» (там же, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 63, л. 308. Рапорт вр. командующего войсками Кубанской области г.-м. Ольшевского от 28 ноября 1864 г. главнокомандующему Кавказской армией).

³⁶⁴ Ад. П. Берже. Указ. соч., февраль, с. 362—363.

«Бедствие и в таких размерах редко постигало человечество...»³⁶⁵. Другой очевидец событий, А. Фонвилль, писал: «Страна представляла крайне плачевный вид; черкесы, расположившиеся на берегу моря, с нетерпением дожидались своей очереди к отплытию. Отчаяние и безнадежность так овладели этими несчастными, что им и в голову не приходило устроить себе на берегу шалаши, чтобы скрыться от непогоды... все дни проводили в том, что взбирались на прибрежные утесы и оттуда криками и разными знаками манили к себе всякое показавшееся в море судно. Снег начинал уже таять, и это еще более увеличивало их нетерпение; они хорошо понимали, что, как только сойдет снег, русские [войска] не замедлят сюда явиться, и эта мысль отнимала у них и последнюю энергию»³⁶⁶.

Еще более ужасающую картину описывает Я. В. Абрамов: «Горцы, уходя с своих мест поселения, покидали свой жилища, оставляли скот и запасы хлеба, а иногда и не убранные нивы. Сами же горцы, без всякого имущества, скапливались частью в Анапе и Новороссийске, частью во многих мелких бухтах северо-восточного берега Черного моря, тогда еще не занятых русскими. Отсюда их перевозили в Турцию турецкие кочермы, а также отчасти заарендованные специально для этой цели русским правительством суда. Но так как всего этого транспортного флота было крайне недостаточно для перевозки почти полумиллиона человек, то массе горцев приходилось ждать своей очереди по полугоду, году и более. Все это время они оставались на берегу моря, под открытым небом, без всяких средств к жизни. Страдания, которые приходилось выносить в это время горцам, нет возможности описать. Они буквально тысячами умирали с голоду. Зимой к этому присоединялся холод. Весь северо-восточный берег Черного моря был усыпан трупами и умирающими, между которыми лежала остальная масса живых, но до крайности ослабевших и тщетно ждавших, когда их отправят в Турцию. Очевидцы передают ужасные сцены, виденные ими в это время. Один рассказывает о трупe матери, грудь которой сосет ребенок; другой — о матери же, носившей на руках замерзших детей и никак не хотевшей расстаться с ними; третий — о целой гряде человеческих тел, прижавшихся друг к другу в надежде сохранить внутреннюю теплоту и в этом положении застывших и т. д.»³⁶⁷. Абрамов сам был свидетелем сцен расставания группы черкесов с родной землей в районе Минеральных Вод. «Через несколько времени к толпе подошел кондуктор и закричал:

— Ну, татарва! идите занимать места... вон в тот вагон... Вслед за этим произошло нечто неопишемое. Дети и женщины заголосили, хватаясь друг за друга, взрослые мужчины зарыдали,

³⁶⁵ И. Дроздов. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе. — КС, 1877, т. 2, с. 548.

³⁶⁶ А. Фонвилль. Указ. соч., с. 37.

³⁶⁷ Я. Абрамов. Указ. соч., с. 7.

старики бросились на землю, стали ее целовать и поливать своими слезами. Эта ужасная сцена продолжалась минуты две, затем вся толпа быстро бросилась в указанный вагон и скрылась в нем. Оттуда слышались глухие рыдания»³⁶⁸.

Переселенцы вынуждены были за бесценок продавать свое имущество. Такое разорение было обусловлено тем, что турецкое правительство не разрешало горцам брать с собой в Турцию оружие и скот. Во-вторых, горцы не думали так скоро быть побежденными, откладывая распродажу своего имущества до последней минуты. Когда же пришлось нескольким сотням тысяч людей одновременно продавать свое имущество, цены упали до невероятного. Особенно много продавалось оружия и скота. Хорошего быка можно было приобрести за целковый, барана — за четвертак, обыкновенную лошадь с седлом и полной сбруей за пять рублей, а породистую — рублем за двадцать. Дорогие шашки в богатой оправе также отдавались за бесценок — то, что прежде ценилось в 200 — 300 рублей, можно было купить за 30 — 40 рублей. За дровиш, хороший клинок в свое время отдавали десятки рабов, сотни баранов, «теперь же все пошло прахом». Старики, не желая продавать свое оружие, так долго служившее им, с каким-то немым отчаянием кидали его в море. Бывали случаи и более печальные. Нет ничего невероятного, если, скажем, рассказ Ах. Цаликова «Последний из убухов» — это действительно «кавказская быль». Убух Хатажук, лишенный возможности взять с собой любимого коня, бросился на нем в пучину моря и погиб³⁶⁹. Многие семейства, подытая к берегу и узнав, что весь скарб свой придется бросить, продать даже свое оружие, поворачивали арбы назад³⁷⁰. Прощаясь с родиной, горцы стреляли в воздух из ружей, а затем бросали их в морскую пучину. «Вот лодка пристала к берегу. Посмотрите, с каким неистовством кинулись в нее горцы. Многие, не попав в лодку, падали в море и, несмотря на крики, угрозы, а иногда и побои, сыплющиеся со всех сторон, ухватились за борт и после долгих усилий наконец взобрались на нее»³⁷¹. Так описывает очевидец тяжелую картину прощания с родиной.

Многие авторы отмечали, что при этом особенно страдали крестьянские массы. Так, А. П. Берже писал: «Более состоятельные люди приступили к выселению тотчас же, отправляясь из незанятых нами приморских пунктов на турецких кошерах... Горцы, не имевшие состояния, увлекаясь примером богатых людей, бросали свое малосенное имущество и выходили к морскому берегу в ожидании прихода турецких судов и возможности перебраться на

³⁶⁸ Там же, с. 5.

³⁶⁹ См.: «Кавказские курорты», 1913, № 13.

³⁷⁰ А. Лилов. Указ. соч.; С. Эсадзе. Покорение Западного Кавказа, с. 154 — 55; А. Нисченков. Переселение горцев в Турцию. — «Всемирная иллюстрация», 869, т. 1, с. 122.

³⁷¹ А. Нисченков. Указ. соч., с. 122.

них в Турцию»³⁷². Например, Решид Гечба, как доносил подполковник Батьянов, отправился в Турцию на двух зафрахтованных «на свой счет» кочерах, взяв с собой несколько сот человек³⁷³. К тому же «состоятельные люди» находили покровительство со стороны местной царской администрации. Капитан генерального штаба Смекалов в записке от 10 декабря 1864 года прямо писал о «беспорядках» при отправлении горцев из Новороссийска, вызванных действиями чиновников и выражавшихся в том, что иногда «богатые отправлялись бесплатно на турецких пароходах, забирая даже семена для будущих посевов, а бедные оставались без хлеба на берегу моря...»³⁷⁴.

Помощь же, оказанная переселенцам казной, была мизерная. Всего издержано было по переселению горцев 289 678 руб. Большая часть этой суммы пошла на уплату судовладельцам за провоз переселенцев, и только незначительная сумма была отпущена на пособие последним. Но и указанная помощь не всегда доходила до нуждающихся, так как она сделалась доходной статьей для многих чиновников. Официальная комиссия, проверявшая счета по переселению горцев, нашла массу представленных ей квитанций «сомнительными»³⁷⁵. Между прочим, в 1864 году были созданы три комиссии для отправления горцев в пределы Турецкой империи — в Тамани, Новороссийске и Туапсе³⁷⁷. Главная из них находилась в Туапсе, где переселенцам, в ожидании отправления, было разрешено останавливаться на протяжении двух верст от устья р. Туапсе вверх по ее течению и на версту в стороны³⁷⁸. Однако попытка царского правительства упорядочить переселение не принесла ощутимых результатов.

Переселение горцев в Турцию вызывало настоящий ажиотаж в деле гаремных поставок живого товара. «На Кавказском берегу Черного моря англичане и турки красавицами набивали трюмы; несчастные с плачем обращались к русским офицерам, умоляя освободить их оттуда и удержать на родине. Поставщики гаремов и турецкие покупщики остались, вероятно, в больших барынях от нашего товара...»³⁷⁹. Не удовлетворяясь закупкой девушек и женщин в прибрежных пунктах, турецкие работорговцы проникали

³⁷² Ад. П. Берже. Указ. соч., с. 549.

³⁷³ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 63, л. 216.

³⁷⁴ Ад. П. Берже. Указ. соч., с. 362.

³⁷⁵ Вот что говорится в одной из этих квитанций: «Дана сия командиру парохода Русского общества пароходства и торговли «Гуниб» в том, что погружено в Константиновске на означенный пароход 1-го и 2-го числа сего июня для поставления в Кюстендже горцев-переселенцев 1969 душ, в том числе взрослых одна тысяча двести восемьдесят один, малолетних пятьсот восемьдесят четыре и детей моложе трех лет сто сорок...» (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 63, л. 281).

³⁷⁶ Я. Абрамов. Указ. соч., с. 8.

³⁷⁷ Р. А. Фадеев. Собрание сочинений, т. I, ч. I, с. 203.

³⁷⁸ А. Лиллов. Указ. соч.

³⁷⁹ Горец. Черкесы в Турции. — «Кавказ», № 134, 7 июля 1877 г.

в отдаленные аулы черкесской территории, где выскивали «особенно ценный товар». Более того, отдельные «работорговческие фирмы» посылали на Кавказ в этих целях специально доверенных лиц, которым поручалось отбирать самых красивых женщин и девушек³⁸⁰.

Р. А. Фадеев, подчеркивая, что переселение горцев сопровождалось «бесчисленными бесчеловечными страданиями», также обратил внимание на то, что «турецкие судохозяева привыкли плавать к восточному берегу почти исключительно для торговли рабами; они внесли тот же дух и в перевозку свободных людей». «За неимением денег или вещей, — пишет он далее, — расплата происходила женщинами и детьми. Для черкешенок это было, впрочем, все равно, потому что в каком бы качестве они не достигали турецкого берега, их потом все-таки гуртами отправляли на базар»³⁸¹. В мае 1865 года на австрийском пароходе было отправлено 80 черкесских мальчиков и девочек, закупленных турецкими работорговцами для «реализации» в Египте³⁸².

На пути в Турцию бедствия и страдания горцев становились еще более тяжелыми. Теснота и давка на судах, недостаток съестных припасов и воды, морская и эпидемические болезни вызывали колоссальную смертность среди них; не редки были и случаи кораблекрушения. Вот что рассказывает А. Фонвилль, находившийся на Западном Кавказе в 1863—1864 годах: «Черкесы так торопились уезжать в Турцию, а турки до такой степени жадны и корыстолюбивы, что суда обыкновенно нагружались, что называется, доверху; триста или четыреста человек наполняли пространство, на котором в обыкновенное время помещалось от 50 до 60 человек. Вся провизия, которую горцы брали с собою, состояла из нескольких горстей пшена и нескольких бочонков воды; плавание открытым морем иногда продолжалось от 5-ти до 6-ти дней, и в таком-то положении и с таким запасом провизии этим несчастным приходилось совершать переезд столь гибельный и столь опасный. Когда подымалась непогода на море, каюки³⁸³, нагруженные так, что вода достигала до самых краев, не могли держаться в море и тонули. Те, которые были лучше устроены или менее нагружены, при волнении подвергались такой сильной качке, что несчастные пассажиры бились и давили друг друга. В хорошую же погоду новые муки приходилось испытывать переселенцам; безветрие задержи-

380 М. Покровский. Диверсионная деятельность иностранных агентов на Западном Кавказе после окончания Крымской войны, с. 234.

381 Р. А. Фадеев. Собрание сочинений, т. 1, ч. I, с. 203.

382 «Кавказ», №№ 32, 35, 1865 г.

383 Об этих турецких каюках или кочермах А. Лиллов писал: «Это были небольшие и невзрачные суда... слишком ненадежные и опасные для жизни... Доходило до того, что на судно, которое могло поместить на себе несколько десятков человек, сажали до 300 человек, да еще и с багажом. На судне решительно негде было ни повернуться, ни сесть, ни пройти» («Кавказ», № 20, 9 марта 1867 г.).

вало их плавание, и они предавались тогда на жертву всем ужасам голодной смерти. Возвратившиеся турецкие матросы рассказывали нам подробности страшных сцен, которых они были очевидцами. Несколько судов с переселенцами потонуло; на других половина пассажиров, умершая в дороге, выброшена была за борт ранее прибытия в Трапезунд...»³⁸⁴.

Сам Фонвилль ехал на судне, в котором было 347 человек. Судовладелец Якуб лично рассаживал переселенцев, «заботясь, главным образом, чтобы не оставалось пустых мест. Трюм был уже переполнен; тем не менее, как только являлась новая жертва, он находил средство и ее пристроить в трюме. Мужчины разместились на корточках на палубе в такой тесноте, что матросы, исполняя разные обязанности во время плавания, вынуждены были ходить по головам пассажиров»³⁸⁵. Из 600 переселенцев, погруженных на одно из таких судов, через три-четыре дня на турецком берегу высадилось только 370 человек³⁸⁶. А судно «Нусред-Бахры», отправленное из Новороссийска, бурей было выброшено на берег и разбито, в результате чего из 470 пассажиров погибло 300 человек. Причем из спасшихся 170 человек 120 серьезно пострадали, и пришлось их поместить в константиновский госпиталь³⁸⁷.

Надо сказать, что, в частности, контрабандные суда (кочермы), отличавшиеся легкой конструкцией и вынужденные выбирать для своего отхода темные ночи, чаще подвергались опасности; по данным гражданской канцелярии командующего войсками в Абхазии за 1857 год, их ежегодно погибало от 17 до 20 процентов³⁸⁸. Бывали и умышленные случаи потопления судов. «Многие барки, — писал Я. В. Абрамов, — нагруженные горцами, имели пробурванное дно и, будучи выведены в море, тонули вместе с переселенцами, а деньги, назначенные на расходы, оставались в карманах заведывающих делом лиц... Предание это, если принять жестокость нравов тогдашнего кавказского чиновничества... очень правдоподобно и отчасти подтверждается тем обстоятельством, что официально констатированы случаи затопления барок с горцами «от бурь»³⁸⁹.

Но «главное разочарование» ожидало горцев на том берегу — в Турции. Поэтому Феликс Каниц и писал, что многие переселенцы «погибли в волнах Понта Эвксинского — грустная участь, но все-таки... менее достойная сожаления, чем та, которая постигла высадившихся на берег»³⁹⁰. 1864 — 1865 годы — время наиболее активного переселения части северокавказских народов в пределы

384 А. Фонвилль. Указ. соч., с. 36 — 37.

385 Там же, с. 37 — 38.

386 «Кавказ», № 39, 24 мая 1864 г.

387 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 63, л. 306 об.

388 П. В. Апрельев. Два года в Абхазии. Историко-этнографический опыт (1868 г.). — РО ГПБ, шифр FIV 551/54, л. 405 об.

389 Я. Абрамов. Указ. соч., с. 8.

390 Каниц. Указ. соч., с. 340.

Турецкой империи. Если, например, в 1863 году «выселялись наиболее состоятельные горцы» и скопление их в Анатолии и Европейской Турции не достигло еще громадных размеров, то неожиданное прибытие их в 1864 году на мелких судах, которые, как мы видели, ради дешевизны нередко неизмеримо перегружались, вызывало эпидемические заболевания и смертность, что исключало возможность устройства их на новых местах без значительной помощи со стороны турецких властей.

А султанское правительство, хотя вначале всячески проводило эмиграцию кавказских горцев по уже известным нам соображениям, теперь, когда сотни тысяч обездоленных и изнуренных людей бросились к берегам страны, прежде всего в Трапезунд и Константинополь, не только не было в состоянии удовлетворить их, но и не желало этого — оно увидело в них опасность для «внутреннего спокойствия». Пособия правительства были крайне недостаточны «и не всегда доходили до переселенцев, число которых никому не было известно и постепенно увеличивалось»³⁹¹. Мизерные средства, отпущенные правительством на устройство махаджиров, разворовывались³⁹², «и несчастные гибли тысячами на улицах Стамбула. Очевидцы рассказывают, как бесстрашные орды кавказских гор покорно ютились вблизи Ени — Джаме, не имея пристанища и с фаталистским терпением ожидая милости от великого и надменного чиновника. Вот когда началось знаменитая продажа девушек в турецкие гаремы»³⁹³. Турецкое правительство было вынуждено даже обратиться к царскому правительству с просьбой о приостановлении переселения горцев, на что получило уклончивый ответ. А русский поверенный в делах в Константинополе Е. А. Новиков в письме от 12 декабря 1863 года на имя генерала А. П. Карцова писал: «Турки сами старались поддерживать между горцами симпатии к турецкому правительству и вражду против русских, и настоящее переселение горцев составляет естественное последствие их собственного образа действия»³⁹⁴.

Новиков в письме от 18 апреля 1864 года сообщал, что турецкое правительство «держится того правила, чтобы горцы не были поселяемы в Турцию сплошными массами для предупреждения могущей произойти от того опасности для общественного порядка и для государственной власти». При этом он подчеркивал, что хотя турецкое правительство принимает переселение горцев «не без страха насчет последствий оного для своей внутренней безопас-

³⁹¹ Ад. П. Берге. Указ. соч., с. 356—357.

³⁹² «...Распределение рационов не достигает цели, так как личности более влиятельные и состоящая при них свита истребляют почти все, а наиболее нуждающиеся нередко остаются по нескольку дней даже без этой ничтожной помощи и принуждены питаться кореньями, травой и редкими крошками, падающими от чужого хлеба» (Из отчета доктора Бароци; инт. по указ. рук. П. В. Апельева, л. 413 об).

³⁹³ М. Ечерух. Указ. соч., с. 144.

³⁹⁴ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, л. 1097, л. 1.

ности, но далеко не противится оному, а напротив того, по мере сил своих, помогает оному...» Только оно требовало, чтобы переселенцы направлялись пока исключительно в Варну и Кюстендже (Констанцу)³⁹⁵. Между тем основная масса переселенцев направлялась в Трапезунд, Константинополь, Самсун, Варну и другие порты Турции. Не было никакой организованности в их расселении, все шло самотеком. Не получая указаний, куда идти и где поселиться, горцы большей частью становились лагерем на том месте, где высадились, и здесь они в ряде случаев бедствовали в течение нескольких месяцев, а иногда и целого года.

Еще в июне 1861 года Г. З. Орбелиани констатировал, что «большая часть» переселенцев Северного Кавказа, отправившихся в разное время в Турцию «в значительной массе», «как и следовало ожидать, была обманута в своих надеждах насчет выгод и удобств жизни под покровительством Порты, а по сему стали в последнее время с крайнею настойчивостью искать случаи к возвращению на родину»³⁹⁶. О том же систематически доносил русский консул в Трапезунде А. Н. Мошнин³⁹⁷. Так, в письме генералу А. П. Карцову от 28 декабря 1863 года он писал, что на совесть трапезундского генерал-губернатора должны пасть те болезни, которыми страдают переселенцы: «Переплыв в зимнее время Черное море, изнуренные морской болезнью, холодом и голодом, они (горцы. — Г. Д.) не встречают здесь тех забот, какие бы должны быть им оказаны местными здешними властями. Вместо того, чтобы разместить их в хорошем загородном месте, помещают в дырявые палатки, на главной площади, где они буквально тонут в грязи... Отсюда и та ужасная болезнь.. Зарытие трупов совершается с такой страшной небрежностью, что во всяком другом государстве местные власти были бы уличены в уголовном преступлении»³⁹⁸. Русский вице-консул в Батуме³⁹⁹ также доносил «о безвыходном положении», в которое переселенцы «были поставлены равнодушием к судьбе их турецких властей»⁴⁰⁰.

Инал Кануков, который сам был в числе осетинских переселенцев в 1860 году, писал: «Но знают ли они, куда они стремятся? Нет, не знают. Они знают только, что существует где-то в мире страна, называемая Стамбулом... они стремятся туда так безотчетно, потому что обольщены ложными слухами, что им там будет хорошо и лучше даже, чем на старой родине. Но, увы! Какое разочарование постигло этих поистине несчастных переселенцев, и сколько раз слышались слова проклятий на головы тех, которые

³⁹⁵ Там же, с. 8 — 10.

³⁹⁶ ЦГВИА, ф. 30/286, св. 869, 1860 г., д. 4, л. 31.

³⁹⁷ Там же, св. 880, 1855 г., д. 16, лл. 4 — 4 об, 18.

³⁹⁸ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 63, лл. 3—4.

³⁹⁹ Первый наплыв махаджиров обычно приходился на Псоховский, Ардаганский, Чиддырский, Шавшетский и Аджарский саяджак, т. е. на пограничные районы Закавказья.

⁴⁰⁰ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 872, 1862 г., д. 6, лл. 8 — 8 об.

их увлекли, когда трудность дороги и действительность предстали им воочию и раскрыли им глаза, и тогда-то, забыв недавние розовые мечты, они поняли, что обмануты, что они сделались жертвами своего легковерия, поддавшись лживым словам тех глупцов, которые уверяли их, что там будет лучше. И вот они, по милости этих глупцов-фанатиков, теперь гибнут»⁴⁰¹.

Многие и другие источники сообщают факты о нечеловеческих страданиях кавказских горцев в «обетованной стране». Русский консул в Трапезунде А. Н. Мошнин в своем донесении от 26 декабря 1863 года Новикову сообщал: «Черкесы по прибытии размещаются в дырявых палатках, среди грязи, в которой они буквально тонут. Отсюда — смертность, доходящая до ужасающей цифры — от 40 до 60 человек в день. Тифозность — главная болезнь. На весну следует ожидать развитие заразы, так как тела зарываются с большой небрежностью...» В ноябре и декабре 1863 года в Трапезунд и Платану прибыло около 10 тыс. горцев. 5 450 человек этого количества было переброшено на пароходах в Константинополь, Смирну и Варну. Из числа последних умерло 2 400, причем в среднем «по 40 человек в день»⁴⁰². В донесении от февраля 1864 года консул писал, что в Трапезунде «все кладбища наполнены могилами, от нечистот нет проходу... Из Константинополя пришло приказание засыпать кладбища известкой...»⁴⁰³. В средних числах марта в Трапезунд прибыло 56 баркасов с более чем 15 000 черкессами; из них 3 000 человек были отправлены в Самсун, 1 000 — в Варну. Общее количество кавказских переселенцев, живших около Трапезунда к 18 марта 1864 года, Мошнин определял цифрой 20 000, а всего сюда прибыло с ноября 1863 года 40 000 чел.⁴⁰⁴

Часть горцев была поселена лагерем недалеко от Трапезунда, в Ачка-Кале, во избежание заражения последними турецкого населения эпидемией тифа и оспы. Положение переселенцев здесь, в этом «лагере смерти», оказалось еще плачевнее. Сюда в начале 1864 года вместе с группой переселенцев попал известный нам А. Фонвиль, который сообщает следующее: «Нуждаясь в пище, изнуренные переездами и болезнями, они принесли с собою в Трапезунд тиф, оспу и другие эпидемические болезни, так легко заражающиеся от нищеты и лишений, и население этого города подверглось вследствие того страшной смертности»⁴⁰⁵. В момент, когда Фонвиль высадился на малоазийский берег, «эмиграция была в полном ходу» и в одном Ачка-Кале было 15 000 переселенцев, которые, «несмотря на суровость сезона.., были расположены под защиту жалких листьев оливковых деревьев; не имея никакой

401 И. Кануков. Горцы-переселенцы. — ССКГ, 1876, вып. IX. Этнографические очерки, с. 85 — 86.

402 АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1863 г., д. 2603, лл. 266—267. См. также: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1096, лл. 6—7.

403 АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1864 г., д. 2604, л. 29 об.

404 ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1114, л. 13.

405 А. Фонвиль. Указ. соч., с. 40.

провизии, они существовали только теми ничтожными, если не сказать более, средствами, которыми снабжало их турецкое правительство»⁴⁰⁶. Смертность переселенцев в Ачка-Кале была особенно высокой. Тот же Фонвиль свидетельствовал: «После молитвы хоронили мертвых; четыре человека несли их на своих плечах, и за каждым умершим следовало его семейство; женщины при этом шли несколько позади, испуская страшные крики. Это, что называется, они оплакивали умерших. Я слышал это оплакивание на Кавказе, но в Ачка-Кале было столько умерших, что эти концерты дошли до невыносимых размеров; раздражающие душу вопли отдавались эхом по окрестным горам»⁴⁰⁷. В конце концов возник вопрос об уничтожении лагеря в Ачка-Кале, так как там нельзя было жить от нечистот и трупного разложения; чтобы воспользоваться порциями, люди не убирали своих мертвецов из палаток и часто скрывали их, зарывая в самих палатках⁴⁰⁸.

Таковыми же лагерями смерти были Синоп, Самсун, Варна и другие пункты. Самсунский санитарный инспектор, врач французского посольства в Константинополе Баронци, в мае 1864 года в своем докладе Комитету здоровья Оттоманской империи⁴⁰⁹ совершенно откровенно высказывался о неспособности турецких властей и их несостоятельности оказать помощь горским переселенцам. «Я — писал он, — прибыл в Самсун шесть дней тому назад. Не нахожу слов для изображения положения, в котором я нашел город и несчастных эмигрантов... На каждом шагу встречаются вам больные, умирающие и трупы — у городских ворот, перед лавками, посреди улиц, в скверах, в садах под деревьями. Всякий дом, всякий угол улицы, всякий шаг, занятый эмигрантами, стал гнездилищем заразы... Виденное мною в Трапезунде не может никак сравниться с тем ужасным зрелищем, которое представляет город Самсун. Лагерное расположение представляет не менее ужасный вид. До 40 — 50 тыс. человек в самой крайней нищете, измученные голодом, пораженные смертью, остаются там без хлеба, без крова и без погребения... Вот какое положение сложилось в Варне. Здесь в настоящее время 70 — 80 тыс. человек без хлеба, и нет достаточной силы для усмирения могущих возникнуть беспорядков... В несколько дней число это удвоится. Положение весьма опасное, нет сильнее бедствия и более плачевной катастрофы, как эта эмиграция, предоставленная самой себе...»⁴¹⁰ 11 декабря 1863 года в Варну прибыли два парохода с 1030 переселенцами. Когда лодочники начали высаживать голых, босых, истощенных, больных и едва живых, было обнаружено около 46 трупов; местные власти испугались заразы и не хотели принимать горцев⁴¹¹.

⁴⁰⁶ Там же.

⁴⁰⁷ Там же, с. 41.

⁴⁰⁸ Письмо Мошнина от 13 мая 1864 г. ген. Карцову. — Ад. П. Берже. Указ. соч., февраль, с. 354.

⁴⁰⁹ Доклад этот был опубликован в газете „Morning Post“.

⁴¹⁰ Цит. по: «Русский инвалид», № 129, 11 июня 1864 г.

⁴¹¹ Ад. П. Берже. Указ. соч., февраль, с. 353.

В январе 1864 года, как доносил русский вице-консул в Варне Даскалов, в город прибыло еще два парохода с 1170 переселенцами. Все они были «заражены разными болезнями», а также «голые и босые». Их поместили «в пустых, грязных, сырых казармах, где комнаты находились в самом разорительном положении, не имея ни печки, ни даже порядочных окошек». Среди них «болезнь усилилась до такой степени, что в день их умирало от 12-ти до 20-ти душ»⁴¹². Мошнин в письме от 10 июня 1864 года на имя генерала Карцова приводил и такие факты. В Батум прибыло около 6 тыс. переселенцев, средняя смертность — 7 человек в день; с начала выселения в Трапезунде и окрестностях пребывало до 247 тыс. душ, из них умерло 19 тыс., средняя смертность — 180—250 чел. в день; в Самсуне и его окрестностях было свыше 110 тыс. душ, ежедневная смертность — 200 человек. «Если мы примем в соображение все эти числа, — заключал консул, — то получим для азиатского берега цифру в 350 тыс.»; в числе последних были и абхазы (садзы), с которыми прибыл Решид Гечба⁴¹³. Указанная цифра росла очень быстро. Тот же Мошнин 8 июля писал о случаях голодной смерти горцев и о гибели 60 из них в Сари-Дере в результате сильного дождя⁴¹⁴. По сообщению Канитца, в начале сентября 1864 года в Самсуне одновременно насчитывалось 50 тыс. трупов и 60 тыс. живых переселенцев⁴¹⁵.

О трагедии кавказских переселенцев много писалось в прессе. Газета «Кавказ», которая сама констатировала, что «от голода и болезней по-прежнему гибнет множество эмигрантов»⁴¹⁶, часто публиковала материалы и из других газет. Так, в заметке, опубликованной в газете „Journal de Constantinople“ говорилось: «Между черкесскими переселенцами в Самсуне продолжает свирепствовать ужасный тиф, так что турецкий губернатор этого места просил прислать поскорей суда для перевозки переселенцев в другие местности»⁴¹⁷. А газета „Allgemeine Zeitung“ сообщала, что в Ларнаке, на острове Кипре, вошли три маленьких судна с черкесскими переселенцами, на которых отправлялось из Самсуна 2700 человек, а в пути погибло более половины — 1441 человек, главным образом от жажды и голода. Население Ларнака и французский консул были категорически против высадки на берег «полумертвых горцев». «Один пароход, — продолжала названная газета, — плававший по той же самой дороге, по которой шли незадолго перед тем эти суда с черкесами, мог проследить путь по пlyingим трупам»⁴¹⁸.

412 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., л. 63, лл. 23 — 24 об.

413 Там же, лл. 213 — 214 об.

414 Там же, л. 268 об.

415 Канитц. Указ. соч., с. 343.

416 «Кавказ», № 88, 12 ноября 1864 г.

417 Там же, № 89, 15 ноября 1864 г.

418 Цит. по: Канитц. Указ. соч., с. 343—344. См. также: «Кавказ», № 94, 3 декабря 1864 г.

О положении горцев в Турции красноречиво говорят показания самих переселенцев. В 1865 году в одном из своих писем заместителю Кавказа они писали, что стали жертвой бессовестного обмана. «Мы гораздо охотнее пойдем в Сибирь, чем будем жить в здешней Сибири... мы можем избавить многих горцев от гибели своим возвращением... из нас и так погибла одна треть. Турки говорят, что нам покажут место для жительства, а на указанном ими месте можно только умереть, а не жить»⁴¹⁹. В 1866 году Ив. Аверкиев опубликовал отрывок из письма некоего Смела Абица из турецкой эмиграции на имя одного садзского (джигетского) князя в Абхазию. «Скажите всем встречным и знавшим меня о моей гибели, — писал он, — не поезжайте! Наказание божие продолжается над нами, и жертв искупления еще много будет принесено; ты знаешь, как много уже принесли мы жертв. Бог восстал на нас...» Далее в письме следовал перечень князей и их семейств, погибших после переселения в Турцию, и было это «число большое»⁴²⁰. Можно себе представить моральное и материальное состояние крестьян, если представители феодального класса находились в таком отчаянном положении. Потомки махаджиров, в том числе единичными ныне проживающие в Турции убыхи, хорошо помнят рассказы своих отцов о трагических эпизодах переселения горцев в «обетованную страну»⁴²¹.

Турецкие власти, пользуясь безвыходным положением горцев, которым, кстати, была обещана свобода от военной службы на 20 лет, формировали из «добровольных охотников» «черкесские» кавалерийские полки и прежде всего «черкесскую гвардию» султана. Как сообщал русский поверенный в Константинополе Нориков 30 июня 1864 года, до 3 тыс. черкесов уже поступили волонтерами в турецкую армию, а в ближайшее время предполагалось их численность довести до 12 тыс. и настолько же уменьшить рекрутский набор⁴²². С целью «усилить желание» мужчин поступить на военную службу было запрещено их продавать. А поскольку в рекруты брали только неженатых, то многие горцы продавали своих жен и детей, чтобы поступить на службу⁴²³. Однако впоследствии надежда турецкого правительства укрепить свою армию за счет горской молодежи не оправдалась. Получив обмундирование и деньги, она бежала из турецкой армии к своим семьям или на Кавказ.

Как уже говорилось, страдания горцев усиливались еще и тем, что тогда в Турции, как и в других странах Востока, процветала

⁴¹⁹ Цит. по: «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен по март 1917 года», т. I, с. 116.

⁴²⁰ Ив. Аверкиев. С северо-восточного берега Черного моря. — Брошюры газеты «Кавказ» 1866 года, ч. I. Тифлис, 1866, I, с. 4—5.

⁴²¹ См., например, Georges Dumézil et Ayték Namitok. Récit d'oubukh. II. Paris, 1955, p. 143; Dumézil G. Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. III. Nouvelles études oubukh. Paris, 1965, p. 20.

⁴²² ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., л. 63, л. 155 об.

⁴²³ Там же, ф. 416, оп. 3, л. 1097, л. 14 об.

работорговля. Г. З. Орбелиани в своем рапорте от 4 мая 1862 года военному министру подчеркивал: «Усилившаяся в настоящее время продажа в Турции черкесских детей и женщин есть естественное следствие переселения в течение последних двух лет значительных масс кавказских горцев. Те из них, кои возвратились уже на родину, сами рассказывают, что они вынуждены были... распродать детей, жен», чтобы сохранить им и себе жизнь⁴²⁴. В ноябре 1864 года английский консул в Трапезунде сообщал своему правительству о том, что из высадившихся на берег в Анатолии за период с 1863 по 1864 год 220 000 черкесов было продано 10 000 человек⁴²⁵. Кутаисский генерал-губернатор Святополк-Мирский констатировал, что в Турции «торг людьми от беспомощного положения переселенцев с Кавказа вызвал повсеместное и значительное понижение на них цен...»⁴²⁶. Так, в декабре 1863 года в Трапезунде ребенка 11 — 12 лет можно было купить за 30 — 40 руб., а местный паша приобрел 8 «самых красивых девушек» по 60 — 80 руб., чтобы послать их «для подарков» в Константинополь⁴²⁷. Здесь нередко можно было видеть «партии» в 40 — 50 женщин, принадлежащих одному хозяину⁴²⁸. По данным, относящимся к середине 1865 года, трапезундский генерал-губернатор Эмин Мухлис-паша отправил в Константинополь своего зятя со 130 черкесскими невольницами, предназначенными для подарков разным «влиятельным лицам» в столице⁴²⁹.

Работорговцы беззастенчиво обогащались на бедствиях горцев. На обеспокоенное заявление Фонвилля, что кавказские переселенцы в Ачка-Кале «все помрут от голода и холода», один «старый пират» невозмутимо ответил: «Черкешенки дешево будут стоить нынешний год на базаре в Стамбуле...»⁴³⁰. Другой европейский наблюдатель, Феликс Канитц, свидетельствует: «Посреди всего скопища человеческих бедствий и страданий выступала еще ярче, рядом с гордою осанкой и наружностью, с выражением сознания своего достоинства мужчин, волшебная ослепительная красота черкесских женщин. Кто пожелал бы увидеть в действительности идеал классической женской красоты, который представляется ему во сне или создавался в его воображении по античным первообразами, или же кто захотел бы узнать, почему султаны, ханы и все турецкие вельможи не жалеют никаких средств для пополнения своих гаремов дочерьми Кавказа, тот может отправиться в черкесские поселения Балкан; но пусть он не теряет времени, так

⁴²⁴ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 872, 1862 г., д. 6, лл. 9 — 9 об.

⁴²⁵ «Новый Восток», М., 1925, № 7, с. 22.

⁴²⁶ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1864 г., д. 622, л. 1 об.

⁴²⁷ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1102, л. 2 (донесение Мошнина от 11 декабря 1863 г. ген. Карцову).

⁴²⁸ Ад. П. Берге. Указ. соч. (донесение Мошнина от 22 апреля 1864 г. ген. Карцову), с. 354.

⁴²⁹ АВВР, ф. Посольство в Константинополе, 1865, д. 2605, л. 92.

⁴³⁰ А. Фонвилль. Указ. соч., с. 42.

как все благородство этой красоты скоро исчезнет под гнетом нужды и тяжелой работы... Цена на женский товар с Кавказа стояла очень высокой. До 1864 г. прекрасные черкешенки продавались не менее чем по 50 000 пиастров за штуку, что равняется 80 000 гульденам; но вследствие сильного наплыва их на рынках и крайней нужды продавцов цена на них понизилась...»⁴³¹.

Дочь английского консула так описывает один из черкесских лагерей в Турции 1864 года. «Я имела случай наблюдать черкесов в различные периоды их пребывания в Турции... По высадке одной партии эмигрантов на берег, около двух тысяч человек остановились в небольшом лесочке. Истощенные страданиями своего долгого путешествия, покрытые насекомыми и почти умирающие с голоду они расположились лагерем на земле, еще не просохшей, так как в то время была ранняя весна; иные приютились под деревьями, другие под разорванными палатками, какие у них были; весь этот жалкий люд лежал скучившись, больные валялись рядом с умершими, живые как тени бродили среди них, ни о чем не помышляли, кроме того, как бы раздобыться деньгами. Когда мы приблизились к зараженному лагерю, кучки мужчин и женщин обступили нас, веля за руку своих детей и предлагая купить их всякому, кто пожелает. Несчастные маленькие создания сами, повидимому, желали, чтобы их разлучили с родителями, лишь бы дали им кров и пищу. Эти черкесы распадалась на два класса, относившиеся друг к другу с недоверием, на предводителей и на рабов. Предводитель требовал от раба той же униженной покорности, которую он привык видеть от него на родине; раб же, со своей стороны, сознавая перемену, которая произошла в его положении, готов был отстаивать свое право против своего господина»⁴³².

Канитц свидетельствовал о бегстве рабов — факт, который часто приводил «к настоящим битвам» между последними и их «строгими господами», как это имело место, например, близ Корлу в Адрианопольском вилайете⁴³³. Адыгейские крестьяне-переселенцы (около 8 500 семейств) в 1872 году писали русскому послу в Константинополе о своих «строгих господах» следующее: «Вот уже почти 8 лет как наши баи нас держат в состоянии невообразимого рабства, совершая тысячу жестокостей и чиня тысячу прегрешений. Днем и ночью мы и наши семьи подвергаемся варварскому обращению баев. Мы лишены свободы, семьи, имущества, всего дорогого каждому человеку, так как баи нас угнетают и отбирают ежегодно половину того, что мы зарабатываем с таким трудом в поте лица. Не довольствуясь этим, они отнимают у нас вооруженной силой наших дорогих детей, мальчиков и девочек, и

⁴³¹ Канитц. Указ. соч., с. 349 — 350.

⁴³² «Народы Турции. Двадцать лет пребывания среди болгар, греков, турок, албанцев и армян дочерей жены консула», т. I. СПб., 1879, с. 99 — 100.

⁴³³ Канитц. Указ. соч., с. 350.

продают их в рабство. Они угоняют овец и коров, опустошают наши дома. Мы умираем от таких жестокостей»⁴³⁴. Работоторговцы из переселенцев, «ослепленные своим сказочным положением», к тому же «сделались взяточниками, ворами». Появлялись даже «специалисты» «по прискаанию красивых девушек для продажи в гаремы». Этим мерзким делом занимались и многие знатные турчанки, «принимая якобы на воспитание маленьких девушек, чтобы потом продавать их с громадным барышом»⁴³⁵.

По мнению профессора Н. А. Смирнова, в общем до 50% всех переселенцев погибло от различных эпидемий и в пути; из уцелевших до 15% (из числа женщин и детей) были проданы в качестве рабов⁴³⁶.

Оказавшись в безвыходном положении, многие горцы, волею-неволею, вынуждены были силой водворяться и нередко расправляться с теми, кто оказывал им сопротивление, хотя это, говоря словами А. П. Берже, «совершенно противоречило их надеждам на счастливую, безмятежную жизнь в Турции»⁴³⁷. Новиков в письме Карцову от 18 апреля 1864 года сообщал, что скопившиеся в Трапезунде зимой массы переселенцев «породили уже заразные болезни, возбуждившие со стороны всех тамошних консулов и здешнего медицинского совета громкие жалобы и вместе с тем поставили Порту в необходимость помышлять об усилении военных средств для обеспечения местного народонаселения от буйства этих беспокойных пришельцев»⁴³⁸. Более того, недовольство переселенцев, понявших, как они «глубоко ошиблись», «выразилось прямым сопротивлением всем распоряжениям к их водворению» турецких властей, «которые, дав разрешение принимать прибывающих с Кавказа горцев, не имели никакого понятия о размере переселения»⁴³⁹.

Переселенцы гневались и на русских дипломатических представителей в Турции. Трапезундский консул с тревогой писал, что «черкесы и татары обвиняют... наши консульства и угрожают... им. Так, весь Анатолийский берег покрыт этими переселенцами, которые домогаются возвратиться в Россию. В Самсуне они угрожали уже нашему вице-консулу, что сожгут его дом, если их не отправят в Россию»⁴⁴⁰.

В газете «Кавказ» от 7 июля 1877 года (№ 134), в статье «Черкесы в Турции» (автор «Горец»), сообщалось: «В «Киевлянине», кажется, за 1864 или 65 г., было напечатано письмо с трогательными сценами, происшедшими на одной из константинопольских

⁴³⁴ Цит. по: «История Северо-Осетинской АССР», с. 176—177.

⁴³⁵ «Moussoufvaline. Мусульманин», Париж, 1910, № 6, с. 144—145.

⁴³⁶ Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках, с. 225.

⁴³⁷ Ад. П. Берже. Указ. соч., с. 356.

⁴³⁸ ЦГИАГ. ф. 416, оп. 3, д. 1097, л. 8 об. — 9.

⁴³⁹ Ад. П. Берже. Указ. соч., февраль, с. 356.

⁴⁴⁰ АВПР. ф. Посольство в Константинополе, 1861 г., д. 2601, л. 185 об (Рапорт Мошина от 8 июня 1861 г. Лобанову-Ростовскому).

площадей, где расположились эмигранты с семьями... Одна из женщин, узнав, что возле стоит русский офицер, обращается к нему, с плачем отрезает косу и просит его бросить ее на родине, когда он возвратится туда, говоря: «Ведь мы дышали одним воздухом — земляки!»... Вероятно, — заключает автор заметки, — русский вырос нравственно в глазах несчастного переселенца, «узнавшего бессердечность и бесчестность турецкого правительства».

Переселенцы в конце концов были рассеяны по всей Османской империи. Турецкое правительство старалось при этом «не селить их сплошными массами» для предупреждения могущей произойти от того опасности для общественного порядка и для государственной власти⁴⁴¹. В результате такой политики, кавказские переселенцы оказались в пределах собственно Турции и в странах Балканского полуострова⁴⁴², а также в Сирии, Иордании, Ливане, Месопотамии и Египте. В частности, абхазы обосновались, главным образом, в собственно Турции⁴⁴³. Но невозможно установить конкретные места прибытия и водворения горцев, как нельзя определить точно и их количество. Переселенцы были поставлены в самые ненормальные условия. Прежде всего им, как правило, выделялись такие места, которые по своим климатическим и другим условиям оказались для них губительными. Так, например, в Карском пашалыке «эмигрантам отвели голые камни, без леса, без воды, так сказать, на припеке солнца и «луны»⁴⁴⁴. Официальные же сообщения о том, что горцам раздали безвозмездно земли, скот,

⁴⁴¹ «Русский инвалид», 23 сентября 1864 г.

⁴⁴² В Европейской Турции (в Дунайском вилаете) в 60-х гг. султанским генерал-губернатором (вали) был Ахмед Мидхат-паша, известный турецкий государственный и политический деятель, сторонник конституции и реформ, но ярый враг национально-освободительного движения угнетенных народов Османской империи. По его проекту черкесами было заселено все пространство от устья Дуная до Боснии и Герцеговины. В этих местах были созданы военные колонии, вроде казачьих станиц, из которых формировалась черкесская «милиция» для защиты пограничных линий (ЛОААН СССР, ф. 800, д. 188, л. 4 об. Доклад Султана Довлет-Гирея 10 ноября 1911 г.).

Вместе с тем турецкое правительство с 1867 года приступило к переселению горцев из Малой Азии в Болгарию. Это дело было поручено генералу Нусрет-паше, черкесу по происхождению. В результате значительная часть горцев-переселенцев была поселена в Болгарию — в Дунайском и Адрианопольском вилаетах (М. П. Санакоев. Страницы боевой дружбы. Цхинвали, 1975, с. 43—44; Н. Е. Фадеев. Мидхат-паша. М., 1977, гл. I).

Кроме того, турецкое правительство стремилось использовать этих переселенцев против местного христианского населения. Поэтому линии черкесских поселений должны были прорезать славянские массивы, и таким образом создавалась живая изгородь из мусульман между болгарами, сербами и др. И если черкесы пытались не идти в такие места, а хотели остаться в облюбованных ими районах, как, например, на дунайских берегах, то их принуждали к этому силой оружия (М. Т-в. Черкесы в Турции. — «Русский мир», № 128, 14 мая 1877 г.).

⁴⁴³ Например, в начале 70-х гг. XIX в. в 5 округах (Ватум, Чурук-су, Гонно, Архалэ и Атина), расположенных на территории современной Абхазии и близ нее, из 8 288 тыс. семейств «черкесские» (сюда включались и абхазские) составляли 1 197 (ИКОРГО, 1873, т. II, № 3, с. 110—111).

⁴⁴⁴ Горец. Черкесы в Турции. — «Кавказ», № 134, 7 июля 1877 г.

пахотные орудия, выстроили для них дома, поселки и деревни были слишком неправдоподобны. Даже А. Убичини и П. де Куртейль подчеркивали, что «эти попытки колонизации, весьма дорогие, были неудачны»⁴⁴⁵. Правдивое описание жизни горских переселенцев в колониях, расположенных в Болгарии, дает Феликс Канитц, который посетил их в 1864 году: «В области, описываемой мною в этом томе, было расположено 14 черкесских колоний... Часто видел я трех-четырёх больных (в семье. — Г. Д.) разного возраста и пола, валявшихся на голом глиняном, отсыревшем от ночной росы полуубогих жилищ... [больные,] скученные вместе с здоровыми, глотали с жадностью «лихорадки голода» неспелые плоды и куски черствого, тяжелого маисового хлеба». Многие страдали от лихорадки. «Положение их ухудшилось еще более невозможностью объясняться со своими соседями»⁴⁴⁶. Следует отметить, что горцы-переселенцы попадали в еще более тяжелые условия социального и национального гнета — в странах их нового расселения в конце XIX века господствовали феодально-крепостнические отношения.

Все это с самого начала, естественно, вызывает стремление махаджирской массы вернуться на Кавказ. Еще в 1861 году русский консул в Трапезунде А. Н. Мошнин доносил «о безвыходном положении» в Батуме 340 погайцев, «желающих возвратиться на родину»⁴⁴⁷. Генерал Евдокимов в сентябре 1862 года писал генералу Карцову, что «каждое лето по несколько тысяч душ этих переселенцев возвращаются из Турции» на Кавказ⁴⁴⁸. В 1861 году из Кубанской и Терской областей было выселено в Турцию 10 045 человек, а возвратилось обратно в 1861 — 1862 годах 7 149 человек⁴⁴⁹. Только погайцев до 1863 года вернулось в Ставропольскую губернию около 400 человек, а в указанном году — 893 человека, которые поселились в Пятигорском уезде⁴⁵⁰. А. Н. Мошнин 8 июня 1861 года, в рапорте русскому посланнику в Константинополе А. Б. Лобанову-Ростовскому, сообщал: «Без сомнения, вашему сиятельству уже известно, что значительная часть черкесов и татар, имея полное право быть недовольными турецким правительством, их обманувшим, желает оставить Турцию, чтобы возвратиться на прежние свои жилища в Россию, куда им закрыто возвращение распоряжениями высшего нашего начальства... Неудовольствие означенных переселенцев на турецкое правительство с каждым днем усиливается»⁴⁵¹. Мошнин опасался при этом, что «рано или поздно это запрещение возбудит крайне неприятные столкновения их с консульствами»⁴⁵².

⁴⁴⁵ А. Убичини и П. де Куртейль. Указ. соч., с. 33.

⁴⁴⁶ Канитц. Указ. соч., с. 348 — 349.

⁴⁴⁷ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 872, 1862 г., д. 6, лл. 8 — 8 об.

⁴⁴⁸ АКАК, т. XII, ч. II, с. 1009 — 1010. № 889.

⁴⁴⁹ ЦГИАГ, ф. 545, оп. I, 1864 г., д. 63, л. 18.

⁴⁵⁰ «Отчет по главному управлению наместника кавказского...». Тифлис, 1873.

с. XVI — XVII.

⁴⁵¹ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1861 г., д. 2601, лл. 185 — 186.

⁴⁵² Там же, л. 185 об.

В донесении от 14 сентября 1861 года тот же Мошнин писал: «...Здесь местное начальство, несмотря на все свое желание удержать этих кавказских выходцев в своих пределах, часто не в силах привести свое намерение в исполнение. Таким образом на днях толпа ногайцев требовала от паша немедленного дозволения отправиться в Россию, в противном случае угрожали ему сжечь его дворец. Паша, сперва думавший их остановить от возвращения в Россию и посадивший даже в тюрьму шкиперов-контрабандистов, на судах которых ногайцы хотели отправиться в Россию, испугался их угрозы, освободил шкиперов, и сильная партия этих выходцев отправилась в Крым на двух баркасах контрабандных. Вслед за ним отправилась еще другая партия. Конечно, все это без ведома консульства, да оно и не имело бы возможности их остановить, когда самая местная власть их боится и старается от них освободиться... По известиям изнутри Малой Азии можно заключить, что выходцы вообще недовольны турецким правительством и спешат усиленными переходами обратно в Россию; многие из них сами мне рассказывали, что они силой покинули свои жилища в Турции, угрожая разграбить те страны, около которых они поселены, если их не отпустят»⁴⁵³.

О сильном желании махаджиров вернуться на родину свидетельствуют и многие другие официальные документы. Так, например, военный губернатор Эривани генерал М. И. Астафьев в своем донесении от 26 октября 1863 года писал: «В бытность мою две недели тому назад в Александрополе явилось к границе 198 душ обоюбого пола чеченцев и просили дозволения возвратиться к нам, на прежнее местожительство. Узнав о крайне бедственном положении этих переселенцев, о которых турецкое правительство вовсе не заботится, я дозволил прислать ко мне депутатов для личных объяснений. Депутаты эти объяснили мне, что они никогда бы не переселились из России, если бы не были обмануты влиятельными людьми, что им не оказывали никакого содействия в Турции, что они впали в крайнюю нищету, что им отвали для поселения самые нездоровые места и что они желают лучше быть сосланными в Сибирь или умереть на нашей границе, нежели возвратиться в Турцию». Далее Астафьев сообщал, что горцы готовы даже принять православную веру⁴⁵⁴. Е. А. Новиков 24 июня 1864 года сообщал генералу А. П. Карцову о четырех случаях «неудовольствия переселенцев» турецкими властями, два из которых выражались в том, что 100 семейств шалеугов и столько же натухайцев «изъявили желание идти назад в Пшад» и «подчиняться всем нашим законам»⁴⁵⁵.

Царское правительство, как уже отмечалось, с самого начала принимало строгие меры против возвращения горских переселенцев

⁴⁵³ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1861, д. 2601, лл. 279—280.

⁴⁵⁴ Цит. по: «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР», т. I, с. 116.

⁴⁵⁵ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 63, л. 149 об.

на родину. Так, «еще по первым известиям о желании большей части горцев, переселившихся в Турцию, возвратиться на Кавказ», кавказский наместник «признал необходимым принять всевозможные меры для воспрепятствования их намерению»⁴⁵⁶. В течение 60-х, а затем и 70-х годов на многочисленные прошения кавказских переселенцев о разрешении вернуться на родину, поданные на имя царя в русское посольство в Турцию, каждый раз следовал один и тот же ответ: об обратном переселении горцев и речи быть не может. Турецкие власти, в свою очередь, всячески препятствовали этому процессу.

Это еще больше обостряло положение. Как отмечал А. Н. Мошнин (18 июня 1864 года), «между черкесами сильное неудовольствие на распоряжения турецкого правительства». Далее он сообщал, что некоторые черкесы (100 семейств) пытались его подкупить, «дабы им было дозволено воротиться в Пшад»⁴⁵⁷. Консул и в более поздних донесениях на имя Карцова, а также Игнатьева подчеркивал, что кавказские переселенцы в Трапезундском напалыке «очень недовольны турецким правительством... их обманувшим»⁴⁵⁸, и что, как извещали его некоторые «горские старшины», «горцы стовариваются отправить депутатов в Петербург... о дозволении им вернуться в Россию на те места, кои им укажет наше правительство»⁴⁵⁹. Консул считал, что «эти слухи заслуживают особого внимания, так как неудовольствие овладевает почти всем горским населением...». Так, например, «в Самсуне... многие переселенцы явно жалуются на местные власти и хотят оставить Терме и Чаршамбу, где их поселено до 30 тыс.»⁴⁶⁰.

Действительно, вскоре три баркаса, наполненные горцами, направились из указанных районов к русским берегам, но были бурей занесены в другие места. Многие горцы, поселенные в районе Самсуна, «лишившись средств существования», также «решились оставить Турцию и отправиться на прежние места. Самсунский губернатор, узнав о происшедшем, чтобы предупредить беспорядки и успокоить горцев, отправился сам на место»⁴⁶¹. Эти факты сообщались в донесении А. Н. Мошнина от 29 марта 1865 года. В другом своем донесении, от 17 мая 1865 года, российский консул писал о таком событии: «Черкесы, поселенные в Ардагане в числе 1200 человек, возвращаются в Батум и угрожают поднять бунт, в случае, если турецкие власти не отведут им лучшие места для поселения; некоторые из них пошли в Чурук-су с намерением, как кажется, пробраться через форт Св. Николая в наши пределы»⁴⁶².

456 АКАК, т. XII, ч. I, № 447, с. 516.

457 ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1114, л. 23 об.

458 Там же, ф. 69, д. 7, лл. 20 — 25.

459 ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 880, 1865 г., д. 16, л. 4.

460 Там же, лл. 4 — 4 об.

461 Там же, лл. 18 — 19.

462 Там же, л. 25.

Российский вице-консул в Батуме поспешил снестись с местным губернатором и просить его принять меры к недопущению черкесов на русскую границу. Против них были выдвинуты регулярные войска⁴⁶³.

Граф Н. П. Игнатьев, назначенный в 1864 году послом в Турцию, 6 июня 1865 года писал директору Азиатского департамента следующее: «По полученным мною сведениям..., несмотря на объявленное нами запрещение возвращаться на Кавказ вышедшим горцам, несмотря на негодование турецких властей и на принимаемые ими крутые меры против беглецов, они тысячами бегут охотно в наши пределы. Утверждают, что трем или четырем тысячам удалось уже пробраться на лошадях, из Батума и Самсуна высадиться беспрепятственно и, пользуясь тем, что не все пункты черноморского побережья заняты войсками, скрыться в горах... Спрашивается, к чему привело нас пресловутое переселение горцев, если самые оборванные, голодные, нищие, хищные из них возвратятся, скроются в горах, составят шайки и снова возобновят набеги и, может быть, горную войну»⁴⁶⁴.

Принимаются новые меры для предотвращения возвращения переселенцев на родину. Наместник Кавказа, великий князь Михаил Николаевич, 14 июня 1865 года писал военному министру о том, что береговой кордон еще в апреле усилен двумя казачьими сотнями, и «если надобность укажет между береговыми постами учредить непрерывные разъезды даже ночью, то имеется в виду выслать на кордон еще две сотни»⁴⁶⁵. Управляющий морским министерством 15 июня 1865 года сообщал военному министру о том, что он предложил генералу Глазенапу «принять все зависящие от него меры к усилению наблюдения восточным берегом Черного моря с целью предупредить попытки выселившихся горцев возвратиться на Кавказ»⁴⁶⁶. В конце 1865 года, в связи с новым устремлением части чеченцев на родину, наместник Кавказа приказал усилить пограничный надзор и перебросить войска в определенные пункты «для воспрепятствования самовольному прорыву чеченцев в пределы империи». Одновременно, под давлением царских властей, туда были двинуты турецкие войска и «только пушечными выстрелами заставили» чеченцев оставить русскую границу и направиться к Карсу «под конвоем турецких войск». Затем «решились приступить к обезоружению их». Однако разоружение переселенцев возле г. Муш последовало «только после нескольких картечных выстрелов и стычки, в которой убито 15 карабулаков и несколько турок». Сам эрзерумский вали отправился «для личных распоряжений по очищению Муша от переселенцев». Этими событиями турецкое правительство настолько было обеспокоено,

⁴⁶³ Там же.

⁴⁶⁴ Там же, лл. 22 — 23.

⁴⁶⁵ Там же, л. 26.

⁴⁶⁶ Там же, л. 27.

что к Мушу и Эрзеруму были «отовсюду» двинуты войска, даже из столицы»⁴⁶⁷. В таком невероятно тяжелом положении оказались кавказские горцы в пределах турецких владений, которые раньше казались им каким-то раем.

Но это лишь одна сторона последствий выселения горцев в Турцию. Не менее печальны были эти последствия и с другой стороны. По выражению Л. Г. Лопатинского, «от стройного прежде и цельного народа остались небольшие клочки, в виде этнографических островков и полосок на Кубани, Зеленчуке и другим впадающим в Кубань рекам»⁴⁶⁸. Западный Кавказ «на добрую долю... просто превратился в пустыню, усеянную развалинами, свидетельствовавшими о некогда завязывавшейся здесь культурной жизни»⁴⁶⁹. А вот свидетельство другого автора: «Берег этот (от Анапы до Гагр. — Г. Д.) одичал и зарос лесом, так что на нем истреблены следы... культуры, которая питала полмиллиона населения разноплеменных горцев»⁴⁷⁰. С. Духовский писал: «Случалось, смотришь с самой великой горы во все стороны: видно множество чудных долин, хребтов, гор, рек и речек; среди старых, похожих на лес, фруктовых садов, то там, то здесь следы бывших жилищ. Но все это было мертво, нигде ни души. Местами свежие всходы хлебов еще свидетельствовали о недавнем присутствии населения; но большею частью пахотные поля заброшены и заглохли, и только обрезки стеблей прошлогодней кукурузы указывали, что и здесь некогда жили и работали люди. Не хотелось верить, чтобы на громадном пространстве, насколько видит глаз сверху высокой горы, не было никого; между тем это было так, и все живописные виды и роскошные дары богатой природы, обезжизненные, невольно производили на зрителя впечатление более тяжелое и грустное, чем приятное»⁴⁷¹. По свидетельству военного историка Р. А. Фадеева, «в течение первой половины 1864 года восточный берег Черного моря представлял необычайное зрелище. До сих пор не было в свете берега пустынное кавказское... он казался с моря необитаемой землей. Ни хижины, ни дымка на зеленом берегу; ни одного человека в голубых заливах»⁴⁷². Выселение горцев называет «поистине потрясающей историей» и автор «Очерков из прошлого и настоящего Черноморского побережья» Л. С. Личков. «...Кровавая война, — пишет он, — изгнала и уничтожила горцев, в корень разрушила их культуру, искусственные каналы заросли и засорились,

⁴⁶⁷ Там же, ф. 400, оп. 258/909, аз. ч., 1866 г., д. 14, лл. 4 — 13 (Рапорт главнокомандующего Кавказской армией от 28 декабря 1865 г. военному министру).

⁴⁶⁸ Л. Г. [Лопатинский]. Заметки о народе адыге вообще и кабардинцах в частности. — СМОМПК. 1891, вып. XII, с. 5.

⁴⁶⁹ М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии, с. 229.

⁴⁷⁰ «Голос», № 97, 9 апреля 1879 г.

⁴⁷¹ С. Духовский. Даховский отряд на южном склоне Кавказских гор в 1861 году, с. 118.

⁴⁷² Р. А. Фадеев. Собр. соч., т. I, ч. I, с. 205.

стоявшие много труда искусственные террасы осыпались, обширные сады и прекрасные виноградники частью вырублены во время войны и в период заселения страны... и так обросли другими породами деревьев, что теперь уже «трудно определить, где кончается перевитая дикою виноградной лозой лесная чаща и где начинается бывшее культурное насаждение»⁴⁷³ Одним словом, «в продолжение короткого времени аулы, кишевшие еще так недавно жизнью, замерли, а полуразвалившиеся дома уныло напоминали о минувших днях»⁴⁷⁴.

Европейские державы не могли, конечно, смотреть спокойно на все эти события прежде всего потому, что речь шла об упрочении Кавказа за Российской империей. Но если вначале английские агенты совместно с турецкими всячески провоцировали эмиграцию горцев в Турцию и делали все возможное, чтобы не допустить переселения приморских черкесов на Кубань, где русское правительство отводило им земли, то теперь европейские дипломаты буквально осаждали султанское правительство требованиями отказать кавказцам в «убежище». На Западном Кавказе орудовали сотни иностранных агентов, «улетевших с восточного берега в чем были» при стремительном движении русских войск⁴⁷⁵. Трапезундский вице-консул Мошнин в донесении от 18 марта 1864 года на имя генерала Карцова сообщал, что из Сочи вернулись несколько флибустьеров, в том числе француз Дефоктей, который имел длительную беседу с местным пашой, французским и итальянским консулами. «Я успел узнать пока, — писал он, — что все европейцы, бывшие у убыхов, онасаются и совершенно пали духом, что очень тревожит вышеозначенных моих коллег и они между прочим домогаются ...остановить переселение...»⁴⁷⁶. В Константинополе, Трапезунде и других турецких городах английские, французские и итальянские послы и консулы делали все, чтобы удержать на местах жительства тех горцев, которые еще оставались на Кавказе. Например, узнав о намерении царских властей отправить к кавказским берегам за черкесскими переселенцами турецкий пароход «Хиджсти-Бахри», «враги наши, а в особенности французский консул, — сообщал Мошнин 2 марта 1864 года, — употребили все свои старания и интриги, чтобы этот пароход остался без топлива»⁴⁷⁷. Мошнин также считал, что целью доктора французского посольства в Константинополе Бародди и некоторых других европейцев в Турции являлось «удержание черкесов на Кавказе ввиду... политических событий в Европе»⁴⁷⁸. Горцам-переселенцам в Турции дипломаты и всевозможные агенты западных стран усиленно

473 Л. С. Личков. Указ. соч., с. 6.

474 М. Ечерух. Указ. соч., с. 143.

475 Р. А. Фадеев. Собрание сочинений, т. I, ч. I, с. 198.

476 ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1114, л. 13 об.

477 Там же, л. 7.

478 Там же, лл. 11 об — 12.

внушали мысль о скорейшем возвращении их на родину для продолжения борьбы⁴⁷⁹.

Наибольшую заинтересованность в этих делах, как и прежде, проявляла Англия. А. П. Берже так характеризовал сущность направления английской политики в данном вопросе: «...В это время практически Англия примирилась с фактом выселения, показывала полное пренебрежение к участи горцев и искала других более действенных средств к противодействию России. Английский посланник в Константинополе ... сам сообщал нашему поверенному Новикову, что вожди горцев старались заинтересовать его участием своих соплеменников, но он отказался принять их просьбу... Во всяком случае, нельзя не признать, что вмешательство Турции и европейской дипломатии в дела горцев не принесло и не могло принести им ничего, кроме зла, так как оно происходило не в интересах их или с какою-нибудь гуманною и нравственною целью, а являлось как средство загребать жар чужими руками. Горцы и в глазах турок, и в глазах Европы представляли только средство для противодействия России, и в пользовании этим средством ни Европа, ни Турция не обнаружили никакой жалости»⁴⁸⁰.

Наполеон III, усмотрев в сближении России с Пруссией серьезную опасность для буржуазной Франции, рассчитывал, что для русского правительства последствия Польского восстания будут осложнены одновременным восстанием горцев на Кавказе. Русский поверенный в Константинополе Новиков в депеше от 4 (16) мая 1864 года на имя вице-канцлера России, подробно описывая свой разговор с французским посланником в Турции маркизом де Мутье при посещении министра иностранных дел Аалипаши, подчеркивал, что «покорение» Кавказа произвело «сильное и неприятное впечатление» на французское правительство; Франция огорчается тем, что Россия получила возможность противодействовать ее завоевательным стремлениям на Востоке; она сожалеет о благоприятных шансах диверсии на Кавказе для «восстановления» независимости Польши, при содействии Турции, увлеченной против России⁴⁸¹. «Французы верят или желают верить, — говорится в другом документе, — в продолжительность черкесского сопротивления»⁴⁸².

Европейские державы, вместо оказания материальной помощи горцам Кавказа, в чем они крайне нуждались, ограничивались всякими «советами», которые дорого обходились переселенцам. Так, именно по настоянию европейцев, под видом заботы об охране здоровья жителей Трапезунда, горцы были поселены лагерем недалеко от последнего, в Ачка-Кале и Сари-Дере, в местах, известных

479 ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1102, л. 1.

480 Ад. П. Берже. Указ. соч., январь, с. 175 — 176.

481 Там же, февраль, с. 345.

482 Цит. по: М. С. Тогоев. К истории дореформенной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1955, с. 74.

своим вредным климатом. О трагических последствиях поселения горцев в Ачка-Кале уже говорилось. Достаточно сослаться на Д. Фонвилля, который свидетельствует о том, что первые эмигранты, прибывшие сюда в начале зимы 1863 — 1864 года в количестве 14 тыс. человек, «почти все перемерли»⁴⁸³. Не меньше горя причинил махаджирам пятнадцатидневный карантин для судов, приходящих с Кавказского берега, учрежденный по требованию иностранных консулов под видом предохранения населения от тифа и оспы. Карантин этот был фикцией. Суда имели постоянное сообщение с берегом и только не смели выгружать переселенцев, дальнейшее пребывание которых на корабле, в условиях голода и крайнего истощения, было пыткой⁴⁸⁴. Русский поверенный в Константинополе эти «карантинные стеснения» называл именно «англо-французской интригой»⁴⁸⁵.

И сами горцы начали понимать истинный смысл политики европейских держав. Во всяком случае, теперь их, надломленных физически и морально, слишком хорошо представлявших военную мощь царизма, трудно было одним красноречием убедить в необходимости приняться за новую войну с Россией, чтобы, по выражению Канитца, в теле последней удержать живой клин⁴⁸⁶. Когда же стала совершенно очевидна неосуществимость этого плана, правящие круги Англии начали строить другой план: кавказских переселенцев использовать в самой Турции — в будущем как боевую силу против России, а пока в качестве рабочей силы. Британский посол в Константинополе предлагал турецкому правительству «образовать из них военную колонию для турецкой армии, так, чтобы земледельческое население не было обременено в такой стеснительной мере рекрутскими наборами»⁴⁸⁷.

В то же время английская официальная пресса развернула широкую антирусскую кампанию. Царское правительство изображалось единственным виновником трагедии кавказских горцев. Английский посол в Петербурге прямо писал, что «это выселение беспокорных племен есть обычная политика России»⁴⁸⁸. Правящие круги Англии при этом стремились оправдать свою корыстную политику в отношении Кавказа, прикрываясь лицемерными фразами о «помощи» горцам, о своем «человеколюбии».

Так «полумиллионное население из многих племен, разного корня, со своеобразными этнографическими особенностями, с самобытным строем внутренней и общественной жизни покинуло родные горы, в которых пережило длинный ряд веков и рассеялось по разным провинциям Европейской и Азиатской Турции, где частью

483 А. Фонвилль. Указ. соч., с. 40.

484 Ад. П. Берже. Указ. соч., февраль, с. 359.

485 ЦГИАГ, ф. 345, оп. 1, 1864 г., д. 63, л. 149 об.

486 Канитц. Указ. соч., с. 333.

487 «Кавказ», № 47, 21 июня 1864 г.

488 Цит. по: «С.-Петербургские ведомости», № 124, 1864 г.

погибло от трудностей переселения и других условий жизни, частью смешалось с разнородными племенами на местах нового водворения... Филология, этнография, география и история утратили в этом богатые средства разъяснить много важных вопросов в мившей жизни человечества...»⁴⁸⁹

При этом Берже, официальный автор, бросил упрек горцам в том, что они «не подчинились исторической необходимости поступиться своеволием для мирного восприятия гражданства». Далее он делает такое обобщение: «Всегда и везде мелкие, полудикие народности поглощались более сильными народами и если утрачивали при этом национальные особенности и обычаи, то зато получали право на умственное и нравственное развитие и приобретали более высокую степень материального благосостояния»⁴⁹⁰. Комментарий, как говорится, излишни. Другой ученый, М. Броссе, отмечая, что черкесы «ушли, чтобы тысячами погибнуть ... в разных частях соседней страны, с которой их не связывали ни общность происхождения, ни язык, ни религия, ни даже завоевания», писал, что с точки зрения «цивилизации» они «не заслуживают ничего, кроме большой жалости и уважения, которые всегда вызываются несчастьем»⁴⁹¹. А военный историк Р. А. Фадеев заявлял: «Берсговая полоса ожидает теперь, как неразработанный рудник, только людей, которые воспользовались бы ее природными богатствами. Нечего жалеть, что она пуста покуда. Вырваны плесела, взойдет пшеница»⁴⁹². Гибель огромной массы кавказцев, какое бедствие «редко постигало человечество», И. Дроздов так оправдывал: «...Только ужасом и можно было подействовать на воинственных дикарей и выгнать их из неприступных горных трещоб»⁴⁹³. Еще один современный событиям автор, П. В. Апрельев, доказывая также «необходимость удаления от моря туземцев» (по сугубо стратегическим соображениям), доходил до абсурдного утверждения, что поголовное выселение последних в Турцию произошло по их доброй воле, исключительно в результате «мусульманской пропаганды» и «необузданного фанатизма»⁴⁹⁴.

Наконец, генерал А. Л. Зиссерман, один из «героев» Кавказской войны, оправдывая жестокую политику царизма на Кавказе, писал: «Только посредством усиленных военных действий с суши..., посредством образования линий казачьих станиц, посредством отнятия плоскостей вынудили мы горцев в Турцию и прекратили бесконечную войну»⁴⁹⁵.

⁴⁸⁹ Ад. П. Берже. Указ. соч., январь, с. 161.

⁴⁹⁰ Там же, февраль, с. 345.

⁴⁹¹ М. Brosset. Collection d'historiens Arméniens. t. II. SPb., 1876, p. 487.

⁴⁹² Р. А. Фадеев. Собрание сочинений, т. I, ч. 1, с. 206.

⁴⁹³ И. Дроздов. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе. — «Кавказский сборник». 1877, т. II, с. 458.

⁴⁹⁴ П. В. Апрельев. Указ. соч., л. 410 об. Апрельев служил делопроизводителем в Сухумском окружном управлении (ЖК, 1867, с. 88).

⁴⁹⁵ См.: «Воронцовский «Период» Черного моря». — «Русский архив», 1894, 5, с. 232—233.

Вместе с тем многие авторы вынуждены были отдать должное беспримерной героической борьбе кавказских народов за свою независимость. Один из них писал: «Теперь, когда умолкли шум и азарт отчаянной борьбы, когда наша власть на Кавказе вполне упрочена, мы можем спокойно отдать дань удивления героизму и беззаветной отваге побежденного врага, честно защищавшего свою родину и свою свободу до полного истощения сил»⁴⁹⁶. Горцы отчаянно сопротивлялись, они связывали друг друга ремнями и бросались в пропасть, чтобы не попасть в плен. Женщины сражались наравне с мужчинами. Как сообщает Г. И. Филипсон, горцы, «отправляясь на какое-нибудь военное предприятие, заключали со своими ближними друзьями союзы, причем давали присягу не выдавать своего товарища живого или мертвого». Если же нельзя было вынести из сражения тела убитого, то товарищ последнего обязан был по крайней мере принести семье пострадавшего его голову, в противном случае он должен был всю жизнь на свой счет содержать вдову и детей погибшего товарища⁴⁹⁷.

Немало написано и о военном искусстве кавказских горцев. Ф. Энгельс отмечал, что сила последних заключалась в их непрерывных вылазках из своих гор на равнины, во внезапных нападениях на русские позиции и аванпосты, в быстрых набегах в глубокий тыл передовых линий противника, в засадах на пути его колонн⁴⁹⁸. Сохранилось великолепное описание военного строя убыхов («Зимние походы убыхов на Абхазию»), принадлежащее перу известного абхазского ученого-этнографа и офицера С. Т. Званба⁴⁹⁹. В нем речь идет и о «боевых качествах абхазцев». «Убыхи, — пишет подполковник Званба, — хорошо действуют массами в открытом поле, и в этом отношении имеют преимущество над абхазцами; абхазцы же между горскими племенами считаются отличными стрелками; дерутся очень хорошо врассыпную, пользуясь с особой смелостью местоположением; и в местах лесистых, перерезанных оврагами, всегда одерживают верх над убыхами». Небезынтересно в этом отношении и следующее сообщение графа И. Ф. Паскевича: «Вооружение абхазов состоит из ружья, шашки и кинжала; многие сверх того носят сзади за поясом пистолет. Они меткие стрелки, дерутся наиболее пешие в лесах и пересекаемых местах и всячески избегают открытых мест...»⁵⁰⁰.

И действительно, абхазы, вообще горцы, как видели, весьма умело пользовались природными условиями. «Абхазцы удивительные мастера пользоваться местностью и прятаться за деревья-

⁴⁹⁶ Цит. по: А. Фоввилль. Последний год войны Черкесии за независимость, с. 4.

⁴⁹⁷ Г. И. Филипсон. Воспоминания, с. 127.

⁴⁹⁸ Ф. Энгельс. Горная война прежде и теперь. — Ф. Энгельс. Избранные военные произведения, т. I, М., 1940, с. 322.

⁴⁹⁹ См.: «Кавказ», № 33, 1852 г.

⁵⁰⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6234, лл. 59—70.

ми», — отмечал корреспондент в газете «Кавказ» от 8 сентября 1866 года, описывая ход восстания в Абхазии в это время. А говоря о событиях 1877 года в крае, Н. Седельников также подчеркивал: «Преследовать бежавших, очевидно, было невозможно: они бросаются в кусты, где конный не может пробраться, а пешему угнаться за абхазцем немислимо: лес это его дом, в котором он хозяйничает по своему произволу; все к его услугам, каждая тропинка, каждый обрыв»⁵⁰¹. Абхазы создавали и оборонительные сооружения; широко применяли засеки — заграждения из древесных стволов и каменных глыб.

Несомненно, военная тактика горцев, дававшая им отмеченные преимущества, обуславливала до известной степени и длительный характер борьбы, которую пришлось вести русскому царизму на Кавказе.

Освободительная борьба кавказских горцев вызвала сочувствие и восхищение прогрессивных деятелей всего мира. «Народы, учитеесь у них (у черкесов. — Г. Д.), на что способны люди, желающие оставаться свободными», — так обращался к своим читателям «Коммунистический журнал» (сентябрь 1847 г.) — орган руководимого К. Марксом и Ф. Энгельсом «Союза коммунистов»⁵⁰². Героические образы горцев Кавказа, боровшихся за свою независимость, запечатлели в своих бессмертных творениях А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Т. Г. Шевченко, Л. Н. Толстой. Достаточно вспомнить пушкинские строки:

Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно...

Из всей литературы дореволюционной России наиболее полные и наиболее правильные выводы о борьбе горских народов Кавказа с самодержавием XIX века содержатся в трудах великих русских революционных демократов А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Они были глубоко убеждены в народно-освободительном характере борьбы горцев Кавказа. Эти выводы очень важны, так как они показывают отношение прогрессивной России к данному движению⁵⁰³. Революционные демократы гневно осуждали войну царской России на Кавказе. Из всех несправедливых войн самодержавия А. И. Герцен считал наиболее реакционными, нанесшими наибольший ущерб русскому народу, действия царизма именно на Кавказе и в Польше. «Мрачная эпоха» царствования Николая I, писал он, «открылась виселицами, шествуя вперед, утопая в крови и слезах Польши и Кавказа»⁵⁰⁴. Поэтому

⁵⁰¹ [Н. Седельников]. Турецкая кампания 1877—78 гг., т. I, М., 1878, с. 306.

⁵⁰² К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический манифест. М.—Л., 1930, приложение, с. 237.

⁵⁰³ В. Г. Гаджиев, А. М. Пикман. Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. Махачкала, 1972, с. 69—71.

⁵⁰⁴ А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XIII, с. 141—142.

добровольное участие в борьбе против кавказских горцев Герцен расценивал либо заблуждением, либо результатом моральной деградации. Он разъяснял, что ответственность за кровопролитную войну на Кавказе несет только царизм⁵⁰⁵. Н. Г. Чернышевский проводил аналогию между действиями царской России на Кавказе и Францией в Алжире, расценивая таким образом войну царизма против горцев как колониальную⁵⁰⁶. А в статье Н. А. Добролюбова «О значении наших подвигов на Кавказе», опубликованной в «Современнике» в 1859 году⁵⁰⁷, впервые в русской историографии правильно определяются причины и характер движения горцев Северо-Восточного Кавказа, хотя автору и приходилось писать ее в подцензурной форме. Смысл статьи, как отмечает академик М. В. Нечкина, заключается в признании движения освободительной войной, народной войной с поработителями, царизмом. Добролюбов подчеркивает, что Шамиля выдвинуло широкое народное движение⁵⁰⁸.

Великие русские демократы отмечали не только ужасы, которые несла затеянная царизмом война кавказским горцам, но и подчеркивали, каких громадных жертв стоила русскому народу колониальная политика царизма. А. И. Герцен утверждал, что «миллионы погибли на Балканах, на Кавказе»⁵⁰⁹. А Н. Г. Чернышевский, узнав о прекращении военных действий в Дагестане и Чечне, писал: «Слава богу, теперь Кавказ не будет поглощать ежегодно по 25 000 русских солдат»⁵¹⁰. С войной были связаны также огромные средства, которыми расплачивался тот же русский народ. И ее окончанием «одна из тех язв, которые истощали Россию, закрывается»⁵¹¹.

О значительных человеческих жертвах и материальных затратах, понесенных Россией по вине ее правителей в связи с Кавказской войной, свидетельствовали и официальные лица. Так, генерал М. А. Коцебу подчеркивал, например, что в 40-х годах «ежегодная убыль в русских войсках Кавказского корпуса простирается до десяти тысяч человек». По мнению генерала Е. А. Головина, в 1838—1843 годах на Кавказе ежегодно гибло до 30 тысяч человек, и шестая часть доходов Российского государства шла на ведение войны в том крае⁵¹².

После войны для горцев, оставшихся на родине, начался период жестокого колониального гнета со стороны царской России, являвшейся, по выражению В. И. Ленина, «тюрьмой народов». Тем не менее, войдя в состав Российской империи, они столкнулись не

505 В. Г. Гаджиев, А. М. Пикман. Указ. соч., с. 21, 27.

506 Н. Г. Чернышевский. Кормило кормчему. — ПСС, т. XVI.

507 Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. IV.

508 «Вопросы истории», 1947, № 11, с. 138.

509 А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. XII, с. 352.

510 Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV, с. 381.

511 Там же.

512 Цит. по: В. Г. Гаджиев, А. М. Пикман. Указ. соч., с. 23.

только с колониальной политикой самодержавия. Кавказцы соприкоснулись с борющимся за свое освобождение великим русским народом, с передовой культурой революционной демократической России. Это объективно способствовало и их экономическому развитию, поскольку Россия встала на капиталистический путь. Именно поэтому передовые представители горской интеллигенции, как, например, кабардинский общественный деятель и мыслитель Л. М. Кодзоков (1818—1893)⁵¹³, осуждали переселение горцев в Турцию и ратовали за укрепление русско-кавказских отношений.

Но завершение присоединения Кавказа вовсе не означало «умиротворения» последнего, как это хотелось бы правящим кругам России. Население обеих частей Кавказа продолжало борьбу против колониальной политики царизма, борьбу, которая все более и более переплеталась с движением антифеодального характера. Таким образом, и после окончания Кавказской войны положение на Кавказе оставалось напряженным, особенно в северной его части, где происходили сложные события как внутреннего, так и международного значения⁵¹⁴.

§ 4. Упразднение Абхазского княжества

На территории Абхазского княжества русское управление впервые было введено в 1837 году в Цебельде (Цабал) и в 1840 — в Самурзакано⁵¹⁵, где были образованы приставства во главе с царскими военными чиновниками, которые подчинялись командующему войсками в Абхазии. Порядок управления в этих административных единицах был адатно-военный. Вместе с тем в Абхазии была и царская военная администрация, находившаяся сначала в Бамборе, а затем, с 1851 года, — в Сухуме. В 1839 году, в связи с образованием Черноморской береговой линии, Абхазия в административно-военном отношении была подчинена управлению сперва второго, а затем третьего отделения этой Линии. Начальнику отделения была «присвоена власть» командующего войсками в Абхазии «с сохранением прежних отношений к владетелю сего края». Одновременно в Сухуме был назначен капитан порта и открыт запасной магазин для крейсирующей эскадры⁵¹⁶. В конце 40-х

⁵¹³ О нем: Т. Кумыков. Жизнь и общественная деятельность Кодзокова Л. М. Нальчик, 1962.

⁵¹⁴ Ш. В. Мегрелидзе. Закавказье в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., с. 67.

⁵¹⁵ Самурзаканское приставство в 1847 году, по учреждении Кутаисской губернии, было подчинено кутаисскому военному губернатору; в 1857 году, с принятием Мегрелии в непосредственное русское управление — управляющему Мегрелии, а в 1865 году, с образованием Сухумского военного отдела, вошло в состав последнего (ССКГ, 1870, вып. III, с. 25; В. Н. Иваненко. Гражданское управление Закавказьем. Тифлис, 1901, с. 428).

⁵¹⁶ Приказ ген. Н. Н. Раевского по Черноморской береговой линии от 23 мая 1839 г. — Сочинский музей краеведения, экспозиция (фотокопия); «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXXVIIIа, 76, с. 647.

годов в Сухуме было учреждено карантинно-таможенное управление восточного берега Черного моря, а также создано полицейское управление, начальник которого на правах градоначальника подчинялся начальнику войск в Абхазии. В управлении была организована для разбора городских дел особая канцелярия, а также городская ратуша, ведавшая судебными делами. В 1856 году, с образованием Кутаисского генерал-губернаторства, была учреждена должность командующего войсками в Абхазии⁵¹⁷. Абхазское княжество номинально подчинялось кутаисскому генерал-губернатору, а фактически — кавказскому наместнику. Окончательно русское управление в Абхазии было введено лишь после завершения Кавказской войны. Причем упразднение Абхазского княжества совпало с началом крестьянской реформы в Грузии. Вопрос о ликвидации княжества неоднократно ставился царскими властями еще раньше, особенно после Крымской войны, а после фактического введения в 1857 году русского управления в соседней Мегрелии (окончательно ее автономия была упразднена в 1867 году) он был предрешен. И с 1858 года в «Кавказском календаре» появляется рубрика «Военное управление в Абхазии»⁵¹⁸.

Со стороны царского самодержавия столь долгое сохранение автономии Мегрелии и Абхазии и оказание владетелям этих княжеств помощи в борьбе с их соперниками объясняется той активной ролью, какую играли названные владетели в деле осуществления планов царизма по «покорению» всего Западного Кавказа, а также в подавлении народных волнений внутри своих княжеств. Абхазский владетельный князь проявлял в этом особенное усердие. После Крымской войны обладание Абхазией для царского правительства было важно прежде всего «в видах покорения всего Кавказа»⁵¹⁹. П. К. Услар писал: «В общей системе кавказской военной политики Абхазия играет весьма важную роль. Страна эта вместе с Цебельдою на большом протяжении границ своих соприкасается с землями непокорных черкесов, врезываясь в наименее доступные части Кавказа. Абхазия должна служить оплотом для Западной части Закавказья и проводником нашего влияния в Черкесию»⁵²⁰.

Важную роль Абхазского княжества в планах царского правительства подчеркивал и кутаисский генерал-губернатор Д. И. Святополк-Мирский: «По географическому положению своему и неко-

⁵¹⁷ С. Эсадзе. Историческая записка., т. I, с. 120.

⁵¹⁸ Как известно, как раз в 1858 году была законодательно утверждена система военно-народного управления, введенная в ряде районов Кавказского края и существовавшая до 1883 года. Сущность ее заключалась в том, что управление и суд оставались по-прежнему на местных обычаях. Органы управления состояли из представителей местного населения, на выборных началах. Непосредственное руководство принадлежало военной администрации.

⁵¹⁹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 863, 1865 г., д. 20, л. 1 (Репорт наместника Кавказа Муравьева от 12 июня 1856 г. военному министру Сухозанету).

⁵²⁰ П. К. Услар. Гурийский отряд в 1855 году. — «Кавказский сборник», т. V, 1880, с. 258.

торым особенностям своего внутреннего устройства Абхазия имела весьма большое значение во все время Кавказской войны. Через эту страну, составлявшую узкую полосу между морем и неприступными горами, лежал единственный путь для вторжения некоторых племен Западного Кавказа в пределы христианского народонаселения долин Ингура и Риона. При непокорности Абхазии военная граница наша отодвинулась бы до Ингура и понадобилось бы немало средств для устройства на этой реке военно-кордонной линии, наподобие других военных линий на Кавказе. Покорность Абхазии избавила нас почти от военной границы в этой части Кавказа и... сберегла наши силы и издержки...»⁵²¹.

Естественно, царское правительство до поры до времени и не принимало мер к ликвидации Абхазского княжества. «Значение Абхазии в отношении военных дел на Кавказе и польза от подчинения этой страны владельцу-христианину были поняты и вполне оценены как главными начальниками Кавказского края, так и верховною властью»⁵²². «Достоинство» его владельца, М. Шервашидзе, было «возвышено», власть его над абхазами «упрочена и тем самым край этот более или менее за нами обеспечивался», — писал один из военных обозревателей⁵²³. Когда в 1862 году вопрос об Абхазском княжестве обострился, тогдашний наместник Кавказа князь А. И. Барятинский писал: «В преследовании князя Шервашидзе я не вижу никакой надобности, а скорее вред. Влияние его в Абхазии и на соседние племена, как мне известно, еще очень важно... Поэтому расположить этого человека к нам считаю очень полезным... Князь Шервашидзе, если будет предан нашему делу, может привлечь к себе самых влиятельных людей из соседних ему племен». Несколько позже Барятинский, рекомендуя Д. И. Святополк-Мирского на должность кутаисского генерал-губернатора, также писал, что «без влияния» абхазского владельца «верного успеха ожидать невозможно»⁵²⁴. Таким образом, учитывалось «большое влияние в горах Северо-Западного Кавказа»⁵²⁵, а также в известной мере и в других регионах Западного Кавказа М. Шервашидзе. Именно за участие в военных экспедициях и подавлении восстаний — «за отличие по службе и преданность русскому правительству» он был награжден несколькими орденами и получил звание генерал-лейтенанта и генерал-адъютанта. Сам владелец в письме от 21 июня 1864 года Святополк-Мирскому отмечал, что он состоит на службе российского царя более сорока лет и служба его «принесла очень значительную пользу престолу русскому»⁵²⁶.

Наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич в за-

⁵²¹ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1213, л. 1.

⁵²² Там же.

⁵²³ КС, 1877, т. II, с. 74.

⁵²⁴ «Русский архив», 1889, кн. II, с. 287 — 288; кн. III, с. 487.

⁵²⁵ К. А. Бороздин. Закавказские воспоминания..., с. 220.

⁵²⁶ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 75, лл. 2 — 5.

писке «О положении в Абхазии», приложенной к его отношению от 27 марта 1864 года на имя военного министра Д. А. Милютина, доказывал, что царское правительство «не могло в то время выделить достаточных средств для того, чтобы взять эту страну (Абхазию. — Г. Д.) в полное подчинение для водворения в ней внутреннего порядка, ограничивалось только поддержкою владетеля»⁵²⁷. Это относилось и ко всему Западнему Кавказу. Данную позицию в свое время князь Барятинский характеризовал как «полумеры», образующие «только язву, истощающую лучшие соки государства». Концепция же самого царского сатрапа сводилась к альтернативе: «Или обратить усиленные средства на этот край или бросить его навсегда»⁵²⁸. При этом правительство Александра II, несомненно, учитывало и международное положение. Наместник Кавказа, подчеркивая «исключительное значение» Абхазии и в силу ее «внешних сношений»⁵²⁹, считал, что если с владетелем Абхазии «не кончить... одним решительным ударом, — он не уступит без борьбы, и тогда западные державы, получив повод, могут вмешаться»⁵³⁰.

После завершения Кавказской войны в 1864 году царское правительство для окончательного политического «освоения» Кавказа и унификации административного управления решило ликвидировать власть местных владетелей в тех районах, где она еще сохранилась, в том числе и в Абхазии. В донесении кутанского генерал-губернатора Д. И. Святополк-Мирского от 30 сентября 1864 года наместнику Кавказа подчеркивалось: «Упразднение власти владетеля Абхазии и введение в этой стране прямого русского управления было признано государственной необходимостью», именно «как следствие и дополнение» окончания указанной войны⁵³¹. Этот вопрос ставился еще в марте 1864 года, опять-таки «ввиду предвидевшегося... скорого» завершения присоединения всего Северо-Западного Кавказа к России⁵³². Тогда же он писал, что до сих пор «мы могли, хотя сами обманывая себя, говорить, что без пособия власти владетеля не имели бы сил ограждать себя от убыхов; мы представляли Абхазию краем, прикрывающим другие наши земли, более важные. Но теперь уже и этого оправдания не существует»⁵³³. В личном письме Александру II от 23 марта 1864 года кавказский наместник повторял, что управление Абхазией М. Шервашидзе «было полезно для России... Независимое положение Абхазии имело смысл, покуда восточный берег Черного моря» не был еще присоединен к России, «тем более, что большая часть наших вооруженных сил была отвлечена» на Восточном Кавказе, «но теперь... об-

527 ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 877, 1864 г., д. 31, л. 8 об.

528 «Русский архив», 1889, кн. II, с. 441.

529 ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 253 — 253 об.

530 Там же, ф. 38, оп. 30/286, св. 877, 1864 г., д. 31, л. 13.

531 ЦИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 75, лл. 34 — 37.

532 Там же, 416, д. 177, л. 90.

533 ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 877, 1864 г., д. 31, лл. 11 об — 12.

стоятельства совершенно изменились»⁵³⁴. Резко критикуя порядки управления в Абхазии, наместник настаивал на быстрой ликвидации здесь владетельской власти и осуществлении одобренного императором предложения о заселении казачьими станицами восточного берега Черного моря — от устья Кубани до р. Бзыбь, что после ликвидации Абхазского княжества могло быть продолжено до устья Ингури⁵³⁵. При этом он, не скрывая личной неприязни к абхазскому владетелю, выдвигал ряд необоснованных обвинений против него. Например, наместник докладывал, что М. Шервашидзе «вошел в самые тесные сношения с убыхами»; снабжает продовольствием этих горцев, «доведенных до голода» царскими властями; старается поддержать между ними «надежду на европейскую войну и всячески ободряет их к сопротивлению». Ссылку Шервашидзе на плохое состояние своего здоровья наместник считал проявлением неискренности, так как, писал он, «здоровье его находится в весьма хорошем состоянии»⁵³⁶. Наместник вытаскил и докладную записку М. Шервашидзе от 10 ноября 1847 года об его увольнении и считал, что оно «может быть принято во внимание и в настоящем случае»⁵³⁷.

В шифрованной телеграмме на имя Александра II от 31 апреля 1864 года наместник сообщал, что в Сухуме к нему явился Шервашидзе с заявлением о готовности исполнить все, что будет приказано и намеком выражал желание о передаче владения своему сыну Георгию, который, по мнению наместника, не может быть полезен⁵³⁸. Однако участь владетельного дома была предрешена в связи с «окончанием Кавказской войны» — факт, который и «имел непосредственное влияние на уничтожение автономии Абхазии»⁵³⁹. Михаила Шервашидзе продолжали обвинять в «уклончивости и притворстве». Император, наконец, «изволил признать», согласно с мнением наместника, изложенном в его докладе от 27 марта 1864 года, что Абхазия «не может более оставаться в настоящем положении, что наступило время ввести в ней правильную русскую администрацию, освободив от управления князя Михаила Шервашидзе с его потомством». Решено было ранние прошения владетеля с просьбой «удалиться от дел» использовать как «прямой повод к проведению ныне же в исполнение означенной меры»⁵⁴⁰.

Решение Александра II наместник получил во время последней:

534 ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, 1864 г., д. 805, л. 57 об.

535 ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 877, 1864 г., д. 31, лл. 8 — 14.

536 М. Шервашидзе умер менее чем через два года. Он болел с 1857 года, вследствие чего постоянно лечился на курортах Грузии и Северного Кавказа, а в 1860 году ездил за границу.

537 См.: ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, с. 877, 1864 г., д. 31, лл. 1 — 4 об.

538 Там же, л. 17.

539 С. Эсадзе. Волнения в Абхазии в 1866 году. — «Кавказский край» (Тифлис), 1905, № 1, с. 12.

540 ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 877, 1864 г., д. 31, лл. 19 — 20 (Отношение А. Милютина от 1 апреля 1864 г. вел. кн. Михаилу Николаевичу).

экспедиции в долину р. Мзымта, где уже завершалась долголетняя Кавказская война. Он принимает все меры, чтобы «избежать могущих произойти беспорядков и даже вооруженного сопротивления». И напрасны были ходатайства владетеля об оставлении его в Абхазии, дабы «управлять ею до своей смерти», или, по крайней мере, разрешить ему просто жить в этом крае⁵⁴¹. «Пребывание мое в Абхазии, — старался убедить Шервашидзе, — не только не будет помехою введению правительственных распоряжений, но принесет неожиданную пользу, так как я первый буду служить примером исполнения всяких со стороны правительства объявленных распоряжений и это подтвердится на деле»⁵⁴². Подобные просьбы были тем более напрасны после специального рескрипта заместника Михаилу Шервашидзе от 24 июня 1864 года, в котором последнему напоминались все прежние его прошения об увольнении от звания и обязанностей владетеля Абхазии и «принималось во внимание продолжительность и упорство болезни», расстроившей его здоровье, а также «настоящее положение края, нуждающегося в правильной и деятельной администрации для развития в нем гражданственности».

В июне 1864 года Абхазское княжество было упразднено и введено, до утверждения положения и штатов, временное «военно-народное управление»⁵⁴³. Абхазия была переименована в Сухумский военный отдел Российской империи и разделена на три округа (Бзыбский, Сухумский и Абжуйский) и два приставства (Цебельдинское и Самурказанское) с подчинением кутаисскому генерал-губернатору. Начальником отдела был назначен командующий войсками в Абхазии генерал П. Н. Шатилов, получивший приказ вступить «во внутреннее управление» краем с 12 июля 1864 года. К кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому, прибывшему в этот день в Сухум «для непосредственных распоряжений по введению русской власти в Абхазии», пришли «почетные жители» края, которым и было объявлено правительственное решение. Это объявление и данные тут же приказания были приняты всеми беспрекословно, а многими даже с заметным удовольствием»⁵⁴⁴.

Надо сказать, что упразднение феодального княжества и введение непосредственного русского управления в Абхазии население края восприняло относительно благожелательно. Еще в 1850 году инженер Иогель и топограф Рябиков писали: «Простой народ крепко желает спокойствия и не принимает живого участия в ссорах и междоусобиях князей, так что теперь в случае надобности не встретится препятствий в удалении самых беспокойных кня-

⁵⁴¹ Там же, лл. 22 — 23.

⁵⁴² ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1864 г., д. 75, лл. 2 — 5 (Письмо М. Шервашидзе от 21 июля 1864 г. Д. Святополк-Мирскому).

⁵⁴³ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 877, 1864 г., д. 31, лл. 24 — 25.

⁵⁴⁴ Там же, лл. 33 — 35 (Отношение вел. кн. Михаила Николаевича от 14 августа 1864 г. военному министру Д. А. Милютину).

зей»⁵⁴⁵. И действительно, «абхазцы, — как отмечал Д. И. Святополк-Мирский, — не без некоторого опасения и недоверия, но спокойно и безропотно приняли новый порядок управления. Можно верить, что они надеялись отдохнуть и устроиться после долгих бедствий и неурядицы»⁵⁴⁶. Народные массы ожидали, что с упразднением владительства благосостояние их будет возрастать с каждым годом и правительство будет к ним «милостиво»⁵⁴⁷. Наместник Кавказа в письме от 5 августа 1866 года Александру II, говоря об обстоятельствах, обусловивших восстание 1866 года в Абхазии, также подчеркивал, что население было довольно введением нового управления в 1864 году, особенно же отменой всевозможных пошлин, которыми владетель «его обирал»; «происшествий, преимущественно вначале, не было почти»⁵⁴⁸.

Что касается М. Шервашидзе, то он, «вопреки всем ожиданиям, — констатировал Святополк-Мирский, — не только не препятствовал введению в Абхазии русского управления, но по первому требованию... созвал абхазцев для объявления им высочайшей воли и просил их ко мне для получения дальнейших указаний»⁵⁴⁹. Сам наместник Кавказа в письме Александру II от 23 сентября 1864 года признавал: «В Абхазии все благополучно, и новое управление вводится беспрепятственно и без всяких столкновений, несмотря на присутствие еще самого кн. Михаила Шервашидзе; но он до такой степени ведет себя скромно и отстранился от всякого вмешательства в дела, что пребывание его в крае совершенно незаметно». «Тем не менее, — продолжал великий князь, — ... я положительно подтвердил кн. Мирскому объявить бывшему владетелю, что 1 октября назначается крайним сроком для его выезда и пригрозить ему, что, если он к назначенному числу добровольно не выедет, то мы будем вынуждены употребить против него силу и что в таком случае я буду ходатайствовать о лишении его звания генерал-адъютанта, как ослушника твоей воли»⁵⁵⁰. Таким образом, дальнейшее пребывание М. Шервашидзе в Абхазии было признано не только «неудобным», но и «положительно вредным»⁵⁵¹. Начинается возня вокруг вопроса о выезде и месте поселения тяжело больного бывшего владетеля. М. Шервашидзе настойчиво просил оставить его в Абхазии или разрешить ему жить в Кутаисском или Рачинском уездах, а если и этого невозможно — выехать в Иерусалим, «где будет ожидать смерти у гроба господня». «В против-

545 ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 749, л. 194 об.

546 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 2784, л. 157.

547 Там же, л. 235.

548 ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, 1866 г., д. 806, лл. 53 — 57.

549 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1864 г., д. 75, лл. 31 — 37.

550 ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, 1864 г., д. 805, л. 92 об.

551 ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 877, 1864 г., д. 31, л. 65 об. (Записка вел. кн. Михаила Николаевича от 11 ноября 1864 г. императору). См. также: «Документы по истории Грузии». Серия II. Т. I. Ч. I. Под ред. проф. Ш. Чхетия. Тбилиси, 1954, с. 660.

ном случае, — заключал он, — тащите меня отсюда силою»⁵⁵².

М. Шервашидзе, как видно, в последний момент решил переселиться в Турцию с частью населения и просил об отводе ему земли в Анатолии⁵⁵³. Турецкое правительство уже готовилось послать в Сухум суда. Но русский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев, узнав об этом, немедленно обратился в Министерство иностранных дел Турции с протестом, и дело было сорвано⁵⁵⁴. Сообщая об этом в начале ноября 1864 года кавказской администрации, Игнатьев требовал немедленного ареста владетеля. И сам Шервашидзе не отрицал факта своего обращения к турецкому правительству, но сводил его к простому ходатайству перед последним, с ведома наместника, о присылке парохода для отвоза его с семьей в Иерусалим, если нельзя было ему оставаться в Абхазии⁵⁵⁵. Очень скоро после этого последовало распоряжение Александра II об увольнении Шервашидзе со службы (без объявления причин) и удаления его в г. Воронеж. На местного губернатора Трубецкого возлагалось наблюдение за безвысздным там пребыванием князя и «его дальнейшим образом действий»⁵⁵⁶. В это время бывший владетель находился в с. Акваскиа. Туда 4 ноября были направлены войска во главе с подполковником Кутайсовым. Но Шервашидзе накануне переехал в с. Тхина. Этот поступок князя был расценен как «бегство», и он был немедленно задержан, подвергнут аресту и на корвете «Сокол» отправлен в Новороссийск, оттуда — в Ставрополь, затем — в Ростов-на-Дону⁵⁵⁷. Безнадёжно больной бывший владетель Абхазии настойчиво просил разрешить ему жить хотя бы в одном из городов Южной России. Но 17 августа он был доставлен к месту назначения — в г. Воронеж.

Все-таки в ознаменование прежних заслуг М. Шервашидзе перед царским самодержавием за ним был утверждён титул «светлейшего князя», пожалованы аренда в 10 000 руб. и пенсия в 1 000

⁵⁵² ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 877, 1864 г., д. 31, лл. 70 об., 74.

⁵⁵³ АВВР, ф. Посольство в Константинополе, 1865 г., д. 2605, лл. 14—17, 241; ЦГВИА, ф. 37, оп. 30/286, св. 877, 1864 г., д. 31, лл. 45—50.

⁵⁵⁴ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 877, 1864 г., д. 31, л. 43 (Донесение посланника в Константинополе управляющему Дипломатической канцелярией наместника кавказского).

⁵⁵⁵ Там же, л. 58 (Письмо М. Шервашидзе от 6 ноября 1864 г. кутаисскому генерал-губернатору).

Впоследствии факт обращения М. Шервашидзе к Турции члены его семьи и некоторые другие осведомленные лица (В. Ю. Джуджани и др.) отрицали, считая невозможным «серьезно заподозрить умного 60-летнего и притом больного уже старика в подобной попытке» («Материалы и записки по вопросу владетельских и имущественных прав потомков свет. князя Михаила Шервашидзе, последнего владетеля Абхазии». Всиенц, 1913, с. 28, 36).

⁵⁵⁶ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 877, 1864 г., д. 31, л. 45.

⁵⁵⁷ Там же, лл. 52—56; «Документы по истории Грузии», серия II, т. I, ч. I, с. 654—656.

руб.⁵⁵⁸ Умер Михаил Шервашидзе 16 апреля 1866 года в г. Воронже и похоронен в Моквском храме, в фамильном склепе владетельных князей Абхазии⁵⁵⁹. Царское правительство, хотя и лишило князей Шервашидзе (Чачба) политической власти, однако оставило за ними привилегии крупных помещиков края. Александр II, «упраздняя владетельские прерогативы... не нашел справедливым, даже при этом случае, допустить нарушение размеров благосостояния... дома» Шервашидзе, «разрешив лишь его видоизменение», правда, затем это не было до конца соблюдено. Так, например, пять князей Шервашидзе в разное время получили 11 825 десятин земли, хотя всем им со времени восстания 1866 года было запрещено пребывать в пределах Абхазии⁵⁶⁰.

Надо сказать, что и удаление бывшего владельца из Абхазии прошло без каких-либо эксцессов. Кавказский наместник в своем отношении от 15 января 1865 года военному министру Д. А. Милютину писал: «Как Ваше превосходительство усматриваете из прилагаемых при сем двух выписок из рапортов командующего войсками в Абхазии кутаисскому генерал-губернатору, задержание кн. Шервашидзе и удаление его из Абхазии совершилось без всякого фактического сопротивления со стороны прежде бывшего под властью его населения и почти не имело влияния на состояние общественного спокойствия в стране»⁵⁶¹. Д. И. Святополк-Мирский также сообщал, что из края без всякого «сопротивления и даже волнения» был удален бывший владелец; окружные начальники без затруднения начали собирать подробные статистические сведения⁵⁶².

В сентябре 1864 года наместником Кавказа была создана комиссия под председательством генерала И. А. Бартоломея для составления «Положения об управлении Абхазиею». В 1865 году было издано «Положение о Кавказском горском управлении», по которому в крае создавалось высшее центральное учреждение, объединявшее все управление кавказскими горскими народами, основанное на началах особого, так называемого «военно-народно-

⁵⁵⁸ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 экспед., 1865 г., д. 55, 1 об.

С упразднением Абхазского княжества царское правительство взяло в свое ведение «все владетельские имения и подвластных», назначив князьям Шервашидзе большое вознаграждение от казны, с тем, однако, чтобы доходы с указанных имений обращались на пополнение этого правительственного расхода. Вследствие выплаты «непомерно большого налога» «и без того многие бедные подвластные люди... дошли до крайней бедности» (ЦГИАГ, ф. 545, д. 76, лл. 256—258. Отношение начальника Сухумского отдела от 19 октября 1869 г. начальнику Кавказского горского управления).

⁵⁵⁹ «Материалы и записки по вопросу о владетельских и имущественных правах потомков свет. князя Михаила Шервашидзе, последнего владельца Абхазии», с. 20—21, 99.

⁵⁶⁰ С. Эсадзе. Волнения в Абхазии в 1866 году, с. 12.

⁵⁶¹ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. XXVI, лл. 124—127; ЦГАА, ф. 833, д. 60, л. 1.

⁵⁶² Там же, ф. 545, оп. 1 (кн. 2). 1866 г., д. 2784, л. 157.

го управления»⁵⁶³. Правительство стремилось изъять управление горскими народами из военного ведомства и централизовать его, сосредоточив в одном учреждении, подчиненном непосредственно Главному управлению Кавказского наместничества. Однако в Абхазии проведение мероприятий в области административного управления несколько затянулось. Комиссия генерала Бартоломея свою работу закончила лишь к апрелю 1866 года, в реализация ее предложений была ускорена восстанием.

Таким образом, с упразднением Абхазского княжества и учреждением царского управления на этот край распространился колониально-политический режим Российской империи. Вместе с тем с упразднением владетельской власти — пережиточной формы феодального управления, являвшейся помехой на пути социально-экономического развития, перед Абхазией открываются перспективы вовлечения в пореформенную общероссийскую хозяйственную систему, в частности, в общую экономическую жизнь Грузии и всего Закавказья. При этом обостряются классовые противоречия.

Если же говорить об акте упразднения Абхазского княжества с точки зрения махаджирской проблемы, то он, как мы увидим, в дальнейшем сыграл вообще весьма отрицательную роль. Уже в 1864 году имело место известное «оживление» переселенческого движения, непосредственно спровоцированное, с одной стороны, происками абхазских феодалов, отстраненных от активной политической жизни края, с другой стороны — действиями представителей «нового режима» — колонизаторов и еще целым рядом обстоятельств.

Махаджирство готово было «вспыхнуть» в Абхазии и в течение последующих двух лет, что было связано уже с работой комиссии генерал-майора Е. Понсэ, которая прибыла из Тифлиса в 1865 году для определения состояния имущества бывшего владельца Абхазии и установления его семье соответствующего вознаграждения. На нее также был возложен сбор сведений об общем социально-экономическом положении края⁵⁶⁴. Комиссия генерала Понсэ с самого начала своей работы вступила в конфликт как с крестьяна-

⁵⁶³ Особый орган по военно-народному управлению кавказскими горцами был образован в Тифлисе еще в 1860 году, и он под разными наименованиями просуществовал до февраля 1917 года. К концу 1867 года в пределах Северного Кавказа не оставалось уже ни одного местного феодального владетеля. Таким образом, завершился процесс объединения под властью России всех политических образований («Народы Кавказа», т. 1, М., 1960, с. 100). Теперь в указанное управление входили: Кубанская область (некоторая часть), Терская область (большая часть), Дагестанская область (почти вся), Закатальский округ и Сухумский отдел (ССКГ, 1868, вып. 1, с. 5).

⁵⁶⁴ Результаты работы этой комиссии были отражены в рукописи ее члена А. П. Черепова «Краткие заметки о сословных и взаимных отношениях Бзыпского округа Абхазии» (ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 1038, лл. 1 — 46), опубликованная И. Г. Антелава, Г. А. Дзидзария и А. А. Олонеким в пятом номере журн. «Исторический архив» за 1950 г. и П. В. Гугушвили в сб. документов «Сельское хозяйство и аграрные отношения», т. II, Тбилиси, 1950, с. 538 — 549.

ми, так и с отдельными феодалами. Крестьяне, в особенности бывшие владетельские, выступали, в частности, против взимания с них платы для пополнения суммы, назначенной правительством в пользу владетельской семьи. Впоследствии, перед самым началом открытого всеобщего выступления, 23 июля 1866 года, на большом сходе, состоявшемся в с. Дурипш, крестьяне открыто возмутились тем, что правительство не хочет спросить, желает ли население, чтобы дети бывшего владетеля Абхазии оставались в крае «на помещичьих правах»⁵⁶⁵.

Комиссия Понсэ прежде всего готовила почву для проведения крестьянской реформы, несправедливый характер которой абхазским крестьянам был понятен. В с. Лыхны и м. Очемчиры, где происходили массовые сходы населения, крестьяне категорически заявили, что, согласно обычному праву, «земли принадлежат тому, кто ее расчистил от зарослей и засеял» и что это положение «распространяется на всех без исключения абхазцев»⁵⁶⁶. «Заинтересованные в земельных вопросах» князья и дворяне были весьма обеспокоены; «они сознавали, что если русская власть всецело станет на сторону этого закона, то их мечты приобрести латифундии не осуществляются»⁵⁶⁷. Крестьян возмущало также грубое отношение к ним членов комиссии Понсэ, особенно чиновника Черепова, попиравшее ими местные обычаи. Начальник Пицундского округа майор Д. С. Чавчавадзе в рапорте от 4 июня 1867 года на имя начальника Сухумского отдела, говоря о причинах восстания 1866 года, подчеркивал: «Я, к сожалению, убежден, что одной из главных причин были примеры работ членов комиссии генерал-майора Понсэ... Я положительно могу сказать, что она оставила весьма тяжелое впечатление в народе...»⁵⁶⁸.

Абхазские феодалы, недовольные введением русского управления и опасавшиеся дальнейшего ухудшения своего положения, весьма ревниво отнеслись к работе комиссии Понсэ, как и к любой другой попытке «новой власти» вмешаться во взаимоотношения между помещиками и их крестьянами. Феодалы же, настроенные протурецки, всячески старались заставить крестьян, в том числе и владетельских, отказаться от дачи каких бы то ни было сведений членам комиссии, намереваясь затем увести их с собой в Турцию⁵⁶⁹. Они вместе с тем распространяли всевозможные провокационного характера слухи. Местные реакционные силы всячески пытались направить отсталые элементы населения против русских вообще. Сам Понсэ отмечал, что «толки о переселении не редкость между здешними дворянами», которые стараются

⁵⁶⁵ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1 (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 120.

⁵⁶⁶ А. Н. Дьячков-Тарасов. Абхазия и Сухум в XIX столетии. — ЗКОРГО, т. XX, вып. 1, 1910, с. 180.

⁵⁶⁷ Там же, с. 185.

⁵⁶⁸ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), 1865 г., д. 180, л. 43.

⁵⁶⁹ Там же, 1864 г., д. 76, лл. 113 — 116 (Письмо ген. Понсэ от 1 декабря 1865 г. ген. Шатилову).

«увлечь с собой возможно большее число людей, под предлогом подвластности»⁵⁷⁰. В сентябре 1865 года в с. Хуап состоялось нелегальное собрание представителей протурецки настроенных дворян, преимущественно из фамилии Маргания (Маан). Один из них, Камбулат Маргания, даже ездил в Турцию, чтобы с помощью своего зятя, известного уже нам уبخского князя Хаджи-Керантуха-Берзека, завязать переговоры с турецким правительством⁵⁷¹.

Однако отрицательное отношение абхазского крестьянства к переселению обусловило безрезультатность этих переговоров. Несколько позже кутаисский генерал-губернатор Д. И. Святополк-Мирский, вспоминая, что некоторые феодалы еще тогда были готовы удалиться в турецкие пределы, подчеркивал, что всячески стремились «брать с собою своих подвластных и рабов»⁵⁷². Со своей стороны русское правительство в ту пору стремилось ослабить «значение и влияние» реакционных протурецких элементов и помешать их планам.

⁵⁷⁰ Там же.

⁵⁷¹ Там же, лл. 113 — 116.

⁵⁷² Там же, ф. 545, оп. 1, (кн. 2), 1866 г., д. 2784, л. 159 (Рапорт кутаисского генерал-губернатора от 13 октября 1866 г. главнокомандующему Кавказской армией).

ГЛАВА III

СОКРАЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ АБХАЗИИ В РЕЗУЛЬТАТЕ РАБОТОРГОВЛИ

Трудно переоценить значение присоединения кавказских областей к России с точки зрения дальнейших судеб их народов и борьбы русского правительства против торговли невольниками (рабами). Пожалуй, ни одна война, ни один иноземный завоеватель в течение столетий не причинил этому краю столько вреда, сколько торговля живым товаром. Это было поистине национальное бедствие: постоянно наносился непоправимый урон этническому развитию народов. Фредерик Дюбуа де Монперэ, как бы подытоживая, во всяком случае стремясь создать общее впечатление о размере ущерба, писал: «Во все времена древняя Зихия, в наши дни морской берег Черкесии и Абхазии, была рынком рабов; вот уже несколько тысячелетий, как это продолжается; можно смело сказать, что несколько миллионов обитателей этого края было таким образом продано и увезено в другие страны»¹. Наиболее мрачный период в этом отношении наступает здесь с XVI века, с установлением владычества турецких султанов, когда, по выражению военного историка Р. А. Фадеева, «весь Кавказ обращен был в один невольничий рынок»².

С самого начала присоединения Абхазии к России принимается ряд специальных мер, направленных против работорговли в крае. Генерал А. П. Ермолов еще в рапорте от 23 марта 1818 года на имя императора ставил вопрос о «прекращении торгова людьми», отмечая при этом, что в Абхазии торговля заключается чуть ли не исключительно в продаже пленных³. А в 1820 году он уже докладывал, что «доселе наблюдением командующего гарнизоном нашим в Сухум-Кале сколько возможно полагается преграда торгова пленными, для чего предложено мною назначение нескольких судов для крейсерования около берегов...»⁴. В том же году французский путешественник и коммерсант Поль Гибаль, хорошо осведомленный о положении дел в Абхазии и в целом на Кавказе, отмечал: «Ко-

¹ Ф. Дюбуа де Монперэ. Указ. соч., т. I, с. 48.

² Р. Фадеев. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860, с. 17. (Об истории работорговли вообще в Османской империи см. статью А. Д. Новичева, опубликованную в сборнике „Turcologia“. Л., «Наука», 1976, с. 305—312).

³ ЦИАГ СССР, ф. 1018, оп. 3, 1820 г., д. 151, л. 3.

⁴ ЦГАДА, ф. Ермоловых, л. 256, лл. 9—12.

гда-то работорговля была очень важной отраслью турецкой торговли. Но в настоящее время она значительно сократилась»⁵.

Борьба с работорговлей стала более эффективной в связи с блокадой восточного берега Черного моря после заключения в 1829 году Адрианопольского мира. Однако до учреждения Черноморской береговой линии (в конце 30-х годов) эта блокада ограничивалась действиями крейсирующей эскадры, состоявшей лишь из семи парусных военных судов разных рангов, контрабанда же производилась в больших размерах. С учреждением и развитием береговой линии «крейсерство было особенно деятельно»⁶. Военные суда крейсировали постоянно вдоль всего северо-восточного побережья; кроме того, промежулки между отдельными укреплениями охранялись гребной флотилией азовских казачьих баркасов. В 1844 году русский посланник в Константинополе сообщал начальнику Черноморской береговой линии генералу А. И. Будбергу, что великий визир в беседе с ним даже жаловался на то, что в связи с этим турки лишены возможности пополнять гарем султана девушками с Кавказа⁷. Заметное сокращение торговли живым товаром явилось одной из основных причин постепенного исчезновения социальной категории феодальной Абхазии ахашвала (атвы) — бесправных рабов⁸. С другой стороны, ликвидация института рабства вообще была связана с внутренними процессами, которые происходили в социальной жизни края, но опять-таки в условиях его присоединения к России. Речь идет о слиянии рабов с крепостным крестьянским населением. Надо иметь в виду, что здесь мы имеем дело с институтом домашнего рабства.

Тем не менее рабство и «плснопродавство» в Абхазии как и у черкесов, не были искоренены вплоть до 60-х годов, т. е. до тех пор, пока политическое укрепление России на Кавказе и процесс разложения феодализма не подорвали окончательно их основы⁹. Здесь все еще подросток 5-6 четвертей (худза-фызда) из категории ахашвала (рабов) продолжал служить денежной единицей, разменной монетой¹⁰. Долгую сохранению работорговли в Абхазии

⁵ ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 2896, л. 131 об.

⁶ АКАК, т. XII, ч. II, с. 740 — 741, № 631 (Письмо ген. Филиппсона от 5 августа 1857 г. ген. Милютину).

⁷ См.: АКАК, т. XII, ч. II, с. 742, № 631.

⁸ О них: Г. А. Дзидзария. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке, с. 307 — 320.

⁹ Что касается береговых укреплений, то при состоянии, в каком находились их гарнизоны и при их недостаточных технических средствах, они не способны были обеспечить полностью блокаду побережья. Имея связи среди прибрежных горских племен, используя систему световых сигналов, контрабандисты в темные ночи проскальзывали в укромные места побережья и вытаскивали суда на сушу, а там некоторые турецкие работорговцы имели даже свои дворы, дома и склады во многих крупных аулах. Поэтому не приходится удивляться, что, несмотря на официальное запрещение продажи горцев, запрет этот в действительности нарушался. Известны даже случаи, когда шкипера турецких кочерм покупали служителей карантинно-таможенных правлений.

¹⁰ См.: «Исторический архив», 1950, V, с. 413.

в значительной степени способствовало бытование ее и в сопредельных районах — у убыхов и адыгских (черкесских) племен, а также в Мегрелии, Сванетии и т. д. В обзоре политического положения Черкесии, относящемся к июлю 1837 года, говорится, что около 370 семейств, вышедших 3 года назад до этого из разных мест Кабарды и Адыгеи, были поселены на Черноморском побережье Анатолийской Турции (Трапезунд, Самсун, Синоп и др.), где они занимались земледелием и отчасти торговлей с Кавказом. Их феодалы ежегодно путешествовали в Черкессию и вывозили невольников для продажи в Турцию. Между многими кавказскими и анатолийскими пристанями, которые перечислены в документе, «какую ходят еженедельно, ибо это плавание особенно выгодно для турецкого промышленника... Можно полагать, что из Черкесии вывозят ежегодно до 400 невольников и невольниц в разные места Турции. У многих важных сановников по женам есть родственники в Черкесии. По этой причине контрабандная торговля с Кавказом пользуется скрытым покровительством многих из местных начальников, несмотря на запрещение и фирманы Порты»¹¹.

Начальник главного штаба Кавказской армии генерал Д. А. Милютин в письме от января 1852 года заявлял, что убыхи «не имеют почти никаких предметов сбыта, кроме невольников»¹². А начальник войск в Абхазии генерал М. Т. Лорис-Меликов констатировал, что «у редкого из них (убыхов. — Г. Д.) нет сестры, либо дочери, проданной в Турцию; многие из этих невольниц сделались женами тамошних сановников...»¹³. Т. Лапинский, сведения которого относятся уже к началу 60-х годов, также отмечал, что Убыхия «ведет самый широкий торг невольниками с Турцией»¹⁴. Между прочим, уцелевшие потомки убыхов, а их единицы в Турции, хорошо помнят рассказы своих отцов о былой работорговле на родине. Например, они сообщают о том, что «когда-то в Черкесии крали людей и продавали их. Таким образом привезли в Стамбул и продали молодого человека по имени Якуц, из семьи Чувов. Отсюда его отвезли в Египет. Там он поступил в гвардию...»¹⁵. К 60 годам

¹¹ ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 190, лл. 33 — 36.

¹² АКАК, т. XII, ч. II, с. 804, № 674.

¹³ Там же, с. 796 (Записка ген. Лорис-Меликова от 3 октября 1853 г.).

¹⁴ Т. Lapiński. Указ. соч., т. I, с. 93.

¹⁵ G. Dumézil et A. Namitok, II, p. 445.

Адыгейская и убыхская знать была очень заинтересована в работорговле по причине того, что вследствие крайней примитивности способа производства и незрелости феодальных отношений она считала более выгодным сбыт рабов за море, чем непосредственную эксплуатацию их в своем хозяйстве. Работорговля являлась для указанной знати и крестьянской верхушки таким источником, который обещал им не менее, чем присвоение продуктов труда подвластных им крепостных крестьян (А. В. Фадеев. Россия и Кавказ., с. 336). Особенно убыхские дворяне считались лучшими охотниками за рабами. Убыхские «унару» («разрушители саклей») были быком не только для соседних шапсугов и натухайцев, но даже захребтовых абадзехов (А. Н. Дьячков-Тарасов. «Биокозау». — «Революция и горец», 1929, №№ 1—2, с. 40).

относится и утверждение начальника главного штаба Кавказской армии «об усиливающейся... в Турции продаже женщин и детей, похищенных... из Гурии, Мингрелии и даже Имеретии»¹⁶.

«Утечка» населения Абхазию происходила не только морским путем. Существенной «брешью» в этом отношении были и перевалы Главного Кавказского хребта. Не случайно источники так часто указывают на гибель невольников из Абхазии в рабстве по ту сторону хребта. Для абхазских феодалов-пленопродавцев, может быть, горные перевалы были даже более удобными. Кроме того, население постоянно находилось под угрозой грабительских нападений со стороны гор, именно в целях увода людей в рабство. Между прочим, борьба населения с этими грабителями нашла свое яркое отражение в абхазском фольклоре. Сложены песни о народных героях, выступавших против жестоких набегов. Данному вопросу была посвящена и статья С. Т. Званба «Зимние походы убыхов на Абхазию», опубликованная в 1852 году в газете «Кавказ».

Но в любом случае, каким бы путем — морским или горным — ни уводили людей в качестве рабов из Абхазии, они в конечном счете попадали, как правило, на невольничьи рынки Турции, основного потребителя этого живого товара, где даже во второй половине XIX века невольники составляли «важный класс». Несмотря на то, что в 1858 году в пределах Турции работорговля была официально запрещена, но само рабство не было отменено¹⁷. Автор книги «Народы Турции», хорошо знавшая турецкое общество 60—70-х годов, писала: «Невольничество в Турции в настоящее время ограничивается преимущественно одним только полом. Мужчины-невольники, за исключением евнухов, попадают довольно редко, хотя от времени до времени суда, нагруженные ими и пробираются контрабандой в тот или другой порт, где они тайком сбывают свой груз. Но невольничество для женщин составляет необходимую принадлежность гаремной системы, существующей в Турции. Состав серала пополняется, конечно, из невольниц... Невольница... обходится гораздо дешевле, чем свободная женщина. Отцы также обыкновенно дают невольниц своим сыновьям, во избежание расходов, сопряженных с женитьбой. Девушки, при выходе замуж, тоже получают невольниц для служения. Кроме того, невольницы очень ценятся как домашняя прислуга...»¹⁸. В другом месте мы также читаем: «В гаремнике султана живет от 1 000 до 1 500 женщин... Эта толпа женщин всех званий и возрастов вся без исключения составлялась из тех грузов невольниц, которые ежегодно привозятся в Турцию из Кавказа, Грузии, Абиссинии и Аравии, невзирая на то, что торг невольниками запрещен»¹⁹. Для ребенка, рожденного в се-

¹⁶ ЦИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), д. 31, л. 12.

¹⁷ «Турецкий сборник...», с. 76.

¹⁸ «Народы Турции. Двадцать лет пребывания среди болгар, греков, турок, албанцев и армян дочери и жены консула», т. 1, с. 86—87.

¹⁹ «Народы Турции...», с. 165.

рале, кормилица обыкновенно выписывалась с Кавказа²⁰.

К бесстыдной торговле людьми была причастна и Англия. Этот факт отмечался, например, в известном «Обозрении восточного берега Черного моря» генерала Н. Н. Раевского (апрель 1839 год). «Компания английских купцов в Трапезунде, — говорится в этом документе, — участвует или, по крайней мере, покровительствует сей торговле, как выгодному сбыту своих товаров». Вообще торговля с восточным берегом «снабжала невольниками всю Турецкую империю, работниками — трапезундские медные рудники и женами — восточные гаремы»²¹. О «контрабандировании на сухумских берегах живым товаром», «судами морской державы» — Англии писал В. И. Савинов в рассказе «Англичане — контрабандисты на сухумских берегах»²².

Являясь выражением экономических интересов местной знати и ее заморских покровителей, вызванная работоторговлей охота за людьми культивировалась в сознании воинственных кавказцев как выражение доблести и предприимчивости²³.

Обратимся к фактам, которые имели место, начиная с момента включения Абхазского княжества в состав Российской империи. Е. И. Энсгольм писал в 1817 году, что «гнусный торг сей людьми и донныне имеет свое действие в Абхазии, — удобствам оного способствует столь везде рассыпанные проловедники корана, как и приходящие с разных мест Турции купеческие суда, кои поводом торговли сами останавливаются в море, отправляют своих людей в устья рек; схваченный своим соотечественником абхазом (абхаз. — Г. Д.) принимается оными и с прибытием к судну навеки прощается со своим отечеством»²⁴. Вероломный «соотечественник», о котором говорил Энсгольм, был феодал. Другой автор того же времени, французский коммерсант Р. де Скасси, свидетельствовал, что султанская Турция из Абхазии вывозила невольников или «их (абхазов. — Г. Д.) собственных детей»²⁵. В другом месте он также отмечал, что в единственном абхазском городе Сухуме все еще

²⁰ Там же, с. 175.

²¹ «Архив Раевских», т. III, СПб., 1910, с. 52.

В проекте закона «О контрабанде и ее прекращении», составленном русским военным командованием, говорилось: «Порты Анатолии от Батума до Ананы имеют с давних времен торговые связи с восточными берегами Черного моря. Торговля рабами, самая выгоднейшая, обратила все капиталы английского купчества... Торговля с восточными берегами снабжала всю Турецкую империю... Турецкие контрабандисты сознают, что если из 10 судов они потеряют 9, то последнее окупит всю потерю» (ГАКК, ф. 260, д. 10, лл. 1—2).

²² «Сын Отечества», 1858, № 22, с. 631—635.

²³ К. И. Чомаев, Дорволюционные черты этнической психологии горских народов Северного Кавказа. — «Вопросы национальной психологии». Черкск, 1972, с. 90—91.

²⁴ Энсгольм, Краткое обозрение Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии. — ЦГИАГ, ф. 548, оп. 3, д. 74, лл. 1—45.

²⁵ АКАК, т. VI, ч. I, с. 646—658.

«много турок», и суда последних причаливают туда, чтобы поку-
пать рабов²⁶.

Главными лицами, которые попустительствовали работорговле
в Абхазии, в первую очередь были сам владетель М. Шервашидзе и
члены владетельского дома. Недаром французский ученый Дюбуа
де Монперэ полагал, что «этот ужасный торг (рабами. — Г. Д.) пре-
кратился бы совершенно, если бы Михаил-бей и Гасан-бей не были
сами его первыми зачинщиками»²⁷. В августе 1845 года российский
консул в Трапезунде Герси докладывал дипломатической канце-
лярии наместника Кавказа о доставке в указанный пункт морем
большого количества невольников, отправленных из порта Очем-
чиры — летней резиденции владетеля Абхазии²⁸. В другом доку-
менте, относящемся к 1846 году, говорится: «Торговля мальчи-
ками и девочками производится в Абхазии преимущественно двумя
кушмами турецкими, из которых всякий имеет по одному куттеру из
Трабзонта». Первый из этих купцов, доверенный Михаила Шерва-
шидзе в торговых его делах Кара Гассан, «имеет часть своего
семейства в Очемчирах, а часть в Константинополе со старшим
сыном своим, к которому отправляет нагруженных в Очемчирах
мальчиков и девушек». Оба эти торговца в течение года продали
до 400 мальчиков, девочек и взрослых. Штрафы владетель взимал
«девчушками и мальчиками или взрослыми людьми, которые или
переходили в руки Кара Гассана, или шли на подарки черкесским
князьям и даже кобулетским бекам». Из одной Абжуйской Абхазии
М. Шервашидзе выбрал в качестве штрафа около 160 человек²⁹.
Комиссия генерала Е. Понсе также отмечала, что владетель Абха-
зии абадж (пошлину) взимал «за вывоз абхазских произведений
и невольников»³⁰. Согласно одному документу 1846 года, на масле-
ницу к абхазскому владетелю приезжали черкесские князья с боль-
шой свитой и подарили ему 30 лошадей с седлами. В ответ Михаил
Шервашидзе отдал гостям такое же количество мальчиков и де-
вочек³¹. Известно также, что владетель шапку одного черкесского
князя выменял за несколько душ ахашвала, а седло — за 12 душ³².

Поль Гибаль в ноябре 1820 года на келасурском базаре, принад-
лежавшем дяде владетеля, Хасанбею Шервашидзе, наблюдал та-
кую картину: «Многие молодые люди, разного возраста, ходили с
кандалами на ногах... Эти молодые люди были рабами, предназна-
ченными для продажи туркам и другим народам... Один из них,
высокий парень лет 18 или 20-ти, носил на ногах два крупных ши-
роких обруча величиной с ладонь и довольно толстых, соединен-
ных друг с другом цепочкой в 2 или 3 дюйма; это позволяло не-

26 [R. de Sca ssi]. Note sur les Abazes. — ЗООИД, 1900, т. XXII, с. 16.

27 Ф. Дюбуа де Монперэ. Указ. соч., с. 122.

28 ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 561, л. 39.

29 ЦГИАГ, ф. ОВД, 1846 г., д. 36, лл. 2—3.

30 Там же, ф. 545, оп. 3, 1864 г., д. 76, лл. 180—198.

31 Там же, ф. ОВД, 1846 г., д. 36, л. 2.

32 Там же, ф. 416, оп. 3, 1863 г., д. 180, лл. 2—3.

счастлиному рабу делать шаги такой же длины. Он казался веселым, ловко прыгал, у него было немного денег и он, не стесняясь, смеялся даже над турками»³³. Командир Абхазского отряда полковник А. Г. Пацовский в октябре 1832 года писал, что другой дядя владельца, Аслан-бей Шервашидзе, от бзыбских князей и дворян взял заложников (аманатов), часть которых продал в Турции, а остальных убил³⁴.

От владетельского дома не отставали и многие другие абхазские феодалы. Надо сказать, что работорговле способствовали феодальные распри и междоусобицы, которые хотя после присоединения Абхазии к России и не достигали прежних размеров, но до введения прямого русского управления все еще раздирали край. Самурзакапский князь Темруква Анчабадзе в 1827 году жаловался, что дела в этой части Абхазии находятся «в самом смутном положении в отношении пленопродавства, грабежа между собою и раздора». Одного из его людей князь Бежан Шервашидзе продал турецким работорговцам³⁵. По сообщению генерала Г. В. Розена от 2 мая 1834 года, «известный разбойник» дворянин Хасан Маргания (Маан), с дозволения владельца, построив себе дом в урочище Очемчиры, около моря, имел «беспрепятственное сношение с турецкими разбойниками», пристававшими к берегу на кочермах, и занимался продажей пленных³⁶. Тот же Маргания летом 1863 года совершил вооруженное нападение на имение абжуйского владельца Григория Шервашидзе, в результате чего сжег 8 деревень, многих крестьян взял в плен, из них 25 человек продал турецким работорговцам³⁷. Акапский князь Казилбей Маршания в 1852 году напал на крепостных крестьян возле Сухума, сжег их дома, мужчин частично перебил, частично взял в плен с тем, «чтобы продать черкесам»³⁸, а в феврале 1853 года он напал на село Эшера, в 10 верстах от Сухума, принадлежавшее князьям Дзапш-ипа, с которыми Маршания находился в кровной вражде, и увел в плен до 40 женщин и детей³⁹. Одним словом, как свидетельствовал А. В. Пахомов, в Абхазии «никто... не мог ручаться за то, что может с ним случиться завтра. Сегодня он выстроил себе хороший дом, обработал землю, завел скотину — завтра все это он теряет без всякой вины со своей стороны...»⁴⁰.

Постыдной торговлей людьми занимались не только владельцы,

³³ [P. Guibal], Journal de mon voyage entre la mer Noire et la mer Caspienne, Astrakhan et Taganrog, entrepris le 21 mai 1820 et fini le 24 décembre de même année. — ЦГАДА СССР, ф. 1261/1, д. 2896, л. 47.

³⁴ ЦГИАГ, ф. ОВД, 1813 г., д. 34, л. 10.

³⁵ АКАК, т. VII, ч. I, с. 396.

³⁶ Там же, с. 448, № 328.

³⁷ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 877, 1864 г., д. 31, лл. 1—2.

³⁸ Там же, св. 879, 1865 г., д. 12, л. 135.

³⁹ АКАК, т. X, ч. II, с. 694, № 644.

⁴⁰ А. Пахомов. Абхазия в сельскохозяйственном отношении. — ЗКОСХ, 1868, №№ 1—2, с. 84.

их родственники и вообще «высшие сословия», но и духовенство, а также те представители «низших сословий», которые владали рабами⁴¹. И, конечно, всех в этом позорном деле превосходили турецкие профессиональные работорговцы. В 1846 году самурзаканский пристав штабс-капитан Кириллов доносил наместнику Кавказа М. С. Воронцову о продаже «весьма многих детей, вывезенных этими турками из абхазских портов в Константинополь»⁴². Начальник Черноморской береговой линии контр-адмирал Л. М. Серебряков в июне 1852 года также жаловался, что «целые экипажи контрабандных судов, преследуемых крейсерами, уходят в Абхазию и исчезают там без всякого следа»⁴³. На заявление князя Эдирбеса Цанба (Цамбаев) о том, что правительство запрещает отправлять крестьян-невольников в Турцию, турецкие работорговцы, орудовавшие в Келасури, «имели дерзость утверждать, что несмотря на запрещение г-на главнокомандующего, они будут продолжать торговлю невольниками». Причем среди невольников «для продажи в Турцию», обнаруженных в «притоне келасурских контрабандистов», были девушка по имени Сейма и мальчик Плук — крестьяне, принадлежавшие князьям Цанба и взятые в плен во время вторжения Мухаммед-Эмина в Джигетию⁴⁴.

А в период Крымской войны 1853—1856 годов, когда войска Турции и ее союзников заняли Черноморское побережье Кавказа, оккупанты, как мы видели, беспрепятственно вели работорговлю. Говоря же о продолжавшейся работорговле на Западном Кавказе в послевоенное время, Д. А. Милютин отмечал (февраль 1858 г.), что, например, садзские (джигетские) работорговцы под видом поездки в Мекку с семьями «вывозили в Турцию женщин и детей на продажу и, возвращаясь назад, привозили приобретенные эту продажей товары...»⁴⁵. Напуганные слухом о проведении крестьянской реформы, представители горской знати спешили «увести своих крепостных в Турцию» часто именно с целью «распродать их» на невольничьих рынках Оттоманской империи⁴⁶. Александр Дюма, путешествовавший по Кавказу в 1858—1859 годах, в своей книге об этом крае, одну из глав которой назвал «Рынок невольников», рассказывает, что на французском судне (капитан Дагерр), на котором он счал из Поти в Константинополь, было 300 кабардинцев-рабов и работорговцев; среди них находился один старец с 70 или 80 женщинами всех возрастов — от 10 до 20 лет⁴⁷.

Известный русский ученый П. А. Чихачев⁴⁸ в одном из своих

41 А. [Введенский]. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела. — ССРГ, 1872, вып. VI, отд. III, с. 4.

42 ЦГИАГ, ф. ОВД, 1846 г., л. 36, лл. 10—11.

43 ЦГИАГ, ф. 416, 1852 г., л. 40, лл. 4—6.

44 Там же, ф. 1118, 1853 г., л. 28, лл. 4—5.

45 АКАК, т. XII, ч. I, с. 505, № 429.

46 Р. А. Фадеев. Собрание сочинений, т. 1, ч. 2, с. 69.

47 «Кавказ. Путешествие Александра Дюма». Тифлис, 1861, с. 706—710.

48 О нем: Б. М. Данциг. Ближний Восток. М., 1976, с. 207—216.

писем (Константинополь, 15 октября 1858 года) писал: «...С тех пор как Россия лишилась черноморского флота, Турция открыто покровительствует гнусной торговле рабами. С ее разрешения рабов высаживают на северном побережье Малой Азии, где местные власти снабжают их удостоверениями, подтверждающими их турецкое подданство. Затем их направляют в один из портов побережья, куда заходят австрийские, французские и турецкие пароходы. Они, естественно, не могут не принять на борт пассажиров, чьи документы в порядке, и перевезти их в Константинополь, либо в другое место, в зависимости от «спроса»... В бытность мою в Самсуне сам паша (Осман-паша) купил на глазах у всех молодую девушку у торговцев черкесов, прибывших в этот город с турецкими паспортами. Любопытно отметить, что примерно за четыре мили от Амасы находится деревня Куту, населенная одними черкесами. Их (черкесских работорговцев. — Г. Д.) роль сводится к организации в крупном масштабе этого преступного промысла на Кавказе. Дабы заручиться неистощимым питомником, они не довольствуются товаром, который могут сбывать тотчас по вымучении, и применяют систему конских барышников, покупавших для нужд конских заводов животных, мало пригодных для непосредственного сбыта. Так, колония живого товара в Куту весьма охотно принимает лиц обоего пола, с трудом могущих привлечь выгодных покупателей, но годных как «жеребцы» и «кобылы» для продолжения породы. Их спаривают и ждут, пока дети приобретут качества, необходимые потребителям или спекулянтам, приезжающим на эту фабрику живого товара, чтобы приобрести его для себя или для императорских гаремов»⁴⁹.

В 1860 году русский консул в Трапезунде А. Н. Мошкин неоднократно сообщал русскому послу в Константинополе о торговле невольниками, в том числе русскими подданными. Так, в августе того же года пограничному кавказскому начальству удалось освободить и отправить в Сухум дочь абхаза Мафа, похищенную в Бамборе контрабандистом Мухурли Хусейном. Таким образом, писал Мошкин, в течение трех лет при содействии консульства было освобождено 91 человек⁵⁰. О торговле рабами адыгов с Турцией Т. Лапинский писал: «Значительная торговля рабами производится с Турцией и большей частью при помощи турецких работорговцев; они держат в этой стране своих доверенных лиц»⁵¹. Работорговец выручал «почти всегда втрое, вчетверо и иногда даже в десять раз больше той цены, которую он сам заплатил»⁵². Цены на рабов здесь были следующие: мальчик стоил 100 руб. серебром, девочка — 300-350 руб., красавицы же, покупавшиеся

⁴⁹ П. А. Чихачев. Письма о Турции. М., 1960, с. 71—72.

⁵⁰ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1860 г., д. 2600, лл. 148 — 148 об.

⁵¹ Т. Lapinski. Указ. соч., т. I, с. 115.

⁵² Там же, с. 116.

з «самые богатые гаремы» или в сераль султана, — от 50 до 100 тыс. лиастр⁵³.

Англо-турецкие работорговцы, как мы видели, особенно воспользовались обстановкой массового переселения горцев Западного Кавказа в Турцию в первой половине 60-х годов XIX века. Как писал Р. А. Фадеев, например, в течение первой половины 1864 года восточный берег Черного моря «представлял необычайное зрелище. До сих пор не было в свете берега пустынное кавказского... Только под ночь, когда разыгрывалась буря или начинал стелиться туман, можно было иногда заметить на темном море очерк крадущейся под берегом кочермы. Если она шла к земле, на ней была военная контрабанда; если от земли, на ней были рабы»⁵⁴. А Фонвилль наблюдал в Туапсе целый поселок (до сотни хижин) «турецких купцов, торговавших женщинами». Когда «у них составлялся потребный запас этого товара, они отправляли его в Турцию на одном из каюков, всегда находившемся в Туапсе»⁵⁵.

Систематическая борьба России против работорговли на Кавказе, как уже отмечалось, имела огромное значение, а с введением в крае русского управления эта торговля и вовсе прекратилась. Уже первый начальник Сухумского военного отдела генерал П. Н. Шатилов в сентябре 1865 года сообщал кутаисскому генерал-губернатору, что с упразднением Абхазского княжества, когда «всякая возможность захвата в плен, обращения в рабство за долги и т. д. пресечена» была, категорию ахашвала «можно считать прекращающим свое существование»⁵⁶.

Прогрессивная общественность России неоднократно выступала с требованием об усилении борьбы правительства против работорговли в районах Кавказа. Эта варварская торговля живым товаром получила порицание и в русской художественной литературе. Она волновала А. С. Грибоедова, который в незаконченной поэме «Кальяниччи» показал трагическую судьбу молодого грузина, проданного в Иране. П. П. Каменский в романе «Искатель сильных ощущений» вывел типичного абхазского феодала — предателя своего народа (Девлет-Гирея), который не брезговал и торговлей соплеменниками. Проблема работорговли в Абхазии и на Кавказе интересовала и других авторов. Например, в книге Е. П. Лачиновой «Проделки на Кавказе», о которой говорилось выше, ей уделяется немало страниц, причем в масштабе всего Кавказского края. Но, пожалуй, наиболее яркое отражение она получила в произведениях В. И. Савинова. Его рассказ «Три месяца в плену у горцев (абазин)» посвящен хищнической работорговле именно в Абхазии. Этот рассказ впервые был опубликован в 1848 году

⁵³ Там же.

⁵⁴ Р. А. Фадеев. Собрание сочинений, т. 1, ч. 1, с. 205—206.

⁵⁵ А. Фонвилль. Указ. соч., с. 27.

⁵⁶ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1865 г., д. 1010, л. 2.

в журнале «Современник» (т. X, № VII), редакторами которого являлись Н. А. Некрасов и И. И. Панаев, а отдельной книгой вышел в 1851 году. К вопросу о пленопродавстве В. И. Савинов обращается и в «Достоверных рассказах об Абхазии (Воспоминания офицера, бывшего в плену у абхазов)», опубликованных в номерах 2—12 «Пантеона» за 1850 год. Идеино-тематическая основа романа Савинова «Тескольское ущелье» (1853 г.), самого значительного произведения писателя на абхазскую тему, также связана с печальной судьбой абхазов, выступавших в роли живого товара на невольничьих рынках Востока с древнейших времен. При этом автор бичует не только работорговцев Турции, но также Англии, Франции, Италии и других государств, которые считали, что вывоз рабов из Абхазии сулит самые крупные барыши и что даже Африка, богатая живым товаром, в этом отношении далеко уступает Абхазии. Жуткое зрелище представляют, по описанию автора, множество специально построенных лагерей для содержания невольников и промежуточных пунктов; не менее тяжелое впечатление оставляют караваны с рабами, следующие к берегу моря — навстречу иноземным купцам, а также организация охраны живого товара. В романе показаны картины восточных рынков, где срывают одежду с невольниц, чтобы показать «товар лицом»⁵⁷. Работорговле в Абхазии посвящены также рассказы Савинова «Англичане-контрабандисты на сухумских берегах»⁵⁸ и «Кубегуля. Рассказ из абхазских нравов»⁵⁹.

Непримиримую борьбу с этим уродливым явлением с самого начала вели и передовые деятели Грузии. Трудовой народ со своей стороны продолжал активное сопротивление торговле людьми. В первой половине XIX века в Гурии, например, большой известностью пользовался один из героев этой борьбы — крестьянин Бугра Мамаладзе⁶⁰. Такие герои были и в Абхазии.

⁵⁷ КЭС, I, с. 331; Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. III. СПб., 1871, с. 51, 340; А. Л. Папаскири. Абхазия в русской литературе (до XX века) (Автореферат кандидатской диссертации). Тбилиси, 1973, с. 10—11.

⁵⁸ «Сын Отечества», 1858, № 22, с. 631—635.

⁵⁹ «Пантеон», 1853, т. XII, № 12, с. 157—158.

⁶⁰ Н. Бердзенишвили, В. Дондуа и др. История Грузии. I. Учебное пособие. Тбилиси, 1962, с. 451.

ГЛАВА IV

АБХАЗСКОЕ (ЛЫХНИНСКОЕ) ВОССТАНИЕ 1866 ГОДА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

§ 1. Всенародное выступление

Известие о подготовке, а затем проведении крестьянской реформы в России оказали огромное революционизирующее влияние на все закавказское крестьянство, положение которого было чрезвычайно тяжелым. В частности, в Грузии борьба крестьян после отмены крепостного права в России в 1861 году приняла настолько массовый характер, что привела к возникновению революционной ситуации в крае, которая являлась органической частью общей революционной ситуации в Российской империи¹. Наместник Кавказа, великий князь Михаил Николаевич, в письме от июня 1863 года на имя императора Александра II так характеризовал положение в Закавказье: «Решение оного (крестьянского вопроса. — Г. Д.) необходимо безотлагательно, ибо отношения крестьян к помещикам весьма натянуты во всем Закавказском крае, в особенности это проявилось в здешнем и Горийском уездах, так что во многие селения были принуждены послать экзекуции»².

Значительным явлением этого периода было Абхазское (Лыхнинское) восстание 1866 года, правда, вспыхнувшее после осуществления крестьянской реформы в Восточной Грузии, а также в Имеретии и Гурлии (Западная Грузия), но до проведения реформы в Абхазии и в непосредственной связи с ее подготовкой. Это было самое мощное в истории Абхазии XIX века выступление антифеодалного и антиколониального характера, которое охватило почти весь край, оказало влияние и на некоторые сопредельные с ней районы и имело серьезные последствия. Восстание 1866 года чрезвычайно ярко отражало вообще ту политическую обстановку, которая сложилась тогда на Кавказе. Тем не менее оно до сравнительно недавнего времени не было объектом глубокого научного исследования на основе анализа всего комплекса сохранившегося архивно-документального материала³. Дореволюционные авторы не

¹ З. В. Анчабадзе. Очерки экономической истории Грузии первой половины XIX века. Тб., 1966, с. 152; О. К. Жордания. К вопросу о революционной ситуации в Грузии в конце 50-х — нач. 60-х гг. XIX в. Тб., 1971.

² Цит. по: И. Г. Антелава. Государственные крестьяне Грузии в первой половине XIX века. Сухуми, 1955, с. 471.

³ Подробнее см.: Г. А. Дзидзария. Восстание 1866 года в Абхазии. Сухуми, 1955.

смогли вскрыть главных сил восстания, не проанализировали его социальных корней, не дали правильной оценки его последствиям. Одним из основных недостатков большинства прежних высказываний историков о восстании 1866 года является недооценка антифеодалного характера этого движения, сведения его почти исключительно к антицаристскому выступлению.

Восстание 1866 года, кроме предпосылок общего характера крестьянских движений на окраинах, имело ряд непосредственных конкретных причин: грубый произвол царских администраторов⁴, неблагоприятное поведение представителей церкви, стихийные бедствия и другие факты, способствовавшие всеобщему возбуждению населения. Но основной причиной восстания, определившей и время возникновения, и характер, и масштабы его, была крепостническая природа крестьянской реформы, подготовка к которой началась летом 1866 года. Абхазские крестьяне, как уже отмечалось, достаточно хорошо представляли сущность и грабительский характер реформы из практики ее проведения в других местах; ахкую, составлявшее основную массу сельских производителей, особенно волновало стремление правительства заставить их выкупить свои земли у помещиков. Уже историк С. Эсадзе подчеркивал, что в Абхазии именно «подготовительные работы к крестьянской реформе вызвали народный мятеж»⁵. Наученная горьким опытом, только что пережившая ужасы карательных экспедиций и махаджирства крестьянская масса не могла представить себе готовящуюся реформу иначе, как новый вид карательных мер царского правительства. В народе распространяются слухи, часто провокационного характера, о том, что правительство хочет вырубить леса и отнять общинные земли, заставить всех жить в казармах, ввести воинскую повинность, обратить всех мусульман в христианство и т. д.⁶

Ход событий был таков. В июле 1866 года комиссия по сбору материалов для проведения крестьянской реформы в Абхазии приступила к работе. В Бзыбском округе, куда был направлен известный уже нам статский советник А. П. Черепов, верный ставленник царизма и человек весьма грубого склада, крестьяне категорически отказались давать какие-либо сведения комиссии, заявив, что они не намерены получать свободу выкупом за свой счет. Повсеместно началась «народная тревога». Движение нарастало как чисто крестьянское, а феодальная оппозиция еще держалась в тени. 26 июля 1866 года в селе Лыхны состоялся сход населения всего округа.

⁴ Управление абхазским населением, как мы видели, осуществлялось без учета местных условий и сложившихся издавна народных обычаев; во внимание принимались лишь интересы самодержавия и известных кругов местных феодалов.

⁵ КК, 1912, с. 54.

⁶ А. Фалеев. Крестьянское восстание 1866 года в Абхазии. — «Труды» АБНИИ, вып. II. Сухум, 1934, с. 121—122.

Собралось около 7 тыс. человек. Почти все были вооружены. Люди, как отмечают источники, стояли по сословиям. Крестьяне составляли основную массу. Прибыл сюда и начальник Сухумского военного отдела полковник Коньяр со свитой, в составе которой находились князья Георгий и Александр Шервашидзе — сын и брат последнего владетеля Абхазии. Крестьяне устами своего выборного оратора Османа Шамба из села Эшера передали полковнику требования народа, факт, который свидетельствует об известной организованности крестьян. Речь Шамба длилась долго. Три переводчика совершенно охрипли, а знаменитый оратор продолжал греметь на всю огромную площадь.

Надо сказать, что в крестьянской массе вначале, по-видимому, не было намерения браться за оружие. Речь шла о разрешении послать депутацию к наместнику Кавказа для того, чтобы узнать «правду» о планах правительства в части освобождения крестьян от крепостной зависимости. Крестьяне наивно полагали, что местные власти искажают царскую волю в угоду помещикам. Только после категорического отказа и грубых угроз Коньяра строго наказывать всех, отказавшихся давать чиновникам нужные сведения, а также требования немедленно выдать «зачинщиков», раздались первые выстрелы. А этому предшествовало грозное заявление уполномоченного крестьян Османа Шамба: «Нет, полковник, мы не можем исполнить вашего требования, довольно. Сердце наше переполнилось терпением, мы больше не можем терпеть, оставьте нас в покое»⁷.

Активизировалась и часть феодалов, которая не замедлила примкнуть к движению. Это было в значительной степени обусловлено политической и классовой близорукостью незадачливых царских администраторов. Не нуждаясь более в активной поддержке местной знати и рассматривая проведение крестьянской реформы в Абхазии как один из элементов прочного приобщения к российской государственности, правительство с целью получения широкого колонизационного фонда поставило под сомнение право на землю не только у крестьян, но и у высшего сословия. Хотя в целом, как известно, реформа и в Абхазии была проведена в интересах помещиков, но в 1866 году последние имели некоторые основания опасаться ее. Кроме того, как подчеркивал русский генеральный консул в Трапезунде А. Н. Мошин, они вполне резонно боялись, что с «освобождением крестьян» потеряют «большие выгоды, торгуя этими крестьянами как невольниками»⁸. Эта феодальная оппозиция была вызвана в значительной степени и упразднением Абхазского княжества, когда многие князья и дворяне потеряли свои привилегии.

Несмотря на уговоры отдельных князей и дворян, разъяренная толпа ворвалась во владетельский дворец, где укрылись Коньяр и

⁷ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 32 — 47.

⁸ АВПР, ф. Посольство в Константинополе. 1866 г., д. 2606, л. 158.

сопровождаящие его лица. Жаркая схватка кончилась убийством полковника и других военных и гражданских чиновников, а также истреблением значительной части казачьего отряда, охранявшего начальника отдела. В этот же день повстанцы завладели местечком Гудауты.

Восстание распространилось с исключительной быстротой как в северо-западной, так и в центральной части Абхазии. Отряды царских войск, дислоцированные в Пицунде и Цебельде, спаслись лишь при помощи некоторых абхазских князей и дворян. 27 июля около 2 тысяч повстанцев подступили уже к Сухуму — административному центру края. Несмотря на принятые властями экстренные меры, они быстро завладели Баалоуской поляной (Трапезия). Здесь был организован повстанческий лагерь, а также избран совет в составе трех крестьян и одного дворянина. Затем началось наступление повстанцев на город с трех сторон. Местный гарнизон вынужден был отступить к крепости, которая в течение четырех дней подвергалась штурму. Крестьяне, самоотверженно сражаясь с царскими войсками, не щадили при этом и дома крупных абхазских помещиков. Характерно, что крестьяне выступали, в отличие от «княжеского», под своим знаменем («народное знамя»), изготовленным из красного кумача с вышитой на нем шашкой. Силы всех участников восстания в период его наивысшего подъема насчитывались до 20 тыс. человек. Однако повстанцы, лишенные артиллерии, не смогли взять крепость, батареи которого были усилены огнем орудий с военных судов, стоявших на рейде. 29 июля примкнувшие к восстанию князья и дворяне, находившиеся в лагере повстанцев, объявили 18-летнего Георгия Шервашидзе, вопреки его воле, владельцем Абхазии. Это был момент, когда реакционное требование феодальной оппозиции о восстановлении владительства было провозглашено как лозунг всего движения.

Царское правительство было весьма обеспокоено событиями в Абхазии. Оно боялось их распространения по всему Кавказскому краю. Опасение частично оправдалось. Это и понятно. Кавказ уже давно представлял собой не только географический, но также определенный историко-политический комплекс. Напряженное положение, например, в Кубанской области, вызванное подготовкой к проведению крестьянской реформы, «дошло до крайних пределов», главным образом, в связи с восстанием в Абхазии⁹. В это время было в полном разгаре и восстание крестьян в Кайтаго-Табасаранском округе Дагестана¹⁰. Не случайно царские администраторы Кавказа часто ссылались на это движение, действуя против Абхазского восстания. Шла интенсивная переписка наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича с Александром II и военным министром Д. А. Милютиным по поводу Абхазского восстания. Император, внимательно следивший за ходом событий в Аб-

⁹ ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 593, л. 8.

¹⁰ «История Дагестана», т. II, с. 147 — 148.

хазии, систематически отвечал на официальные донесения и частные письма с Кавказа. На имя наместника Кавказа Александр II писал 22 августа 1866 года: «Известия из Абхазии меня крайне огорчают. Надеюсь, что все меры будут приняты для водворения порядка»¹¹.

Повсюду принимались экстренные меры. Сюда были стянуты крупные вооруженные силы, которые 30 июля 1866 года под общим командованием кутаисского генерал-губернатора Д. И. Святополк-Мирского перешли в контрнаступление. «Но так как, — писал корреспондент газеты «Кавказ», — абхазцы удивительные мастера пользоваться местностью и прятаться за деревьями, то их нелегко было оттуда выбить»¹². Однако повстанцы под натиском превосходящих сил противника к вечеру того же дня вынуждены были отступить в свои лагерь, а в дальнейшем восстание быстро пошло на убыль. Восставшие не дождались реальной поддержки со стороны части центрального района и юго-восточной территории Абхазии, хотя они, по свидетельству Д. И. Святополк-Мирского, и находились «в большом волнении»¹³, а отдельные крестьяне оттуда принимали участие в восстании. К 12 августа в основном было закончено сосредоточение в Сухуме всего экспедиционного отряда, достигавшего значительных размеров. Край оказался в кольце: все горные выходы и входы были закрыты, берег охранялся военными судами. Рассматривая действия правительственных войск в Абхазии как серьезную военную операцию и придавая исключительно важное значение подавлению восстания, в Сухуме высадился сам кавказский наместник, а также великий князь Константин Николаевич и царский наследник Николай Александрович.

Д. И. Святополк-Мирский двинул войска в наиболее важные пункты восстания. Повстанцы предъявили ультиматум о прекращении всякого сопротивления, угрожая в противном случае «беспощадной истребительной войной», а «для примера» 17 августа варварски разрушили лыхнинский дворец, замечательный памятник гражданской архитектуры прошлого. К 7 сентября было закончено разрушение населения. Конфискация оружия была произведена в 63 селах, было изъято 5667 ружей и 670 пистолетов. Жителям и остальных районов Абхазии было запрещено ношение огнестрельного оружия. Наместник сообщал торжественно Александру II: «Все кончено»¹⁴, а последний отвечал: «Радуюсь лучшим известиям из Абхазии»¹⁵. Было подавлено и Кайтаго-Табасаранское восстание.

Жестокое подавление восстания крестьян было достигнуто с помощью тех абхазских князей и дворян, которые искали соглашения с царизмом. Они принимали участие в действиях карательных

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 728, 1862 г., д. 2732/а, л. 233.

¹² «Кавказ», № 70, 8 сентября 1866 г.

¹³ ЦГАОР СССР, ф. 649, оп. 1, д. 409, лл. 20 — 23.

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, 1866, д. 806, лл. 63 — 64.

¹⁵ Там же, ф. 728, 1862 г., д. 2732 а, л. 236.

«миллиция». Активные участники этих разбоев были награждены орденами и медалями, чинами и деньгами.

По приказу наместника в Сухуме были учреждены две следственные комиссии. В результате полевому суду было предано 15 человек. Крестьяне Наурыз Шакрыл и Мсоуст Пилия и князь Учач Дзачи-ша как «важные преступники» были заключены в Метехский замок. В начале декабря 1866 года в Сухуме на глазах сотен людей были повешены крестьяне Ханашв Калги, Какучал-ша и дворянин Казилбек Маргашия (Маан) «как более других виновные». Кроме того, 30 повстанцев, преимущественно крестьян, сослали за пределы Абхазии, главным образом в Сибирь. Таким образом репрессивные меры против участников восстания были проведены с классовых позиций. Некоторые же активные участники восстания успели бежать в Турцию через Батум¹⁶.

Так, вспыхнув очень быстро, восстание столь же быстро угасло, хотя сопротивление крестьян правительственным войскам было вполне возможно, и царские генералы очень боялись его. Характерно, что разоружение населения и другие репрессивные меры также были произведены без каких-либо серьезных инцидентов и протестов. Такой исход восстания был обусловлен рядом причин. Как мы видели частично, восстание 1866 года в Абхазии, как и многие другие восстания предреформенного периода в Грузии и во всем Закавказье, по своему характеру и целям являлось сложным, неоднородным по социальному составу движения. Между восставшими крестьянами и теми феодалами, которые оказались с ними в одном лагере, естественно, имелись глубокие классовые противоречия, определявшие и различные цели тех и других. Часть князей и дворян, возражавшая против всякой крестьянской реформы и настроенная оппозиционно к царскому правительству, приняла участие в восстании, стремясь использовать его в личных интересах, восстановить свои привилегии, которыми она пользовалась во времена владительства. Но и в среде этих феодалов не было единства. Некоторые из них ориентировались на султанскую Турцию и другие иностранные государства, мечтая об отторжении Абхазии от России. С другой стороны, среди них были люди, примкнувшие к восстанию вынужденно, лишь из страха перед своими восставшими сородичами. Вследствие политической отсталости крестьян руководство восстанием фактически оказалось в руках феодалов,

¹⁶ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1866 г., д. 2606, лл. 146—150 об.

Кавказское начальство, усмотрев «прикосновенность» некоторых князей Шервашидзе к делу восстания, а, главное, по той же причине, по какой оно после упразднения Абхазского княжества считало нежелательным пребывание бывшего владельца М. Шервашидзе в Абхазии, решило, например, Георгия и Александра «навсегда удалить из пределов Кавказа», а Константину и Михаилу «воспретить въезд в Абхазию» («Материалы и записки по вопросу владельских и имущественных прав потомков свет. князя Михаила Шервашидзе, последнего владельца Абхазии», с. 91).

е. произошло приглушение антифеодальных тенденций движения. Крестьяне на протяжении длительного времени предшествовавшего восстанию вели упорную борьбу и против собственных помещиков, и против русского царизма. В восстании 1866 года они составляли основную движущую силу на всех его этапах. Выступление крестьян было выражением протеста масс против насилия и эксплуатации и поэтому являлось прогрессивным, освободительным.

Помимо целого ряда слабых сторон, присущих всякому крестьянскому выступлению определенной исторической эпохи, восстание абхазского крестьянства 1866 года отличалось и некоторыми частными особенностями. Это, главным образом, патриархальность сознания крестьян, чем всячески и стремились воспользоваться представители князей и дворян, участвовавшие в движении, преследуя осуществление своих реакционных устремлений, в то же время выставляя себя «защитниками» интересов всего абхазского народа. Прогрессивная борьба крестьянства за свои права и реакционное движение князей и дворян не могли идти по одному руслу. На втором этапе движения феодалы раскрыли свои действительные цели, что оказалось одной из решающих причин прекращения борьбы крестьянами. Указанное обстоятельство, в силу которого восстание не пошло вглубь и вширь, является важным моментом для раскрытия внутреннего содержания восстания и подлинной роли в этом событии крестьянских масс.

Восстание 1866 года имело и более значительные последствия — как положительные, так и тяжелые. Первые сводились прежде всего к тому, что выступление сыграло важную роль в росте классового самосознания абхазского крестьянства, способствовало ослаблению феодального строя и ускорило отмену крепостного права в крае, а также нанесло определенный удар по интересам царизма. Восстание в Абхазии смыкалось с той освободительной борьбой, которую вел в то время с царизмом и помещиками русский народ в союзе с другими народами Российской империи. К отрицательным последствиям относится в первую очередь переселение части абхазского населения в Турцию в 1867 году.

Поскольку вопросу о махаджирстве 1867 года в работе отводится специальный раздел, здесь мы ограничимся краткой характеристикой причин обострения классовых противоречий в Абхазии в первые годы после подавления восстания 1866 года. Восстание, несомненно, содействовало сплочению крестьянских масс и развитию в них революционного самосознания. Не случайно уже в октябре 1866 года в Трапезунде распространяются слухи о том, что в Абхазии готовится новое выступление¹⁷. Во всяком случае, в это время почти массовыми становятся такие явления, как например, отказ от выполнения феодальных повинностей, бегство крестьян от своих помещиков и т. д. Так, управляющий имением крупного аб-

¹⁷ А. Фадеев. Крестьянское восстание 1866 года в Абхазии, с. 126.

жаского помещика Г. Д. Шервашидзе А. В. Пахомов 17 июня 1868 года просил управление Пицундского округа «о принуждении подвластных князей Георгия к исполнению лежащих [на них] повинностей в пользу помещика...»¹⁸. Сохранился список крестьян по 10 селам того же помещика, составленный 8 декабря 1869 года, уже «само название которого является весьма характерным — «Список абхазских поселенцев с отметкою, которые не выходили на работу и выходили». В частности, списки крестьян по 6 селам (260 чел.) состояли главным образом из невышедших на работу¹⁹. На этой почве часто завязывалась тяжба с крестьянами. Г. Д. Шервашидзе жаловался, что из 695 домов анхаю 639 вовсе «отвергли свою подвластность» ему²⁰. В этих материалах отмечаются и имена отдельных руководителей антифеодальной борьбы. Это — Алхаз Шаламберия, анхаю из с. Пшав, имевший «очень большое влияние в народе»; Чагыр Вардан (Вардания) из с. Абжаква, Куджба и Ахмат Мсыр-ипа из с. Бырцха, которые «постоянно возбуждают народ к невыполнению обязанностей его относительно помещика и имеют даже вредное влияние в правительственном отношении»²¹.

Такое явление наблюдалось и в других местах Абхазии. Так, дворянин Мырзакул Акыртаа из с. Аацы в 1870 году подал жалобу о том, что 40 домов анхаю Цугба прекратили отбывать всякие повинности, а впоследствии вообще отрицали свою зависимость от него²². В том же году крестьяне с. Члоу также отказались служить князю Анчабадзе (Ачба) и нести в его пользу какие бы то ни было повинности. Помещик вынужден был обратиться за помощью к начальнику Сухумского отдела, который «восстановил порядок военной силой»²³.

Подготовка к крестьянской реформе, прерванная событиями 1866 года и официально возобновленная в 1867 году, когда была учреждена Сухумская сословно-поземельная комиссия, еще больше углубила классовые противоречия между крестьянами и феодалами. Последние всячески стремились «обосновать» свои права и претензии, а первые, хорошо зная эти тенденции, «были в оппозиции к дворянам» и прямо заявляли, что они «тавадам перестали верить»²⁴. Одним словом, «против притязаний владельцев... восстали зависимые разряды населения»²⁵. В архивах сохранились интересные документы, сообщающие многочисленные факты из истории борьбы между крестьянами и феодалами в Абхазии непосредствен-

¹⁸ ЦГИАГ, ф. 1719, оп. 1, д. 29, л. 307.

¹⁹ ЦГАА, ф. 60, оп. 1, 1869 г., д. 30, л. 1—5.

²⁰ ЦГИАГ, ф. 1919, оп. 1, д. 7, лл. 44—45.

²¹ ЦГАА, ф. 60, д. 15.

²² ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1876 г., д. 1409, лл. 3—13; д. 1408, лл. 5—15.

²³ «Сообщения Академии наук Грузинской ССР», т. X, № 4. Тбилиси, 1949,

с. 252.

²⁴ А. Н. Дьячков-Тарасов. Абхазия и Сухум в XIX столетии, с. 204.

²⁵ С. Л. Авалиани. Крестьянский вопрос в Закавказье, т. II. Одесса, 1913,

с. 74.

но накануне реформы. Эта борьба развернулась, главным образом, вокруг земельного вопроса. Участились захваты помещичьих земель и лесов. Эти «произвольные захваты», по словам самих крестьян, носили характер «сильного расселения» жителей²⁶. Классовая борьба крестьян в Абхазии, как увидим дальше, стала особенно острой в пореформенный период. Абхазские крестьяне по-прежнему не мирились и с колониальной политикой самодержавия.

§ 2. Махаджирство 1867 года

Об общих причинах махаджирства уже было сказано. Но каждый этап движения, как подчеркивалось выше, имел и свои особенности. Если говорить об этих общих причинах в рассматриваемой обстановке, то следует начать с характеристики роли правительства Османской империи, мечтавшего по-прежнему о дополнительном «пушечном мясе» для использования как в будущей войне с Россией, так и против постоянно восстававших угнетенных христианских народов в самой султанской Турции. Русский посол в Константинополе Н. П. Игнатьев предупреждал начальника Главного штаба Кавказской армии генерала А. П. Карцова, что впоследствии турецкое правительство может принять решение направить абхазских выходцев в Кандию или в другую область, чтобы противопоставить такое подкрепление «силам волнующихся христиан»²⁷.

Наместник Кавказа, великий князь Михаил Николаевич, в своем письме Игнатьеву от 20 октября 1867 года указывал на всемерное стремление турецкого правительства продолжать переселение горцев и категорически опровергал утверждение, что последние сами заинтересованы в этом, о чем «будто заявлено Порте мнимыми депутатами». Далее он писал: «Из приложенных же при этом для вашего сведения копий с объяснениями по этому делу ближайших начальников края генерал-адъютанта Сумарокова-Эльстона и генерал-майора Геймана, Ваше превосходительство, усмотрите, что вряд ли и существует то движение в народе и те сборы, о которых турецкое правительство сообщает вам в своих нотах»²⁸.

Отношение Англии и Франции к вопросу о новом переселении с Кавказа в пределы Турецкой империи определялось исконным их враждебным отношением к России. Надо сказать, что после Кавказской войны Англия и Турция не прекратили свою подрывную деятельность, а лишь изменили ее методы и приемы. На Кавказе раздувалось реакционное движение зикристов, предводители которого стремились осуществить главное требование англо-турецких правящих кругов — оторвать Кавказ от России.

²⁶ ЦГИАГ, ф. 231, д. 74, лл. 63 — 65.

²⁷ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 159.

²⁸ ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 527, лл. 2 — 5.

В период переселения абхазов в Турцию в 1867 году, как увидим ниже, многие английские и частично французские суда принимали самое активное участие в осуществлении этой «операции»²⁹. Некоторые протурецки настроенные абхазские феодалы были связаны и с англо-французской агентурой. Так, Хасан Маргания (Манн) в Трапезунде и Батуме вел какие-то переговоры не только с представителями турецких властей, но и с французским консулом в Трапезунде. Об этом факте сообщал русский генеральный консул в Трапезунде А. Н. Мошняин, внимательно следивший за деятельностью Х. Маргания, хотя и не ручался за точность этих сведений. Он писал: «Все эти слухи заслуживают некоторого вероятия, особенно если мы припомним отправку к нашим пределам французских инженеров, чтобы привести наскоро в порядок укрепления Карса и Баязида»³⁰. Кроме того, Маргания съездил секретно в Батум на французском пароходе, на котором находился агент Ребуль. А французский консул в Трапезунде имел с пашой длительное совещание по вопросу восстания в Абхазии³¹. В качестве английского вице-консула в Сухуме в это время сидел разведчик В. Д. Пальгрев, пользовавшийся покровительством французского императора Наполеона III, а в Берлине — Бисмарка. Как полагал А. Н. Мошняин, он был послан в Сухум «по случаю тамошних недавних событий». Очевидно, и приезд его в Трапезунд не случайно совпал с прибытием туда из Константинополя Хасана Маргания, а из Сухума — сына последнего, Мустафы³².

Предательскую роль играли и некоторые другие абхазские феодалы. Это были, главным образом, те князья и дворяне, которые, потеряв свои привилегии в результате ликвидации княжества, находились в оппозиции к новому управлению, а во время восстания 1866 года старались использовать ситуацию для восстановления прежнего положения вещей. Но когда эта попытка потерпела провал, они пытались избежать наказания со стороны царских властей, эмигрировали в Турцию. Причем именно эти элементы уже в начале восстания заговорили о переселении абхазского населения в Турцию, но тогда это делалось с целью оказания давления на кавказскую администрацию. Начальник Сухумского отдела полковник Коньяр угрожающе заявил еще на всепародном сходе в с. Лыхны 26 июля, что он «употребит все усилия» и исходатайствует у высшего начальства разрешения выслать всех абхазов в Россию, а не в Турцию, как этого желают они³³. Кроме того, абхазские помещики, как уже отмечалось, были сильно напуганы условиями предстоящей крестьянской реформы. Они не могли не

²⁹ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 242 — 243.

³⁰ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1866 г., д. 2606, лл. 144—145 об. (Отношение А. Н. Мошняина от 1 августа 1866 г. Н. П. Игнатьеву).

³¹ Там же.

³² Там же, лл. 215—216 об.

³³ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 32 — 47.

чувствовать иного отношения к ним властей после ликвидации Абхазского княжества и восстания 1866 года, когда местная знать более не казалась твердой опорой для царизма. Это выражалось прежде всего в категорическом непризнании последним права собственности абхазских помещиков на крестьянские земли. В основе такого стремления лежало прежде всего желание царского правительства получить в свое распоряжение значительный земельный фонд для будущей колонизации Абхазии.

И вот, будучи безразличными к судьбам родины, многие князья и дворяне принимают меры, чтобы увезти с собой крестьян и за счет них построить свое благополучие и на чужбине. Русский генеральный консул в Трапезунде А. Н. Мошкин в письме от 3 августа 1866 года Д. С. Старосельскому указывал, что, например, Хасан Маргания принимал участие в восстании в целях «выселения абхазцев, его подданных, без которых он не может здесь жить...»³⁴. А еще задолго до этого, 5 июля 1865 года, Мошкин сообщал графу Игнатьеву, что Х. Маргания имел встречи с трапезундским генерал-губернатором Эмином Мухлис-пашой, целью которых также являлось «выселение в Лазистан 3 тыс. душ абхазцев, подвластных Хасану Марганию»³⁵. Этот предатель в Батуме встречался со многими другими эмигрантами из Абхазии, среди которых был «очень влиятельный» Муста-бей³⁶. Однако вскоре, по настоянию Мошкина, Маргания с неким Хусейн-беком, очевидно, тоже из абхазских дворянских эмигрантов, прибывшим туда 3 августа на французском пароходе, был выслан в Константинополь, а оттуда — в глубь страны³⁷.

27 июля 1866 года «старшины» гагринского поселения князья Якуб, Эридбей и Ислам Цанба (Цамбаевы), Сесенгаз Анчабадзе и дворянин Гусейн Абиш обратились к начальнику Гагринского укрепления, а до этого — к начальнику Сухумского отдела с заявлением о своем намерении переселиться в Турцию. Как объяснял начальник Гагринского укрепления, к такому решению их «побудило объявление окружным начальником, что у них отберут всех крестьян и рабов, а через это распространение они лишатся рабочих рук, а с этим и средств к своему существованию; в Турции же хотя и плохо им будет, но все-таки у них останутся их крестьяне и рабы, которые трудами рук своих будут доставлять им пропитание». К начальнику укрепления приходили и некоторые крестьяне, которые также изъявили желание переселиться в Турцию «со своими господами»; причем последние имели 616 крестьян³⁸. Новый

³⁴ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 2784, лл. 92—93.

³⁵ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1865 г., д. 2605, л. 100.

³⁶ Там же, л. 145 об.

³⁷ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 2784, л. 94; АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1866 г., д. 2606, лл. 147—147 об.

³⁸ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 191, лл. 7—8.

По переписи 4 августа 1866 года, в поселении «Гагра — Джигетском ауле» было 616 жителей: 336 мужчин и 280 женщин («Медицинский сборник», 1870, № 9, с. 66).

начальник Сухумского отдела генерал Толстой 16 марта 1867 года написал кутаисскому генерал-губернатору о том, что с 1 мая около 40 чебельдинских князей намереваются отправиться в Турцию с 2170 крестьянскими семействами³⁹. Другими словами, крестьяне должны были следовать за своими феодалами, если даже сами этого не желали.

В Бзыбской Абхазии, где в это время намеренно распространялся слух о составлении списка «скомпрометировавших» себя во время восстания 1866 года, многие князья и дворяне также спешили удалиться в Турцию. При этом они, как писал генерал Толстой, «по своему обыкновению стали прискивать разные тайные меры, чтобы вынудить подвластных идти за собою». С этой целью они «толковали народу, что оставшихся на родине будут отдавать в солдаты и переселять за Кубань»⁴⁰. К генералу Толстому явилась депутация от крестьян Абжуйской Абхазии, которая заявила, что значительное число крестьян этого района примкнуло к переселявшимся в Турцию «единственно по наущению помещиков и теперь готова подчиниться всем требованиям, лишь бы было дано разрешение остаться»⁴¹.

Характерно также поведение дворянина Камлата Маргания, сына известного генерала русской армии Каца Маргания. О нем К. Д. Мачавариани писал: «Он терпеть не мог равного себе, и когда русское управление в Абхазии приступило к земельному устройству, он по добровольному желанию выехал в Турцию... Цель жизни его состояла в том, чтобы быть хозяином нескольких деревень и держать народ в зависимости. Словом, он желал добиться сперва общего безусловного к нему внимания, потом — звания владетеля известной местности, с условием вассального отношения к нему соседних князей и дворян. Камлат Маргания, почувствовав, что сила его и вес, которыми он господствовал над известною горстью жителей края, подорваны, оставил Абхазию. Уходя с родины, он с негодованием обещал отомстить абхазцам»⁴². Летом 1867 года он приезжает из Константинополя на родину и «старается о выселении в Турцию еще нескольких дымов крестьян»⁴³. По требованию кавказского наместника К. Маргания был выселен в отдаленное от Трапезунда место⁴⁴. В донесении от 29 июня 1867 года графу Игнатьеву трапезундский генеральный консул еще раз подчеркивал, что «некоторые из влиятельных абхазцев очень старались переселить сюда (в Трапезунд. — Г. Д.) еще других своих соотечественников, преимущественно из рабов»⁴⁵.

³⁹ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 91, л. 61.

⁴⁰ Там же, л. 65 об.

⁴¹ Там же, л. 142 об.

⁴² «Голос», № 198, 19 июля 1878 г.

⁴³ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1867 г., д. 2607, л. 63 (Донесение Мошнягина от 19 июня 1867 г. Игнатьеву).

⁴⁴ Там же, лл. 63, 206.

⁴⁵ Там же, лл. 91 — 91 об.

Переселению абхазского населения в Турцию способствовали и многие феодалы, составлявшие опору царизма в Абхазии. Так, дальский князь прапорщик Михаил (Алмахсит) Маршания, как сообщал тот же Толстой кутаисскому генерал-губернатору, «для того, чтобы склонить дальцев на переселение... уговорил своих братьев отправиться в Турцию под видом удаления навсегда»⁴⁶. Причем одному из них, Хирипсу, было выдано 400 руб.⁴⁷ Кстати, эти, доказавшие свою «преданность» царизму, феодалы вознаграждались за переселявшихся крестьян. Например, Михаил получил значительную сумму денег за 250 «подвластных» семейств и 10 дворов крестьян⁴⁸. Делали свое дело также турецкие агенты, которые в это время под видом торговли приезжали в Абхазию. Среди них было немало людей, которые, как писал Игнатьев, вели пропаганду в крае «во вред... интересам» России⁴⁹.

Генерал А. П. Карцов указывал еще на одно обстоятельство, способствовавшее переселению абхазов в Турцию. Это — «родственные или дружеские связи абхазских фамилий с ушедшими в Турцию абхазскими же и других частей Западного Кавказа горцами»⁵⁰. Вообще переселение последних имело большое влияние на возникновение этого движения в Абхазии. Тот же Карцов подчеркивал, что вскоре после введения в Абхазию «непосредственного русского управления значительная часть населения... и в особенности высшие сословия этого племени заявляли не раз желание свое последовать примеру единоверцев своих из других племен Западного Кавказа и удалиться на жительство в Турцию»⁵¹. О некоторых других причинах переселения крестьян генерал Толстой писал, что крестьяне старшей линии рода бывшего владетеля, «при неизвестности ожидающей их участи», были «не прочь, удалившись в Турцию, избавиться от своих владельцев». Требования княгини Кесарии Шервашидзе и ее сыновей Григория и Гыда и управляющего имением Георгия Дмитриевича Шервашидзе уплаты сподвластных им крестьян недоимок за предыдущие годы «также значительно способствовали развитию между ними мысли о переселении»⁵².

За выселение абхазского населения в 60-х годах со стороны царизма ответственны прежде всего наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич и его сподвижники — кутаисский генерал-губернатор Д. И. Святополк-Мирский и начальник Кавказского горского управления Д. С. Старосельский. Н. П. Игнатьев о выселении абхазов говорил именно как «о решении кавказского на-

⁴⁶ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 91, л. 93.

⁴⁷ Там же, лл. 105, 149.

⁴⁸ Там же, л. 92 об.

⁴⁹ АВЛР, ф. Посольство в Константинополе, 1867 г., д. 2607, л. 196.

⁵⁰ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 91, л. 27.

⁵¹ Там же, л. 28.

⁵² Там же, л. 137 об.

чальства»⁵³. Еще в марте 1864 года, т. е. до окончания Кавказской войны, наместник в личном письме Александру II писал: «...Будем действовать осмотрительно, но и решительно, чтобы окончательно очистить все Черноморское побережье. Надо ожидать, что большая часть горцев предпочитает выселиться в Турцию, чем перейти на назначенные для них места на Кубани... Дело окончательного покорения восточного берега Черного моря наиболее зависит от быстроты выселения туземцев на указанные им места или в Турцию. Для облегчения сего последнего я предполагаю разрешить употребить казенные транспортные суда и компанейские пароходы»⁵⁴.

Однако, как мы видели, широкий план выселения жителей Абхазии в 1864 году не был осуществлен. Он снова возникает в начале 1866 года в связи с «преобразованиями», которые последовали после упразднения Абхазского княжества и с подготовкой к проведению здесь крестьянской реформы. На запрос начальника Сухумского отдела, «в каком направлении ему действовать», наместник Кавказа поручил генералу Карцову сообщить кутаисскому генерал-губернатору Святополк-Мирскому, «для руководства», «виды и соображения» великого князя, среди которых главным являлся вопрос о переселении абхазов. Признавались лишь «затруднения и неудобства», если мусульманское население Абхазии вынудить к выселению в Турцию «вдруг целою массою», как «ни желательно» это. Поэтому рекомендовалось идти «к указанной цели с возможною постепенностью». Имея в виду, что «более зажиточные семейства высшего сословия не пожелают явиться в Турцию без своих крестьян», царский наместник считал возможным разрешить им брать с собой не более 5 дворов «и только богатейшим» — до 10 на каждое семейство. При этом предусматривалось «лишение права возвращаться» обратно⁵⁵.

После восстания 1866 года, вернее, в ходе этого события, первое развернутое «обоснование» широкого плана выселения абхазов в Турцию дается в отношении кутаисского генерал-губернатора Святополк-Мирского от 27 октября 1866 года на имя начальника Кавказского горского управления Старосельского⁵⁶. В нем говорится: «Одно/ только есть радикальное средство для устранения всякой для нас опасности со стороны Сухумского отдела — это переселение в Турцию жителей Абхазии...» Мирский считал, что «если решится на такую меру, то всякие другие соображения сделаются излишними, и вопрос закончится раз навсегда». Причем он рассматривал это как «довершение системы, принятой в отношении горских племен Западного Кавказа», и расценивал как

⁵³ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 156. См. также: ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 191, л. 32 (Отношение Н. П. Игнатьева от 31 декабря 1866 г. А. П. Карцову).

⁵⁴ ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, 1864 г., д. 805, лл. 58 об. — 59.

⁵⁵ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 191, лл. 4 — 6.

⁵⁶ Там же, д. 91, лл. 11 — 16.

очень существенный факт, поскольку «по географическому положению своему Абхазия и Цебельда играли весьма важную роль во время Кавказской войны и будут иметь большое значение при всяких военных событиях на Кавказе и в особенности в случае внешней войны». На это письмо Старосельский отвечал: «Нет возможности что-нибудь возразить против верности, сделанной вашим сиятельством... постановки вопроса об избрании системы дальнейших правительственных действий по отношению к Абхазии и против основательности соображений, которыми вы очерчиваете значение тех двух систем, между которыми, по мнению вашему, предстоит сделать выбор, т. е. выселения абхазского и цебельдинского населения в Турцию...»⁵⁷.

«Личный взгляд» великого князя Михаила Николаевича по данному вопросу наиболее пространно изложен в его отношении «О выселении населения Дала и Цебельды и части населения Абхазии», адресованном военному министру 14 июля 1867 года⁵⁸. В нем высказаны конкретные соображения, на основании которых он считал необходимым принять самые энергичные меры к «прочному водворению» царской власти в Абхазии, «имеющей исключительное значение как по условиям географического своего положения, так и по предшествовавшим условиям ее внутреннего управления и внешних сношений». Он указывал на «коренную в этом отношении меру» — «возможно большее ослабление мусульманского элемента населения Абхазии и Цебельды открытием и даже поощрением ухода его на переселение в Турцию». В другом случае царский наместник писал еще более откровенно: «Главная цель предположенного переселения (абхазов. — Г. Д.) в Турцию состоит в удалении от пределов наших той части населения, которая заключает в себе элементы наиболее нам враждебные...»⁵⁹. Предполагалось, точнее, «планировалось» выселить около 4 500 абхазских семейств. «Московские ведомости» так и писали: «Размеры эмиграции (абхазов. — Г. Д.) в Турцию были определены заранее»⁶⁰ (выделено нами. — Г. Д.).

Получив указание Александра II о выселении этой части абхазского населения в Турцию, в конце ноября 1866 года наместник тотчас же посылает шифрованную телеграмму генералу А. П. Карцову следующего содержания: «Высочайше разрешено выселять в Турцию мусульман из Абхазии и Цебельды, пользуясь всяким удобным случаем. Приступить немедленно к исполнению»⁶¹. Одновременно великий князь ведет переписку с русским посланником в Константинополе о заключении «для надлежащего соглашения» с турецким правительством как о принятии новых переселенцев,

⁵⁷ Там же, л. 21.

⁵⁸ См.: ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 253—253 об.

⁵⁹ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 91, л. 74 а.

⁶⁰ «Московские ведомости», № 130, 15 июня 1867 г.

⁶¹ См.: ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 91, л. 19 об.

так и о местах их высадки и поселения⁶². Однако это предложение, высказанное Н. П. Игнатьевым турецкому министру иностранных дел Аали-паше⁶³, «встретило первоначально значительное с этой стороны сопротивление»⁶⁴. Дело в том, что турецкое правительство уже опасалось принимать в пределы империи кавказских горцев «целыми массаами». Кроме того, учитывались «расстройство финансов» страны. И граф Игнатьев заключал: «Порта находилась ныне менее чем когда-либо в возможности допустить переселение такой значительной массы выходцев и привести его в исполнение»⁶⁵. Поэтому русскому посольству «немало труда стоило», чтобы склонить Аали-пашу на принятие требуемого решения.

Спор вызывал также вопрос о месте поселения абхазских переселенцев. Кавказское начальство настаивало, чтобы они были расселены вдали от русских границ. Наконец, «после долгих колебаний и лишь вследствие настоятельных убеждений миссии», Аали-паша объявил Игнатьеву согласие турецкого правительства на переселение абхазов весной 1867 года и отправлении их в Сирию⁶⁶. Выбор этой страны очень устраивал царских властей, поскольку ее отдаленность от пределов России «предупреждает возможность возвращения выходцев» в непосредственное соседство. Однако они опасались возражения со стороны Франции, которая «издавна имеет виды на Сирию»⁶⁷. Поэтому было решено перевезти абхазских переселенцев в Трапезунд, Самсун и Синоп, а оттуда, по усмотрению турецкого правительства, — в другие места империи.

Получив сообщение Н. П. Игнатьева о его «хлопотах и затруднениях по поводу выселения абхазцев», наместник 13 февраля 1867 года писал Александру II, что кавказское начальство решило «не гнать силою абхазцев в Турцию, но всемерно поощрять их к выселению, начав с чебельдинцев, как магометан, живущих в труднодоступных горных трущобах и имеющих сообщение через Главный хребет с карачаевцами и кабардинцами»⁶⁸. «Желая воспользоваться» согласием турецкого правительства на принятие абхазских махаджиров — до 4 000 семейств, «прежде чем какие бы то ни было случайности могли тому воспрепятствовать», великий князь сделал распоряжение, чтобы с конца апреля 1867 года переселен-

⁶² ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 253 об — 254. (Отношение вел. кн. Михаила Николаевича от 14 июля 1867 г. военному министру).

⁶³ См.: ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 91, лл. 32—35 (Донесение Н. П. Игнатьева от 31 декабря 1866 г. А. П. Карпову).

Аали-паша (Мегемед-Эмян) (1815—1871) — один из самых видных и ловких турецких дипломатов XIX века.

⁶⁴ ЦГВИА, ф. 400, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 156 (Письмо Н. П. Игнатьева от 3 января 1867 г.).

⁶⁵ Там же, л. 157.

⁶⁶ Там же, л. 158.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, 1867 г., д. 806, лл. 69 об — 70.

шы направлялись небольшими партиями, хотя бы и на малых судах, к названным выше трем пунктам анатолийского берега⁶⁹.

С течением времени наместник решил несколько изменить цифру переселенцев в сторону ее уменьшения, чтобы избежать их расселения в соседстве с христианским населением, а также ввиду «в сильной степени проявлявшегося в населении стремления к приятию христианства». При этом великий князь направил усилия местной администрации на удаление «занимающего важную в стратегическом отношении местность населения Дала и Цебельды, а также мусульманского населения некоторых наиболее пересеченных частей Абхазии». Из остальной части края наместник приказал выслать в Турцию лишь «самые вредные по влиянию своему семейства». Все эти указания, по сообщению самого наместника, «с точностью были выполнены»⁷⁰. При этом было объявлено, с целью спровоцировать переселение абхазского населения в Турцию, что в мае начнется сбор податей с населения, которое постепенно будет сгруппировано в новых местах; огнестрельное оружие будет отобрано там, где это не было сделано после восстания 1866 года⁷¹. Причем не указывался размер податей в надежде, что это «скорее побудит к переселению тех, от которых нужно избавиться». Было также объявлено, что правительство окажет помощь лишь лицам, переселяющимся в Турцию. Участникам восстания выдавались паспорта только в том случае, «если их удаление будет способствовать переселению других»⁷². В Сухум и в другие места Абхазии снова были переброшены войска.

6 апреля 1867 года из с. Псырха на трех судах были отправлены первые переселенцы в Батум в количестве 49 семейств или 218 человек⁷³. А в донесении трапезундского генерального консула от 22 мая 1867 года русскому послу в Константинополе графу Н. П. Игнатьеву мы уже имеем первый отчет о переселении абхазов в Турцию. Согласно этому документу, с 18 апреля по 18 мая в Трапезунд на 72 каботажных турецких баркасах прибыло 10 865 человек из Сухума, Очемчиры и других портов Абхазии. Из них 11 мая на турецком и английском пароходах было отправлено в Кюстендже (Констанцу) 2159 переселенцев; 13 мая на турецком пароходе «Малахов» и английском судне «Норис» в Варну — 1 743 человека; 16 мая на одном турецком корвете и двух английских су-

⁶⁹ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 10, 1864 г., д. 76, лл. 111—114 (Отношение главнокомандующего Кавказской армией от 24 июля 1867 г. военному министру).

⁷⁰ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 255—256 об. (То же от 14 июля 1867 г.).

⁷¹ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 91, лл. 59—60 (Письмо ген.-м. Толстого от 7 марта 1867 г. кутанскому генерал-губернатору).

⁷² Там же, лл. 62—65 (Письмо кутанского генерал-губернатора от 18 марта 1867 г. ген.-м. Толстому).

⁷³ Там же, л. 115.

Это были, главным образом, садзы-джигеты и псхувцы, жившие в с. Псырха с 1864 года.

дах в Варну — 3130 переселенцев. Всего на Балканы⁷⁵ было отправлено 7032 человека, а в Трапезунде оставлено (в лагере около Сари-Даре) — 3823 человека. 21 мая сюда прибыл еще французский пароход «Rio» с 400 абхазскими переселенцами⁷⁶. Мошнин 19 июня 1867 года сообщал графу Игнатьеву, что с начала переселения абхазов в Трапезунд и Самсун прибыло 14458 человек. Прибывали они также в Синоп и другие анатолийские порты⁷⁶.

Через некоторое время из Трапезунда 350 человек было переброшено в Измид. Остальным же пришлось ждать, что вызвало среди них «большое неудовольствие». В течение 17—19 июля были отправлены в Болгарию около 3000 абхазов, а в Трапезунде осталось 350 человек. Турецкие власти, по требованию кавказского начальства, гнали абхазских переселенцев подальше от пограничной зоны. Так, вопреки своему обещанию, они удалили 7 тысяч абхазских махаджиров (по данным на 30 мая 1867 года) в Варну, вместо поселения их в Малой Азии⁷⁷. «Таким образом, — писал Мошнин 29 июня 1867 года, — переселение абхазцев можно считать оконченным и они, согласно требованию кавказского начальства, удалены от пограничных мест»⁷⁸. Однако определенная часть абхазских и вообще кавказских переселенцев осела в этих «нежелательных местах». Так, согласно отчету английского консула в Трапезунде В. Джиффорда Пальгрева за лето 1872 года о Лазистане и прилегающих к нему внутренних районах, в Батумском округе было около 300 семейств, «эмигрировавших из Абхазии в 1864 и 1867 годах». При этом абхазов он характеризует как «хороших земледельцев и вообще деятельных и способных»⁷⁹.

⁷⁴ Речь идет главным образом о Болгарии, где, между прочим, до сих пор бытуют различные предания о кавказских переселенцах. В некоторых из них называются отдельные места поселения абхазских махаджиров (см.: Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1а, д. 5/24, лл. 104—116). Большой интерес представляет, например, сообщение капитана болгарского теплохода «Батак» Иордана Иорданова в письме к абхазскому артисту и драматургу Анзору Мукба (1980 г.). В нем, в частности, говорится: «Родился я в северо-западной части Болгарии в селе Малахата Плевенского округа, ныне город Пелово. Когда-то неподалеку от моего родного села находилось поселение Ваших соотечественников». В 1878 году они «покинули наши края... местность эта, напоминая о прежних жителях, называется «Абашко». ... По рассказам старых людей мне известно, что на месте бывшего поселения абазов (абхазов. — Г. Д.) раньше находили интересные предметы домашнего обихода...

В детстве я не раз слушал рассказы моей бабушки об абзах как о людях с высокой культурой... Например, они строили свои жилища двухэтажные (местное население, болгары и черкесы, жили в одноэтажных домах и даже в землянках) и содержали их в большой чистоте... Местность «Абашко» славится лучшими в Болгарии арбузами, завезенными, как говорят, из Абхазии переселенцами» (Там же, лл. 104—106).

⁷⁵ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1867 г., д. 2607, лл. 37—40.

⁷⁶ Там же, лл. 62—63, 91—96.

⁷⁷ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/008, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 249—252.

⁷⁸ АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1867 г., д. 2607, лл. 96—96 об.

⁷⁹ «Материалы для описания Азиатской Турции и Батумской области». — ИКОРГО, 1882, т. VII, № 2, приложение, с. 49.

Выселение абхазов в 1867 году носило, в основном, насильственный характер. Как мы видели выше, об этом довольно ясно говорится в официальных документах. В одном из них даже подчеркивается, что абхазское население было выселено в Турцию именно «административным порядком»⁸⁰. Примеров, свидетельствующих об этом явлении, больше чем достаточно. Вот некоторые из них. Наместник Кавказа, великий князь Михаил Николаевич, в своем письме от 31 марта 1867 года императору подчеркивал, что «жители Пицундского округа (быв. Бзыбский) не желают идти в Турцию». При этом он считал весьма желательным поголовное переселение чебельдинцев и дальцев, которые «обитали в очень труднодоступных горных трущобах... через Карачай имели сообщение и связь с Кабардой»⁸¹.

Корреспондент газеты «Кавказ» писал о фактах отказа жителей уезжать в пределы Турецкой империи и об их попытках задержаться и других. Так, «нередко случается, что один брат идет выселяться, а другой остается, старик-отец... забирает с собой ценные вещи и уходит, а детей убеждает остаться»⁸². Не менее интересно сообщение корреспондента газеты «Дрозба», по-видимому, Георгий Чарая. Он подчеркивал, что население было согласное принять любое наказание, лишь бы его не переселили в Турцию, а о жителях Члоу и Джгерда писал, что их просто «выгнали из своих домов». Удалили людей и из других сел Абжуйской Абхазии. Многие из них, которые «никак не хотели уходить отсюда», «когда их выгоняли из своих домов», бились головой о стены домов и стволы деревьев. Были «везде слышны плач и рыдание»; мычали коровы, ревели ослы⁸³. Начальник Сухумского отдела генерал Толстой также отмечал, что садзам-джигетам, уцелевшим от переселения 1864 года, было объявлено приказание удалиться в Турцию; но сами они «никогда не хотели уходить» туда⁸⁴. Документы сообщают и о случаях, когда крестьяне скрывались, избегая переселения в Турцию⁸⁵.

Насколько неохотно крестьяне становились махаджирами видно из их стремления принять христианство. Кавказский наместник писал, что на это «само собою разумеется... нельзя смотреть как на плод внутреннего религиозного убеждения»⁸⁶. В другом случае он также подчеркивал, что жители Бзыбской Абхазии, не желая идти в Турцию, «принимают добровольно христианство»⁸⁷. Только за время с 22 декабря по 1 марта 1867 года здесь в христианство было «обращено» до 800 чел.⁸⁸.

80 ЦГАОР СССР, ф. 677, оп. 1, д. 511, л. 4 об. (Материалы по Кавказу).

81 Там же, ф. 678, оп. 1, д. 806, л. 73.

82 «Кавказ», № 40, 25 мая 1867 г.

83 «Дрозба», № 23, 9 февраля, 1867 г.

84 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 91, л. 70 об.

85 См., например, ЦГИАГ, ф. 545, 1867 г., д. 3168, л. 173.

86 ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 255 об.

87 Там же, ф. 678, оп. 1, 1867 г., д. 806, л. 73.

88 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 91, л. 71 об.

Крестьяне в крайнем случае соглашались ехать даже в Сибирь, но только не в султанскую Турцию. Когда же в Бзыбской Абхазии феодалы начали подстрекать население к выселению в Турцию, распространяя всякие ложные слухи, то у многих крестьян «вскрылось недоверие к своим помещикам», и они пытались «узнать истину от окружного начальника и объявить ему при том, что не могут прямо отказаться перед помещиками от обязанности следовать за владельцами, но просят чтобы начальство само удерживало их от того»⁸⁹.

Впоследствии, в 1868 году, жители Бзыбской Абхазии в заявлениях на имя начальника Сухумского отдела писали, что майор Д. С. Чавчавадзе, начальник указанного района, сообщив о ходе переселения из Цебельды, Дала и Драндского округа, советовал охваченному тревогой населению, чтобы оно отказалось от переселения. Услышав такой совет, люди обрадовались и начали жить мирной жизнью. «Мы, — писали крестьяне, — спокойно пахали, сеяли и занимались всякой работой, почему каждый из нас доволен своим состоянием»; за это так благодарны Чавчавадзе, что «выразить не можем»⁹⁰. Новый начальник Сухумского отдела генерал В. А. Гейман в отчете от 16 октября 1867 года о поездке по краю также писал о желании народа остаться в своей стране⁹¹. Однако, несмотря на все это, абхазское население, как мы видели, в 1867 году не избежало трагедии махаджирства. Наместник Кавказа 14 июля 1867 года торжественно сообщал военному министру, что переселение абхазов, начатое в последних числах апреля, окончено в начале июня «в полном порядке»⁹².

Всего было выселено: из Цебельды и Дала — 14 740 чел. или 2 503 семейства, из Пицундского и Драндского округов — 4 602 чел. или 855 семейств, итого — 19 342 чел.⁹³ или 3 358 семейств⁹⁴, вместо «запланированных» 4 тыс. семейств, ввиду «ограничения нормою» числа переселенцев⁹⁵. Соответственно были составлены списки переселенцев по округам, с указанием числа домов и душ (мужчин и женщин), имен и фамилий⁹⁶. Эти списки дают картину опустошения каждого населенного пункта. Так, например, по сел. Псырцха

⁸⁹ Там же, лл. 67 об. — 68.

⁹⁰ Там же, 1868 г., д. 324/238, лл. 5—10.

⁹¹ Там же, 1867 г., д. 252, л. 1.

⁹² ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, лл. 256 — 256 об.

⁹³ Таким образом, численность населения Абхазии в пределах между реками Бзыбь и Ингури с 79 190 душ на январь 1866 года (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 107, лл. 48—49, 54) сократилось до 59 848. По другим данным, в конце 1867 года количество населения Абхазии равнялось 64 433 чел. (ССКГ, 1868, вып. I, с. 13), очевидно за счет возвращения махаджиров.

⁹⁴ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, аз. ч., 1866 г., д. 54, л. 256 об.; ЦГАОР СССР, ф. 677, оп. 1, д. 511, л. 4 об.; ЦГИА СССР, ф. 1288, оп. 17, д. 59, 1872 г., л. 14 об.

Начальник Сухумского военного отдела генерал В. А. Гейман считал, что выселилось из Абхазии (вместе с Цебельдой) в 1867 году около 20 тыс. чел. (РО ГПБ, ф. 175, Геймана В. А., 1871 г., д. 10, л. 17 об.).

⁹⁵ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1872 г., д. 615, л. 70 об.

⁹⁶ См.: Там же, 1866 г., д. 191, лл. 191 — 250 об.

отмечены 50 домов или 210 душ, а по сел. Члоу — 125 домов или 539 душ⁹⁷. Между прочим, в последнем, например, в 1854 году было всего 200 дворов⁹⁸.

Почти полное «очищение» Цебельды и Дала, находившихся в тылу, было обусловлено его «весьма важным значением как по экономическим условиям местности, так и по своему стратегическому положению, в отношении центральности путей, ведущих от этой возвышенности и пересеченной местности в Кубанскую область и в долины рек Ингура и Рюна»⁹⁹. Кроме того, как писал А. Н. Введенский, «одно из высокопоставленных лиц... признавало необходимым уединить... беспокойный Гудаутский участок, отрезав его от остальной Абхазии надежным... населением», для чего и «предлагало споспешествовать поголовному выселению всех жителей на пространстве между рр. Гумистою и Кодором»¹⁰⁰. Для осуществления «предположения к заселению преданным» населением этого района и «широкого развития частного землевладения» здесь¹⁰¹ было освобождено до 1300 кв. верст¹⁰², которые поступили в состав «казенных земель», в ведение Кавказского горского управления. При этом около 16 000 десятин были определены под поселение и около 4 000 десятин — под продажу частным лицам. В 1868 году здесь имелись 5 132 ореховых дерева, 700 яблонь, айвы, персиков и других плодовых деревьев и 2 324 виноградных лоз, оставленных махаджирами¹⁰³.

Выше говорилось о мотивах некоторого уменьшения цифры выселения абхазов в 1867 году. В другом случае наместник Кавказа выражал мнение о необходимости приостановить это переселение, на этот раз — ввиду того, что отпала военная и политическая необходимость, и абхазское население стремится «приучаться к русскому управлению»¹⁰⁴. Такая позиция великого князя определялась, очевидно, сознанием всего коварного замысла и приемов турецкого правительства и своей неблагоприятной роли в этом деле. Он писал графу Игнатьеву: «Вследствие этих соображений, в ответ на письмо вашего превосходительства от 12 сентября, сообщаю, что я не желаю содействовать Порте в дальнейшем переселении абхазцев и абадзехов»¹⁰⁵.

Вообще, поняв свой просчет в переселенческом вопросе, правительство Александра II в 1867 году отменяло принятое в 1862 году постановление Комитета министров о разрешении горскому насе-

97 Там же, т. 191 — 191 об., 200 — 202.

98 «Кавказ», № 59, 1867 г.

99 ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 17, 1872 г., д. 59, л. 22.

100 А. [Введенский]. Письма об Абхазии. — «Кавказ», № 268, 31 декабря 1877 г.

101 ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 17, д. 59, 1872 г., л. 22 об.

102 Вся же Цебельда, в пределах бывшего пристава, заключала в себе 217 348,4 кв. дес. (ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 17, 1872 г., д. 59, л. 32).

103 Н. Дьячков-Тарасов. Несколько слов о заселении Цебельды. — «Кавказ», № 129, 3 ноября 1868 г.

104 ГАКК, ф. 452, оп. 2, д. 527, л. 2.

105 Там же.

лению Западного Кавказа выселяться в Турцию. Но на него действовало и другое. После того как в апреле 1865 года Турция официально уведомила русское правительство о том, что она отказывается принимать выходцев Кавказа без предварительного согласования с турецким правительством, кавказская администрация с 1867 года, «в виде опыта», установила «нормы ежегодного выпуска, по четверти процента всего населения, что в год составляло 250 семейств»¹⁰⁶.

Переселенцы несли, ко всему прочему, огромный материальный ущерб. Наместник дал установку, чтобы им «строго воспрещено было продавать и всяким другим способом отчуждать всякого рода поземельную собственность, им принадлежащую, и чтобы все земли, после ухода их в Турцию остающиеся, поступили в распоряжение казны»¹⁰⁷. Как писал генерал Толстой, например, в Цебельде подлежало распродаже до 11 тыс. голов крупного рогатого скота и до 53 тыс. овец. В Сухуме распродажа этого скота увеличивалась с каждым днем; поскольку покупателей было мало, цены стали низкими¹⁰⁸. Переселенцы могли взять с собой не более четырех пудов «клади» на каждого взрослого человека; повозки, лошади и скот не принимались на судна. Из казны выдавались средства на перевозку только тем махаджирам, которые, «по бедности своей», не в состоянии были уплатить деньги судовладельцам¹⁰⁹. Всего на наем судов и «вспомоществование» переселенцев правительством было израсходовано 24 876 руб.¹¹⁰

Трагедия усугублялась тем, что разбивались семьи. Так, например, жена дальского абхаза Джиджа Шапковского, потомки беглого русского солдата польского происхождения, с двумя детьми эмигрировала в Турцию, а сам глава семьи остался на родине¹¹¹. В 1867 году в Абхазии произошло еще одно несчастье — разразилась холера. Свидетель этой новой беды С. Ю. Витте, писал: «Приехав в Сухум, мы застали там холеру, которая не щадила своих жертв. На улицах сплошь и рядом валялись больные и мертвые»¹¹².

О том, что положение абхазских переселенцев в Турции было катастрофическим, в источниках имеется большое количество сведений. Правда, кавказская администрация пыталась создать впечатление, что переселение горцев в 1867 году произошло в более «нормальных условиях», и абхазы прибыли в Турцию даже «в отличном положении»¹¹³. Уже в процессе переселения от голода, морской болезни, дизентерии и т. д. погибла масса людей. Например,

¹⁰⁶ «Очерки истории Дагестана», т. II, с. 143.

¹⁰⁷ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 91, л. 84.

¹⁰⁸ Там же, л. 61 об.

¹⁰⁹ Там же, л. 77 об.

¹¹⁰ Там же, л. 189.

¹¹¹ С. П. Басария. Избранные сочинения. Сухуми, 1967, с. 52.

¹¹² С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I. М., 1960, с. 53.

¹¹³ ЦГВИА, ф. 400, оп. 258/908, из. ч., 1866 г., л. 54, лл. 254 об., 256 об. (Отношение вел. кн. Михаила Николаевича от 14 июля 1867 г. военному министру).

шкипер турецкого баркаса Юнус Ахмед сделал пометку на патенте № 288/49, что отправлено из одного пункта Абхазского побережья 140 чел., а прибыло в Трапезунд лишь 35. «Вся же разница» на 72 каботажных турецких баркасах за время с 18 апреля по 18 мая 1867 года составляла 1 105 чел. Высадили в Трапезунде всего 10 865 чел.¹¹⁴ Известен и такой факт, характеризующий общую атмосферу переселения: когда переселенцы взошли на одно из таких судов и тронулись в неизвестный им путь, у одной молодой женщины родился ребенок, которого она выбросила в море; пароход остановился, чтобы спасти ребенка, но отчаявшаяся и обреченная на гибель мать отказалась от этого¹¹⁵. Об этих переселенцах, прибывших в Трапезунд, граф Н. П. Игнатьев 13 мая 1867 года сообщает генералу А. П. Карцову, что они, число которых к 3 мая дошло до 5 500, «находятся, по-видимому, в весьма бедственном положении, вследствие перевоза их с Кавказа на простых лодках, заваленных людьми и скотом. К тому же приготовленные местным управлением помещения и продовольствие оказались недостаточными...»¹¹⁶.

Иеромонах Ион в рапорте в «Общество восстановления православного христианства на Кавказе» от 11 сентября 1868 года писал о том, что ему жители постоянно говорят: «Турки обманули наших абхазцев, и которые переселились в Турцию, там страдают, тогда как мы... живем спокойно»¹¹⁷. Поэтому, естественно, многие переселенцы устремились обратно на родину. Но поскольку этому препятствовали как турецкое правительство, так и русское, махаджир-ы прибегали ко всевозможным мерам. Начальник Сухумского отдела генерал Гейман 17 октября 1867 года писал Старосельскому о том, что между переселяющимися из Турции в Черноморский округ христианами «находятся в немалом числе» горцы, эмигрировавшие на анатолийские берега весной 1867 года, которые «скрывают свое происхождение»¹¹⁸. Об этом же писал русский генеральный консул в Трапезунде А. Н. Мошнин, при этом конкретно называя абхазских махаджиров, приехавших в Абхазию под вымышленными именами¹¹⁹. Объясняя причины такого явления, консул подчеркивал, что «абхазцы очень недовольны турецким правительством, много им обещавшим»¹²⁰. Мошнин обращался к местному губернатору с просьбой не выдавать абхазским переселенцам паспортов и «предупредить тех абхазцев, которые пожелают отправиться, что они будут высланы немедленно назад»¹²¹.

114 АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1867 г., д. 2607, л. 39 (Донесение А. Н. Мошнина от 22 мая 1867 г. Н. А. Игнатьеву).

115 „Светло“, № 23, 9 января, 1867 г.

116 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1866 г., д. 91, лл. 145 — 145 об.

117 ЦГАА, ф. 1, оп. 2, д. 24, л. 7 об.

118 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 2799, л. 1.

119 Там же, лл. 5 — 5 об. (Отношение Мошнина от 31 декабря 1867 г. Старосельскому).

120 Там же, л. 7 об. (То же от 31 декабря 1867 г. ген.-м. Пилевке).

121 Там же, л. 8.

В это время, в период подготовки и проведения крестьянской реформы, эмиграция населения, как было показано выше, имела место также на Северном и Северо-Западном Кавказе, где она в целом достигала весьма значительного размера. Правда, официальные данные намеренно преуменьшают количество этих переселенцев, в чем были заинтересованы царские власти¹²².

Вместе с тем не утихают выступления горцев против крепостнического характера реформы в разных местах Кавказского края. В отдельных случаях они привели к новому махаджирству. Так, в 1868 году среди «беглых кабардинцев» в Лабинском округе «пронски лиц, недовольных крестьянской реформой, повели к тому, что несколько селений взяли за оружие». Но их сразу оцепили войска; большая часть жителей сложили оружие, а «оставшиеся же зачинщики», решившиеся защищаться, были истреблены. Вслед за этим все горское население Кубанской области было обезоружено¹²³. В следующем, 1869 году, когда среди населения Закатальского округа «недовольство стало проявляться» в связи с учреждением в нем особой комиссии для проведения крестьянской реформы, кавказским начальством было признано «полезным» произвести выселение из края до 100 семейств, «удаляя даже насильственно из округа тех, кто из заявивших просьбы и, по вредности своей, предназначенных к выселению, не пожелал бы действительно затем отправиться в Турцию». И наместник Кавказа торжествовал, что в результате этого «получились весьма благоприятные результаты: наиболее недовольные и беспокойные из местных жителей были удалены из края»¹²⁴.

Переселенческое движение кавказцев в Турцию, вызванное глубокими социально-экономическими, политическими и религиозными причинами, продолжалось и в последующие годы. В условиях Абхазии, как и в других районах Кавказа, особое значение в этом процессе имело стремление абхазских махаджиров вызвать к себе своих родственников с родины. Так, осенью 1872 года махаджиры, проживавшие в Варне, ходатайствовали о разрешении переселиться к ним их родственникам из разных сел Абхазии. В одном списке значатся 65 человек, изъявивших желание переселиться в Турцию¹²⁵. При этом в ряде случаев речь шла о разлучившихся мужьях и женах, родителях и детях, братьях и сестрах. Так, 1 марта 1874 года турецкий консул в Сухуме сообщил начальнику Сухумского отдела, что «некоторые абхазцы, мужского и женского пола, выселившиеся в последнее время в числе прочих в Турцию», обратились к батумскому губернатору с просьбой «о вытребовании к ним в Турцию оставшихся в Абхазии их малолетних детей, жен

¹²² А. Х. Касумов. Разные судьбы, с. 13.

¹²³ ЦГАОР СССР, ф. 677, оп. 1, д. 511, л. 4 об.

¹²⁴ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 15, 1870 г., д. 56, л. 61 об. («Всеподданнейший отчет» за 1863—1869 гг.).

¹²⁵ ЦГИАГ, ф. 545, д. 614, лл. 5—6, 12—13.

и матерей для совместного жительства с ними»¹²⁶. То или иное «состоятельное лицо», удаляясь в Турцию, старалось забрать не только всю родню, но и бывших своих зависимых людей. В указанном выше списке значатся три «освобожденных невольника», из которых у одного семья состояла из шести человек, а у другого — из четырех.

Начальник Сухумского отдела писал, что «желающие переселиться в Турцию всегда найдутся в Абхазии, особенно когда вслед за окончанием основных реформ развитие гражданственности станет твердою ногою в крае». Причем ему было дано право разрешать переселяться желающим, не испрашивая на это каждый раз особого разрешения. Только предлагалось при этом ставить «выгодные» для властей условия — уплата вперед за 10 лет податей и повинностей. «К этому можно было бы присовокупить, — пишет он далее, — что вслед за выселением лиц привилегированные или целых деревень их поземельные участки поступают в казну»¹²⁷. Видимо, избегая выполнения этого условия, многие уходили в Турцию, к своим родственникам, тайным образом. Русский посол в Константинополе Н. П. Игнатъев в своем отношении от 7 февраля 1876 года Кавказскому горскому управлению писал о том, что «посольство не раз уже обращало внимание кавказских властей о недостаточности надзора на границе и об огромном количестве лиц, находящих возможность прибывать в Турцию без паспортов и без дозволения начальства»¹²⁸.

Однако переселение абхазов в Турцию в этот период не носило массовый характер. Напротив, основное население края стремилось к спокойной жизни. Именно этим объясняется тот факт, что с конца 1868 года до начала 1871 года в Абхазии приняли крещение около 16 тыс. человек¹²⁹; в одном только с. Члоу в 1870 году — около 2 тыс. человек. И не удивительно, что епископ Имеретин Гавриил считал это явление «не совсем обыкновенным»¹³⁰.

Кроме того, имело место и возвращение абхазских махаджиров на родину. Горцы, открыто выражая недовольство, просили разрешения вернуться в родные места. Такие просьбы часто поступали и в русские консульства. Так, в ноябре 1870 года русский консул из Эрзерума сообщал, что горцы, особенно осетины, требуют дозволения возвратиться на Кавказ¹³¹. Н. П. Игнатъев в секретном доведении от 21 декабря 1872 года товарищу министра иностранных дел писал: «...8 500 черкесских семейств, переселившихся разновременно с Кавказа в Турцию, жалуясь на бедственное положение, в котором они находятся и на невыносимые притеснения, ходатайствует

¹²⁶ Там же, лл. 82—83.

¹²⁷ Там же, лл. 50—51.

¹²⁸ Там же, лл. 111—112.

¹²⁹ ООВЦХК за 1871 год, с. 1.

¹³⁰ «Кавказ», №№ 44 и 139, 1870.

¹³¹ АВПР, Турецкий стол (старый), 1861—1870 гг., д. 4468, лл. 142—143. »

о возвращении в Россию»¹³². В 1873 году в Абхазию вернулись, например, Баталбей Гечба и Бегуч Куджба (махаджиры 1863 — 1864 годов), к чему их вынудило «крайнее бедственное положение» в Турции¹³³. Начальник Сухумского отдела в ноябре 1876 года писал «о двух категориях» репатриантов, из которых одна — «желающие укрыться у родственников, оставшихся после переселения в Абхазию, от тяжелых поборов, ныне господствующих в Турции, и рекрутской повинности»¹³⁴. Но действовало «повеление» наместника Кавказа от 1868 года, «чтобы всех тех абхазцев из числа выселившихся в Турцию, кои будут прибывать в Абхазию на будущее время, безусловно возвращать в Турцию»¹³⁵. Только накануне русско-турецкой войны 1877—1878 годов положение изменилось, когда возвращавшихся тайно, махаджиров стали рассматривать как «перебежчиков», ищущих убежища от недружественного правительства. Однако и на них смотрели «как на преступников», и само собой разумеется, что такие «перебежчики» не должны были иметь никаких претензий на надел их землями»¹³⁶.

Тем не менее новая обстановка не могла не способствовать еще большему усилению обратной волны. К сожалению, у нас нет конкретных данных, которые хотя бы приблизительно характеризовали это движение. Однако некоторое общее представление дает, например, отчет по управлению Терской области за время с 1 января 1863 года по 1 января 1869 года, согласно которому возвратилось обратно из Турции только в 1866—1868 годах около 2 100 душ обоего пола¹³⁷.

§ 3. Усиление административно-полицейского аппарата

Еще не закончилось разоружение населения Абхазии в 1866 году, как царское правительство поспешно приступило к новому «административному устройству» края, к усилению и здесь административно-полицейского аппарата¹³⁸. Военный министр Д. А. Милютин в своем отношении от 3 августа 1866 года управляющему делами Кавказского комитета писал, что «настоящую необходи-

¹³² ЦГИАГ, ф. 5, оп. 1, д. 3011, л. 2.

Об аналогичном положении, относящемся к чеченцам, см.: ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кв. II), д. 2852.

¹³³ Там же, ф. 545, д. 614, лл. 20 — 22.

¹³⁴ Там же, лл. 129 — 130.

¹³⁵ Там же, лл. 20 — 22.

¹³⁶ Там же, лл. 129 — 130.

¹³⁷ См.: Г. А. Дзагуров. Переселение горцев, с. 202.

¹³⁸ Подробнее об этом см.: С. Эсадзе. Историческая записка, с. 271 — 280; Д. Н. Ницуа. Упразднение владетельской власти в Абхазии и установление в ней русского управления. Автореферат кандидатской диссертации. Сухуми, 1955, с. 11 — 14.

мость немедленного введения окончательной организации» в Абхазии Александр II считает именно «ввиду последних событий в Абхазии», т. е. восстания 1866 года¹³⁹. А 11 августа император уже утверждает постановление об «административных преобразованиях» в Абхазии, вынесенное в срочном порядке Кавказским комитетом в соответствии с предложениями комиссии генерал-лейтенанта И. А. Бартоломея, работавшей с 1864 года. Вводится в действие «Положение об управлении Сухумским отделом» и «Временные правила об устройстве судебной части в Сухумском отделе»¹⁴⁰. Сухумский военный отдел (Абхазия) в административном отношении разделялся на четыре округа — Пицундский, Цебельдинский, Драндский и Окумский. Таким образом, были ликвидированы Цебельдинское и Самурзаканское приставские управления, а Бзыбский, Сухумский и Абжуйский военные округа переименованы. Упразднялось также управление командующего войсками в Абхазии. Начальник Сухумского отдела номинально подчинялся кутаисскому генерал-губернатору, ему были представлены права военных губернаторов Закавказского края¹⁴¹. Город Сухум управлялся городничим, при котором имелось полицейское управление. При окружных начальниках создавались военно-окружные управления. Начальник отдела являлся и председателем Главного суда в г. Сухуме (для всего края), а окружные начальники — председателями окружных словесных судов. Учреждалась также земская стража (урядники и стражники), а в селах были назначены старшины.

После же переселения наиболее «враждебной части» абхазского населения в Турцию «оказалась возможность приступить к устройству населения Сухумского отдела сообразно видам правительства, не опасаясь за порядок и спокойствие в этой стране»¹⁴². И вот в 1868 году производится новая административная «реформа». Прежде всего речь идет об укреплении округов в целях дальнейшей централизации управления краем. Согласно постановлению, утвержденному императором 27 мая 1868 года, Сухумский отдел¹⁴³ теперь делится только на два округа — Пицундский и Очемчирский, каждый из которых, в свою очередь, состоял из двух участков: Пицундский округ — из Гудаутского (от Гагр до Псырцха) и Гумистинского (от р. Псырцха до р. Кодор), Очемчирский — из Кодорского (от р. Кодор до р. Галидзга) и Самурзаканского (до р. Ингури). Особо была выделена Цебельда, которой управлял полечитель поселения с правами окружного начальника¹⁴⁴. Это адми-

¹³⁹ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 12, 1866 г., д. 30, лл. 5 — 6.

¹⁴⁰ Там же, лл. 33 — 41.

¹⁴¹ С. Эсадзе. Указ. соч., т. I, с. 276.

¹⁴² ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 15, 1870 г., д. 56, л. 61 («Всполданный отчет» за 1863 — 1869 гг.).

¹⁴³ С образованием в 1867 году Черноморского округа река Бегребста стала границей его с Сухумским отделом.

¹⁴⁴ ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 12, 1866 г., д. 30, л. 47 об.; ССКГ, 1868, вып. I, с. 13 — 14.

нистративное деление Абхазии и такая система управления просуществовали до 1883 года, когда Сухумский военный отдел перешел в гражданское ведомство и вошел в Кутаисскую губернию под названием Сухумский округ, разделявшийся на четыре названных выше участка.

В 1868 году вводятся также общинные и сельские управления — все села Абхазии были разделены на 41 общину. Еще в 1864 году, в связи с отменой в Восточной Грузии крепостного права, были изданы «Правила об устройстве сельских обществ и их общественного управления» для Тифлисской губернии, а в 1866 году — для Кутаисской. «Положение о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в Сухумском отделе»¹⁴⁵ было утверждено Кавказским горским управлением в 1867 году. Согласно «Положению», сельские общества составлялись «из всех жителей одного селения, без различия, на каких бы землях они не жили». Во главе сельского общества стояло «сельское общественное управление»; его составляли сход, старшина и суд, причем «первое место на сельском сходе и охранение на нем должного порядка» принадлежало старшине, который, как правило, был из привилегированного сословия¹⁴⁶. В ведение сельского схода входили: выборы сельских должностных лиц, приговоры об удалении из сельского общества «вредных и порочных членов его», распоряжение общественными земельными угодьями, назначение сборов на общественные расходы, раскладка казенных и земских податей и повинностей, а также общественных повинностей, принятие мер к предупреждению и взысканию недоимок, разрешение просьб об увольнении из общества для переселения в другие села. Должностные лица сельского управления несли ряд полицейских обязанностей. Сельский старшина должен был доносить «начальству о самовольно отлучившихся из общества», выдавать «коренным жителям» селения свидетельства как для получения билетов и паспортов на отлучки, так и для перехода их в другие сословия. Сельскому старшине предоставлялось право «за маловажные полицейские проступки, за исключением лиц, принадлежащих к высшим классам, офицеров и их семейств, подвергать виновных назначению на общественные работы на время до двух дней, или денежному взысканию до одного рубля, или аресту не более двух дней». В примечании разъяснялось, что к числу «маловажных поступков» относятся «грубость и неповиновение работников своим хозяевам». Сельский суд разбирал и приговаривал к наказанию жителей, принадлежащих к сельскому обществу, за «маловажные поступки». Он мог приговаривать виновных к обще-

¹⁴⁵ ЦГИАГ, ф. 545, д. 2796, лл. 137 — 170.

¹⁴⁶ Там же, ф. 229, оп. 2, д. 2640, л. 4.

Между прочим, в конце XIX в. налоги с населения для содержания сельских старост и писарей ежегодно составляли 23 000 руб. (ЦГИАГ, ф. 13, оп. 15, д. 359, л. 28).

ственным работам до 6 дней, или к денежному взысканию до 3 рублей, или к аресту до 7 дней. В примечании еще раз подчеркивалось, что «право сельского суда подвергать виновных наказанию не распространяется на лиц высшего сословия, офицеров и их семейства». Классовая природа нового сельского управления была совершенно очевидна. Оно входило в систему правительственного аппарата, являясь низшей его ступенью.

§ 4. Характер и особенности крестьянской реформы

Как мы видели, одним из последствий восстания 1866 года было ускорение проведения крестьянской реформы в Абхазии, о сущности которой частично уже говорилось. Предварительно заметим, что крестьянская реформа в Абхазии и в других районах Кавказского края, являвшейся органической частью крестьянской реформы 1861 года, проведенной в России, была обусловлена не столько уровнем местного общественного развития, который в середине XIX века характеризовался господством феодально-патриархальных отношений, сколько необходимостью приспособить ее социальной строй к потребностям экономического развития Центральной России, господствующие классы которой стремились в возможно более широких масштабах осуществить экономическое «завоевание» Кавказа¹⁴⁷. Однако известную роль играло и то, что в результате укрепления экономических связей с Россией и проникновения на Кавказ русского торгового и промышленного капитала феодальные отношения у народов Кавказа стали постепенно разлагаться. В частности, в недрах господствовавшего у горцев феодально-патриархального строя шло довольно быстрое развитие товарно-денежных отношений, создававшее предпосылки для отмены крепостничества и рабства. Кроме того, крестьянская реформа на Кавказе, как и в Центральной России, была обусловлена ростом крестьянских антифеодальных движений¹⁴⁸.

Подготовка к реформе в Абхазии, как уже отмечалось, официально возобновилась в 1867 году и резко обострила классовые противоречия. В процессе обсуждения вопроса не были удовлетворены претензии абхазских феодалов на признание за ними полного права собственности на все крестьянские земли и на признание крестьян всех категорий их крепостными¹⁴⁹. Одобрение получила

¹⁴⁷ З. В. Анчабадзе, *Очерки экономической истории Грузии*, с. 147.

¹⁴⁸ «Народы Кавказа», т. I. М., 1960, с. 101—102; «Культура и быт народов Северного Кавказа», М., 1968, с. 8.

¹⁴⁹ Эта тенденция абхазского дворянства, т. е. стремление приравнять себя к грузинскому, наиболее яркое и обобщенное отражение нашла в докладной записке депутатов князей и дворян Абхазии от 23 марта 1870 года, представленной в Комитет по освобождению зависимых сословий среди горских племен Кавказа (См.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, лл. 38—45).

только их претензии на выкуп личных услуг крестьян. Такое решение было продиктовано изменившимся отношением царского управления к высшим сословиям Абхазии. Однако решающую роль в непризнании царизмом прав землевладения абхазских помещиков играло стремление правительства увеличить государственные доходы, получить в свое распоряжение земельный фонд для будущей колонизации края¹⁵⁰. «Положение» о крестьянской реформе было утверждено императором Александром II 8 ноября 1870 года, а объявлено 19 февраля 1871 года. По официальным статистическим данным, из общего количества 308 036 десятин обрабатываемой земли в Абхазии 58 569 крестьян получили 191 783 десят., а 2 245 князей и дворян — 100 093. Таким образом, «для надела простого класса, составлявшего 96,3% всего населения, употреблено 62,2% всей культурной полосы, или 3,1 десятины на душу; для надела же привилегированного класса, составляющего 3,6% всего населения, употреблено 32,4% всей культурной полосы, или по 47,2 десятины на душу. Остальные 5,4% культурной полосы остаются свободными»¹⁵¹. В число населения «простого класса» вошли и переселенцы, которые получили значительно больше надела, чем коренное население. Это подняло средние показатели крестьянских наделов, фактически же абхазские крестьяне получили меньше земли¹⁵². По данным 90-х годов, средний надел (на душу) абхазских крестьян был менее двух десятин, причем в него входили и земли, неудобные для возделывания¹⁵³. Следовательно, большая часть земель, которыми пользовались крестьяне, отошла к помещикам, т. е. абхазское дворянство, говоря словами документа, было обеспечено «материально относительно очень широко»¹⁵⁴. Это значит, что реформа нанесла удар экономическим интересам крестьянства. В результате ее проведения значительная часть общинных земель тоже отошла к феодалам. Таким образом, усиливается процесс концентрации земель в руках крупных землевладельцев.

Сами крестьяне достаточно четко характеризовали положение, в которое поставила их реформа. 22 мая 1881 года депутаты от крестьян селений Бармыш, Звандриш, Джирхва и Дурпш (Гудатутский участок) писали на имя начальника Пицундского округа: «При отмежевании поземельных наделов лицам привилегированного сословия, к несчастиям нашим, обработанные нами и нашими предками места, а также виноградные и фруктовые сады и все ближайшие к нашим саклям места для посевов кукурузы отошли в надел привилегированным лицам, кои до сего времени обеспе-

¹⁵⁰ Там же, д. л. 155—156.

¹⁵¹ КК, 1882, с. 247. Из отчетов за время с 1878 по 1881 г.

¹⁵² И. Г. Антелава, Г. А. Виздзария, А. А. Олонецкий. Из истории крестьянской реформы в Абхазии, с. 399.

¹⁵³ ЦГИАГ, ф. 13, оп. 5, д. 359, л. 19.

¹⁵⁴ Там же, ф. 231, д. 13, л. 1—5.

живали себя и свои семейства»¹⁵⁵. Кстати, просьба крестьян, рассмотренная Сухумской поземельной комиссией лишь в 1888 году, была отклонена по тем мотивам, что их земли «получили лица высших сословий»¹⁵⁶.

Реформа, проведенная в интересах дворянства, еще больше ухудшила положение абхазских крестьян. Это относилось прежде всего к анхаю, составлявшим, особенно отдельные их группы, высший слой зависимых сословий Абхазии. Теперь за всеми крестьянами данной категории были установлены денежные выкупные платежи и «временные повинности» — почти в том же виде, в каком они существовали и до реформы (скот, зерно, вино, полевые работы и пр.)¹⁵⁷. Характерно, что еще накануне утверждения «Положения» о крестьянской реформе представители дворянства умоляли царские власти, чтобы крестьяне «непременно тотчас же выкупились», так как они считали, что оставшиеся в обязанных отношениях «весьма будут плохо отбывать прежние повинности», имея в виду при этом, что, если крестьянам предоставить выбор выкупа или обязательных отношений на «волю», то, «может быть, ахоую и многие выкупятся, но из анхаю, наверное, никто»¹⁵⁸.

Проведение крестьянской реформы затянулось в Абхазии на много лет, вследствие чего, по словам одного царского чиновника, «больше всех страдает... беднейшая часть населения, которая не успела занять земли в размерах, необходимых для пропитания своих семейств»¹⁵⁹. И действительно, не говоря уже о сохранении «временнообязанных» отношений крестьян к помещикам¹⁶⁰, даже отвод крестьянских наделов продвигался очень медленно. Начальник Сухумского отдела в отчете за 1876 год вынужден был признать, что «бывшие зависимые, получив свободу... и ныне остаются в ожидании указанных им земель»¹⁶¹. Таким образом, феодально-помещичья

¹⁵⁵ ЦГИАГ, ф. 545, л. 2412, л. 10. Л. М. Дзидзигури. Крестьянская реформа в Абхазии (Автореферат кандидатской диссертации). Тбилиси, 1953, с. 22.

¹⁵⁶ Там же, с. 22.

¹⁵⁷ А. А. Олонский. Крестьянская реформа 1870 г. в Абхазии. — «Труды» АИЯЛИ, XXV, 1954, с. 159.

¹⁵⁸ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, 1866 г., д. 1014, лл. 33 — 33 об.

¹⁵⁹ Там же, д. 1031, л. 4.

¹⁶⁰ Положение абхазского крестьянства в целом и в дальнейшем определялось именно теми уродливыми формами землевладения и землепользования, которые сложились после реформы. Бывшие помещичьи крестьяне Абхазии, как и в основных районах Грузии и Закавказья, вплоть до 1917 года фактически оставались временнообязанными в отношении помещиков, хотя правительственный закон от 28 декабря 1881 года об упразднении этого института был применен к Закавказью официально в декабре 1912 года. Во всяком случае, до Февральской революции 1917 года значительная часть временнообязанных крестьян, по существу, еще оставались в феодально-крепостнической зависимости от помещиков. И положение усугублялось тем, что по закону 1912 года выкупу подлежали лишь наделные земли, т. е. только те земли, которые представлялись крестьянам по весьма низким наделным душевым нормам, а помещичьи и вообще частновладельческих и прочих земель закон не касался.

¹⁶¹ ЦГИАГ, ф. 545, д. 986, лл. 79 — 116.

собственность на землю, являвшаяся основой крепостнических отношений, оставалась неизменной и сохранялась в крае до установления Советской власти, причем, пожалуй, в еще большей степени, чем в ведущих районах Грузии и Закавказья. Не случайно поэтому, что уже проведение реформы сопровождалось в Абхазии повсеместными выступлениями крестьян. Крестьянские массы, недовольные помещичьим характером реформы, пытались прежде всего протестовать против действий землеустроителей и помещиков. Большим злом для крестьян были недоимки, которые создались за счет того, что значительная часть крестьян не смогла внести положенный весьма высокий выкуп, к которому с каждым годом добавлялись новые долги¹⁶². Социальная борьба еще больше обострилась, когда после событий 1877 года в Абхазии было решено пересмотреть «Положение» о реформе в сторону дальнейшего ущемления интересов крестьян — «виновного населения», о чем будет сказано ниже. Одним словом, крестьянская реформа мало изменила сословные различия в Абхазии. Фактически они остались в силе. Другие реформы (земская, судебная, в области народного образования, городского самоуправления и т. п.) в Абхазии либо вовсе не были проведены, либо их проведение носило еще более узкий и ограниченный характер.

Тем не менее сам факт объявления некоторых буржуазных реформ в Абхазии, в первую очередь аграрной, явился шагом по пути раскрепощения от феодальных пут производительных сил края. Внутренние процессы, стимулировавшие разложение феодальных отношений еще до реформы, получили, хотя и очень ограниченное, признание, и уже в ближайшие годы после объявления реформы в Абхазии наступило некоторое хозяйственное оживление: создаются предпосылки для расширения и углубления экономических связей с другими районами Грузии и всей России. Однако русско-турецкая война 1877 — 1878 годов принесла Абхазии новое и самое сильное разорение и обескровление¹⁶³.

¹⁶² См.: В. Д. Авидзба. Проведение в жизнь крестьянской реформы в Абхазии (Автореферат кандидатской диссертации). Сухуми, 1969, с. 10 — 12.

¹⁶³ «Очерки истории Абхазской АССР», ч. I, с. 214.

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877 — 1878 ГОДОВ И АБХАЗИЯ

§ 1. Англо-турецкие устремления на Кавказе накануне войны

После введения царского военно-административного аппарата на Северо-Западном Кавказе, осуществлявшегося крайне жестокими мерами, правительство Александра II начало укреплять свои позиции здесь, в частности, на Черноморском побережье, что, естественно, встретило новое противодействие со стороны Англии и Турции. Британское правительство снова засылает на Кавказ под видом различных путешественников своих агентов, а Турция плетет сеть заговоров среди мусульманского населения края, широко используя при этом и духовенство. Английское посольство в Константинополе, консульства в Эрзеруме, Трапезунде, Потии и др. стали центром организации подрывной деятельности.

Уже в 1864 году Кавказ посетил английский разведчик Гольдсмид, значившийся полковником индийской армии. Владея некоторыми восточными языками, он неоднократно совершал поездки по особому поручению британского правительства в целях изучения края и сбора военных, политических и иных сведений¹. Приказом наместника Кавказа за офицером-разведчиком по пути его следования и на местах остановок был установлен надзор. С разведывательной целью «путешествовал» здесь также английский генерал-лейтенант Кюпенгамер в сентябре 1871 года. В письме, составленном им в Александрополе для передачи карсскому паше, говорилось: «Я получил из Европы весьма важные бумаги и должен в Тифлисе встретиться с консулом, он скоро Вам передаст военные сведения. Я спешу ехать»². Упомянутый выше английский консул в Трапезунде В. Д. Пальгрев был деятельным британским разведчиком. Одно время он являлся также тайным французским агентом в Сирии и Аравии. Кстати, Пальгрев работал и вице-консулом Англии в Сухуме³.

¹ Генерал Гольдсмид в 1870 — 1872 годах возглавлял английскую комиссию по «исследованию» Юго-Восточной и Восточной Персии (ИКОРГО, 1879, т. VI, № 1, с. 127).

² Цит. по: Ш. В. Мегрелидзе. Грузия в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., с. 25 — 26.

³ М. П. Саваков. Страницы боевой дружбы, с. 52.

С конца 60-х годов на Кавказ проникают и турецкие агенты, причем в большом числе. Возвращения и прокламации этими лицами доставлялись сюда в подошвах обуви, в специально изготовленных стенках кувшинов и т. д. При этом были использованы и паломники, отправлявшиеся в Мекку. Некоторые турецкие сановники вступали с ними в тайные политические сношения. Паломники часто возвращались с двухдонными «священными» кувшинами⁴. Турция направляет на Кавказ также отдельных горцев-махаджиров, чтобы организовать выступления против России. Особенно большую активность проявляли турецкие и английские агенты среди населения Северо-Восточного Кавказа⁵. Немецкий историк В. Рюстов отмечал: «Турецкие агенты возбуждали мусульманское население Кавказа, они шли из Константинополя, из лагеря Мухтар-паши, в особенности от сына Шамиля. Они рисовали кавказцам смехотворные надежды насчет завоевания потерянной ими свободы»⁶.

Вот некоторые факты. По сообщению епископа Имеретии Гавриила, обозревшего в 1869 году церкви Абхазии, в с. Джгерда «тайно поселился и пропагандирует выходец из Турции, природный турак, мулла», а другой мулла прибыл из Карачая. Эти «пропагандисты» имели «сильное влияние на умы здешних жителей и успели сильно вооружить их против христианства»⁷. Несколько позже в селении Аацы был арестован русскими властями один из таких турецких эмиссаров⁸. Активно действовали и местные муллы. Тот же епископ отмечал, что в с. Члоу они «старались ... помешать народу собираться» и уверяли людей, что если они примут продовольствие, то их «непременно заберут в солдаты»⁹.

Происки иностранных агентов на Кавказе еще больше усиливаются в 70-х годах. Это было время, когда Восточный вопрос вновь обостряется в международных отношениях и выдвигается на передний план европейской политики. Новый подъем национально-освободительной борьбы на Балканах и в других частях Османской империи, усиленное продвижение царской России в Среднюю Азию привели к новому столкновению интересов Англии и России на Востоке. Россия покровительствовала движению балканских славян, стремясь утвердить на Балканах свое влияние, ослабленное после Крымской войны. Великобритания, в условиях острого колониального соперничества с Россией в Азии, всеми средствами стремилась не допустить усиления русского влияния на Балканском полуострове. Она была заинтересована в сохранении зависи-

⁴ ЦГИАГ, ф. 1087, д. 567, л. 14.

⁵ «Очерки истории Адыгеи», т. I, с. 382.

⁶ W. Rüstow, Der Orientalische Krieg in den Jahren 1877 und 1878. Zürich, 1878, S. 418.

⁷ «Кавказ», № 139, 27 ноября 1870 г.

⁸ Там же, № 222, 3 ноября 1877 г.

⁹ Там же, № 139, 27 ноября 1870 г.

мой от нес Османской империи и выступала против освобождения балканских народов¹⁰.

Поскольку вопрос о Турции и ее владениях составлял основное содержание Восточного вопроса, турецкое правительство, разумеется, было втянуто в англо-русский конфликт и приняло в нем активное участие. Вновь возродились мечты султанской Турции о Кавказе, вновь религиозные пропагандисты устремились сюда с антирусской пропагандой¹¹. В ответ на это правительство Александра II категорически запретило возвращение горцев-переселенцев на Кавказ, разрешенное в 1872 году. В 1876 году было отмечено массовое возвращение в Россию паломников, среди которых было немало турецких агентов. Представители последних, проникнув, например, в Триалетское и Лорийское приставства Тифлисской губернии, распространяли прокламации и подстрекали население к выступлению¹².

Современник событий М. Крыжановский писал: «В последнее время Абхазия была переполнена турецкими шпионами, проповедовавшими священную войну России»¹³. Начальник Сухумского отдела генерал П. П. Кравченко в предписании начальнику Пицундского округа от 24 января и начальнику Очемчирского округа от 21 февраля 1877 года писал об участившихся фактах появления в этих местах из Турции «пропагандистов и искателей приключений»¹⁴. А еще раньше, 23 ноября 1876 года, он сообщал о прибывающих в Абхазию турецкоподданных «с целью враждебной... пропаганды, в видах смущения мусульманской части населения края...»¹⁵.

Турецкое правительство, как и прежде, вербовало агентов и среди протурецких элементов из местных феодалов, а также турецкоподданных жителей края. В одном только Сухуме в начале 1877 года было 187 таких жителей; из них, как сообщал генерал Кравченко, буквально на второй день начала войны, т. е. 13 апреля 1877 года, выехало в Турцию 148 (фелюжники, рыбаки и пр.)¹⁶. Очемчирский округ также «издавна посещался большим числом торговцев, промышленников и контрабандистов из турецкоподданных»¹⁷. Под влиянием этих турок и их сородичей, приезжавших сюда для рыбной ловли¹⁸ и т. д., находилось население преимущественно мусульманского вероисповедания, главным образом сел,

10 С. А. Залесский. Русские войны на Балканах в 1877—1878 годах. — «Вопросы истории», 1972, № 12, с. 107.

11 Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе..., с. 236.

12 Ш. В. Мегрелидзе. Закавказье и русско-турецкая война 1877—1878 гг., с. 60.

13 М. Крыжановский. Последний абхазский бунт, л. 12.

14 «Материалы...», т. V, приложения к ч. II, с. 151, 153.

15 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), д. 614, л. 129.

16 ЦГВИА, ф. 960 (гр.), оп. 1, 1877 г., д. 1, л. 26.

17 «Материалы...», т. V, приложения к ч. II, № 2, с. 153.

18 А. Н. Введенский писал: «До настоящей войны население Сухума ежегодно удваивалось зимою наплывом промышленников-турок, вылавливающих рыбу и истреблявших дичь у берегов Абхазии и сбывавших их нам же за дорогую цену» («Кавказ», № 224, 5 сентября 1877 г.).

расположенных в окрестностях Сухума (Гума, Эшера, Яштхуа, Акапа, Быха, Абжаква). Имея свободный доступ к жителям края, они распространяли мусульманство, посвящали отдельных лиц в муллы и советовали выпрашивать у властей разрешения на постройку мечетей и пр. Как писал К. Д. Мачавариани, «такими подпольными назиданиями нетрудно было наэлектризовать умы абхазских мохамедан настолько, чтобы поколебать в них верноподданность к русскому правительству и, напротив, склонить их в сторону турок, выставляя им могущество Оттоманской империи»¹⁹. По сообщению того же автора, им содействовали и турецкие эмиссары, которые приезжали сюда специально для этой цели. Сначала они «незаметно появлялись в Сухуме, потом, также незаметно, направлялись к абхазцам (в села. — Г. Д.). Некоторые из ветеранов задолго до войны успевали тайно собирать сходки и показывали народу какие-то мнимые прокламации, будто полученные из Турции и чуть ли не из самой Мекки! В архиве дел пицундского окружного управления имеется следственное дело по этому предмету»²⁰.

Так, еще в сентябре 1872 года начальник Пицундского округа доносил о том, что в Гудаутском участке «стали носиться слухи о получении каких-то писем или посланий из Мекки»²¹. Действительно, в селе Анухва состоялась сходка, где читались письма, присланные из Мекки, а при обыске у местных мулл, Хусейна Смыр, Якоба Сахария (Сабария?) и Османа Малия, было найдено какое-то воззвание. Одно из указанных писем было обнаружено в Гагриппе у князя Эдирбея Цанба²². За чтение «недозволенной прокламации» «собранным у него лицам», последний был сослан в г. Курск²³.

Накануне войны, а именно в 1876 году, в Абхазию на легких турецких фелюгах чаще начали приезжать разного рода «подозрительные личности» под видом софт и мулл, которые «секретно уговаривали абхазцев, пользовавшихся в народе дурной репутацией, и особенно мохамеданскую часть населения, чтобы они готовы были, в случае войны, содействовать Турции»²⁴. Они внушали абхазцам, что турецкие войска скоро займут Абхазию, что все принявшие христианство будут истреблены и т. д.²⁵

Одновременно турецкая печать трубила, что кавказцы находятся на стороне Турции. Так, за несколько недель до объявления войны в константинопольской газете «Вахыт» («Время»), органе Мидхат-паши, появилась передовая статья, в которой утверждалось, что «грузины, недовольные русским правлением, поднимутся

¹⁹ «Голос», № 198, 19 июля 1878 г.

²⁰ Там же.

²¹ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. II), д. 2862, л. 1.

²² Там же, лл. 1 об. — 2.

²³ Там же, лл. 32—33, 50—51.

²⁴ [К. Д.] Мачавариани. Народные смуты в Абхазии. — «Голос», № 198, 19 июля, 1878.

²⁵ ООБПНК за 1876 год, с. 4.

против русских», что этим развяжутся руки у горцев, которые последуют их примеру, и тогда, «при всеобщем восстании Кавказа и Закавказского края», успехи турок в Малой Азии будут обеспечены. В той же газете делался «прогноз», что «для полного успеха» туркам стоит только высадиться где-нибудь на берегу Черного моря — в Потти, Сухуме или Николаевске²⁶. Неблаговидную роль во всех этих делах играло и турецкое консульство в Сухуме. Кстати, правительство Турции, «в видах охранения интересов подданных своих», еще с 1865 года добивалось его учреждения²⁷. Но в связи с русско-турецкой войной 1877—1878 годов оно было ликвидировано.

Документы свидетельствуют о том, что Англия, Турция, Франция, Италия и даже США направляли к кавказским берегам вооруженные суда. В 1872 году при проходе через турецкие проливы русской шхуны «Келасури», назначенной на службу в Пирей на место сторожевого судна «Туапсе», возникли препятствия в силу условий Лондонского договора. В связи с этим была высказана мысль, что только официальное закрытие проливов препятствовало до сих пор осуществлению стремления Англии и Франции ввести свой флот в Черное море и создать угрозу берегам Кавказа²⁸.

Географическое расположение, военно-стратегическое значение и природные богатства закавказских районов — лес (особенно на восточном берегу Черного моря), нефть, каменный уголь, свинец и др., а также развитие здесь виноделия, шелководства и кустарных промыслов, как мы видели, давно привлекали внимание европейских держав, особенно накануне русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Так, например, в 1873 году консул США в Тифлисе и Потти Рудольф Пикоп просил о приобретении для Ливерпульского торгового дома «Иосиф Гарднер и сыновья» земли в Бзыбской Абхазии. Однако кавказская администрация отказала ему в этом²⁹.

Была развернута необычайно активная деятельность по всестороннему изучению Кавказа. За 6 лет до начала войны на английском и французском языках о Грузии вышло до 15 работ, в которых содержатся сведения о географии и природе края, нравах, обычаях и численности его населения. Можно сказать, что перед войной английскими специалистами досконально были изучены населенные пункты, дороги и богатства Грузии. И не только Грузии. Так, в 1876 году английский консул Генрих Черчилль совершил «путешествие» в Баку и другие каспийские порты с целью их изучения³⁰. В 1877 году в Грузию прибыл французский винодел Г. Киньол с намерением приобрести земли для устройства вино-

26 [Г. Е.] Церетели. Письма с Кавказа. — «Голос», № 257. 26 октября 1877 г.

27 АВПР, ф. Турецкий стол (старый), 1865 г., л. 222, л. 3.

28 С. Горянов. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907, с. 275.

29 М. П. Санаков. Указ. соч., с. 54.

30 Ш. В. Мегрелидзе. Закавказье в русско-турецкой войне 1877—1878 годов, с. 68.

градных садов, а английский технолог Ж. Горт — для ознакомления с нефтяными месторождениями Кавказа. В край устремились и американцы, которые, боясь конкуренции на мировом рынке, мечтали о привилегии на проведение нефтепровода Баку — Черное море. Грузия и Закавказье занимали важное место в экономической жизни Бостона еще и потому, что через них осуществлялась большая транзитная торговля. Этой торговле, в частности, способствовало «Русское общество пароходства и торговли» (РОПнТ). Успехи России на восточных рынках и вытеснение Англии обостряли недовольство среди английских промышленников³¹.

В 1870 — 1876 годах была проведена линия англо-индийского телеграфа, которая пересекла территории многих кавказских областей, в том числе Абхазию. При проведении этой линии англичане, помимо того, что нанесли большой ущерб лесным богатствам края, старались везде создать свою агентуру³².

В обстановках назревания новой русско-турецкой войны правительство Александра II явно допускало просчет, недооценивая роль Англии, которая стремилась использовать турецкую армию в целях «прекращения» русского влияния на Кавказе и в Средней Азии. А Англия имела все возможности для воздействия на турецкое правительство, поскольку Турция находилась в большой зависимости от нее. Речь идет прежде всего о кабальных займах и концессиях. Задолженность Турции Англии к 1876 году исчислялась в 170 млн. фунтов стерлингов. Английские банки через свой филиал («Оттоманский банк») в Константинополе держали в руках всю финансовую систему Турции. Английскому влиянию была подчинена не только внутренняя, но и внешняя политика султанской Турции³³. «Все это dokonчило разложение Турции и поставило ее в полную зависимость от европейских держав»³⁴. Это давало Англии, которая, по словам А. В. Никитенко, «никогда не может спокойно спать на своем острове, пока Россия сильна и могущественна»³⁵, возможность создать на Босфоре постоянную угрозу своему сопернику. Большую «помощь» Турции оказывали и правящие круги США. Перед русско-турецкой войной 1877—1878 годов президент Грант побывал в Турции и обещал ей содействие в войне с Россией. Американский экспорт в Оттоманскую империю никогда не достигал таких размеров, как в этот период³⁶.

Правительство Турции готовилось к вторжению в пределы Кавказа, чтобы завладеть территорией этого края именно под диктовку

³¹ Ш. В. Мегрелидзе. Грузия в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., с. 13—18, 40.

³² А. О. Тулумджян. Из истории революционного движения в Сочинском округе в 1905 — 1907 гг. Сухуми, 1958, с. 17.

³³ С. К. Бушуев. Из истории внешнеполитических отношений..., с. 105.

³⁴ «Турецкий сборник. (К событиям на Ближнем Востоке)». Под ред. Г. М. Бикермана. СПб., 1909, с. 78.

³⁵ А. В. Никитенко. Дневник. Т. 3. 1866 — 1877. М., 1956, с. 375.

³⁶ См.: Ш. В. Мегрелидзе. Указ. соч., с. 74.

Англия. Планировалось захватить прежде всего Тифлис, Владикавказ и Петровск³⁷. Англия, которая помогала Турции деньгами, вооружением и обучением личного состава армии, совместно с турецким правительством разработала план захвата всего Закавказья. М. Т. Лорис-Меликов в письме наместнику Кавказа от 19 июля 1877 года подчеркивал, что турецкие власти вместе с правящими кругами Англии хотели нанести удар России именно в Закавказье и тем самым ослабить ее влияние в Азии вообще³⁸. В целях отторжения Грузии и всего Закавказья наступление противника предполагалось вести от Батума на Кутаис, от Эрзерума — Вани — Карса на Эривань, от Александрополя на Тифлис, от Поти или Сухума десантными войсками на Кутаис. При этом Турция очень рассчитывала на широкую поддержку со стороны горских народов Кавказа. Одновременно турецкий флот, господствовавший на Черном море, должен был войти в Азовское море, чтобы отрезать путь отступления с территории Кавказа и вместе с тем помешать переброске русских войск на юг. План этот, как видно, был аналогичен плану кампании 1853 — 1856 годов, составленному командованием союзных войск³⁹.

Однако, если в период Крымской войны Англия стремилась способствовать феодальному раздроблению народов Кавказа и таким путем подчинить их своему влиянию, то сейчас, как видно хотя бы из донесения русского военного атташе в Лондоне генерала Горлова от 1 октября 1878 года военному министру⁴⁰, план главы английского консервативного правительства Дизраэли (граф Биконсфильд) предусматривал образование Закавказского халифата путем слияния мусульманского населения края. Стремясь к ослаблению России и опасаясь ее возрастающей роли на Балканах, этот злейший враг освободительного движения славянских народов побуждал турецкое правительство к провокационной политике в отношении России, приведшей в конечном счете к русско-турецкой войне 1877 — 1878 годов⁴¹. Причем Англия путем дворцового переворота добилась провозглашения султаном ее сторонника Абдул Хамида II, режим которого вошел в турецкую историю под названием «зулум» (гнет, насилие)⁴². Но сама Англия не была подготовлена к войне, она не в состоянии была принять в ней непосредственное участие.

Франция, после разгрома в войне с Германией в 1871 году, также не могла принять серьезного участия в войне, она вообще ослабила свою активность на Востоке. Тем не менее французское правительство по-прежнему интересовалось Закавказьем, поскольку

37 С. К. Бушуев. Из истории внешнеполитических отношений... с. 102.

38 Ш. В. Мегрелидзе. Грузия в русско-турецкой войне 1877 — 1878 гг., с. 27.

39 Его же. Закавказье в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., с. 70.

40 Его же. Грузия в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., с. 28.

41 БСЭ, 2-е изд., т. 14, с. 334.

42 «Всемирная история», т. VII. М., 1960, с. 197.

ку через него оно вело торговлю с восточными странами. При этом правящие круги Франции пытались привлечь на свою сторону грузинский и армянский народы, обещая им «восстановление» их национальных суверенных государств.

Русское правительство, в свою очередь, принимает контрмеры. Надо иметь в виду, что Россия 70-х годов резко отличалась от России периода Крымской войны, когда она потерпела жестокое поражение. Реформы, проведенные в 60—70-х годах в различных отраслях государственного управления и армии, способствовали быстрому движению страны по пути буржуазного развития. Основными направлениями внешней политики русского правительства во второй половине XIX века оставались Восточный вопрос и укрепление позиций на Балканах⁴³. Уже в 1871 году оно, воспользовавшись благоприятной для него международной обстановкой, создавшейся после разгрома Франции Наполеона III, заявило об аннулировании ряда статей Парижского трактата 1856 года, ограничивавших суверенные права России на Черном море⁴⁴. Таким образом, Россия, как писал член английского парламента баронет Т. Синклер, сбрасывала с себя «гнет несправедливого и унижительного трактата»⁴⁵.

Англия, оставшаяся без союзника, не рискнула снова выступить в «защиту» Турции. Дипломатической поддержкой или, по крайней мере, нейтралитетом бисмарковской Пруссии царская дипломатия себя обеспечила. Казалось, что на Балканах и Ближнем Востоке руки у царской России были развязаны⁴⁶. Но именно в связи с этой политикой, выразившейся в 1875 году в поддержке разгоревшейся национально-освободительной борьбы балканских славян против владычества феодальной Турции⁴⁷, правительство Александра II вскоре оказалось в дипломатической изоляции. Англия, как и следовало ожидать, выступила незамедлительно на стороне Турции. Германия же взяла курс на провоцирование русско-турецкой войны и углубление конфликта между Россией и Англией, надеясь тем самым получить свободу действий в отношении Франции.

Между тем для зарубежной буржуазной литературы по истории Восточного кризиса 1875—1878 годов и международных отношений в период русско-турецкой войны 1877—1878 годов характерно,

⁴³ Н. С. Князевна. Внешняя политика России второй половины XIX века. М., 1974, с. 6.

⁴⁴ Лондонским договором 1871 года, отменившим нейтрализацию Черного моря, Россия получила право держать военный флот на Черном море и строить военные укрепления на его побережье.

⁴⁵ Дж. Г. Т. Синклер. Восточный вопрос прошедшего и настоящего. Защита России. СПб., 1878, с. 12.

⁴⁶ Н. С. Князевна. Борьба России..., с. 37.

⁴⁷ Б. Островский. Адмирал Макаров, ЖЗЛ. Л., 1951, с. 64.

Освободительное движение развернулось также на территории, заселенной грузинами, армянами и курдами. В Южной Грузии и Западной Армении еще в 1832, а затем в 1875 году имели место крупные восстания. Однако русское правительство недооценило благоприятную обстановку, сложившуюся в этом районе.

напротив, превеличание агрессивности русской внешней политики и в данный период⁴⁸. Так, известный французский историк Э. Дрио (1919 г.), который главную причину русско-турецкой войны 1877—1878 годов видел в отмене нейтрализации Черного моря, основное свое внимание сосредоточивает именно на доказательстве тезиса о России как о главной агрессивной державе Востока. Не менее тенденциозно пишет о политике России А. Дебидур (1947 г.)⁴⁹. Однако в самой Англии были авторы, которые довольно прямо разоблачали эту концепцию. Например, Малкольм Мак-Колл в книге «Три года в Восточном вопросе», вышедшей в Лондоне в 1878 году, делает основательное обозрение политики европейских держав на Востоке за предыдущие три года, и это обозрение «клонится не к чести английской, а к оправданию русской политики»⁵⁰.

В. И. Ленин, рассматривая балканские события с точки зрения мирового прогрессивного развития, указывал, что русско-турецкая война 1877—1878 годов, независимо от субъективных намерений русского царского правительства, имела исключительно важное историческое значение⁵¹. Именно поэтому восстание славянских народов Балканского полуострова в 1875—1876 годах вызвало горячий отклик среди самых широких слоев населения Российской империи. Искренне сочувствовали делу славянских повстанцев, в частности, жители Грузии. Газета «Дрозда» подробно освещала славянский вопрос и относилась к нему положительно. Так реагировал на это событие и «Тифлисский вестник», в котором сотрудничали многие передовые публицисты Грузии. На страницах названных газет, а также «Кавказа» приводились факты, которые свидетельствуют о моральной и материальной поддержке, оказанной славянским народам Балкан населением Грузии.

В Сухуме, например, ежедневно обсуждался славянский вопрос; быстро распространялись среди населения телеграммы, поступавшие с театра военных действий. В газете «Кавказ» 17 сентября 1876 года была опубликована корреспонденция из Сухума, в кото-

⁴⁸ См., например, рецензию В. И. Кузьменко на книгу Д. Маккензи «Сербия и русский панславизм. 1875—1878» в журн.: «Вопросы истории», 1969, № 1, с. 188.

⁴⁹ Н. С. Княпина, Борьба России за отмену ограничительных условий Парижского договора 1856 года. — «Вопросы истории», 1972, № 8, с. 36. См. также: В. А. Георгиев, Н. С. Княпина и др. Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в. М., 1978, с. 27—28.

Можно сослаться также на английского историка Мосса (1963 г.), который рассматривает Парижский договор как факт, ущемлявший «национальный суверенитет России», и был навязан ей, чтобы ликвидировать ее влияние на Востоке. Американский ученый М. Андерсен (1966 г.), хотя и оправдывает «демилитаризацию» Черного моря, но вынужден признать, что ни одно государство (за исключением Германии в Версале в 1919 году) не было ограничено в своем суверенитете так, как Россия на Черном море в 1856 году (Н. С. Княпина, Борьба России..., с. 37).

⁵⁰ «Русский архив», 1879, кн. 1, тетрадь 2, с. 256.

⁵¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 144.

рой говорилось: «...Маленькое общество... города Сухума с 3-тысячным населением нисколько не отстало от прочих городов империи в горячем сочувствии делу... славян»; оно с «лихорадочным волнением следит за ходом дел на Балканском полуострове» и с «большим участием относится ко всякой неудаче сербов». Более того, сухумцы «не замедлили протянуть руку помощи бедствующему народу и поспешили принести посильную лепту». Они собрали 900 рублей. В той же газете в номерах от 10 сентября и 13 октября и в «Тифлисском вестнике» от 24 сентября 1876 года также сообщалось о сборах в «фонд помощи славянам». Причем часть из них поступала от выручек специальных театральные постановок. Часть средств была отправлена в Московский славянский комитет и сербскому митрополиту Михаилу. В Сухуме образовалось даже что-то вроде политического комитета. На Балканах управлялись добровольцы. Например, в канцелярии Сухумской городской управы нередко можно было встретить таких людей⁵². Вот что сообщал один из горских добровольцев⁵³ в газете «Тифлисский вестник» за 30 сентября 1877 года: «В Сухуме туземная молодежь абхазов... воспламенилась желанием ехать волонтерами в Сербию и принялась приглашать желающих. Как говорят, их наберется около сотни». И действительно, как сообщал корреспондент одной русской газеты из Белграда, в частях сербской армии, наряду с грузинами, кабардинцами и другими кавказцами, встречались и абхазы⁵⁴. Что касается махаджиров, в частности черкесских, живших на Балканах, то они «не хотели подчиняться никакой власти»⁵⁵.

Несмотря на то, что Россия к новой войне не была готова, обстоятельства вынудили начать ее. 12 апреля 1877 года грянула русско-турецкая война⁵⁶, ставшая кульминационным моментом развития ближневосточного кризиса 1875—1878 годов, который, в свою очередь, как уже отмечалось, являлся результатом обострения Восточного вопроса в целом.

В этой обстановке еще больше активизируется деятельность англо-турецкой агентуры среди кавказских народов, особенно на Северном Кавказе. Делается попытка повсеместно поднять восстания. В этом сказывалось, в частности, влияние поездки по Кавказу

⁵² Ш. В. Мегрелидзе. Закавказье в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., с. 86.

⁵³ Об отношении населения Северного Кавказа к балканским событиям и русско-турецкой войне 1877—1878 годов см.: РО ГПБ, ф. 73, Бильбасова В. А. и Краевского А. А., д. 844, л. 14/7 об.; «Известия» Юго-Осетинского НИИ АН ГССР, вып. XVIII, 1974, с. 123—155.

⁵⁴ См.: «Горский вестник», № 91, 1876 г.

⁵⁵ «Русский архив», 1880, кн. 1, с. 388.

⁵⁶ В тот же день в Сухуме была получена телеграмма об объявлении войны. 14 апреля были собраны все части войск Сухумского отряда, расположенные в самом центре и в лагере, на плацу около Александро-Невской церкви, которым была прочтена телеграмма («Материалы...», т. VII, ч. II. Тифлис, 1911, с. 506).

еще в 1871 году Кенингхема⁵⁷ и других английских разведчиков. Продолжает свои действия религиозная секта зикристов, возникшая в середине XIX века первоначально в Чечне и распространившая затем влияние на Северо-Восточном Кавказе. В сущности это было реакционное движение, отвлекавшее горцев от социальной и национальной борьбы⁵⁸. Зикризм и его последователи являлись одними из организаторов и вдохновителей массовой эмиграции горских народов в Турцию⁵⁹. Сын Шамиля Казим-Магом становится главой горской верхушки, возбуждавшей мусульманское население Кавказа против России⁶⁰.

В период военных событий «стараниями особо с этой целью учрежденной в Константинополе под личным руководством султана комиссии»⁶¹ к кавказским берегам была направлена экспедиция во главе с шамилевским отпрыском. Речь идет о 10-тысячном десанте с 50 тысячами скорострельных ружей⁶². В официальных материалах говорится о «существовании обширного заговора, подготовленного фанатиками—муллами и хаджи и турецкими пройсками»⁶³. Есть сведения, что сам турецкий главнокомандующий Ахмет Мухтар-паша через своих агентов старался поднять восстание в Терской области и Дагестане, в чем способствовал ему изменник и авантюрист Мусса Кундухов (он же Мусса-паша), командовавший турецкой дивизией на Кавказском фронте⁶⁴. Готовясь к вторжению в Закавказье, Мухтар-паша заявлял: «Я прогоню русских в их землю, перейду границу и опустошу все, что встречу на своем пути... Я отвоюю от них весь Кавказ»⁶⁵.

Многочисленные факты свидетельствуют о проникновении все-

⁵⁷ В 1872 году в Лондоне вышла его книга «Путешествие по Восточному Кавказу, Каспийскому и Черному морям в 1871 г.», в которой приводятся многочисленные факты, показывающие агрессивные действия Англии на Кавказе. Автор писал о том, что захват черкесских областей «откроет гавани Черного моря для английской торговли» (Цит. по: С. К. Бушуев. Из истории внешнеполитических отношений..., с. 100).

⁵⁸ «История Дагестана», т. II, с. 141—142; С. К. Бушуев. Указ. соч., с. 99—100.

⁵⁹ См.: Ш. В. Мегрелидзе. Закавказье в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., с. 54.

⁶⁰ Казим-Магом Шамиль в 1859 году попал в плен к русским вместе со своим отцом при взятии Гуньба. Он выехал в Турцию в 1871 году с обязательством вернуться, но там объявил себя представителем имама и поступил на службу к турецкому правительству. Казим-Магом, пользуясь своим почетным положением у последнего, постоянно возбуждал среди горцев фанатизм и стремление к уходу из пределов России. Вместе с тем он инспирировал восстания горцев и всячески добивался осуществления плана отторжения Кавказа от России.

⁶¹ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. II), д. 292б, л. 4 об. (Копия секретной записки кн. Святополк-Мирского от 6 февраля 1877 г.).

⁶² Там же.

⁶³ «Материалы...», т. IV, ч. I, с. 21.

⁶⁴ «Иллюстративная история царствования императора Александра II». М., 1904, с. 289.

⁶⁵ Развитие Мухтар-паша — главнокомандующего турецкой армии — русскими. М., 1877, с. 9.

возможных агентов Турции на Кавказ и о их подрывной деятельности. В Баку, Кутанс и Елизаветополь были направлены телеграммы для установления надзора за этими агентами с целью помешать их проникновению к горцам⁶⁶. Англо-турецкие агенты действовали также в Абхазии и Аджарии, стремясь возбудить население выступить против России. В мае 1877 года, на другой день после бегства турецких оккупантов из Очемчиры, русским разъемом был задержан один англичанин, перебивавшийся из этого пункта в с. Окум. Оказалось, что «турки оставили... этого англичанина в качестве шпиона»⁶⁷. А в июле в передовую колонну русских войск приехал корреспондент газеты «Times» Фабрис, который буквально путался под ногами солдат⁶⁸. Кроме того, турецкое духовенство, развивая идею переселения в пределы Турции, распространяло всевозможные воззвания и письма. В одном из них, адресованном грузинам, абхазам, осетинам и другим⁶⁹, внушалось о всеисилии мусульманской религии, о которой «мечтают» другие народы, «о счастье» всякого человека жить на земле падишаха, но, что прежде чем попасть туда, необходимо забыть родину и никогда не сожалеть о переселении, если даже там встретятся невзгоды.

Вместе с тем турецкая эскадра, крейсировавшая у берегов Абхазии и Черноморья, выбрасывала на берег махаджиров, которые, «секретно являлись к своим родственникам, начали готовить среди своих соплеменников почву, пригодную для действия турок»⁷⁰. Одним из них и вообще наиболее активным представителем вражеской агентуры в Абхазии был Озбек Маргания (Маан). Этот коварный абхазский феодал, кстати, внук генерала Каца Маргания, в Турции очутился при следующих обстоятельствах. Дядя Озбека, Тигу Маргания, в присутствии племянника дал взаимный скотопромисленнику Лолуа 1 000 рублей; последнего в тот же день нашли на берегу р. Галидзга с отрубленной головой и без денег; подозрение, естественно, пало на Озбека, и он был заключен в крепость, откуда бежал в Турцию и вскоре стал игрушкой в руках иностранной разведки⁷¹.

Другим лицом, на которого турецкое правительство возлагало большие надежды в деле подрывной деятельности в Абхазии, был полковник турецкой армии Камлат Маргания, сын генерала Каца Маргания и родной дядя Озбека. Еще в феврале 1877 года А. Н. Введенский сообщал, что в случае высадки в Абхазии десанта коман-

66 Ш. В. Мегрелидзе. Грузия в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., с. 24.

67 М. Крыжановский. Последний абхазский бунт, л. 49.

68 [Н. Седелъников]. Турецкая кампания 1877—1878 гг., т. I. М., 1878, с. 306.

69 См. ზ. ჯ. ჯ. აბაძე, ქართველ მკვლევარს დიდი ვადასახლება თამბაქოში...

33. 177-181.

70 Н. Кучинский. К истории выселения абхазцев. — «Русский мир», № 295, 29 октября 1877 г.

71 А. Н. Дьячков-Тарасов, Абхазия и Сухум в XIX столетии... с. 206; «Голос», № 198. 19 июля 1878 г.

диром последнего предполагается сделать Камлата Маргания, для этого он вызывается из Константинополя в Батум, о чем сам Камлат писал Титу Маргания и Александру Инал-ипа. Введенский сообщал и о том, что прибывшему из заграничной поездки Пыж Кодзба⁷² было «поручено склонить абхазцев в пользу турок»⁷³. В одном официальном документе также говорится: «Во время мобилизации в Абхазию, преимущественно в Пицундский округ, проникли турецкие пропагандисты, большею частью абхазские выходцы, и начали волновать народ. Одна часть населения встревожилась этим и просила защиты наших властей...»⁷⁴.

В декабре 1876 года в Абхазию были двинуты войска и закончено формирование так называемого Сухумского отряда, предназначавшегося «для поддержания порядка среди абхазского населения и для отражения мелких неприятельских десантов, имевших целью грабеж прибрежных пунктов или возбуждение... абхазцев»⁷⁵. Принятые «энергичные меры, направленные против эмиссаров, положили конец брожению...»⁷⁶. Активная протурецкая пропаганда велась и среди абхазов, проживавших в Турции, в чем особенно отличались те же Камлат и Озбек Маргания, которые, согласно их заявлению, одновременно завязывают переговоры с Лондоном⁷⁷.

§ 2. Восстание 1877 года в Абхазии

В Абхазии еще накануне русско-турецкой войны 1877—1878 годов назревало всеобщее восстание, военные события лишь ускорили его и весьма осложнили политическую обстановку в крае. Это последнее обстоятельство дало царским властям «основание» говорить об «антирусском бунте» и «измене» всего абхазского народа. М. Крыжановский поспешил даже написать книгу под интригующим названием «Последний абхазский бунт. Очерк событий 1877 г.», хотя она и не увидела света⁷⁸. Восстание 1877 года, несмотря на всю его сложность и на все последующие наслоения, являлось продолжением освободительной борьбы абхазского народа против царского самодержавия. Корреспондент газеты «Голос» подчеркнул, что «уже в то время, несколько лет назад, абхазцы готовы были взяться за оружие... и, обиженные, взяли за него при первом удобном случае»⁷⁹. О том, что восстание в Абхазии на-

⁷² Житель с. Акапа Пыж (Абидж) Кодзба в 1876 году в течение 6 месяцев был в Константинополе с князем Дугу Атей-ипа Маргания в качестве прислуги (ЦГВИА, ф. 960 (гр.), оп. 1, 1877 г., д. 1, л. 3).

⁷³ ЦГВИА, ф. 960 (гр.), оп. 1, 1877 г., д. 1, л. 5-об.

⁷⁴ «Материалы...», т. V, с. 258—259.

⁷⁵ Там же, с. 256.

⁷⁶ Там же, с. 259.

⁷⁷ «Голос», № 199, 20 июля 1878 г.

⁷⁸ Хранится в РО ГПБ, шифр FIV 837.

⁷⁹ Цит. по: «Кавказ», № 182, 1877.

чалось «даже раньше» объявления войны, писала и газета «Тифлисский вестник»⁸⁰. А некий Эдуард 23 октября 1876 года сообщает из Одессы в Москву Валериану Липинскому: «Только что приехал в Одессу. В день отхода парохода из Сухума в этом городе произошел сильный, как говорили, пожар. Сгорело много лавок, до восьми домов и большой мошеннически застрахованный склад вина, с которого и начался пожар. В городе шел слух, что пожар этот должен был служить сигналом восстания, и действительно: человек 70 горцев, вооруженных с ног до головы, налетели, но в скором времени разошлись, не найдя, по-видимому, готового восстания. Жаль, что правительство тогда же не обратило на это внимания!»⁸¹

Начальник Пицундского округа в ноябре 1876 года доносил начальнику Сухумского отдела о том, что в общинах Аацы, Куланурхва, Анухва и Эшсра, «возбуждаемых подстрекателями, укрываемыми населением, проявляются неповиновение и враждебность»⁸². Для поимки указанных лиц и вообще «предупреждения брожения» в данном районе было решено сформировать специальную «партизанскую команду» в составе 80 человек из 3-го и 4-го кавказских линейных батальонов⁸³. Более того, в 1876 году был создан так называемый Сухумский отряд главным образом «для поддержания порядка среди абхазского населения»⁸⁴.

Новое восстание в Абхазии было вызвано прежде всего усилением национально-колониального и социального гнета народа после восстания 1866 года, в особенности крепостническим характером крестьянской реформы. Даже многие абхазские помещики не были довольны «Положением» 8 ноября 1870 года⁸⁵. Каково же должно было быть настроение крестьян — у них «были отрезаны лучшие земли, которые перешли к фамилиям (привилегированным.—Г. Д.)... ненавидимым в Абхазии»⁸⁶. Это обстоятельство еще больше углубляло классовые противоречия между крестьянами и помещиками. Не случайно, что начальник Сухумского отдела генерал П. П. Кравченко в начале войны «в видах предупреждения разбоев, поджогов и грабежей и ограждения личной безопасности и имущества преданных лиц туземного населения», т. е. этих «ненавидимых фамилий», признавал необходимым образовать специальные «летучие отряды» в Пицундском и Очемчирском округах⁸⁷. Другая же задача этих отрядов заключалась в аресте «пропагандистов, контрабандистов и других лиц, прибывающих из Турции без ведомств начальства»⁸⁸.

⁸⁰ См.: «Тифлисский вестник», № 170, 9 августа 1877 г.

⁸¹ ЦГАОР СССР, ф. 109, оп. 3, л. 1169, л. 1; ЦГИАГ, ф. 545, л. 1587, л. 1.

⁸² ЦГВИА, ф. 960 (гр.), оп. 1, 1877 г., д. 2, л. 1.

⁸³ Там же, л. 2.

⁸⁴ «Материалы...», т. V, с. 256.

⁸⁵ А. Н. Дьячков-Тарасов, Абхазия и Сухум в XIX столетии, с. 201 — 206.

⁸⁶ «Кавказ», № 182, 1878 г.

⁸⁷ «Материалы...», т. V, приложения к ч. II, №№ 1 и 2, с. 151 и 153.

⁸⁸ Там же, с. 154.

Истинные причины восстания хорошо понимали уже многие современники. Так, известный грузинский писатель и общественный деятель Георгий Церетели в корреспонденции, опубликованной в газете «Голос» 15 августа 1877 года⁸⁹, т. е. еще в ходе событий, прямо писал: «Абхазцы не могли не восстать. Я не видел и не знаю народа более легального, чем абхазцы; у них свои понятия о правде и справедливости во многих отношениях, но эти понятия глубоко вкорены в абхазских нравах; законность для них — святое дело. А между тем они в последнее время не только были оскорблены в этих именно своих чувствах, но были самым несправедливым образом обманываемы. Для абхаза земельный вопрос — один из самых жизненных, и он-то был решен несправедливо: благодаря многим ходам, о которых говорить теперь не время, у абхазцев были отрезаны лучшие земли, которые перешли к фамилиям, ненавидимым в Абхазии. Уже в то время, несколько лет назад, абхазцы готовы были взяться за оружие; но им было обещано, что дело будет пересмотрено и «ошибки» исправлены; шли годы, а об исправлении ошибок никто и не думал. Абхазцы, оскорбленные и обиженные, давно уже точили ножи и, конечно, взялись за оружие при первом удобном случае. С какой стати положат они теперь?» «Очень может быть, — писал тот же автор, — что причиной восстания был земельный вопрос и что мнение газеты «Кавказ», высказанное по этому случаю, ошибочно»⁹⁰. Но в то же время и в названной газете подчеркивалось, что почва для восстания в Абхазии была подготовлена еще до начала военных событий здесь и что оно «могло быть сюрпризом только для тех, кто, живя в крае, индифферентно относится ко всем слухам»⁹¹. Один из корреспондентов английской газеты „Daily News“ накануне восстания, со слов побывавшего в Адлере очевидца, предостерегал, что «ехать берегом моря к югу невозможно, потому что в Абхазии не сегодня так завтра вспыхнет мятеж...»⁹².

Очень важно и мнение журнала «Отечественные записки» (1878, т. 237, № 3, с. 35—37) на этот счет. «Беззащитность края и волнение наиболее мирного и наполовину христианского племени, которое мы за такое долгое время не могли расположить к себе, и отсутствие дорог в крае ... наводит на грустные размышления об ошибках мирного времени вообще... Те же абхазцы не изменили бы нам, если бы не видели всей нашей слабости... Если мы внимательно всмотримся в причины волнения в Абхазии, то увидим отсутствие такта и умения обращаться с инородцами. Сначала мы

⁸⁹ Статья, к сожалению, не подписана, но не подлежит сомнению, что ее автором является Г. Е. Церетели, который в тот период был специальным корреспондентом «Голоса».

⁹⁰ «Голос», № 226, 25 сентября 1877 г.

⁹¹ А. [Введенский]. Письма об Абхазии. — «Кавказ», № 222, 3 сентября 1877 г.

⁹² «Хроника войны. Свод корреспонденции английской газеты „Daily News“, т. I. СПб., 1878, с. 367.

поддерживали владетельных князей, ласкали их чинами и орденами и поддерживали их авторитет, рассчитывая действовать на население через них, но потом это многократно оказалось несостоятельным... И от деликатных мер мы переходили к репрессивным — к военной силе, отбиранию оружия, к ссылке... Главная причина лежит в нашей экономической слабости...».

Необходимо отметить, что в этот период наблюдался упадок экономической жизни края. Об этом часто писала, например, газета «Дрозда». Так, в статье «В Абхазии страшная бедность», опубликованной в № 451 за 1874 год, говорилось: «Абхазцы сейчас переживают во всем крайнюю нужду». В № 7 за 1876 год мы также читаем: «В хозяйстве народа резкий спад». В 1874 году, например, в Самурзаканском участке, особенно в селах Гудава и Баргеби, многие крестьянские хозяйства пострадали от чрезмерных дождей, а скотоводство по всему краю потерпело значительный урон — погибло от чумы 34 189 голов⁹³. Это повторилось и в 1877 году⁹⁴. Корреспондент газеты «Daily News», который находился в Кутансе, отмечал, что к моменту военных событий в Абхазии «запасы хлеба и прочих съестных припасов почти истощились»⁹⁵. Между прочим, в 1876 году, «вследствие небывалой засухи», в Имеретии, Гурии и Мегрелии урожай пшеницы и кукурузы также «почти весь погиб»⁹⁶, а торговцы вывезли свое имущество и товары на пароходах, что еще больше взвинтило цены⁹⁷. Тяжелое экономическое положение населения края усугублялось разнообразными государственными податями и повинностями: «посемейная подать» на содержание чиновников и земский сбор, сбор на содержание сельских должностных лиц, «натуральные повинности» — содержание в исправности дорог и сообщений между селениями и постройками мостов, снабжение за указанные прогоны проезжающих по делам службы должностных лиц верховыми лошадьми и обеспечение рабочими землемеров при производстве ими межевых работ⁹⁸.

К. Д. Мачавариани сообщает, что 15 апреля 1877 года в местечко Гудаути ворвалась «значительная партия»⁹⁹, состоявшая из одних «бездомных и бескровных абхазцев». Они напали на помещения и лавки торговцев, «беспощадно эксплуатировавших абхазцев». В этот же день местная администрация (местопребывание —

⁹³ ЦГИАГ, ф. 545, д. 986, лл. 7—8 (Отчет начальника Сухумского отдела за 1874 г.); «Кавказ», № 84, 21 июля 1874 г.

⁹⁴ «Сильно пострадало», особенно в 1871 году, и пчеловодство от болезни пчел («Русский мир», № 179, 13 июля 1872 г.).

⁹⁵ «Хроника войны», т. I, с. 267.

⁹⁶ «Тифлисский вестник», № 219, 30 сентября 1876 г.

⁹⁷ «Кавказ», № 268, 31 декабря 1877 г.

⁹⁸ ЦГИАГ, ф. 545, д. 986, лл. 16—18 (Отчет начальника Сухумского отдела за 1874 год).

⁹⁹ Члены Сухумской поземельной комиссии также подчеркивали (1880 г.), что нападение на м. Гудаути жителями с. Лыхны произошло «еще 15 апреля 1877 г., т. е. до вступления в край неприятельских войск» (ЦГИАГ, ф. 545, д. 3103, л. 213).

с. Лыхны) и таможенное ведомство (м. Гудауты) покинули Гудаутский участок. Безуспешной оказалась попытка начальника милиции штабе-капитана Титу Маргания (Маан) казнить «виновных, участвовавших в демонстрации». Во избежание подобных случаев, Маргания обратился к начальнику округа, который командировал в Гудауты своего помощника с сотней вооруженных казаков для ареста «виновных» и наложения штрафа в размере 2 тыс. рублей на жителей селений Лыхны и Куланурхва. Когда от собравшихся жителей потребовали исполнения распоряжения окружного начальника, «в народе послышался общий ропот». Люди были вооружены кинжалами, шашками и палками. События 1866 года еще были свежи в памяти. Надо было действовать «чрезвычайно осторожно». 27 апреля начальник округа самолетно прибыл с двумя сотнями казаков. С куланурхвинских жителей было взыскано 960 руб., с лыхнинских — 1 000 руб., а также были доставлены «виновные» в числе 30 человек. Эта мера еще больше «вызвала неудовольствие абхазцев»¹⁰⁰.

А когда генерал Я. К. Алхазов (Алхазашвили) с войсками 15 мая 1877 года прибыл в с. Джгерда, он получил известие, что партизанский отряд в 200 человек переправился с правого берега р. Кодор на левый и напал на дом князя Шервашидзе в с. Атара. Генерал отправился в это село с двумя батальонами. Но партизаны, которых на самом деле оказалось не более 70 человек, по прибытии войск ушли обратно¹⁰¹. Интересно, что в ряде случаев повстанцы выступали с «значками», т. е. знаменами¹⁰².

Некоторые органы столичной прессы старались объяснить движение в Абхазии едва ли не одними «злоупотреблениями чиновничьего люда». Например, в журнале «Отечественные записки», как мы видели, внимание акцентировалось именно на «отсутствии такта и умения обращаться» с населением¹⁰³. Газета «Тифлисский вестник» также признавала, что в среду населения «пробрались своекорыстные люди, эксплуатировавшие население и подрывавшие таким образом доверие к своему правительству...» Агенты последнего «бесспорно... мало отвечали особым условиям этого края»¹⁰⁴. Георгий Церетели, разоблачавший официальную версию об «измене» абхазского народа, еще раз подчеркивал: «Будем откровенны. В Абхазии... было простое неудовольствие на местную

¹⁰⁰ [К. Д.] Мачавариани. Народные смуты в Абхазии. — «Голос», № 198, 19 июля 1877 г.

¹⁰¹ «Война 1877 и 1878 гг. Т. III. Война в Азиатской Турции». Под ред. г.-м. Зыкова. Вып. II. СПб., 1882, с. 213—214.

¹⁰² «Материалы...», т. V, с. 277.

¹⁰³ «Отечественные записки», 1878, т. 231, ч. 3, с. 36.

¹⁰⁴ «Тифлисский вестник», № 195, 10 сентября 1877 г. Статья «По поводу последних событий в Абхазии».

администрацию, совершенно такое же, какое было в прошлом году, в Зугдидском уезде и в Сванетии»¹⁰⁵.

Что касается религиозного момента, то он играл уже менее существенную роль. Это и дало основание авторам книги «Война 1877—1878 гг...» (т. III, вып. II, с. 203) писать: «По отчетам Общества распространения христианства на Кавказе» между абхазцами не значилось более мусульман. Правда, многие из них числились христианами только номинально, но, во всяком случае, сочувствие их к туркам не могло уже основываться на религиозном фанатизме». «Конечно, — читаем далее, — среди них (абхазов. — Г. Д.), вследствие близости к морю и постоянных торговых сношений с турками, а также на основании прежних общих религиозных верований, особенно после выселения значительной части абхазцев в Турцию, следы прежних связей с турками не могли еще изгладиться окончательно. Тем не менее все это проявлялось настолько уже слабо, что не давало ни малейшего повода сомневаться в их преданности русским. Были еще неудовольствия у них на местную администрацию из-за каких-то земельных недоразумений; но и эти неудовольствия далеко не распространялись на всех русских и тем более не могли служить причиной измены их России». Георгий Церетели прямо писал: «Сочувствие горцев-мусульман к туркам можно всегда объяснить религиозным фанатизмом, но это объяснение неприменимо к абхазцам. С IV века считают они себя христианами...»¹⁰⁶. А. Л. Зиссерман Абхазию называл «далеко не мусульманской страной»¹⁰⁷.

Приведем еще сообщение анонимного автора, относящееся также непосредственно к моменту событий. «...В Абхазии, — писал он, — мусульманский элемент был весьма слаб (мусульманское население составляло в ней едва 30% общего числа жителей; вдобавок, абхазцы были весьма плохими мусульманами, и абхазские муллы с отдаленных времен составляли предмет насмешек для посещавших Абхазию турок). Далее, абхазцы по происхождению не имеют положительно ничего общего с турками; прочно-оседлого турецкого населения в Абхазии, можно сказать, не было — туда прибывали лишь для заработков и для торговли турецкие подданные,

¹⁰⁵ [Г. Е.] Церетели. Письма с Кавказа. — «Голос», № 257, 26 октября 1877 г.

Речь идет о восстаниях крестьян в Сванетии в 1875—1876 гг. и Мигрелии 1876 г. Особенно упорный характер носила борьба в последней, где численность повстанцев достигла 4 000 чел. При его подавлении было убито 18 чел. и ранено 30. (Об этих восстаниях см.: *ს. ანთროპოლოგია, ვ. ვუჩუა. საქართველოს სოციალური უმთავრობის ისტორიული მძაბვ.* თბ., 1967, გვ. 5-59; «საისტორიო მუშაობა. Исторический вестник». თბ., 1945, № 1, с. 129 и сл.). Между прочим, в числе высланных из Сванетии крестьян значатся Казим-булат и Кайсан Шервашидзе.

¹⁰⁶ [Г. Е.] Церетели. Письма с Кавказа. — «Голос», № 257, 26 октября 1877 г.

Характерно, что по отчету «Общества восстановления православного христианства на Кавказе» за 1868 год во всей Абхазии была лишь одна мечеть, в Очамчире, и то для «природных турок — торговцев» (с. 42).

¹⁰⁷ А. Зиссерман. Что же наконец делается в Сухуме? — «Новое время», № 517, 7(19) августа 1877 г.

и то на короткое время и в малом числе. Турки не пользовались в Абхазии и особенною симпатиею; напротив того, вся новейшая история названной страны явно указывает на стремление последней освободиться и от того слабого влияния, которое имела на нее прежде Турция. Этому стремлению надо приписать между прочим и успехи утверждения в Абхазии русского владычества¹⁰⁸. Следует еще раз заметить, что мусульманская часть населения была сосредоточена преимущественно в окрестных селах Сухума (Гума, Эшера, Бырцха, Абжаква, Яштхуа), где всегда было наибольшее количество турок в Абхазии. Сюда же ежегодно приезжало немало людей из Батума и Трапезунда для рыбных промыслов и т. д.¹⁰⁹. Эти элементы, как мы видели, и старались играть активную роль в «упрочении» турецкого влияния в крае.

Уже за два дня до объявления войны «громдными скопищами» повстанцев были отрезаны все сообщения с Сухумским отрядом¹¹⁰. А еще через несколько дней крестьяне устроили нападение на местечко Гудауты. О дальнейших событиях генерал П. П. Кравченко 5 мая 1877 года телеграфировал потийскому коменданту Н. П. Обезьянинову, что «жители Абхазии восстали от Келасури и волнуются до Кодора»¹¹¹. А зугдидского уездного начальника он просил «занять чем возможно Самурзакань»¹¹². В 1877 году поднялось восстание и в Терской области, в частности, в Чечне. Говоря о чеченском восстании, Асланбек Шерипов подчеркивал: «...Мы не могли не восстать, на стороне восставших были все честные, любящие свободу»¹¹³. Крупное движение имело место также в Дагестане. И здесь представители класса феодалов примкнули к движению, стремясь прежде всего вернуть себе былые политические и экономические права, урезанные царизмом; реакционный отпечаток на восстание наложила и протурецкая агитация¹¹⁴.

Эта агитация, развернутая в огромных масштабах как в Абхазии, так и в Закубанье и Дагестане, не имела бы успеха, не будь у народов этих краев веских причин к вооруженной борьбе с царизмом. Нельзя не согласиться с мнением, что в условиях тогдашней абхазской или дагестанской действительности «известный повод» не мог не вызвать восстания. Вместе с тем события в Абхазии должны быть рассмотрены и в связи с теми массовыми крестьянскими выступлениями, которыми была охвачена Грузия в конце 70-х и начале 80-х годов. В ту пору здесь, как и во всей России, сложилась революционная ситуация¹¹⁵.

¹⁰⁸ «Тифлисский вестник», № 195, 10 сентября 1877 г.

¹⁰⁹ «Голос», № 198, 19 июля 1878 г.

¹¹⁰ М. Крыжановский. Последний абхазский бунт. л. 12.

¹¹¹ ЦГВИА, ф. 960 (гр.), оп. 1, 1877 г., д. 1, л. 153.

¹¹² «Съезды народов Терека. 1918 г. Сб. документов и материалов», т. 1. Орджоникидзе, 1977, с. 309.

¹¹³ «Материалы...», т. V, с. 273.

¹¹⁴ «История Дагестана», т. II, с. 150 — 162.

¹¹⁵ Ю. Качарая, А. Киквидзе, П. Ратиани, А. Сургуладзе. История Грузии, II. Тбилиси, 1973, с. 97.

Из сказанного очевидно, что, оценивая характер восстания 1877 года в Абхазии, было бы односторонне безоговорочно заявлять, что им руководили только дворяне, которые были недовольны своим положением; и еще более неверно утверждать, что народ «не понял значения и смысла» крестьянской реформы, до проведения которой через посредство господствующих классов царизм осуществлял свои мероприятия в крае; «не встречая сопротивления со стороны населения», властями «легко поддерживалось спокойствие и порядок». Нельзя, конечно, согласиться и с мнением, что будто абхазские феодалы все без исключения «подстрекали народ против России»¹¹⁶. Между прочим, сам автор этих утверждений, противореча себе, приводит слова генерала П. П. Кравченко, сказанные им перед войной о том, что «недовольство крестьян грозит перейти в прямое возмущение»¹¹⁷.

Таким образом, русско-турецкая война 1877—1878 годов и частичные неудачи царских войск под Карсом, по справедливому замечанию профессора Н. А. Смирнова, послужили лишь непосредственным толчком к восстанию, охватившему в апреле—октябре 1877 года часть Терской и Дагестанской областей и Абхазию¹¹⁸. Дополнительные данные, подтверждающие этот тезис в части Абхазии, будут рассмотрены еще в параграфах о ходе военных операций в крае и насильственном переселении его жителей в Турцию. В связи с изложенным вызывает недоумение отношение к восстанию 1877 года в Абхазии профессора В. А. Парсамяна, который рассматривает его лишь как «мятеж», организованный турками¹¹⁹, что, очевидно, является результатом не критического восприятия версии тенденциозных официальных источников.

§ 3. Военные операции на территории Абхазии

Как уже подчеркивалось, русско-турецкая война 1877—1878 годов была важнейшим эталом внешней политики России второй половины XIX века, связанной с решением Восточного вопроса. Она оказала глубокое влияние на исторические судьбы многих народов, на внешнюю политику великих держав. Цели России сводились к возвращению захваченных султанской Турцией причерноморских земель, ограждению южных границ страны от новой агрессии со стороны последней, отвоеванию для русского флота права свободного плавания на Черном море и усилению своего политического влияния на балканские и те закавказские народы, которые были угнетены Османской империей.

¹¹⁶ Ш. В. Мегрелидзе. Вопросы Закавказья в истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг., с. 8—9.

¹¹⁷ Ш. В. Мегрелидзе. Указ. соч., с. 10.

¹¹⁸ Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе... с. 237.

¹¹⁹ В. А. Парсамян. История армянского народа, кн. 1. Ереван, 1972, с. 271.

Война развернулась широким фронтом на Балканском полуострове и в Закавказье. Закавказский театр военных действий охватил Эриванскую, Тифлисскую, Кутаисскую губернии и восточное побережье Черного моря. Надо сказать, что после Крымской войны Турция успела значительно укрепить свои границы с Россией в Закавказье, протяженность которых превышала 550 километров¹²⁰. Кроме того, Турция к 1877 году располагала довольно солидным военно-морским флотом¹²¹, хотя последний и вступил в войну плохо подготовленным¹²². Турецкая броненосная эскадра состояла из 18 судов, из которых 14 предназначались для боя в открытом море («Махмудиэ», «Нусретие» и др.)¹²³. Одним словом, турецкий флот занимал «одно из видных мест в ряду других морских держав», и это «всего несмотря на крайнее расстройство... финансов и внутренние замешательства» страны¹²⁴. Такое «преимущество на море» Турции было достигнуто, по выражению Синклера, «благодаря глупым английским акционерам»¹²⁵. Тем не менее в целом русская армия в войне 1877—1878 годов, несмотря на переходное состояние вооруженных сил страны¹²⁶ и качественное превосходство вооружения Турции (благодаря интенсивной помощи со стороны Англии и США)¹²⁷, была более передовой, чем турецкая, хотя в ходе войны обнаружился ряд недостатков, которые были обусловлены не столько незавершенностью реформ, сколько общим состоянием правительственной системы и бездарностью командования¹²⁸.

¹²⁰ О состоянии вооруженных сил России и Турции к моменту объявления войны см. в кн.: «Сборник турецких документов о последней войне. Зублету-Хакакик» (СПб., 1879, с. 11—12). Заметим, что ее составитель, Ахмед Мидхат-эфенди, подчеркивал, что в это время Турция имела больше войск, чем Россия. Но на Кавказском фронте численность русских войск составляла 70 тыс., а турецких — 55 тыс. человек. Причем Кавказский действующий корпус, командующим которого являлся генерал М. Т. Лорис-Меликов, состоял из 52 586 чел. при 160 орудиях (В. А. Парсамян, Указ. соч., с. 267; В. И. Ачкасов, А. П. Барбасов, и др. Русско-турецкая война 1877—1878. М., 1977, с. 202).

¹²¹ Русский же Черноморский военный флот ввиду своей слабости (за 6 лет после отмены Парижского договора почти ничего не было сделано для его восстановления) не был в состоянии вести борьбу с военно-морскими силами Турции. Он так же не мог получить поддержку от других своих военно-морских баз, так как черноморские проливы находились в руках турецкого правительства.

¹²² «Война 1877 и 1878 гг.» под ред. г.-м. Зыкова, т. III, вып. II, с. 200; Н. И. Беляев, Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1956, с. 64—65.

¹²³ М. Литвинов. Черное море, с. 199.

¹²⁴ Там же, с. 200.

¹²⁵ Дж. Г. Т. Синклер. Указ. соч., с. 57.

¹²⁶ Военная реформа, начатая Д. А. Милютиним еще в 1862 году, не была завершена. Слабость военной промышленности России замедляла перевооружение русской армии.

¹²⁷ См., например, «Сборник турецких документов о последней войне» (с. 11—12). Составитель его явно умалчивает об этом и старается доказать, что поражение турецких войск было вызвано лишь тем, что они были рассредоточены на большом протяжении и занимали длинную оборонительную линию, тогда как русские могли действовать сосредоточенно на любом пункте (там же, с. 11).

¹²⁸ П. Зайончковский. Д. А. Милютин. Биографический очерк. — «Дневник Д. А. Милютина. 1873—1875». Т. I, М., 1947, с. 48—49.

Ф. Энгельс в письме К. Марксу от 27 мая 1877 года подчеркивал: «Впрочем, организация русской армии до сих пор, по-видимому, действительно оказалась лучше, чем того ожидали...»¹²⁹.

После отмены крепостного права в России, когда страна вступила на путь капиталистического развития, изменения произошли и в русской армии. Она была преобразована в массивную армию буржуазного типа. Это явилось важной вехой в развитии военного искусства.

Если же говорить об общем состоянии Османской империи в 60—70-х годах XIX века, то следует подчеркнуть, что военно-феодальная система по-прежнему сковывала развитие производительных сил страны, хотя в это время и наблюдались некоторые успехи, связанные прежде всего с железнодорожным строительством. По-прежнему для Турции были характерны крайняя отсталость сельскохозяйственного и промышленного производства и, как уже подчеркивалось, финансовое закабаление иностранным капиталом, постоянное превращение страны в аграрно-сырьевой придаток, полуколонию империалистических держав Запада¹³⁰. Причем финансовое банкротство Турции усугублялось тем, что султаны тратили колоссальные суммы на свои личные расходы. Так, официальные расходы на содержание двора при султанине Абдул Азизе (1861—1876) составляли около 41,5 млн. фр.; один только гарем ежегодно обходился казне в 13 435 тыс. фр.¹³¹; пищу готовили ежедневно во дворце на 8 тыс. человек¹³². А расходы американского президента в эти годы составляли всего лишь 124 тыс. фр.¹³³.

Надо заметить, что кавказский театр военных действий и для России и для Турции являлся второстепенным, поскольку исход войны решался на Балканском полуострове, а борьба шла главным образом за выход к Босфору и овладение Константинополем¹³⁴. Александр II, например, в телеграмме от 2 августа 1877 года на имя наместника Кавказа великого князя Михаила Николаевича по случаю очищения Абхазии от турецких войск писал: «Дай бог такой же успех на главном театре действий»¹³⁵. Однако, несмотря на свое вспомогательное значение, Кавказский театр военных действий сыграл большую роль в победоносном завершении войны Россией.

Войска Дунайской армии пересекли линию границы Турецкой империи в Румынии и устремились к Дунаю. Кавказская армия, распределенная между несколькими соединениями (из них так называемый Кобулетский отряд был нацелен на Батум), также перешла турецкую границу — 12(24) апреля — и начала продвигаться

129 К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 34, с. 35—36.

130 Ю. А. Петросян. Младотурецкое движение. М., 1971, с. 95.

131 Н. Югов. Султаны и его двор. — «Крутозор». СПб., 1877, № 18, с. 282.

132 Г. З. Алиев. Турция в период правления младотурок. М., 1972, с. 18.

133 Там же.

134 Л. Г. Бескровный. Русское военное искусство XIX в. М., 1974, с. 309.

135 ЦГАОР СССР, ф. 828, оп. 1, л. 2732а, л. 861.

вперед¹³⁶. Население повсюду встречало русскую армию как освободительницу от векового гнета султанской Турции¹³⁷. Именно такое отношение, как подчеркивалось в газете «Голос», обусловило, например, «благополучный вход» русских войск в Батум¹³⁸. А Англия и Турция этому городу издавна придавали большое значение. Он объявлялся ключом к театру военных действий в западной части Грузии. Маркс еще в 1853 году о значении Батума писал: «Так как Батумская гавань — единственное надежное убежище для кораблей в восточной части Черного моря, то овладение ею Россией лишило бы Турцию последней военно-морской базы на Понте и превратило бы его в исключительно русское море»¹³⁹.

Народы Закавказья встретили войну одобрительно. Это естественно, поскольку они стремились к возвращению в разное время отторгнутых султанской Турцией грузинских и армянских земель. По своим объективным результатам рассматриваемая война «равнозначна буржуазно-демократической революции»¹⁴⁰. Мы уже ссылались на общую оценку В. И. Ленина, данную этой войне, которая по своему характеру была сложным, противоречивым явлением. В статье «Под чужим флагом» он писал: «Основным объективным содержанием исторических явлений во время войн не только 1855, 1859, 1864, 1866, 1870, но и 1877 года (русско-турецкая) и 1896—1897 годов (войны Турции с Грецией и армянские волнения) были буржуазно-национальные движения или «судороги» освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества»¹⁴¹. Кавказские народы немедленно выступили в поддержку русских войск — против общего врага¹⁴². Тщетны, разумеется, старания дореволюционных официальных историков, идеализировавших вообще захватническую политику царизма, отождествляя ее с интересами народных масс, игнорировать значение народов Кавказа в русско-турецкой войне 1877—1878 годов, обойти молчанием вопрос об их боевом содружестве с русским народом. В частности, значительна была роль Грузии и грузинского народа в этой войне. 63 сотни пехих и 39 сотен конных милиционеров — итого 18395 человек из Грузии приняло участие в ней. Было организовано также народное ополчение: в городах и прифронтовых селах вооруженные отряды населения несли военную службу. Всего во время рассматриваемой войны в Грузии за оружие взя-

¹³⁶ См.: «Материалы...», т. V, ч. 1, гл. 2—5.

¹³⁷ Нужно учесть и тот факт, что не далее как в 1875 году в Южной Грузии, например, произошло восстание, которое еще больше подорвало авторитет Турции в этом районе.

¹³⁸ «Голос», № 107. 24 апреля 1882 г.

¹³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, с. 117.

¹⁴⁰ Н. С. Кыпяпина. Внешняя политика России., с. 189.

¹⁴¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 144.

¹⁴² Подробнее об этом см.: Ш. В. Мегрелидзе. Закавказье в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. (Тбилиси, 1972) и «Грузия в русско-турецкой войне 1877—1878 гг.» (Батум, 1955); М. П. Санакоев. Страны боевой дружбы.

лось свыше 25 тыс. бойцов¹⁴³. Кроме того, действующей армией оказывали помощь продовольствием, фуражом, транспортировкой оружия и т. д. Только в 1877 году население Тифлисской губернии выставило 342 467 подвод, 1 441 фургон и 4 582 лошади при соответствующем числе рабочих. Всего же за войну население Закавказья выставило 646 087 подвод, 2 267 лошадей, 8 390 верблюдов¹⁴⁴. Значителен был также вклад горцев Северного Кавказа. Достаточно отметить, что в 1876—1878 годах было привлечено на военную службу из Дагестанской, Терской и Кубанской областей 19 852 чел., хотя царское правительство и не зачисляло горцев на службу в регулярную армию¹⁴⁵.

Несколько забегаая вперед, хочется обратить внимание на то, что в результате русско-турецкой войны 1877—1878 годов к России, в частности, отошло, следовательно, воссоединилась с Грузией, Черноморское побережье от Поти до Макриала (близ Батума). Это были грузинские земли, испытавшие на себе вековой гнет Османской империи. Насильственная ассимиляторская политика последней в Южной Грузии приводила к нивелированию местных, национальных особенностей. Фамилии с грузинскими окончаниями («швили», «дзе») были изменены на «оглы», а названия рек («цхали») переименованы на «су» (Чурук-су, Аджар-су и т. д.); были изменены также на турецкий лад грузинские наименования гор, деревень и пр. Турецкий язык был объявлен официальным языком суда, школы и мечети¹⁴⁶, а к грузинскому языку султанские власти относились презрительно.., как не мусульманскому¹⁴⁷. Разорялись и уничтожались старинные грузинские крепости и монастыри. Для обращения населения в мусульманскую веру, привития им турецких нравов и обычаев применялись также разного рода воздействия экономического и физического характера. Эта политика отуречивания края с самого начала наталкивалась на сопротивление населения¹⁴⁸. Присоединение грузинских земель, являвшееся крупным шагом в осуществлении национальных чаяний всего грузинского народа, вызвало патриотическое движение в среде лучших представителей Грузии — И. Чавчавадзе, А. Церетели, С. Месхи, Г. Церетели и др. Акакий Церетели, в частности, обращаясь к делегации из воссоединенной Южной Грузии, говорил: «Теперь мы видим, что заветы наших предков сохранились в обеих

¹⁴³ Н. А. Бердзенишвили, В. Д. Дондуа и др. История Грузии. Учебник VII—X вл. Тбилиси, 1969. с. 173.

¹⁴⁴ Ш. В. Мегрелидзе. Закавказье в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., с. 98, 102.

¹⁴⁵ Х. А. Акиев. Участие горцев Северного Кавказа в войне 1877—1878 годов. — «Вопросы истории», 1980, № 1, с. 172—173.

¹⁴⁶ Г. Вешапели. Турецкая Грузия. М., 1916, с. 17—18.

¹⁴⁷ [Е. Г. Вейденбаум]. Кавказские этюды, с. 120.

¹⁴⁸ А. К. Баджелидзе. Основные вопросы экономики Аджарии. Батуми, 1973, с. 10—12.

частях Грузии. Это дает нам право говорить, что наш братский союз никогда не исчезал...»¹⁴⁹.

Неожиданно театром военных действий стал и Северо-Западный Кавказ. Вследствие господства на Черном море турецкого флота оказались беззащитными многие портовые города и местечки (Анапа, Новороссийск, Геленджик, Туапсе, Сухум, Поти), где «не было укреплений и где вообще... держали крайне мало войск»¹⁵⁰. Перед самым объявлением войны здесь создалось весьма тревожное положение. Вот что рассказывает М. Крыжановский об обстановке в Поти в первых числах апреля 1877 года. «Город шумно волновался... Общество пароходства и торговли окончательно прекратило свою деятельность, оставив тысячи рук на произвол судьбы. Работала одна лишь Поти — Тифлисская ж. дорога, подвозя ночь и день войска, оружие, припасы и увозя обратно в глубь страны тех жителей, которые были полегкомысленнее и трусливее других. Праздный народ толпился повсюду... одни шумно разговаривали, другие все в слезах отчаяния сидели на своих убогих котомках с вещами, готовые при первом известии о войне бежать в непроходимые леса, которыми так изобилуют окрестности Поти... В таком напряженном состоянии прошла еще одна неделя... Между тем укладка имущества агентства вполне убедила всех, что если не нынче, так завтра непременно будет объявлена война, а поэтому народ взволновался окончательно, более зажиточные стали немедленно уезжать, другие только укладывали свои пожитки, купцы также уложили часть своих товаров и цены на все подняли самые невероятные — действительный признак близкой войны, и совершенно прекращается сообщение с Одессой и другими портами Черного моря, питающими почти весь Закавказский край». Тревога начала оказывать «заметное влияние» и на сельских жителей, которые «совершенно перестали появляться на базар с своими произведениями и жители (Поти. — Г. Д.) стали ощущать недостаток в самых необходимых продуктах»¹⁵¹.

Сухум был «совершенно брошен жителями»¹⁵² и в городе осталась лишь один немногочисленный отряд...»¹⁵³. Население этого единственного города в Абхазии, как и вообще жители Черноморского побережья Кавказа, оказавшись совершенно беззащитными, поспешно эвакуировались, в том числе «многие абхазцы». Люди при этом бросали свой скот и собак, которые потом «стаями бродили по опустевшим прибрежным селениям»¹⁵⁴.

С самого начала открытия военных действий турецкий флот, располагавший абсолютным превосходством, избрал главным рай-

¹⁴⁹ «Восточный вестник», 14 апреля 1878 г.

¹⁵⁰ «Отечественные записки», 1878, т. 237, № 3, с. 35.

¹⁵¹ М. Крыжановский. Последний абхазский бунт, лл. 6—7 об.

¹⁵² Многие жители Сухума переселились в Тифлис («Тифлисский вестник», № 109, 1877).

¹⁵³ М. Крыжановский. Указ. соч., л. 7 об.

¹⁵⁴ «Война 1877 — 1878 гг.», под ред. г.-м. Зыкова, т. III, вып. II, с. 204.

оном своих операций, как и следовало ожидать, береговую линию Кавказа, преимущественно же северо-западную часть Абхазии, которая, как уже подчеркивалось, оказалась наиболее беззащитной. Флот флотом, но и войска, стоявшие здесь, были самые ничтожные: в Черноморском округе, в районе Туапсе — незначительный отряд полковника Шелковникова; в Абхазии (близ Сухума) — 5-тысячный отряд генерала Кравченко, имелись также весьма слабые подразделения в Гудаутах, Очамчирах, Цебельде и других пунктах Абхазии¹⁵⁵; в Поти и на посту Св. Николая (Шекетили, у устья р. Супса) — часть Кобулетского отряда¹⁵⁶. По признанию самого генерала Кравченко, на протяжении указанного отрезка береговой линии не было ни минных заграждений¹⁵⁷, ни сооружений для защиты и обороны, и с началом военных действий «ничто не препятствовало неприятелю делать десанты на любом пункте»¹⁵⁸. Незначительный отряд генерала Я. К. Алхазова, подчиненный начальнику Рионского (Приморского) отряда генералу И. Д. Ослюбжию, размещался в Кутаисской губернии. Небольшие гарнизоны были оставлены в Поти и на посту Св. Николая. В целом же численность войск так называемого Рионского края составляла около 35 000 чел. (Кобулетский отряд — 25 000, Кутаисский — 5 000 и Сухумский — 5 000), отряд Черноморского округа — 4 000, а вместе с резервом 1-й лин. Кубанской области — 12 600 чел.¹⁵⁹

Таким образом, поскольку развитие серьезных военных действий со стороны противника в Абхазии не предполагалось, войска здесь были немногочисленны. В случае появления сильного неприятеля Сухумский отряд должен был отступить к Цебельдинской котловине, так как приморская полоса края, учитывая слабость русского Черноморского военно-морского флота, была признана не-

¹⁵⁵ Сухумский отряд, окончательно сформированный во второй половине декабря 1876 года, «предназначался для поддержания порядка среди абхазского населения и для отражения неприятельских десантов... борьба с серьезными силами противника совсем не входила в ...основные расчеты, вследствие чего численность Сухумского отряда доведена была до возможно меньшего предела» («Материалы...», т. V, с. 256). С началом же военных действий Сухумский отряд был вверен начальнику Сухумского военного отдела генералу П. П. Кравченко «на правах самостоятельного командования войсками». Причем главные силы были сосредоточены в Сухуме под непосредственным командованием самого Кравченко (Там же, с. 261).

¹⁵⁶ ЦГВИА, ф. 485, д. 16, лл. 14—14 об; «Военная энциклопедия», т. 1. СПб., 1911, с. 40.

¹⁵⁷ Берлинский корреспондент газеты «Times» 6 июня сообщал, что прежде чем сделать возможным для турецких броненосцев произвести высадку в Сухуме и в других кавказских портах, были выловлены мины с помощью специальных водолазов, которые, входя в гавань на рассвете, обрезали веревки и отбуксировали мины, в результате чего русские береговые укрепления, лишенные «своей главной защиты, один за другим подпали под власть неприятеля» (Цит. по: «Морской сборник», 1877, т. CLXI, № 7, м. х., с. 52).

¹⁵⁸ «Война 1877 и 1878 гг.» под ред. г.-м. Зыкова, т. III, вып. II, с. 213—214.

¹⁵⁹ [В. Колюбакин]. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. на Кавказе и в Малой Азии, ч. I. СПб., 1906, с. 148—149.

удобной для обороны, но при этом было приказано Сухум не сла-
вать без боя¹⁶⁰.

Потерпев серьезное поражение на Балканах и в Малой Азии, турки решили вторгнуться в Абхазию, рассматривая ее «как удобную базу для действий во фланг... Кавказской армии»¹⁶¹. Над Абхазией и всеми народами Закавказья нависла непосредственная угроза. Действия турецкого флота начались бомбардировкой поста Св. Николая. Утром 20 апреля в Сухуме были получены телеграммы из Поти и Очамчыры о движении вдоль берега турецкой эскадры под командой Ахмед-паши, а вечером того же дня мимо Сухума по направлению к северо-востоку прошло 6 судов¹⁶². Таким образом, главным объектом внимания Турции оказалось Абхазское побережье, где и решено было высадить десант, а затем поднять восстание мусульманского населения всего Кавказского края. Открылся новый фронт.

С появлением турецких войск в Абхазии для охраны тыла Рионского отряда в долину Риони были посланы свежие войска. Отряд, в задачу которого входило дальнейшее наступление на Батум, получает название Кобулетского.

В ночь с 29 на 30 апреля близ Пицунды высадился Озбек Маргания и тайно явился в дом урядника земской стражи Хирипса Маргания, которого он взял с собой на пароход и представил адмиралу Гуссейн-паше. Хирипс заявил, что «держат какой-нибудь совет с абхазцами и просить у них помощи не поможет делу, так как большинство абхазского населения решительно за русских». Поэтому он рекомендовал подвергнуть бомбардировке местечко Гудауты и ближайшее к нему село Куланурхва, на что паша согласился. По распоряжению последнего на берег высадилось до 40 человек, среди которых, кроме Озбека, находились полковник Камлат Маргания и Хаджи Лакербая (Лакрба). Отряд должен был действовать тот час же после сигнала¹⁶³. Обеспокоенные этим событием, представители окрестных сел 30 апреля собрались в Лыхнах. Прискакал и дурипшский дворянин Хусейн Омар-ипа Лакрба, уважаемый в Абхазии человек. Он обратился к народу с речью: «Сердце мое преисполнено предчувствием о близкой опасности Абхазии: она погибнет безвозвратно, если начальник округа не требует из Сухума сюда к нам побольше войск. Абхазцы готовы спрятать свои семейства в горы и стать в ряды русских, чтобы сведенными силами идти против неприятеля; но если начальник округа оставит нас на произвол судьбы, то мы, несчастные, будем

¹⁶⁰ «Материалы...», т. V, приложения к военным действиям Кобулетского отряда, № 1, с. 5.

¹⁶¹ Е. Арнс. Роль флота в войну 1877—1878 гг. — «Военный сборник», 1903, № 10, с. 9.

¹⁶² «Русский инвалид», № 142, 28 июня 1877 г.

¹⁶³ ЦГВИА, ф. 485, д. 16, л. 15; «Материалы...», т. V, с. 264; «Голос», № 198, 19 июля 1878 г.

вынуждены покориться турецкой власти; а потому желательно было бы, и я настоятельно прошу довести мое заявление кому следует!»¹⁶⁴.

Лакрба уговорил переводчика князя Антона Инал-ипа доложить начальнику Пицуидского округа майору К. А. Гаевскому обо всем. Последний явился. Но не успел он выйти к народу, как на Лыхнинскую площадь упала бомба с неприятельского броненосца. Майор Гаевский немедленно покинул Лыхны. Вскоре сюда прибыл Озбек Маргания в сопровождении 25 человек. Хусейн Лакрба решил «остановить дурные замыслы злоумышленников». Он обратился к Озбеку со следующими словами: «Узбек! какой дьявол принес тебя в Абхазию? Какое новое зло хочешь ты еще причинить нам? Неужели мало еще преступлений совершил ты среди нас? Неужели не насытился еще нашею кровью? Мы и без тебя погибнем, а ты еще увеличиваешь нашу гибель. Слезай с лошади и отвечай: что тебе нужно?» Тот в ответ: «Добрый Хусейн! Не мешай нам. Ведь ты знаешь, что Абхазия принадлежит нам; мы должны завладеть ею во что бы то ни стало, на прежних условиях. Оставь меня... Узбек Маргания опять в Абхазии!»¹⁶⁵.

Тем временем полковник Камлат Маргания собрал жителей ближайших сел и с группой князей и дворян пришел к турецкому паше на борт парохода. На вопрос пашы, что думают абхазы делать, ответил все тот же Хусейн Лакрба: «...Мы надеемся, что и вы, как представитель турецкого падишаха, не тронете нас, освободите от всякой повинности и не разорите нашей страны высадкой на берег турецкого войска, чтоб правительство наше не заподозрило нас в переходе на вашу сторону». Когда паша, несмотря на это, все-таки предложил раздать населению оружие, Лакрба настойчиво повторил: «Надеемся, что вы освободите нас от этого воинского призыва»¹⁶⁶.

Этим заявлением были взбешены Камлат и Озбек Маргания, Шератлук (родом из убухов), Беслан Лакрба и их приспешники, которые уверяли турецкого султана о «желании» абхазского населения принять подданство Турции. Сойдя на берег, они обратились к собравшимся абхазам со словами: «Хусейн Лакербай своим нелепым ответом, данному паше, погубил всю Абхазию... Вы должны и обязаны теперь же решиться на предлагаемое; в противном случае — бомбардировка шести броненосцев, наполненных... людоедами, уничтожит нас и все ваши деревни». При этом они уверяли, что в доставке войск и оружия участвовала и Англия¹⁶⁷. Особенно неистовствовал Камлат Маргания. Он уверял, что русские не в состоянии удержаться в Абхазии, и советовал абхазам перейти на

¹⁶⁴ [К. Д.] Мачаварнани. Указ. соч. Народные смуты в Абхазии. — «Голос», № 198, 19 июля 1878 г.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ «Голос», № 199, 20 июля 1878 г.

¹⁶⁷ Там же.

сторону «могущественной» Османской Порты. Когда же жители общины ответили, что они «не могут присоединиться к туркам», Камлат заявил, что, если он пожелает, то в три дня перевезет на 15 судах в Абхазию турецкую армию, после чего русские вынуждены будут покинуть край¹⁶⁸. Даже после таких угроз «большинство... осталось на берегу моря», лишь некоторые отправились на пароходы и приняли оружие от пашы¹⁶⁹. В ночь с 30 апреля на 1 мая турецкая эскадра, которой командовал Ахмет-паша, состоявшая из 6 судов, высадила в Гудаутах десант, по одним данным — 1 000 человек¹⁷⁰, а по другим — 2 000¹⁷¹ и даже 5 000¹⁷². При этом населенный пункт, после обстрела, был совершенно сожжен¹⁷³. Это были в основном махаджиры.

По уверению русской официальной прессы, высадка махаджиров в 1877 году на Черноморском побережье была для царского командования «совершенно неожиданностью»¹⁷⁴. Но не вызывает уже никакого сомнения тот факт, что многие из них были перешедшие сюда обманным путем; они преследовали свою цель: Свидетель событий К. Д. Мачавариани писал по этому поводу: «На броненосце вместе с пашой находилось много абхазцев и черкесов, выселившихся из Абхазии в Турцию в 1864 и 1866 годах. Если черкесы и абхазцы соблазнились идти в Абхазию, то приманкой для них служила сама Абхазия — их родной край; они льстили себя надеждою навсегда остаться на своей любимой родине... Мечты абхазцев были известны и турецким властям; они воспользовались этим и начали щедро одаривать их заверениями и обещаниями относительно их поселения в родном краю. Таким путем нетрудно было их загнать в Абхазию и потом орудовать ими как пешками». А предатель Камлат Маргания и тут проявил свою «изобретательность»: он вызвал жену и мать из Турции, приказав посланным к ним лицам сообщить и соседним черкесам об «окончательном покорении» Абхазии турецкими войсками, за что шейх-уль-ислам провозгласил султана «победоносным»¹⁷⁵.

1 мая в Гудаутах было собрано до 10 тыс. абхазов. Турецкие броненосцы спустили шлюпки и, посадив десант около 400 чел. регулярных войск, высадили их на берег. Затем отчалила от броненосцев шлюпка под красным навесом и раздалось: «Махмуд-паша идет!» Войска выстроились, паша подъехал к берегу, вышел из шлюпки, поклонился собравшимся. Торжественно поднесли ему

¹⁶⁸ «Материалы...», т. V, с. 267.

¹⁶⁹ «Голос», № 199, 20 июля 1878 г.

¹⁷⁰ Телеграмма главнокомандующего Кавказской армией от 1 мая 1877 г. — «Русский мир», № 118, 4 мая 1877 г.

¹⁷¹ «Материалы...», т. V, приложения к ч. II, № 3, с. 156.

¹⁷² Там же т. VII, ч. II, 1911, с. 215.

¹⁷³ ЦГВИА, ф. 960 (гр.), оп. 1, 1877 г., д. 1, л. 119; «Ставропольские губернские ведомости», № 19, 7 мая 1877 г.

¹⁷⁴ См., например, «С.-Петербургские ведомости», № 134, 17 мая 1877 г.

¹⁷⁵ «Голос», № 199, 20 июля 1878 г.

на бархатной подушке, обшитой золотой бахромой, султанский фирман. Войска сделали «на караул». Паша огласил султанский фирман, написанный на русском языке¹⁷⁶. Как сообщает летописец Новоафонского монастыря, манифест призывал абхазское население к войне с Россией. От себя же паша добавил: «С этого времени Абхазия будет занята турецкой властью навсегда, и в Сухуме будет установлено главное турецкое начальство...»¹⁷⁷. Мудала принялся приводить людей к присяге «на верность султану»¹⁷⁸. Затем а два приема было роздано около 45 000 ружей и по 250 патронов на каждое из них¹⁷⁹.

Накануне, т. е. 30 апреля Озбек Маргания в сопровождении группы махаджиров успел побывать в с. Псырцха, а 1 мая — в с. Анухва. Не отставали от Камлата Маргания и другие. Всеюду они уверяли, что «русские больше никогда не вернутся, и все Черноморское побережье будет навсегда турецким»¹⁸⁰.

Между тем в Сухуме 1 мая, как описывал корреспондент газеты «Русский мир», «на набережной шла так называемая мазевка: готовились яствия, самовары кипели, шампанское рекой лилось, провозглашались тосты... словом, веселье в этот день было, так сказать, самое настоящее — и, может быть, это веселье продлилось бы далеко за полночь, если бы не два турецких парохода... появившихся из-за маяка со стороны Гудаут...»¹⁸¹.

Начальник Пицундского округа майор Гаевский пытался организовать оборону в районе Псырцха (Н. Афон), но почувствовав сильный натиск со стороны отряда Озбека Маргания, который тем временем занял все высоты близ Псырцха, вынужден был отступить. По пятам отступавшего Гаевского двигались также Камлат и Озбек Маргания, собрав значительное количество людей. Последний одних лошадей набрал около 300¹⁸². Генерал Кравченко, чтобы «предотвратить распространение мятежа по Гумистинскому участку... и прикрыть Сухум от прорыва к нему» махаджиров, решил занять линию р. Гумиста¹⁸³.

1 мая турецкие суда бомбили Очемчиры, а на следующий день объектом своих действий сделали уже Сухум и устье р. Гумиста, но высадить десант им не удалось¹⁸⁴. В городе были произведены

¹⁷⁶ И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Канонитский монастырь. М., 1838, с. 208.

¹⁷⁷ «Журнал Ново-Афонского Симоно-Канонитского монастыря о важнейших событиях со дня основания его». — Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1а, д. 1/198, лл. 11 — 12 об.

¹⁷⁸ И. Н. Указ. соч., с. 208.

¹⁷⁹ ЦГВИА, ф. 485, д. 16, лл. 15 — 15 об.

¹⁸⁰ «Материалы...», т. V, с. 265; П. Образцов. Из отголосков прошлого (Воспоминания абхазского крестьянина). — СЗМ, № 1, 1 января 1913 г.

¹⁸¹ Н. Кучинский. Из Черноморья. — «Русский мир», № 347, 19 декабря 1878 г..

¹⁸² Ш. В. Мегрелидзе. Вопросы Закавказья..., с. 14.

¹⁸³ «Материалы...», т. V, с. 265.

¹⁸⁴ ЦГВИА, ф. 960 (гр.), оп. 1, 1877 г., д. 1, л. 136; «Русский мир», № 120. 6 мая 1877 г.

значительные разрушения, возник пожар. С наступлением темноты со всех сторон в Сухум вошли махаджиры и повстанцы (около 3 тыс. человек), которые, однако, вскоре оставили его. В ночь со 2 на 3 мая противник снова подверг город обстрелу, и «запылало пол-Сухума»¹⁸⁵, а также создал угрозу в районе Маджарского ущелья, по которому пролегает дорога в Цебельду и Зугдиди. Сюда же, в ущелье, направилось до 8 тыс. повстанцев. Началось восстание и по всему Гумистинскому участку¹⁸⁶. Генерал Кравченко, не принявший в свое время всех необходимых мер, а сейчас еще больше введенный в заблуждение крайне преувеличенными слухами о силах турецких десантных войск¹⁸⁷ и о выступлениях местного населения, отдал приказ об оставлении Сухума. Новоафонский летописец, осуждая поступок начальника отдела, писал: «Кравченко не только не делал никаких приготовлений к защите города, но даже вывел из него войска...»¹⁸⁸. А один из солдат Сухумского отряда жаловался: «Мы просили драться за Сухум с турками, мы не сдали бы его, но нам велели отступить»¹⁸⁹. К. Д. Мачавариани впоследствии, тщательно проанализировав соотношение сил противников и общую обстановку в крае, также с возмущением писал: «Бог весть, для чего было отряду бросать Сухум..., имея столько войск, провианта и боевых припасов, но, видно, наши разведочные силы не соответствовали своему назначению, наводя страх и ужас о многочисленности турецкого десанта... У страха глаза велики...»¹⁹⁰.

Кравченко же, оправдывая себя, доносил: «...Не был город Сухум отдан нами, ибо мы оставили не город, а удалились от его развалин, уже потерявших значение»¹⁹¹. И это заявлял человек, который еще в октябре 1876 года писал начальнику штаба Кавказской армии, что отступление Сухумского отряда «при всех обстоятельствах должно быть признано самой крайнью, самой печальной и самой невыгодной мерой»¹⁹². В действительности, как мы видели, общая численность турецких вооруженных сил в Абхазии на данном этапе войны была невелика, и турецкое командование лишь маневрировало одними и теми же отрядами. Были неправильны и сведения о массовом характере народных волнений в крае. Однако истинная причина отступления Сухумского отряда заключалась не только в неспособности генерала Кравченко и вообще кавказского командования, но и в создавшейся перед войной в Абхазии

185 ЦГВИА, ф. 960 (гр.), оп. 1, 1877 г., д. 1, л. 137.

186 «Русский инвалид», № 142, 28 июня 1877 г.

187 Кравченко полагал от 2 до 5 тыс. человек («Материалы...», т. V, приложения к ч. II, № 3, с. 156), хотя в действительности десант и не превышал 1500 чел. (там же, № 7, с. 159; «Русский инвалид», № 142, 28 июня 1877 г.).

188 «Журнал Ново-Афонского Симоно-Канонитского монастыря», л. 10 об.

189 «Тифлисский вестник», 13 августа 1877 г.

190 К. Д. Мачавариани. Описательный путеводитель..., с. 299.

191 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 48413, л. 27.

192 Там же, ф. 960 (гр.), д. 6, л. 3.

общей обстановке, о которой говорилось выше. При этом следует подчеркнуть, что турецкой агитации поддались главным образом и в первую очередь те крестьяне, которые ранее являлись подвластными прибывших из Турции абхазских феодалов-махаджиров. А эти последние, как и туркофильские элементы в самой Абхазии, делали все, чтобы поднять крестьян на помощь турецким войскам.

Тем не менее турецкий паша в Сухуме не нашел почти никого, например, из тех вооруженных абхазов, которые были отправлены сюда из Гудауты. Как выяснилось, «большая часть их, по получении оружия, разошлись по домам»¹⁹³. Возбешенный таким поведением населения, паша немедленно вызвал к себе Камлата Маргания и отправил его в с. Лыхны «со строжайшим приказанием о немедленной явке абхазцев к указанному месту». Камлат «сразу заметил, что абхазцы вовсе не расположены идти в Сухум». Тогда он от имени турецкого командования потребовал, чтобы каждый из двух дворов выставил одного человека, обязанного сражаться в рядах турецких войск. «В противном случае, — угрожал изменник, — турки перестанут воевать с русскими и, вернувшись к абхазцам, одну часть из них вырежут, а другую — отведут в Турцию для вечных работ и страданий»¹⁹⁴. Очевидец событий Н. Ладария в своих воспоминаниях рассказывает, что паша, принуждая абхазов присягать султану на верноподданничество и приказывая им воевать с русскими войсками, сам гнал людей на фронт, в том числе и его отца Уасила (Василия)¹⁹⁵. При этом их заставляли «стоять впереди»¹⁹⁶. 10 мая турки высадили десант у Гагры, а 11 мая в Адлере были высажены махаджеры, по некоторым данным, около 3 тыс. человек¹⁹⁷. Отряд Шелковникова отошел к Сочи. Но, получив отпор, турки отказались от плана продвижения в этом направлении.

В рассматриваемых событиях, как выяснилось, турецкое правительство делало ставку главным образом на местное население, всячески пытаясь натравить его на Россию. Таким образом, «не военные события, — говорится в официальном материале, — а незнание условий борьбы с нами на Кавказе и неоправдываемая историей прошлых войн надежда на поголовное восстание кавказских мусульман при первой неудаче нашей на восточном берегу Черного моря могли побудить турок на новую абхазскую экспедицию и довести ее до значительных размеров»¹⁹⁸.

Надо сказать, что неожиданное оставление Сухума встревожило кавказцев и особенно население Западной Грузии, тем более,

¹⁹³ «Голос», № 199, 20 июля 1878 г.

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Н. Ладария. На заре моей жизни. — «Исторический вестник», 1891, № 46, октябрь, с. 112.

¹⁹⁶ «Голос», № 199, 20 июля 1878 г.

¹⁹⁷ «Мирское слово», № 20, 14 мая 1877 г.

¹⁹⁸ «Материалы...», т. V, с. 260.

что еще до этого распространялись ложные слухи, что русское командование намерено оставить всю Кутаисскую губернию и укрепиться на Сурамском перевале. Беспокойство это было настолько сильным, что жители Имеретии, Турции и Мегрелии обратились к предводителям дворянства с просьбой выхлопотать им у правительства оружие для обороны края¹⁹⁹.

В Константинополе же события в Абхазии вызвали необычайное ликование, они рассматривались как предвестники всеобщего восстания на Кавказе. Султан Абдул Хамид II в связи с этим, как уже говорилось, присвоил себе титул «непобедимого», а один из его военачальников, Шевкет-паша, был объявлен «славным полководцем»²⁰⁰. Как сообщал корреспондент «Кельнской газеты», в Турции наспех сочинили «патриотическую» драму «Взятие Сухум-Кале», которая столь же поспешно была поставлена в столичном театре «Гедин»²⁰¹. Между прочим, вскоре после изгнания турецких войск из Сухума другой корреспондент писал: «Итак, в эту роковую ночь (с 19 на 20 августа. — Г. Д.) османы сняли с своего султана наименование «победоносного» и теперь, по всей вероятности, в Константинополе появится драма «Сдача Сухума и бегство турок»²⁰². Эти события получили широкий отклик и в других странах — «вся Европа говорит» о высадке махаджиров²⁰³. Особенно «английская пресса ликует»²⁰⁴. Например, газета «Morning Standard» убеждала, что с появлением турецких броненосцев у берегов Сухума вспыхнуло «всеобщее возмущение горцев, называлась при этом и «конкретная» цифра — 10 тыс. «вооруженных людей». И это когда «едва турки успели первый шаг сделать на русский берег!»²⁰⁵. В газете «Standart» за 5 декабря 1877 года была опубликована статья, в которой говорилось: «Высадка 6 000 турок в Сухум-Кале подняла [бы] такое возмущение на Кавказе, что вся сила России оказалась недостаточною для его усмирения. Высадка 50 000 британских войск в союзе с турецкими, вполне снабженных деньгами и оружием для раздачи жителям, поднимает такую бурю, которая сметет Россию не только в Армении, но и из всего Закавказья»²⁰⁶.

Однако были и такие иностранные газеты и журналы, которые с самого начала признавали полный провал попытки организации «всеобщего восстания» кавказских народов. Так, агентство Рейтер сообщало: «Надежда, что взятие Сухум-Кале повлечет за собой

199 **Церетели.** Письма с Кавказа. — «Голос», № 257, 1877 г.

200 Там же.

201 «Русский мир», № 215, 10 августа 1877 г.

202 «Тифлиссский вестник», № 191, 4 сентября 1877 г.

203 «С.-Петербургские ведомости», № 134, 17 мая 1877 г.

204 Там же.

205 См.: «Петербургская газета», № 75, 12 мая 1877 г.

206 Цит. по: А. И. Иванов. Национально-освободительное движение в Чечне и Дагестане. — «Исторические записки», 1941, № 12, с. 188.

поголовное восстание на Кавказе, оказалась тщетною...»²⁰⁷. В этом отношении особенно показательны статьи американца Иеремии Куртина, помещенные в английском журнале „Daily News“, которые затем по просьбе автора были опубликованы на страницах газеты «Тифлисский вестник». О тех, кто имел превратное представление о кавказских народах, Куртин писал: «Они, наверное, воображают, что имя Кавказа дано стране, населенной неопределенным множеством храбрых и предприимчивых горцев магометанского вероисповедания, любящих Турцию и ненавидящих Россию, что эти горцы, поработанные русскими, только и ждут своего политического и религиозного освобождения с помощью своих единомышленников. Такие мысли могут быть у лиц, составивших представление об Абхазии только по сообщениям лондонских газет»²⁰⁸. А знал Куртин Абхазию «в совершенстве», так как перед войной он в ней проживал и «все время бывал в близких сношениях с самыми значительными людьми из абхазцев». Для него было «очевидно совершенное отсутствие... верных сведений» в громких газетных описаниях турецких «побед» в Абхазии и на Кавказе вообще. Он не сомневался в том, что «Абхазия не дает врагам России доступа ни к какой сколько-нибудь важной позиции и решительно не может иметь никакого влияния на течение русских «военных дел». «Нынешнее турецкое вторжение, — заявлял Куртин, — такое же безумие, каким было оно и в Крымскую кампанию»²⁰⁹. Событиям в Абхазии не придавали большого значения и многие английские корреспонденты, считая, что они не могли оказать серьезного влияния на ход войны. Вот что писал по этому поводу А. Л. Зиссерман: «Очищение турками Абхазии считается... не имеющим для нас особого значения; были даже такие, которые находили это полезным в том отношении, что находящиеся в Сухуме несколько тысяч турок отвлечены от других пунктов войны... Такие мнения совершенно ошибочны: пять-шесть тысяч турок на театре войны в Болгарии или даже у Карса никакого особого значения не могут иметь — тем более, что не будь их в Сухуме, и нам не пришлось бы держать особого отряда, тоже в пять-шесть тысяч человек., а все это, выраженное цифрами, составляет не менее одной целой пехотной дивизии, удержанной по сию сторону Кавказского хребта, вместо того, чтобы быть в составе хоть бы Эриванского отряда и дать совсем другой оборот всей кампании в Малой Азии»²¹⁰.

Товарищ министра иностранных дел России Н. К. Гирс в письме на имя русского генерального консула в Рагузе А. С. Ионина от 23 мая 1877 года подчеркивал: «Высадка турок в Сухум-Кале est in petit désagrément, который особенно дурных последствий иметь

207 Цит. по: «Новое время», № 444, 26 мая 1877 г.

208 Цит. по: «Тифлисский вестник», № 114, 31 мая 1877 г.

209 Там же, № 111, 27 мая 1877 г.

210 А. Зиссерман. Что же делается в Сухуме?

не будет, да и не может»²¹¹. А в письме Н. П. Игнатьеву он также заявлял: «Как ни печальны наши там неудачи, но мне кажется, что их нетрудно исправить»²¹².

Такого же мнения был и немецкий историк В. Рюстов, который не допускал мысли о всеобщем антирусском восстании кавказских народов в пользу Турции. Опыт экспедиции Омер-паша во время Крымской войны он считал достаточно наглядным для такого вывода²¹³. Рюстов вместе с тем подтверждает шумиху, которая, как мы видели, была поднята в Константинополе по случаю падения Сухума, — факт, который «в фантазии» турок «принял невероятные размеры». Сам султан окрестил участников этого дела «победоносцами». Главное же, уже 17 и 18 мая 10 больших транспортных кораблей отбывают из столицы Турецкой империи с войсками, оружием и обмундированием²¹⁴.

Действительно, Порта решила развить достигнутый в Абхазии «успех», направив в Сухум регулярные войска, снабженные оружием, амуницией и боеприпасами. Главный начальник экспедиционного корпуса Фазли-паша, султанский уполномоченный и «повелитель правоверных», обратился немедленно ко всем мусульманам восточного берега Черного моря с прокламацией, в которой уверял, что падишах со времени своего вступления на престол «не переставал заботиться о положении братьев его мусульман в горах Кавказа» и, имея «верные сведения о страшных жестокостях москвитян», он, оказывается, «никогда не имел ни сна, ни покоя, и выжидал только время и случая». Султанский посланец призывал горцев присоединиться к турецким войскам и «быть заодно с мусульманами»²¹⁵. Многие иностранные газеты и в этом случае весьма приукрашивали картину. Так, „Agence Navas“ сообщала из Константинополя, что в Сухум отправлено 4 больших транспорта, 4 панцирных фрегата и вестовой пароход с 10 тыс. человек, пятью батареями и 50 тыс. ружей²¹⁶.

Высадка турецких войск в Сухуме и Адлере²¹⁷ имела важное стратегическое значение для противника и в том смысле, что она ставила Рионский отряд, действовавший в Батумском санджаке под командованием генерала И. Д. Оклобжю, в затруднительное положение, поскольку это происходило в его тылу²¹⁸. Но в то же время «турецкая экспедиция» связала часть оттоманского флота

²¹¹ «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (сб. документов), т. 2, М., 1964, с. 97, № 67.

²¹² Там же, с. 144, № 110.

²¹³ W. Rüstow. Указ. соч., с. 164—165.

²¹⁴ Там же, с. 164, 166.

²¹⁵ Н. П. Короленко. На берегах Абхазии. — «Военный сборник», 1891, № 8, с. 3334.

²¹⁶ «Одесский вестник», № 109, 24 мая 1877 г.

²¹⁷ Как уже отмечалось, турецкие войска 10 и 11 мая высадились в Гагры и Туапсе, а отряд полковника Шелковникова отошел к Сочи.

²¹⁸ «Война 1877 и 1878 гг.», под ред. г.-м. Зыкова, т. III, вып. II, с. 211.

и оттянула значительные сухопутные силы от наиболее важных пунктов²¹⁹.

Комендантом Сухума был назначен Нузирв-паша. Как сообщала венская газета „Presse“, ему было «велео обратиться к абхазцам с воззванием»²²⁰, а корреспондент газеты «Русский мир» из Константинополя сообщал, что в Сухуме турки намереваются завести свою администрацию и отправляют в эту «будущую столицу турецкого Кавказа» одного сановника в качестве губернатора; посылают они туда также до 2 000 красных фесок, чтобы абхазы их носили вместо кавказских папах²²¹. Кроме того, турки, стремясь «прочно утвердиться в занятом пункте», срочно «укрепляют его привезенными пушками»²²². А флот их продолжает жечь прибрежные селения на протяжении около 150 верст, от мыса Адлера до Очемчир²²³.

Одновременно турецкое правительство наводняет Абхазию служителями аллаха. В Очемчирах, например, находилось высокое турецкое духовное лицо (кази, кади), который ежедневно, при восходе и закате солнца, пронзительным голосом призывал «правоверных» к молитве. Кстати, голос этот вскоре замолк: его обладатель был убит русскими разведчиками во время одной из ночных операций²²⁴. Турки в то же время развернули большую пропаганду среди абхазского населения. Приглашая абхазов стать на их сторону, они обещали им «расширить Абхазию до г. Анапы; в случае же отказа грозили им окончательным разорением». Турецкие пропагандисты «очень щедро наделяли» население «политическими новостями самого животрепещущего и победоносного характера»²²⁵. По непосредственному указанию султана, в Абхазию срочно было переброшено несколько тысяч экземпляров корана²²⁶. Распространялись слухи, что якобы Керчь, Севастополь и Одесса и даже Тифлис «взяты» турками и турецкие войска, «не встречая нигде препятствий», победоносно уже «приближались» к самому сердцу России — Москве²²⁷. В то же самое время турецкие оккупанты грабили Сухум, увозя материальные ценности в Константинополь, з чем был уличен, например, султанский адъютант Али-бей²²⁸.

После падения Сухума идет беспорядочное отступление в труднейших условиях в сторону Цебельды Сухумского отряда, жителей города и окрестных селений (греческих и болгарских), бросив-

219 «Новое время», № 516, 6 августа 1877 г.

220 Цит. по: «Русский мир», № 154, 10 июня 1877 г.

221 «Голос», № 195, 21 июля 1877 г.

222 Там же, № 147, 8 июля 1880 г.

223 «Новое время», № 433, 14 мая 1877 г.

224 «Голос», № 185, 15 августа 1877 г.

225 Н. Кучинский. Указ. соч. — «Русский мир», № 295, 29 октября 1877 г.

226 «Голос», № 139, 30 июня 1877 г.

227 Н. Кучинский. Указ. соч.

228 «Голос», № 139, 30 июня 1877 г.

щих на произвол судьбы все свое имущество²²⁹. В этой суматохе, в частности, погибли имущество и дела горской школы и женской прогимназии²³⁰. «Вся эта масса народа, — сообщал кутаисский генерал-губернатор в Кавказский комитет, — лишена имущества и осталась при одном носильном платье; долгое скитанье, сопровождающееся всевозможными лишениями, породило между ними болезни»²³¹. Забота со стороны правительства была проявлена лишь по отношению к имущему классу. «Между тем, — читаем мы в книге «Война 1877 и 1878 гг...» (под ред. г.-м. Зыкова, т. III, вып. II, с. 207), — целые роты попадались, говорят, для конвоирования имущества отдельных личностей и брались целые батареи для их охраны». 4 мая Сухумский отряд расположился лагерем в с. Ольгинском, где находились провиант и боеприпасы. Он занимал линии рек Келасури и Кодора и Цебельду. Замкнувшись в Цебельде и располагая ничтожными силами на Кодоре, администрация и командование утрачивали всякую власть над Бзыбской Абхазией с ее 32-тысячным населением. Открывался свободный доступ к побережью на пространстве между Гаграми и Кодором при «полной необеспеченности положения» в Абжуйской Абхазии. Мало того, сам отряд, лишенный выхода на Северный Кавказ и фактически к Кутаису, представлял собой приманку для противника, который имел возможность высадиться в районе Очемчир, т. е. отрезать войска Самурзаканского участка и таким образом поставить генерала Кравченко в критическое положение²³².

Неприятельские суда на протяжении от Адлера до Очемчир продолжали активно бомбить и жечь населенные пункты и высаживать десанты. На рассвете 6 мая два турецких парохода подошли к Очемчирам и, обстреляв берег, высадили около 500 махаджиров и повстанцев из Гудаут. Жители ближайших селений не дали туркам «своего прямого согласия на отпадение» от России²³³. Тогда турецкие войска местечко Очемчиры сожгли дотла. Правительственные телеграфные станции в Сухуме и Очемчирах и станции Индоевропейского телеграфного общества в Гаграх и Гудаутах были сожжены неприятелем, а прибрежный участок телефонной линии того же общества уничтожен на значительном расстоянии²³⁴.

10 мая поступил приказ об отступлении Сухумского отряда из с. Ольгинского на правый берег р. Кодора. На помощь к нему были двинуты форсированным маршем отряды: из Орпири — генерала Алхазова (Кутаисский отряд); из Кубанской области — полковника Бабича (Марухский), для занятия перевалов; из Сочи — начальни-

²²⁹ «Отечественные записки», 1878, т. 237, № 3, с. 34; Ш. В. Мегрелидзе. Грузия в русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Батуми, 1955, с. 79.

²³⁰ ЦГИАГ, ф. 433, оп. 1, д. 193, лл. 7, 18.

²³¹ ЦГИАГ, ф. 5, оп. 2, д. 4148, л. 33. — Ш. В. Мегрелидзе. Указ. соч., с. 79.

²³² «Материалы...», т. V, с. 271—272.

²³³ Там же, с. 275.

²³⁴ «Русский инвалид», № 102, 21 мая 1877 г.

ка Черноморского округа полковника Шелковникова. Однако эти части, по образному выражению современника, «шли дольше, чем пруссаки к Парижу»²³⁵. А трагедия отряда генерала Кравченко, за плечами которого была печальная «сухумская катастрофа», продолжалась. Отступать надо было по трудному горному пути, причем быстро, так как был распространен очередной ложный слух о высадке крупных сил противника в Очемчирах, которые могли перерезать отряду дорогу. Был избран путь через Багадский мост (выше Наа), знаменитый «Чертов мост», длиной в 28 шагов и шириной в два шага. Он был перекинут с одного выступа скалистого берега на противоположный выступ, на высоте 8 саженей над рекой Кодор. Мост был сооружен из двух бревен и плетеного настила, а концы бревен были прикреплены виноградными лозами к деревьям, растущим на берегах реки²³⁶. Переход совершался под проливным дождем и выстрелами повстанцев, преследовавших отряд с самого начала его движения. После перехода войск, 16 мая, мост был сожжен²³⁷.

Часть отряда генерала Алхазова (Алхазашвили) уже находилась в с. Атара, расположенном на левом берегу Кодора. Измученный отряд Кравченко, передохнув близ с. Джгерда, взял курс на Окум, место расположение главного штаба русских объединенных отрядов. Войска Алхазова из с. Атара двинулись по нижнему течению Кодора к с. Адзюбжа. Здесь 18 мая произошло жестокое сражение, при котором был убит командир 1-й Кутаисской пешей дружины подполковник С. Д. Микеладзе²³⁸. Между прочим, в эти дни был убит и «предводитель неприятельской партии» Эдирбей Цамбаев (Цамба, Цанба)²³⁹. Главникокомандующий Кавказской армией телеграфировал: «Настроение жителей благоприятно; ближайšie к отряду селения выдают ружья с патронами и присылают доверенных и заложников»²⁴⁰. Этим событием были обеспокоены махаджирские руководители и местные феодалы протурецкой ориентации. Последние «сильно хлопотали» перед правительством султана о помощи, в противном случае угрожая поголовно сложить оружие и опять признать русскую власть. Ультиматум заставил турецкое командование, ограничивавшееся до сих пор стрельбой с броненосцев, 13 июня высадить десант в Сухуме и Очемчирах — около 8 тыс. человек регулярного войска, состоявшего из турок и арабов²⁴¹. Но тем временем на берегу реки Маркула, близ селения Моква, собрались основные русские войска — соединившиеся Сухумский и Кутаисский отряды. Последний к тому времени был

²³⁵ «Отечественные записки», 1878, т. 237, № 3, с. 34.

²³⁶ «Война 1877 и 1878 гг.» под ред. г.-м. Зыкова, т. III, вып. II, с. 211.

²³⁷ «Журнал Ново-Афонского монастыря», лл. 14—21.

²³⁸ «Материалы...», т. V, с. 296—303.

²³⁹ «Кавказ», № 107, 4 июля 1877 г.

²⁴⁰ «Русский мир», № 136, 23 мая 1877 г.

²⁴¹ «Голос», № 144, 5 июля 1877 г.; «Тифлисский вестник», № 150, 13 июля 1877 г.

расформирован и его части вошли в состав Кутаисского отряда, переименованного в Ингурский отряд²⁴². Начальником его был назначен генерал Алхазов²⁴³. Вскоре отряд двинулся к с. Поквеш и занял «неприступную позицию». Развернулись упорные бои на многих участках, во время которых особенно отличились начальник отрядной кавалерии полковник Григорий Шервашидзе, Самурзаканская милиция и 1-я Кутаисская пешая дружина²⁴⁴.

Турецкие войска стремились, завладев с. Поквеш, прорваться к Окуму — центру Самурзаканского приставства и таким образом отрезать данный район, с чем была связана потеря Мегрелии²⁴⁵. 13 июня турецкие суда обстреляли русские позиции у с. Илори. Но 15 июня русские войска перешли в наступление. Переправившись через р. Галидзга, они прогнали противника за Очемчир. «Бой был жаркий». В нем участвовали «регулярные турецкие и египетские войска», а также махаджирь²⁴⁶. 24 июня последние проникли в села Гуп и Ткварчели, что лежат за р. Галидзга, и раздали их жителям оружие и «заставили присоединиться к себе». Но на другой день сюда была направлена колонна Алхазова, которая после 11-часового боя взяла село Ткварчели «и сравнила его с землей». 1 июля русские войска переправились через Галидзгу, близ с. Поквеш, и местность между указанной рекой и Моквой была «очищена от восставших абхазцев». Причем еще 9 июня в с. Моква в плен попал князь Хирис Маршанья — «чрезвычайно влиятельная личность по эту сторону Кодор»²⁴⁷. «Примерные наказания» осуществлялись повсюду. Колонны «в строгости исполняли» данные им предписания «действовать энергично, ежесть все находящиеся на пути деревни, истребить имущество инсургентов и обратить захваченный скот в свою пользу». Несмотря на «сильные завалы и упорную оборону», «неприятель» везде был разбит и отброшен с большим уроном. После «примерного наказания» генерал Алхазов обратился к «мятежным абхамам» с воззванием, вследствие чего 250 жителей сел Гуп, Патгу, Ткварчели и Эшкыт «изъявили покорность»²⁴⁸.

Особо следует отметить отчаянное действие жителей села Джгерда, главной целью которых было «врубиться в самый ла-

242 ЦГВИА, ф. 485, л. 97, л. 10 об.

243 Генерал Кравченко еще до этого был отозван в Тифлис. Несколько позже начальником Сухумского отдела на короткий срок стал генерал Б. М. Шелковников (КК, 1877, с. 153).

244 Подробисе об этом см.: «Материалы...», т. V, с. 303—307, 322—338; «Голос», № 144, 5 июля 1877 г.

245 «Кубанские областные ведомости» (Екатеринодар), №№ 24 и 25, 18 и 25 июня 1877 г.

246 [Н. Седельников]. Русская кампания 1877—1878 гг., т. I. М., 1878, с. 304; «Тифлисский вестник», № 170, 9 августа 1877 г.

247 «Война 1877 и 1878 гг.» под ред. г.-м. Зыкова, т. III, вып. II, с. 218—219; «Материалы...», т. V, с. 219, 339—348.

248 «Тифлисский вестник», № 164, 31 июля 1877 г.

герь» противника. Их предводителем был некий Званба, «служивший некогда в Петербурге». Однако повстанцы потерпели жестокое поражение, о чем свидетельствовали «буквально окровавленные олушки леса и кустов». Газеты сообщали и о «неурядицах между абхазцами и турками»²⁴⁹.

Видя критическое положение махаджиров, турки начали на сулах, прибывших из Батума, высаживать регулярные войска в Очемчиры. Этот пункт они укрепили довольно сильно: вырыли рвы, устроили целые системы всевозможных заграждений, лес был вырублен на ружейный выстрел²⁵⁰. Упорные боевые действия шли на различных участках в течение 8—20 июля. В них были втянуты и жители ряда селений. В документах часто фигурируют Поквеш, Джгерда, Илори, Меркула²⁵¹.

17 июля броненосец «Махмудиэ» под непосредственным командованием адмирала Фазли-паши в продолжение двух часов вел артиллерийскую перестрелку с русской батареей у м. Очемчиры (в броненосец попало 15 снарядов) и высадил на берег один батальон²⁵². Но опасаясь окружения, 19 июля турецкие войска, кстати, страдавшие от «острых болезней»²⁵³, внезапно оставили Очемчиры. «Повсюду видны были следы поспешного их отъезда, растерянные вещи, брошенные снаряды, мертвые тела, не преданные земле...»²⁵⁴. Противник занял укрепленную позицию в Драндском монастыре. Генерал Д. И. Святополк-Мирский писал в телеграмме на имя наместника Кавказа: «Но теперь нужно заставить самих абхазцев выгнать их из Сухума и всей Абхазии»²⁵⁵.

Отряд Яковича из Меркульского лагеря также направился к р. Кодор и расположился в с. Лабра. Повстанцы Абжуйской Абхазии сложили оружие. Лучшая часть мобилизованной турками «абхазской молодежи легла на поле брани», а остальные разбежались по домам. Угрозы турок о новых взысканиях и штрафах и т. д. «уже более не могли подействовать на абхазцев. Они, после катастрофы, остались немymi ко всяким грозным воззваниям». Видя такое положение, Шевкет-паша приказал отобрать у населения оружие. Однако «абхазцы отказались возвратить оружие». В связи с этим над Камлатом Маргания, как «распоряжавшимся абхазцами», нависла угроза. Паша начал даже подозревать его в измене. К тому же стало известно, что Хириле Маршания, на которого турки возлагали большие надежды, попал в плен к русским. Камлат, спасая свою шкуру, уговаривал пашу «во что бы то ни стало

²⁴⁹ См., например, «Тифлисский вестник», № 170, 9 августа 1877.

²⁵⁰ Там же, № 193, 7 сентября 1877.

²⁵¹ «Война 1877 и 1878 гг.» под ред. г.-м. Зыкова, т. III, вып. II, с. 219—220; «Материалы...», т. V, с. 348.

²⁵² «Times», 6 августа 1877 г. — «Морской сборник», 1877, т. CLXII, № 9, м. х., с. 59.

²⁵³ Этим болезням были подвержены и русские войска; количество больных в Ингурском отряде достигало 25 проц. («Голос», № 173, 3 августа, 1877).

²⁵⁴ «Голос», № 185, 15 августа 1877 г.

²⁵⁵ ЦГВИА, ф. 485, д. 104, л. 116.

выселить абхазцев в Турцию и тем показать султану, что, если не успели окончательно завоевать Абхазию, то, по крайней мере, представили турецкому правительству новых воинов, годных для кавалерийской службы»²⁵⁶.

15 июля от имени паша абхазскому населению было объявлено о поголовном их переселении в Турцию. Абхазцы протестовали: «Что вы делаете с нами? Вы первоначально объявили о водворении нас в Абхазии, на прежних условиях нашей жизни, и об освобождении от переселения в Сибирь русским правительством, а в настоящее время выходит совершенно другое. Мы вполне довольны были русскими и обстановкою своей жизни; если же и соблазнились идти с вами против русских, то этот соблазн был вызван обещанием раздать нам земли в том количестве, в каком мы прежде пользовались, и, сверх того, возратить из Турции к нам абхазцев, наших кровных родственников, выслевшихся в 1864—1866 годах. Как скоро все это не оправдалось, мы ни под каким видом не согласимся выполнить требование паша»²⁵⁷. В ответ выступил паша со следующей провокационной речью: «Русские давно решились уничтожить вас. Для этого им нужно было отыскать какой-нибудь законный предлог. Предлог этот теперь им представлен в вашем возмущении, а поэтому они неминуемо разорят вас и вообще всю Абхазию и ниже семи лет никого не пощадят; словом, вырежут вас поголовно. Ввиду этого я признаю выгодным и лучшим переселить вас в Турцию»²⁵⁸. Когда абхазы не откликнулись на это предложение, паша приступил к выселению мусульманской части населения, а к христианскому населению послал того же Камлата Маргания. «Трудно было склонить абхазцев-христиан на сторону турок; но Камлат Маргания, кроме страшных угроз, делаемых им от имени своего правительства, и представления опасней, якобы ожидающих их со стороны русских, прибегал к таким коварным мерам, что устоять против них трудно было абхазцам»²⁵⁹.

Этот турецкий агент успевал в один день побывать в 5—6 селах. Камлат и подобные ему лица распускали слух, что только что прибывший броненосец из Константинополя привез 20 000-е или 30 000-е войско, хотя, по сообщению К. Д. Мачавариани, численность турецкого войска в Абхазии в это время не превышала 10-12 тыс. человек. Броненосцы выпускали значительное количество снарядов как по направлению к берегу, так и в противоположную сторону, в открытое море, чтобы этим еще больше воздействовать на жителей. Если же броненосцы где-нибудь высаживали войска, то это производилось вечером или в сумерках, с особенным криком и шумом, чтобы создать впечатление о высадке новых сил, а к рас-

256 [К. Д.] Мачавариани. Народные смуты в Абхазии. — «Голос», № 199, 1878 г.

257 Там же.

258 Там же.

259 Там же.

свету тот же броненосец брал их к себе обратно и высаживал в другом месте и объявляли абхазцам, что эти войска прибыли из Батума или Варны. Или такой прием. Два или три броненосца вдруг уходили с рейда в открытое море, а на другой день, подходя к какому-нибудь пункту Абхазии, внезапно открывали огонь, а турецкие агенты распускали слух, что прибывшие броненосцы присланы султаном «на помощь» абхазам²⁶⁰.

Однако Турция уже не могла рассчитывать на серьезные операции в Абхазии и не в силах была снабдить десант новыми пополнениями и необходимым боевым снаряжением. С другой стороны, она убедилась в своем полном просчете в отношении поддержки со стороны абхазского населения. Вопрос об уходе турок из Абхазии был предрешен. И глубоко ошибался Рюстов, когда данный факт связывал только с переходом генерала И. В. Турко через Балканы в июле 1877 года²⁶¹, хотя, разумеется, это тоже имело значение.

5 августа Хусейн Лакрба получил приказание от Шевкет-паши явиться к нему с женой. Однако этот мужественный человек счел необходимым прежде всего «предупредить народ о том, чтобы они не думали о выселении, энергично настаивая, чтобы все отправлялись по своим домам». Но Камлат Маргания, действуя коварно, успел уговорить и послать часть населения на пароход для отправления в Турцию²⁶². Другие абхазы, лишённые возможности «оказать явное сопротивление вооруженным туркам», частью скрылись в горах, иные же «подверглись страшному обезображению». По свидетельству очевидца, «картина была страшная, и нельзя было смотреть равнодушно на многих, вравших на себе волосы и проливавших слезы...»²⁶³. Турецкие аскеры шли и на такую гнусность, как изнасилование женщин. Письмом от 5 августа специальному корреспонденту «Голоса» сообщили из передовой русской колонны, переправлявшейся через р. Кодор, о том, что «турки, около семидесяти человек, поймав одну девицу абхазку, изнасиловали ее»²⁶⁴.

7 августа Хусейн Лакрба и иеромонах Виссарион Микаберидзе тайно, через князя Константина Инал-ипа, отправили письмо Шелковникову, в котором выражалась надежда на возможность нападения врасплох на турецкий отряд и тем самым помешать переселению абхазов в Турцию. Но вскоре Хусейн и его жена Чич (Екатерина) Анчабадзе были арестованы и отправлены к Шевкет-паше на броненосец. Были арестованы также Виссарион Микаберидзе (бывший духовник владельца Абхазии) и его зять священник Давид Ахвледиани, которым Шевкет-паша за «возбуждение абхазских жителей против турок» незамедлительно вынес смертный

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ W. Rüstow. Указ. соч., с. 416.

²⁶² «Голос», № 199, 20 июля 1878 г.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Там же, № 195, 25 августа 1877 г.

приговор, отмененный, однако, под давлением махаджирской массы²⁶⁵. Был «взят насильно» и доставлен к паше также Решид Гечба (Геч)²⁶⁶. Генерал Д. И. Святополк-Мирский, подчеркивая насильственный характер переселения абхазов в Турцию, этот «увоз абхазских семейств» рассматривал как первый признак отступления турок²⁶⁷.

Тем временем произошел разлад и в рядах махаджиров, на которых так рассчитывало турецкое командование. Махаджиры наконец поняли, что их обманули, а зверства, чинимые турками в Абхазии, не могли не привести их в отчаяние. Они «почти в сотый раз приступают с мольбою к паше отправить их поскорее в Турцию, чтобы не быть свидетелями несчастий, постигших их собратьев». Они «вопиют против распоряжений пашы брать с собой абхазские семейства». Когда махаджирам стало известно еще о намерении Шевкет-пашы привести в исполнение свой приговор над иеромонахом Виссарионом Микаберидзе и священником Давидом Ахвледиани, они «в отчаянии выдвигаются вперед», а князя Решид Гечба уполномочивают заявить: «Паша! Мы никак не предполагали быть свидетелями горьких слез, проливаемых нашими братьями-абхазцами. Вы видите, что Абхазия переживает последнюю минуту своего существования и погибает безвозвратно. По воле рока мы давно лишились родной земли и одному богу известно, сколько пришло нам вынести горя и мучений со дня нашего выселения из Абхазии. Но нас утешала мысль, что оставшиеся братья в Абхазии найдут себе место и будут жить... В настоящее время нет надежды на занятие Абхазии турецкими войсками, и, не принеся себе пользы, мы сделали несчастных абхазцев ответственными лицами перед русскими. Мы никогда не будем свободными от нравственной ответственности перед абхазскими семействами, которых вы теперь насильно переселяете в Турцию и которые на наших глазах плачут, рвут на себе волосы и проклинают нас всех, как виновников насильственного их сбора! Конечно, грех за все это ляжет на нас, но затем же вы хотите еще принимать на себя новую и тяжелую ответственность убиением двух бедных христианских священников»²⁶⁸. А. Л. Зиссерман, правда, явно преувеличивая значение факта, писал: «...Решение турок оставить Кавказ возникло вследствие раздоров между ними и абхазцами, которых (т. е. абхазцев) они, однако, переселят в Турцию»²⁶⁹.

²⁶⁵ Там же, № 199, 20 июля 1878 г.; ООВПХК за 1877 г., с. 11.

²⁶⁶ Там же.

Решид Гечба (Геч), как мы видели, выселялся в Турцию еще в 1864 году, но вскоре вернулся и поселился в с. Гагрипш. Когда же в 1877 году турки высадились в этих местах, Решид был взят фактически в плен и его «болес не выпускали».

²⁶⁷ «Материалы...», т. V, приложения к ч. II, № 40, с. 196, телеграмма от 7 июля 1877 г.

²⁶⁸ Мачавариани. Указ. соч. — «Голос», № 199, 20 июля 1878 г.

²⁶⁹ А. Зиссерман. Что же наконец делается в Сухуме?

Между тем уже в конце июля все части Ингурского отряда подошли к р. Кодор, в районе сел Адзюбжа и Атара. Турки, оставив Дранды, отошли на правый берег р. Келасури. В первых числах августа началось общее наступление как Ингурского, так и отрядов генерала Бабича и полковника Шелковникова. Однако последнему, который двигался со стороны Сочи, пришлось преодолеть большие препятствия. Черкесские и абхазские повстанцы, поддерживаемые их сородичами из махаджиров и турецким флотом, укрепились во многих пунктах по берегу моря, особенно же в Адлере, Гаграх, на р. Бзыбь, в Пицунде и Гудаутах. По официальному сообщению, только в районе Адлера турками было высажено около 1 200 абхазских переселенцев (вторая партия)²⁷⁰.

В успешном движении Сочинского отряда большую роль сыграл пароход «Великий князь Константин», командуемый лейтенантом, впоследствии знаменитым флотоводцем и ученым С. О. Макаровым²⁷¹. 6 августа русские войска, совершив переход через Гагринский хребет, штурмом завладели Гагринским укреплением. Прибыл «Константин» в Гагры «в самую критическую минуту» и, как доносил главный командир Черноморского флота и портов адмирал Н. А. Аркас, услуга, оказанная Макаровым, «чрезвычайно велика»²⁷². Газеты были заполнены описаниями гагринского похода «Константина»²⁷³. Но наиболее сильное сражение имело место в Пицунде. Здесь отряду майора Мухортова удалось отбить до 100 абхазских семейств, которых «насильно забирали» на пароходы, а также 1 000 голов скота. Турки были разбиты в районе Гудаут, занятых турецкой регулярной пехотой с орудиями и повстанцами (до 1 000 чел.). Противник бежал в Сухум. 11 августа, с заходом солнца, С. О. Макаров увидел «множество огней» по всему берегу от Пицунды до самого Сухума. Как он полагал, «абхазцы, оставляя свои аулы, жгут строения и леса»²⁷⁴. В тот же день отряд Шелковникова остановился для отдыха в с. Лыхны, заняв частью войск и местечко Гудауты, которое также было сожжено турецкими войсками²⁷⁵.

Но тем временем турки, получив подкрепления из Батума, обосновались на высотах, окружающих Сухум и на берегу моря

²⁷⁰ «Русский мир», № 166, 22 июня 1877 г.

²⁷¹ В телеграмме от 6 августа 1877 года на имя Б. М. Шелковникова С. О. Макаров сообщал: «Мне поручено отвлечь внимание турецких броненосцев от Гагр и Пицунды» («Материалы...», т. V, приложения к ч. II, № 52, с. 213).

²⁷² «С. О. Макаров. Документы», т. III. Под ред. А. А. Самарова. М., 1952, с. 198.

²⁷³ Б. Островский. Адмирал Макаров. ЖЗЛ. Л., 1951, с. 94.

За «отличную распорядительность» в операции и за содействие «блистательной победы» при форсировании «непреступных высот» у гагринских проходов С. О. Макаров был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость», которая ныне хранится в Центральном военно-морском музее Ленинграда.

²⁷⁴ «С. О. Макаров. Документы», т. III, с. 202.

²⁷⁵ «Материалы...», т. VII, с. 292—302; ЦГВИА, ф. 485, д. 97, лл. 89—91; «Русский инвалид», № 261, 26 ноября 1877 г.; «Русский мир», № 223, 18 августа 1877 г., № 261, 25 сентября 1877 г.

близ устья р. Келасури. Они сосредоточили все свои силы на этом небольшом пространстве. К северу от Сухума, в с. Гума, 15 августа расположился марухский отряд генерала П. Д. Бабича. С западной стороны подошел отряд полковника Б. М. Шелковникова. А колонна Я. К. Алхазова 16 августа перешла Келасури. Таким образом, целая цепь колонн расположилась вокруг Сухума, прочно замкнув турок, которые имели сообщение только со стороны моря. Боевые действия длились до 20 августа. Командование над всеми отрядами осуществлял генерал Бабич. Пароход «Константин» под командованием С. О. Макарова в ночь на 12 августа сильно повредил атакой минных катеров один из лучших турецких кораблей, броненосец «Ассарн-Шевкст»²⁷⁶. За это С. О. Макаров был награжден орденом св. Георгия 4-й степени и произведен в капитан-лейтенанты. Правда, командующий турецкой морской флотилией Гобарт (Хабар)-паша упорно отрицал данный факт, опубликовав по этому поводу письмо в английской газете «Times»²⁷⁷. Кстати, этот «английский моряк под турецкой феской», который «один только мог забыть, что он англичанин, в своем новом турецком звании — Гобарт-паша»²⁷⁸, в декабре 1877 года с турецких броненосцев безжалостно бомбардировал «совершенно незащищенные и открытые» города Феодосию, Анапу и Евпаторию. На последнюю, например, он бросил 150 снарядов, разрушил 22 дома и «метко попадал в густую массу бегущих из города женщин и детей»²⁷⁹. Это явно противоречило «Международной конвенции о законах и обычаях войны» и «Международной декларации о законах и обычаях войны». В последней, в частности, говорилось: «Открытые и незащищаемые города, поселения и деревни не подлежат ни атаке, ни бомбардированию»²⁸⁰.

Турки еще 19 августа сожгли Сухум. Корреспондент «Голоса» писал: «Вид Сухума, наблюдаемый мною в бинокль, представлял живописную картину: за синевой моря, на расстоянии от нашей позиции (с левого фланга) в пяти или шести верстах виднелся Сухум, объятый пламенем во многих местах. Клубившийся густой дым, поднимаясь высоко над городом, сливался с облаками, па-

²⁷⁶ См.: ЦГАВМФ СССР, ф. 283, оп. 3, д. 5612, лл. 22—29; д. 1348, лл. 1—12; ЦГВИА СССР, ф. 485, д. 97, лл. 89—91; «С. О. Макаров. Документы», т. III, с. 198—203; «Материалы...», т. V, приложения к ч. II, с. 214—225; «Голос», № 222, 21 сентября 1877 г.; «Русский мир», № 223, 18 сентября 1877 г.; «Кавказ», № 46, 25 февраля 1878 г.; «Военный сборник», 1903, № 10, с. 10—11.

²⁷⁷ «Голос», № 232, 1 октября 1877 г.

Между прочим, были сделаны фотографические снимки боя, которые затем были использованы художниками Л. Ф. Логорно и И. К. Айвазовским. Последний, например, изобразил подвиги «Константина» и «Весты».

²⁷⁸ Дж. Г. Т. Синклер. Указ. соч., с. 59.

²⁷⁹ Об этом факте сообщалось в корреспонденции „St.-Peterburger Zeitung“ из Евпатории от 1 января 1878 года, на которую ссылается профессор Петербургского университета Ф. Ф. Мартенс в книге «Восточная война и Брюссельская конференция 1874—1878 гг.» (СПб., 1879, с. 453).

²⁸⁰ Цит. по: Ф. Мартенс. Указ. соч., прилож., с. 24.

рившими над высотами окрестных гор; далее виднелось множество турецких палаток, разбросанных по склону горы, а выше, на самых верхушках сухумских гор, несколько турецких батарей, окаймленных также палатками»²⁸¹.

20 августа началась панический уход турок из Сухума. Они, отстреливаясь, бросались в шлюпки и шкуны, оставляя убитых. На них особенно наступала колонна князя Нижарадзе. Сухум был очищен от противника. Но города не было — он был стерт с лица земли²⁸². Командующий турецким экспедиционным корпусом дивизионный генерал Фазли-паша с последними турецкими войсками из Сухума прибыл в столицу Турции отнюдь не как победитель²⁸³.

Вся Абхазия была очищена от турецких оккупантов, хотя военное положение в данном крае, а также в Кубанской губернии, Черноморском округе и других местах Западного Кавказа было отмечено лишь 1 сентября 1878 года²⁸⁴.

В этих боевых операциях отличились 1-й и 2-й Кутаисские нехотные отряды²⁸⁵ и Кутаисский нерегулярный конный полк. Вообще же грузины-бойцы составляли примерно половину общей численности войск, действовавших на абхазском направлении²⁸⁶. Георгий Церетели писал по этому поводу: «Обольщенный и обманутый в своих расчетах Шевкет-паша ясно увидел, что из Сухума не пропустят его дальше те же самые грузины, на которых он рассчитывал. Только что сформированные полки из грузин, дивизионы и милиция не выпускали его из Сухума — он должен был удалиться и восвояси»²⁸⁷.

В войне 1877 — 1878 годов, ставшей одним из наиболее крупных событий в мировой истории второй половины XIX века, Турция потерпела поражение. Благодаря героической помощи русского народа, на Балканах возникли самостоятельные и полусамостоятельные славянские государства, а в Закавказье некоторые исконные земли Грузии и Армении, отторгнутые веками находившиеся под пятой Османской империи, были воссоединены со своими родными странами. По Берлинскому трактату 1878 года в состав России вошла, в частности, Аджария как Батумская область, в которую входили Аджария, Кобулет, Шавшети и Кларджети.

²⁸¹ «Голос», № 222, 21 сентября 1877 г. («О немилосердном истреблении Сухума турками»); см. также корреспонденцию Н. Кучинского «Последние дни турок в Сухуме». — «Русский мир», № 322, 25 ноября 1877 г.

²⁸² Там же; «Материалы...», т. V, с. 390—392.

²⁸³ «Освобождение Болгарии от турецкого ига», с. 284, № 242.

²⁸⁴ ЦГИАГ, ф. 5, оп. 1, д. 5187, л. 28.

Между прочим, в 1884 году в с. Ольгинском, на месте Дмитриевской церкви, по инициативе «ревнителя развития Севера» М. К. Сидорова, посетившего Абхазию в 1883 году, был поставлен «памятник войны 1877 года» («Кавказ», № 22, 24 января, 1896).

²⁸⁵ Из 2-й Кутаисской пешей дружины только орденом св. Георгия 4 степени было награждено 12 чел. (ЦГИАГ, ф. 955, д. 1, л. 17).

²⁸⁶ Ю. Качарва, А. Киквидзе, П. Ратиани, А. Сургуладзе. История Грузии, с. 62.

²⁸⁷ Церетели. Письма из Сухума. — «Голос», № 257, 26 октября 1877 г.

Гнилость султанского режима стала для всех очевидной. Абдул Хамид II, разгромив прогрессивные силы и опираясь на феодально-клерикальные слои, установил в Турции на длительное время режим черной реакции. Положение турецкого народа стало тем более тяжелым, что в то же время Турция превратилась в полуколонию европейских держав, вступивших в империалистическую стадию развития.

§ 4. Разорение края

Турецкие войска в 1877 году в Абхазии продержались всего около трех с половиной месяцев. Но этот факт оказался роковым для судеб абхазского народа. Большой ущерб был нанесен также интересам самой России.

Ф. Энгельс писал по этому поводу: «Во всяком случае высадка в Сухум-Кале (каковы бы ни были ее подлинные непосредственные результаты), по-видимому, вполне достигла цели: удержать почти половину кавказской армии на самом Кавказе»²⁸⁸.

Таким образом, на Кавказе было сковано значительное число русских войск, в то время как явно чувствовался недостаток в них на малоазиатском театре войны, где русские войска должны были «вследствие этого отступить к пределам империи». Автор этих утверждений также отмечал, что «сухумская экспедиция» причинила «немало хлопот» России на восточном берегу Черного моря и внутри Кавказа, где присутствие турок в Сухуме сыграло определенную роль²⁸⁹.

Турецкие оккупанты подвергали полному разорению и разрушению районы, захваченные в Абхазии. Корреспондент «Нового времени» в своем сообщении от 26 мая 1877 года подчеркивал, что «турецкие броненосцы разрушают не только беззащитный Сухум, но и другие совершенно ничтожные селения... Пылают мирные деревни и дачи. Опустошают сады и виноградники»²⁹⁰. В корреспонденции из с. Окум, опубликованной в венской газете „Politische Korrespondent“ 17 августа 1877 года, сообщалось: «Турецкие войска сжигают все еще находящиеся в их власти абхазские села, угоняют скот и силой перевозят абхазцев на свои корабли. Страна абхазцев страшно опустошена, и так как поля не возделаны, то оставшимся жителям угрожает голод...»²⁹¹. «...Богатейшая в мире страна, начиная от реки Моквы и кончая Гудаутами, Гаграми, Пицундой и проч., — обратилась в пустыню»²⁹². По этому поводу начальник Кавказского горского управления генерал Комаров док-

²⁸⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 34, с. 39.

²⁸⁹ См.: «Война 1877 и 1878 гг.», под ред. г.-м. Зыкова, т. III, вып. II, с. 227.

²⁹⁰ «Новое время», № 454, 5(17) июня 1877 г.

²⁹¹ Цит. по: «Русский мир», № 236, 31 августа 1877 г.

²⁹² «Тифлисский вестник», № 191, 4 сентября 1877 г.

ладывал главнокомандующему Кавказской армией 23 августа 1878 года: «Минувшая война, разорив и опустошив Сухумский отдел, причинила громадные имущественные убытки, и почти все достояние граждан исчезло под огнем и топором неприятеля»²⁹³. Корреспондент газеты «Тифлиссский вестник» 25 августа 1877 года сообщает о том, что, когда русские войска подошли к Кодору, им стало известно, что «весь почти Пицундский округ горит»; вскоре «с неприятельской стороны стали перебегать абхазцы и передавали, что многие абхазцы и перебежали бы, но что цепь турецкая никого не пропускает; жаловались на турок, которые отбирали у них скот, имущество и даже женщин и молоденьких девушек»²⁹⁴.

Группа абхазских князей и дворян-переселенцев (Мажара Анчабадзе, Дуг Маршания, Хусейн Куджба, Зосхан Эшба и др.), в письме от 24 июля 1879 года на имя русского генерального консула в Константинополе А. Е. Лаговского писала: «Когда же дела турок пошли плохо, и они предвидели неминуемую свою гибель, то оставив свою позицию, прибыли на границу нашего округа и тут разделили свое войско на две равные части: одна часть оцепила русские войска, а другая пошла по нашим деревням, сжигая дома и насильно выгоняя жителей со скотом на берег моря; убежавших расстреливали. Словом, мы все, через два месяца после вышеописанного, были перевезены сюда, в Турцию, где и находимся по сие время»²⁹⁵. Аналогичные факты приводятся в изобилии и в книге «Война 1877 и 1878 гг.» (под ред. г.-м. Зыкова). «Турки, — говорится в ней, — жгли русские, болгарские и греческие поселки и аулы непокорявшихся им абхазцев, а мы принуждены были разрушать аулы изменивших нам абхазцев! Обширные поля маиса (кукурузы. — Г. Д.), засеянные еще до войны, прекрасные сады и виноградники были или уничтожены, или не находилось более рук для уборки их. Одни только стаи собак и шакалов бродили по лесам и опустевшим деревням, кусая проезжих. В таком печальном виде находилась Абхазия после нашествия турок»²⁹⁶. В газете «Голос» также сообщалось, что турки, сосредоточив свои силы в районе Сухума, «забрали к себе всех абхазцев, скот, словом, все, что только можно было забрать и поспешно стараются отправить все это в Турцию... На море, у самой пристани и при впадении в него реки Келасури, кипела лихорадочная деятельность турок, которые, видимо, спешили окончить нагрузку судов разною добычей, награбленной в Абхазии. С этой добычей суда ежедневно отправлялись в Турцию»²⁹⁷. Так как турки ложно обещали новым переселенцам перевезти их скот на пароходах, то к берегу моря было пригнано огромное количество скота. Однако он частично

²⁹³ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 818, лл. 5—15.

²⁹⁴ «Тифлиссский вестник», № 193, 7 сентября 1877 г.

²⁹⁵ ЦГИАГ, ф. 15, оп. 1, д. 8, лл. 1—2.

²⁹⁶ «Война 1877 и 1878 гг.» под ред. г.-м. Зыкова, т. III, вып. II, с. 227.

²⁹⁷ «Голос», № 222, 21 сентября 1877 г.

попал в руки войск Ингурского, Марухского и Сочинского отрядов. Так, в местечке Келасури было отбито до 3 тыс. голов рогатого скота²⁹⁸. Не успели забрать турки также домашнее движимое имущество и сотни пудов кукурузы, принадлежавшие абхазским семействам²⁹⁹.

Специальный корреспондент газеты «Голос», очевидно Г. Церетели, возвращаясь из Сухума в Тифлис после 20 августа 1877 года, видел целый ряд картин, «одна другой грустнее и печальнее». «Начиная с природы, — писал он, — все вокруг мрачно, пусто, и, просякая громадные пространства, еще так недавно заселенные и полные жизни, встречаешь только развалины и ни одной живой души на всей этой необозримой местности! Великолепные плантации майса, сохранившиеся еще во многих местах, уже поспевают и нет рук для их уборки; одни только стаи собак, оставшиеся без приюта, сотнями таскаются по лесам, пугая проезжих. Вот в каком печальном виде находится теперь Абхазия! Да и можно ли называть местность эту по-прежнему Абхазией, когда абхазцев в ней уже нет... Самое слово «Абхазия» должно быть навсегда забыто отныне...»³⁰⁰.

Не менее грустная картина была нарисована корреспондентом газеты «Кавказ» Ив. Белоусом. В сообщении из Дранды, где он находился в составе Ингурского отряда, читаем: «Представьте себе, что вокруг нас на сто верст нет не только города, но даже и порядочной деревни: везде пустыня, развалины и пепелища бывших абхазских селений и вообще всякие следы военных опустошений; всюду пахнет смертью и разрушением. Отлично тут похозяничали турки; от р. Бзыби, например, до самого Сухума включительно не осталось ни одного целого столба англо-индийского телеграфа — положительно все перебиты... В самом городе не осталось камня на камне... Для чего, спрашивается, такое варварство? Право, удивляешься тому беспримерному усердию, которое приложили турки для разорения и опустошения Абхазии. Хвала и честь бывшим их начальникам, Фазли и Шевкет-пашам!»³⁰¹.

Новый начальник Сухумского отдела полковник П. И. Аракин в «Залеске о положении Сухумского отдела после минувшей войны 1877 года» от 24 августа 1878 года сообщал: «Местность, лежащая между рр. Галидзгой и Кодором, представляет уже значительные следы опустошения: м. Очемчиры уничтожено дотла, в большей части общины церкви, школы и общинные дома разграблены и частью сожжены... Пространство от р. Кодора вплоть до Гудаутского участка вместе с Цебельдой представляет почти совершенную пустыню»³⁰². О положении оставшегося населения Абжуйской

²⁹⁸ «Война 1877 и 1878 гг.», с. 226.

²⁹⁹ «Русский мир», № 295, 29 октября 1877 г.

³⁰⁰ «Голос», № 226, 25 сентября 1877 г.

³⁰¹ «Кавказ», № 43, 22 февраля 1878 г.

³⁰² ЦГИАГ, ф. 545, д. 3207, лл. 41 об. — 42.

же Абхазии (около 13 тыс. человек или 2 886 семейств) Аракин писал, что он нашел его «размещенным в наскоро устроенных шалахах или уцелевших пацхах»; ожидая дальнейшей своей участи, оно «не решалось приступить к полевым работам. Материальное благосостояние и даже продовольствие этого населения мало обеспечено... Нравственное настроение этого народа может быть охарактеризовано как подавленное»³⁰³.

Такова была картина на всем пространстве до Анапы, т. е. раньше «Кавказский берег был и населен, и производителен, но теперь ничего такого на нем не существует»³⁰⁴.

Особенно пострадал в 1877 году Сухум. По описанию очевидца, вид города после изгнания турецких войск был плачевен. «Турки окопчательно разрушили его, и одни лишь остовы каменных строений торчали как памятники варварства. Они уничтожили в городе все деревья и даже ботанический сад, которым так гордился Сухум и который привлекал к себе немало путешественников. Повсюду валялись обломки домов, разбитая мебель, вьючные седла, арбы, а на самой набережной — несколько трупов абхазцев, связанных по рукам; эти несчастные жертвы турецкой мести лежали навзничь, распухшие, обезображенные, издавали сильное зловонье... Все окрестности города и весь берег моря были покрыты массой трупов рогатого скота, лошадей и овец, с содранными шкурами; множество скота живого, также без шкур, издавало рев и мячание, пока не теряло последние свои силы и не издыхало тут же; многие же из них были с выколотыми глазами... Вследствие этой заразы войска наши не входили в Сухум, и его посещали одни лишь волки да мародеры. В добычу нам досталось более 50 000 голов рогатого скота, частица которого была роздана между войсками, а остальная львиная часть досталась «львам»»³⁰⁵.

А вот что писал врач И. Г. Тихомиров в «Санитарном обзоре г. Сухума после разорения его турками» (1878 г.): «Настоящий Сухум есть совершенно разоренный, покинутый жителями город... Число трупных остатков как в городе, так и за городом доходит до 1 327, хотя даже при самом тщательном обозрении местности, естественно, не все они могли быть замечены и сосчитаны. Расположение их указывает на то, что вышеупомянутая многочисленность трупных остатков не есть последствия скотного падежа, а что одновременно было убито и что по снятии кож брошено в городе множество всякого рода скота... Надо заметить, что наиболее подверглась заражению трупными остатками почва самой людной части города»³⁰⁶.

Дело в том, что турецкие войска, насильственно переселявшие абхазов, не успели забрать громадное количество скота, и за день

³⁰³ Там же, л. 42.

³⁰⁴ «Голос», № 97, 1879 г.

³⁰⁵ М. Крыжановский. Последний абхазский бунт, л. 227.

³⁰⁶ ЦГИАГ, ф. 545, д. 3207, лл. 70, 72. Ср. «Отечественные записки», 1878, т. 237, № 3, с. 34.

до своего бегства, чтобы это добро не досталось «гяурам», порезали и перестреляли несколько тысяч животных, преимущественно буйволов. Этой падалью были усеяны горы и долины в окрестностях спаленного Сухума версты на 3-4 (Трапезия, Келасури, Абжаква).. С некоторых животных сняли кожу, а большинство служило мишенью для турецких стрелков. Все речки и родники в целях заражения воды были завалены битым скотом, количество которого по подсчетам одного корреспондента, достигало до 8—10 тыс. голов³⁰⁷. Почва на территории Сухума и его окрестностей на глубине 6 вершков была «обильно проникнута живыми организмами, настолько она пропиталась остатками гнивших трупов животных»³⁰⁸.

По словам другого корреспондента, «не пощажены даже кладбища, трупы мертвых вынуты из могил и ограблены»; «горе и голод в настоящем, неизвестность в будущем, — вот грустная доля большинства сухумцев»³⁰⁹. Словом, «Сухум в полном смысле перешел в нашествие варваров, не оставивших в целом ничего», и в окрестностях его «не уцелело ни одного сада, ни одной дачи, ни одной плантации»³¹⁰. Был разрушен, в частности, Сухумский маяк, а дом смотрителя и служителей сожжен. Причем это было результатом «работы» не только турецкой пехоты, но и машинистов с судов. Колодец, обслуживавший население данного пункта, также был «заражен брошенными в него трупами животных»³¹¹.

Дело дошло до того, что при рассмотрении вопроса о восстановлении города Сухума некоторые указывали «на необходимость выбора другого места для города»³¹². Даже в начале XX века, по свидетельству С. Васюкова, в Сухуме «разрушения и поросшие травой и деревьями стены домов до сих пор производят угрюмое впечатление среди жилых построек и правильных широких улиц города»³¹³. А между тем, по одному из описаний, состояние города накануне войны было таково: «Сухум — главный город Сухумского военного отдела и портовой город на восточном берегу Черного моря... В городе, кроме казенных домов и казарм, 400 домов, более 40 лавок, есть и прекрасный ботанический сад. Число жителей считалось, кроме войск, до 2 000 человек»³¹⁴. Материалы свидетельствуют о том, что «по всем улицам города были проведены каналы, в которых целый год протекала чистая вода... бульвар, служивший публичным гуляньем для всех жителей, украсился хорошим

³⁰⁷ «Тифлисский вестник», № 191, 4 сентября 1877 г.

³⁰⁸ ЦГИАГ, ф. 545, д. 3207, л. 44 (Записки полк. Аракина от 24 августа 1878 г.).

³⁰⁹ «Обзор» (Тифлис), № 279, 19 октября 1878 г. См. также «Отечественные записки», 1878, т. 237, № 3, с. 34.

³¹⁰ [А. Н. Введенский]. Письма об Абхазии. — «Кавказ», № 268, 31 декабря 1877 г.

³¹¹ «Кронштадтский вестник», № 35, 24 марта 1878 г. (Репорт управляющему Морским министерством главного командира Черноморского флота и портов).

³¹² «Кронштадтский вестник», № 35, 24 марта 1878 г. (Репорт управляющему

³¹³ С. Васюков. Край гордой красоты. СПб., 1903, с. 174.

³¹⁴ «Русский инвалид», № 99, 7 мая 1877 г.; «Дело», 1877, № 5, в. х., с. 181.

павильоном. Через руску Беслетку, протекавшую возле самого города, был перекинут железный мост. Весь город со стороны моря походит на прелестную игрушку, украшавшую окружающие ее ... горы»³¹⁵.

Турецкими войсками также были «сожжены и уничтожены» местечки Очемчиры и Гудауты³¹⁶. В Очемчирах, например, «воздух был страшно заражен зловонием от гниющих трупов»³¹⁷. Но самое печальное, что турецкие войска из этого населенного пункта забрали все абхазское население³¹⁸. Война «положила предел развитию» и Гагры³¹⁹. А накануне этих событий они «имели очень уютный вид: на берегу успел вырасти тополевый бульвар; госпитальные постройки красиво белели среди роскошной зелени. Сообщения с внешним миром поддерживали два раза в месяц военные шхуны»³²⁰. В Абхазии, в частности в с. Лыхны, была сожжена и уничтожена большая часть административных построек³²¹. Согласно заявлениям только частных лиц, потери их недвижимого и движимого имущества оценивались больше чем на 1 600 000 рублей³²².

Турецкие оккупанты, между прочим, грабили население и таким путем. Они щедро раздавали абхазам за разные продовольственные продукты никому ненужные бумажные деньги и ни к чему не обязывающие расписки следующего содержания: «От такого-то принято столько-то кило кукурузы; или: взято у таких-то столько-то рогатого скота»³²³.

В ходе военных действий, естественно, страдало прежде всего мирное трудовое население. «Крестьяне Абхазии, — писал корреспондент газеты «Дрозда», — находятся в очень стесненном и тревожном положении. Война не оставила им ничего, ни домов, ни пищи. Все было разгромлено и сожжено турецкими войсками. Здания и дольствия, кукуруза и просо — все предали огню. Весь скот, всю домашнюю утварь и одежду увезли. Оставшиеся в таком состоянии абхазы голодают»³²⁴. А вот что писал специальный корреспондент газеты «Голос», как мы уверены, Георгий Церетели: «После двухмесячных засух, у нас уже четыре дня как начались хорошие дожди... Что касается собственно коренных абхазцев, им не помогут никакие дожди: поля их повсюду вытоптаны, выкошены на сено, усадьбы сожжены, скот угнан турками, а домашнее

315 Г. Лебединец. Из Сухума. — «Пчела», 1878, № 21, с. 315.

316 ЦГИАГ, ф. 515, д. 3207, л. 48 об.

317 «Русский мир», № 236, 31 августа 1877 г.

318 «Русский мир», № 187, 13 июля 1877 г.

319 А. Г. Передельский. Гагры. — СМОМПК, 1908, вып. 38, с. 164.

320 А. Н. Дьячков-Тарасов. Гагры и их окрестности. — ЗКРРО, 1903, кн. XXIV, вып. 1, с. 83.

321 ЦГИАГ, ф. 545, д. 2307, л. 45.

322 Там же, ф. 416, оп. 3, д. 818, л. 13.

323 «Русский мир», № 295, 29 октября 1877 г.

324 «Дрозда», № 100, 1878 г.

имущество отнято мухаджирами (абхазцами-переселенцами). Словом, повсюду полное разорение...»³²⁵.

1877 год и без того был тяжелым временем для абхазских крестьян. Они пострадали не только от засухи (в течение июня и июля не было дождя), но и от разразившейся снова чумы рогатого скота, которая быстро охватила всю Самурзаканскую Абхазию³²⁶, затем и Бзыбскую³²⁷. А «все достояние здешнего крестьянина, — писал Г. Церетели, — заключается в рогатом скоте; лишиться его, значит погибнуть. Крестьяне здесь настолько бедны, что после таких бедствий, как падеж, поправляются с трудом годами»³²⁸. Таким образом, чума «лишает несчастных абхазцев их последнего имущества»³²⁹. Между прочим, такая картина наблюдалась в 1877 году и в Озургетском, Зугдидском и Сенакском уездах³³⁰.

Абхазский крестьянин Алексей Ладария, из с. Псырцха, служивший в рядах русской армии, рассказывал о посещении родного села после ухода турок из края: «Я с разрешения начальства поехал домой, но наше селение оказалось пусто, в нем не было ни одной человеческой души, и, когда я увидел и наш дом пустым, сердце мое сжалось. Смотрю, по двору бегают куры, и собаки наши голодные воют. В доме все раскидано, разбросано, столы опрокинуты... Я долго сидел в нашем пустом доме и плакал... Когда я ехал, дорогой мне встречались лошади, коровы и буйволы, оставленные выехавшими абхазцами, я увидел, что и наших собственных коров, Какуш, Балиш и др., гонят какие-то абхазцы из селения Лыхны...»³³¹.

Огромный ущерб был нанесен и русской военной администрации в Абхазии. Бывший председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии А. Н. Введенский, например, предполагал, что «полное уничтожение города, разорение страны и увод наполовину ее населения, оставление в руках неприятеля всех запасов провiantа, артиллерийских припасов, мундирных и амуничных вещей четырех батальонов и казачьего полка, отвлечение с другого театра войны значительного количества войск и устройство для них и для войск бывшего Сухумского отряда новых складов различных запасов, продовольствие и снабжение всем необходимым войск Ингурского отряда в продолжение четырех месяцев, при совершенном отсутствии дорог, несколько неудачных попыток устроить переправы через рр. Ингур и Кодор должны стоить несколько миллионов рублей»³³².

325 «Голос», № 186, 16 августа 1877 г.

326 Там же.

327 Н. Ладария. На заре моей жизни, с. 117.

328 «Голос», № 186, 16 августа 1877 г.

329 «Русский мир», № 236, 31 августа 1877 г.

330 ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 24, 1879 г., д. 231, л. 72.

331 Н. Ладария. Указ. соч., с. 116—117.

332 А. [Введенский]. Письма об Абхазии. — «Кавказ», № 224, 5 ноября 1877 г.

Особо следует сказать об ущербе, нанесенном народному образованию и памятникам культуры. Как отмечается в одном документе, с «мобилизацией в армию и наступлением смутного времени школы были закрыты, и дети, распушенные на рождественские праздники 1976/77 года, более не собирались; затем наступившая война и всеобщий разгром не пощадили и школьных зданий, которые все разрушены, за исключением пяти самурзаканских, куда не достиг неприятель»³³³. К 1884 году в Абхазии работало всего лишь 6 школ³³⁴. Был поврежден Пидундский храм — один из выдающихся памятников христианской культуры; пострадал и Моквинский храм X века (уничтожен иконостас и т. д.)³³⁵. В Новом Афонсе, в древнем храме, иконостас был изрублен на части и сожжен, а каменный престол разбит³³⁶. Что касается монастыря, то были разрушены и сожжены все его здания³³⁷. Всего пострадали 36 церквей — 18 разграблены, а 18 «сожжены дотла»³³⁸. Епископ Имеретин и временно управляющий Абхазской епархией Гавриил (Г. М. Кикодзе), «обозревая» в 1879 году абхазские церкви, не решился ехать дальше Сухума, в сторону Бзыбской Абхазии, так как эта часть края «вся была опустошена, церкви все сожжены и жители переселены...»³³⁹. Были убиты и некоторые священники. Не приходится уже говорить о прекращении всякой культурно-просветительной работы: созывов учительских съездов (конференций), деятельности Сухумского общества врачей, любителей театрального искусства и т. д.

Характерно, что некоторые европейские газеты не только умалчивали о жестокостях турецких оккупантов в Абхазии, а, напротив, всячески прославляли последних за «снисхождение» и даже «внимание» к христианскому населению. Зато они без усталы трубили о «жестокостях русских на театрах военных действий»³⁴⁰. Немецкий автор Отто Закхинг написал даже целую книгу под названием

³³³ ЦГИАГ, ф. 545, д. 1674, лл. 359 — 359 об.

³³⁴ Об ущербе школьному делу см.: ООВПХК за 1877 г., с. 20, 33; А. П. Дудко. Из истории педагогического образования в Абхазии. Сухуми, 1961, с. 8.

³³⁵ «Журнал Ново-Афонского монастыря...», лл. 13, 65; ООВПХК за 1879 г., с. 10.

³³⁶ «Русский мир», № 295, 29 октября 1877 г.

³³⁷ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 2, д. 5057, ст. 226, л. 108 об.

³³⁸ ЦГАА, ф. 1, д. 78, лл. 258 об. — 259; д. 32, л. 41.

³³⁹ ООВПХК за 1879, с. 12.

Абхазская епархия, образованная в 1851 г., в 1869—1885 гг. входила в Имеретинскую, затем восстановлена под названием Сухумской.

Кикодзе Гавриил Максимович (1825—1896) — известный грузинский мыслитель, педагог, психолог и общественный деятель. В 1849 году окончил Петербургскую духовную академию со степенью магистра. Автор капитального труда «Основания опытной психологии» (СПб., 1858). Заслуги Кикодзе высоко оценили его современники (см., например, рецензию Н. А. Добролюбова на названное сочинение Кикодзе. — Н. А. Добролюбов. Полн. собр. соч., т. 4. М., 1937, с. 308—309).

³⁴⁰ «Голос», № 199, 1978 г.

«Варварство русских в борьбе с Турцией» (Регенсбург, 1879). О турецких журналистах и говорить не приходится. Так, оказывается, русские были «виновны» в том, что «тысяча пятьсот семейств, бежавших из Сухума в лес..., умерли голодною смертью»³⁴¹. Однако эти сообщения были настолько необидительны, что даже лорд Борк 30 июня (12 июля) 1877 года в палате общин английского парламента «сведения» из Сухума о «жестокостях, совершенных русскими войсками», полученные через британского консула в Трапезунде, назвал «мнимыми»³⁴².

§ 5. Массовое переселение абхазов в пределы Османской империи

Самым печальным событием в Абхазии в 1877 году было **насилъственное**, в основном, переселение ее населения в Турцию, к чему турецкое командование, как мы видели, приступило с самого начала оккупации края. Многие русские великодержавные чиновники (военные и гражданские) и буржуазные военные историки стремились вину за первые неудачи царских войск в Абхазии свалить исключительно на местное население. Между тем эти неудачи были обусловлены, как нетрудно заключить из уже сказанного, в **первую очередь** бездарностью царских генералов. По этому поводу сам военный министр России Д. А. Милютин писал: «...Видно одно — неуверенность и трусливость как в самом главнокомандующем (речь идет о великом князе Михаиле Николаевиче. — Г. Д.), так и в помощнике его, князе Мирском. Оба они только видят одни затруднения, жалуются на недостаточность сил (теперь на Кавказе всего до 212 тыс. человек) и, как по всему видно, помышляют более о самосохранении, чем о решительных действиях в Азиатской Турции»³⁴³. А что касается генерала Кравченко, он просто покрыл себя позором. Турецкое командование, пользуясь ограниченностью и трусостью этого царского военачальника, легко ввело его в заблуждение.

Непосредственный свидетель событий Георгий Церетели весьма аргументированно снимает обвинения с мирного, лояльного в массе своей абхазского населения; еще более убедительно разоблачает истинных виновников катастрофы. «Мы не знаем, — пишет он, — какими политическими или стратегическими соображениями руководствовались при сдаче Сухума. Если необходимо и в настоящее время хранить тайну по этому предмету, пусть закулисная сторона дела останется для нас неизвестною — будущее все разъяснит. Тем не менее, однако, мы имеем основание и в настоящее вре-

³⁴¹ Ф. Марлене. Восточная война и Брюссельская конференция 1874—1878 гг., с. 357.

³⁴² «Правительственный вестник», № 145, 2 июля 1877 г.

³⁴³ «Дневник Д. А. Милютина. 1876—1877», т. 2, М., 1949, с. 167.

мя не верить причинам, на которые так смело указывают газеты... «Причину отступления Ингурского отряда и сдачи Сухума послужило возмущение абхазцев», — говорят нам. Признаемся, над этим стоит задуматься. Как? Та самая Абхазия, которая с давних времен составляла лучшую часть грузинского царства, в продолжение четырех веков боролась против турок за свою самостоятельность и только в последнее время успокоилась под властью русских, забывая все это и безумно протянула свою руку вековым врагам своим против благодетелей? Еще непонятнее то обстоятельство, чтобы правители Абхазии, десять лет сидевшие в Сухуме, не знали бы ничего о настроении абхазцев до момента появления турок!»³⁴⁴.

Во-первых, как мы видели, справедливое восстание против царского режима в Абхазии давно уже назревало, а война лишь ускорила его. Во-вторых, часть населения «изменила», по признанию самого генерала Кравченко, «под напором внешних влияний и военной силы»³⁴⁵, а исключительно жестокий характер этой военной силы и оккупации противника в Абхазии почувствовали с самого начала острейшим образом. Но начальник округа при этом умолчал о не менее существенном факте — о своем позорном отступлении, об оставлении края на произвол судьбы, чем противник и воспользовался немедленно. Кроме того, «удалил большую часть абхазцев от значительных постов, а оставшимся не слишком доверяет»³⁴⁶, поступок, который не мог еще более не осложнить политическую обстановку в крае.

Г. Церетели, раскрывая причины недовольства абхазского населения, приводит объяснения абхазов, с которыми он беседовал во время своего пребывания в Абхазии в августе 1877 года: «Мы в этом деле не виноваты; мы не имели против правительства нашего ничего дурного, хотя на нас и старались влиять приверженцы Турции; но когда нас бросили... и стали отступать от Сухума, оставляя нас на произвол судьбы, как бы предавая в руки турок мы невольно должны были подчиниться силе и взяться за оружие, желая тем спасти жизнь и честь как свою, так и наших семейств. Последствия этого налицо: мы разорены, наказаны и, все-таки, решились опять лучше быть под управлением законного нашего правительства, чем под управлением турок, всегда приносившего нам несчастье». Г. Церетели резюмирует далее: «Вот ответ тех, которых мы собирались судить так строго. Да и в словах абхазцев много правды. Не отступи генерал Кравченко при высадке в Сухуме махаджиров, или, отступая от Сухума, возьми жителей под свою защиту, турки не имели бы такого успеха, и жители, видя, что

³⁴⁴ Церетели. Письма с Кавказа. — «Голос», № 257, 1877 г.

³⁴⁵ ЦГВИА, ф. 485, д. 16, л. 4 (Рапорт П. Кравченко от 5 июля 1878 г. Д. Милютину).

³⁴⁶ Из отчета о положении дел в Абхазии, помещенного в газете St.-Peterburgs Herold* (был получен из Абхазии 11 июня 1877 г.). Цит. по: «Тифлисский вестник», № 144, 6 июля 1877 г.

их не бросают, не изменили бы нам»³⁴⁷. Заслуживает большого внимания для выяснения действительных причин событий в Абхазии и следующее заявление Г. Церетели: «Нам возражают, что абхазцы подняли же против нас оружие, что этот факт налицо. Никто и не отрицает самого факта — протестуют только против его объяснения. Абхазцы подняли оружие после того, как мы представили их своей судьбе, после того как турки пришли, заняли их край, отобрали у них семейства и угрозами заставили их идти против нас. Не оставляй мы абхазцев, они не задумались бы идти против турок... Навязывать же им, ради своего оправдания, чуждые им мысли — по меньшей мере, ошибка»³⁴⁸.

Обобщая эти и другие материалы в вопросе выяснения всех обстоятельств, обусловивших сложившуюся в Абхазии обстановку в период и в связи с русско-турецкой войной, современник и один из авторов цитированной выше многотомной работы «Война 1877—1878 гг...» делает такое заключение: «В рядах турок могли оказаться абхазские переселенцы, между которыми были самые знаменитые и влиятельные абхазские представители, пропитанные упорной ненавистью к России, да и среди оставшихся в Абхазии князей дело не могло обойтись без интриг. В этом случае несомненно было, что оставь наши войска абхазцев на произвол судьбы, предай их, так сказать, в руки турок, и они непременно станут на сторону их, так как турки обыкновенно не церемонятся в этих случаях, и если не убеждениями и обещаниями, то угрозами и отобранием заложников, жен и детей — заставят идти против русских. С другой стороны, беззащитность абхазского берега с моря, близость грозных турецких броненосцев, беспрепятственные высадки турецкого десанта и беззащитность наших отрядов, без сопротивления и немедленно покидающих этот край, не могли также не оказать сильного влияния на весьма еще воинственное и крайне впечатлительное население Абхазии... Будь у нас прочные укрепленные пункты на берегу моря или близ него, не оставляй наши войска берега, или, отступая от него, возьми жителей под свою защиту, — турки не имели бы большого здесь успеха... К сожалению, все случилось как раз наоборот»³⁴⁹.

Когда во время разгара событий представители царского командования начали упрекать абхазов в измене, последние заявили: «Вы нас оставляете, ружей нам не даете; махаджирь объявляют нам, что если мы к ним не присоединимся, то они нас разорят. Мы видим, что турки сильнее вас...»³⁵⁰.

Сошлемся также на письмо группы махаджиров от 24 июля 1879 года. «До начала русско-турецкой войны, — говорится в этом документе, — мы были верноподданными... России... Но в 1877 го-

347 «Голос», № 226, 25 сентября 1877 г.

348 Там же, № 257, 26 октября 1877 г.

349 «Война 1877—1878 гг...» под ред. г.-м. Зыкова, т. III, вып. II, с. 203.

350 Там же, с. 214—215.

ду начались неприязненные действия против турция и в Сухум прибыло 16(?) турецких броненосцев³⁵¹; при появлении их русские войска, оставив нас на произвол судьбы, удалились в горы, в укрепленное место под названием Цебельды. Увкдев это, турки вышли на берег вместе с местными жителями, выселившись до этого из наших пределов, и стали угрожать всем нам смертью, если не возьмем за оружие против русских. Сперва мы, жители Гумистинского участка, отказались наотрез от исполнения таких требований, но когда принялись нас сажать, под разными предложениями, в тюрьму и жечь дома наши, мы сдались³⁵².

О том, что «наибольшая часть» жителей Абхазии была предана России, свидетельствует и такой современный событиям автор, как К. Д. Мачавариани. Он подчеркивал, что эта часть населения «ни под каким видом не желала войны и инстинктивно предсказывала гибель Абхазии от первого появления турок на абхазской территории». «Почетные лица» и те, которые «имели влияние на народ» или обладали «запасом абхазского красноречия», «также признавали, в свою очередь, необходимым, в случае объявления войны, очистить прибрежные места, а с ближайших возвышенностей, которых немало в Абхазии, наблюдать за неприятелем и при первом его появлении открыть против него огонь»³⁵³.

Еще в ноябре и декабре 1876 года был сформирован из жителей Абхазии Сухумский конно-иррегулярный дивизион (командир — полковник Григорий Шервашидзе): 1-я сотня в Пицундском округе (командир — штабс-капитан Титу Маргания), 2-я сотня в Очемчирском округе (командир — поручик Бату Эмухвари). Младшими офицерами состояли: прапорщики Константин и Эссан Инал-ипа, Мехмед-Гирей Цамбаев и Асламаз Чхотуа³⁵⁴. В делах Сухумского окружного управления имеется несколько списков жителей Пицундского и Очемчирского округов, «желающих поступить в службу в Сухумский конно-иррегулярный полк»³⁵⁵. Накауне и в самом начале военных событий в Абхазии уже речь идет о четырех сотнях местной конной милиции³⁵⁶. В дальнейшем говорится о действиях самурзаканских шести сотен конно-иррегулярного полка, пяти сотен конно-иррегулярной милиции и трех сотен пешей милиции в составе Ингурского отряда. Имелись также резервные сотни. Активно действовала и дальская милиция (ополчение). Многие бойцы милицейских частей были награждены чинами, орденами и медалями «за отличия, оказанные ими в делах с неприяз-

351 Речь идет о шести единицах.

352 ЦГИАГ, ф. 15, оп. 1, д. 8, лл. 1—2.

353 Мачавариани. Народные смуты в Абхазии. — «Голос», № 198, 19 июля 1878 г.

354 ЦГВИА, ф. 960 (гр.), оп. 1, 1877 г., д. 2, лл. 8 об. — 9.

355 Там же, лл. 33, 41; д. 3, лл. 14, 22 об.

356 Там же, д. 3, лл. 13 об. — 14; д. 6, лл. 6 об., 28.

телем». В одном списке, относящемся к «нижним чинам», значатся 27 таких людей, а в другом — 254³⁵⁷.

Из отличившихся отдельных лиц можно особо отметить начальника кавалерии Ингурского отряда полковника Григория Шервашидзе, гвардии полковника Михаила (Алмахсита) Маршания, поручика Бату Эмухвари, прапорщиков Ивана Шервашидзе и Куджмахан Маргания. В частности, Г. А. Шервашидзе «отражал бомбардирование Сухума неприятельскою эскадрою, потом с 12 апреля 1877 г. по 1 сентября 1878 года... принимал участие в 12 сражениях в разных местах Абхазии с турецким десантом...»³⁵⁸. Были утверждены в чинах «за военное отличие» штабе-капитан милиции Давыд (Татластан) Маргания, подпоручик милиции Куджмахан Эмухвари, юнкера милиции Алибей Маршания, Кизилбек Маршания, Соломон Званбая и Дата Анчабадзе³⁵⁹, а офицер Самурзаканской конной милиции Георгий Курцикидзе был награжден орденом св. Станислава 3-й степени³⁶⁰. Были отмечены также словесный переводчик Цебельдинского попечительства Дугу Эшба, из Кодорского участка — Мсоуст Маршания, Кизилбек Анчабадзе и Емельян Дзалиш-ипа; самурзаканцы из конно-иррегулярного полка и милиции — Чагу Маргания, Чагу Анчабадзе, Кваджи Маргания, Чагу Эмухвари, Эристо Эмухвари и Шарван Козмава³⁶¹, а набакевский крестьянин Гваджи (Иосиф) Дзадзуа, имевший «большое влияние среди низшего класса», был награжден «знаком отличия военного времени» — он «был во всех боевых операциях и отличился храбростью»³⁶². Военными орденами были награждены также Александр Шервашидзе и Заурбек Дзалиш-ипа (с. Тхина)³⁶³, а сын псырцхинского крестьянина Алексей Ладария, бывший в рядах русской армии, получил Георгиевский крест, медаль «За храбрость» и офицерский чин³⁶⁴. Был награжден и крестьянин Хасан Пилия (с. Лыхны). Активное участие в событиях принимал и другой лыхнинский крестьянин — Цгу Гагулия (Дзугуипа)³⁶⁵. Солдатский Георгиевский крест получил также крестьянин из села Кутал Алексей Картозия, отец будущего известного абхазского революционера Самсона Картозия³⁶⁶. Особо следует ска-

³⁵⁷ ЦГИАГ, ф. 955, д. 5, лл. 31—40; ЦГВИА, ф. 960 (гр.), оп. 1, 1877 г., д. 3, л. 27.

³⁵⁸ «Кавказ», № 51, 24 февраля 1898 г.

³⁵⁹ Д. М. Анчабадзе, подвергавший «свою жизнь опасности», в июне 1877 года был представлен к ордену св. Георгия 4-й степени (ЦГИАГ, ф. 955, д. 1, л. 4).

³⁶⁰ ЦГАА, ф. 833, д. 28, лл. 18—20.

³⁶¹ ЦГИАГ, ф. 443, оп. 1, д. 157, лл. 48 — 48 об.; «Русский инвалид», № 201, 12 ноября 1878 г.; № 255, 17 ноября 1878 г.

³⁶² ИРК, ф. Е. Г. Вейденбаума. Картоотека (Словарь) кавказских деятелей — Дзадзуа Г. Н.

³⁶³ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 11), д. 2377, лл. 9, 23.

³⁶⁴ Н. Ладария. На заре моей жизни, с. 118.

³⁶⁵ ЦГАА, ф. 833, д. 58, лл. 10—11; ИР, ф. Е. Г. Вейденбаума, Картоотека (Словарь) — Гагулия-ипа Ц. Б.

³⁶⁶ ЦГАА, ф. 833, д. 59, л. 3.

зять об учителях Алексее Эмухвари, Григории Эмухвари, Григории Шервашидзе и Виссарионе Инал-ипа, которые служили в частях Ингурского отряда и получили награды — знаки военного ордена св. Георгия³⁶⁷ и медаль «За войну 1877 — 1878 гг.»³⁶⁸. Первый из них был награжден еще золотыми часами «за то, что он, рискуя потерять жизнь, побывал, для разведки, в занятию турками Сухуме»³⁶⁹. На военную службу поступили также многие взрослые учащиеся. Так, например, 10 учеников Бедийской школы служили в милиции³⁷⁰. Заслуживает особого внимания и самоотверженный поступок лыхнинского священника и переводчика (кстати, одного из участников составления абхазского букваря 1865 года) Иоанна Гегия. Три месяца он скрывался от турок, но 5 августа его все же нашли и, по некоторым данным, агенты Озбека Маргания задушили его, так как он, «будучи абхазцем, не желал ехать в Турцию и удерживал свой приход»³⁷¹, «внушал своим прихожанам оставаться верными» России³⁷².

Многочисленные факты свидетельствуют о теплом отношении населения ряда абхазских сел к русским войскам. Отряду Шелковникова переправиться через бурную реку Цандриш помогли местные жители, которые перетянули канат³⁷³. В с. Гагриш к Б. М. Шелковникову приехал князь Константин Инал-ипа, который сообщил, что за р. Бзыбь «все население ждет русских как спасителей; просят скорейшего вашего прихода, чтобы избавить их от вражеских десантников, «которые гонят насильно народ к берегу моря для перевозки в Турцию, жгут их селения, забивают скот и грабят их положительно, в особенности же христиан». Приехал также старшина из села Калдахвара «просить пощады и защиты»³⁷⁴. Лыхнинские крестьяне навстречу к Шелковникову послали делегацию — Даута Хикуба и Хасана Пилия, которая от имени населения заявила полковнику: «Если ты идешь для [освобождения] народа, то иди быстрес, если же идешь для [ради] земли, то можешь придти и через пять лет». Записка с этими словами была вложена в просверленное древко кнута»³⁷⁵. И генерал Кара-

367 ООВПХК за 1877 год, с. 34.

368 «Памятная книга Кавказского учебного округа». Тифлис, 1879, с. 335.

369 ООВПХК за 1877 год, с. 34.

370 Там же.

Надо подчеркнуть, что вообще народные ополчения, милицейские части кавказских народов во время русско-турецкой войны 1877—1878 годов сыграли большую роль. Этот важный вопрос хорошо освещен в книге Ш. В. Мсгрелидзе «Закавказье в русско-турецкой войне 1877—1878 годов» (с. 102—124). Между тем дореволюционная историография почти не затрагивает участия народов Кавказа в боевых действиях в составе русских войск.

371 «Русский мир», № 295, 29 октября 1877 г.

372 ООВПХК за 1877 г., с. 11.

373 К. Д. Мачавариани. Описательный путеводитель..., с. 306.

374 П. Щастливцев. Наступление Сочинского отряда. — «Тифлисский вестник», № 201, 17 сентября 1877 г.

375 ЦГАА, ф. 833, л. 58, л. 10.

малин отмечал, что «лыхнинское население с восторгом приветствовало возвращение из Гудаут в лагерь войск наших, очистивших в этот день (11 августа. — Г. Д.) от турок... всю местность до села Аацы...»³⁷⁶. Начальник отдела полковник Аракин в Записке от 24 августа 1878 года отмечал, что вообще большинство населения Бзыбской Абхазии встретило Шелковникова «как своего защитника»³⁷⁷.

Население во многих случаях помогало русским войскам транспортом, ремонтом мостов и дорог, переправляться через реки и труднопроходимые места, снабжало продовольствием и т. д. Например, в селе Бармыш «абхазцы понавозили в отряд разной птицы, молока, винограду. Лошади получили хорошую порцию кукурузы...»³⁷⁸. «По дороге к Гудаутам, — писал другой автор, — не вдалеке от р. Амшиш (Мчиш. — Г. Д.), где наш отряд имел ночлег., нас встретила громадная толпа абхазцев, которые... были очень рады при виде войск нашего отряда»³⁷⁹. Люди «выказывали самое дружественное отношение к войскам, пригоняя к ним скот, принося целые ведра вина и угощая фруктами»³⁸⁰. Они сдавали, кроме того, оружие, розданное им турками³⁸¹. Даже генерал Кравченко подчеркивал, что войска Сухумского отряда во время переправы через Багадский мост «пользовались услугами местных жителей, выставлявших арбы для переправы больных и раненых» и являлись с «предложениями продать чуреки, кукурузу и прочее»³⁸². Что касается Самурзаканского участка, то все взрослые его жители «или служили в милиции, или занимались перевозкою казенных грузов»³⁸³. Сами крестьяне в своем заявлении на имя наместника Кавказа от 7 ноября 1882 года отмечали, что в начале войны население было «призвано к оружию, и не осталось в Самурзакани ни одного крестьянского семейства, которое не выставило бы одного или двух воинов, пеших и конных, которые составляли громадное ополчение, сражались с врагами во все продолжение войны. Многие из них положили свои головы на поле брани, другие вернулись искалеченными...»³⁸⁴.

Доброжелательное отношение к русским войскам проявляли и соседние горцы. Например, отряд генерала Бабича, двигавшийся в Абхазию через Главный Кавказский хребет по труднодоступным

³⁷⁶ «Материалы...», т. VII, ч. II, Особое приложение, с. 300. Репорт командующего войсками Кубанской области и Черноморского округа от 14 ноября 1877 года главнокомандующему Кавказской армии.

³⁷⁷ ЦГИАГ, ф. 545, д. 2307, лл. 45 — 45 об.

³⁷⁸ «Русский мир», № 261, 25 сентября 1877 г.

³⁸⁰ «Война 1877—1878 гг.» под ред. г.-м. Зыкова, т. III, вып. II, с. 223.

³⁸¹ Н. Кучинский. Указ. соч.

³⁸² ЦГВИА, ф. 485, д. 16, л. 12 (Ген.-м. Кравченко. По поводу действий бывшего Сухумского отряда).

³⁸³ ООПХК за 1877 г., с. 34.

³⁸⁴ ЦГИАГ, ф. 231, д. 74, л. 16 об.

тропам, успешным выполнением поставленной перед ним задачи был обязан также помощи населения. Прибыл он в Цебельду 12 августа, а оттуда направился на Гума-Сухум. Для перевозки запасов провианта и грузов, находившихся при войсках, потребовалось до 1 000 вьючных лошадей, способных вынести труднейший поход через горы в районе вечных снегов, вожаки и т. д. Узнав о сборе отряда, горцы Кубанской области сами предложили своих лошадей с коноводами, без всякого вознаграждения за это, причем в самый разгар полевых работ, а также помогали материальными средствами. Кроме того, в состав русского отряда вошел особый конно-иррегулярный полк, составленный из горцев Западного Кавказа, который в боевых действиях проявил себя с самой лучшей стороны³⁸⁵. Интересно также отметить, что привезенные из города Сухума в Баталпащинский уезд для распространения воззвания Мустафы Фазли-паши, «были представлены начальству самими горцами»³⁸⁶. Автор этих строк, Н. Буткевич, констатировал и то, что русско-турецкая война 1877—1878 годов доказала, что 500 000 черкесов, выселенных с Западного Кавказа, «не образовали в руках Турции опасной» для России «военной силы»³⁸⁷.

Теперь перейдем к иллюстрации и анализу дополнительных материалов, раскрывающих насильственный характер переселения абхазского населения в Турцию. Еще во время военных событий, 21 августа 1877 года, Венское телеграфное агентство передало сообщение: «Абхазцы не хотят отправляться на турецких судах и бегут в лес. Турки сжигают абхазские села, чтобы принудить абхазцев к выселению; они ведут с генералом Алхазовым переговоры об изъявлении покорности»³⁸⁸. Это отмечали и другие газеты. «Кавказ» так и писал: «Уже не раз газеты передавали известие, что большинство или, во всяком случае, значительная часть переселенцев из Абхазии были увезены в Турцию против их желания и воли»³⁸⁹. Сама эта газета 11 августа 1877 года писала: «Из Окума нам сообщают, что турки за Кодором, сосредоточиваясь к устьям Маджарки и Келасури, жгут сплошь все поселения, выбирая весь скот, силою сгоняя абхазцев к берегу и силою же перевозя их в Турцию (как говорят, на 25 пароходах). Кто успеет — бежит в горы и леса... На этой стороне Кодора только в Самурзакапи... все остались на своих местах...».

Даже бывший председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии А. Н. Введенский, отрицавший в принципе насильственный характер переселения абхазов в Турцию в 1877 году, вынужден был признать, что «в числе их есть некоторые подвергшиеся

³⁸⁵ См.: «Кубанские областные ведомости», № 9, 4 марта 1878 г.

³⁸⁶ Н. Буткевич. Мусульманский вопрос на Кавказе (1877 г.). — РО ГИБ, ф. 73, Бильбасова В. А. и Красевского А. А., д. 844, с. лл. 15(18), 22(11 об).

³⁸⁷ Н. Буткевич. Указ. рук., л. 22(11 об).

³⁸⁸ Цит. по: «Голос», № 196, 26 августа 1877 г.

³⁸⁹ «Кавказ», № 190, 23 сентября 1877 г.

насильственному выселению — в этом нет никакого сомнения, и лучшим доказательством этому служит уход в Турцию мингрельцев, живших около Сухума, в имени князя Шервашидзе»³⁹⁰. Более того, он подчеркивал, что турецкие оккупанты физически уничтожали абхазов, которые отказывались от переселения или оказывали им сопротивление. «По словам очевидцев, — писал А. Н. Введенский, — группы нескольких десятков абхазцев, не желавших выселиться и защищавших честь своих семейств, страшным образом обезображенные, валяются тут же, на набережной (Сухума. — Г. Д.), вместе с трупами убитых во время перестрелок турок. Около маяка сложено в кучу до тридцати тел абхазцев с связанными руками и с перерезанными горлами. Эти несчастные, как видно, в последний момент оказали сопротивление. По всему видно, что с абхазами турки так же мало церемонились, как и с беззащитными болгарам...»³⁹¹.

Уже упоминавшийся современник событий Николай Ладария в своих воспоминаниях рассказывает, что турецкий паша принуждал абхазов присягать султану на верноподданство и заставлял их воевать с русскими. В. Ладария, отец Николая, отказался стрелять в русских. «Разве я могу стрелять в своего собственного сына, может быть, еще живого?!» Когда же турки пригрозили ему смертью, он «начал стрелять в сторону, где русских вовсе не было»³⁹². О судьбе своей матери Н. Ладария сообщает, что она «ни за что не хотела покинуть свою родину», а для этого ей нужно было бежать с детьми в лес и укрываться до возвращения русских войск. Но к ним был приставлен караул, и они уже не могли совершить побег. В таком положении они находились в течение недели, а затем им было приказано немедленно отправиться на берег. Дорогой «мать плакала, и другие были скучны»³⁹³.

Турки нещадно грабили абхазское население. Так один из их отрядов, собиравшийся отплыть из Сухума, «забрал у жителей до трехсот женщин, предназначая их для своих гаремов», а также весь запас кукурузы, «какой только могли собрать за Кодором», скот и прочее имущество. Нередко между абхазским населением и турецкими оккупантами «происходили кровавые схватки»³⁹⁴. О положении в районе Кодора газета «Тифлисский вестник» за 7 сентября 1877 года писала: «Абхазцы вовсе не желали переселиться в Турцию, так что турки, собственно говоря, силой и угрозами их к тому заставили. «Вас русские всех перережут как измянников, лучше переселяйтесь», — говорили турки».

В числе насильственно угнанных в Турцию были хорошо известные нам Хусейн Лакрба и Решид Гечба (Геч). К. Д. Мачава-

³⁹⁰ А. [Введенский]. Письма об Абхазии. — «Кавказ», № 222, 3 ноября 1877 г.

³⁹¹ Там же, № 220, 1 ноября 1877 г.

³⁹² Н. Ладария. На заре моей жизни, с. 112.

³⁹³ Там же, с. 112—113.

³⁹⁴ «Голос», № 195, 25 августа 1877 г.

риани приводит последние слова Хусейна, обращенные к народу: «Братья мои! Берут нас насильно., если вы останетесь живыми... передайте ему (русскому правительству. — Г. Д.), чтобы нас считали военнопленными!»³⁹⁵. Говорят, последними словами старца, обращенными к народу, были: «Меня увозят, но слова мои остаются здесь!» А Рашит Гечба просил передать наместнику Кавказа о своем желании «вернуться назад»³⁹⁶. Газета «Дрозба», систематически печатавшая материалы об Абхазии, из которых было видно «как, в каких условиях и в результате какого насилия произошло выселение абхазов в эту войну», писала: «Значительная часть абхазов, приведенная на фелюги для отправки в Турцию, плакала, редела, руки протягивала: передайте русскому правительству, что мы едем против своей воли, насильно угоняют нас и поэтому пусть оно считает нас военнопленными»³⁹⁷. Группа абхазских махаджиров в Батуме обратилась к великому князю Константину Николаевичу с заявлением, в котором говорилось: «Нас насильно угнали турецкие войска. Мы, христиане, никогда ничего против русской власти не задумывали и поэтому просим разрешить нам вернуться на родину»³⁹⁸.

Многие из абхазских махаджиров жаловались русским властям, что их увезли в Турцию насильственным путем и просили возвратиться на родину. Так, жена лыхнинского дворянина Тагу Маргания, Макрына, в заявлении от ноября 1879 года на имя наместника Кавказа писала, что она с мужем и пятью малолетними детьми «были захвачены турками и увезены в плен, где находились под страшным гнетом турок около двух лет», а в октябре 1879 года они бежали в Батум³⁹⁹. Юнкер милиции Константин Маргания, служивший в Батуме в качестве переводчика у военного губернатора, сообщает, что племянники его Хирипе, Алхыстан и Кач Маргания — ученики Новофонской школы «были забраки как пленные и отвезены в Турцию», где их поселили в деревне Касару, возле г. Измита. Далее он приводит список других своих родственников из фамилии Маргания и Ладария (21 чел.), «которые также в числе пленных были забраки туда же»⁴⁰⁰. Известны и другие факты насильственного увоза турецкими войсками учащихся школ Абхазии. Так, в отчете попечителя Кавказского учебного округа за 1877 год говорится: «Сухумская горская школа и тамошняя женская прогимназия сожжены и имущество их разхищено неприятелем, а из учащихся многие увезены турками в Трапезунд...»⁴⁰¹.

³⁹⁵ Мачавариани. Народные смуты в Абхазии. — «Голос», № 199, 20 июля 1878 г.

³⁹⁶ Там же.

³⁹⁷ «Дрозба», № 158, 1878 г.

³⁹⁸ «Дрозба», № 123, 1879 г.

³⁹⁹ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1880 г., д. 2073, л. 37.

⁴⁰⁰ Там же, лл. 78 — 79.

⁴⁰¹ ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 203, д. 2790, л. 1.

Псырцхинский (Новоафонский) псаломщик-грузин, а впоследствии учитель Иессей Шелия 24 мая 1878 года дал следующее показание протоиереев Д. А. Мачавариани: «Во время вторжения турецких войск в Абхазию в апреле месяце прошлого 1877 года я находился при Псырцхинской церкви. Несмотря на всевозможные старания мои, я никак не мог бежать из Абхазии и через то спаслись от турок, так как турки за каждым шагом всех следили. 10 числа августа того же 1877 г. объявили абхазцам, что хотят их взять в Турцию... Абхазцы, встревоженные от такого неожиданного объявления, долго колебались и ни на что не решались. Наконец приказано было им собраться к берегу моря и оттуда взяли их, одних добровольно, а других против воли, в числе которых и я попался. Нас отправили прямо в Трапезунд, оттуда в Самсун, а из Самсуна в Константинополь. В Константинополе мне позволено было свободно ходить, так как я говорил по-абхазски и на спрос турок всегда отзывался, что я абхазец и держусь магометанского вероисповедания, отзывался же так потому, что боролся, чтобы не убили меня, так как они христианского духовенства не терпели и жестоко их гоняли и даже при удобном случае убивали»⁴⁰². И. Шелия, испытавший «всякого рода лишения, оскорбления, мучения и истязания», спасся от гибели благодаря германскому консулу в Турции⁴⁰³.

Бывшие жители с. Яштхуа, вдовы М. Хиба, Х. и Ф. Кецба, бежавшие из Турции в Батум, в письме от 20 октября 1880 года генералу Меликову от имени 40 членов своих семейств писали: «Во время последней русско-турецкой войны, проживая в Сухумском отделе, мы были в числе семи семейств увезены против своего желанья в Турцию»⁴⁰⁴. Таким образом был угнан в Турцию и крестьянин с. Лыхны Мачагва Лакоба⁴⁰⁵. Жители с. Лыхны Игнатий Джергения и Алексей Дзария (Дзидзария) в заявлении от 4 августа 1910 года на имя директора канцелярии заместника Кавказа писали: «Наши отцы, истратив на улучшение своего хозяйства последние свои сбережения и дорожа теми местами, где лежат прахи умерших сестер, братьев и отцов, отказались от добровольного оставления своих мест»⁴⁰⁶.

И такой автор, как В. Рюстов, не мог не признать, что абхазы не проявили «склонности простого подчинения туркам». Этим он и объяснял тот факт, что турецкие войска не могли проникнуть в глубь Абхазии, а держались в основном на побережье. Правда, немецкий буржуазный историк не удержался от обычного ложного заявления, что главная причина переселения абхазов — это все-таки стремление их «спастись» от русских, а военные действия на

⁴⁰² ЦГАА, ф. 1, д. 391, л. 3.

⁴⁰³ Там же, л. 1.

⁴⁰⁴ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1880 г., д. 2069, л. 183.

⁴⁰⁵ Там же, ф. 231, д. 380, л. 5.

⁴⁰⁶ ЦГАА, ф. 833, д. 19, лл. 1—2.

Абхазском побережье турками велись также будто «в сущности ради... безопасности» населения края⁴⁰⁷.

Наконец сошлемся на авторитетное мнение К. Д. Мачавариани, непосредственного свидетеля событий, проявлявшего к ним глубокий интерес. «Не отступил отряд (Кравченко. — Г. Д.), — подчеркивает он, — никогда абхазцы не решились бы пристать к турецким десантам и к приехавшим своим сородичам. Наконец, факт, что многие абхазцы силой были увезены в Турцию, а многие были найдены убитыми за то, что они обнаружили сопротивление против турок... Любили ли абхазцы свою землю, свою родину? Да, они любили, коли многие из них при переселении в Турцию брали в мешки горсть родной земли, чтобы с ней лечь в могилу на чужой земле»⁴⁰⁸.

Таким образом, не подлежит никакому сомнению то, что турецкие оккупанты «увезли наших... абхазцев» в Турцию⁴⁰⁹. И этим безгранично печальным делом непосредственно руководил сам командующий турецкой эскадрой Гобарт-паша⁴¹⁰.

А царский консул в Трапезунде в своем письме от 2 августа 1877 года управляющему Министерством иностранных дел России абхазских переселенцев 1877 года характеризовал как «добровольно» «ушедших в Турцию вместе с войсками»⁴¹¹. Подобное мнение высказывали и некоторые дореволюционные авторы⁴¹². Клеветали на абхазов также реакционные публицисты, которые вместе с тем, естественно, ратовали за их переселение в Турцию. Так, некий Г. В. М-в на страницах газеты «Русский мир» от 6 октября 1877 года, «разбирая» будущее Абхазии, «приходил» к заключению, что, как ни редко население последней, «а все-таки нужно очень радоваться переезду наших соотечественников-абхазцев в Турцию... Их откочеванье, — продолжал он, — освободит от затруднений сухумскую администрацию в разрешении вопроса, чем должна быть Абхазия — Францией или Швейцарией. В такой именно форме и выражениях вопрос о будущем Сухумского отдела ставился не более как два-три года. Оригинальная форма местного административного вопроса происходила от неудобного расселения жителей отдельными хуторами (Швейцария); администрация же, для удобства управления, хотела скучить население в определенные центры (Франция). Теперь этот вопрос разрешился сам собой...». Автор работы «Мусульманский вопрос на Кавказе» (1877 г.) Н. Буткевич кавказских горцев, в том числе и абхазское население, называл «домашними врагами». Поэтому он считал, что их

407 W. Rüstow. Указ. соч., с. 416—417.

408 К. Д. Мачавариани. Описательный путеводитель... с. 299, 309.

409 [Г. Е.] Церетели. Письма с Кавказа. — «Голос», № 197, 26 октября 1877 г.

410 «Морской сборник», 1877, т. CLXII, № 10, м. х., с. 29.

411 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1880 г., д. 2069, л. 57.

412 См., например, [П. Попов, Ив. Митропольский]. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1902, с. 166.

переселение может принести царизму «только одну пользу», а на оставшихся «свободных землях» Абхазии, Черноморья, Кубани и Терека предлагал «водворить» преимущественно «соплеменников», что позволит стать «твердою ногою как на Кавказе, так и в Закавказье»⁴¹³.

Об английских дипломатах в Турции (Лейард, Билюотти) и говорить не приходится. Они всячески изображали дело таким образом будто махаджиры покинули свою родину совершенно добровольно⁴¹⁴.

Те абхазы, которые чудом уцелели на родине, цепко держались за свою землю. Новый начальник Сухумского отдела полковник П. И. Аракин, говоря о положении в Абжуйской Абхазии, отмечал, что «это несчастное население все-таки предпочло отдать свою судьбу, свое благо великодушию русского правительства, приняв... кару, чем попасть под управление турецкой власти и, несмотря на свою легковерность и впечатлительность, оно не поддалось ни подстрекательствам, ни уговорам, ни угрозам переселявшихся, даже увод некоторых семейств не смогли его вынудить к поголовному выселению; одну только просьбу решались они предъявить мне: «что хотите делайте, только не выселяйте нас в Турцию»⁴¹⁵. То же самое было в центральной и в северо-западной частях Абхазии, где население также просило «об одном — не выселять их, надеясь, что русская власть милостива и круто не распорядится с их судьбою»⁴¹⁶. О насильственном характере переселения абхазов в Турцию свидетельствует и тот факт, что многие были отправлены туда в то время, когда их близкие (отцы, сыновья, братья) находились со стадами скота в горах — на летних пастбищах.

За время войны край был полностью разорен, а население, в первую очередь крестьяне, доведено «до крайней нищеты»⁴¹⁷. По этому поводу в газете «Голос» мы читаем: «По приблизительному счету, в Абхазии, после выселения туземного населения в Турцию, осталось всего около пяти тысяч душ. Положение их в настоящее время в высшей степени печально: проходившие через села войска уничтожили положительно все, что у них было. Они забрали домашнюю утварь, припасы, одежду, домашний скот и пр.»⁴¹⁸. Поля, сады, виноградники — все это истоптано, уничтожено и не скоро уже может быть приведено в прежнее положение»⁴¹⁹.

Конечно, какая-то часть абхазского населения и в 1877 году

⁴¹³ РО ГПБ, ф. 73, Бальбасова В. А. и Краевского А. А., д. 844, л. 41(21).

⁴¹⁴ С. И. Джергения. Из истории переселения абхазов в Турцию в 1877—1878 гг. — «Проблемы истории стран Ближнего и Среднего Востока», М., 1979, с. 51.

⁴¹⁵ ЦГИАГ, ф. 545, д. 3207, л. 42 об.

⁴¹⁶ Там же, л. 45 об.

⁴¹⁷ «Тифлисский вестник», № 195, 10 сентября 1877 г.

⁴¹⁸ От них не отставали и абхазские князья и дворяне, которые прибрали к своим рукам опустошенные земли и имущество, оставленное крестьянами.

⁴¹⁹ «Голос», № 154, 5 июня 1878 г.

ушла в Турцию без непосредственного принуждения. Немалую роль в провоцировании переселенческого движения сыграла прежде всего агитация, которая была развернута здесь турками и привезенными ими абхазскими махаджирами. По словам бывшего махаджира Антона Гуатас-ипа, они рассказывали о том, что в Турции «много золота, ослов даже кормят исключительно рисом и украшают их золотом; там тыква растет таких громадных размеров, что буйвол может свободно помещаться в ней, там рай... Нас ждет довольство, а если оставемся здесь, нас перережут русские за измену»⁴²⁰. Не приходится отрицать и роль мусульманской религии. А. Н. Введенский, правда, преувеличивавший значение этого фактора, справедливо отмечал, что ушло «добровольно» население особенно из тех районов и селений, где наиболее сильным было влияние мусульманской религии. Такими, например, в Кодорском участке были Джгерда, Члоу и Гуп; то же можно сказать о Гумистинском участке в целом⁴²¹.

Особенно значительна была предательская роль туркофильствующих абхазских князей и дворян. Недаром царские чиновники подчеркивали, что переселение абхазов происходило «во главе с привилегированным классом». Начальник Сухумского отдела полковник П. И. Аракин, например, утверждал, что это переселение было вызвано именно «подстрекательствами, уговорами и даже принятием некоторых насильственных мер к понуждению поголовного выселения в Турцию» со стороны феодалов; «народ остался на своих местах только там, где или не было привилегированного класса, или он не удался в Турцию. Самый резкий пример в этом отношении представляют сел. Лдзаа и Лыхны; в первом, за отсутствием привилегированных фамилий, все жители, несмотря на затруднительное положение среди возмущившего населения, остались на своих местах; во втором, составленном из бывших подвластных князя Михаила Шервашидзе и амиста Маргания, лица Драх-ипа, выселились только последние со своим бывшим владельцем. Даже обратное возвращение из Турции того или другого привилегированного лица непременно сопутствуется его подвласт-

⁴²⁰ СЗМ, 1914, № 1, с. 16.

О безудержном восхвалении жизни в Турции много рассказывают махаджеры и их потомки. Так, внучка гумского крестьянина Дуга Авидза, Ольга Авидза-Капба, сообщает, что турки действительно убеждали абхазов, что там, в Турции, райская жизнь, особый урожай, тыквы невероятной величины (два человека не подымут одну штуку!), а пчелы крупнее курицы — и «мед течет рекой». Населению также внушали, что приехавшие в эту «сказочную страну» получат все. Когда соблазнившиеся на все это люди добрались до Сухума и стали у причала ждать отправления, они были изумлены таким зрелищем: «На рейде стоял турецкий корабль. Для привлечения абхазов он был празднично украшен разноцветными флажками и лентами, усажен колокольчиками... играла веселая музыка. А люди... видя все это, больше убеждались, что действительно их там ждет счастливая жизнь. Особенно молодежь...» (Архив ДИЯЛЦ, ф. 1, оп. 1а, д. 5/24, лл. 42—43).

⁴²¹ А. [Введенский]. Письма об Абхазии. — «Кавказ», № 222, 3 ноября 1877 г.

ными (как, например, князь Чиловской общины Гид Анчабадзе со своими подвластными, содержащимися под надзором в настоящее время, впредь до решения его участи)⁴²². В «Записке» от 24 августа 1878 года П. И. Аракин также подчеркивал, что «в тех общинах, где было меньше привилегированного класса, население почти оставалось целиком на своих местах, как, напр., Лыхнинская, Отхарская...»⁴²³.

Одну из главных причин такого поведения абхазских феодалов в целом верно объяснял А. Н. Введенский. «Что при настоящем выселении абхазцев привилегированные сословия играли значительную роль, в этом не может быть сомнения... Они постоянно тайно... поддерживали сношения со своими родственниками в Турции, из которых многие успели добиться там хорошего положения. Эти последние всегда доказывали сравнительно лучшее положение высших классов в Турции, где они сохранили свои права на подвластных. Надежда на восстановление своих утраченных в России прав с переселением в Турцию вместе с бывшими своими подвластными была одною из главных причин, заставивших высшие сословия желать переселения в Турцию. Желание это иногда высказывалось даже гласно в форме хвалебных гимнов Турции и описания того положения, в котором находятся там высшие классы... Что виновники... выселения абхазцев — высшие классы, это подтверждается тем, что большинство выселившихся из числа бывших зависимых принадлежит таводам и амиста, ушедшим в Турцию, и наоборот, бывшие зависимые лица оставшихся верными правительству, не покинули Абхазию»⁴²⁴.

Многие решались на переселение из-за нежелания «отстать от своих». Так, один старик, собравшийся ехать в Турцию, на вопрос, зачем он оставляет родину, ответил: «Нет... я здесь не останусь. Будет плохо или хорошо, я не хочу отстать от своих, а если умру, то на груди моей всегда будет лежать земля родной моей страны. Сумка моя наполнена землей из моего родного села...»⁴²⁵.

Надо сказать, что некоторые лица, умудренные жизненным опытом, понимавшие всю пагубность для народа переселения в султанскую Турцию, сыграли исключительную роль в препятствии этому процессу. Мы уже говорили о действиях Хусейна Лакрба и Иоанна Гегия. Лыхнинские крестьяне Хасан Пилия и Цгу Гагулия (Дзугу-ипа), по рассказу очевидца, также тайно собирали людей и уговаривали их не поддаваться турецкой агитации и дожидаться прихода русских войск⁴²⁶. О последнем и в документе подтверждается, что он «добросовестностью своей и умением склонил многих абхазцев к возврату от неприятеля... и способ-

⁴²² ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 190, лл. 1—2.

⁴²³ Там же, ф. 545, д. 3207, л. 45.

⁴²⁴ А. [Введенский]. Указ. соч. — «Кавказ», № 222, 3 ноября 1877 г.

⁴²⁵ К. Мачавариани. Очерки Абхазии. — «Черноморский вестник», № 254, 14 ноября 1899 г.

⁴²⁶ ЦГАА, ф. 833, д. 58, л. 10.

ствовал к облегчению движения в Абхазии отряда полковника Шелковникова⁴²⁷. Другой лыхнинский крестьянин Соломон Пайтепа, также отличился своей агитацией против переселения в Османскую империю, за что был убит⁴²⁸. А в селе Бармыш под воздействием Константина Инал-ипа все жители «отказались от переселения»⁴²⁹. Из Абжуйской Абхазии в этом отношении можно назвать Даура Ачба (с. Ткварчели) и Маху Делба (с. Адзюбжа). Первый был убит турками, а дом его сожгли за то, что уговорил своих крестьян бежать в горы и ущелья⁴³⁰. Делба не уехал в Турцию и не отпустил ни одного члена своей семьи, а русские войска встретил традиционным хлебом и солью, за что получил благодарность⁴³¹. В Самурзаканской части Абхазии братья Шмаф и Муракан Анчабадзе призвали население к защите родной земли⁴³².

В 1877 году турецкое командование увезло из Абхазии и некоторое количество неабхазского населения. Это относится, например, к жителям соседней Мгреллии и других районов Грузии, которые в тот момент оказались на территории военных действий. Некоторые из этих переселенцев в своем обращении к австрийскому, итальянскому и испанскому консулам категорически заявляли, что турки их «силой заставили... переселиться»⁴³³. Это относится и к колонистам-крестьянам, которые также не успели своевременно эвакуироваться из края. Так, греки, жившие в горах, в с. Псху (18 дворов), не зная ничего о событиях, попали в плен к турецкой армии. Их отправили в Трапезунд, а после заключения мирного договора, из «оставшихся в живых», 12 семейств вернулись в Абхазию, где им было отведено по 30 десятин земли⁴³⁴. Бежали в Турцию, а затем вернулись обратно и некоторые греческие семейства из села Андреевского и верховьях Гумисты⁴³⁵.

О количестве высленного из Абхазии в 1877 году населения очень трудно судить. Во всяком случае, назвать точную цифру не представляется возможным. На этот счет имеются весьма противоречивые сведения. В газете „Wiener - Tagenblatt“ сообщалось: «Население Абхазии считается приблизительно в 70 000 душ; из них в Сухум-Кале прибыло уже 40 000 человек со 100 000 голов скота. Посадка их на суда, само собой разумеется, может идти лишь медленно. В последние 8—10 дней в Трапезунд привезено

427 ИРК, ф. Е. Г. Вейдсбаума, Картотека (Словарь) кавказских деятелей, — Тагулия-ипа Ц. Б.

428 ЦГАА, ф. 27, д. 21, лл. 51, 55.

429 А. [Введенский], Указ. соч. — «Кавказ», № 222, 3 ноября 1877 г.

430 Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1 а, д. 5/24, л. 76.

431 Там же, сл. 72—73.

432 შ. მეტრეველი. საქართველო არძობეზღუთის ომებში. თბილისი, 1974, გვ. 75.

433 «Русский мир», № 271, 5(17) октября 1877 г.

434 СМЗ, 1912, № 1, с. 9; ИКОРГО, 1902, т. XV, № 3, с. 181.

435 ИКОРГО, 1902, т. XV, № 3, с. 181.

около 12 000, большей частью женщин и детей»⁴³⁶. В 1878 году в газете «Кавказ» и сборнике «Известия Кавказского отдела Русского географического общества»⁴³⁷ была опубликована официальная таблица⁴³⁸ о населении Абхазии до войны и количестве выселившихся в Турцию в 1877 году. Во вводной части к ней говорится: «В печати не раз приводились цифры о количестве абхазцев, выселившихся в Турцию в последнюю войну. Цифры эти отличались разноречием и вообще преувеличением. Мы имеем возможность в настоящее время поделиться с читателями достоверными сведениями о количестве туземного населения в Сухумском отделе до и после войны». Но в достоверности этих сведений тоже можно сомневаться. Согласно указанной таблице, в Абхазии к моменту войны было 75 698 чел., из них выселилось в Турцию или «пропало без вести» — 31 964 человека⁴³⁹. По сведениям Г. Церетели в Турцию увезли 48 тысяч абхазцев⁴⁴⁰, а по С. Месхи⁴⁴¹ и В. Рюстову — 50 тысяч⁴⁴². «Русский мир» также называет цифры 50 тыс. махаджиров и 16 500 голов скота⁴⁴³; по данным английского вице-консула в Трапезунде Виллиотти количество абхазских переселенцев доходило до 45 000⁴⁴⁴; «Новое время» приводит цифру, едва превышающую 30 000⁴⁴⁵; по некоторым другим источникам — 35 000⁴⁴⁶ и т. д.

К. Д. Кудрявцев писал: «Лица, стоявшие близко к этому делу, считают, что в 1877—1878 годах из Абхазии выселилось до 50 процентов всего населения»⁴⁴⁷. Если же из всех имеющих по это-

⁴³⁶ Цит. по: «Московские ведомости», № 219, 4 сентября 1877 г.

⁴³⁷ См.: «Кавказ», 11 июня 1878 г.; ИКОРГО, 1878, т. V, № 3, с. 290—291. См. также ЦИАГ, ф. 231, д. 451, л. 1.

⁴³⁸ Таблица печаталась с ошибками, исправления которых даны в той же газете от 21 июня 1878 года. Составлена она на основании сведений, сообщенных и. д. начальника Сухумского отдела полковника П. И. Аракимом.

⁴³⁹ Причем выселение произошло в участках (Кодорском, Гумистинском, Гудаутском), «населенных сплошь абхазцами», число которых превышало до войны цифру 51 000, а осталось — около 19 000 (ИКОРГО, 1878, т. V, № 3, с. 294).

⁴⁴⁰ «Голос», № 157, 26 октября 1877 г.

⁴⁴¹ В. З. Д. в. თბილისში, ტ. III, თბილისი, 1964, გვ. 21.

⁴⁴² W. Küstow. Указ. соч., с. 417.

⁴⁴³ «Русский мир», № 271, 5(17) октября 1877 г.

⁴⁴⁴ См.: С. И. Джергения. Указ. соч., с. 45.

⁴⁴⁵ По сообщению английского вице-консула в Трапезунде Виллиотти, турецкие войска при отступлении намеревались вывезти свыше 100 тыс. голов скота. Но вследствие нехватки транспорта и панического характера отступления, они вывезли лишь примерно половину указанного количества. Кроме того, около 2—3 тыс. голов скота было прирезано, а их шкуры вывезены в Турцию. Не удалось вывезти и большое количество кукурузы (Там же).

⁴⁴⁶ «Новое время» 6 октября 1877 г.

⁴⁴⁷ А. [Введенский], Письма об Абхазии. — «Кавказ», № 222, 3 ноября 1877 г.; [К. Д.] Мачавариани. Народные смуты в Абхазии. — «Голос», № 199, 1878; Л. З[агурский]. Административные отделы Кавказского края. — ИКОРГО, 1877, т. V, № 2, с. 115.

⁴⁴⁸ К. Кудрявцев. Сборник материалов по истории Абхазии. Сухум, 1926, с. 184.

му вопросу данных вывести среднюю величину, то, она будет равняться примерно 50 000⁴⁴⁸.

Следовательно, только в результате махаджирства 60—70-х годов из Абхазии выселилось около 80 000 человек⁴⁴⁹, количество же всех махаджиров абхазско-абазинской этнической принадлежности равнялось около 135 000 (из 150 000)⁴⁵⁰, а вместе с убыхами⁴⁵¹ — приблизительно 180 000. Надо заметить, что эти данные в отдельных случаях преуменьшены. Во всяком случае, по указанным годам мы располагаем по крайней мере приблизительными данными. А вот уже никто и приблизительно не определит количество людей, унесенных другими «махаджирскими» годами—1821, 1824, 1830, 1837, 1840—1841. Что касается 1810, 1829 и 1854 годов, то З. И. Чичинадзе, как отмечалось выше, со слов самих переселенцев, называет соответственно 5, 10 и 20 тыс. Тем более невозможно определить насколько сократилось абхазское население в XIX веке в результате работорговли, вторжений турецких войск, действий царских карательных экспедиций, голода и эпидемических заболеваний и т. д.⁴⁵².

⁴⁴⁸ См., например, Н. И. Белов. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1956, с. 301.

Имеются сообщения и значительно преувеличивающие количество абхазских переселенцев рассматриваемого периода. Так, некоторые зарубежные авторы (С. Питар, барон де Байе), согласно статье Авубла (О. Бегуа?), опубликованной в стамбульском журнале „KAFKASYA“ (1968, № 18, с. 36), называют цифру 100 000.

⁴⁴⁹ Эти цифровые данные приводятся без учета неподобающего определению количества в разное время вернувшихся на родину махаджиров 60-х годов.

⁴⁵⁰ Ад. Берже. Горные племена Кавказа. — Живописная Россия, т. X. СПб. М., 1883, очерк IV, с. 72.

⁴⁵¹ ЛОААН, ф. 800, Н. Я. Марра, д. 188, л. 4 (Доклад Султана Довлет-Гирея 10 ноября в Общество любителей изучения Кубанской области).

⁴⁵² Так, в 1811 и 1812 годах голод и чума, разразившиеся почти по всей Грузии и другим частям Кавказа, охватили и Абхазию, где, по словам Р. де Скарси, погибла чуть ли не половина населения (АКАК, т. VI, ч. 1, с. 648), а на С. Кавказе вымерли жители нескольких абазинских аулов (С. П. Басария. Избран. соч. Сухума, 1967, с. 92). После восстания 1824 г. в Абхазии народ также был «ущемлен голодом и мором» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 23678, лл. 1—49). Декабрист В. С. Норов в письме от 1 сентября 1835 г. из Бамборы подчеркивал, что вообще чума «часто посещает Абхазию» («Русский вестник», 1900, кн. 2, с. 295). А в 1867 и 1870 г. в Сухуме разразилась эпидемия холеры (С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I. М., 1960, с. 53; МСКМО, 1873, с. 9—18). Врач И. И. Пантюхов писал, что наблюдения за последние десятилетия XIX в. показывают, что абхазское население «ни в коем отношении не прогрессирует... смертность его весьма велика». Например, во время эпидемии гриппа 1892 г. умерло более четверти населения края (И. И. Пантюхов. Влияние малярии на колонизацию Кавказа. Тифлис, 1899, с. 18). В период «покорения» Пеху, в 1860 году, только за один день в долине р. Грыбза было убито 60 повстанцев (АКАК, т. XII, ч. II, с. 861—865), а 9 мая 1877 года в ущелье р. Мачара—400 («Материалы...», т. VII, ч. II, с. 231). Погибало население, особенно крестьянское, также в результате феодальных междоусобиц, распри и кровомщений. Сухумская сословно-поместельная комиссия, например, отмечала: «При кровомщениях мстившая сторона вторгалась в другое селение как в неприятельскую страну, предавала все огню, совершала убийства, захватывала пленных» (ССКГ, 1870, вып. III, с. 16). В 1854 г. в с. Окум князь Эмухвари похитил княжну Анчабадзе, что

Попытка установить количество переселившегося в Турцию абхазского населения на протяжении всего XIX века кажутся слишком далекими от действительности. Имеются в виду прежде всего данные Султана Довлет-Гирея, добытые им в Константинополе (в Мухаджир-комиссионии), согласно которым с 1816 по 1910 год в Турцию эмигрировало «абхазцев или абазинцев» — 339 345 чел., вместе с убыхами — 384 284 чел.⁴⁵³. А в „L'indön ansiclopedisi“⁴⁵⁴ называется цифра 400 000 чел. (без убыхов). Эта цифра повторяется и Симоном Басария, а количество черкесских махаджиров он доводит по 2 000 000 чел.⁴⁵⁵. Такое явление и вообще состояние данных о переселенческом движении абхазов и других кавказских народов в рассматриваемое время вполне понятно, поскольку, как писал А. П. Берже, «горцев никогда никто не считал, почему и точных статистических сведений о них не существовало»⁴⁵⁶. Тем не менее преувеличенное представление о количестве абхазских махаджиров XIX века, само по себе характерно и представляет интерес, поскольку оно отражает значительность масштаба эмиграции.

Характеризуя положение в Абхазии после военных событий 1877 года, начальник Сухумского отдела полковник П. И. Аракин сообщал, что территория от р. Кодор вплоть до Гудаутского участка вместе с Цебельдой опустела: два, три дыма в Драндах и Допакыт, до 100 торговцев и граждан в разрушенном г. Сухуме, монахах Новоафонского Симоно-Кананитского монастыря с 13 рабочими да возвратившиеся в Цебельду греки в числе 69 семейств (259 душ) — вот все население этой местности. На территории между Галидзгой и Кодором осталось около 13 тыс. человек или 2 886 семейств, выселилось же до 1 071 семейств. На участке от Гудаута до Гагр населены были только земли по Бзыби; причем несколько семейств из сел Калдахвара и Лдзаа переселилось на правую сторону реки, а далее «все пространство совершенно пустынно»⁴⁵⁷. Например, в Гагринской общине (между реками Гагрипш и Бзыбь) жило 191 абхазское семейство (815 человек), о которых А. Н. Дьячков-Тарасов позже писал как о «бесследно исчезнувших после войны 1877 года»⁴⁵⁸.

имело весьма печальный исход — в результате взаимного кровомщения было убито несколько десятков человек (ЗКОРГО, 1864, кн. VI, отд. V, с. 76). По разным причинам, в частности, на почве классовой борьбы, крестьяне Абхазии убегали от своих феодалов в соседние районы. В 1852 году между абхазским и мегрельским владельцем даже возник спор о «крестьянах-переселенцах из одного владения в другое». М. Шервашидзе доказывал, что у владельца Мегрелии «много находится подвластных ему людей» (ЦГИАГ, ф. 4, от. 1, д. 1473, лл. 1—2).

⁴⁵³ ЛОААН, ф. 800, Н. Я. Марра, д. 188, л. 4.

⁴⁵⁴ СпН I, Ансага, 1946, S., 14-15 (Абага).

⁴⁵⁵ С. П. Басария, Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум, 1923, с. 105.

⁴⁵⁶ Ад. Берже. Горные племена Кавказа, с. 72.

⁴⁵⁷ ЦГИАГ, ф. 545, д. 2307, лл. 43, 44 об. — 45.

⁴⁵⁸ А. Н. Дьячков-Тарасов. Гагры и их окрестности, с. 82.

местам Абхазии. Свои впечатления он затем опубликовал. Говоря о печальных результатах переселения абхазов в Турцию, он отмечал: «Страна обезлюдела и одичала еще более, и где 30—40 лет тому назад жили люди, стояли живописные аулы, зеленели поля и сады. — теперь гряда камней, одичавшие, заросшие колючкой плодовые сады, плодами коих питаются лишь кабаны да медведи». Долина Псху, «когда-то населенная абхазцами, возделанная и цветущая, теперь — безлюдная и опустелая [...]»⁴⁶⁷. В таком духе писал и К. И. Подозерский⁴⁶⁸, а также Е. Марков, описывая Бзыбскую долину⁴⁶⁹.

В Абхазии даже до сих пор видны следы жизни и деятельности махаджиров. В верховьях реки Кодора (Дал), например, встречаются остатки старинных абхазских жилищ. Во многих местах во время полевых работ находят оружие и сельскохозяйственный инвентарь (лемехи, топоры, палды, серпы), винные кувшины, зарытые в землю, домашнюю утварь (надочажные цепи, жернова, чугунные котлы и т. д.). Сохранились также полуодичавшие фруктовые деревья (грецкие орехи, яблони, виноградные лозы и др.).

Что касается условий переселения абхазов в Турцию в 1877 году и их положения в «обетованной стране», то они были еще более трагическими, чем в прежние времена, поскольку это переселенческое движение имело в основном насильственный характер, и проходило в обстановке военного поражения и панического отступления турок. Достаточно знать только об одном факте, приводимом Н. Кучицким из сообщений иностранных корреспондентов, чтобы это почувствовать до боли в сердце. «Турки на пароходы брали абхазцев — и старых и молодых; но как только пароход скрывался в глубь моря — тут происходила сортировка абхазцев: всех стариков, неспособных носить оружие, старух, не годных к отправлению... животных потребностей, и малюток, за которыми еще нужен уход родителей, бросали за борт. На вопрос наш, обращенный к некоторым старикам-абхазцам, почему они не ехали в Турцию, — «чтобы бросили за борт» или «чтобы держать их веру», — за этим не стоит ехать в Турцию» был их ответ⁴⁷⁰.

Приведем еще одну выдержку из рассказа не раз уже цитированного нами Н. Ладария: «Пароход был переполнен людьми, которые страдали от недостатка пищи, а больше от недостатка воды. Волы абхазцам, после трех дней пути, совсем не стали давать. Взрослые пили морскую соленую воду... Все страдали от желудоч-

⁴⁶⁷ В. А. Разевиг. В дубрах Абхазии. — «Труды Общества земледелия при императорском С.-Петербургском университете». 1906, 1, с. 29, 37—39, 141.

⁴⁶⁸ К. И. Подозерский в ущельях Кодора, Гумисты и Бзыби видел «одичавшие фруктовые деревья», «правильные кучки камней, уже заросшие дерном». Такие «заброшенных мест и полян», с явными признаками недавнего жилья», встречались иногда «в очень глухих и удаленных местах» (ИКОРГО, 1902, т. XV, № 3, с. 183).

⁴⁶⁹ Е. Марков. В горах Абхазии. М.—Л., 1930, с. 5.

⁴⁷⁰ «Русский мир», № 295, 29 октября 1877 г.

ных болезней, и всего более дети; они плакали, кричали, просили пить... Вода была кругом, дети видели ее и от этого еще больше кричали. Болезни делались смертельными; преимущественно гибли дети... Над умирающими плакали не одни родители, но и все женщины и родственники; матери кричали, рвали на себе волосы... Трупы малюток бросали в море, невзирая на отчаянное сопротивление матерей... Я помню, как одна мать ни за что не хотела, чтобы ее ребенка выбросили в море и долго скрывала его смерть. Абхазцы знали об этом, но молчали. Она держала мертвого ребенка на руках, прижав его к груди, и когда кто-нибудь из турок проходил мимо, начинала разговаривать с ним, как с живым. Так скрывала она его до тех пор, пока на пароходе не начал распространяться трупный запах. Тогда сделали обыск и нашли мертвого ребенка; но мать и тут не хотела отдать его; и когда ребенка все-таки вырвали из ее рук и бросили в море, она сама пыталась броситься за ним. Ее с трудом удержали. Крик этой матери и до сих пор раздается в ушах.

Наконец пароход пристал к турецкому берегу Самсуну, где нас высадили, и, оставив на жгучем песчаном берегу моря, под палящим солнцем, велели не расходиться до особого приказания. Болезни среди абхазцев все усиливались; они умирали каждый день десятками. Только и слышались похоронные вопли по умирающим. Наконец явился паша, чтобы определить число прибывших абхазцев и при этом спросил их: по доброй ли воле они приехали и все ли магометанского вероисповедания? Тогда моя мать, двое зятей, я с братом и сестры выступили вперед, и мать сказала, что мы приехали не по своей воле, но нас взяли силой и мы не магометане, а христиане. Тогда паша с бешенством крикнул на нас и угрожал, что всех нас перережут... Раз паша позвал нас к себе и с угрозами принуждал принять их веру, но мать сказала за всех нас: «Мы ни за что не переменим своей веры»⁴⁷¹.

Примерно то же рассказывал и другой махаджир, житель села Дуриш Мустафа Ашуба. «Турки, — повествовал он, — жестоко нас обманули. Они упорно доказывали нам, что Турция — изобильная, райская страна... Нас принудили бросить насиженные места... В Гудаутах, как мурашек, побросали нас в душные и грязные трюмы турецких кораблей. Для изготовления теста на хлеб, которым кормили нас в продолжение долгого пути, употребляли морскую воду. Наши организмы не вынесли всего этого, в довершение вспыхнула еще эпидемическая болезнь, которая безжалостно косила людей. По прибытии на место нас бросили в какие-то казар-

⁴⁷¹ Н. Ладария. На заре моей жизни, с. 113—114.

Через два месяца, по требованию русского консула, семью Ладария отправили в Константинополь. Здесь ей стало легче жить благодаря помощи местных греков, которые снабжали их пищей и деньгами. Еще через три месяца ладариенцы отправились в Абхазию. С величайшим трудом добрались они до родного села, потеряв в пути двух девочек.

мы с мрачными камерами. Когда в них наши люди стали умирать пачками, решили расселить нас деревнями. В этих деревнях нельзя было увидеть никакого растения, кроме сухих табачных стеблей, представлявших собой как бы единственных свидетелей жизни на земле. Кормили нас одним лишь хлебом и то, конечно, в обрез, а поили грязной, мутной водой»⁴⁷². Корреспондент газеты «Русский мир» сообщал из Трапезунда: «Бедность этих абхазских переселенцев нельзя описать... Острый тиф и дизентерия — две главные болезни, которые день ото дня умножают свои жертвы...». К 16 сентября 1877 года их сюда было доставлено 28 000, а также 16 500 голов скота. Из указанного количества абхазских переселенцев в Трапезунде и в его окрестностях поселилось 17 000, а остальных, «вследствие тесноты, пришлось отправить в другие города, а именно в Инеболи и Самсун». Некоторые же пароходы с переселенцами проходили мимо Трапезунда — их отправляли через Константинополь в Фессалоники, а оттуда — в Македонию⁴⁷³.

А вот что сообщал корреспондент грузинской газеты «Дроэба» из Поты: «Я встретил одного из этих несчастных людей... Он рассказал мне все, что перенесли [абхазы], их жены, дети. Только человек с каменным сердцем мог не прослезиться, слушая его рассказ. Я поражен физической и духовной силой этого народа — из каждых пяти человек один все же жив, несмотря на все перенесенные ужасы. Этот человек, насильно увезенный из родины в Турцию, потерял там то, что есть самое дорогое в жизни — семью. Но он все же стремился на родину»⁴⁷⁴.

А. Френкель, будучи свидетелем трагедии абхазских махаджиров в Батуме в 1878 году, писал: «Абхазцы — это одно из больных мест Батума. Куда бы вы не пошли, везде можете встретить тощие и голодные фигуры этих несчастных людей, которые — вследствие нашей оплошности в Сухуме — были увезены турками сюда для того, чтобы потом бросить их на произвол судьбы. Действительно, положение абхазцев было репнительно безвыходное: ни хлеба, ни работы, ни денег, ни приюта! Словом, предстояла голодная смерть сотням людей, страдавшим за чужие промахи... Раз навсегда решено было не допускать возвращение в Сухум тех из жителей этого округа, которые переселились в последнюю войну в Турцию»⁴⁷⁵.

Много писала и иностранная пресса о трагическом положении и крайнем недовольстве абхазских и других кавказских переселенцев в Турции. Так, корреспондент газеты „Indépendance Belge“, сообщал, что абхазы, находящиеся в Трапезунде, «очень недовольны своим новым положением, хотя султан нарочно присылает

472 Цит. по: Ш. Инал-ипа. Дуриш, с. 21—22.

473 «Русский мир». № 271, 5(17) октября 1874 г.

474 „დროება“, № 209, 1880.

475 А. Френкель. Очерки Чурук-су и Батума. Тифлис, 1879, с. 81.

в Трапезунд своего адъютанта поздравить их с приездом и обещает им разные милости. Они рассчитывали получить земли, а до водворения на них — достаточное пособие. Пособие ограничилось двумя с половиною фунтами хлеба в день на человека в первые дни их прибытия, потом поллутора фунтами, теперь всего одним фунтом. Эмигранты сильно ропщут. Находящиеся между ними мингрельцы (около 60 семейств) громко жалуются, что турки выселили их насильно и не скрывают своего намерения возвратиться по окончании войны на родину... Пока же они прибегли под защиту итальянского консула. Из прочих, абхазцы-христиане хотели официально заявить свои сетования европейским консулам, но это им не позволили турецкие власти. Абхазцы-мусульмане обратились с прошением к губернатору провинции, умоляя их снабдить достаточную пищу и небольшими деньгами. Губернатор телеграфировал в Константинополь, но ответа не получил. В ожидании его эмигранты ломают двери и окна домов, где их поселили и рубят фруктовые деревья на топку, да сбывают с рук то, что... привезли с собою...»⁴⁷⁶.

Корресподент той же газеты писал из Трапезунда 7 сентября 1877 года, что общее число провезенных через этот город абхазских переселенцев простирается до 34 тыс. человек; многие из них, христианского вероисповедания, подали жалобу итальянскому консулу, в котором заявили, что их «насильно заставили покинуть свою родину и, несмотря на обещания турецких властей, им до сих пор не выдают ни еды, ни одежды, ни средства для пропитания»⁴⁷⁷. В газете «Wiener-Fagenblatt» еще в начале переселения сообщалось, что в Трапезунде «уже теперь невозможно найти кров для всех этих эмигрантов и правительство распорядилось, чтоб остальных абхазцев перевозили в другие приморские города Черного моря»⁴⁷⁸.

По сообщению английского вице-консула в Инеболи Велости к 6 октября 1877 года в этом городе насчитывалось 1 050 абхазских переселенцев, доставленных, по-видимому, из Трапезунда⁴⁷⁹, который являлся как бы пересылочным пунктом. Между прочим, из них 850 чел. прибыли сюда 7 сентября на английском корабле «Харриет Агнес». По истечению нескольких дней пребывания в Инеболи число махаджиров, в результате эпидемии тифа и дизентерии, сократилось до 949 чел.⁴⁸⁰.

А вот что писал вице-консул в Трапезунде Билиотти, который вообще умалчивал о трагических событиях, связанных с пересе-

⁴⁷⁶ Цит. по: «Московские ведомости», № 219, 4 сентября 1877 г.

⁴⁷⁷ Цит. по: «Русский инвалид», № 200, 13 сентября 1877 г.

⁴⁷⁸ Цит. по: «Московские ведомости», № 219, 4 сентября 1877 г.

⁴⁷⁹ По сведениям Билиотти, уже к 15 августа 1877 года из 14 тыс. прибывших сюда абхазов 6 тыс. были отправлены в Ордов (Орду), Триполи и Керасунд (С. И. Джергения. Указ. соч., с. 46).

⁴⁸⁰ Там же, с. 47.

лением кавказских горцев, потрясенный видом измученных махаджиров: «Ничего более ужаснее, чем вид этих переселенцев, прибывающих сюда, нельзя представить. Некоторые из них в одних лохмотьях; на детях нет ничего, кроме рубашек. Другие выглядят лучше, но в любом случае их состояние вне всякого описания»⁴⁸¹.

Уже известный нам Антон Гуатас-ипа из Лыхны рассказывал: «Масса бедствий ждали нас там: голодали мы, зябли, мерли как мухи, ни золота, ни рису, ни сказочной тыквы там и не видели. Вдобавок ко всему, привилегированные знатные абхазцы, пользуясь турецким законом, надумали восстановить крепостное право и стали целыми семьями продавать туркам крестьян-абхазцев...»⁴⁸². Почти аналогичен и рассказ О. О. Авидзба-Капба: «Приехавшие (в Турцию. — Г. Д.) сразу же поняли, что все обещания о хорошей жизни и изобилии, обещания об их обеспечении были обманом. Люди стали испытывать нужду и голод, отдавали вещи и одежду за муку и продукты; начались болезни; многие, не выдерживая этой жизни, умерли. Умер и отец деда Тубаш, был похоронен на чьем-то участке. Место отметили в надежде отвезти тело на родину... С абхазцами обращались очень сурово... Многие абхазцы, доведенные до крайности, продавали туркам своих детей и девушек»⁴⁸³.

Здесь следует подчеркнуть, что само трудовое турецкое население часто страдало от голода и эпидемий. Так, например, к ноябрю 1874 года в Малой Азии от голода и эпидемий погибло около 150 тыс. человек. Вместе с тем происходило повышение налогов и сокращение жалования мелких служащих, на что шло правительство в связи с тем, что страна оказалась на грани финансового кризиса⁴⁸⁴.

Особенно жестоко обращались турецкие власти с христианской частью переселенцев. Им, в частности, запрещают «исполнять свои обряды и силою принуждают принять магометанство...». Корреспондент газеты «Русский мир», сообщавший эти сведения из Трапезунда, отмечал также: «Чтобы нравственным давлением заставить этих несчастных принять магометанскую веру, ведется здесь особого рода пропаганда имамами и улемами под главным руководством Рахми-эфенди. Имамы насильно отнимали христианских мертвецов и хоронили их по своему обряду... Сильные притеснения принуждают многих христиан притворяться мусульманами. Многие из них переселяют в настоящее время во внутрь страны, где нет христиан и где с ними легко будет справиться, как угодно»⁴⁸⁵.

⁴⁸¹ Там же, с. 45.

⁴⁸² СЗМ. 1914. № 1, с. 13—16.

⁴⁸³ Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1 а, д. 5/24, лл. 44—45.

⁴⁸⁴ П. П. Монсеев, Ю. А. Петросян. Экономическое и политическое положение Османской империи в 70-х годах XIX в. — «100 лет освобождения балканских народов от Османского ига». М., 1979, с. 160—161.

⁴⁸⁵ «Русский мир», № 271, 5(17) октября 1877 г.

§ 6. Частичное возвращение абхазских махаджиров на родину

В 70—80-х годах, как и в 60-х, махаджирь, по словам Антона Гуатас-ипа, «погоревали, погоревали и решили вернуться на родину», но «турки не пускали» их⁴⁸⁶ и «приходилось бежать от них тайком»⁴⁸⁷. С одним из них В. А. Разевиг беседовал в 1902 году. Это был 80-летний крестьянин из села Ачандара, который дважды, в 1864 и 1877 годах, эмигрировал в Турцию, Анатолию, но оба раза возвращался назад, так как, по его словам, «турецкое правительство отводило эмигрантам очень плохие земельные участки». Между прочим, «на умном лице» старика автор заметил рубцы от ран — «по-видимому, он участвовал в боях»⁴⁸⁸. Царское правительство продолжало всячески препятствовать этому процессу. Начальник Сухумского отдела писал, что «принцип о недопущении» в Абхазию махаджиров и возвращении их в Турцию был введен с самого начала, что на некоторое время приостановило приток махаджиров, но допущение исключений для отдельных лиц, а затем и для целых групп привело к массовому движению переселенцев⁴⁸⁹. В другом случае он подчеркивал, что одной из мер, принимаемых в Абхазии после окончания войны, был «недопуск возвращения эмигрировавших абхазцев; удаление всего виновного населения от берега моря и от гор, что представлялось удобным и возможным ввиду незначительности оставшегося числа жителей»⁴⁹⁰.

Несмотря на все это, махаджирь всячески стремились на родину. Уже в сентябре 1877 года переселенцы обращаются, например, в итальянское консульство в Трапезунде за помощью. Был составлен список, в котором значилось 200 семейств или 1070 человек. Итальянский консул в беседе с Билюотти сообщал, что сам был глубоко взволнован радостью, которую выражали переселенцы при мысли о возвращении в родные края⁴⁹¹.

Возвращение абхазов на родину особенно усилилось после заключения Сан-Стефанского мирного договора. Они устремились прежде всего в Батум, а уже оттуда пытались попасть в Абхазию. Сохранились отдельные списки, дающие определенное представление о количестве «организованно» возвратившихся из Батума абхазов. Так, в списке, составленном 10 сентября 1878 года, значится 167 человек; в списке от 31 января 1879 года — 47 чело-

⁴⁸⁶ Как сообщала «Кельнская газета», в сентябре 1877 года в одном Трапезунде скончилось 20 000 переселенцев из Сухума, среди которых было «множество христиан». Последние «со словами стали умолять турецкие власти доставить их обратно на свою родину, так как их вывели оттуда вопреки их воле». (Цит. по: «Кавказ», № 190, 23 сентября 1877 г.).

⁴⁸⁷ СЗМ, 1914, № 1, с. 15.

⁴⁸⁸ В. А. Разевиг. Указ. соч., с. 58.

⁴⁸⁹ ЦИИАГ, ф. 545, оп. 1, 1880 г., л. 2069, л. 47.

⁴⁹⁰ Там же, л. 2417, л. 16.

⁴⁹¹ С. И. Джергения. Указ. соч., с. 50.

век⁴⁹². Особый интерес вызывает список от 16 февраля 1879 года, в котором перечислено 219 человек. В нем, в графе о сословной принадлежности того или иного лица, отмечено, за исключением пяти случаев, «анхаве» (анхаю), т. е. крестьянин, а в графе о вероисповедании — «православного». Этот список охватывает, в основном, выходцев из местечка Очемчиры и селений Адзюбжа, Аацы, Дурипиш и Апцхва⁴⁹³.

Сохранились также расписки и квитанции в получении денег на содержание эмигрантских групп, которые, в свою очередь, дают представление о количестве возвратившихся махаджиров. Например, в расписке Дурсуна Хонелли, данной в Батуме офицеру Джапаридзе 10 сентября 1878 года, значится 230 человек⁴⁹⁴; в расписке Халила Шинкуба от 7 ноября того же года — 61 человек⁴⁹⁵; в расписках от 3 марта 1879 года Мажита Качия — 47 человек; Петра Акшба — 21 человек⁴⁹⁶. Ановш Делба, Гусейн Чечерипа и Екатерина Лолуа в течение марта — мая 1879 года систематически давали такие расписки за 21 человека надзирателю батумской тюрьмы Топуридзе⁴⁹⁷. Кроме того, в архиве встречаются квитанции и счета об уплате «Российскому обществу пароходства и транспорта» (РОПиТ) и частным судовладельцам за перевоз махаджиров в Сухум. 4 ноября 1878 года на шхуне «Редут-Кале» в Сухум было доставлено 80 семейств⁴⁹⁸. 4 марта 1879 года в Батумское агентство РОПиТ поступил 131 руб. за перевозку в Сухум 80 взрослых и 30 малолетних абхазов⁴⁹⁹. Махаджиры стремились попасть на прежние места своего жительства. Когда 14 июля 1879 года группу махаджиров из гумцев русские власти решили высадить в Гудаутах, те категорически возразили, умоляя оставить их в Сухуме или, в крайнем случае, в Абжуйской Абхазии, а шкиперу за неисполнение этого желания угрожали убийством. Они грозили также лицам, занявшим их земли и дворы⁵⁰⁰. Но из этого, разумеется, ничего не вышло. Жителям Гумистинского участка вообще «не разрешено было» селиться «в бывших заселенных ими до войны селениях»⁵⁰¹.

В числе возвратившихся на родину махаджиров была и семья народного поэта Д. И. Гулиа. В 1877 году был сожжен дом отца писателя — Урыса (Иосифа) Гулиа, а его с семьей турецкие аскеры загнали на военный корабль «Махмудиэ», который и доставил

492 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1880 г., д. 2069, лл. 8—10, 34—35.

493 Там же, д. 2200, лл. 27—32 об.

494 Там же, лл. 11—12.

495 Там же, лл. 23.

496 Там же, лл. 36, 38.

497 Там же, лл. 45—70.

498 Там же, д. 2200, л. 25.

499 Там же, л. 42.

500 Там же, д. 2069, лл. 98—98 об.

501 КФ ЦГИАГ, ф. 186, оп. 1, кн. 2, д. 767, л. 1 об.

Гулиа вместе с другими крестьянами из села Уарча⁵⁰² в Трапезунд⁵⁰³. В 1878 году У. Гулиа, похоронив на чужбине двоих детей, на фельюге турка-рыбака доплыл с семьей до Батума, который в то время являлся как бы перевалочным пунктом между Кавказом и Турцией. Прожив здесь немногим более двух лет, Урыс тайно, на утлом рыбацком паруснике, после долгих мытарств перебрался в Абхазию. Но ему не разрешили жить в родном селе Уарча, уже предназначенном для заселения колонистами, и он вынужден был поселиться в Адзюбжа, на левом берегу Кодора, прямо против старого дома⁵⁰⁴. Д. И. Гулиа непосредственно и в полной мере испытывавший в детские годы горькую участь махаджиров, в поэмах «Песня об Апсны» (конец 30-х годов) и «Мой очаг» (1954 год) со всей возможной достоверностью запечатлел трагическую судьбу абхазских крестьян в султанской Турции:

Выброшенные на берег моря, на произвол судьбы,
Они гибли от голода и холода,
Повсюду на побережье,
Живые и мертвые лежали вповалку...
Ворзны — вброны
Каркалы над ними...

(«Песня об Апсны»⁵⁰⁵)

В связи с таким положением абхазских эмигрантов российское посольство в Константинополе 4 мая 1879 года дало «циркулярное предписание» всем своим консулам и вице-консулам в Турции, в котором сообщалось: «Возвращение на родину абхазцев... признано несоответствующим видам правительства. Между тем партии переселенцев, иногда довольно значительные, постоянно проникают различными путями в Абхазию и, состоя из людей больных и голодных, причиняют затруднения...»⁵⁰⁶. Далее предлагалось объявить махаджирам, что вернувшихся на родину без разрешения русских властей будут немедленно отправлять обратно в Турцию. В архивных делах сохранились документы, которые так и называются: «Список абхазцев-переселенцев, доставленных из Батума в Сухум и возвращенных обратно»⁵⁰⁷. А вот и письмо самих переселенцев, адресованное экзарху Грузии за подписью 300 уполномоченных от абхазских махаджиров: «Во время войны, при оставле-

⁵⁰² Оно расположено на правом берегу р. Кодор, примерно на том месте, где происходит действие горьковского рассказа «Рождение человека».

⁵⁰³ Между прочим, трагедию абхазского махаджирства 1877 года пережили также семьи известных писателей С. Я. Чанба и М. А. Лакербай. Причем у последнего в Турцию эмигрировали оба деда — Белал Эшба и Хасап Лакрба (умер в изгнании).

⁵⁰⁴ Д. Гулиа. Автобиография. В сб.: Стихи. М., 1964, с. 7—9.

⁵⁰⁵ Д. Гулиа. Иалкаау. Акуа, 1973, ад. 124. Подстрочный перевод.

⁵⁰⁶ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1880 г., д. 2069, л. 207.

⁵⁰⁷ См.: Там же, лл. 21, 37—39.

нии турецкими войсками Сухума, мы насильственно вывезены были ими в Турцию. Ныне начальство Сухумского военного отдела не принимает нас обратно, направляя в Батум, откуда нас возвращают в турецкие пределы. Мучимые голодом, претерпевая всякие лишения уже ныне в Турции, оставаясь христианами, мы можем ждать не милости, а только лишь угнетения, почему просим вашего участия к нашей судьбе и ходатайства Вашего превосходительства перед наместником о допущении нас на родину, в Сухумский отдел; в противном случае, единственным для нас исходом представляется принятие против нашего убеждения ислама»⁵⁰⁸.

Тем не менее с лета 1879 года репатриация абхазов еще больше усиливается. Махаджиры стремились попасть в родные края любой ценой. В заявлении группы переселенцев от 24 июля 1879 года на имя русского генерального консула в Константинополе А. Е. Лаговского читаем: «Турецкое правительство отпустило нам пособие для нашего существования, по пять месяцев тому назад нам предложено было сыскать себе места для жительства; мы ответили, что не желаем оставаться в Турции и хотим обратно в Россию, тогда оно прекратило и это пособие; так что нам предстоит теперь самое жалкое существование, если и не голодная смерть. Ныне... припадаем к стопам Вашего превосходительства, господни генеральный консул, с покорнейшею просьбою не отказать нам в Вашем великодушном посредстве в ходатайствовании ... нам ... позволения возвратиться в Россию, на прежнее местожительство наше»⁵⁰⁹.

В телеграмме начальника Сухумского отдела от 3 августа 1879 года указывалось, что из Батума прибыло уже 1000 человек, «лишенные всякого пропитания ... средств, помощи нет»⁵¹⁰. А 24 августа начальник отдела также телеграфировал, что батумский военный губернатор, не имея средств на пропитание абхазских махаджиров, прислал в Сухум 60 человек, которых «временно принял», но «кормить нечем»⁵¹¹. Ночью 18 сентября в Гаграх высадилось еще 60 человек⁵¹². Из другой телеграммы узнаем, что буря занесла в Батум судно с 285 абхазами, пробиравшимися в Абхазию, положение которых «возбуждает полное сострадание»⁵¹³. Но наместник Кавказа «не соизволил» отправить махаджиров на родину, считая их турецкоподданными, «подлежащими высылке из края»⁵¹⁴. Однако и турецкий консул в Батуме отказался от принятия этой группы переселенцев, в связи с чем 7 октября батумский военный губернатор генерал Комаров просил у кавказского на-

508 «Тифлисский вестник», № 98, 26 мая 1879 г.

509 ЦГИАГ, ф. 15, д. 8, лл. 1—2.

510 Там же, ф. 545, оп. 1, 1880 г., д. 2073, л. 3 об.

511 Там же, л. 4 об.

512 Там же, л. 12.

513 Там же, л. 17 об.

514 Там же, л. 23.

чальства «категорического приказаия, как поступить с абхазцами, буквально умирающим от голода»⁵¹⁵.

29 сентября 1879 года бывший житель Сухума Махмуд Гассан от имени 230 абхазов обратился в русское генеральное консульство в Константинополе с просьбой о возвращении их на родину⁵¹⁶. В просьбе было отказано⁵¹⁷. Однако, «несмотря на все принимаемые меры к отстранению обратной эмиграции абхазцев, высланных из отдела во время войны, — жаловался начальник Сухумского отдела полковник Аракин, — редкий коммерческий пароход, возвратившийся из Батума, не доставляет нескольких семейств, причем все прибывающие абхазы-эмигранты находятся в крайне изнуренном и нищенском положении»⁵¹⁸. В одном официальном документе также отмечается, что несмотря на «установленный порядок не допускать к возвращению на родину эмигрировавших абхазцев», «оказалось невозможным выдержать это правило, и в течение 1878/79 гг. возвратилось в край значительное число эмигрантов, выбрасывавшихся на берег большей частью тайно, причем привозившие их турецкие гочермы немедленно уходили, высаживавшиеся таким путем абхазцы являлись в край не только без средств, но даже без дневного пропитания и выбрасываясь преимущественно на пустынных и безлюдных местах...»⁵¹⁹.

Наступил 1880 год. Возвращение абхазских переселенцев становится более массовым. В зимних условиях группа махаджиров отправилась в Абхазию из Самсуна на двух судах. Выбросив в море 10 человек умерших и пробыв в пути более 10 дней, одно из них с 170 эмигрантами прибыл в Сухум. Однако им разрешили остаться здесь лишь два дня, чтобы похоронить еще нескольких человек, а затем на военной шхуне отправили обратно в Турцию⁵²⁰. 3 июня 30 абхазских семейств, обосновавшихся в свое время в Синопском санджаке, также «без разрешения властей» приехали в Сухум на коммерческом пароходе из Батума. «Ввиду крайне бедственного их положения и отсутствия средств на обратную отправку», этой группе махаджиров было разрешено высадиться на берег⁵²¹.

Многим махаджирам, приезжавшим на родину тайно на мелких турецких судах, довольно легко удавалось высаживаться на берег, часто под покровом ночи, «пользуясь пустынностью» берега. При этом власти, как видели выше, порой вынуждены были не препятствовать, а в ряде случаев даже официально разрешать «водворяться» ввиду трудности их обратной переброски и исключительно бедственного положения, тем более что махаджирь

⁵¹⁵ Там же, л. 25 об.

⁵¹⁶ Там же, л. 21.

⁵¹⁷ Там же, лл. 42—46.

⁵¹⁸ Там же, л. 54.

⁵¹⁹ ЦГВИА, ф. 400, д. 8, лл. 1—6.

⁵²⁰ «Голос», № 219, 10 августа 1880 г.

⁵²¹ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1880 г., д. 2069, л. 8.

«объявляли себя христианами и объясняли свое удаление в Турцию насильем со стороны турецких войск»⁵²².

Но в то же время по распоряжению наместника Кавказа русские консулы в Турции были предупреждены, чтобы впредь они «не отправляли абхазцев на родину, не имея на это предварительного согласия начальника Сухумского отдела»⁵²³. Так, 14 июля 1880 года под английским флагом в Батум прибыло 1 200 абхазов, желающих возвратиться на родину, однако военный губернатор области не разрешил, как «беспаспортных», выпустить их на берег, турецкий же консул не принял в этом деле никакого участия. А между тем «на судне голод... люди под проливным дождем»⁵²⁴. «Бедные, — сообщала газета «Дрозба», — оказались в безвыходном положении. 18 дней они находятся на корабле, там им тесно, они не укрыты от дождя, зноя, не имеют насущного хлеба. Говорят, что от голода уже погибло 10 человек. Частных пожертвований не хватает»⁵²⁵. Начальник Сухумского отдела Аракин ружейным и артиллерийским огнем встретил этих несчастных переселенцев, как встречал он и других абхазов и черкесов, вступивших на родную землю.

15 июня 1880 года в Сухум прибыла другая группа махаджиров из 150 человек, преимущественно гумцев; были среди них и эмигранты 60-х годов⁵²⁶. Наместник Кавказа приказал выселить их обратно в Турцию, как «беспаспортных и турецкоподданных»⁵²⁷. Однако они «выбрались самовольно» около реки Гумиста⁵²⁸. Несколько позже, 19 июля, в Гудаутах высадилось еще 188 махаджиров, также преимущественно из гумцев⁵²⁹. Вскоре царскими властями в Батум было отправлено сначала 100 махаджиров; еще через некоторое время — 285 человек, чтобы «отослать» их обратно в Турцию⁵³⁰. Турецкий консул не располагал никакими средствами, а тем более не имели их сами махаджеры, которые деньги «от продажи домашней рухляди... употребили на уплату за проезд до Сухума», губернатор же мог рассчитывать только на благотворительность⁵³¹.

В шифрованной телеграмме от 26 июля 1880 года батумский военный губернатор писал: «Выслать беспаспортных абхазцев в Турцию можно или сухопутьем, или морем на шхуне, связав, так как они положительно отказались идти добровольно. Сверх того,

522 Там же, л. 58 об (Донесение русского консула в Трапезунд от 2 августа 1880 г. управляющему Министерством иностранных дел).

523 Там же, л. 10 об.

524 Там же, л. 16 (Телеграмма ген.-м. Комарова от 14 июля 1880 г.).

525 «Дрозба», № 173, 1880 г.

526 ЦГАИГ, ф. 545, оп. 1, 1880 г., д. 2069, лл. 9, 11, 12.

527 Там же, л. 20.

528 Там же, л. 25.

529 Там же, л. 26.

530 Там же, лл. 20, 33, 37.

531 Там же, л. 20.

турецкий консул протестует обратную их отсылку как присланных из русского порта на русском пароходе, объявляющих себя русскими подданными. Насилие неизбежно»⁵³². В письме губернатора от 22 июля 1880 года на имя начальника Сухумского отдела сообщалось о 194 абхазских махаджирях, привезенных из Сухума 21 июля, которые туда попали непосредственно из Турции. Турецкий консул отказался и от этой группы махаджиров, не считая их турецкоподданными на том основании, что они уже побывали на абхазских берегах. Губернатор, в свою очередь, требовал, чтобы махаджиров из Сухума не направляли во вверенную ему область, в особенности, если те приезжали в Абхазию не через Батум⁵³³.

Между тем турецкое правительство, «вследствие настояния держав», предписывает генерал-губернатору Трапезунда (через этот пункт направлялась основная масса переселенцев) «содействовать возвращению абхазцев в Россию»⁵³⁴. В связи с этим последний начал всячески препятствовать «намерению кавказского начальства», то есть высадке на территории его вилайета махаджиров, прибывавших из Абхазии, угрожая применением силы⁵³⁵.

В связи с таким положением, пока вопрос об абхазских репатриантах не был урегулирован, трапезундский русский консул предложил вернуть на родину махаджиров, скопившихся в Батуме, а «более виновных» из них выслать в отдаленные районы России⁵³⁶. С этим предложением наместник Кавказа одно время согласился⁵³⁷. Дальше начинаются новые мытарства абхазских переселенцев. Сохранился сильно попорченный текст телеграммы начальника Сухумского отдела, в котором, однако, можно вычитать следующее: «Батумский губернатор возвращает гумцев ... Кочерымы везут 660 анухвинских эмигрантов. Прибыло 300. Затрудняюсь... устройством, недостает средств»⁵³⁸.

Гумцев, как было сказано выше, решено было поселить в Бзыбской Абхазии, а «более виновных» из них, по усмотрению начальника Сухумского отдела, выслать в глубь России «с целью удержать дальнейшее возвращение эмигрантов»⁵³⁹. Однако вскоре, как видно из отношения начальника Сухумского отдела от 10 августа 1880 года, «предназначенных к выселению в Турцию» гумцев снова отправили в Батум⁵⁴⁰. Надо иметь в виду, что жителями с. Гумцарские власти были особо недовольны. Тот же начальник отдела писал: «В последнее время стали возвращаться, почти поголовно, даже такие общины, как Гумская, фактически и деятельно

⁵³² Там же, л. 31.

⁵³³ Там же, лл. 40—42.

⁵³⁴ Там же, лл. 56—56 об.

⁵³⁵ Там же, л. 56 об.

⁵³⁶ Там же, л. 48.

⁵³⁷ Там же, л. 50.

⁵³⁸ Там же, л. 55.

⁵³⁹ Там же, л. 65.

⁵⁴⁰ Там же, л. 74.

участвовавшая в минувшем восстании... выделявшаяся и до войны своеволием и неуживчивостью с нашими порядками»⁵⁴¹.

Говоря же вообще о судьбе абхазских переселенцев, корреспондент газеты «Голос» писал: «Судя по состоянию последней прибывшей партии, можно с уверенностью сказать, что многие из них не выдержат обратного путешествия на маленьких шхунах; на случай же появления какой-нибудь эпидемии, что весьма возможно при крайней нищете, общем истощении организмов и ужаснейшей грязи абхазцев, смерть найдет для себя обильную жатву среди этих несчастных». А то, что это «безвыходное положение абхазцев» вызвало к «несчастным всеобщее сочувствие» населения Батума, не могло, конечно, предотвратить катастрофу⁵⁴².

Очевидно, о гумцах идет речь и в сообщении корреспондента газеты «Голос» от 4 августа 1880 года, в котором говорится, что 28 июля пароход «Эльбрус» привез из Сухума в Батум около 300 «бездомных скитальцев, обреченных в недалеком будущем на голодную смерть». Далее автор пишет: «Нельзя было без сострадания видеть повезенных сюда абхазцев, в числе которых до 200 женщин и детей, до того они исхудали и ослабли от продолжительного скитания! У многих остались только кожа да кости. Двое приходе парохода в Батум умерли от истощения. В настоящее время весь прибывший «транспорт» помещен просто на площади... в скором времени их начнут вывозить небольшими партиями, по 50 человек, на военных шхунах обратно в Турцию, где их ждет голодная смерть»⁵⁴³. Тут дело заключалось не только в мести жителям с. Гума. Как сообщал наместник Кавказа, великий князь Михаил Николаевич, 12 декабря 1880 года военному министру, было решено оставить «свободными» села Дранда, Абжаква, Акапа, Гума и Аацы, чтобы «поселения колонистов отделили сплошную полосою туземное население от морского берега... разделив его на две части»⁵⁴⁴.

12 августа 1880 года под английским флагом в Батум прибыло из Турции судно «Агиос Петрос» с большой группой абхазских махаджиров. «По предъявленному турецкому паспорту, судно это имело право перехода из Пендеракли в Синоп с 200 пассажирами и, лишь рассчитывая на хорошую погоду, могло, по вместимости своей, принять 400 человек, но «Агиос Петрос» прибыл после десятидневного плавания, во-первых, не в Синоп, а в Батум, а, во-вторых, не с двумястами, а с тысячью двумястами несчастных абхазцев... Комиссия, приближаясь к судну, была поражена страшным зловонием, исходящим от судна, и взошедшим на него членам комиссии представилось зрелище ужасающее: тысяча двести абхазцев, в числе которых было четверо мертвых, кишели в этом

⁵⁴¹ Там же, л. 97 об.

⁵⁴² «Голос», № 224, 15 августа 1880 г.

⁵⁴³ Там же.

⁵⁴⁴ ЦГВИА, ф. 400, оп. 259/909, 1880 г., л. 85, 9 об. — 10.

судне, как черви, переползая один через другого, так как ходить не было физической возможности. С некоторыми из прибывших на судно от зловония сделалось дурно»⁵⁴⁵. Тем не менее махаджирам не разрешили выйти на берег, и шкиперу судна было предложено немедленно удалиться в турецкие пределы⁵⁴⁶. В тот же день и к начальнику Сухумского отдела поступило приказание кавказского наместника «принять все меры к тому, чтобы не допустить эмигрантов к высадке на берег»⁵⁴⁷. 15 августа 1880 года командир Батумского порта контрадмирал А. И. Гreve телеграфировал в Тифлис: «Губернатор на берег абхазцев не пускает. Между ними началась смертность, опасность повальной заразы. Судно, набитое детьми, женщинами и мужчинами, превратилось в клоаку. Дождь идет третий день. Частная благотворительность истощилась»⁵⁴⁸. Как доносил сам губернатор, «состояние пассажиров было самое жалкое: два дня они уже не сли, не было у них воды»⁵⁴⁹.

Но Гreve не мог выполнить «категорического приказа... буксировать абхазцев в море, следить за ними до границы — в ночь на 17 августа на судне началась течь, в трюме вода поднялась на полтора аршина»⁵⁵⁰. Махаджиры были наконец высажены на берег, где начали погибать от голода, жары и болезней. «Дрожь пробирает, — писал корреспондент газеты «Голос», — при воспоминании лиц этих несчастных... При обходе этого лагеря бесприютных, только и слышались стоны больных и умирающих... Тяжко было мне на душе при виде бедственного положения массы людей, а главное, детей с печальными и бледными лицами. Нервы были напряжены»⁵⁵¹.

Крайне взволнованный этой ужасающей картиной и бесчеловечностью чиновников из Тифлиса, Гreve решил изложить «всю правду» военному губернатору Батумской области. В его рапорте от 17 августа говорится: «В оправдание словесного донесения моего Вашему превосходительству о невозможности исполнения приказа вывести в море судно «Агиос Петрос», привезшее абхазцев, после заявления шкипера о показавшейся в судне большой течи, имею честь представить при сем акт комиссии, освидетельствовавшей судно и состоявшей под моим председательством...»⁵⁵² Долгом считаю со своей стороны добавить, что, помимо показавшейся течи в судне, отправление его в море в таком виде, в каком

⁵⁴⁵ «Голос», 7 сентября 1880 г.

⁵⁴⁶ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1880 г., л. 2069, лл. 66—67, 72, 121.

⁵⁴⁷ Там же, л. 63.

⁵⁴⁸ Там же, л. 73.

⁵⁴⁹ Там же, л. 121.

⁵⁵⁰ Там же, л. 77.

⁵⁵¹ «Голос», 7 сентября 1880 г.

⁵⁵² В акте, в частности, говорилось, что на судне 1 400 человек — «подобная погрузка, по мнению комиссии, положительно бесчеловечна, и судно, при таких условиях, безусловно, не может идти вскоре на сколько-нибудь определенное время» (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1880 г., л. 2069, л. 117).

застала его комиссия, привело бы к самым невыгодным газетным толкам всего мира и справедливым упрекам в бесчеловечной жестокости относительно людей, буквально набитых в судно варваром шкипером. Внутренность судна представляет собой самую ужасную клоаку, переполненную проголодавшимися и промокшими в собственных экскрементах людьми живыми и мертвыми. Отправление их в таком виде в море было бы равносильно самой ужасной смертной казни или истязанию над детьми и женщинами целыми сотнями, противно морским человеческим законам...»⁵⁵³.

А вот что писали 15 августа 1880 года сами махаджиры, по утверждению батумского военного губернатора, «по наущению некоторых горожан», на имя министра иностранных дел графа М. Т. Лорис-Меликова: «Мы, жители Сухумского отдела, православные христиане, сделавшиеся во время минувшей войны жертвами турецких войск, были ими насильственно забраны семействами в Турцию. Ныне мы в числе 1 200 душ, угнетенные варварским обращением турецкого правительства, успели наконец вырваться из их рук, прибыли на свой счет на вольном судне 11 августа в Батумский порт, просили водворить нас на местах жительства. Здешнее начальство отказалось принять нас, не позволило выйти на берег, требует возвратиться в Турцию. Остается выбрать нам вернуться жертвами преследующего нас турецкого правительства или утопиться всем нам разом в море. Предпочитаем последнее. Ввиду сего осмеливаемся просить ходатайствовать нам спасение от неминуемой гибели 1 т. душ христиан, ни в чем не повинных, особенно детей наших, из коих немалое число ежедневно мрет с голоду на море, в судне, в котором мы все навалены без хлеба и воды. Ожидаем спасающей нас милости православного русского правительства или окончательного смертного для нас приговора»⁵⁵⁴.

В другой депеше, от 18 августа, адресованной заместнику Кавказа, многострадальные махаджиры писали: «Батумский губернатор силою заставляет нас следовать обратно в Турцию. Умоляем, Ваше превосходительство, как христиане, верующие в бога, жальтесь над нами, единоверцами Вашими, лишенными всех средств существования, а главным образом пожалейте детей наших, ни в чем не повинных, которых более половины всех нас. В Турции нас ждет голодная смерть и постоянное преследование безжалостного турецкого правительства. Просим вашего ходатайства не отказать принять нас и отправить в Сухумский отдел. Внемлите просьбе погибающих наших жен, детей, сирот. Отказом вашим будем приговорены на верную гибель в море»⁵⁵⁵.

Даже батумский военный губернатор Комаров, очевидно, не без влияния Гресе, вынужден был, наконец, ходатайствовать, что-

⁵⁵³ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1880 г., д. 2069, лл. 116—117 об.

⁵⁵⁴ Там же, лл. 123—124.

⁵⁵⁵ Там же, лл. 86—87.

бы махаджиров, «бедственное положение» которых нельзя было описать, «водворить... как христиан» в Абхазию⁵⁵⁶. Однако бессердечный начальник Кавказского горского военно-народного управления генерал Меликов лично решил отказать, «дабы не поощрять прочих эмигрантов к самовольному возвращению на родину»⁵⁵⁷.

Греве снова телеграфировал из Батума кавказскому начальству о том, что «судно, привезшее абхазцев, не может быть скоро исправлено, затрудняется приказанием матросов, которые бегут. Судно по возможности не должно брать более двухсот человек». При этом он сообщал, что «дети уже теперь ежедневно мрут на берегу»⁵⁵⁸. Но жестокие царские сатрапы были неумолимы. 22 августа в Батум на имя и военного губернатора, и начальника порта поступило «категорическое приказание» уже самого наместника Кавказа о возвращении в Турцию абхазских эмигрантов, как только представится возможность⁵⁵⁹.

Сохранилась еще телеграмма от группы абхазских женщин (Тамары Анчабадзе, Нины Авидзба и др.) из Батума от 4 сентября 1880 года в адрес кавказского начальства. «Батумский губернатор, — говорится в ней, — отправляет нас в Турцию, где, мы знаем, нас не примут, так как мы все христиане, доведенные до отчаяния. Истинно несчастные, обреченные на гибель, мы умоляем, Ваше сиятельство, выпросить нам от его императорского высочества прощение, позволение вернуться в Сухум. Нас здесь более четырехсот женщин, столько же детей»⁵⁶⁰. Но в Батум поступают ответные телеграммы о том, что «его высочество не изменил своего приказания»⁵⁶¹. Губернатор распорядился абхазов «святая и таким образом отправить в Турцию»⁵⁶².

Корреспондент газеты «Голос» о дальнейшей судьбе этих махаджиров рассказывал следующее: «Из Тифлиса получено было распоряжение — отправить абхазцев обратно в Турцию. Абхазцы не хотели. Описать картину, как их сажали на судно военною силою — трудно, почти невозможно. Общий стон, крик и отдельные, раздирающие души вопли, способны были тронуть самое черствое сердце ... Судно «Агиос Петрос», отправленное (7 сентября. — Г. Д.) на буксире парохода и конвоируемое военною шхуною «Редут-Кале», подошло к турецкому берегу; там его встретили ружейными выстрелами, после чего конвой и пароход возвратились в Батум. Но на другой день в Батум пришло донесение от береговых постов, что шкипер судна, желая отделаться от живого груза, ночью снова подошел к нашему берегу и в 20-ти милях от Батума

556 Там же, лл. 94 — 94 об. (Телеграмма ген. Меликова от 19 августа 1880 г.).

557 Там же.

558 Там же, л. 103.

559 Там же, лл. 104—105.

560 Там же, л. 126.

561 Там же, л. 130.

562 Там же, л. 131.

выгрузили всех абхазцев между неприступными скалами, на небольшой песчаный берег, где ни воды, ни пищи, ни растительности и никакой дороги нет. Для того, чтобы выбраться оттуда, надо высекал ступени в скалах. Береговые посты заметили, что уже после первой ночи у переселенцев шесть человек лежали на песке мертвыми. В Батуме же, после 20-дневного их пребывания, умерло 178 человек да бежало до 200 мужчин, а из остальных 750 человек, отправленных в Батум, большая часть — женщины и дети, обессиленные уже продолжительным голодом, как бы подготовили себя к такой же печальной развязке. Шкипер судна «Агиос Петрос», выгрузив абхазцев на необитаемый берег, точнее, заживо похоронив их там, возвратился в Батум» и заявил, что он, выгрузив переселенцев на турецкий берег, зашел сюда «для пополнения провизии». Однако известия с постов поступили раньше отхода названного судна, «и все разъяснилось». Шкипер и штурман судна были арестованы, а 17 сентября оставшиеся в живых абхазы были привезены в Батум⁵⁶³.

Автор (В. Ж.) статьи «От Одессы до Батума», опубликованной в газете «Россия» 17 ноября 1880 года, писал о невероятной жестокости царских чиновников по отношению к возвратившимся на родину махаджирам: «Когда мы проходили мимо вековых лесов от Гудаута к Сухуму, наш словоохотливый собеседник много рассказывал о потрясающих, неслыханных страданиях, которым подвергаются на этих берегах несчастные абхазские переселенцы. Некоторые его рассказы были положительно невероятны! Так, он говорил, что бывали смертные случаи между ними на кочермах, недолукавших к берегу вследствие того, что об этом еще не последовало распоряжения начальства. Кочерымы эти, будто бы, по несколько суток болтались на якоре, в страшную непогоду, в нескольких сажнях от города, и вернувшиеся из Турции абхазцы умирали на них от голода и жажды. Некоторые несчастные подъезжали на лодках, умоляя дать им воды, но ревностные береговые стражи не допускали их и с угрозами и ругательствами гнали обратно»⁵⁶⁴.

В рассказе О. О. Авидзба-Капба, на который мы ссылались выше, имеем уже свидетельство очевидца и участника событий. «Ночью, — говорится в этом сообщении, — Дуг (Авидзба. — Г. Д.) со своей семьей и его родня погрузились на ... судно и отбыли в Абхазию. Путешествие это было очень тяжелым. Ветер отнес судно нередко в другую сторону или, наоборот, прекращался со-

⁵⁶³ «Голос», № 261, 21 сентября 1880 г.

⁵⁶⁴ Об одном таком факте, имевшем место в Сухуме, писал корреспондент «Голоса»: «Пароход остановился в нескольких шагах от одномачтовой кочерымы, битком набитой абхазами: в ней помещалось более 120 душ. Эти несчастные два дня уже стояли на рейде, ожидая решения своей участи... абхазиам не дозволялось выйти на берег. Впоследствии мы узнали, что, по решению администрации, их на той же кочерме отправили обратно в Батум» (№ 219, 10 августа 1880 г.).

всем, и тогда оно подолгу стояло на одном месте. Кончились и продукты, и вода. Люди особенно страдали от жажды, многие умирали. При возможности подходили к берегу, запасались водой и пищей, хоронили покойников, отмечая места, в надежде на их перевезение в дальнейшем в Абхазию. Это мучительное путешествие продолжалось очень долго. Наконец измученные и больные люди добрались до Сухума. Однако надежда на высадку оказалась преждевременной. Доступ на берег им был запрещен русскими властями, и они еще две недели стояли на виду у берега, лишённые воды и пищи. Один абхазец по имени Нишан, зная, что на судне находятся терпевшие нужду, вернувшиеся из Турции махаджиры, ночью подплыл к судну на шлюпке, привезя им мешок хлеба и бочонок пресной воды... Потеряв надежду быть допущенными на берег, они решили отъехать от Сухума и высадиться в другом месте. Ночью пошли по направлению к Гумисте и дальше нее — в Эшера... высадились, развели костры... Но к утру туда прибыли верхом чиновники вместе с городовыми, всех подняли и пешком погнали в Сухум...»⁵⁶⁵.

Наконец приведем сообщения К. Д. Мачавариани. «Нам, — писал он, — приходилось быть свидетелями, когда турецкие кочеры, наполненные абхазцами, пристали к Сухумской пристани и эти мученики молили... начальника Сухумского отдела гвардии полковника Аракча принять их обратно. Пока шли о них донесения и ходатайства в Тифлис, абхазцы сидели по несколько дней на сильном солнечном прилеке на кочерах, так как не выпускали их на берег»⁵⁶⁶. Об этом Мачавариани писал неоднократно. Например, в его «Очерках Абхазии» говорится: «Абхазцы стали прибывать из Турции целыми партиями по 200 и 300 душ, умоляя русское правительство водворить в прежней своей родине... Много горя пришлось испытать абхазцам, пока им было разрешено высадиться на берег и ступить ногой на родную землю. Тогдашняя местная администрация не решалась принять их вновь обратно, и в ожидании решения этого вопроса высшей кавказской административной властью — возвращавшиеся из Турции сидели в турецких кочерах как сельди в бочке и, не имея права выходить на берег, по несколько дней жарились под палящими лучами летнего солнца. Плач детей и стоны женщин раздирали душу и сердце, но нельзя было оказать им никакой помощи»⁵⁶⁷.

Интересно также отметить следующее рассуждение К. Д. Мачавариани, очень важное и с точки зрения выяснения его отношения к махаджирству: «Я не оправдываю совсем абхазцев, перешедших на сторону турок, но сотни и тысячи таких абхазцев погибли невинно. До последнего времени многим абхазцам отказы-

⁵⁶⁵ Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1 а, д. 5/24, лл. 48—49.

⁵⁶⁶ К. Д. Мачавариани. Описательный путеводитель..., с. 309.

⁵⁶⁷ «Черноморский вестник», № 254, 14 ноября 1899 г.

вали в отводе участков земли, считая их виноградным населением...»⁵⁶⁸.

Тем не менее поток махаджиров на родину продолжался, о чем свидетельствуют, в частности, многочисленные телеграммы и донесения представителей царских властей. Так, 20 сентября 1880 года начальник Сухумского отдела сообщил о том, что турецкое судно доставило 300 абхазов из Синопа⁵⁶⁹, а 22 сентября у устья р. Мчишта (Черная) высадилось 40 человек⁵⁷⁰. В телеграмме от 3 октября речь идет о с. Псырцха и 280 махаджирах⁵⁷¹. 28 октября в районе Мацесты высадилось 247 абхазских махаджиров, которых было решено «водворить» в Абхазию⁵⁷². В связи с этим управляющий Министерством иностранных дел предложил русскому послу в Константинополе «принять соответствующие меры к ограничению своевольного возвращения абхазцев в Кубанскую область»⁵⁷³.

Вообще же, с получением от действительного тайного советника Жоонини отношения (6 сентября 1880 г.) «касательно самовольного возвращения в пределы России абхазцев, выселившихся в 1877 г. с Кавказа в Турцию», русский посол в Константинополе Е. А. Новиков 10 октября 1880 года обратился к турецкому правительству с нотой, в которой говорилось: «Императорское посольство имело несколько раз случай указывать Высокой Порте на необходимость принятия мер относительно эмигрантов-абхазцев... [которые] стараются ныне тайно возвратиться в Россию без установленных документов... Между тем оттоманские власти в Малой Азии поощряют и поддерживают эмиграцию массами абхазцев, водворившихся в Турции, причем власти основываются на отданном Портою приказании принять меры к удалению абхазцев с турецкой территории. В некоторых пунктах побережья губернаторы отказались принять даже тех из эмигрантов-абхазцев, которые были возвращены кавказскими властями как не имевшие от наших консулов установленных документов. Так, в Трапезунде Дело дошло даже до угрозы употребить силу для воспрепятствования высадке». Далее посол от имени своего правительства просил правительство Турции «не отказать в отдаче подлежащим турецким властям формального приказания о том, чтобы они на будущее время воздержались от всякого поощрения абхазцев к возвращению в Россию без специального на то разрешения, а также, чтобы были приняты меры к воспрепятствованию самовольного возвращения на родину, в особенности массами, как морем, так и тайно сухопутем»⁵⁷⁴. Русское посольство и в другом случае, говоря об

⁵⁶⁸ К. Д. Мачавариани. Указ. соч., с. 309.

⁵⁶⁹ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1880 г., д. 2069, л. 152.

⁵⁷⁰ Там же, л. 156.

⁵⁷¹ Там же, л. 165.

⁵⁷² Там же, лл. 168, 172.

⁵⁷³ Там же, л. 193.

⁵⁷⁴ Там же, лл. 200—203.

«обратном выселении» абхазов, подчеркивало, что это поощряется оттоманскими властями⁵⁷⁵.

В ответной ноте от 31 января 1881 года Ассим-паша лицемерно утверждал, что турецкое правительство никогда не предлагало местным властям, в виде общей меры, «удаления абхазцев с турецкой территории»; генерал-губернаторы и губернаторы, со своей стороны, не только не побуждали их к обратному переселению, но, напротив, старались устроить их; если же, несмотря на все это, «абхазцы настаивают на своем желании возвратиться на родину, то турецкие власти, очевидно, не могут им в этом препятствовать»; «настоящее движение абхазцев из Турции на родину возникло самостоятельно». Но при этом турецкий дипломат признавал, что «те из них, которых русское правительство отсылает обратно в Турцию, действительно встречают препятствия к возвращению», объясняя это «мерой общественного порядка»⁵⁷⁶.

Великодержавный царский паша Кавказа Михаил Николаевич Романов, упорно не желавший оказать помощь абхазам в их бедственном положении, «признавал все неудобства обратного вселения в Россию абхазцев». Тем не менее он, в силу «амнистии», объявленной лицам, «принимавшим участие» в событиях 1877—1878 годов, 8-й статьей Константинопольского договора⁵⁷⁷, заключенного между Россией и Турцией 27 января 1879 года, вынужден был допустить частичную репатриацию абхазов, но с условием установления трехлетнего срока со дня заключения договора, как это было определено VII статьей трактата по вопросу избрания подданства. Русский посол в Константинополе Е. П. Новиков считал, что иначе можно прийти к результатам, противоположным тем, «которые кавказское начальство имеет в виду»⁵⁷⁸.

Более того, посол «находил необходимым» скрыть условия Константинопольского договора от махаджиров, так как «можно ожидать, что подобное сообщение повело бы к поголовному вселению абхазцев обратно в Россию»⁵⁷⁹. Надо сказать, что ранее царскими властями нарушались и условия Берлинского трактата, согласно которому в течение трех лет разрешалось переселение магометан из России в Турцию, а христиан в Россию, поощряя лишь эмиграцию мусульман из России в пределы Турции. Однако слухи эти:

⁵⁷⁵ Там же, л. 240.

⁵⁷⁶ Там же, лл. 205—206.

⁵⁷⁷ Статья эта гласила, что «обе стороны взаимно обязуются не преследовать и не допускать никаких преследований» против русских или турецких подданных, «которые оказались бы заподозренными в сношениях с армиями обеих империй во время войны. В случае, если бы некоторые лица пожелали последовать с их семействами за русскими войсками, оттоманские власти не будут препятствовать их отправлению» (См.: «Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917». М., 1952, с. 209).

⁵⁷⁸ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1880 г., л. 2069, лл. 196—197.

⁵⁷⁹ Там же, лл. 193—195 (Отношение управляющего министерством иностранных дел от 10 февраля 1881 г. наместнику Кавказа).

давно уже доходили до махаджиров, и переселение в Абхазию продолжалось.

Согласно «народной переписи», в Гудаутском участке в начале 1880 года проживало всего 2 098 семейств, из них 413 вернувшихся из Турции⁵⁸⁰. Вообще же к 1881 году в Абхазию возвратилось 13 258 человек, что составляло 21 процент всего населения края⁵⁸¹. К 10 июня 1881 года в Гудаутский участок вернулось еще 1 074 семейства⁵⁸². К началу 1883 года население Абхазии равнялось уже 64 189 человек⁵⁸³.

Возвращение абхазских махаджиров на родину продолжалось и в последующий период. В 1898 году уполномоченные от 460 дымов (3 500 душ) «Старого Лыхны» (Мсоуст Шакрыл, Сарлып Габлия, Хасан Пилия, Титу Хасая, Тамшыгу Генеба, Бурдгу Пилия, Дженикя Дзария, Джгуанат Гагулия и Тагу Лакоба) на имя кутаисского губернатора подали прошение, в котором говорится, что после переселения 1877 года к их общине были присоединены, в качестве поселков, соседние села (Куланурхва, Абгархук, Арюта и Дуриш), поскольку они оказались «пустыми». Затем поселки эти начали «пополняться» «постоянно возвращающимися из Турции абхазцами», в результате чего население Лыхны выросло до 800 дымов⁵⁸⁴. В поселке Абгархук, например, уже в 1898 году стало 180 дымов⁵⁸⁵. Сохранился и «список глав семейств» (348) данного населенного пункта за 1901 год, в котором, между прочим, отмечено, «кто где жил до войны 1877 — 1878 гг.». Это, кроме самого Абгархука, села Лыхны, Куланурхва, Ачандара, Аацы, Псырчиха, Анухва, Гума и Яштхуа⁵⁸⁶. Сохранился также, относящийся к 1902 году, «список глав семейств эмигрантов-абхазцев, одновременно возвратившихся из Турции в Пицундский округ», в числе 1 246 семейств, из которых 263 чел. поселились в Лыхнинской общине⁵⁸⁷.

К. Д. Кудрявцев утверждал, что из общего количества абхазских махаджиров 1877 года, составлявших 60 процентов всего населения края, две трети погибли на пути в Турцию и обратно, а также в самой Турции⁵⁸⁸.

⁵⁸⁰ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1880 г., д. 2417, лл. 9 — 9 об.

В одном с. Лыхны, по камеральному описанию 1880 года, числилось 198 «временно проживающих семейств, возвратившихся из Турции (там же, д. 3103, л. 213).

⁵⁸¹ КК, 1882, с. 246.

По другим данным (Д. А. Мачавариани), к 10 июня 1880 года всего вернулось на родину, причем «с высочайшего разрешения», более 15 000 абхазов (См.: Ш. В. Мегрелидзе. Вопросы Закавказья в истории русско-турецкой войны 1877—1878 гг., с. 36—37).

⁵⁸² ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1880 г., д. 2417, лл. 9 — 9 об.

⁵⁸³ ИКОРГО, 1883, т. VIII, № 1, с. 92.

⁵⁸⁴ КФ ЦГИАГ, ф. 186, оп. 1, кн. 1, д. 61, лл. 2—2 об.

⁵⁸⁵ Там же, л. 7.

⁵⁸⁶ Там же, оп. 1, кн. 2, д. 784, лл. 10 — 14 об.

⁵⁸⁷ Там же, лл. 4 — 9 об.

⁵⁸⁸ К. Кудрявцев. Сборник материалов по истории Абхазии, с. 184.

Положение абхазских релатриантов было самое тяжелое. Как правило, их разбрасывали по разным селам, запрещая занимать свои прежние места жительства. Они останавливались у своих родственников или же отдавались на «попечительство» князьям и дворянам, что, по признанию начальника Сухумского отдела, приводило «к закабалению эмигрантов»⁵⁸⁹. Некоторые же на них предавались разбоям и воровству, именно по причине «нищенства», отсутствия у них определенного занятия и невозможности им строить свои хозяйства за неимением «средств к приобретению как рабочего скота, так и орудия труда». «Причины эти, — писал начальник отдела, — настолько сильны, что я опасюсь, если не будут приняты меры к устранению их, то случаи подобно указанным будут учащаться»⁵⁹⁰.

Приведем еще письмо (от 4 августа 1881 года) Хомата Абугба и Хакуца Агумаа, поверенных вернувшихся в Абхазию 253 махаджиров: «Возвратившись одновременно из Турции, — говорится в этом документе, — как мы, так и доверители наши, 125 семейств из Гумской общины и 128 Анухвской общины, водворены в Гудаутском участке Пицундского округа; разорившись до основания, лишались последней возможности приобрести кусок хлеба для пропитания своих семейств»⁵⁹¹. Таких заявлений сохранилось немало⁵⁹². А вот что рассказывал старый махаджир из села Дурипш Мустаф Ашуба. «Вернувшись на родину ждали осиротелые дома с крышами, покрытыми дикой травой и мхом; все поля обросли буйными побегами ольхи и колочками. Долго еще каждую ночь вокруг наших жилищ выли волки»⁵⁹³.

В официальной переписке также содержится немало фактов, свидетельствующих о тяжелом положении возвратившихся махаджиров⁵⁹⁴.

А те эксцессы, о которых писал начальник Сухумского отдела, часто носили классовый характер: крестьяне нападали на представителей имущих классов и царской бюрократии. Вот некоторые факты. В течение января и февраля 1881 года было устроено вооруженное нападение на дом гудаутского слободского старшины П. Устабаша и на Новоафонский монастырь⁵⁹⁵; в ночь с 15 на

⁵⁸⁹ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1880 г., д. 2069, л. 230 об. Рапорт начальника Сухумского отдела полк. Аракина от 14 мая 1881 г. начальнику Кавказского военноплеменного управления.

⁵⁹⁰ Там же, л. 189 об. То же от 23 марта 1881 г.

Например, в Бзыбской Абхазии в разбое в 1887 году были замечены Шабат Маргания и Закарий Отырба. Крестьяне с Лыхны (Абаагу Джергеня, Аджигрий Дзария) вынуждены были даже жаловаться на действия этих «эмигрантов-абреков» (см.: «Новое обозрение», № 1478, 2 апреля 1888 г.).

⁵⁹¹ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1880 г., д. 2983, л. 8.

⁵⁹² См.: Там же, л. 9 и др.

⁵⁹³ Цит. по: Ш. Инал-ила, Дурипш, с. 22.

⁵⁹⁴ См., например, рапорты сухумского окружного начальника за 1883 год (КФ ЦГИАГ, ф. 186, оп. 1, кн. 2, д. 767).

⁵⁹⁵ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, 1880 г., д. 2069, л. 189.

26 марта в местечке Гудауты было 4 случая нападения, в том числе на дом окружного делопроизводителя⁵⁹⁶. В связи с этим начальник отдела неоднократно просил об усилении казачьей части⁵⁹⁷.

Большой интерес представляет отношение прогрессивных деятелей Грузии и России к махаджирству. Многие из них не раз выступали в защиту махаджиров, привлекая к ним внимание широкой общественности, чтобы предотвратить гибель древнего народа на глазах современников 60—80-х годов XIX века. Так, в грузинской газете «Дрозба», которая в то время являлась самым прогрессивным печатным органом в Грузии, начиная с 1867 года часто писалось об абхазском махаджирстве, с глубоким сочувствием к участи высленцев⁵⁹⁸. Она, в частности, выдвигала требование перед царским правительством, по крайней мере, не препятствовать уцелевшим многострадальным абхамам-изгнанникам вернуться на родину.

Мы уже писали об отношении к махаджирскому вопросу известного грузинского писателя и публициста Г. Е. Церетели, который во время событий 1877 года являлся специальным корреспондентом газеты «Голос». Его статьи и заметки полны искреннего сочувствия к изгнанникам, желанием сказать общественности правду об абхазском народе, о постигшей его трагедии. Другой видный представитель грузинской прогрессивной интеллигенции — С. С. Месхи, который с 1869 года более 10 лет был редактором «Дрозба», также писал о «национальном бедствии народа»⁵⁹⁹. Он от души приветствовал возвращение абхазских и черкесских переселенцев на родину. Месхи резко выступал против опустошения царизмом новых районов на Черноморском побережье Кавказа для целей колонизации⁶⁰⁰.

Национальная трагедия братских народов Кавказа глубоко волновала и других представителей передовой грузинской интеллигенции. Григорий Орбелиани, например, объясняя причины переселения кавказцев в Турцию, писал: «По моему убеждению, там, где правители пекутся о благосостоянии населения, там не проявляется фанатическое чувство против правительства, разве в единичных случаях, потому что человек, к какой религии он ни принадлежал бы, прежде всего желает и ищет себе жизни спокойной, бестревожной, жизни без обид, без притеснений...»⁶⁰¹. И. Чавчавадзе в своих статьях, вышедших под общим названием «Внутреннее обозрение», также касался рассматриваемого вопроса и резко об-

⁵⁹⁶ Там же, л. 191.

⁵⁹⁷ Там же, лл. 190 об. — 191.

⁵⁹⁸ См., например, за 1867 г. — № 23; 1878 г. — №№ 100 и 158; 1879 г. — №№ 122 и 123; 1880 г. — № 199, 207 и 209.

⁵⁹⁹ ს. მესხის თხზულებანი, ტ. III. თბილისი, 1964, გვ. 20-21.

⁶⁰⁰ ს. მესხის ნაწერები, ტ. I. ავტორის სურათით და ავტოგრაფით გამოცემა ფარცხალავისი. თბილისი, 1903, გვ. 493-494.

⁶⁰¹ „ლიტერატურის მატიანე“, წიგ. 1-2. თბილისი, 1940, გვ. 300-301.

винял правящие круги султанской Турции и царской России. В одной из этих статей он по поводу выселения абхазов и аджарцев писал: «Если правительство (России. — Г. Д.) хочет показать народу свое доброе сердце, то это именно нужно сейчас, когда народ требует помощи. А народ — основа и сила государства»⁶⁰².

Известный грузинский журналист Леван Мчедlishvili (Кривана) был автором первого художественного произведения об абхазских махаджирах. Речь идет о драматическом рассказе «Из батумской жизни», опубликованном в 192 номере газеты «Дроэба» за 1878 год. В нем Мчедlishvili подчеркивает насильственный характер переселения абхазов и описывает их страдальческую жизнь на чужбине. «Обиженным судьбой абхамам-переселенцам посвящена и его заметка, напечатанная на страницах той же газеты в 123-м номере за 1879 г. «Только в человеке с каменным сердцем, — пишет он, — могли не вызвать сострадания абхазские женщины, когда они, одетые в лохмотья, похудевшие и пожелтевшие от голода, со своими малышами, стоя на коленях, приблизились к великому князю для подачи прошения» (в Батуме). В рассказах писателя И. Л. Хонели (Бахтадзе) «Князь-отщепенец» и «Раихот» (на русском языке), взятых из абхазской жизни и вошедших в его книгу «Эскизы и этюды» (Тифлис, 1896), в частности, речь идет о событиях русско-турецкой войны 1877—1878 годов в Абхазии и махаджирстве.

Множество статей и материалов об абхазском махаджирстве опубликованы К. Д. Мацавариани, Н. С. Джанашина, З. И. Чичинадзе и др., о чем уже частично было сказано. Например, в книге последнего «ქართველ მაჰადჯირთა დრო ვარჯახლება თბილისში. მუკაჯობი — ქმედებები», თბ., 1912) имеется глава «Переселение абхазов в Турцию», а также обзор материалов об абхазских махаджирах, опубликованных в русской и грузинской прессе. Автор неоднократно подчеркивает, что только в силу принуждения, провокации и обмана абхазы оставили свои райские земли и оказались в «негодных местах», в невероятно тяжелых условиях. Сколько же погибло их в пути? «А что они сделали такое, чтобы так жестоко, бесчеловечно наказать их?» (с. 168). «Если бы не было насильственных мер, ни один абхаз не уехал бы из своей страны в Турцию» (с. 167). В названной и других работах Чичинадзе об абхазских махаджирах содержится много конкретного материала, собранного им из разных источников, в том числе устных.

Обратимся теперь к русской печати. Как мы видели, материалы об Абхазии 70—80-х годов публиковались в таких изданиях, как «Отечественные записки», «Голос», «Русские ведомости», «Вестник Европы», «Русский инвалид», «Тифлисский вестник» и др. Так, журнал «Отечественные записки», являвшийся выразите-

⁶⁰² Цит. по: О. Г. Чургулия. Грузинская интеллигенция 60—70-х годов XIX века и Абхазия. — «Труды Сухумского государственного педагогического института им. А. М. Горького», 1971, XXI—XXII, с. 397.

лем передовых идей общества и редактировавшийся великим русским писателем М. Е. Салтыковым-Щедриным, характеризуя события 1877 года в Абхазии, писал: «Беззащитность края и волнения наиболее мирного и наполовину христианского племени, которое мы за такое долгое время не могли расположить к себе, и отсутствие дорог в крае, который мы так долго колонизируем, и проч. наводит на грустные размышления об ошибках мирного времени вообще... Те же абхазцы наверно не изменили бы нам, если бы не видели всей нашей слабости... Если мы внимательно рассмотрим в причины волнения в Абхазии, то увидим отсутствие такта и умения обращаться с инородцами». Касаясь «беззащитности края», также подчеркивалось, что ни в одном из портовых городов и местечек не было укреплений, а количество войск — самое мизерное. Причем помещение и содержание последних было «крайне неудовлетворительно»; такая обстановка и плохое питание «порождали болезни». Главная же причина неблагоприятного положения дел здесь «лежала в нашей экономической слабости»⁶⁰³.

А газета «Голос»⁶⁰⁴ получила даже упреки со стороны официальных органов и лиц за сравнительно объективный характер публиковавшихся на ее страницах материалов об Абхазии. В этом отношении характерна, например, статья анонимного автора «К вопросу о причинах абхазского возмущения», напечатанная в газете великодержавного направления «Кавказ» 13 сентября 1877 года, в ответ на корреспонденцию Г. Церетели из Зугдиди, опубликованную в «Голосе» 15 августа того же года. Автор, стоявший «близко к осуждаемой корреспондентом реформе» (крестьянской), называет Церетели «лицом, облеченным доверием редакции «Голоса»», которая разделяет его мнение «о причинах возмущения абхазцев». Обвинялся корреспондент в принадлежности «к одной из заинтересованных сторон», т. е. в том, что он, как отмечалось выше, считал, что абхазы были оскорблены и обмануты «самым несправедливым образом» в своих искренних чувствах о правде и справедливости, а земельный вопрос «был решен несправедливо». Газета «Голос» также признавала восстание 1877 года в Абхазии закономерным и справедливым⁶⁰⁵. Для характеристики этой газеты представляет интерес и следующий факт. В номере 285 за 1878 год была напечатана корреспонденция, в которой, обращая внимание общественности на «царство тьмы кромешной» в Осетии,

⁶⁰³ «Отечественные записки», 1878, т. 237, № 3, с. 34—37 (Кавказский берег Черного моря).

⁶⁰⁴ «Голос» (1863—1883) — ежедневная политическая и литературная газета умеренно-либерального направления; с 1863 года издавалась А. А. Краевским, а с 1871 года совместно с историком В. А. Бильбасовым. Газета считалась главным очагом антиправительственной пропаганды, хотя и являла собой образец либеральной ограниченности. После очередной приостановки в феврале 1883 года издание газеты прекратилось (см.: Б. П. Балусев. Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика. М., 1971, с. 180—181).

⁶⁰⁵ См.: «Голос», № 22, 21 сентября 1878 г.

Абхазии и Сванетии, заявлялось: «Пора знать, что одного военного господства недостаточно, что главную целью русской политики на Кавказе должно быть умственное господство, постоянною заботою — благосостояние края и просвещения инородцев, его населяющих». По поводу же обратной эмиграции горцев Кавказа в 1880 году «Голос» писал: «Ввиду охватившего кавказских горцев рвения к обратному переселению из Турции для заселения опустевшей родины... было бы не лишне воспользоваться всяким удобным случаем для поощрения стремления наших старых друзей»⁶⁰⁶. На страницах газеты «Голос» был опубликован еще целый ряд материалов об Абхазии, среди которых, несомненно, особое место занимает обширная статья К. Д. Мачавариани «Народные смуты в Абхазии», содержащая, как мы видели, немало сведений о сущности событий 1877 года в крае.

Много ценного материала о положении дел в Абхазии в 1877 году содержит и первая русская демократическая газета в Грузии «Тифлисский вестник»⁶⁰⁷. Ее корреспондент постоянно находился на театре военных действий в Абхазии. Вникая в характер «поведения» абхазского населения, газета выступала против действий «агентов правительства», которые «мало отвечали особым условиям этого края»⁶⁰⁸. Она сообщала подробности о турецких зверствах в Абхазии, подчеркивала насильственный характер переселения абхазов в Османскую империю, описывала их гибельное положение на чужбине⁶⁰⁹. Абхазия была превращена в пустыню, а она была «богатейшей в мире», «робинзоновским уголком», где «все можно добыть с затратой сравнительно небольшого труда и капитала»⁶¹⁰.

Московская газета «Современные известия» еще в 1877 году (№ 145) выдвигала предложение — высадившихся в Адлере черкесов «колонизовать на местах бывшей их родины... дать им земли и образование», отчего «черноморский берег воскреснет». А вот что писал В. Короленко на страницах газеты «Русский мир» в номере от 16 сентября 1878 года: «Надел абхазцев землею — это насущный теперь вопрос для них. Прикрепленный к земле, обеспеченный материально, абхазец нелегко оставит свое родное пепелище, без борьбы не пожертвует своим трудом, а глядя на своих соотечественников, хорошо обставленных с материальной стороны, эмигранты — большей частью жертвы насилия, неволи и увлечения — весьма легко могут возвратиться на родину». Газета «Новое обозрение» по поводу воспоминаний Н. В. Ладария, опубликованных в 46 томе «Исторического вестника» за 1891 год, выступила с отзы-

⁶⁰⁶ «Голос», № 278, 8 октября 1880 г.

⁶⁰⁷ См.: Л. Чиковани. Первая русская демократическая газета в Грузии. — «Литературная Грузия», 1964, № 5, с. 69—75.

⁶⁰⁸ «Тифлисский вестник», № 195, 10 сентября 1877 г.

⁶⁰⁹ См., например, № 193 от 7 сентября 1877 г.

⁶¹⁰ Там же, № 191, 4 сентября 1877 г.

вом, популяризирующим этот горький рассказ о трагических событиях в Абхазии в 1877 году, рассказ, который «ведется просто и бесхитростно, но сама эта бесхитростность производит порою сильное впечатление». И далее приводится картина переселения абхазцев в Турцию⁶¹¹. Характер разоблачения колонизаторов носит и заметка В. Ж. «От Одессы до Батума» в газете «Россия» от 17 ноября 1880 года, где рассказывается о необыкновенной жестокости представителей царских властей по отношению к возвращавшимся на родину абхазским махаджирам.

Писатель-публицист и народник В. И. Немирович-Данченко, совершив путешествие по Кавказу, поднимает тему о кавказском, в том числе абхазском, махаджирстве в ряде своих художественно-этнографических очерках и повестях («Черное море», «Абхазское поморье», «Пицунда», «Соколиные гнезда» и др.). «В 1875 году, — пишет он, — мне случилось путешествовать по восточному берегу Черного моря. Я проезжал кладбищем мертвого народа, — обезлюдевшей после переселения землей адыгов; потом мне привелось быть у абхазцев, которых наше управление, несмотря на их преданность России, бросило в объятия туркам, — и там везде я видел то же, что на сей раз пришлось мне наблюдать в другом конце Кавказа»⁶¹². «Пустыней» и «мертвым поморьем» называет он и в другом месте это пространство⁶¹³. Обобщая печальную судьбу исторических обитателей последнего, Немирович-Данченко пишет: «Ни в чьих преданиях, ни в чьей песне не останется памяти об исчезнувшем народе, и скоро, проходя мимо его могил, мимо этих безмолвных и безлюдных аулов, никто не будет знать, какая жизнь кипела под этими плоскими кроглями, какие сердца билась там и каких суровых драм были свидетелями эти раскидистые дубы и каштаны»⁶¹⁴. А вот как описывает автор («По берегу») трагедию садзов-джигетов и других горцев в Турции: «...Невольная жалость проникает в сердце, когда вспоминаешь о тяжелой участи... этих горцев и мужественных племен, обманутых Турцией, обреченных на страшную нищету, вымирающих в Анатолии тысячами, в то время как на их родине валяются под топорами чудные сады, в пустых аулах поселяются хищные животные и мертвое безлюдье заменяет жизнь, еще недавно шумную и полную такой героической поэзии. Немногие возвратившиеся назад горцы сложили грустные песни об этом»⁶¹⁵. По его утверждению, только одна десятая часть выселившихся горцев в Турцию осталась в живых⁶¹⁶.

⁶¹¹ «Новое обозрение», № 5600, 1 октября 1891 г.

⁶¹² В. Немирович-Данченко. В море. М., 1897, с. 94.

⁶¹³ Там же, с. 251.

⁶¹⁴ Е го же. Соколиные гнезда. М., 1897, с. 70.

⁶¹⁵ Е го же. В гостях. СПб., 1880, с. 124.

⁶¹⁶ Е го же. Соколиные гнезда, с. 70.

Очерки В. И. Немирович-Данченко насыщены и другими сведениями по истории и этнографии Абхазии. Правда, в основном они носят компилятивный характер.

Правда, были в России и такие выразители «общественного мнения», которые выступали против переселения горцев, но отнюдь не из гуманных соображений. Одни опасались, что Турция из кавказских выходовцев может организовать «грозную военную силу», а другие боялись, что опустошенные земли Кавказа останутся без обработки, и правительство в течение долгого времени не будет иметь никаких доходов от этого богатого края. Вот что писал по этому поводу автор работы «По железной дороге от Туапсе до Сухума» (СПб., 1899, с. V): «В мою бытность на Черноморском побережье Кавказа я часто слышал разную критику этих мер («для изгнания прежних коренных жителей». — Г. Д.); многие того мнения, что изгоняются из края единственные привычные к климату и хорошие рабочие».

Против переселенческой политики русского царизма и султанского самодержавия выступила также прогрессивная общественность Турции и других стран Ближнего Востока. Впоследствии эту политику осуждали и передовые представители как местной, так и зарубежной кавказской горской интеллигенции.

Махаджирство, естественно, оставило глубокий след в устном народном творчестве абхазов, как и других кавказских народов, переживших эту трагедию. В песнях, сказаниях, легендах, былинах сообщается о конкретных фактах и лицах, о тяжелом бедствии и страданиях народа. Тем не менее в целом о махаджирском фольклоре нельзя говорить как о пессимистическом — в нем отчетливо проявляется оптимизм народных масс, их надежда на лучшее будущее⁶¹⁷. В цикле махаджирских песен и преданий имеются произведения, повествующие о протесте против насильственного изгнания. Таким является, например, «Песня о Хабыр-ипа Каце». Узнав о том, что крестьян отправляют в Турцию, Кац спешит к берегу моря и разбивает там отряд охранников. Герой освобождает угоняемых на чужбину соотечественников, но и сам получает смертельную рану⁶¹⁸.

Гнусную роль абхазских феодалов-изменников в провоцировании махаджирства ярко демонстрирует песня «Озбек». Хорошо зная нравы, обычаи и психологию соотечественников, предатель точно рассчитывал свои удары. После кровавых событий 1866 года, решив, что теперь оставаться на родине «нет смысла», многие абхазы «уплыли в глубь моря», т. е. в Турцию. Сам же Озбек разбогател за счет золота, приобретенного им на слезы сородичей⁶¹⁹.

Много людей ты отпустил на дно моря,
И накормил ими рыб морских..
Зато у тебя в сундуках много золота,

617 Ш. Х. Салакая. Абхазский народный героический эпос. Тбилиси, 1966, с. 172.

618 «Ацсуа жэллар рпоеана». Енкуир. Б. В. Шынкуба. Акуа, 1959, ад. 169.

619 Там же, с. 174.

И на дворе твоём много дойных коров,
Озбак — предатель, Озбак — изменник...⁶²⁰

О роли другого предателя — Кудината — повествует песня «Котел цабальцев» (цебельдинцев). Этот турецкий агент бессовестно соблазнял наивных людей картинами «райской» жизни в Турции. Но оказавшись на чубшине без куска хлеба с умирающими детьми, несчастные стали проклинать «благодетеля» своего:

В степях турецких голых, Кудинат,
Как мухи, врем от голода теперь...
Ты обманул нас, подлый Кудинат,
Лишил нас рая и привел нас в ад⁶²¹.

В «Песне страдания», относящейся к махаджирству 1877 года, говорится о том, как семью старого крестьянина Чахмата выселили на пустынном берегу. Семья долго шла в глубь страны и держалась до тех пор, пока не опустел кувшин, утоливший ее жажду. В поисках воды умерли сын и дочь, а затем и сам Чахмат. В живых остались только маленький Хаджмат и его мать. Они изнемогали от жажды. Мать и сын, лежа на горячем песке, приготовились умереть. Хаджмат зашел о переносимых страданиях и близости смерти, а мать, обняв его, вторила ему. В этот момент над ними появился орел, который указал им путь к воде. Хаджмат поплыл туда, где опустился орел, утолил свою жажду и в войлочной шляпе принес воду матери. Они были спасены и вернулись на родину⁶²².

Г. А. Рыбинский в 1894 году рассказывал, что в селе Дал, в этом бывшем «в своем роде Запорожье для Абхазии»; где теперь одни «покинутые фруктовые сады... в забросе», провожавший абхаз зашел «такую грустную, захватывающую за сердце песню, повторяя часто слово «Латы», что я невольно его слушал, о чем он поет»⁶²³. «Эта песня, — сказал он, — со слезами на глазах была сложена абхазцами, удалявшимися в Турцию. 5 тысяч душ Дальского урочища оплакивали свой родной уголок, каждое дерево, выращенное ими»⁶²⁴.

Об абхазском махаджирстве народом созданы также многочисленные лирические песни⁶²⁵ (особенно махаджирские колыбель-

⁶²⁰ Цит. по: М. А. Лакербай. Очерки из истории абхазского театрального искусства. Сухуми, 1962, с. 11.

⁶²¹ «Антология абхазской поэзии». М., 1958, с. 70.

⁶²² К. В. Ковач. 101 абхазская народная песня. М., 1929, с. 20.

⁶²³ По всей вероятности, речь идет об известной махаджирской песне «Песня латовцев».

⁶²⁴ Г. А. Рыбинский. Абхазские письма (XVIII). — «Кавказ», № 12, 1 января 1894 г.

⁶²⁵ «Песня страдания», «Озбек», «Песня изгнанников», «Песня гагринцев», «Махмадя» и др. (см.: К. В. Ковач. 101 абхазская народная песня; В. Ахобадзе, И. Кортуа. Абхазские песни. М., 1957).

ные)⁶²⁶, лейтмотивом которых является не только тоска по родине, тяжкое горе, но и надежда на светлое будущее⁶²⁷. В частности, песни возвращения звучат бодро, передают радостное настроение, свойственное человеку, который увидит родной край после долгой разлуки и неимоверных страданий⁶²⁸.

Аналогичный материал имеется и у турецких абхазов. Вот один пример — «Притча о Кец-пха Елиф» (сообщение Омара Бейгуа). В Кефкене могилами погибших махаджиров была заполнена огромная поляна, известная до недавнего времени под названием «Абхазская могила». Оставшиеся в живых поселились в другом месте. Только одна Елиф Кец-пха осталась среди могил, отказывая себе во всем, чего лишились умершие. Здесь она не могла смеяться, но могла плакать и надеяться, что после смерти будет похоронена рядом с несчастными своими братьями и детьми⁶²⁹.

Остается еще отметить, что махаджирские песни и рассказы и вообще махаджирская тема оказали определенное влияние на абхазскую художественную литературу. В качестве примера можно назвать песню «Махаджирь» и рассказ «Песня страдания» С. Чанба, поэму Д. Гулиа «Мой очаг», исторический роман Б. Шинкуба «Последний из ушедших» и его «Махаджирскую колыбельню», а также стихотворения И. Когониа «Махаджир», А. Джонуа «Ауаз махаджира», К. Агумаа «Махаджир». Проблеме махаджирства посвящен исторический роман Г. Гулиа «Водоворот». Интересно отметить и стихотворение русского поэта, ученого и педагога В. И. Стражева «Махаджир».

Завесил вечер синими чадрами
Родные берега,
Но все горят-горят прощальными кострами
Высокие снега...
Земли моей я взял и на чужбину
Священных семь горстей.
Вот все, что я сберег, — скажу угрюмо сыну —
От родины твоей⁶³⁰.

Над судьбой абхазских махаджиров задумывались также художник А. Шервашидзе, писатель Г. Шервашидзе и др. Последний перед своей смертью, 18 февраля 1918 года, осуждая анти-

⁶²⁶ Особенно широко была распространена песня «Шишь нани». И сегодня поют эту песню с новыми словами, сложенными народным поэтом Абхазии Б. Шинкуба, в музыкальной обработке И. Лакербай.

⁶²⁷ Ш. Х. Салакая. Указ. соч., с. 175.

⁶²⁸ И. Коргуа. Абхазская народная песня, М., 1965, с. 13.

⁶²⁹ Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1 а, д. 5/24, лл. 51—52.

⁶³⁰ В. Стражев. Горсть. Стихи. Сухум, 1923.

В примечании к названному своему стихотворению В. И. Стражев отмечал, что вынужденное переселение абхазов и черкесов в Турцию в XIX веке «до наших дней осознается в Абхазии как национальная печаль» (с. 29).

народную политику царизма, писал: «Наши отцы, деды, братья боролись, страдали и умирали за честь и свободу родины... Многие из них приняли смерть в этой борьбе за родную Абхазию, тысячи томилась в холодной Сибири и в России, а многие десятки тысяч, отчаявшись в неравной борьбе, ушли в Турцию, но не преклонили перед насильниками свою гордую честную голову»⁶³¹.

Видный деятель абхазской культуры А. И. Чукбар в рассказе «Абхазцы в Турции», помещенном в учебнике «Родная жизнь» (Тифлис, 1910) и составленном вместе с С. А. Алферовым, писал: «В трагический 1877 год многие абхазцы переселились в Турцию. Ужасные страдания пришлось перенести несчастным переселенцам и во время пути, и на местах новых поселений. ...Тяжело терять родину...»

Возьмем еще педагога и публициста А. М. Эмухвари, который в одной из своих последних статей писал: «Понятен ему (абхазу. — Г. Д.) тот наглый по своей ужасающей подлости, обман, которым некогда завлекала она (Турция. — Г. Д.) к себе сотни, тысячи семейств абхазцев, которых на место обещанных «млека и меда» ждала одна голодная смерть... Только немногие успели убежать от неминуемой смерти и вернуться обратно, оплакивая погибших и разоривших их родное гнездо... Он познал, что счастье только в его родной стране...»⁶³².

§ 7. Миграционный процесс в Южной Грузии, на Северном Кавказе и в некоторых других районах Кавказского края

После русско-турецкой войны 1877—1878 годов не только из Абхазии, но и из некоторых других районов Кавказа часть населения была выселена в султанскую Турцию. Из суммы причин этого явления главной, например, для Батумской области (Аджарии), присоединенной к России в результате войны, по мнению советских исследователей, было тяжелое экономическое положение, создавшееся в крае к концу турецкого владычества и в начале установления царской властью формы «военно-народного управления» как наиболее удобной для самодержавия системы при проведении колонизаторской политики⁶³³. К тому же в период войны

⁶³¹ Архив Абхазского государственного музея, ф. 3, оп. 1, д. 42, л. 1.

⁶³² А. М. Эмухвари. Война в Абхазии. — «Сухумский листок», 3 апреля 1915 г.

⁶³³ Надо сказать, что вообще переселение из отдельных районов Грузии началось задолго до рассматриваемого периода. Так, после русско-турецкой войны 1828—1829 годов, когда к России отошли прежние Самухе — Саатабаго (Ахалдзихский район) и Джавахетия (Ахалкалакский район), омусумальманское грузинское население этих территорий устремилось в Турцию, а на его место отсюда — армяне и греки (Ф. Махарадзе. Грузия в девятнадцатом столетии. Тифлис, 1933, с. 87).

Аджария, как и Абхазия, была настолько разорена (села сожжены, леса вырублены и т. д.), что жители скитались в горах и лесах и лишь с приходом русских войск возвратились по домам⁶³⁴. Об этом писали и современники событий. «Нет, — читаем мы в одном из номеров «Голоса», — переселение туземцев Батумской области вовсе не продукт агитации мол (мулл. — Г. Д.)... Обстоятельства эти мы должны искать в том экономическом положении, которое образовалось для туземцев после войны 1877 — 1878 годов. Экономическое положение Батумской области в настоящее время доходит до крайних пределов бедности. Последняя война разорила их (жителей области. — Г. Д.). В такой-то критический... момент застают их подати и пошлины разных видов... На главные их произведения (табак, спирт) наложен акциз, а обычные предметы потребления обложены таможенным налогом»⁶³⁵. Между тем дореволюционная историография эту эмиграцию, столь серьезное общественное явление, объясняет почти лишь одними религиозными мотивами.

Говоря о причинах махаджирского движения в Батумской области⁶³⁶, в той же газете «Голос» подчеркивалось, что «вообще местные жители не должны были получать особенно высокое мнение» о царских администраторах, которые «прежде всего начали заниматься коммерцией, построив паровые пильни и пекарни»⁶³⁷. В одном из более поздних его номеров мы читаем: «Масса чиновников, щедро оплачиваемая и непропорциональная потребностям управляемого народонаселения, вызвала только вражду в поселении, так как чиновники эти, набранные наскоро, далеко не соответствовали своему важному назначению — ввести мирное гражданское управление в новоприобретенном крае с воинственным населением», которое, «незнакомое с нашими порядками, бросалось из одного учреждения в другое, тратилось на марки, на писцов для составления прошений на русском языке и, не попадая в соответствующие учреждения, наталкивалось лишь на грубое обращение чиновников... Это обстоятельство, в связи с нарушением так торжественно и так щедро дарованных обещаний, породило эмиграционное движение»⁶³⁸. В газете выражалось беспокойство о том, что «туземец не имеет понятия о действительной русской доброй на-

634 См.: Ш. В. Мегрелидзе. Закавказье в русско-турецкой войне 1877 — 1878 г., с. 258—261.

635 «Голос», № 95, 5 апреля 1881 г.

636 Население Батумской области состояло в основном из грузин (справляя мусульманскую веру в период турецкого господства с XVII по XIX в.); она была образована в 1878 году, в административном отношении делилась на Батумский, Артвинский и Аджарский округа. В 1883 году упразднена и включена в Кутаисскую губернию, в составе которой находилась до 1903 года, т. е. до восстановления Батумской области как административной единицы («Батум и его окрестности». Батум, 1906, с. 12).

637 «Голос», № 230, 21 августа 1880 г.

Царские чиновники скупали земли, строили дома, фермы и т. д.

638 «Голос», № 107, 24 апреля 1882 г.

туре и судит о всех русских по окружающим его... крайне аличным лицам»⁶³⁹. Не случайно и такой прогрессивный мыслитель эпохи, как С. Месхи, которого остро волновали наболевшие социальные и национальные проблемы, имея в виду Аджарию и Абхазию, писал: «Необходимо, чтобы новые правители знали, с каким народом они будут иметь дело. Необходимо, чтобы эти правители предусмотрели не только язык, нравы и религию народа, но даже и суеверия»⁶⁴⁰. Газета «Голос» указывала также на «фанатизм, разжигаемый проповедями прибывших из Константинополя мулл, боязнь рекрутчины»⁶⁴¹. При этом представители мусульманского духовенства старались «увести народ опять в пределы Турецкой империи» «из опасения потерять окончательно свою власть над народом, свои доходы»⁶⁴².

По сообщению той же газеты турецкое правительство в Батуме держало специальных агентов, на которых была возложена обязанность всеми способами «возбудить» в населении «желание» покинуть пределы России, а его корабли постоянно поджидали людей «с распростертыми объятиями» в бухте⁶⁴³.

В Батумской области выселение людей, притом насильственное, началось еще до прихода сюда русских войск. И командующий Батумским корпусом Дервиш-паша, один из организаторов подготовки антирусского восстания, которое должно было вспыхнуть при вступлении русских войск в область, всячески медлил со сдачей Батума именно в надежде «выслать возможно большее число жителей» (а не только стремлением вывезти богатства в Турцию и раздать оружие местным жителям, которых заверяли, что г. Батум не будет сдан России), при этом «не стесняясь прибегать к различным способам: сначала отправляя жен и детей, а за ними, естественно, шли мужья и отцы, Турецкие солдаты насильно сгоняли из окрестных деревень жителей в Батум для отправки в Турцию, где им обещали дать все «блага земные» и где, конечно, они ничего не получили. Благодаря таким приемам уже Дервиш-паша выселил значительную часть населения Батумской области».

Есть также сведения, что к русскому генералу И. Окладжио явились депутаты от населения Кобулету с просьбой защитить жителей от «упрашиваний» Дервиш-паши переселиться в Европийскую Турцию⁶⁴⁴. А. Френкель был свидетелем их возвращения в свой район из Батума, куда «турки согнали многих из них... масса-ми для выселения... При этом положительно открылись случаи насильственного увоза жен и детей, так как многие и не думали вы-

⁶³⁹ Там же, № 95, 5 апреля 1881 г.

⁶⁴⁰ «Голос», № 135, 1878 г.

⁶⁴¹ «Голос», № 254, 14 сентября 1880 г.

⁶⁴² Там же, № 95, 5 апреля 1881 г.

⁶⁴³ Там же, № 107, 24 апреля 1882 г.

⁶⁴⁴ Г. Т. Стефанов. Исторический очерк вступления русских войск в город Батум 25 августа 1878 года. Батум, 1903, с. 8.

«селяться... С одной стороны, райские посулы разных мулл, в случае выселения, и страх за веру, в случае подчинения русским; с другой стороны, тоска по родине, невозможность оставить свои милые горы, свой родной очаг, маленькое поле, над которым потеряно столько трудов... И родина превозмогла все: кобулетец забыл угрозы своих фанатиков-мулл...»⁶⁴⁵. Но через некоторое время, особенно после подписания Константинопольского договора 1879 года, из Батумской области все-таки началось массовое переселение в пределы Турции⁶⁴⁶. Срок переселения, как и повсюду, был определен с февраля 1879 года по февраль 1882 года.

Исключительно активной была роль и английских агентов. Правящие круги Англии, не достигнув своей цели в войне 1877—1878 годов, в частности, в батумском вопросе, а сейчас готовясь к новой, с более обширными планами, через своих агентов развернули в Южной Грузии пропаганду с целью вызвать недовольство народных масс и восстание против России⁶⁴⁷. Так, 31 мая 1878 года английские агенты прибыли в Батум и увсряли его население, что «вслед за восстанием явятся английские войска»⁶⁴⁸. В том же месяце сюда прибыли еще два британских генерала с 12 офицерами-инженерами, которые разъезжали повсюду, агитировали народ против русских, раздавали оружие и деньги⁶⁴⁹. Не отставали от них работники британского консульства в Батуме, которые еще задолго до Берлинского конгресса возглавили провокационную деятельность по сбору подписей («адресов») от населения на имя королевы с «просьбой» о принятии их под верховную власть Великобритании. А разведчики О'Доннван и Шувер действовали под видом корреспондентов „Daily News“ и „Standart“⁶⁵⁰. Они вели кампанию среди населения по сбору подписей на имя королевы Виктории о превращении Аджарии в английскую колонию⁶⁵¹. Но все это кончилось тем, что английские «корреспонденты»—разведчики были выдворены из Батума по настоянию самих местных

⁶⁴⁵ А. Френкель. Указ. соч., с. 108.

⁶⁴⁶ Подробнее об этом см.: Ш. В. Мегрелидзе. Закавказье в русско-турецкой войне 1877—1878 г.; его же. *Հայաստանի Գեորգիանոսի (Ջաջաբուրդ) 1878-1882 թվականի օգոստոսը*, 1964; ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 165.

⁶⁴⁷ Особенно усердствовали английские консульства в Турции. После войны Англия под предлогом изучения местных военных условий и для оказания содействия турецкому правительству в осуществлении мер по административному устройству страны направила в Азиатскую Турцию консулов из военных, распределив их по местностям таким образом, что вместе с наличным составом гражданских и коммерческих представителей «вся страна оказалась покрытою сетью английской агентуры» (Д. В. Путьята. Записки о Малой Азии. СПб., 1896, с. 3).

⁶⁴⁸ «Материалы...», т. V, приложение 36, с. 115 (телеграмма ген.-м. Комарова от 31 июля 1878 г. начальнику штаба армии).

⁶⁴⁹ Ш. В. Мегрелидзе. Закавказье в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., с. 212.

⁶⁵⁰ А. Френкель. Указ. соч., с. 109—110.

⁶⁵¹ С. К. Бушув. Из истории внешнеполитических отношений..., с. 112.

жителей⁶⁵². Последние помогали также вылавливать иностранных, в первую очередь турецких, агентов. Сформированы были две пешеходные и одна конная сотня батумской местной милиции⁶⁵³.

Забегая вперед, отметим еще, что особенно в 80-х годах усиливается интерес к Кавказу со стороны западноевропейских (английских, французских, германских, швейцарских) «альпинистов» и «кученых». Среди них в 1888 году был Филиппс-Уоллэ — капитан английской службы и адвокат, сотрудничавший в разных британских журналах. Эти лица усиленно посещали, в частности, Батум, Кутаис, Сванетию⁶⁵⁴.

Определенную роль в эмиграции жителей Южной Грузии, как мы видели, сыграли царские чиновники. Добываясь выселения или ассимиляции местного населения, колонизаторы руководствовались тем, что оно «не представляет ценности и интереса» для империи. И «пока этого не сумеем, — писал Д. И. Святополк-Мирский, — приобретение Батумской области вместо усиления будет нашим ослаблением на Кавказе»⁶⁵⁵. Царским правительством в начале эмиграции было выделено 500 тыс. рублей для оплаты земель, оставленных выселившимися. Оно было уверено, что край легко может быть заселен выходцами из центральных губерний.

Большое воздействие на масштабы и характер переселения имела также позиция местных господствующих классов и влиятельных лиц. Большинство беков, например, отстраненных от участия в политической жизни⁶⁵⁶ и лишенных султанских пенсий, как и многие князья и дворяне в Абхазии, подстрекало население к эмиграции и возглавляло это движение, добываясь того, чтобы зависимые крестьяне уходили с ними в Османскую империю. В этом отношении особенно отличались Али, Осман и Аслан Тавдгиридзе⁶⁵⁷. Вообще представители этой фамилии, стоявшие во главе «оппозиции» против России, усиленно «проповедывали, что покоряться гяурам не следует, а в крайнем случае кобулеты должны выселиться в Турцию»⁶⁵⁸. Так, среди обитателей Арвина, где переселение началось в 1880 году, основательно «поработал» тот же Дервиш-паша, который «употреблял всевозможные усилия», чтобы поднять против русских население округа, «возжечь среди него народную войну» и вытеснить русских из края⁶⁵⁹. «Население, — как сообщает К. Д. Мачавариани, — находи-

⁶⁵² «Голос», № 138, 1878 г.

⁶⁵³ «Материалы...», т. IV, ч. II, с. 410.

⁶⁵⁴ См., например, ИКОРГО, 1887, т. IX, № 2, с. 267, 269, 367—368, 450—454, 460—467.

⁶⁵⁵ Цит. по: Ш. В. Мегрелидзе. Закавказье в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., с. 265.

⁶⁵⁶ При установлении царской власти сразу была изменена вся турецкая система управления.

⁶⁵⁷ См., например, «Материалы...», т. V, с. 225, приложение к военным действиям Кобулетского отряда, № 34, с. 111.

⁶⁵⁸ А. Френкель. Указ. соч., с. 113.

⁶⁵⁹ Т. Т. Стефанов. Исторический очерк..., с. 7.

лось под влиянием здешних беков (князей). Беки эти драли шкуру с несчастного населения и были полновластными хозяевами. Перед турецким правительством они всегда откупались богатыми подарками. С введением русского управления беки ... утратили прежнее свое влияние, и когда было объявлено, что желающие могут переселиться в Турцию, то эти беки не только сами переселились, но увели и простой класс населения, пугая предстоящими ему со стороны русских бедами, вроде насильственного обращения в христианство, оскорбления семейного очага, отобрания земель и несения воинской повинности. Когда одна часть переселилась, то оставшаяся, хотя и узнала от переселившихся, что в Турции не очень-то хорошо, но видя, что многие родственники уже живут в Турции, стали тоже переселяться...»⁶⁶⁰.

В противовес предателям интересов грузинского народа, среди местного населения нашлись и такие люди, которые из всех сил старались помешать туркам осуществить их планы. Так, Тубашбек Шервашидзе восхвалял русских и призывал народ остаться на месте⁶⁶¹. Именно благодаря деятельности таких людей часть населения Аджарии спаслась от угона в Турцию.

О количестве выселившегося населения из Батумской области трудно судить из-за отсутствия точных данных. Ш. В. Мегрелидзе, на основании анализа имеющихся разнообразных сведений, это число определяет в 30—32 тыс. человек (из 105 тыс.)⁶⁶². В числе этих переселенцев было немало абхазских махаджиров, осевших в разное время в отдельных районах указанной территории⁶⁶³. Часть последних, очевидно, боясь царских властей, с самого начала стремилась продать свои земли и удалиться в Турцию. Но новая администрация не разрешала продавать земли. В связи с этим возникло целое дело⁶⁶⁴. Вопрос в конце концов закончился новой эмиграцией абхазов, которые, по сообщению З. Чичинадзе, удалились в арабские страны, где погибли от невыносимой жары⁶⁶⁵. К концу 1880 года, например, в Нурие из 300 абхазских семейств осталось 146⁶⁶⁶, из которых впоследствии часть переселилась в село Ангиса, а оттуда, в результате расширения города, — в Степановку, недалеко от р. Чорох. Здесь же обосновались черкесы — место это и поныне называется «Черкез-Лук»⁶⁶⁷. По статистическим данным

⁶⁶⁰ К. Д. Мачавариани. Город Артавин. В сб. его ст.: «Очерки и рассказы». Батум, 1909, с. 133.

⁶⁶¹ Ш. В. Мегрелидзе. Грузия в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., с. 102.

⁶⁶² Его же. Закавказье в русско-турецкой войне 1877—1878 г., с. 273.

⁶⁶³ См. Дм. Бакрадзе. Заметка о Батумской области. — ИКОРГО, 1880, т. VI, № 2, с. 153, 159, 161.

⁶⁶⁴ См.: ЦГИАГ, ф. 7, оп. 1, д. 3345, дл. 101 и др.; «Черноморский вестник». Батум, 1900, №№ 8—10.

⁶⁶⁵ В. ჰოჭიბანიძე. ქართველ მაჰადჯიბო დიდი დევნიბლები თბილისში. დ. 164.

⁶⁶⁶ ЦГИАГ, ф. 7, оп. 1, д. 3345, л. 161 об.

⁶⁶⁷ С. Л. Зыхуба. Ачара инхо аьсуаа рыбазара акыта. — «Современное абхазское село. Этнографические очерки». Тбилиси, 1967, с. 216.

зи 1882 год, количество абхазов в Батуме равнялось 377⁶⁶⁸, а по переписи за 1886 года, во всей области было 1469 чел. (155 дворов)⁶⁶⁹. Согласно же переписи 1897 года, абхазов в Батумской области стало 687 чел.⁶⁷⁰. В 1904 году, когда вблизи Стопановки были устроены форты, абхазов переселили на старое место, близ озера Нурие. Было их около 50 дымов⁶⁷¹. Э. Лиозен отмечал, что эти абхазы «сохранили обычай и язык своих предков, но некоторые из них знают по-русски и бегло говорят по-турецки и по-грузински»⁶⁷².

Положение этих махаджиров описано, притом с глубоким сочувствием и симпатией к ним, известным грузинским ученым Петре Умикашвили в его дневнике, относящемся к августу 1879 года⁶⁷³. Мимо судьбы этих страдальцев не прошел и замечательный русский писатель Г. И. Успенский, совершивший в 1883 году поездку на Кавказ, в результате которой явились его «Путевые заметки». В них как раз речь идет о том, как у трудового абхазского населения Батумской области отнимали земли⁶⁷⁴. В № 15 газеты «Батумский листок» редакция рассказывает, — писал Успенский, — факт притеснения г. Я. И. и абхазцев на один и тот же участок; г. Я. И. купил его у помещика-бека, а абхазцы явились и заявили свои права. В качестве собственников они стали рубить на этой земле дрова, а управляющий г. Я. И. стал эти дрова отнимать. Результат подобного положения дел может быть кровопролитным, — говорит редакция и взывает: — Почему не выяснены до сего времени права абхазских поселенцев в Батумской области, когда для этого имеются все данные? Если г. Я. И. признан законным собственником, то почему не принимают меры для защиты его права? Если же абхазцы обижены и права собственности их нарушены, то почему же не приступить к уложению дела? Для кого же может быть выгодно настоящее положение дел?»⁶⁷⁵.

В 1894 году данный район посетил З. И. Чичинадзе. Он встретился и с некоторыми абхазскими махаджирами, прибывшими из Турции и временно проживавшими в Батуме у своих родственников. Его поразила участь этих людей. «Мы погибли, мы потеряли свою страну». — жаловались несчастные. Особенно страдали жен-

⁶⁶⁸ ИКОРГО. 1883, т. VIII, № 1, с. 94.

⁶⁶⁹ «Свод статистических данных о населении Закавказского края...». Тифлис, 1890, с. 12.

⁶⁷⁰ «Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Кутаисская губерния». LXVI. С116., 1897, с. 91.

⁶⁷¹ Э. Лиозен. Берг Русского Лазистава. — ИКОРГО. 1905—1906, т. XVIII, № 3, с. 145.

⁶⁷² Там же.

⁶⁷³ См.: Отдел фольклора Института истории грузинской литературы им. Ш. Руставели АН Грузинской ССР, ф. 53, II. Умикашвили. С. Зыхуба. Указ. соч., с. 216.

⁶⁷⁴ Абхазских переселенцев обычно наделяли казенными (государственными) землями (категории эрази-мирсе).

⁶⁷⁵ Г. И. Успенский. Собрание сочинений, т. 8. М., 1957, с. 182.

щины и старики, которые страшно тосковали по родине, откуда они, по их же заявлению, были удалены насильственно⁶⁷⁶.

В результате описанных явлений Батумская область почти «сделалась пустыней: кое-где на возвышенностях уныло торчат одинокие отдельные домики из каштанового дерева, где так уютно жилось многим семействам в богатой, красивейшей прибрежной полосе Черного моря»⁶⁷⁷. «Освободившиеся» земли сразу были облюбованы разными европейскими дельцами. Так, американец Брэдджот и итальянец Корпи купили в Константинополе у Али-паши Тавдгиридзе земли, расположенные в Кобулетском и Кинтришском участках. Но осуществлению этой сделки помешала русская администрация⁶⁷⁸. Надо сказать, что местные князья и дворяне, грузинские титулы которых при турках были переименованы на титулы беев, эфенди и ага, владели большими поместьями, крепостными крестьянами, значительным количеством скота. Например, окрестности Батума принадлежали Абашидзе, в Кобулетии властвовали Тавдгиридзе, в Чакове — Перанидзе⁶⁷⁹.

Переселение мусульманского населения в Турцию еще раньше, и особенно активно, началось в Карсской области⁶⁸⁰, присоединенной к России также в результате русско-турецкой войны 1877—1878 годов и где, как и в Батумской области, было установлено военно-народное управление с его обычными атрибутами. По официальным сведениям, только с 26 августа 1878 года по 1 октября 1880 года отсюда выселилось до 78 645 человек⁶⁸¹, а по 1 августа 1881 года — 82 760 человек⁶⁸², к концу же срока выселения (февраль 1882 год) число выселившихся достигло 111 202⁶⁸³. Карсской областью царизм особенно заинтересовался, как важным центром военно-стратегического и экономического значения⁶⁸⁴.

Таким образом, если суммировать приведенные выше сведения о количестве эмигрантов из Батумской и Карсской областей, выселившихся после русско-турецкой войны 1877—1878 годов, то получим цифру, превышающую 143 200.

Выселение грузин и других кавказцев в Турцию вызвало негодование широкой общественности Грузии. Григорий Орбелиани в ноябре 1879 года писал: «Из Аджарии и Карса продолжается пере-

676 В. ზოგობაძე. ქართველ მკვიდრებზე დიდი გადასახლება თბილისში..., გვ. 168-169.

677 «Голос», № 107, 24 апреля 1882 г.

678 Там же, № 72, 18 марта 1882 г.

679 И. И. Кальфоглу. Древнейшие известия о Батуме. — ИКОРГО, 1905, т. XVIII, ч. I, с. 46.

680 Подробнее об этом см.: ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 163.

681 ЦГВИА, ф. 400, оп. 259/209, 1800 г., д. 85, л. 1 об. (Отношение главнокомандующего Кавказской армией от 12 декабря 1880 г. военному министру).

682 Дм. Баградзе. Историко-этнографический очерк Карсской области. — ИКОРГО, 1882—1883, т. VII, № 1, с. 185; «Покоренный Кавказ». Изд. А. А. Каспари. Кн. 5. СПб., 1904, с. 615.

683 С. Эсадзе. Историческая записка..., т. II, с. 285; КК, 1887, с. 218.

684 В. А. Парсамян. История армянского народа. Ереван, 1972, с. 273.

селение жителей внутрь Турции... Крым опустел; черкесов более 200 тысяч выселилось из Кубани; Абхазия осталась без населения. Теперь жители Аджарии и Карса, даже армяне бегут ... точно от чумы!»⁶⁸⁵. А Сергей Месхи подчеркивал, что этих переселенцев «в Турции ждет голод, смерть и все те бедствия, что испытали черкесы и абхазцы, которые просят у русского правительства разрешения о возвращении обратно»⁶⁸⁶. Замечательный патриот при этом разоблачал коварные действия Англии и Турции, агенты которых, орудовавшие в Батуме, «подстрекают народ против России, проповедуют среди них ненависть к русским»⁶⁸⁷. Против переселения соотечественников в Турцию и за оказание помощи спасенным от ига султанских правителей южным грузинам поистине гигантскую борьбу вел И. Чавчавадзе⁶⁸⁸. А классик грузинской педагогики Я. Гогебашвили выступил с идеей просвещения освобожденной от турецкого владычества Аджарии⁶⁸⁹.

Много было примеров гуманного отношения к местному населению и со стороны честных русских чиновников. Так, начальник Батумского порта контр-адмирал А. И. Гриве призывал русскую администрацию расположить к себе население созданием ему лучших условий жизни, чем при турецком господстве, и тем самым предотвратить его переселение в чужую страну⁶⁹⁰. А капитан А. Френкель⁶⁹¹ выступал против тех лиц, которые ратовали за поголовное выселение местных жителей в Турцию, считая, что данное явление не оправдано и политически: эти жители, закаленные в войнах и любящие свою родную землю, могли бы стать надежной опорой на границах России⁶⁹². Говоря же о некоторых причинах переселения аджарцев в пустынные места Эрзерума и Дيار-бекира, Френкель подчеркивал, что религиозные мотивы, деятельность некоторых личностей-агитаторов (муллы и пр.), новые подати, неблагоприятное поведение отдельных царских чиновников и др. — все это «более или менее имеют место в данном случае и заставляют аджарцев выселяться»⁶⁹³. «Здесь нужны, — писал он в другом номере, — собственно не чиновники и не администраторы в буквальном смысле этих слов, а скорее советники и руководи-

685 Цит. по: „ლიტერატურის მატანი“, кн. 1—2. Тбилиси, 1940, с. 300—301.

686 ს. მესხის ნაწერები, გვ. 404.

687 „ღრთობა“, № 135, 1878.

688 ა. იოსელიანი. აღას ჰეპუვაძე. საქართველოს ისტორიის საკითხები. თბ., 1951, § 7.

689 В. Д. Чантурия. Просвещение в Аджарии. Батуми, 1956, с. 6.

690 Ш. В. Мегрелидзе. Закавказье в русско-турецкой войне 1877—1878 г., с. 266.

691 А. Френкель являлся корреспондентом газеты «Голос» в войсках так называемого Рионского края с середины августа 1878 года и в 80-х годах, сменив на этой должности Г. Церетели. Часть корреспонденций Френкеля в переработанном виде вошла в его книгу «Очерки Чурук-су и Батума».

692 А. Френкель. Указ. соч., с. 131.

693 «Голос», № 176, 27 июня 1879 г.

тели народа»⁶⁹⁴. Самыми радикальными мерами для прекращения выселения Френкель считал временное сложение податей с населения, выселение мулл, прибывавших из Константинополя в целях «фанатизирования народа», и некоторых местных беков, игравших также провокационную роль. Он полагал, что эти «небольшие льготы» тем более могли достигнуть «хороших результатов», что «переселенцы испытывают в Турции всякие невзгоды: они буквально голодают, мрут от холода...» «Вам уже известно, — продолжал далее Френкель, — распоряжение великого князя наместника кавказского, чтобы 300 абхазцам, прибывшим из Турции, вновь было разрешено поселиться на своей родине. Они уже отвезены пароходом «Эльбрус» к берегам Сухума. Желательно, чтобы это распоряжение не было исключительным для одних около трехсот абхазцев. Если раз навсегда будет положено за принцип, что возвращающиеся жители Батумской и Сухумской областей могут быть беспрепятственно водворяемы на своих старых местах жительства, то это, нет сомнения, привлечет очень многих обратно в покинутые ими места...»⁶⁹⁵.

Следует особо отметить роль газет «Обозрение» и «Голос», которые, как и «Дрозда»⁶⁹⁶, довольно активно выступали против переселения. Например, в одном из номеров «Голоса» мы читаем: «Многие сожалеют, что не было сделано попытки к «убеждению» массы не ехать в Турцию, откуда уже начинают возвращаться к нам бежавшие от нас махаджиры, памятуя, что это «убеждение» подействовало на них в 1879 году, когда один Иоселиани, без войск и оружия, силою слова усмирив несколько восставших деревень Батумского округа»⁶⁹⁷.

В Турции переселенцы оказались в весьма тяжелом положении. Они были расселены как попало, на плохих землях. Никто не думал о выполнении обещаний турецкого правительства, тем более в условиях послевоенной разрухи. Секретарь английского посольства в Константинополе, осмотрев прибывших из Батумской области переселенцев, отмечал, что из 1400 человек через три месяца остались в живых лишь 211. «У них нет другого убежища, — писал он, — как под тенью деревьев, другой пищи, кроме как плодов на деревьях»⁶⁹⁸. Газета «Голос» также сообщала, что махаджиры испытывают «всякие невзгоды... буквально голодают, мрут от голода»⁶⁹⁹. Многие из них дошли до продажи своих детей, другие предались грабегам⁷⁰⁰. Все это заставляло переселенцев воз-

⁶⁹⁴ Там же, № 204, 25 июля 1879 г.

⁶⁹⁵ Там же, № 254, 14 сентября 1880 г.

⁶⁹⁶ См.: «Обозрение», № 87, 1881 г.

⁶⁹⁷ «Голос», № 72, 18 марта 1882 г.

⁶⁹⁸ Цит. по: Ш. В. Мегрелидзе. Закавказье в русско-турецкой войне 1877 — 1878 гг., с. 274.

⁶⁹⁹ «Голос», № 254, 14 сентября 1880 г.

⁷⁰⁰ См., например, «Голос», № 230, 21 августа 1879 г.

вращаться на родину. Этому способствовали также активная деятельность передовых представителей грузинской интеллигенции и вынужденные меры царской администрации по облегчению жизненных условий местного населения⁷⁰¹. Возвратились и многие абхазские семьи. В результате переселенческого движения, как мы видели, в Аджарию осело некоторое количество абхазов.

Вместе с тем в отдельных районах сразу же была начата колонизация освободившихся земель людьми из внутренних губерний России (сектанты молокане и духоборы, демобилизованные военные), а также греками и армянами-эмигрантами из Турции⁷⁰². Этого требовали экономические и политические интересы того же пресловутого «военно-народного управления», т. е. увеличение «благонадежного элемента» в пограничном районе. И уже к марту 1881 года, например, в Карсскую область было переселено 3344 семейств или 21 890 чел., из них русских — 7 072, греков — 10 744 и армян — 4 074⁷⁰³. Незначительную часть составляли кавказские горцы, поселенные в области с 1864 года — около 150 дворов⁷⁰⁴. По переписи 1897 года «в лучшей обследованной» Карсской области⁷⁰⁵ было 290 654 чел. наличного и 296 911 чел. постоянного, а временно-пребывающих 4 048 чел.⁷⁰⁶ К 1916 году численность населения области дошла до 404 305⁷⁰⁷. Колонизация развернулась и на землях Аджарии⁷⁰⁸. Земли эти еще в начале присоединения Батумской области к России были признаны собственностью казны, а те земли, которые обрабатывались населением, — «находящимся в пользовании последнего»⁷⁰⁹. Однако Аджарию, из-за резкого отличия в климате от центральных губерний, было решено заселить, в основном, грузинами из ближайших районов; их численность в 1897 году составила 63 011 чел. или 44 проц. всего населения края⁷¹⁰.

Как уже отмечалось, с середины 60-х годов царское правительство отказывается от своей прежней политики массового переселения горцев Северного Кавказа в Турцию. Развивающийся капита-

701 В. ჰიჭობაძე. ქართველ მკვიდრებზე დიდი გადახატვბა თსმარეთში... 33. 40-51; თ. ხახუტაძე. მოგზაურობანი. თბილისი, 1950, გვ. 148 და 376.

702 ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 259/209, 1880 г., д. 85, л. 2 об.; С. Эсадзе. Исторические записки..., т. II, с. 284.

703 П. Степанов. Заметка о Карсской области. — ИКОРГО, 1882-1883, т. VII, с. 191.

704 Дм. Бакрадзе. Историко-этнографический очерк Карсской области, с. 197.

705 Согласно «Обзору Карсской области», в ней на 1 января 1896 года числилось 26 селений (И. И. Пантюхов. Влияние малярии на колонизацию Кавказа. Тифлис, 1899, с. 16).

706 Н. Марр. Батум, Ардаган, Карс — исторический узел межнациональных отношений Кавказа. Пг., 1922, с. 10.

707 Это население состояло из армян (в 1915 г. — 12 028 чел., или 30,7%), русских (второе место) и грузин-мусульман (третье) (Д. С. Завриев. К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тбилиси, 1947, с. 17).

708 «Русская жизнь» (СПб.), № 163, 21 июня 1894 г.

709 «Русская жизнь», № 163, 21 июня 1894 г.

710 КК, 1906, II отд., с. 99.

лизм на Кавказе требовал рабочей силы как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Автор книги «Кавказские горцы» Я. В. Абрамов (Краснодар, 1927, с. 10) указанную политику царизма объяснял даже лишь стремлением местной администрации предотвратить запустение Закубанья, подобно Черноморью. Однако в правительственных кругах нередко высказывались и мнения о необходимости продолжения выселения с Кавказа мусульманского населения, если не всего, то по крайней мере большей его части⁷¹¹. Такая позиция была обусловлена боязнью нового подъема национально-освободительного движения. Именно этим объясняется тот факт, что поощрялось «одиочное переселение», которое должно было освободить кавказское начальство, говоря словами официального документа, «от бесполезных и вредных личностей»⁷¹².

Но стремление к выселению «не исчезло среди значительной части горцев Кавказа, даже тех из них, которые сначала подчинились царской власти и переселились с гор в кубанские болота. Это были преимущественно крестьяне, которые, гонимые нуждой и разорением, искали спасения в эмиграции. И не случайно, что именно с конца 60-х годов новая волна переселения растет по всему Кавказскому краю. В 1873 году, например, в Турцию выехало 2 850 семейств, или 3 400 человек⁷¹³. Правда, в дальнейшем русские власти даже силой оружия начали останавливать горцев на местах их поселения, за исключением тех случаев, когда сами они были заинтересованы в выезде, о чем речь шла выше. Во всяком случае, по данным Е. Д. Фелицына, из Кубанской области в Турцию с 1871 по 1883 год ушло 13 586 человек, в том числе адыгов — 11 417, абазин — 1 809⁷¹⁴.

Я. В. Абрамов, говоря о причинах переселения горцев в Турцию на данном этапе, выделял следующие из них:

1. Запустение под царской властью огромных пространств на Северном Кавказе, которые были покрыты прежде нивами, лугами и виноградниками; безжалостное истребление продуктов культуры и многолетнего труда горцев. 2. Создание привилегированного положения казачьей верхушки, которая, пользуясь поддержкой администрации, становится в некотором роде начальством над горцами вообще и «гораздо чаще злоупотребляет силою». 3. Несомненно менее выгодные экономические условия горцев (и переселенцев), чем казаков. Например, в Кубанской области если последние получили полный 30-десятинный душевой надел, то черкесы были наделены по 7 десят. на душу и притом преимущественно «никуда негодными» плавнями по Кубани. Это создавало «экономическую зависимость туземцев от казаков», что приводило «к

⁷¹¹ См.: А. Х. Касумов. Разные судьбы, с. 19—20.

⁷¹² Там же, с. 21.

⁷¹³ Телеграмма начальника Екатеринодарского края от 7 декабря 1873 г. начальнику главного управления Кавказского края г.-м. Н. Н. Кармалину. — ИРК, ф. А. П. Николаи, д. 85.

⁷¹⁴ ИКОРГО, 1885, т. VIII, вып. II, с. 372—373.

крайне печальным результатам»⁷¹⁶. 4. Отношение властей к случаям нападения на личность горца, т. е. дискриминация «туземца». По «странному взгляду», все преступления приписывались горцам, на которых смотрели как «на воров и разбойников по преимуществу». 5. Введение круговой ответственности за «преступления». 6. Практика обезоружения горцев, расценивавшаяся ими как явное обесчещение. 7. Намерение привлечения горцев к отбытию общей воинской повинности. И «пугает горцев собственно солдатская служба, с ее муштровкой и дисциплиной, с ее казарменной жизнью, с затруднениями относительно исполнения религиозных обрядов». Перечисленные и другие факты и дела «буквально невозможностью» для горцев жизнь на родине и заставляли бежать в Турцию. Такое положение вещей, «менее выгодное России», было «создано совершенно искусственно, является продуктом грубого непонимания интересов России на Кавказе, а во многих отношениях и прямых злоупотреблений»⁷¹⁶.

То, что Абрамов называл «экономическими условиями», менее выгодными для черкесской массы, было связано с крестьянской реформой, которая и здесь была проведена царскими колонизаторами и дворянами исключительно в интересах русских и местных эксплуататоров⁷¹⁷. На Кавказе вообще крестьянская реформа, как известно, носила более грабительский характер, чем в центральных губерниях России. Естественно, что эта реформа вызвала острую классовую борьбу. Следовательно, горские трудовые массы выступали не только против казачьей верхушки, но и своих феодалов, захвативших лучшие земли и опиравшихся на поддержку царизма. А феодально-клерикальные круги и турецкие агенты стремились использовать в своих интересах справедливое недовольство народа.

Конец XIX — начала XX века знаменуется новым стремлением горцев Кавказа к переселению в Турцию, происходившим в обстановке усиления среди них пропаганды панисламистских идей со стороны турецкой агентуры в лице реакционной части феодалов и мусульманского духовенства. А панисламизм, по словам В. И. Ленина, пытался «соединить освободительное движение против евро-

⁷¹⁶ Казачество, возглавляемое царскими генералами, все более превращающееся в прислужника царизма, становилось полным хозяином богатого края с огромным запасом неосвоенных земель. «Служба с земли» являлась экономической и военно-политической основой существования казачества. Многоземельное казачество сделалось одной из опор русского царизма («Очерки истории Адыгеи», т. I, с. 383—384). Что касается трудовой массы казачества, то она угнеталась и эксплуатировалась.

В проекте постановления Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о задачах РКП(б) в местностях, населенных восточными народами, принятом 14 октября 1920 года, читаем: «По вопросу аграрному признать необходимым возвращение горцам Северного Кавказа земель, отнятых у них... за счет кулацкой части казачьего населения...» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 342, 534).

⁷¹⁷ Я. Абрамов. Указ. соч., с. 12—35.

⁷¹⁸ «Очерки истории Адыгеи», т. I, с. 406.

пейского и американского империализма с укреплением позиции ханов, помещиков, мулл и т. п.»⁷¹⁸. В 1887 и 1894 годах состоялось массовое переселение карачаевцев. По официальным данным, в течение 1900—1902 годов из Нальчикского округа переселилось 3 382 кабардинцев и балкарцев. Переселение кабардинцев имело место и в 1905 году⁷¹⁹. За все же годы кабардинцев выселилось около 45 тыс., а осетин около 8—10 тыс. чел.⁷²⁰

С другой стороны, наблюдается возвращение отдельных лиц и групп горцев Кавказа на родину. Даже такой человек, как капитан турецкой армии черкес Бекер-бей Хатанов, состоявший адъютантом при генерале Осман-паше, в 1880 году перешел на русскую службу. По его примеру, как предполагали, готовился перейти на сторону России «целый авангард черкесских переселенцев»⁷²¹.

На Восточном Кавказе выселение горцев в Турцию в рассматриваемое время протекало несколько иначе. В Дагестане была даже установлена до 1873 года норма численности переселенцев, которым дозволялось выселиться легальным путем. Ежегодно 150 семьям выдавались паспорта на «путешествие» в Мекку и Медину и затем им объявлялось, что, по выходе из российской границы, их уже не пустят обратно⁷²².

В Абхазии выселение происходило теперь главным образом на почве родственных связей. Начальник Сухумского отдела П. И. Аракин еще в своем отношении от 18 декабря 1878 года на имя начальника Кавказского горского управления А. В. Комарова писал: «Жители Гудаутского участка, из числа населения, признанного виновным в последнем восстании, Джинджик и Шмаф Ажиба, Кваджик Джебегия, Абыдж и Согум Гумба и Хусейн Инапха, оставшись одинокими после эмиграции их родных в Турцию и видя невозможность возвращения последних на родину, подали мне прошение о разрешении и им навсегда переселиться в Турцию»⁷²³. Вскоре перечисленные лица покинули родину. Таких примеров было немало.

В одной газетной заметке за 1895 год говорится все еще об уменьшении, но не о прекращении переселения абхазов в Турцию⁷²⁴.

В конце века русское правительство начинает принимать более действенные меры по предотвращению переселения кавказцев в Турцию. В 1889 году при министерстве внутренних дел было даже образовано «Особое совещание» для обсуждения мер, которые необходимо принять против агитации за переселение в Турцию, а также и для выработки более строгих правил выдачи разрешений

718 В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 166.

719 А. Х. Касумов. Указ. соч., с. 24—29.

720 Х. О. Лайпанов. Указ. соч., с. 114.

721 «Голос», № 278, 8 октября 1880 г.

722 Я. Абрамов. Указ. соч., с. 10.

723 ЦИАГ, ф. 545, оп. 1, (кн. 1), л. 1660, д. 1.

724 «Кавказ», № 262, 5 октября 1895 г.

на это переселение. В условиях, когда для развития добывающей промышленности и разработки природных богатств требовались рабочие руки, когда они были нужны и в сельском хозяйстве, особенно в хлопководстве, виноградарстве и табаководстве, агитация религиозных проповедников за переселение в Турцию уже не встречала одобрения ни со стороны местных господствующих классов, ни со стороны царских колониальных властей⁷²⁵. Тем не менее переселение кавказского населения в Турцию продолжалось в известных размерах. Только Октябрьская революция, разорвавшая цепи угнетения, остановила это движение.

Считается, что всего с Кавказа было выселено 1 800 тыс. человек⁷²⁶. Однако эту цифру надо признать сильно преувеличенной. Как уже указывалось, много горцев ушло в Турцию без пропусков, т. е. без ведома царских властей. В 1861—1862 годах, например, таких было с Западного Кавказа 20 156 человек, а в 1864 году — 21 350⁷²⁷. Эта категория горцев не попала на учет. Но и в этом случае речь идет только о махаджирах. Мы располагаем также данными Султана Довлет-Гирея, которые, однако, надо считать, по словам академика Н. Я. Марра, «недостаточно проверенными». Согласно этим данным, с 1816 по 1910 год с Кавказа выселилось в Турцию 3 097 949 человек, или 619 746 дворов (исправлены ошибки, допущенные при сложении цифр)⁷²⁸. Количество же только черкесов, проживавших в пределах Турецкой империи к 1910 году, по данным автора, — 2 750 000 чел.; при этом последний ссылается на Статистический комитет⁷²⁹. Такое увеличение численности черкесов по сравнению с приведенными выше данными он относит за счет смешения с ними других кавказских выходцев, потерявших свою национальность, самобытность, язык, обычаи и т. д. и которые были «известны теперь под названием черкесов»⁷³⁰. Но Султан Довлет-Гирей не учитывает процесс ассимиляции самих черкесов, в связи с чем приведенная им цифра кажется особенно неточной. Не случайно французский историк Л. Каэн отмечал, что «черкесы — все мусульмане и быстро отуречиваются»⁷³¹. Расселены же были кавказцы в основном на территории собственно Турции, частью в странах Балканского полуострова, в Месопотамии, Иордании, Сирии, Ливане и Египте.

725 Н. А. Смирнов. Политика России на Кавказе..., с. 240.

726 В. Аблотин. Национальный состав Турции. — «Новый Восток», М., 1925, № 1 (7), с. 21.

727 Х. О. Лайпанов. Указ. соч., с. 114.

728 ДЛОАН, ф. 800, Н. Я. Марра, л. 188, л. 4.

729 Там же, л. 8.

730 Там же.

731 [Лависса и Рамбо]. История XIX века, т. 6. М., 1937, с. 61.

ГЛАВА VI

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В АБХАЗИИ ПОСЛЕ СОБЫТИЙ 70-х годов

§ 1. Изменение «Положения» о крестьянской реформе

Царским администраторам, как мы видели, было хорошо известно, что основная масса абхазского крестьянства не желала разрыва с Россией и тем более эмиграции в Турцию. Тем не менее начальник Сухумского отдела полковник П. И. Аракин, ввиду того, что «определить степень причастности к мятежу каждой общины и отдельных лиц путем расследования... потребует слишком много времени», признавал необходимым все абхазское население объявить «виновным и причастным к измене и в виде наказания применить к ним такие мероприятия, которые, заключая в себе свойство карательного характера», могли бы послужить основой к «устройству» «несчастливого населения» на таких началах, «как соответствие видам и целям правительства». И самыми существенными мерами в этом отношении признавались: «Видоизменения отношения туземного населения к земле и его сгруппирование»¹. Далее начальник отдела находил «вполне справедливым»: «а) все виновное население обложить увеличенной податью..., б) подтвердить прежнее распространение о запрещении носить оружие²..., в) впредь до сгруппирования селений и наделения землею все должностные сельские власти и депутаты должны назначаться прямым начальством и г) оставшиеся отдельные личности, являвшие участие в восстании... должны быть высланы из края административным порядком»³. Кавказское начальство безоговорочно согласилось с мнением Аракина. Абхазское население было признано

¹ Вопрос о «сгруппировании» абхазского населения неоднократно возникал и впоследствии. «Ребром» же он ставился при кавказском главнокомандующем (1882—1890) кн. А. М. Дондукове-Корсакове. И только отъезд его с Кавказа «помешал выполнению этого... проекта». Посетив Абхазию, временный заместитель Дондукова-Корсакова генерал Мезников, в силу «антипатии к жестокой ломке быта абхазцев», отменил предшествовавшие работы (Г. А. Рыбинский. Сухумский округ. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. Тифлис, 1894, с. 30), проведенные, скажем, в Кабарде, где в результате переселенческой реформы 1865 года объединились 116 мелких населенных пунктов в 39 крупных поселений, а также произошли значительные изменения в их местоположении.

² Кстати, розданное турками оружие к этому времени было отобрано Б. М. Шелковниковым и отправлено в Новороссийск.

³ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 190, лл. 3—5.

«виновным», каким оно считалось вплоть до 1907 года. И в этом положении ему не доверялось оружие, т. е. «по причине малой политической благонадежности» абхазы не привлекались к отбыванию «личной воинской повинности», которая была заменена дополнительным денежным налогом⁴. В 1883 году, в связи с ликвидацией военно-народного управления на Кавказе, Сухумский военный отдел, как официально называлась Абхазия с 1864 года, с момента упразднения владительства, перешел в гражданское ведомство и вошел в состав Кутаисской губернии под названием Сухумский округ. Край делился теперь на четыре участка: Гумистинский (центр — г. Сухуми), Гудаутский (м. Гудауты), Кодорский (м. Очемчиры) и Самурзаканский (с. Окум).

Одним из первых карательных мероприятий царского правительства в Абхазии после восстания и военных событий 1877 года на территории края была «административная высылка» «всех неблагонадежных лиц»⁵. При этом «особого внимания» заслуживали те, которые выступали вообще против царского режима. Так поступили в 1880 году, например, с крестьянами села Гума Байрамом Отырба, Сейдыком и Ахметом Авидзба. Причем первый из них обвинялся именно в том, что «всегда был душою и руководителем всякого сопротивления распоряжению русских властей»⁶. Еще до этого, летом 1877 года, как «государственные преступники» были сосланы в Сольвычегодск Вологодской губернии попавшие в плен во время боевых операций жители с. Дранда — Мурзакан Лакербай, Хват Гумба, Ханашв Мукба и Чич Иванба; жители с. Джгерда — Хирипс Маршания, Беслан Маршания, Шмаф Цыба и Хиг Ашуба⁷.

Еще одним карательным мероприятием царизма в послевоенной Абхазии было запрещение абхазским махаджирам обосноваться в центральной, опустошенной части края. Особенно тяжелым было запрещение селиться в приморской полосе вообще. Важно отметить, что князей и дворян такое ограничение фактически не коснулось. Вот один пример. Жители с. Адзюбжа Данакай Чочуа, Кваташ Халваш и Смел Какия в своем заявлении от 27 апреля 1881 года на имя начальника Сухумского отдела жаловались, что крестьянские пахотные земли и пастбища, лежащие в местности Оджбин, отдаются князю Эристо Эмухвари, а без этой территории, писали они, «мы не можем достать для наших семейств дневного пропитания»⁸. Председатель Сухумской поземельной комиссии полковник А. Н. Введенский отклонил просьбу крестьян, заявив о решении удалить Адзюбжинскую общину на 2,5 версты от уступа, идущего вдоль морского берега⁹.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 2, 1900 г., д. 5509, ст. 648—662, л. 172.

⁵ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1 (кн. I), д. 1672, л. 95.

⁶ Там же, оп. 1 (кн. II), д. 2968, лл. 1, 12.

⁷ Там же, ф. 229, оп. 2, д. 3; «Новое время», 12 января 1878 г.

⁸ Там же, ф. 545, оп. 1, (кн. II), д. 2417, л. 5.

⁹ Там же, л. 6.

Одновременно в интересах же абхазского дворянства было решено внести изменения в «Положение» от 8 ноября 1870 года о крестьянской реформе, «ограничивавшие в правах на земельные наделы, определенные 24, 26 и 27 ст.», что и было сделано «в законодательном порядке»¹⁰. В результате за князьями и дворянами были сохранены «на праве собственности» почти все их наделы и поместья. Крестьянам же, признанным «виновными», земли отводились в гораздо меньшем размере и не в собственность, а в «пользование»¹¹. И только в 12 общинах «невиновного» населения земли отводились на правах «полной частной собственности»¹².

Особо жесткие ограничения были установлены для крестьян — бывших махаджиров. В соответствии с «Инструкцией учреждениям Сухумского округа для окончательного устройства населения оного в поземельном отношении», утвержденной главнокомандующим на Кавказе А. М. Дондуковым-Корсаковым в 1885 году¹³, состав семей крестьян, подлежащих наделению землей, должен был исходить из переписи 1879 года, а «вновь образовавшиеся с тех пор семейства в расчет не принимаются». Другими словами, махаджирь, вернувшийся после указанной даты, обрекался на безземелье — они должны были арендовать землю¹⁴. И действительно, «в округе, — говорится в докладе начальника Сухумского округа за 1909 год, — имеется много абхазских семей из числа выселившихся в Турцию, не имеющих вовсе земли и живущих или на арендном праве, или захватным порядком на казенных землях»¹⁵.

Что касается князей и дворян, то вначале было решено, чтобы и из них «вновь вселяющиеся» в край «были принимаемы без сохранения за ними прав на земельный надел» и чтобы они «пользовались только наделами поземельными в общинной юрте»¹⁶. Однако вскоре местная администрация сама возбудила ходатайство о их наделении землей. Из вернувшихся, например, в 1881 году 112 дворян почти все получили увеличенные земельные наделы¹⁷. Причем «округление» этих земель часто происходило за счет крестьянских. Так, крестьяне одного из поселков селения Тамыш Очемчирского участка, переселившиеся сюда еще в 1858 году, Тамшуг, Гудья, Хаджмат и Тажь Цвижба, Маф Инапшь, Осман Какалия, Хаджмат Барганджия и Астанда Адлейба жаловались в

¹⁰ ЦГВИА, ф. 400, оп. 259/909, 1880 г., д. 18, л. 11 об. (Доклад военного министра от 17 мая 1880 г. по Главному штабу).

¹¹ «Очерки истории Абхазской АССР», ч. I. Сухуми, 1960, с. 221; В. Д. Авидзба. Проведение в жизнь крестьянской реформы в Абхазии. Автореферат кандидатской диссертации. Сухуми, 1969, с. 8—9.

¹² ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 2, д. 5057, ст. 226, л. 97 а.

¹³ См.: ЦГАА, ф. 58, д. 14, л. 1.

¹⁴ ЦГВИА СССР, ф. 400, л. 8, лл. 1—6 и сл.

¹⁵ ЦГИАГ, ф. 40, д. 899, лл. 50—56.

¹⁶ Там же, ф. 545, оп. 1 (кн. II), д. 2417, л. 16.

¹⁷ Так, Тада Лакрба получил 190 дес., Казылбек Чаабалурхва — 155 дес., Ахмет Амба — 150 дес., Мсоуст Званба — 100 дес. и т. д. (ЦГИАГ, ф. 545, д. 230, лл. 49—55).

1881 году, что они должны оставить свои усадьбы и земли, а следовательно, «сразу окончательно разориться» потому только, что эти земли «понадобились» для надела полковника князя Зураба Чхотуа. «Мы... несчастные, — писали далее жалобщики, — избавившись кое-как от военного погрома так недавно, обречены теперь подвергнуться таковому в мирное время»¹⁸. В архивах сохранились целые списки крестьянских семейств, «коих земли отошли в частные наделы»¹⁹.

Если абхазские крестьяне, основное население края, в 90-х годах, после «исправления» положений реформы, сугубо крепостнический характер который нашел ясное отражение в распределении земель в крае, получили 112,1 тыс. дес., или менее 2 дес. на душу, то князья и дворяне более 100 дес. на семью (600 семейств получили 67 195 дес.); причем в эту цифру не входили дополнительные наделы за «особые заслуги», чины, ордена и т. д. Земли отводились общинам в целом, подымного землеустройства вплоть до 900-х годов произведено не было²⁰. Кстати, это создавало большие возможности для захвата лучших земель князьями, дворянами и кулаками, которые также входили в сельские общины²¹. Царизм сохранил у абхазов сельскую общину со значительными пережитками родового строя. В рамках сельских обществ осуществлялась теперь эксплуатация крестьян. Заметим еще раз, что общинными

¹⁸ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1 (кн. II), д. 2983, лл. 66 - 67.

¹⁹ См., например, КФ ЦГИАГ, ф. 186, оп. 1 (кн. II), д. 767, лл. 256, 289, 295.

²⁰ «Очерки истории Абхазской АССР», ч. 1, с. 222.

²¹ Сельская община в пореформенной Абхазии действовала официально на основании указанного выше «Положения» 1867 года, преследовавшего фискальные и административные цели (общинное управление здесь просуществовало до 1917 г.). Общинной собственности на пахотные земли в Абхазии не было, абхазская община не знала земельных переделов. Пахотные земли принадлежали отдельным семьям, объединенным в сельские общины. В общинном же пользовании находились леса и пастбища. Отсюда своеобразное и подворно-участковое землевладение и «хуторской» тип поселений. Вот что рассказывают материалы о положении в общинах, на которые разделялась вся Абхазия (за исключением Гумистинского участка, земли которого были объявлены государственным и предназначались для колонизации), о разложении этих общин: «Наиболее сильные и влиятельные члены общества, а особенно лица привилегированного сословия, бесконтрольно воспользовались своею силою и влиянием в явный ущерб остальным» (ЦГИАГ, ф. 229, оп. 2, д. 50, л. 7). Хотя и считалось, что в общине все члены «ее равноправны в пользовании землей, но некоторые члены общины, особенно из дворян, все же больше пользуются общинными землями, чем другие. Распределение земель между общинниками в высшей степени неравномерное, кто сильнее, тот занимает больше и лучшие из земель» («Кавказское сельское хозяйство», 1897, № 173, с. 278). В другом месте также читаем: «Сильные элементы деревни ... брали себе участки лучшие и больших размеров, а слабым членам деревни оставались участки худшие и меньших размеров. Силою же рядом можно слышать от абхаза, что его сосед владеет 10 - 15 десятинами земли, а он или другой и трех десятин не имеет, хотя членов в его семье больше, чем у того». Далее автор пишет о необходимости удерживать «лишние» выключенности деревенских кулаков» (И. Гукасян. Поземельное дело в Сухумском округе. - «Кавказское сельское хозяйство», 1899, № 78, с. 1345).

землями абхазские крестьяне после 1877 года владели только на правах «пользования ими»²².

А вот общая картина землевладения в Абхазии уже в начале XX столетия. Свыше 748 тыс. десятин лучшей земли находилось, главным образом, в руках трех категорий земельных собственников — помещиков, государства и церкви (монастырей)²³. Это составляло более 74 проц. всех земель. Следовательно, крестьянство, составлявшее 96,3 проц. населения края, имело в своем пользовании всего лишь 25,6 проц. земель. При этом, если все частное землевладение в 1907 году, например, равнялось 105 565 дес., то дворянству принадлежало 102 207 дес., или 96,8 проц. Средний размер владения этой категории теперь равнялся 73 дес., а в участках: Гумистинском — 172, Кодорском — 85, Гудаутском — 69 и Самурзаканском — 34 дес. Наибольшую площадь дворянских земель составляли леса — 60 проц.²⁴

Таким образом, царское правительство всю ответственность за события 1877 года возложило на крестьян, т. е. превратило реформу в приговор именно этой части населения. В результате реформы помещики завладели лучшими землями, они получили и дешевую рабочую силу. Кулаки также сосредоточивают постепенно в свои руки земли²⁵. Крестьянская же беднота была вынуждена продавать свой последний хлеб, чтобы платить многочисленные налоги, штрафы, поборы, уплачивать долги помещикам и ростовщикам.

Все эти обстоятельства, с одной стороны, еще больше усиливали ненависть крестьян к царизму и с другой — обостряли классовую борьбу в абхазской деревне. Группа князей и дворян (Мажара Шервашидзе, Виссарион Инал-ипа, Тата Маргания и Соломон Лакрба) в заявлении от 5 августа 1881 года на имя начальника Кавказского военно-народного управления генерала Комарова писали: «Боясь власть в какую-нибудь беду в скором будущем, просим... не только о скорейшем устройстве нашего земельного быта, но и об ограждении нас от могущего со стороны низшего сословия ожидаемого насильственного действия»²⁶. «Насильственные действия» крестьян в период проведения реформы не могли быть предотвращены, напротив, они принимают массовый харак-

²² КСХ, 1897, № 173, с. 278.

²³ Не были забыты при этом и священники-«одиночки». Так, в 1881 году кавказское начальство причислило каждому из них по 30 десят. земли. Только священникам мелких сельских церквей Абхазии, согласно одному документу, датированному 1885 годом, в порядке надбавки к зарплате было выделено 1440 десят. земли с живущими на ней крестьянами (см.: Г. В. Смир. Ислам в Абхазии и пути преодоления его пережитков в современных условиях. Тбилиси, 1972, с. 55).

²⁴ Ч. Х. Гуниа. Землепользование в Абхазии, Сухуми, 1972, с. 18, 27—28.

²⁵ Эти новые эксплуататоры (сельская буржуазия) владели от 7 до 20 и более дес. (Подробнее об этом процессе см.: А. Д. Дзидзебаев. *აფხაზეთის სოციალიზმი XIX ს. დასაწყისი და XX ს. დასაწყისი* (1880-1905 წწ.). Тбилиси, 1973).

²⁶ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1 (кн. II), д. 2983, л. 12.

тер²⁷. Причем это происходило в обстановке нарастания с конца 70-х годов революционной ситуации во всей стране. «Борьба против феодально-крепостнических пережитков, сохранившихся после реформы, — таково объективное значение массового и революционного движения этого периода»²⁸.

Как видели, начало обострения крестьянского движения в Абхазии в пореформенное время было непосредственно связано с характером крестьянской реформы и теми карательными мероприятиями царского правительства, которые последовали за событиями 1877 года. Волнения крестьян развертываются уже в период землеустроительных работ. В 1882 году в селах Адзюбжа, Гудава и других произошли выступления крестьян, руководители которых, позже высланные властями из пределов Абхазии, обвинялись именно в том, что «позволили себе возбудить» с членами Сухумской поземельной комиссии «довольно крупную ссору»²⁹. Помощник начальника Кавказского военно-народного управления полковник Фрейер в донесении от 3 апреля 1883 года командующему войсками Кавказского округа А. М. Дондукову-Корсакову писал, что полковник А. Введенский и князь Г. Шервашидзе, «как очевидцы, могут засвидетельствовать о крайне напряженном состоянии поземельных отношений» вообще в Абхазии и «о причинах такового»³⁰. 29 апреля 1883 года начальник Сухумского отдела генерал П. И. Аракин направил начальнику Кавказского военно-народного управления телеграмму, в которой также сообщалось: «Поземельные отношения обостряются, появляются случаи самоуправства. В Гальской общине³¹, на участке Дзвадзва Маргания, толпа уничтожила межевые знаки, заборы, угрожая не допускать пользования. Для прекращения беспорядков может потребоваться поставка войск. Прошу испросить разрешения [по] моему усмотрению передвинуть роту, приняв меры...»³². В ночь с 24 на 25 апреля к дому дворянина Д. Маргания подошла толпа крестьян и потребовала от него, чтобы он отказался от той части отводимой ему по реформе земли, которая ранее находилась в крестьянском пользовании. Испуганный Маргания просил крестьян «пощадить его жизнь, а с землей делать, что им угодно». Но затем Маргания подал жалобу, обвиняя крестьян в нападении на него и самоуправстве³³. Интересно заметить, что не только участники происшествия, но рабочие и прислуга Маргания отказались быть свидетелями, ссылаясь на

27 И. Г. Антелава. Из истории аграрного движения в пореформенной Абхазии. — «Сообщения Академии наук Грузинской ССР». Тбилиси, т. X, № 4, с. 249.

28 П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов. М., 1964, с. 7.

29 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1 (кн. 1), д. 2742, л. 21.

30 Там же, л. 2.

31 Подробнее о выступлениях гальских крестьян в 1883 и 1884 годах см.: И. Г. Антелава. Из истории аграрного движения в пореформенной Абхазии.

32 ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1 (кн. 1), д. 2742, л. 1.

33 Там же, лл. 1—5.

то, что «они спали и ничего не слышали». Отказались признать себя виновными в нападении на дом и все его участники, вызванные в Сухум и там арестованные.

В том же 1883 году, 14 июня, в селах Баргеби, Отобайа и Набакеви крестьяне силой приостановили межевые работы, производившиеся здесь землеметром Песковым. Эти работы были возобновлены лишь на следующий день, после вмешательства начальника Очемчирского округа подполковника Малиновского³⁴. При этом происходили массовые захваты пахотных земель и лесов, особенно «очищенных» в прежние годы по распоряжению администрации и впоследствии по распоряжению мировых посредников». Так, например, на р. Хумушкuri, откуда было выселено 15 семейств, к концу 1882 года образовалось целое селение, в 105 семейств; между реками Сида и Хумушкuri поселилось 45 семейств. Коджельский лес был «почти уничтожен», и на этом месте поселилось до 150 семейств³⁵. Сухумская поземельная комиссия вынуждена была решить «оставить на своих местах произвольно захвативших земли в том случае, если на занятых уже образовались значительные поселки или селения»; в противном случае поселки «уничтожить и земли эти предназначить в надел привилегированным лицам»³⁶. Комиссия в апреле 1883 года спрашивала начальника Сухумского отдела: «Ввиду непрерывных жалоб, возбуждаемых лицами привилегированных сословий об уничтожении на обмежеванных или землях жителями близлежащих поселений леса, виноградных доз и фруктовых деревьев, а также погромы сена и произвольной пастьбы скота и лошадей... должна ли она входить через мировых посредников в разбирательство означенных жалоб или же это будет возложено на администрацию»³⁷. Абхазский дворянин и офицер царской службы (житель села Лаца) Шаф Маги жаловался в 1891 году, что он «терпит большие убытки: два раза поджигали его дом и лавку»³⁸.

В заключение следует подчеркнуть, что, несмотря на антикрестьянский, а в условиях Абхазии — особенно тяжелый характер, крестьянская реформа в крае, как и повсюду, способствовала развитию общества на основе новых, более прогрессивных в тот период, капиталистических отношений.

§ 2. Колонизация Абхазии

Поощряя и принуждая население к махаджирству и все более «неправляя» положения крестьянской реформы, царское правительство стремилось к освобождению земель Абхазии для разви-

³⁴ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1 (кн. 1), д. 2742, лл. 29—32.

³⁵ Там же, ф. 231, л. 74, лл. 62—69 (Рапорт председателя Сухумской поземельной комиссии Введенского от 30 декабря 1882 г. начальнику Кавказского военного-народного управления).

³⁶ Там же, л. 65 об.

³⁷ Там же, лл. 13—14.

³⁸ ЦГАА, ф. 1, д. 273, лл. 26—26 об.

тия широкой колонизации края, а также по военно-стратегическим соображениям. Эта колонизационная политика царизма была одним из звеньев в цепи его великодержавной колониальной политики на Кавказе.

В Закавказье царское правительство, преследуя экономические и политические интересы, к заселению этой вновь присоединенной территории приступила уже в начале XIX века³⁹. К концу 1818 года немецкие колонисты, например, основали в Елизаветпольском и Тифлиском уездах (на р. Иори) 8 колоний: Александердорф, Елизабетталь, Петерсдорф, Мариенфельд, Анненфельд и др.⁴⁰. В последующие годы образовалось еще несколько новых колоний⁴¹. Действия царизма в этом направлении находят свое дальнейшее развитие в 30-х годах. В Закавказье предполагалось создать также русские колонии и военные поселения из числа семей отставных солдат, а также сектантов и раскольников. Наделяли их, разумеется, лучшими землями. Еще граф Паскевич около 200 тыс. дес. таких земель в Закавказье роздал переселенцам из Турции и Ирана⁴².

В Абхазии вопрос о частичной колонизации отдельных ее районов возник в 30-х годах. Уже новороссийскому генерал-губернатору графу М. С. Воронцову, например, окрестности Бамборы, которые он облюбовал во время своего путешествия по восточному берегу Черного моря летом 1836 года, «показались ... одним из пунктов, в коих более всего желательно бы заводить колонии из хороших хлебопашцев, садовников, виноделов и пастухов: климат пресвосходный, всякого рода растения и полуденные деревья растут и процветают и с некоторыми усилиями и искусством давали бы большой доход»⁴³. А после похода барона Г. В. Розена в Цесельду в 1837 году было решено организовать там поселение под названием Богоявленское⁴⁴. В соответствии с проведением поселения 10 октября того же года «О военных поселениях за Кавказом», управляющий Имеретией генерал Я. М. Эспехо 8 февраля 1838 года предписывал и. д. командующего войсками в Абхазии полковнику Орлу срочно собрать и представить сведения о «пустопорожних удобных землях» (казенных и помещичьих), размере

³⁹ См.: Д. И. Исмаил-Заде. Русское крестьянство в Закавказье, 30-е годы XIX — начало XX в. М., 1982, с. 34 и сл.

⁴⁰ [Ф. Ф. Торнау]. Воспоминания о Кавказе и Грузии. — «Русский вестник», 1869, т. 79, № 2, с. 403.

⁴¹ Г. Х. Манджигаладзе. Немецкие колонисты в Закавказье (1818—1920 гг.). Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1970, с. 6—7; «Кавказ», № 40, 21 мая 1850 г. («Сведения о немецких поселениях в Закавказском крае»); Ф. Махарадзе. Грузия в девятнадцатом столетии, с. 87.

⁴² И. Г. Анталава. Из истории социально-политического положения и освободительного движения Грузии в 30-50-х годах XIX века. — «Джбуг», 1964, № 1, с. 39—40.

⁴³ «Воронцовский «Перипл» Черного моря» (Рапорт М. С. Воронцова Николаю I от 26 августа 1836 г. — Г. Д.). — «Русский архив», 1894, 6, с. 227.

⁴⁴ ЦГВИА. ф. ВУА, 1838 г., д. 6349, лл. 15—16 (Рапорт Е. А. Головина от 13 сентября 1838 г. А. И. Чернышеву).

вознаграждения хозяевам за их «уступку» и угоднях «для помещения на них поселений». Вскоре требуемые сведения были представлены по селам Пинцунда, Дранда и Бамбора⁴⁵. В связи с приходом генерала Н. Н. Муравьева (Амурского) в Дал в 1840—1841 годах возник вопрос о возможном поселении в этом горном районе около 500 семейств, главным образом, из женатых солдат Черноморской береговой линии и 100 линейных казаков⁴⁶. Новый губернатор береговой линии И. Р. Анреп «для прочного устройства этого края» полагал необходимым, кроме поселения не менее 500 семейств, причем «привычных к оружию», в долине Кодора (Дал), между урочищами Багада и Чхалта, и в Псху построить укрепление для 150 чел.⁴⁷ Но вначале это были беглые солдаты и пленные, «отбитые» в 1837 и 1840 годах. В Мрамбе — в самом центре нижней Цебельды — еще при генерале Н. Н. Раевском было возведено укрепление на одну роту, а подле него — небольшое поселение для указанных лиц⁴⁸, и через некоторое время здесь было 120 солдат и казаков, но всего лишь 15 «вооруженных поселян»⁴⁹. В Тифлисе была создана специальная «Комиссия по устройству поселений за Кавказом». В 1856 году в Грузии числилось уже 21 переселенческое (русское) село с 6 000 жителей⁵⁰.

Вопрос о колонизации Абхазии в широком плане был поставлен в 1864 году, когда речь шла уже о принятии «самых решительных мер» в проведении колониальной политики в различных областях Кавказского края⁵¹. Это было связано, как и все переселенческое движение в России (в метрополии и на окраинах), с процессом развития капитализма вширь, что означало экономическое «завоевание» русским капитализмом новых районов.

В марте 1864 года кавказский наместник, великий князь Михаил Николаевич, писал: «Если количество свободных земель позволит, то водворить вдоль берега до устья р. Ингури казачьи поселения, которые вместе с поселениями по р. Бзыбь могли бы составить Абхазское казачье войско под управлением начальника Абхазского военного отдела»⁵². Однако в этот период было решено

⁴⁵ РО ГИБ, ф. 100, собр. ед. пост. 1928, № 554/2 (О поселениях в Абхазии).

⁴⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, 1840 г., д. 6417, лл. 7—17; АКАК, т. IX, ч. I, с. 529, № 441.

⁴⁷ Там же, 1842 г., д. 6470, лл. 51—63. (Рап. И. Р. Анрепа от 6 июня 1842 г. П. А. Клейнмихелю).

⁴⁸ Там же, 1840 г., д. 6417, лл. 7—17. (Рап. Н. Н. Раевского от 15 июля 1840 г. А. И. Чернышеву).

⁴⁹ Там же, д. 6392, лл. 1—4.

⁵⁰ «История СССР», т. IV, М., 1967, с. 387.

⁵¹ «Документы по истории Грузии». Под ред. проф. Ш. Чхетия. Серия II, т. I, ч. I. Тбилиси, 1954, с. 668.

⁵² ЦГИАГ, ф. 416, он. 3, д. 177, л. 16 об.

Между прочим, призывая к осуществлению этой политики царизма в широком масштабе, один из апологетов последнего, В. С. Кривенко, писал о необходимости создания сотен тысяч казачьих поселков «среди обезоруженных туземцев, не только по Кубани и Тереку, но и по всем уголкам края» (См. его кн.: «Очерки Кавказа», СПб., 1893, с. 233).

ограничиться территорией между реками Туапсе и Бзыбь. По «Положению о заселении Черноморского округа»⁵³ и управлении оным», утвержденному правительством 10 марта 1866 года, это пространство было предназначено «для сельских гражданских поселений» под названием «Черноморских прибрежных поселений»⁵⁴, которые образовали Черноморский округ. В объяснительной записке к проекту указанного «Положения»⁵⁵ было отмечено, что предположения о заселении прибрежного пространства от Анапы до р. Бзыбь «вооруженным казачьим населением» в 1864 году было частично приведено в исполнение водворением 628 казачьих семейств между Константиновским укреплением и р. Туапсе⁵⁶. С этой точки зрения вся указанная территория была изучена в мае 1866 года специальной комиссией под начальством генерала Н. Н. Муравьева (Карского), отчет которой, написанный И. А. Хатисовым и А. Д. Ротыньицем, был опубликован в 5-м и 6-м номерах «Записок Кавказского общества сельского хозяйства» за 1867 год.

По данным этого отчета, во всей указанной местности насчитывалось 457 491 дес., из которых «хлебородные участки» составляли около 80 000, что было достаточно для поселения 3 376 семей: селами, деревнями или колониями — 917 семей (16 400 дес.) и хуторами — 2 459 семей (63 000 дес.); землей должны были быть наделены, сообразно местности, от 15 до 30 дес. Согласно §§ 10 и 35 «Положения» 10 марта 1866 года, заселение Черноморского округа производилось путем вызова переселенцев, отвода земли на основании Устава о городском и сельском хозяйстве и продаже ее в частную собственность⁵⁷.

Современный событиям автор А. Варгас-де-Бедемар писал: «Черноморский берег в настоящее время совершенно освобожден от горцев. Последние остатки населения, искавшие убежища в горах, вытеснены оттуда несколькими колоннами наших войск: в 1865 году аулы их разорены частью самими горцами, частью войском при преследовании горцев. Во многих местах вырублены фруктовые деревья, сорваны и срублены виноградные лозы... Поля, при сильной растительности края, стали зарастать разными кустарниками, и в скором времени, если все будет идти таким же порядком, не останется никаких следов прежней культуры»⁵⁸. «В обоих бассейнах как Псоу, так и Мзымты, уже несколько лет не было никаких признаков жизни», — свидетельствовал и А. В. Верещагин, путешествовавший в 1870 и 1873 годах по Черноморскому округу⁵⁹.

⁵³ Черноморский округ Кубанской области (центр — Новороссийск) в 1896 году был преобразован в Черноморскую губернию.

⁵⁴ ЗКОСХ, №№ 1 и 2, 1867, с. 1.

⁵⁵ АВПР, ф. Азиатский департамент, 1865 г., оп. 729, д. 398, лл. 3 — 16.

⁵⁶ Там же, л. 17.

⁵⁷ А. В. Верещагин. Путевые заметки по Черноморскому округу. М., 1874, с. 187.

⁵⁸ ЗКОСХ, 1867, №№ 3 и 4, с. 9.

⁵⁹ А. В. Верещагин. Указ. соч., с. 66.

В «Отчете за 10 лет» (1862—1872 гг.) Главного управления наместника Кавказа разъяснялась «правительственная задача»: «Вновь заселить этот пограничный, природой богато одаренный, но опустошенный край... Вопрос о наилучшем создании в этой местности новой промышленной жизни, — говорится далее в «Отчете», — является весьма сложным: для этого нужны были капитал и рабочие руки; первое можно было ожидать только от частной предприимчивости, второе могло быть создано только заселением края. Заселение это вместе с тем должно было удовлетворить и другой немаловажной государственной потребности — иметь на этой приморской окраине население, вполне благонадежное в политическом отношении»⁶⁰.

При составлении комиссией 1866 года соображений о заселении Черноморского округа в разных местах было выделено восемь участков для продажи в частную собственность. Посредством этой меры «имелось в виду привлечь в край капиталистов и способствовать к образованию в нем обширных хозяйств и ферм, располагающих достаточными для улучшения местной культуры средствами»⁶¹. Площадь всех восьми участков равнялась 11 700 десятинам. Вызов переселенцев последовал вскоре после издания «Положения» 10 марта 1866 года. Первоначально был командирован агроном Хатисов в Турцию, чтобы привлечь оттуда греческих и армянских выходцев, а затем переселенцы начали появляться и из других местностей, большей частью с Юга России и из-за границы⁶².

Источниками образования государственного землевладения, а, следовательно, колонизационного фонда на этом этапе в собственно Абхазии были конфискация обширных владений абхазского владетельного дома⁶³ и некоторых других феодалов, изъятие крестьянских земель сельских общин, скупка у землевладельцев отдельных участков и др. В 1867 году в Абхазии появилось много новых «свободных земель». В результате махаджирства того периода целые цветущие районы Абхазии превратились в безлюдное дикое пространство: пашни заросли колючкой и папоротником, сады смешивались с лесом, виноградники дичали и вырождались. И уже в 1868 году «освободившаяся» абхазская земля была включена в состав казенных земель, находящихся в ведении Кавказского горского управления. Не говоря уже об официальной переписке, в печати появляются всевозможные «предложения» и «со-

60 А. В. Верещагин. Черноморское побережье Кавказа и его колонизация. СПб., 1878, с. 7.

61 Еге же. Путевые заметки., с. 197—198.

62 Там же, с. 187—188.

63 Земельные владения только владетеля Абхазии М. Г. Шервашидзе составили 283 806 дес. В «Прибавлении» к № 83 газ. «Кавказ» за июль 1874 года сообщалось: «20 августа в Сухуме, в канцелярии начальника Сухумского отдела, имеют быть торги без переторжки, на отдачу на арендное содержание садов, принадлежащих бывшему владетелю Абхазии и брату его князю Александру Шервашидзе, находящихся в разных местах района Пицундского округа».

ображения» по вопросу о заселении указанной территории «надежным элементом». Член Сухумской сословно-поземельной комиссии Н. А. Дьячков-Тарасов в статье «О заселении Цебельды», опубликованной в газете «Кавказ» 10 октября 1868 года, сообщал, что часть этой земли, около 16 тысяч десят., где преимущественно жили цебельдинцы, определена под поселение и около 4 000 дес. под продажу частным лицам. На всех участках предполагалось поселить до 150 семейств.

И вот из этих «огромных пространств... поземельных угодий», оставшихся с 1867 года «почти пустынными»⁶⁴, было выделено для заселения 6 пунктов, получивших названия: Михайловское (у р. Амткел), Ольгинское (у истоков восточной р. Мачара), Александровское (на р. Келасури), Анастасьевское и Николаевское (в Науше) и Георгиевское (в урочище Джампал). В 1869 году в Анастасьевском и Николаевском поселились 62 семьи болгар⁶⁵, а в других перечисленных селах — анатолийские греки⁶⁶. Переселенцы получили по 30 дес. на семью, освобождение от податей и повинностей на 15 лет и субсидию по 80 руб. Но колонизация эта не имела «ожидаемого успеха»⁶⁷.

Одновременно была сделана попытка «посадить на землю» русских чиновников (военных и гражданских) кавказской администрации. В 1872 и 1874 годах, например, четырнадцати «наиболее достойным» из числа служащих в крае по военно-народному управлению (ген. П. Кравченко, полк. П. Краевичу, подполк. А. Введенскому, майору Н. Дьячкову-Тарасову и др.) было роздано 7 789 дес.⁶⁸, а вообще только в 1872 году — 12 082 дес. Всего же таким путем в Цебельде и Латах «частным лицам» было распределено 27 082 дес.⁶⁹. Однако только на незначительной части этой относительно обширной территории было устроено «кое-какое хозяйство»⁷⁰. «Чиновники, которые должны были создать в крае «русское землевладение», не могли бросить свои окладные должности и, подобно Цинциннату, променять перо на соху. Отдавать свои земли в аренду они тоже не были в состоянии, поскольку не находилось охотников их арендовать». Поэтому и случилось так, что они тысячи десятин земли сбывли с рук за бесценок «предприимчивым капиталистам, рассудившим, что не беда «бросить» тысячи три-четыре на приобретение земель, которые лет через трид-

64 ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 17, 1872 г., д. 59, л. 2 (Отношение наместника Кавказа вел. кн. Михаила Николаевича от 1 марта 1872 г. военному министру).
65 Болгары переселились в Абхазию в основном из окрестностей г. Бердянска (Херсонской губернии). Они в конце концов обосновались в с. Допакут (впоследствии Владимировское) на правом берегу р. Кодор.

66 А. Н. Дьячков-Тарасов. Абхазия и Сухум в XIX столетии, с. 196—199.

67 КК, 1882, с. 246. Сухумский отдел (Из отчетов за время с 1878 по 1881 г.).

68 ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 17, д. 59, 1872, лл. 4, 79—80, 84—85.

69 К. Д. Мачавариани. Описательный путеводитель..., с. 161.

70 Н. В. Фон-Дервиз. Сухумский округ (Заметки бывшего лесничего). — ЗКОРГО, 1906, кн. XXV, № 8, с. 76.

цать, быть может, буду стоить вдесятеро дороже». Таким образом, чиновничье землевладение не пустило «решительно никаких корней» на восточном берегу Черного моря. Например, редактор газеты «Московские ведомости» М. Н. Катков поспешил продать в 1873 году «порядочный участок» земли, «доставшийся ему на этом побережье»⁷¹.

В 1871 году, как уже отмечалось, Главное управление наместника Кавказа опубликовало положение о продаже в прибрежной полосе Черноморского округа 65 000 дес. «казенной земли» в частные руки, которая к 1874 году была раскуплена⁷². Это распространялось на нынешние Гагрский и Адлерский районы. М. Владыкин, посетивший этот край в 1873 году, сообщает такой любопытный факт. В с. Веселое он встретился с известным садзским князем Решидом Гечба, недавно вернувшимся из турецкой эмиграции. Князь был властями «прекрасно принят», и ему было дозволено выбрать 700 дес. земли в любом месте. Он, разумеется, выбрал бы «свое бывшее пепелище, но оно было уже, к несчастью для него, занято: где была аула его, там было село Веселое, а где был один из главных его хуторов, там теперь строился хутор... Хутора строились и в других местах. Решид Гечба жил в Гаграх и приискивал себе землю для поселения. В Адлер он приехал с целью «поклониться могилам своих предков и увидеть свою бывшую родину»⁷³.

А. В. Верещагин, в том же 1873 году путешествовавший по этому краю, даст некоторые сведения об его освоении. На правом берегу р. Псоу раскинулась деревня Веселая с 297 жителями в 1872 году, а в двух верстах от р. Хашупса появилась деревня Пиленково, в которой жило 88 человек. В Адлерской долине были основаны еще три деревни — Первинка, Молдаванка и Высокая. Эта территория вообще была уже «в значительной степени расчищена и разработана». На левом берегу р. Псоу Сафоновым было «положено основание хозяйства», а в Цандрипше Христофоров приобрел участок и «сделал начатки на нем хозяйства»⁷⁴.

Русско-турецкая война 1877—1878 годов нанесла большой удар делу колонизации Черноморского побережья Кавказа. «В Адлере одни развалины, — писал А. В. Верещагин, — уцелела только лачуга, в которой когда-то имели приют покупатели земель. Все заросло сильно, на берегу пропасть молдаванских разломанных сундуков. Ахштырх сожжен дотла. Таковы сведения, сообщенные нам очевидцем с места катастрофы... Вообще вред нанесен поселянам громадный — все или сожжено, или изуродовано злобным десантом»⁷⁵. Однако вскоре после окончания войны колонизация Севе-

71 «Голос», № 225, 16 августа 1879 г.

72 А. В. Верещагин. Колонизация..., с. 7.

73 М. Владыкин. Путеводитель..., 1874, с. 496—499.

74 А. В. Верещагин. Путевые заметки..., с. 71—78.

75 Его же. Колонизация..., с. 22.

ро-Западного Кавказа усиливается. Русский царизм, помещики вместе с буржуазией вплотную занялись освоением этого края, обширного района «свободных земель», легкодоступных переселенцам, а затем превращением его в один из районов капиталистического земледелия, производивших на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавших массы сельских наемных рабочих из России⁷⁶. А идеологи этой политики трубили: «Громадное стоимиллионное государство нуждается в колонии с мягким южным климатом; нуждается оно в тех произведениях, которые может дать богато-одаренный природой Кавказ»⁷⁷.

Для колонизации, в частности, Абхазии, которая после войны почти опустела, у царизма открылись новые возможности и обширные планы. К 1900 году здесь земельная собственность государства составляла более 480 тыс. десятин⁷⁸. Еще не рассеялся едкий дым войны над Абхазией и не погасли очаги осиротевших абхазских домов, как встал вопрос о перспективах колонизации края, «кем заменить ушедшее население» его. Речь шла о «развитом надежном населении»⁷⁹. Бывший председатель Сухумской сословно-поземельной комиссии А. Н. Введенский уже 5 сентября 1877 года писал: «Второй акт деятельности нашей в Абхазии, выванный настоящим положением края, будет, по нашему мнению, заселение всех освобожденных ушедшими в Турцию абхазских земель». Население, которое избралось для этого, должно было «быть безусловно предано правительству». Такими были признаны бывшие азовские казаки⁸⁰. Газета «Тифлиссский вестник» в номере от 27 сентября 1877 года также писала: «Нынешняя война, между другими многочисленными последствиями, повлекла за собою и тот результат, что один из замечательных уголков нашей окраины вдруг сделался совершенно безлюдным, будучи покинут почти всеми своими жителями. Мы говорим об Абхазии и ее жителях, оставивших свою родину и переселившихся в Турцию. Переселение это, без всякого сомнения, не временное, а безвозвратное: Абхазия никогда больше не увидит своих сынов. Обстоятельство это ставит на очередь вопрос: кем заселить страну, навсегда покинутую ее обитателями?» А автор «Обзора производительных сил Кавказского наместничества за 1879 год» (Тифлис, 1880, с. 426) Н. Шавров «для восстановления всех бывших приморских городов и поселений» считал необходимым «реколонизацию колонизированного, после ухода горцев в Турцию, побережья».

Мы здесь не будем касаться всех конкретных предложений, выдвинутых по вопросу о заселении опустошенной страны и обиль-

⁷⁶ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 594.

⁷⁷ В. Кривенко. Очерки Кавказа. СПб., 1893, с. 233.

⁷⁸ Ч. Х. Гуниа. Землепользование в Абхазии, с. 18.

⁷⁹ См., например, «Тифлиссский вестник» № 210, 1877 г.; «Кавказ», № 207, 1877 г.

⁸⁰ «Кавказ», № 224, 5 сентября 1877 г.

ных материалов, возникших в связи с этим. Укажем лишь на чрезвычайную активность А. В. Верещагина, который на собрании «Вольного экономического общества» сделал ряд докладов и выпустил несколько брошюр о колонизации Черноморского побережья Кавказа. Для выяснения же взглядов этого колонизатора достаточно привести следующий факт. Предложение газеты «Северные известия» (№ 145, 1877 г.) о том, что возвращающихся махаджиров «колонизировать» на прежних местах их жительства и дать им земли и образование, Верещагин считал поступком, противоречащим «интересам отечества»⁸¹. Далее он писал: «В ближайшем будущем, ввиду громадного количества покинувших свой край абхазцев, будет предостоять надобность в колонизации и этой, богатейшей природой, местности Черноморского побережья. Нельзя не желать искренно, чтобы ошибки, случившиеся в колонизации Черноморского округа, послужили указанием для выработки более серьезных правил и порядков для будущей колонизации»⁸².

Иные требовали перемещения из приморской полосы всех оставшихся после высылки в Турцию абхазов, чтобы создать на этой территории сплошные села из колонистов⁸³, т. е., как писал полковник П. И. Аракин, «надежного элемента»⁸⁴. Мы уже не говорим о том, что абхазским эмигрантам-махаджирам было запрещено селиться в средней и «самой лучшей части Абхазии», земли которой были объявлены государственными и предназначены для колонизации⁸⁵.

Еще после переселения 1867 года начальник Сухумского отдела генерал В. А. Гейман писал: «Уход значительной части абхазского народа в Турцию представил в распоряжение правительства значительное количество свободной земли в культурной полосе отдела (более 60 тыс. дес.), могущей хорошо и правильно обеспечить довольствием до 2—4 тыс. семейств... Вопрос — какое дать назначение оставшимся свободным землям — есть вопрос не только частный, местный, но и государственный... Нахожу необходимым призыв целых групп, которые, соединяясь в общины, составили бы сплошное население, отделив туземный элемент от морского прибрежья, если он будет сгруппирован в отдельный участок или, расчленив его на небольшие поселки, если это будет признано целесообразным... Но при этом я не исключаю возможности раздачи посредством продажи небольших земельных участков для частной предприимчивости и заведения отдельных фермерств...»⁸⁶. Тот же начальник отдела, приглашая колонистов, писал, что будут раздаваться участки в 10—20 дес., но непременно «в руки людей состоя-

⁸¹ А. В. Верещагин. Черноморское побережье... с. 8.

⁸² А. В. Верещагин. Значение путей сообщения в деле колонизации и развития Черноморского побережья Кавказа. СПб., 1878, с. 2.

⁸³ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 129, л. 8.

⁸⁴ Там же, д. 190, л. 8.

⁸⁵ КСХ, 1897, № 174, с. 296.

⁸⁶ ЦГИАГ, ф. 416, оп. 3, д. 190, лл. 6—9.

тельных», т. е. ставка делалась на кулака, на зажиточного колониста фермерского типа⁸⁷.

Н. Шавров, о котором говорилось выше, отмечая, что на восточном берегу Черного моря до сих пор «практиковалась административная колонизация, на средства правительства», для достижения «быстрого и верного успеха» считал необходимым «перемены системы»⁸⁸. Кстати, сам полковник Шавров в Цебельде отхватил 425,5 дес. прекрасной земли.

Таким образом, правительство преследовало цель окончательного закрепления политического господства царизма в крае⁸⁹ и одновременно укрепления роста товарно-капиталистического земледелия — поставщика ценного сырья для российской промышленности (табак и др.).

Для колонизации были намечены отдельные массивы земель. Переселенческое землеустройство было изъято из ведения мировых посредников и участковых начальников, средства на него отпускались по специальной смете. Выделение земельного массива производилось на основании предварительного исследования участков в хозяйственном и геоботаническом отношении. В результате, например, в 1893 году переселенческим хозяйствам было отведено 23 839 дес. земли⁹⁰. Уже 1 мая 1878 года Пицундское окружное управление объявило, что виноградные и фруктовые сады, находящиеся в с. Анухва и оставшиеся после выселения анухвинских жителей в Турцию, «будут продаваться в настоящем году в арендное содержание на один год», а 25 мая 1878 года было сделано объявление о том, что сдаются в аренду — «виноградные и фруктовые сады, находящиеся в пределах Пицундского округа, от р. Гумисты до р. Кодора»; 5 октября того же года объявление о сдаче в аренду земель «выехавших абхазцев» между реками Мачара и

⁸⁷ А. В. Фадеев. Русский царизм и крестьянская реформа в Абхазии. Сухум, 1932, с. 39.

⁸⁸ Н. Шавров. Указ, соч., с. 427.

⁸⁹ Если царское самодержавие в первой половине XIX столетия, в связи со сложной военно-политической обстановкой, вынуждено было осторожно проводить колониальную политику в Грузии и Закавказье, то теперь, когда положение существенно изменилось (укрепление позиций России на Кавказе и в районе Черного моря, «покорение» Кавказа, быстрое развитие капиталистического хозяйства после отмены крепостного права, установление железнодорожных и морских связей и пр.), оно практически ставит задачу экономического завоевания края, т. е. задачу его окончательного превращения в свою колониальную окраину. Национально-колониальное угнетение здесь в 80-90-х годах достигло крайнего предела (Ю. Качарава, А. Киквидзе, П. Ратиани, А. Сургуладзе, История Грузии, Тбилиси, 1973, с. 73—74, 119—120). При этом следует подчеркнуть, что в аграрном переселенческом движении в Закавказье с 80-х гг. наступает качественно новый этап, когда масса крестьян из внутренних губерний России, а затем и из районов Северного Кавказа, спасавшихся от растущего малоземелья, устремились сюда (Д. Исмаил-Заде. Указ, соч., с. 58 и сл.).

⁹⁰ Ч. Х. Гунна. Указ, соч., с. 19—20.

Кодор делается уже от имени управления всего Сухумского отдела⁹¹.

Помимо арендаторов, было решено привлечь и крестьян из разных местностей и отвести им по 15 дес. на семью, для этой цели предназначались 3 участка: один — на правом берегу р. Кодор, второй — на левому берегу р. Аапста (с. Аацы) и третий — в с. Абжаква. В 1878 году было создан поселок немецких колонистов. В районе Цебельды были образованы два казачьих поселка. Однако из прибывших в 1878—1879 годах 137 семей к началу 1881 года осталось только 99, которые осели в с. Дранда — 21 семья, в с. Долакыт (Владимировское) — 23 и в с. Аацы (в его юго-западной части в 1878 году было заложено с. Баклановка) — 55 семей. Причем эти переселенцы «принадлежали к самому бедному классу сельского населения»⁹². Кроме того, в с. Мцара поселилось значительное количество армянских беженцев — 149 домов⁹³.

В. И. Ленин в статье «Переселенческий вопрос» приводит сведения, оглашенные на заседании Государственной думы, о том, что с Черноморского побережья бегут новоселы из-за весьма неблагоприятных условий, в каких оказались крестьяне. В частности, они страдали от малярии, губившей не только людей, но и скот⁹⁴. Это, пожалуй, особенно относилось к Абхазии, которая давно считалась чуть ли не самым «малярийным местом» на земле. В номерах газеты «Тифлиссский вестник» от 27 и 28 сентября 1877 года климат Абхазии характеризовался даже как «ядоносный», порождающий «смертоносные лихорадки». И действительно, в начале 80-х годов, например, в 5 переселенческих селах Гумистинского участка, состоявших из 548 человек, в одном году родилось 51 человек, а умерло 120⁹⁵. «По этому расчету, — писал автор этих данных, — население может окончательно вымереть не далее как в один десяток лет»⁹⁶. В книге «Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь» (Москва, 1898) мы также читаем, что «в числе неблагоприятных условий», затруднявших население Черноморского побережья, в том числе Абхазии, «всеми признается и большая лихорадочность климата» (с. 61). Так, в Баклановке (с. Аацы) для первых переселенцев, прибывших в 1878—1879 годах в числе около 80 человек, климатические условия оказались

⁹¹ А. Олонский. Колонизация Абхазии во второй половине XIX столетия. — «Труды Абхазского научно-исследовательского института краеведения», вып. II. Сухум, 1934, с. 79.

⁹² КК, 1882, с. 247—248; «Очерки истории Абхазской АССР», ч. I, с. 219.

⁹³ «Кавказ», № 151, 6 июля 1883 г.

⁹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 231—232.

⁹⁵ Например, в с. Дранда, как сообщал начальник Сухумского округа А. Н. Введенский в январе 1884 года, с июня по сентябрь 1883 года из 241 души 17 умерло, а 78 лежало больными, из которых 18 детей и 6 взрослых «мало поддают надежды на выздоровление» (КФ ЦИАГ, ф. 186, ол. 1, кн. 2, д. 767, лл. 13 об. — 14).

⁹⁶ И. Хонели. К вопросу о переселенцах. — «Кавказ», № 145, 28 июня 1883 г.

настолько неблагоприятными, что они «или вымерли, или из бывших семейств осталось 2-3 человека, или порасходились в разные другие места...» (с. 248). И в дальнейшем «заболеваемость малярией баклановцев одна из самых значительных. В августе и начале сентября болеют, можно сказать, все. Особенно страдают дети; по словам баклановцев, почти все родившиеся здесь умирают... Смертность вообще превышает рождаемость. Так, в 1893 году родилось 21, умерло 25» (с. 249).

Вообще же в первые годы поселений в Абхазии на 100 жителей рождалось 5 проц., а умирало 15,6 проц.; в Эстонке, например, родилось 2,9 проц., умерло 7 проц. В среднем в 8 селах на 100 жителей родилось 4,2 проц., умерло 8,1 проц.⁹⁷. Надо сказать, что наблюдения за последние десятилетия XIX века показывали, что в «туземное население ни в коем отношении не прогрессирует... смертность его весьма велика»⁹⁸. Спасаясь от этого бедствия, колонисты частично возвращались на родину. Так, в 1879 году несколько сот переселенцев из Южной России вынуждены были продать за бесценок свое имущество, скот, пожитки, утварь и пр. и «убраться назад, потому что все они, от мала до велика, подверглись жесточайшим пароксизмом лихорадки, не дававшей им возможности работать»⁹⁹. В Гумистинском участке, например, в течение трех лет прибыло 655 переселенцев, убыло же 278, из которых 235 — по болезни. Таким образом, число возвращавшихся по болезни составляло почти 15 проц. общего числа переселенцев в год¹⁰⁰.

Были и другие причины, почему мероприятия правительства для колонизации края оказались недостаточно эффективными. В частности, царские чиновники, щедро наделенные ценнейшими землями, сразу занялись спекуляцией ими. Но по мере того, как стали изживаться последствия войны, по мере развития товарно-капиталистических отношений, в деревне начинает налаживаться хозяйство колонии, и приток новых колонистов усиливается.

В начале 1879 года в Тифлисе была образована особая комиссия, которой было поручено выработать проект заселения и управления восточного побережья Черного моря. И к лету того же года она закончила свои занятия и представила соответствующие доклады, «объяснительные» записки, проекты, сметы и тому подобные предположения¹⁰¹.

В результате всего этого, в частности, на карте Абхазии появился целый ряд новых населенных пунктов: Бакланка

⁹⁷ И. И. Пантюхов. Влияние малярии на колонизацию Кавказа. Тифлис, 1899., с. 24.

⁹⁸ Там же, с. 23.

Население погибало не только от малярии, но и от разных других болезней. Как уже отмечалось, например, в 1892 году от эпидемии гриппа умерло более четверти населения Абхазии (И. И. Пантюхов. Указ. соч., с. 18).

⁹⁹ «Голос», № 225, 16 августа 1879 г.

¹⁰⁰ И. Конели. Указ. соч.

¹⁰¹ «Голос», № 225, 16 августа 1879 г.

(1879 г.), Бамбора (1884 г.), Мцара, Петропавловское (1892 г.), Михайловское, Эстонское, Полтавское, Черниговское и др. К 1900 году здесь было уже 35 таких селений и поселков¹⁰². Количество же всех переселенцев, по официальным данным, равнялось около 11420 чел. или 15,88% всего населения Абхазии¹⁰³. Но сюда не входили те грузинские (мегрельские) и армянские переселенцы, которые жили на арендованных помещичьих землях, т. к. они не были зарегистрированы полицией¹⁰⁴. Надо сказать, что в деле колонизации Абхазии в дальнейшем весьма важное значение имело строительство шоссейной дороги Новороссийск — Сухум — Батум и постройка портов.

Формы колонизации в Абхазии носили различный характер. Прежде всего здесь широкое развитие получает аренда колонизация, поощряемая абхазскими помещиками, которым она обеспечивала высокие доходы при сохранении полукрепостнических отношений и беспощадной эксплуатации арендаторов-крестьян. Рост товарного табаководства в Абхазии все более усиливал тягу сюда как табакосоводов — армян, греков и лазов — из Турции, так и крестьян из западногрузинских районов. Особенно массовым было переселение людей из Мегрелии, где после крестьянской реформы «несоответствие между числом жителей и количеством пахотных земель» было «так велико, что полный крестьянский надел здесь составляет четыре кцева или около полутора десятины земли»¹⁰⁵. Царская администрация всячески препятствовала этому миграционному процессу¹⁰⁶, в ряде случаев даже выдворяла уже переселившиеся семьи¹⁰⁷.

В качестве арендаторов государственных и помещичьих земель оседали в Абхазии также многочисленные беженцы (армяне и греки) из Турции, спасавшиеся не только от нужды и малоземелья, но и ужасов национально-религиозного гнета. Эмиграция в Абхазию турецкоподданных — христиан началась после заключения мирного договора. Как сообщал начальник Сухумского отдела в апреле 1881 года, она «упорно продолжается...»¹⁰⁸. Так, еще в конце осени 1879 года в Абхазии высадились 125 армян, бежавших из ведомства (казу) Чершамбе (Трапезундский вилайет)¹⁰⁹, именно «вследствие гонений и притеснений, сделавших невозмож-

¹⁰² ЦГИАГ, ф. 231, д. 417, л. 7. См. также: Д. И. Исмаил-Заде. Указ. соч., приложение.

¹⁰³ Л. Гукасянц. Переселенческое дело в Сухумском округе. — КСХ. 1895, № 73, с. 1265.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ «Тифлиссский вестник», № 249, 13 ноября 1877 г.

¹⁰⁶ См.: ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 2, 1900 г., д. 5509, ст. 648—662, лл. 171 а, 172 (Всеподданнейший отчет Кутаисского военного губернатора за 1900 г.).

¹⁰⁷ См.: Тр. Хундадзе. К колониальной политике царизма в Абхазии. — «Труды» Тбилисского государственного педагогического института им. А. С. Пушкина», 1950, VIII, с. 159—200 (на груз. яз.).

¹⁰⁸ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 2417, л. 1.

¹⁰⁹ Армянские крестьяне-табакосоводы переселялись в Абхазию главным образом из Трапезундского и Самсунского вилайетов.

ным дальнейшее пребывание их» в Турции¹¹⁰. Прибыв на исходе дождливой осени, они долгое время оставались без крова, страшно голодали. Это вызвало среди эмигрантов болезни; особенно страдали дети, составлявшие более половины всех переселенцев¹¹¹. Хотя Берлинский трактат и разрешал в течение трех лет переселение христиан в Россию, однако царизм, поощряя переселение мусульман из России в Турцию, был против переселения армян из Азиатской Турции. Он уже не хотел заселения Закавказья армянами, как после войны 1828—1829 годов; теперь это не соответствовало его колониальным стремлениям. Царизм вместе с тем не хотел лишиться надежного союзника в пограничных областях Турции, который во всех войнах помогал России¹¹². В декабре 1881 года в Абхазию прибыло 97 греков, которых поселили у слияния Большой и Малой Гумисты¹¹³. В это время заселялись в первую очередь села Гума, Акала, Абжаква и Аацы¹¹⁴. В 1882 году в Сухум прибыла первая партия эстонских переселенцев из Самары. В 1883 году к ним присоединились эстонцы из крымских поселений. В нынешней Гагрской зоне были основаны поселения Сальме и Сулев, а в окрестностях Сухума — Линда и Эстония¹¹⁵.

Одновременно развивается, как уже отмечалось, дворянская колонизация; широко практикуется массовая раздача земель российским помещикам, крупным военным и гражданским чиновникам. В 70—80-х годах, например, были пожалованы земли: князю Витгенштейну — 7443 дес., генералу Кравченко — 1565 дес., полковнику Красвичу — 1497 дес., полковнику Красницкому — 869 дес. и т. д.¹¹⁶. Участок Ф. З. Витгенштейна в Цебельде (был пожалован

¹¹⁰ «Кавказ», № 278, 22 декабря 1879 г.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Миграция армян в Абхазию, как и вообще на Кавказ, особенно усилилась в 90-х годах. Это было связано с дикой политикой турецких правящих кругов, направленной на массовое уничтожение армянского населения. В годы господства султана Абдул Хамид II около 300 тыс. чел. стали жертвами резни; а около 100 тыс. бежали на Кавказ, в Болгарию и т. д. В годы правления младотурок погибло 1,5 млн. чел. Всего же примерно 800 тыс. беженцев нашли прибежище на Кавказе, Арабском Востоке и т. д. В результате, если в 1870-х гг. в Закавказье Армении и вообще во всей Турецкой империи проживало более трех млн. армян, то в 1918 г. — всего 200 тыс., а к 1927 г. они составляли 57 599 чел. (А. Тыркова. *Старая Турция и младотурки*. Изд., 1916, с. 127; «Геноцид армян в Османской империи. Сб. документов и материалов». Под ред. М. Г. Нерсисяна. Ереван, 1966, с. XII; В. А. Парсамян. Указ. соч., с. 328; Д. С. Завриев. Указ. соч., с. 152 и сл.). По данным за 1908 г., Абхазия и все Черноморье «заселяются турецкими эмигрантами, преимущественно армянами и греками. Только в Абхазии они насчитывались до 8 тыс.» («Охрана России», СПб., 1908, № 12, с. 184). Этот процесс еще более усиливается в годы войны. Беженцы рассказывали о невероятно трагической судьбе армян и греков в Турции (См., например, «Сухумский вестник», № 146, 18 августа 1915 г.).

¹¹³ ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 2417, л. 29.

¹¹⁴ ЦГВИА, ф. 400, оп. 259/909, 1880, д. 85, л. 10.

¹¹⁵ А. А. Выйме. Эстонские поселения на Черноморском побережье Кавказа... Автореферат кандидатской диссертации. Таллин, 1975, с. 18—19.

¹¹⁶ ЦГАА, ф. 57, оп. 2, д. 614, лл. 18, 72.

царем в 1871 году) по купчей крепости перешел к графу А. В. Бобринскому. Всей земли в имении по плану значилось 7 500 десят. Большая часть участка была занята лесом, а в «нагусто заселенной до последнего восстания (1877 года. — Г. Д.) долике...», за переселением абхазцев, остались одни заброшенные усадьбы, поля и пастбища»¹¹⁷.

Для развития на Черноморском побережье Кавказа дворянской колонизации еще в конце 70-х годов был образован особый комитет по розыгрышу земель этой территории по лотерее. Билеты распространялись среди дворянства, крупной буржуазии и чиновничества столицы и губернских городов. Таким путем — раздачей, продажей и «выигрышами» в Абхазии был создан «новый класс» землевладельцев, которые с сельским хозяйством не имели ровно ничего общего. Землевладельцы этой категории не только ничего не вносили в жизнь края в сельскохозяйственном отношении, но, напротив, «некоторым образом тормозили естественный ход развития сельского хозяйства, потому что сами не занимались им и не давали возможности заниматься другим»¹¹⁸. Как отмечал Г. А. Рыбинский, например, обширное имение графа Бобринского находилось «в полном забросе», а священники, которые получили по 30-40 десятин, держали свои участки «в непроходимых зарослях, культивирующих лихорадку»¹¹⁹.

Усиливается также монастырская колонизация. В 1874 году был основан Новоафонский Симоно-Кананитской монастырь, а позже — ряд других. Новоафонский монастырь получил 3 278 дес. земли. Драндский (основан в 1885 г.) — 300 дес. и т. д. Эти монастыри становятся оплотом российского самодержавия и форпостом капиталистического колониального хозяйства на Абхазском побережье. Новоафонский пункт, например, имел, «кроме религиозного и экономического, и весьма важное политическое значение»¹²⁰, «для укрепления православия» в Абхазии¹²¹. Характерно, что его часто посещали царские особы и их фавориты. Так, в сентябре 1888 года в нем побывал император Александр III и «собственнолично» заложил Паптелеймоновский собор, пожаловав на его строительство 3 000 руб.¹²² Это был монарх, принцип национальной политики которого находил свое выражение в политике крайнего шовинизма. Именно в этот период последний принимает особенно нетерпимые воинствующие формы. Русификация и угнетение народов окраин — важнейшее содержание реакционного курса рос-

¹¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1088, оп. 8, 1887—1904 гг., д. 361, л. 30 — 31 об.

¹¹⁸ Л. Лукасянц. Поземельное дело..., с. 1365.

¹¹⁹ Г. А. Рыбинский. Сухумский округ..., с. 10—11.

¹²⁰ И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Канонитский монастырь. М., 1899, с. 245.

¹²¹ «Журнал Ново-Афонского Симоно-Канонитского монастыря о важнейших событиях со дня основания его», лл. 91—92.

¹²² ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 2, д. 5057, ст. 226, л. 108.

сийского самодержавия времен Александра III¹²³. Не случайно, что в это время на Кавказе царским наместником становится князь Г. С. Голицын, который, по словам С. Ю. Витте, явился сюда «с программой его русифицировать»¹²⁴. В частности, «сразу выдвинулся... вопрос о колонизации свободных или в ущерб общегосударственным интересам занятых земель русским элементом»¹²⁵.

Одним из рьяных непосредственных осуществителей этой программы царизма в начале 90-х годов был Н. С. Абаза, который был поставлен во главе комиссии по «устройству» Черноморского побережья¹²⁶.

В октябре 1895 года в Сухуме находилась комиссия «для изучения вопроса о заселении некоторых свободных казенных земель» Абхазии с целью «колонизации... этих глухих уголков». Комиссия посетила прежде всего Дальское ущелье (в среднем течении р. Кодор), а также ряд сел Абхазии, чтобы ознакомиться с бытом населения. В состав комиссии входили: управляющий земским отделом министерства внутренних дел Стишинский, вице-инспектор корпуса лесничих Тихонов, управляющий государственными имуществами Кутаисской губернии Зелешин, чиновник особых поручений при министерстве земледелия Красвский, а также представители местной администрации. Корреспондент газеты «Кавказ», который сообщал об этом факте, выражал надежду, что указанная комиссия «несколько подвинет вопрос о правильной постановке дела колонизации ... края, в котором пока так много недостатков»¹²⁷.

Другой формой колонизации Абхазии была «курортная колонизация». Начало ее было положено еще в 1872 году, когда Сухумская «сословно-поземельная комиссия постановила ближайше к Сухуму «заросли» выделить из городского надела, нарезать из них участки от одной до 3-х дес. и раздать на льготных условиях чиновникам и офицерам. Это были «санитарные участки» полковника Введенского (впоследствии «Синоп»), Никитила, Дьячкова-Тарасова и др. Однако организация «санитарных участков» в тот период имела, как и все мероприятия по колонизации, небольшой успех. Положение изменилось с 90-х годов, когда встал вопрос о развитии абхазского курорта. Речь шла о превращении Черноморья в «Кавказскую Ривьеру», разумеется, русских капиталистов и помещиков. Но все это объективно способствовало оживлению экономической жизни и включения края во всероссийский товарооборот.

¹²³ П. А. Зайончковский. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970, с. 97, 117, 118, 430.

И. А. Джавахишвили отмечал, что, например, в отношении Грузии «с 80-х годов, в царствование Александра III ... принимались исключительно полицейско-репрессивные меры...» (И. Джавахов. Политическое и социальное движение в Грузии в XIX веке. СПб., 1906, с. 40—41).

¹²⁴ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2, М., 1960, с. 207.

¹²⁵ «Черноморский вестник» (Батум), № 1, 1 января 1898 г.

¹²⁶ «Черноморский край» (Сочи), № 88, 12 ноября 1910 г.

¹²⁷ А. Олонцкий. Колонизация, с. 80—81.

Вместе с тем, по мере налаживания помещицней и курортной колонизации, с превращением земли, основного средства производства, в товар, усиливается земельная спекуляция. На побережье устремились тысячи всяких дельцов, спекулянтов и т. д. Теперь земельные участки брались чаще всего, как писал автор статьи «Черноморская авантюра», «конечно, с целью афер... Опыт прежних лет показывает, — пишет он далее, — что отводными участками (на Кавказском побережье. — Г. Д.) пользовались, главным образом, различные аферисты¹²⁸. А еще в 1882 году А. Розов писал: «Приезжая в Сухум, рискуешь попасть в руки к коммерсантам по продаже земли: этим заняты очень многие»¹²⁹.

По окрестностям Сухума, например, рыскали всевозможные комиссионеры и агенты, раздувая земельную спекуляцию. Кстати, раздача участков здесь была начата еще в 1868 году. Эти участки, в свою очередь, «дарились, продавались и перепродавались... отдавались... в аренду» и т. д.¹³⁰ «Да, Сухум, город древний, исторический, теперь совсем становится современным, спекулятивным...», — с горечью констатировал С. Васюков. И далее он писал: «Нужно бороться с этим злом. Не отдавать же чудную, богатейшую страну в пищу алчным, не знающим удержки аферистам»¹³¹. Кстати, например, в Гудаутах и Очамчирах было «запрещено туземцам... приобретать свободные участки земли». А такому «алчному аферисту», как принц А. П. Ольденбургский, в Гаграх для устройства великокняжеского курорта было отведено 14 500 дес. земли и 3 миллиона рублей¹³². «Вот около этих миллионов рублей, около тысяч десятин драгоценнейшей земли и началась выхляляля! Весь люд, стекающийся на казенные деньги и землю, — здесь и действует, как говорится, во всю!»¹³³. Гагринская дача была отдана принцу А. П. Ольденбургскому по царскому манифесту в июле 1901 года в честь бракосочетания его сына с сестрой Николая II, великой княгиней Ольгой Александровной. По этому поводу в ленинской «Искре» появилась заметка «Коронованный вор или царское приданое»¹³⁴. Другой член царской фамилии, великий князь Александр Михайлович, недалеко от г. Сухума, близ устья реки Маджарки (Мачара), приобрел имение в 230 десятин за 33 000

¹²⁸ «Сельский хозяин», СПб., 1906, № 12.

¹²⁹ А. Розов. Оригинальные места. Из исследований южного Черноморского побережья Кавказа. — «Вестник Европы», 1892, т. V, № 9, с. 241.

¹³⁰ «Кавказ», № 2, 3 января 1878 г.

¹³¹ С. Васюков. Край гордой красоты, с. 176—177.

¹³² Между прочим, Ольденбургский в этом деле имел предшественников в лице англичан Томпсона и Дюссерлика, которые еще в 80-х годах добились отвода им Гагр с площадью в 3 000 дес., с лесами и землями, на 36 лет. Однако тогда благодаря энергичному протесту-докладу начальника Гудаутского участка А. А. Бернацкого англичанам в просьбе было отказано («Естественные и географическая», 1914, № 1, с. 57).

¹³³ «Сельский хозяин», № 25, 21 апреля 1906 г.

¹³⁴ См.: «Искра», № 46, 15 августа 1903.

рублей¹³⁵, а в районе Гагр — 800 дес. («Колхида»). Московский купец Игумнов купил устье р. Бзыбь с окружающей его землей площадью 600 дес.¹³⁶ Выше уже было отмечено, что в Цебельде и Дале земли, отведенные под именья «частных лиц», превышали 27 тыс. дес. Таких примеров было немало.

Часто для организации «дачных мест» создавался земельный фонд расширением «городской черты» за счет крестьянских угодий. Так, например, жители с. Лыхны Загу Джергевня и Аджгирий Дзария (Дзидзария), а затем их сыновья Игнатий Джергевня и Алексей Дзария, земли которых граничили с м. Гудауты, в течение около 30 лет, начиная с 1888 года, вели борьбу против такого наступления, неоднократно подвергаясь арестам и другим преследованиям¹³⁷.

О дальнейшем широком плане колонизации Кавказского побережья и политическом значении этого мероприятия наместник Кавказа И. И. Воронцов-Дашков писал, что в числе переселенческих участков Черноморского побережья (вместе с Абхазией) — до 94 тыс. дес.: «каждая площадь удобной земли, каждая пядь», занятая «устойчивыми» переселенцами, «представляют колонизационный оплот русского государственного дела в крае»¹³⁸. Именно с целью ускорения колонизации, с весны 1907 года была изменена южная граница Черноморской губернии, образованной в 1896 году, и к ней была «прирезана» территория вплоть до правого берега р. Бзыбь и весь верхний бассейн этой реки с ее притоками. Министр земледелия А. С. Ермолов, совершивший поездку по Черноморскому побережью Кавказа осенью 1907 года, считал весьма желательным, чтобы к указанной губернии был отнесен и весь Сухумский округ, выключенный из состава Кутаисской губернии. Царский колонизатор не скрывал «целесообразности» этой меры «с чисто политической точки зрения»¹³⁹. Кстати, мысль эта была не новой, она возникла еще во время наместничества князя Г. С. Голицына¹⁴⁰. Во имя осуществления указанного акта Ермолов даже высказывался против соединения Сухума железной дорогой с закавказской линией, поскольку это могло «еще более способствовать укреплению связи Сухумского округа с Закавказьем и соответственному отделению его от тех частей побережья, в которых русский элемент засел уже твердо...»¹⁴¹.

¹³⁵ «Черноморский вестник», № 1, 1 января 1897 г.

В хрониках газет того времени встречаются и такие сообщения: бывший московский городской голова К. В. Рукавишников купил в Сухуме дачу тайного советника Татаринова — «знаменитую с сорока восьмью видами редких пальм в грунте» («Черноморский вестник», № 1, 1 января 1898 года).

¹³⁶ См.: К. Д. Мачавариани. Описательный путеводитель... с. 205—206.

¹³⁷ См.: ЦГИАГ. ф. 231, оп. 1, д. 290; ф. 13, оп. 7, д. 2878, лл. 5, 101.

¹³⁸ «Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова». СПб., 1907, с. 81.

¹³⁹ А. С. Ермолов. Заметки по поездке на Черноморское побережье Кавказа осенью 1907 года. СПб., 1908, с. 90.

¹⁴⁰ См.: С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2, с. 207.

¹⁴¹ А. С. Ермолов. Заметки..., с. 91.

Как видно из сказанного, новый этап в освоении Черноморской губернии намечается лишь с конца 90-х годов¹⁴², что было связано прежде всего с заметными сдвигами в экономическом развитии края. Законом 23 мая 1896 года об образовании Черноморской губернии, закрепившим административное устройство края, из черноморские поселения были распространены общие положения об управлении крестьян, принятые для Закавказья.

И все это в то время, когда местные крестьяне испытывали острый земельный голод. В. И. Ленин, разоблачая антинародную, колонизаторскую политику царизма на Кавказе, писал: «Если в отношении малоземелья положение кавказских крестьян мало чем differs от положения крестьян в России, то, спрашивается, откуда же образуется колонизационный земельный фонд на Кавказе и зачем производится туда выселение, вместо того, чтобы произвести расселение местных крестьян?» И Владимир Ильич отвечал: «Переселенческий фонд образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев, а переселение из России производится во славу все того же националистического принципа «русификации окраин»¹⁴³.

В Абхазии, например, одной из причин безземелья и малоземелья крестьян было именно то, что царское правительство все «свободные, казенные» земли объявило колонизационным фондом, а местному населению, в первую очередь крестьянству, как правило, отказывало предоставить эти земли¹⁴⁴. Вот что писали крестьяне-махаджеры пяти общин Гумистинского и Гудаутского уездов от имени 1500 дворов в адрес Краевого съезда крестьянских депутатов, состоявшаяся в Тифлисе 20—26 июня 1917 года. Здесь русское старое правительство встретило нас враждебно, отказало нам вернуть наши родные села, и мы разбрелись по разным селениям Гудаутского и Кодорского уездов... До сих пор мы не получили своих родных сел, часть которых находится под монастырем Новым Афонем, а другие части принадлежат князьям Шервашидзе. Гостеприимные и любознательные братья наши, абхазцы из других селений, нас приняли, некоторые уступили свои дома и половину своих земель, многие из них до сего времени арендуют свои же земли, которые были отобраны от нас и переданы князьям

¹⁴² По данным главноначальствующего гражданской частью на Кавказе А. М. Дондукова-Корсакова, к началу 80-х годов из всего розданного более 90 тыс. лучшей земли было обработано всего лишь около 420 дес., т. е. менее 1 проц. всей розданной земли (См.: Л. В. Куприянова. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. М., 1981, с. 146).

¹⁴³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, с. 330.

¹⁴⁴ И. А. Джавахишвили, характеризуя земельный голод крестьянства Грузии в рассматриваемый период, писал: «При все более и более прогрессирующем малоземелье... все свободные казенные земли в Грузии предоставлялись для колонизации... богатейшее же Черноморское побережье было поделено между... министрами и другими жалованными судьбы...» (И. Джавахов. Политическое и социальное движение в Грузии в XIX веке, с. 41—42).

Шервашидзе... Эти многострадальные 1 500 дворов со своими семьями, трудными детьми слезно просят всех тех, от кого будет зависеть, предоставить им их родные села, освободив их от монастыря, князей и дать возможность свободно вздохнуть тем селениям, которые мы тесним, и положить свои кости рядом с костями своих родителей»¹⁴⁵.

Однако, кстати, не только «русское старое правительство», но и новое, буржуазно-меньшевистское, шедшее по стопам царизма, не думало об удовлетворении справедливых требований многострадальных абхазских крестьян. Потеряв всякую веру в меньшевистские власти, как сообщал настоятель Новоафонского монастыря архимандрит Илларион в докладе от 16 февраля 1918 года на имя сухумского епископа Сергия, крестьяне из Аацы и других сел сами, иногда целыми партиями, приходят и «распланировывают монастырскую землю; говорят о том, где кто из их предков когда-то жил...»¹⁴⁶.

Разумеется, колонизаторские мероприятия царизма не имели ничего общего с деятельностью самих переселенцев-тружеников. Развивавшаяся в конце XIX века колонизация в Абхазии была в значительной степени крестьянской, земледельческой. Эта колонизация, как одна из форм процесса развития капитализма вширь, содействовала росту здесь сельскохозяйственного производства — распашке новых земель, увеличению посевных площадей и поголовья скота, улучшению агротехники, а также развитию местной промышленности и торговли¹⁴⁷. Переселенцы-крестьяне, в свою очередь, воспринимали положительный производственный опыт трудящихся края, хорошо знавших местные природные условия.

Одновременно начинается и пролетарская колонизация. По мере развития в Абхазии курортного и коммунального, а также транспортного строительства, в связи с созданием некоторых промышленных предприятий на Абхазском побережье растет приток рабочих из Тифлиса, Новороссийска, Одессы, Батума и других городов, а также из Мегрелии и Имеретии. За счет этого притока и классового разложения местного крестьянства формируется абхазский отряд рабочего класса как часть российского пролетариата. По переписи 1897 года в Абхазии было 4 578 рабочих (включая и батраков), а во всей Грузии к концу XIX века численность рабочего класса (вместе с сельскохозяйственными рабочими, но без

¹⁴⁵ Цит. по: Г. В. Хачапурдзе. Борьба за пролетарскую революцию в Грузии. Тбилиси, 1936, с. 171—172.

¹⁴⁶ ЦГАА, ф. 1, д. 8047, лл. 39 — 39 об.

¹⁴⁷ Г. А. Рыбинский. Сухумский округ., с. 19—21; Л. Гукасянц. Переселенческое дело... — КСХ, 1895, № 74, с. 1282.

В. И. Ленин особо подчеркивал необходимость изучения «процесса колонизации окраин и расширения русской территории, с точки зрения развития капитализма» (Полн. собр. соч., т. 3, с. 596).

сезонных) доходила до 120 000 чел.¹⁴⁸. Он отличался своей многонациональностью. Приморское положение Абхазии особенно способствовало укреплению связи местных пролетариев с черноморскими портовыми рабочими России. Пресса того времени часто сообщала о «наплыве» безработных в Сухум¹⁴⁹. В Абхазию, кроме того, начинаю все чаще приезжать русские учителя, врачи, инженеры, ученые — носители великой русской культуры.

В результате всего этого в национальной структуре населения Абхазии происходят резкие изменения. В сравнительно короткое время она превращается в многонациональный край, а языком межнационального общения постепенно становится русский язык. О большой пестроте этнического состава Абхазии (Сухумского округа)¹⁵⁰ наглядно свидетельствует первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года, по которой национальный состав края выражался в следующих цифрах: абхазов — 58 697, грузин — 25 640, армян — 6 552, русских — 6 011, греков — 5 393, прочих — 3 886 чел.¹⁵¹. В дальнейшем картина настолько меняется, что Всесоюзная перепись населения 1926 года зафиксировала здесь уже около 60 народностей, причем из 201 016 чел. всего населения края абхазы теперь составляли лишь 27,3 проц. (55 918 чел.)¹⁵².

Известный грузинский общественный деятель Тедо Сахокна в 1903 году писал: «Кто путешествовал здесь (в Абхазии. — Г. Д.) лет двадцать назад, тот не поверит, как этот край изменился за такой короткий срок. Этнический состав жителей стал пестрым. Вы услышите здесь русскую, грузинскую, греческую, армянскую речь; увидите мегрельские кабалахи, турецкую феску, русский картуз — все перемешалось здесь»¹⁵³. Вместе с тем Сахокна с возмущением отмечал крайне бесправное положение абхазского населения. «Когда вы приглядитесь к здешней жизни, — писал он далее, — то вы невольно зададитесь вопросом: куда же делись коренные жители этой страны?.. Но чтобы увидеть их (абхазов. — Г. Д.), вам придется пройти по каменистым тропам целых сорок верст»¹⁵⁴. И действительно, особенно тяжело чувствовали себя аборигены края — абхазские крестьяне, как принадлежащие к «виновному населению» и в силу этого считавшиеся «временными жителями» родной земли.

148 Э. В. Хоштария. Очерки социально-экономической истории Грузии. Тбилиси, 1974, с. 185, 194.

149 См., например, «Черноморский вестник», № 70, 27 марта 1897 г.; «Новое обозрение», № 5271, 14 мая 1899 г.

150 Г. А. Рыбинский это явление характеризовал как «удивительную смесь народностей» (см. его кн. «Сухумский округ...», с. 18).

151 «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Под ред. Н. А. Тройницкого. LXVL. Кутаевская губерния». СПб., 1905, с. 32.

152 «Всесоюзная перепись населения 1926 года». М., т. 14, 1930, с. 21—22.

153 Ф. Вайсман. *გადასვრდობის აბრეშები*, 1950, აპ. 296.

154 Там же.

Царские власти всегда стремились разжечь в Абхазии межнациональную рознь, в частности, восстановить колонистов против абхазов, и особенно сеяли вражду между абхазами и грузинами (мегрелами)-переселенцами. Однако трудовые массы населения Абхазии, вопреки антинародным устремлениям царизма и местных феодально-кулацких элементов, разгадывали коварные замыслы этих последних, в общей борьбе против классовых врагов крепла межнациональная дружба.

Таким образом, крестьянская и пролетарская колонизация, несмотря на официальную политику, оказывала большое влияние на социально-экономическую и политическую жизнь Абхазии. Она способствовала усилению связи русского народа с местным населением, что привело в дальнейшем к созданию единого интернационального фронта классовой борьбы против эксплуататоров.

ГЛАВА VII

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ СОСТОЯНИЕ АБХАЗИИ НА ИСХОДЕ XIX в.

Несмотря на колониальный гнет царизма, присоединение кавказских областей к России, как было отмечено, с самого начала втягивало их хозяйство в русло экономического прогресса, способствовало развитию социально-экономической и культурной жизни¹. Однако создание действительных стимулов для развития производительных сил в истории края XIX века было связано с крестьянской реформой и другими буржуазными преобразованиями, проведенными здесь в 1864—1870 годах, хотя они и характеризовались крайней ограниченностью. Причем процесс развития капитализма в России вширь постепенно втягивал Кавказ в целом, как и другие экономические окраины, не только в общероссийское общественное разделение труда и в общероссийский рынок, но и в мировое товарное обращение². Открывались пути к более высоким формам хозяйственной деятельности, к усвоению городского быта, к преодолению вековой феодальной замкнутости и ограниченности во всех сферах общественной жизни. Перемены в хозяйственном и общественном строе неизбежно сопровождались усилением классовой борьбы, распространением освободительных идей, стремлением к просвещению и культуре. Теоретической основой исследования этого процесса является классический труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», в котором всесторонне показаны особенности развития капитализма в национальных окраинах России, в том числе и на Кавказе.

Прежде всего отметим факт довольно быстрого роста населения края. По переписи населения 1897 года, количество жителей Абхазии равнялось 106 179 чел., т. е. увеличилось примерно вдвое³. Правда, такой рост населения вызывался главным образом притоком его извне. Но и это обстоятельство имело существенное значение. Под влиянием этого и других факторов, связанных также

¹ Подробнее об этом процессе, имевшем место в Абхазии в первой половине XIX века, см.: Г. А. Дзидзария. Присоединение Абхазии к России., с. 79—118; «Очерки истории Абхазской АССР», ч. I, гл. VIII.

² См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 594.

³ «Очерки истории Абхазской АССР», ч. I, с. 235.

Ускорение передвижения населения Абхазии наблюдается в связи с быстрым развитием капиталистических отношений в масштабе всей Российской империи:

с общим развитием капитализма, наблюдалась ломка исторически сложившейся структуры населения и установление, особенно в городских условиях, буржуазного типа связей. Следует особо подчеркнуть, что миграционный процесс, когда речь шла о трудовых массах, способствовала не только развитию различных форм хозяйства, но и интернациональному воспитанию трудящихся Абхазии, созданию кадров местного рабочего класса и трудовой интеллигенции. Имел место и естественный рост населения Абхазии. Так, например, в 1887 году здесь «прибыль» составляла 1 042 чел.⁴. Вместе с тем наблюдается расширение внутренней миграции⁵.

Богатые лесные ресурсы Абхазии становятся объектом усиленного приложения капитала, хотя они так и не были подвергнуты правильной широко организованной эксплуатации. Уже в 80-х годах в деревообрабатывающей промышленности возникает ряд предприятий капиталистического типа, применявших, как правило, паровой двигатель. В начале этого десятилетия соучастник бельгийской компании Вальтер в бассейне р. Гудава купил 1 800 дес. леса с землей и построил лесопильный завод, от которого внутри леса была проложена железнодорожная линия. «Применяясь к спросу ... рынков» России, компания всю деятельность завода свела к изготовлению клепки, досок и брусьев. «Привлекаются местные рабочие». Вскоре парижское «Анонимное общество эксплуатации лесов на Кавказе» в Тамыше и в других селах у лесовладельцев закупает громадную площадь леса за 1 млн. рублей. В глубь леса также были проложены переносные рельсы. Компания располагала несколькими собственными пароходами «большого плавания»⁶. В 1885 году в с. Калдахвара начал работать другой завод (с паровой машиной), принадлежавший иностранцу де Кастексу, на котором трудилось свыше 100 рабочих⁷. В конце 80-х годов французской компанией Бернар Гаттис и Перрике в Кодорском участке была построена паркетная фабрика, упраздненная, однако, в 1893 году. Работа велась с применением пяти станков с круглыми пилами, продукция отправлялась в Марсель.

В 1889 году были созданы Очемчирское и Гудаутское лесничество. С этого момента усиливаются действия «разных лесопромышленников, взявшихся вывозить местные лесные богатства на европейские рынки»⁸. Появляется крупный херсонский лесопромышленник В. С. Максимов, которому были отданы в эксплуата-

⁴ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 4711 б, ст. 74—94, л. 304.

⁵ О миграционных процессах в пореформенной Грузии, см.: Э. В. Хоштария. Очерки социально-экономической истории Грузии. Тбилиси, 1974, с. 168—173.

⁶ Вл. Зиловьев. Кое-что о лесах Черноморского побережья. — «Кавказ», № 151, 11 июня 1887 г.

⁷ ЦГИА СССР, ф. 20, оп. 12, 1885 г., д. 100. — Г. К. Бакрадзе. Возникновение и развитие капиталистической промышленности в Грузии в XIX веке. Тбилиси, 1958, с. 215.

⁸ Ф. Сахокия. О лесострелении в Сухумском округе. — КСХ, 1900, № 20, с. 300.

тию леса Очемчирского лесничества. Вскоре на берегу р. Кодор, в с. Адзюбжа, он построил два завода, просуществовавших до 1913 года, на которых, согласно ведомости 1899 года, работало 200 чел. (среди них было и некоторое число абхазов), а объем производства составлял 280 тыс. руб.⁹ В 1900 году на заводе Максимова, если верить сведениям К. Ф. Гана, который называет его предприятием «самым грандиозным в своем роде на Кавказе», работало до 700 рабочих¹⁰. В том году в Абхазии действовало пять относительно крупных лесопильных предприятий, располагавших паровыми двигателями¹¹. Причем из общей суммы производства лесных предприятий Западной Грузии, достигавшей 695 руб., на долю абхазских лесопильных предприятий приходилось 370 руб. (53,2%), а из общего числа рабочих — 560 чел. — 276 (49,3%)¹². В лесную промышленность Абхазии, как мы видели, проникает и иностранный капитал. Например, в 80-х годах капитал образовавшихся здесь трех заграничных акционерных обществ составлял около 12 млн. фр.¹³ Рабочие подвергались самой жестокой эксплуатации. Ценные лесные породы уничтожались хищнически¹⁴.

К 90-м годам относятся и первые разведки Ткварчельского каменноугольного месторождения, что было непосредственно связано с тем повышенным интересом к каменному углю, который проявлялся промышленными кругами России в конце XIX века. К середине 1899 года было подано до 200 заявок, вокруг прав на которые был начат ряд судебных процессов. В 1900 году имело место

⁹ К. К. Бакрадзе. Указ. соч., с. 216.

¹⁰ См.: «Кавказ», № 262, 5 октября 1900 г.

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 573, оп. 1, 1892 г., д. 1995, л. 21.

¹² К. К. Бакрадзе. Указ. соч., с. 217.

¹³ Там же, с. 225.

Еще в 1873 году ливерпульский торговый дом «Иосиф Гарднер с сыновьями» через консульского агента США в Тифлисе и Поти Рудольфа Ппкока пытался приобрести лесной массив в ущелье р. Взыбь, чтобы «заняться лесным делом в хозяйственном и торговом отношении» (с устройством лесопильного завода, проведением дороги и т. д.). Однако предложение промышленников было отклонено, поскольку их условия были признаны «несвыгодными для казны» (ЦГИАГ, ф. 545, оп. 1, д. 959, лл. 4, 11 об.).

¹⁴ К. Д. Мачавариани. Методические размышления. — «Очерки и рассказы», с. 105.

Т. Сахокия писал: «Очемчирское лесничество лет 10 тому назад занимало первое и чуть ли не единственное место на Кавказе своими пальмовыми насаждениями, обнимающими площадь до 1 000 десятин. Теперь же осталось о них одно только воспоминание» (КСХ, 1900, № 20, с. 301). За 1842—1890 г. этой породы леса из Абхазии было вывезено 5 165 032 пуда («Деятельность органов РКИ Абхазии. Сборник документов и материалов (1921—1934 гг.)». Сост. З. М. Ивардава. Сухуми, 1973, с. 85). Подчеркивая в этом деле роль иностранного капитала, Евг. Марков писал: «Французы и англичане особенно сумели втихомолку скупить в Абхазии за бесценок целые леса этой кавказской пальмы (самшита. — Г. Д.), также как ореха и других дорогих пород, и вывезти их к себе прежде, чем мы успели сообразить тот громадный вред, который они нанесли краю безжалостным истреблением одного из главнейших предметов отпускной торговли Кавказа» (Е. Марков. Побережье Кавказа (Путевые заметки). — «Русский вестник». СПб., 1892, т. 221, VIII, с. 98).

серьезное обследование Ткварчельского месторождения угля и его рекламирование. Открытие нового каменноугольного бассейна настолько заинтересовало углепромышленников, что сюда начали приезжать поверенные крупных фирм Англии и Бельгии. В 1901 году Ткварчели посетил министр земледелия А. С. Ермолов со многими специалистами. Однако тогда дело дальше не продвинулось¹⁵. Интерес к полезным ископаемым Абхазии не ограничивался каменным углем. Были произведены разведки серебряно-свинцовой руды на горе Дзышра, медной — на горе Гвагва. Мы уже не говорим о многочисленных заявках на право разработки естественных богатств¹⁶.

Из других отраслей хозяйства можно назвать рыбный промысел. Рыба не только удовлетворяла местные потребности, но и вывозилась во внутренние города империи. По данным таможи, с 1891 по 1895 год, например, из Сухума и Гудаут вывозилось в среднем ежегодно по 7,5 тыс. пудов разной рыбы. С 1900 года начали появляться скупщики, которые закупали рыбу для отправки ее в Москву, Харьков и другие города. В 1901 году московским купцом Игумновым у устья р. Бзыбь была организована «правильная рыбная ловля и устроен завод для приготовления консервов». Но через некоторое время это предприятие было закрыто, оказавшись нерентабельным. Хорошо было поставлено рыболовецкое хозяйство в Новоафонском и Драндском монастырях. Как сообщалось в «Черноморском вестнике» от 28 января 1903 года, в Сухуме открылось 8 «русских солидных рыбных заводов», среди которых некоторые располагали «громадными рыбными средствами». Кроме того, вблизи города, за крепостью, приютилось турецкое рыбацкое поселение, состоявшее из 18—20 хижин, из которых каждая в отдельности представляла «мелкую артель». В целом на всех этих рыбных промыслах работало до 300 человек. Немало доходов давал также дельфиний промысел. В конце 80-х годов на берегу Сухумской бухты возник салотопенный завод, на котором имелось три паровых котла¹⁷. В 1897—1901 годах дельфиньего жира добывалось от 20 до 30 тыс. пудов ежегодно. Жир отправлялся в Одессу и Керчь, где его очищали на специальных заводах; он продавался под видом рыбьего жира. В 1887 году в Гудаутах, а затем — в Сухуме и Пицунде возник устричный промысел. Однако хищническая эксплуатация скоро привела к истощению запасов устриц¹⁸.

К концу XIX века в Абхазии промышленных предприятий (безкустарных) насчитывалось 34 (по производству стройматериалов,

¹⁵ Н. В. Фон-Дервиз. Сухумский округ..., с. 73—74.

¹⁶ А. Олонецкий. Очерки по развитию капиталистических отношений в Абхазии. Сухум, 1934, с. 15.

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1263, ол. 2, 1890 г., д. 4914, ст. 183, л. 134.

¹⁸ «Весь мир». Иллюстративный справочно-литературный сборник. Тифлис, 1903. Торг.-пром. отдел, с. 7, 11, 13; Н. В. Фон-Дервиз, Указ. соч., с. 52—53.

«слесарные, мебельные и др.)¹⁹ с общим числом рабочих 420 чел.²⁰; фабрично-заводских котлов было 12²¹. В 1905—1907 гсдах всех предприятий (в том числе кустарных мастерских) было около 400 с 1030 рабочими²². В связи с этим, как и по всему Кавказу²³, конкуренция фабрично-заводских товаров приводит к быстрому упадку «вековых кустарных» промыслов. Причем речь идет, главным образом, о разрушении патриархальной домашней промышленности крестьян, которая была развита довольно хорошо²⁴. Но с другой стороны, по причине стремления царизма превратить край в чисто сырьевой придаток Российской империи, тормозится развитие и всей промышленности. Тем не менее это обстоятельство, характерное для Грузии и Закавказья в целом в пореформенный период, могло лишь замедлить, но не приостановить рост буржуазных отношений в Абхазии.

После русско-турецкой войны 1877—1878 годов были приняты некоторые меры, способствовавшие сравнительно быстрому возрождению города Сухума²⁵. Его земельный фонд в 1889 году составлял свыше 3675 десят. Вводится городское самоуправление (вместо полицейского) во главе с городничим. Сухумская буржуазно-помещичья городская дума была избрана на основании реакционного положения 1892 года. И когда в 1899 году сухумским городским головой по рекомендации И. Чавчавадзе был избран видный общественный деятель и активный сорудник газеты «Иверия» Александр Сараджишвили (Сараджев), то кутаисским генерал-губернатором он был признан «неблагонадежным» и вместо него назначен Л. М. Беренс. Таким образом, Сухум «получил городского голову по назначению губернской власти, а не по выбору»²⁶.

Будучи административным центром и находясь в районе крестьянской и рабочей колонизации, торгового земледелия и в пункте прохождения магистральных морской и сухопутной дорог, а так-

¹⁹ Среди них мы видим и такое предприятие, как «завод» для выделки эфирных масел из роз, глацинтов и пр., организованный в 1899 году в сухумском имении Беклещишева (КСХ, 1899, № 29—288, с. 451).

²⁰ А. Гнедич. Обзор промышленности, фабрично-заводской, кустарной и горной в губерниях и областях Кавказского края. — «Восточное дело». Исторический вестник, I. Москва, 1945, дд. 268.

²¹ Там же, с. 265.

²² «Очерки истории Абхазской АССР», ч. I, с. 238.

²³ См.: В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 3, с. 594.

²⁴ В начале XX века в Абхазии насчитывалось около 670 мастеров-ремесленников. Ремесленничество особенно было развито в переселенческих селах. Определенная часть изделий «поступала и в продажу». Ценный материал по этому вопросу можно найти в работах А. В. Пахомова (ЗКОСХ, 1868, вып. 1 и 2), Ф. Х. Эшба (СМОМПК, 1891, вып. 11), Н. В. Фон-Дервиз. Указ. соч. и др.

²⁵ В частности, с целью привлечения людей к заселению Сухума в 1879 году его населению был предоставлен ряд льгот. Например, оно освобождалось от государственных податей и повинностей на пять лет, а в последующие пять лет облагалось в половинном размере (ЦГИА СССР, ф. 1268, оп. 23, 1879 г., д. 191, л. 9).

²⁶ «Черноморский вестник», № 165, 27 июля 1899 г.

же в силу его курортного значения и культурной функции, Сухум получает дальнейшее развитие. Здесь проявляются буржуазные тенденции, связанные с ростом товарно-денежных отношений и постоянным вовлечением всего края в сферу единого рынка страны. Особенно наблюдается усиление торговой роли Сухума. Этому способствовало то обстоятельство, что еще в 1880 году была построена железная пристань для приема мелких судов. Грузооборот порта в 1900 году равнялся 28 921 тонне. Через него шли основные операции по экспорту табака всей Грузии. В 1893 году в Сухуме было 130 торговых предприятий с общим годовым оборотом в 1 085 000 руб. и прибылью в 143 000 руб.²⁷

Сдвиги в экономическом развитии Сухума находили отражение в росте городского населения и в изменении его социальной структуры, в частности, увеличении веса торгово-промышленной прослойки, а с другой стороны, город был «наполнен нищими, безработными и голодными людьми»²⁸. Тифлисская газета «Новое обозрение» отмечала (14 мая 1899 г.), что в Сухум «за последнее время прибыло более» 600 душ рабочих. Если по данным 1886 года население Сухума равнялось 1 279 чел., то по переписи 1897 года — 7 998 чел., из них «занятых в торговле» было 552 чел.²⁹ Это свидетельствовало о процессе становления Сухума как преимущественно торгового города. В дальнейшем, прежде всего с возрастанием курортного значения Сухума и особенно с развитием табаководства в Абхазии, город становится «крупным торговым центром по закупке и продаже... табака». Производимый в крае табак «собирает сюда множество скупщиков, комиссионеров, рабочих, содержателей табачных складов»³⁰; последних здесь к 1914 году было более 40 и 7 запасных³¹. Надо сказать, что в Сухуме, как и во всем крае, в составе буржуазии удельный вес абхазов все еще был незначительным. Вообще, как известно, хозяйственному развитию Грузии в целом были свойственны особенности, характерные для колоний и зависимых стран: слабость и малочисленность национальной буржуазии³². Но факт процесса формирования и в Абхазии национальной буржуазии был налицо.

Известное представление об общем состоянии Сухума в самом конце века дают следующие данные. В нем имелось несколько «заводов» (ледоделательный, кирпичный, мукомольный и др.), пристань для пассажирских и торговых судов, маяк, телеграф, типография, аптека, опытная сельскохозяйственная станция с ботаническим садом, горская школа, женская прогимназия, церковно-приходская школа, «общественная библиотека» (1873 г.), два клу-

²⁷ «Очерки истории Абхазской АССР», ч. I, с. 235.

²⁸ «Обозрение», № 109, 1902 г.

²⁹ «Первая всеобщая перепись населения Российской империи...», с. VI, 172—173.

³⁰ СЗМ, 1912, № 11, с. 166.

³¹ «Естественные и география», 1914, № 1, с. 72.

³² «Очерки истории Коммунистической партии Грузии», Тбилиси, 1971, с. 21.

ба, книжный магазин, водопровод (1879 г.), гостиницы («Россия», «Центральная», «Франция» и др.), бульвар, каменная набережная и т. д. В Сухуме проживала основная масса интеллигенции Абхазии. Застроиваются окрестности города, осушаются болота, что способствовало снижению заболеваемости малярией. Серьезное внимание обращалось также на курортное значение Сухума, как и всего Абхазского побережья. На XII Международном конгрессе врачей, состоявшемся в Москве в 1898 году, Сухум был признан лучшей климатической станцией «для слабогрудых». «Сухумская долина» была признана вообще «одним из лучших мест» Черноморского побережья. По образному выражению Евгения Маркова — «это кусочек Испании или Сицилии, оброченный у подножьи старика-Кавказа»³³. Костромской помещик Н. Н. Смецкой недалеко от Сухума строит легочные санатории — Гульрипшский № 1 (1901 г.), Агудзерский (1905 г.) и Гульрипшский № 2 (1914 г.). Для характеристики Сухума, с другой стороны, весьма показательно, что в 1899 году на нужды народного образования было отпущено всего лишь 1 222 руб. (3,1% сметы города), а на медицину и санитарию — 1 040 руб. (2,6%)³⁴. Вместе с тем Сухум очень страдал от активно развивавшейся земельной спекуляции: ценнейшие земельные участки и имения становились «игрушками для богатых людей»³⁵.

Одним «из самых производительных пунктов» Абхазии «в торгово-промышленном отношении» становится местечко Очемчиры. В 1886 году, например, сюда пришло коммерческих судов 217 с грузом в 68 984 тонны. Из 160 торговых точек Абхазии на Очемчиры приходилось 48³⁶. Посетивший этот пункт еще в 1853 году писатель В. А. Соллогуб отмечал: «Очемчиры — большое местечко с замечательным... базаром... Влево... возвышается... дом владельца, выстроенный из каштанового дерева»³⁷. Вывозили из Очемчиры главным образом зерно (кукурузу) и лесоматериал. В конце XIX века эксплуатация леса значительно усилилась после того, как его рубку в казенных лесах, по р. Кодору, взяла на себя фирма Максимова³⁸.

В Бзыбской Абхазии торговля шла в основном через местечко Гудауты, которое являлось административным центром данного района. Профессор Ф. И. Пастернацкий, посетивший этот пункт в 1898 году, писал: «Гудауты — приморский порт, центр довольно бойкой торговли, в особенности табаком». В этом местечке «хорошо расположены широкие улицы, с порядковыми домами, есть

³³ ЧСХ, 1916, № 3, с. 135.

³⁴ Г. А. Дзидзария. Присоединение Абхазии к России..., с. 148—152.

³⁵ С. Васюков. Край гордой красоты, с. 177.

³⁶ Г. А. Дзидзария. Указ. соч., с. 152.

³⁷ В. А. Соллогуб. Сочинения, т. V. СПб., 1855, с. 339.

³⁸ «Черноморский вестник», № 159, 18 июля 1839 г.

и гостиница...»³⁹. О «прямых, широких улицах», «небольших оригинальных жилых зданиях» и «многих туземных торговых крохотных помешениях» Гудауты писал в 1902 году и С. Васюков⁴⁰. В 1903 году в Гудауту насчитывалось 434 дома, в том числе 92 каменных. В 1870 году местечку было отведено 600 десят. земли. Васюков также отмечал, что местечко Гудауты находится «накануне перехода в город с упрощенным городским самоуправлением»⁴¹. Вместе с тем оно с 1902 года «приобщается к «земельному оживлению», т. е. земельной спекуляции, которая вот уже много лет «составляла самую суть оживления кавказского побережья»⁴².

В конце 90-х годов проявляется интерес и к Гаграм как к важнейшему объекту будущего курортного строительства. Принц А. П. Ольденбургский послепил заявку на организацию здесь великокняжеского курорта⁴³. Уже в 1900 году им была сделана закладка климатической станции, торжественное открытие которой состоялось через три года. На строительстве курорта было занято большое количество рабочих, в том числе местных. Характеризуя их тяжелое положение, С. Васюков писал: «Пока еще не все устроено, рабочие подвергаются довольно часто заболеванию малярией, а также и тифу»⁴⁴. И даже такой пункт, как село Ачигвара, состоял «из ряда лавок, вытянувшихся» вдоль шоссе, и его торговцы ставили вопрос о перенесении сюда управления Самурзаканского участка из Окума⁴⁵.

Развитие городской жизни способствовало углублению экономических связей между отдельными районами Абхазии. В конце 70-х годов всесторонне разрабатывается вопрос о сухопутных сообщениях на Черноморье. Важное значение придавалось и установлению связи Абхазии с Кубанской областью (перевальная дорога). Много делается также в направлении установления правильных и дешевых морских сообщений на Черноморском побережье, для чего Русскому обществу пароходства и торговли (РОПиТ) выдаются большие субсидии. Пароходы указанного, а также Азовского общества заходили почти во все пункты Абхазии⁴⁶. Как сообщала газета «Черноморский вестник» 27 мая 1899 года, в посаде Туапсе были начаты изыскания для железных путей на Сухум, Майкоп и на одну из станций Владикавказской дороги. В 1891—1892 годах

³⁹ А. И. Воейков, Ф. И. Пастернацкий, М. В. Сергеев. Черноморское побережье. СПб., 1898, с. 172.

⁴⁰ С. Васюков. Указ. соч., с. 148—149.

⁴¹ Там же, с. 150.

⁴² Там же, с. 150—151.

⁴³ Историко возникновение этого курорта см.: «Искра», № 46, 15 августа, 1903.

⁴⁴ С. Васюков. Указ. соч., с. 143.

⁴⁵ «Черноморский вестник», № 2, 3 января 1898 г.

⁴⁶ Следует отметить, что данный вид транспорта особенно способствовал развитию экономических связей Абхазии с другими районами Грузии и Кавказа. Так, например, в 1880—1881 гг. из Батума в Сухум прибыло 100 паровых судов, а отбыло — 18 (ИКОРГО, 1883, т. VIII, № 1, с. 94—95).

под руководством М. Н. Анненкова⁴⁷ было построено приморское шоссе Новороссийск — Сухум, известное в истории под названием «Голодное шоссе», в память строителей — голодающих крестьян и рабочих центральных губерний России. Кроме того, в 1897 году были произведены изыскания по переустройству Военно-Осетинской и Клухорской дорог, соединявших Сухум и Кутаис со станциями Владикавказской железной дороги — Дарг-Ках и Невинномысская⁴⁸. Строительство дорог царизм преследовал прежде всего стратегические и колонизационные цели. Но вместе с тем эти дороги стали одним из решающих факторов вовлечения Абхазии в систему единого рынка страны. Теперь и для изолированно существовавших мест, вроде сугубо патриархального села Блабурхва, открывался путь к рынкам сбыта производимых продуктов. Следовательно, строительство дорог оказывало воздействие на развитие товарно-капиталистических отношений, способствовало замене старых социальных отношений новыми.

Выше были приведены некоторые данные, свидетельствующие о том, что включение Абхазии в общероссийские рыночные связи приводило к развитию торговли, экспортно-импортных операций. В этом отношении представляют интерес следующие данные: в 1886 году вывоз товаров через порты Абхазии поднялся до 863 тыс. руб., причем в нем главную роль играла кукуруза — 694 тыс. руб., что почти в 7 раз превышает общий экспорт из края в 1880 году⁴⁹. Кроме того, значительная часть юго-восточной Абхазии вывозила кукурузу через Поти, используя для этого проходящую близко железную дорогу. Вывозились также лес, табак, вино и др. Росли и обороты внутреннего рынка. По переписи 1897 года в Абхазии⁵⁰ «занятых в торговле» было 1 053 чел.⁵¹ Однако емкость абхазского внутреннего рынка была еще незначительна, и внешний рынок являлся основным для сбыта сельскохозяйственной продукции.

Как видим, общий промышленный подъем в империи нашел свое отражение и в Абхазии, хотя характерным для нее, как и для всего Кавказского края, было отсутствие крупной промышленности и больших экономически развитых городов. Если же взять в целом Грузию и Закавказье, то развитие капитализма (в промышленности и в сельском хозяйстве) здесь шло довольно быстро. В этом процессе особенно велико было значение широко развернувшегося в крае строительства железной дороги⁵².

⁴⁷ М. Н. Анненков (1835—1899) — генерал, член Военного совета, руководитель Полесских ж. д. и Закаспийской ж. д., заведующий организацией общественных работ.

⁴⁸ «Черноморский вестник», № 1, 1 января 1898 г.

⁴⁹ «Очерки истории Абхазской АССР», ч. I, с. 224.

⁵⁰ В 1897 году Гагринский участок в перепись по Абхазии не входил.

⁵¹ «Первая Всеобщая перепись населения Российской империи...», с. 172—173.

⁵² В 1884 году было закончено строительство Закавказской железной дороги, пересекавшей весь край от Черного до Каспийского морей, а в 1890 году — Сурамского тоннеля. В 1900 году Закавказская ж. д. была присоединена к железнодорожной сети России, что имело особо важное значение в укреплении хозяйственных связей Закавказья с центрами страны, в развитии экономической жизни края.

Важнейшим результатом действия названных фактов была ликвидация разобщенности, установление более тесных внутренних связей и в целом Абхазии со многими областями Грузии, Кавказа и всей России. Вместе с тем в связи с экономическим развитием и ростом промышленности появляются новые классы, возникает иная идеология, развивается общественная мысль, отражающая социально-экономическую жизнь Абхазии. Но в целом Закавказье оставалось аграрной, экономически отсталой окраиной Российской империи. Большинство его населения (80%) было занято в сельском хозяйстве. Еще более аграрный характер носила Абхазия, где в 1897 году 92,5 проц. населения было отнесено переписью к группе «занятых в сельском хозяйстве» и, следовательно, только 7,5 проц. составляло «городское население». Отражение общего промышленного подъема здесь было ограничено также в силу колониальной специфики данного края и сохранения глубоких патриархально-родовых и феодально-крепостнических отношений.

Буржуазная аграрная эволюция здесь шла путем медленного перерастания помещичьего хозяйства в хозяйство капиталистическое, обрекая крестьян на мучительную эксплуатацию и кабалу. Следствием развития товарно-капиталистических отношений был ускоряющийся процесс имущественной и классовой дифференциации крестьянства. Г. А. Рыбинский в 1894 году писал следующее об усилении дифференциации в абхазской деревне и об одной из причин этого явления: «Распределение земель у этих общинников находится в самом хаотическом положении; кто сильнее, тот и большим, и лучшим участком владеет. Все это порождает крайнюю бедность многих из них...»⁵³. Рыбинский, кроме того, отмечал, что «на счастье сухумских помещиков оказалось, что по соседству имелась рабочая сила, поставленная в условия еще худшие, чем китайские кули; за наделением у них привилегированного сословия земель, непривилегированному ничего не осталось, одни камни на горах, огнеупорная глина, да болота»⁵⁴. В другом месте читаем: «В рабочих недостатка не было», и далее приводятся цены на рабочие руки⁵⁵.

Настоятель Троицко-Сергеевского монастыря архимандрит Леонид (А. Л. Кавелин), сведения которого относятся к 1884 году, писал: «Я сам был очевидцем, тому свидетелем... абхазцы, соседние с Ново-Афонской Симоно-Канонитской обителью... с охотою работают за поленную плату и сами напрашиваются на работу»⁵⁶. Это отмечал и П. П. Надеждин: «Абхазец, которого прежде нельзя было привлечь к работе ни за какие деньги, теперь охотно идет на монастырские работы»⁵⁷. То же самое наблюдалось в отдель-

⁵³ Г. А. Рыбинский. Сухумский округ., с. 17.

⁵⁴ Там же, с. 3—4.

⁵⁵ Его же. Абхазские письма. — «Кавказ», 19 июня 1893 г.

⁵⁶ А. Л. Ново-Афонский Симоно-Канонитский монастырь. М., 1885, с. 75.

⁵⁷ П. П. Надеждин. Кавказский край., с. 346.

ных помещичьих и кулацких хозяйствах. В 90-х годах, например, в с. Черниговке было 32 двора безлошадных и 24 двора бескоровных; в с. Ольгинском 23 хозяйства при обработке кукурузных полей применяли наемный труд, а в с. Александровском — 19⁵⁸. «Привлекались к работе» главным образом те крестьяне, которые, теряя или уже потеряв свою хозяйственную самостоятельность, отправлялись на заработки, т. е. часть времени жили продажей своей рабочей силы — процесс, получивший название (по меткому выражению самих крестьян) «раскрестьянивания»⁵⁹. Именно они в первую очередь принимали участие в строительстве шоссе Новороссийск — Сухум, на лесопильных предприятиях, искали работу в кустарных предприятиях города, у дачевладельцев, в монастырских хозяйствах и т. д. Корреспондент грузинской газеты «Квали», говоря о рабочих Кодорского лесопильного завода Максимова, писал: «До сих пор помню мою беседу с одним абхазом: «Сидеть на арбе по найму, быть слугой и свинюпасом — лучше смерть». Это было твердой верой каждого абхаза, сейчас, думаю, наступает другое время — этот мой знакомый на заводе работает по найму. Думаю, в коротком будущем все абхазы втянутся в это дело»⁶⁰. А на страницах другого тифлисекого органа сообщалось о том, как в Сухум прибыло из окрестных сел 500 крестьян, которые рассказали, что «вследствие суровой зимы население терпит страшную нужду; рабочий скот лал за неимением кормов». Далее говорилось: «Некоторые из прибывших нашли кое-какую поденную работу, большинство же не могло не оставаться без всяких средств к жизни»⁶¹.

Основным фактором разложения крестьянства в Абхазии было начавшееся еще до русско-турецкой войны 1877 — 1878 годов развитие торгового земледелия. С 90-х годов в Абхазии стало развиваться виноградарское хозяйство капиталистического типа, хотя оно с самого начала и страдало от конкуренции с импортируемыми винами и ограничивалось главным образом внутренним спросом, который был невелик. Виноградные сады в Абхазии оказались теперь в руках «разного рода эксплуататоров»⁶². По подсчетам С. Н. Тимофеева, в Абхазии производилось 500 000 ведер вина, из которых в самом крае продавалось 50 000 — 60 000 ведер, вывозилось, например, из м. Гудауты 30 000 ведер⁶³. Отдельными лицами создаются винодельческие предприятия. Так, в имени Арцыбашева в Сухуме под руководством опытного специалиста В. Германа в 1889 — 1901 годах были достигнуты в виноделии значитель-

⁵⁸ А. Розов. Оригинальные места, с. 255, 257.

⁵⁹ Р. П. Конюшая. К. Маркс о развитии капитализма в России. — «История СССР», 1973, № 3, с. 35.

⁶⁰ «Квали», № 42, 1898 г.

⁶¹ КСХ, 1898, № 217.

⁶² К. Мачавариани. Абхазия и народное образование в ней. — «Вестник воспитания», М., 1892, с. 122.

⁶³ С. Н. Тимофеев. Очерк виноградарства и виноделия в Сухумском округе. — ССВВК, 1896, вып. IV, с. 30—31.

тые результаты. На выделке и переливании вина было занято 7 рабочих. Арцыбашевские вина отправлялись в Москву, где они пользовались успехом⁶⁴. Можно было бы назвать и ряд других винодельческих предприятий. Однако главная масса сбываемого вина поступала из виноградников, разведенных крестьянами. В 1894 году в Абхазии имелось 11 вино-водочных заводов. С виноградарством тесно переплеталось торговое плодоводство. Развивалось также огородничество, главным образом около Сухума и местечек.

Возьмем далее зерновое хозяйство и животноводство, товарность которых также заметно росла. Если в 1890 году под зерновыми культурами было занято всего 38 000 дес., то в 1908 году — 50 000 дес.⁶⁵ Причем изменилась и структура посевных площадей — кукуруза стала явно преобладать над просом, этой традиционной культуры в Абхазии и на всем Западном Кавказе. Только заграничный экспорт кукурузы из главнейших портов Абхазии в 1886 году составлял 1 076 000 пудов, а в 1893 году — 1 600 000 пудов⁶⁶. Во всей же Западной Грузии, где зерновое хозяйство приняло ярко выраженный товарный характер, ежегодный вывоз кукурузы, начиная с 1884 года, равнялся в среднем 5—6 млн. пудов, при валовом ее сборе 18 млн. пудов⁶⁷. Торговля кукурузой сосредоточивалась в руках сельской буржуазии, которая организовывалась по селам и городским местечкам Абхазии специальные пункты по скупке зерна, наживая на этом большие барыши. Удельный вес кукурузы в общем доходе сельского хозяйства Абхазии 90-х годов равнялся 45,4 проц.⁶⁸

В 1891 году в Абхазии крупного рогатого скота насчитывалось 59 000 голов, лошадей — 13 490, мелкого рогатого скота — 95 000, свиней — 2 000⁶⁹. Наиболее промышленный характер носило разведение овец и коз. В зажиточных хозяйствах быстро росло поголовье скота. В отдельных из них имелись до 1 000 голов мелкого рогатого скота, нередки были хозяйства в 250—300 голов. Для выпаса такого поголовья скота приходилось нанимать несколько пастухов, обычно сроком на 5 лет⁷⁰. Были и такие крестьяне, которые имели по 7 пар тягловой силы и сдавали часть ее в наем⁷¹. Еще более промышленный характер носило свиноводство, которое

⁶⁴ В. Герман. Виноградарство и виноделие. — Библиотека АИЯЛИ, шифр АБ. Г-38, с. 1—14.

⁶⁵ Ч. Х. Гуина. Указ. соч., с. 21.

⁶⁶ КК, 1895, V, с. 247—248.

⁶⁷ И. Г. Антелава, Э. А. Орджоникидзе, Э. В. Хоштариа. К вопросу о генезисе капитализма в сельском хозяйстве и промышленности Грузии. Тбилиси, 1967, с. 38.

⁶⁸ К. В. Гамисониа. Абхазская деревня в конце XIX — начале XX века (Автореферат кандидатской диссертации). Сухум, 1964, с. 10.

⁶⁹ «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрова, т. XXXII, № 63. СПб., 1901, с. 150.

⁷⁰ Ц. Н. Бжания. Из истории хозяйства абхазов. Сухуми, 1962, с. 62 и др.

⁷¹ ЦГИА СССР, ф. 1087, д. 15, лл. 8—31.

наиболее развите получило в Самурзаканском и Кодорском участках. В Гумистинском участке в селах, расположенных около г. Сухума, наблюдалось некоторое развитие молочного хозяйства. Отдельные хозяева располагали маслобойнями и сепараторами. Некоторое промышленное значение имело и птицеводство, особенно в тех же пригородных селах. Это относилось также к пчеловодству и шелководству. В 1897 году в с. Дранда начало функционировать общество шелководов под названием «Шелк», а в октябре 1899 года в Сухуме была проведена выставка шелководства⁷². Вообще в этот период во многих районах Грузии стали возникать товарищества на акционерных началах, цель которых заключалась в закупке и реализации товаров шелководства⁷³.

Таким образом, почти все указанные выше отрасли крестьянского хозяйства были в той или иной мере затронуты процессом капиталистической эволюции. Они все более включались в рыночные отношения, приспособлялись к потребностям всероссийского рынка.

Табак становится ведущей отраслью сельского хозяйства Абхазии⁷⁴. Уже в 90-х годах он давал 48,8 проц. всего дохода сельского хозяйства края⁷⁵. Это было связано как с благоприятными экономическими и природными условиями края, так и с растущими потребностями развивающейся российской табачной промышленности, которая стремилась к созданию собственной сырьевой базы в границах империи. На развитие культуры табака в Абхазии большое влияние оказала также связь с центральными табачными рынками, т. е. Крымом, Одессой и Ростовым, а через эти пункты с Москвой и Петербургом. Высокие таможенные пошлины на импортный табак и общий рост цен на табачное сырье на мировых рынках усиливали такое стремление. В результате уже в 1895 году площадь под табачными плантациями Абхазии достигает 1 612 дес., а сбор табака — 93 476 пудов. В течение 1895—1890 годов эти показатели увеличиваются примерно вдвое. Абхазия становится главным районом производства высших сортов табака в Закавказье. В Российской империи по размерам табаководства в 1905 году она занимала пятое место. Если в 80-х годах табак в экспорте Абхазии не играл еще никакой роли, то уже в 1893 году через Сухум и Гудауты только морем было вывезено 41 958 пудов

⁷² «Черноморский вестник», № 165, 27 июля 1899 г.

Интересно отметить, что в 1911 году в Тифлисе на абхазском языке была издана брошюра Н. Патеяпа «Краткое руководство по шелководству». В ней автор, в частности, отмечал, что шелководство в Абхазии повсеместное распространение получило лет 10 тому назад, причем им занялись абхазские женщины по примеру мегрельских и гурийских женщин-шелководов (с. 15).

⁷³ См. Г. А. Антелава, Э. А. Орджоникидзе, Э. В. Хоштария. Указ. соч., с. 43.

⁷⁴ Подробнее об этом см.: А. А. Олонский. Табаководство — основная отрасль товарного земледелия в Абхазии в пореформенный период и в начале XX века. — «Труды» АИЯЛИ, XXVI, 1955.

⁷⁵ К. В. Гамисониа. Указ. соч., с. 10.

табака. Следует отметить, что к тому времени и сами аборигены начали широко заниматься табаководством. Имея в виду в первую очередь это явление, К. Д. Мачавариани писал: «Абхазцы в последнее время с успехом занимаются многими отраслями сельского хозяйства»⁷⁶.

Товарно-промышленный характер табаководства в Абхазии подтверждался и тем фактом, что в 80-х годах имелись плантации размером в 5—6 дес. К концу XIX века общее количество табачных плантаций достигает 3—4 тыс. Из 4434 плантаций, имевшихся в 1899 году, промышленных было 3243 и так называемых хозяйственных — 1191. Общая площадь промышленных плантаций равнялась 2763 дес., а снимаемый с них урожай табака — 146 000 пудов. Табачных плантаций этого рода размером до 1 дес. было 2071 общей площадью в 331 дес.; число плантаций размером свыше 1 дес. — 1172, общей площадью в 2432 дес.; табачных плантаций размером от 2 до 4 дес. насчитывалось 432, общей площадью в 1026 дес., плантаций размером от 4 до 18 дес. — 115, общей площадью в 643,8 дес.⁷⁷ Согласно одному отчету за 1896 год, зажиточный калдахварский крестьянин В. Чукбар владел двумя табачными плантациями общей площадью в 20 дес.⁷⁸ Эти данные говорят не только о процессе концентрации производства табака в руках более зажиточной части табаководов, но и о значительном развитии капиталистического хозяйства, так как для обработки 1 десятины табака, являющейся весьма трудоемкой культурой, требовалось не менее двух сезонных рабочих. Источники говорят о широком применении наемного труда в хозяйствах крупных табаководов. Так, в материалах к съезду табаководов сообщалось, что в Абхазии «огромное большинство» табаководов «не может обойтись без посторонних рабочих рук»⁷⁹. Нанимали рабочих по-денно, помесячно или на год. В. И. Ленин в 1899 году писал: «Возделывание табака требует значительного числа рабочих... положение рабочих на табачных плантациях — самое тяжелое»⁸⁰. Это были преимущественно батраки. Например, крестьяне переселенческого села Бамбора, «значительным подспорьем» в хозяйстве которых «служат заработки на табачных плантациях», «работая по урокам, непрерывно от зари до зари, зарабатывают — дети 30, а взрослые 70 коп. и рубль в сутки»⁸¹.

С первых же шагов своего развития табаководство в Абхазии

⁷⁶ «Вестник воспитания». М., 1892. № 6, с. 122.

⁷⁷ В. Д. Мочалов. Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX в., с. 414—416.

⁷⁸ «Очерки истории Абхазской АССР», ч. I, с. 227.

⁷⁹ Цит. по: В. Д. Мочалов. Указ. соч., с. 416.

⁸⁰ В. И. Ленин. Поли, собр. соч., т. 3, с. 297.

О производе «Крестьянского банка» и табачных фабрикантов-монополистов по отношению к производителям в Абхазии см.: «Новое обозрение» (Тифлис), № 4850, 14 февраля 1898 г.; № 4970, 23 июня 1898 г.

⁸¹ «Кавказ», № 244, 17 сентября 1898 г.

попадает в зависимость от крупных табачных торговцев и фабрикантов как Российской империи, так и зарубежных стран⁸². При чем заготовленный абхазский табак почти весь вывозился — никакого табачного производства на месте экспортеры не открывали. Основная масса плантаторов-табаководов находилась не только в кабале у скупщиков-капиталистов, но подвергалась эксплуатации и со стороны деревенских кулаков. Лишь крупные табачные плантации принадлежали самостоятельным табаководам-промышленникам капиталистического типа, а владельцы мелких и средних плантаций, составлявшие большинство табаководов, вели хозяйство главным образом на арендованных землях, принадлежавших помещикам, монастырям и зажиточным крестьянам. Таким образом, на примере развития табаководства в Абхазии можно убедиться в том, что быстрое развитие торгового земледелия неразрывно связано с образованием капиталистических отношений в сельском хозяйстве⁸³.

Обращают на себя внимание определенные изменения, происходившие и в помещичьем хозяйстве прибрежной зоны. Отдельные абхазские помещики, становясь на путь капиталистического предпринимательства, запахивали арендным способом по несколько сот десятин. В имениях некоторых из них заводятся железные плуги и другие усовершенствованные сельскохозяйственные орудия. Общий денежный доход (не считая натурального), например, от имения келасурского князя Георгия Дмитриевича Шервашидзе в 1883 году исчислялся почти в 7 000 руб. Имение было довольно тесно связано с рынком. В нем применялся наемный труд. Кроме того, Шервашидзе владел магазинами в селах Дранды и Бабушеры. В 80—90-х годах на Абхазском побережье возник ряд садовых и огородных «предприятий». Например, дача Назанского снабжала овощами и фруктами весь Сухум⁸⁴. Недалеко от Гудаут фельдшер В. Иванов организовал «большой фруктовый сад». Имению «Синоп» великого князя Александра Михайловича также придавалось прежде всего «коммерческое значение». В нем был «лучший и самый большой на побережье торговый питомник декоративных растений»⁸⁵. Профессор А. И. Воейков, посетивший Сухум в 1898 году, отмечал, что благодаря садоводу Ф. Ф. Ноеву «уже наполовину уменьшился ввоз луковиц из Голландии»⁸⁶. А «садовое заведение» Ноева в Сухуме имело «исключительно промышленное направление» и служило «преимущественно для снабжения торго-

⁸² Эксплуатация плантаторов, — писал К. Д. Мачавариани, — табачными фабрикантами, к которым принадлежат многие крупные фирмы, производится в течение 8-и лет в Гудаутском и Гумистинском участках, а также на земле, принадлежавшей городу Сухуми...» («Черноморский вестник», № 16, 21 января 1900 г.).

⁸³ В. Д. Мочалов. Указ. соч., с. 417.

⁸⁴ КК, 1882, с. 244.

⁸⁵ А. С. Ермолов. Заметки..., с. 93.

⁸⁶ А. И. Воейков и др. Указ. соч., с. 61.

вых садовых заведений той же фирмы в Москве растениями, на которые имеется спрос на московском рынке»⁸⁷. Они нашли сбыт и в Петербурге, а также в загранице, даже в Англии и Голландии — этой классической стране тюльпанов и гиацинтов⁸⁸. В 1899 году на выставке садоводства в Петербурге Ноевым было выставлено более двухсот орхидей и гиацинтов, выращенных в Сухуме. Эта коллекция, как сообщила газета «Черноморский вестник», «обратила на себя общее внимание»⁸⁹. «Садовое заведение» Беклемишева также располагало «обширной культурой луковичных растений, эвкалиптов и роз для добычи розового масла»⁹⁰. В цебельдинском имении Рейнгарда были «заведены пчельники с особым пчеловодом и 29 чернорабочими»⁹¹.

Особенно крупными хозяйствами являлись монастыри, а наиболее значительным из них — Новоафонский, который с 90-х годов становится и крупнейшим религиозным центром на всем Черноморском побережье Кавказа. Площадь земельных угодий Новоафонского монастыря достигала около 3 900 дес. (в 1898 году), а количество монахов и послушников — более 700 чел. Все работы монастыря производились «главным образом... нанятыми рабочими, которых круглый год работает 280 человек»⁹², а временно — до 400⁹³. В монастырь приходят и абхазы «искать работы, причем присматриваются к ремесленным производствам, земледелию, а иногда, в качестве рабочих, изучают их...»⁹⁴. Следует также подчеркнуть, что «здесь работать, — по признанию самих рабочих, — трудней, нежели в других местах... пища неважная... лихорадки страсть... в больницу не пушают... плата ... не очень»⁹⁵. Кроме того, огромная масса паломников-тружеников, прибывавших со всех концов России, приносили монастырю «свою лепту» и служили ему во время пребывания здесь своим трудом. Только фруктовый сад и виноградник монастыря занимали 33 дес. (в 1901 году было собрано 700 пудов яблок и 1 000 пудов винограда, из которого выработано 900 ведер вина). Монастырь имел крупные животноводческую ферму и рыбное хозяйство (с 1900 года он арендовал в Ленкорани, на Каспийском море, рыбный промысел, где в разгаре ловли рыбы трудились до 200 рабочих и 20 человек «братии»), а также богатую пасеку (500 ульев, с которых в 1902 году было

87 Н. Шавров. Выдающееся садовое хозяйство в Сухуме. — КСХ, 1894, № 26, с. 458.

88 А. С. Ермолов. Заметки..., с. 96.

89 «Черноморский вестник», № 111, 20 марта 1899 г.

90 «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXXII, № 63, с. 149.

91 П. П. Надеждин. Кавказский край..., с. 274.

92 С. Васюков. Указ. соч., с. 167—168.

93 «Черноморский вестник», № 21, 26 июля 1896 г.

94 ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 2, д. 5057, ст. 226, л. 110 (Всепопданнейший отчет кутанского военного губернатора).

95 С. Васюков. Указ. соч., с. 167.

собрано 200 пуд. меда и 23 пуда воска), заводы (конский, кожевенный, кирпичный, свечной), мастерские (чугунолитейная, механическая, столярная), пассажирскую и грузовую пристани, узкоколейную железную дорогу и т. д.⁹⁶. Монастырь имел свои подворья в Одессе, Новороссийске, Ейске, Туапсе и Сухуме. В 1885 году по решению правительства к Новоафонскому монастырю отошел мыс Пицунда с древним храмом и 1049 дес. земли. Для рекламы монастыря монахи стали выпускать религиозную литературу и иконы, которые распространялись по всей России.

Развитие капиталистических отношений в земледелии привело к появлению новых видов сельскохозяйственной техники в абхазской деревне. Увеличивался завоз усовершенствованных земледельческих орудий, которые находили применение в отдельных хозяйствах помещиков и кулаков. Особенно широко они применялись в переселенческих селах. Г. А. Рыбинский, отмечая факт улучшения колонистами техники полевых работ, предлагал распространить ее среди всего населения края⁹⁷. Переселенцы внедряли также новые сельскохозяйственные культуры. Эти явления наблюдались и в животноводстве. Так, например, производились разнообразные молочные продукты. Особенно следует отметить развитие культурного пчеловодства. Более высокая агротехника, внедрение новых или более рентабельных отраслей сельского хозяйства, в том числе высокотоварных, способствовало ускорению процесса разложения феодально-крепостнических и развитию капиталистических производственных отношений⁹⁸. Интересные явления наблюдались также в сфере социальной жизни и языка, обычаев и нравов. Например, в абхазских селах появились жилища нового типа, перемены во внутреннем убранстве, обстановке и утвари дома, а также в традиционной одежде и пище.

С другой стороны, переселенцы заимствовали у местного населения отдельные сорта сельскохозяйственных культур, породы животных и птиц, способы приготовления некоторых блюд и приправ, разные виды домашней кустарной промышленности и пр. Так развивалось тесное сотрудничество трудящихся на базе обмена трудовыми навыками, орудиями труда, сельскохозяйственными культурами и т. д. Независимо от политики властей между местными и пришлыми крестьянами складывались добрососедские отношения, что подчеркивали и многие авторы того периода.

Укрепление экономических и культурных связей с Россией также способствовало развитию культуры, просвещения и обществен-

⁹⁶ И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Канонитский монастырь, с. 245; К. Д. Мачавариани. Описательный путеводитель., с. 189—190; С. Васюков. Указ. соч., с. 164—170.

⁹⁷ Г. А. Рыбинский. Сухумский округ., с. 19—21.

⁹⁸ Прогрессивные изменения в экономической и бытовой жизни абхазов, происходившие под влиянием русских, сказывались и в языке; в нем появляются новые слова, воспринятые из русского языка: завод, улица, печка, стол, капуста, карандаш, артист, профессор и т. д.

ной мысли в Абхазии⁹⁹, несмотря на реакционную политику царизма и в этой области. И тем яснее ощущалось, что «есть две национальные культуры в каждой национальной культуре»¹⁰⁰. Теперь деятелям местной национальной культуры России представлялась уже не только надежным щитом, заслоняющим народы от посягательства иноземных завоевателей, но и неугасимым маяком просвещения.

Передовые силы России с симпатией следили за развитием национальных культур, поддерживали их. В истории культуры абхазского народа особое место принадлежит выдающемуся русскому кавказоведу-лингвисту П. К. Услару, сыгравшему исключительно важную роль в научной разработке проблем абхазского языка и письменности. Он является основоположником научного изучения и других горских иберийско-кавказских языков. Его труды в этой области занимают почетное место в истории языкознания и кавказоведения. В 1862 году П. К. Услар литографическим способом издал грамматику абхазского языка, а также на основе русской графики составил абхазский алфавит и готовил абхазский букварь, который, однако ему не удалось закончить. Его монография «Абхазский язык» типографским способом была издана в 1887 году в Тифлисе М. Р. Завадским, который снабдил ее предисловием и, главное, внес изменения в начертание усларовских букв и придал им печатную форму. Со времени П. К. Услара абхазский язык, являющийся одним из древнейших и самобытных языков кавказского корня, стал все более привлекать к себе внимание ученых. В 1862 году Комиссией, уполномоченной Обществом восстановления православного христианства на Кавказе, в составе члена-корреспондента Петербургской Академии наук, генерал-майора И. А. Бартоломея (председатель), Д. П. Пурцеладзе и В. Г. Трирогова, при содействии «природных абхазцев» С. Эшба, Г. Курцикидзе и И. Гегия, а также К. и Гр. Шервашидзе, на основе буквенных начертаний Услара с небольшими изменениями был составлен абхазский букварь, вышедший в 1865 году в Тифлисе. Алфавит Услара лег в основу и последующих абхазских букварей. Некоторые усларовские буквы сохранились также в современном абхазском алфавите. Работа П. К. Услара, направленная на создание письменности для бесписьменных народов Кавказа, и высокая оценка им роли родного языка в просвещении народных масс свидетельствуют о прогрессивном характере его научной и практической деятельности, хотя он и не верил в возможность развития национальной литературы на языках, для которых он создал алфавит¹⁰¹. Что касается букваря 1865 года, то он, будучи на протяже-

⁹⁹ Материал по этому вопросу по сравнению с первым изданием дается в несколько сокращенном виде, особенно в научно-справочном аппарате, в связи с выходом в 1979 году специальной монографии автора «Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции».

¹⁰⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, с. 129.

¹⁰¹ Х. Бгажба. Из истории письменности в Абхазии. Тбилиси, 1967, с. 37—39.

эни почти трех десятков лет первым и единственным абхазским учебником для учащихся, сыграл важную роль в деле развития просвещения и всей культурной жизни абхазского народа. Трудно, в частности, переоценить значение его влияния на процесс создания абхазской учебной литературы.

Однако культура абхазского народа могла широко развиваться только на основе создания разветвленной сети школ. Царское правительство мало заботилось об этом¹⁰², но и те незначительные меры, которые предпринимались им, объективно способствовали общему прогрессу культуры абхазского народа. И сами народные массы начинают все более сознавать, что неграмотность является несчастьем. Об этом свидетельствуют, например, приговоры сельских обществ. Начальник Сухумского отдела в отчете за 1875 год отметил, что на сходах крестьяне нередко заявляли: «Дайте нам умереть такими, какие мы есть, но сделайте, чтобы наши дети были другими людьми». И «в подтверждение искренности такого заявления служит факт, что школы не могут вмещать всех детей, желающих учиться»¹⁰³. В 1865 году в Абхазии было всего около 360 учащихся; к 1901 году их стало 3951 чел., а учебных заведений — 100.

В школах обучались русскому языку, арифметике, географии, истории, а также родному языку. Школьники читали произведения Крылова, Пушкина, Мержантова, Некрасова, Кольцова. Наблюдался рост школ с сельскохозяйственным уклоном. Так, в 1893/94 учебном году было создано три сельскохозяйственных училища для младшего возраста в Лыхнах, Очемчирах и Окуме. Одновременно практиковалась отправка юношей из числа местной знати в различные учебные заведения России, в том числе университеты. В некоторые средние общие и специальные учебные заведения попадали и отдельные крестьянские дети. Это, вопреки русификаторским и колониальным намерениям царизма, способствовало дальнейшему процессу формирования национальной интеллигенции. Среди русских учителей, обучавших молодых абхазов, было немало истинных поборников просвещения, чуждых великодержавной идеологии царских колонизаторов и преданных лучшим прогрессивным традициям русской педагогики. Читая произведения русских писателей и слушая живые рассказы русских педагогов, пытливые юноши проникались идеями гуманизма и социальной справедливости, характерными для передовой русской культуры.

Все это свидетельствует о глубоком благотворном влиянии русской демократической культуры на духовное развитие абхазского народа, на формирование его интеллигенции. Мы уже говорили

¹⁰² Оно расширяло сеть начальных и средних школ в национальных районах с целью подготовки верных и преданных проводников колониальной политики. Вместе с тем царизм не мог не считаться с тем, что развитие капитализма поставило в порядок дня вопрос об улучшении народного образования.

¹⁰³ ЦГИАГ, ф: 545, д. 986, лл. 79 и сл.

о самом выдающемся представителе первого поколения абхазской интеллигенции С. Т. Званба, который в чине подполковника героически погиб во время Ингурского боя в 1855 году. К этому же поколению относятся Д. Х. Шервашидзе (ум. в 1858 г.) и К. Г. Шервашидзе (1801—1883). Первый — человек замечательных способностей, начитанный, прекрасно писавший по-русски и грузински, «один из умнейших людей в Абхазии»¹⁰⁴. Второй, после ареста в 1832 году и удаления его из Абхазии, всю жизнь находился под «строгим секретным надзором» и в «бедственном положении», что было усугублено его связью с народными восстаниями 1866 и 1877 годов, когда ему с семьей навсегда был запрещен въезд в родной край. К. Г. Шервашидзе был участником составления первого абхазского букваря 1865 года. По этому поводу в газете «Кавказ» писалось: «Содействие в подобном деле вполне просвещенного и развитого абхаза, знающего, кроме природного, и другие языки, было драгоценно. Князь с охотой принял участие в деле комиссии, просмотрел и исправил все статьи, вошедшие в букварь, введя в них много оборотов, исключительно свойственных духу абхазского языка»¹⁰⁵. Старший сын К. Г. Шервашидзе Александр (1868—1968) — выдающийся художник, получил образование в Московском училище живописи, скульптуры и ваяния. Творчество А. К. Шервашидзе формировалось и развивалось прежде всего под влиянием передовой русской культуры. Он внес значительный вклад в развитие русского театрального декоративного искусства. «Та реформа декоративного искусства, которую произвели работы трех лучших декораторов нашего времени — К. Коровина, А. Головина и кн. Шервашидзе, вызывает вполне своевременную потребность в ознакомлении провинции с работами хотя бы одного из выдающихся деятелей современной сцены», — писал Л. Калашников в статье «Одесский салон», помещенной в № 3 столичного журнала «Аполлон» за 1909 год¹⁰⁶. А. К. Шервашидзе в течение многих лет работал в Мариинском театре в Петербурге и постановщиком-художником «Старинного театра». Им оформлялись спектакли также в крупнейших театрах Парижа, Лондона, Мадрида. Десятки произведений художника хранятся в различных музеях страны и частных коллекциях. А. К. Шервашидзе известен также как критик-искусствовед и историк искусства.

Двоюродные сестры Александра Шервашидзе — Елизавета и Мария (Мариам) Александровны Шервашидзе в 70—80-х годах становятся активными участницами народнического движения в Грузии. Елизавета была женой известного грузинского народника

¹⁰⁴ С. Эсадзе. Историческая записка..., с. 151.

¹⁰⁵ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 экспед., 1853, д. 3, ч. 22; ГАКК, ф. 260, оп. 1, д. 1610, св. 199, лл. 1—10, 13, 15; ПА Грузфинла ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 5, д. 470, лл. 153—154.

¹⁰⁶ Цит. по: Б. Аджинджал. Художник А. К. Чачба (Шервашидзе). — «Материалы по археологии и искусству Абхазии», Сухуми, 1974, с. 87.

Михаила Кипиани, за которым последовала в сибирскую ссылку; туда же была отправлена и Мария. Известно также, что Александр Маргания (Маан) был одним из «главных деятелей» революционного кружка, основанного в Кутаисе в 1875 году И. Кикодзе и М. Кипиани¹⁰⁷.

К этому периоду относится и активная деятельность писателя Г. М. Шервашидзе (1846—1918), одного из самых значительных представителей абхазской интеллигенции XIX века. По своим социально-политическим взглядам он примыкал к той части передовой интеллигенции Грузии, которую возглавлял Илья Чавчавадзе. Г. М. Шервашидзе был единомышленником и соратником великого грузинского писателя, сотрудничал в газете «Дрозба». Наряду с общественной деятельностью, он успешно занимался литературным творчеством (стихи, пьесы, публицистические статьи и рецензии), чем внес заметный вклад в грузинскую литературу. Его перу принадлежит также ряд стихотворений и статей на русском языке. Он превосходно владел абхазским, грузинским, русским и французским языками, а также знал английский, немецкий и латинский языки. Георгий Михайлович был прекрасным знатоком истории и языка родного народа. Остро переживая угнетенное состояние своей родины, Г. М. Шервашидзе выступал против колониальной политики царизма. Известны его блестящие выступления и против европейской буржуазной культуры.

Представителем того же общественно-культурного круга являлся Давид Зурабович Чхотуа (1849—1928). В 1871—1875 годах он учился в Петербургском университете сначала на физико-математическом факультете на отделении естественных наук по специальности геология и минералогия, а затем на юридическом. Чхотуа был одаренным публицистом; печатал свои статьи и очерки в передовой грузинской прессе того времени. Самым значительным является его сочинение «Герои поэмы Руставели, их мировоззрение»¹⁰⁸. Он занимался также научным изучением грузинского языка, имел труды и в области естествознания и геологии. Чхотуа горячо защищал интересы национальной школы; поддерживал близкие отношения с И. Чавчавадзе, А. Церетели и др.

Примечательна личность и Д. Г. Анчабадзе (Ачба), который в 1871 году окончил Московский университет со степенью кандидата права и ряд лет был помощником знаменитого русского адвоката В. Д. Спасовича. Он являлся одним из инициаторов создания газеты «Иверия» в 1877 году, находясь на переднем крае борцов за появление этого органа, сыгравшего крупную роль в истории национально-освободительного движения в Грузии. Затем Анчабадзе

¹⁰⁷ Об Ал. Маргания нам пока мало что известно. Кроме отмеченного, знаем только, что он окончил «курс науки в гимназии», был переводчиком Сухумского отряда, два года служил в Самурааканской иррегулярной милиции, 22 августа 1876 года был произведен в чин коллежского регистратора (ЦГВИА, ф. 955 (гр.), д. 1, л. 19 об.).

¹⁰⁸ См.: «Сборник Руставели. К 750-летию «Вепхисткаосани». Тбилиси, 1938.

был активным сотрудником газеты. Видным представителем интеллигенции того времени был также Г. А. Шервашидзе (1808 — 1898), занимающий особое место в развитии абхазской общественной мысли и в истории грузино-абхазских отношений. Он был тесно связан со многими выдающимися деятелями грузинской культуры — И. Чавчавадзе, Д. Кипиани, Н. Николадзе и др. Григорий Шервашидзе активно участвовал в создании абхазского букваря 1865 года и развитии школьного образования на родном языке, что же раз отмечала газета «Дрозба». В 1877 году он отличился в боевых операциях против турецких войск в Абхазии и в том же году был возведен в чин генерал-майора.

Как человек, сотрудничавший с И. Чавчавадзе и Н. Николадзе, известен и воспитанник юридического факультета Московского университета Г. Д. Шервашидзе (ок. 1848 — 1918), который имел высокое служебное положение (в 1889 — 1897 годах являлся тифлисским губернатором, а впоследствии в чине обер-гофмейстера савдывал канцеляриями императрицы). Г. Д. Шервашидзе был другом и покровителем многим писателям и общественным деятелям. Он сам принимал активное участие в общественно-полезных мероприятиях, нередко возглавлял благотворительную деятельность. Его волновали вопросы школьного образования, развития культурной жизни и т. д. В этой связи небезынтересно отметить факт безвозмездной передачи им богатой библиотеки Тбилисскому университету при его организации. Г. Д. Шервашидзе занимался и литературным творчеством.

Появляются первые абхазские учителя. В этом отношении большую роль сыграла Тифлисская александровская учительская школа, открытая в 1866 году, а в 1872 году преобразованная в институт. Еще в начале 70-х годов это учебное заведение окончили Григорий и Алексей Эмухвари, Григорий Шервашидзе, Виссарион Инал-ипа и другие, которые затем успешно вели педагогическую работу в различных школах Абхазии. Некоторые из абхазских учителей получили образование в учительских и духовных семинариях Грузии и Северного Кавказа. В начале 80-х годов свою деятельность начинают выдающиеся абхазские педагоги Ф. Х. Эшба и В. Х. Гарцкия, испытавшие благотворное влияние русской и грузинской культур, подлинныя просветители своего народа. Их педагогические и общественные взгляды формировались под влиянием В. Г. Белинского, К. Д. Ушинского и Я. С. Гогобашвили. Оба они проявили себя и в области научного изучения родного края. Причем Гарцкия, который одновременно был учителем Очемчирского училища и смотрителем-директором Сухумской горской школы, неоднократно подвергался арестам «из-за какой-то рукописи», составленной им. Известны имена и других абхазских педагогов, деятельность которых начинается в конце XIX века. Это — Д. Аджамов (Багратуни), Д. Маргания, М. Бжания, К. Маршания и др. Надо сказать, — писал К. Д. Мачавариани, — что многие абхазцы, получившие образование, оказались прекрасны-

ми деятелями на ниве народного образования...»¹⁰⁹. Формирование светской интеллигенции и ее просветительская деятельность способствовали развитию публицистики, а позже и возникновению художественной литературы.

Наконец из гущи абхазского народа выходит человек, которому суждено было стать основоположником абхазской художественной литературы и создателем абхазского литературного языка. Это — Д. И. Гулиа (1874—1960). Но прежде всего он учительствует и создает, совместно с К. Д. Мачавариани, абхазскую азбуку (1892 год), ставшую с этого момента основным пособием для изучения абхазского языка. При ее помощи Дмитрий Гулиа и написал свои первые художественные произведения. Глубокое влияние на духовное формирование Гулиа оказали творчество классиков русской и грузинской литератур. Бессмертные творения Руставели и Пушкина с самых юных лет привлекали к себе зачинателя абхазской литературы. Особенно близок был ему, крестьянскому парню, Кольцов «с его мотивами крестьянского быта, описаниями сельской природы»¹¹⁰. «...Мне, — писал Гулиа, — приходилось начинать на голом месте. Я при этом имел в виду письменную литературу. Если говорить строго, дело обстояло несколько иначе: ведь существовала богатая устная литература, я изучал русскую и грузинскую литературы. Это уже не «голос доле»»¹¹¹.

Если же резюмировать сказанное о формирующейся абхазской интеллигенции с точки зрения общей оценки ее деятельности, то следует подчеркнуть, что демократическая часть (преобладавшая), этой уже серьезной общественной силы, широко выражала интересы и чаяния своего народа, принимала участие в борьбе за его национальное и социальное освобождение, служила делу просвещения и прогресса, ориентировалась на передовых людей России и Грузии, а некоторые из них внесли и определенный вклад в развитие грузинской общественной мысли и культуры. Это было то общее, что объединяло эту группу абхазской интеллигенции, далеко неоднородную по своему социальному составу и мировоззрению. В заслугу многим представителям абхазской интеллигенции этого поколения должно быть поставлено то, что они в своем стремлении открыты для родного народа путь к знанию вели идейную борьбу с защитниками старины, косности, отживших форм социальной жизни и устаревших воззрений.

В конце XIX века в Абхазии наблюдаются определенные сдвиги в развитии театрального искусства, в создании культурно-просветительских и общественных организаций. Эти факты имели огромное значение для процесса формирования абхазской интеллигенции. Начало театральной жизни здесь относится еще к 60-м годам.

¹⁰⁹ К. Мачавариани. Очерки Абхазии. — «Черноморский вестник», № 34, 12 февраля 1900 г.

¹¹⁰ Д. Гулиа. Идымтакуа, 4. Акуа, 1962, ад. 183.

¹¹¹ Там же, с. 186.

В номере газеты «Кавказ» от 14 мая 1864 года сообщалось о спектаклях любителей (три представления) «в пользу бедных». В номере той же газеты от 1 января 1869 года говорилось о спектакле в Сухуме в фонд открывающейся здесь женской гимназии; пьесы (две) любителями «выполнены были прекрасно». В корреспонденции газеты «Кавказ» от 16 декабря 1868 года сообщалось уже о «наскоро устроенном театре» в Сухуме, который «был отделан удобно и с приличными декорациями». В начале 1874 года любительским же кружком в Сухуме была поставлена комедия Н. В. Гоголя «Женитьба». Театр помещался в «большом деревянном здании», его сцена была «расширена.., зал увеличен»¹¹². В 1876 году, как отмечалось выше, газеты сообщали о сухумских спектаклях в пользу балканских славян. В декабре 1880 года в Сухуме состоялся спектакль, который «удовлетворил самых строгих критиков»¹¹³. В 80-х же годах появляются и первые грузинские труппы любителей сцены в Сухуме, Гаграх, Гудаутах, Очамчире и Окуме. Театральные представления давались на русском и грузинском языках. 17 февраля 1885 года газета «Дрозда» сообщала о двух театральные вечерах, организованных силами любителей сцены в Очамчире, а 21 апреля 1889 года «Иверия» писала о постановке в Сухуме одноактного водевиля Д. Ацкурели «Голодные». В 1889 году была поставлена и пьеса И. Чавчавадзе «Мать и сын»¹¹⁴, а в 1893 году — спектакли «Чашка чаю» (на русском языке) и «Чудак» (на грузинском) А. Цагарели¹¹⁵. В дальнейшем, в 1895 — 1900 годах, грузинский драматический коллектив показывает спектакли «Арсен» (А. Казбеги), «Ханума» (А. Цагарели) и другие.

Прогрессивное направление деятельности любителей сцены в Абхазии сблизило их с видными представителями грузинского театрального искусства. В этом отношении большое значение имели неоднократные гастроли в Сухуме грузинских профессиональных театров. Так, еще в 1886 году здесь выступали тифлисские артисты во главе с выдающимся мастером сцены и режиссером Ладом Алексимешишвили. В 1892 году последним была поставлена также пьеса В. Габуния «Сестра и брат» и Г. Сундукяна «Пепел». Известный грузинский писатель и драматург Шалва Дадияни был режиссером и участником русско-грузинского вечера, проведенного 28 марта 1899 года. Активную роль в развитии театрального искусства в крае играли также Агатия, Терезия и Александра Шервашидзе, Т. С. Сахокиа и др. Значение всего этого в повышении культурного уровня народа трудно переоценить, если к тому же иметь в виду, что грузинская драматургия последних десятилетий XIX века выражала национально-освободительные идеи, обличала пережит-

¹¹² «Кавказ», №№ 2 и 17, 4 января и 8 февраля 1874 г.

¹¹³ Там же. № 19, 24 января 1881 г.

¹¹⁴ В. Ц. 39 წლისათვის. სოხუმის თეატრი, სოხუმი, 1951, გვ. 16-19.

¹¹⁵ «Новое обозрение», 1 февраля, 1893 г.

ки крепостного строя, существовавшие административные порядки, показывала нарастание капиталистических отношений¹¹⁶.

Проводились и другие культурно-просветительные мероприятия. Из газеты «Кавказ» от 21 июля 1874 года мы узнаем о деятельности любительского музыкального кружка в Сухуме, которому любознательной публикой оказывалось «и сочувствие, и поддержка». 24 сентября 1896 года в городе Сухуме «Товариществом гурийских музыкантов» под управлением дирижера И. Думбадзе был дан концерт, на котором присутствовал «почти весь Сухум, и довольно просторный зрительный зал еле вместил всех желавших послушать музыкантов-гурийцев»¹¹⁷. В 1899 году общественность г. Сухума добилась разрешения на открытие «Сухумского музыкально-драматического кружка», а в 1900 году было официально решено организовать на частные средства историко-археологический музей¹¹⁸. В 1892 году в Сухуме в целях осуществления богослужения на абхазском языке была основана Абхазская переводческая комиссия (комитет) для перевода основных церковных книг на абхазский язык. Комиссия, несмотря на идеологическую направленность ее работы, способствовала книгопечатанию на абхазском языке. В 1895 году в Сухуме открылись типография и книжный магазин, а через год, по инициативе местной интеллигенции, в здании типографии начала работать библиотека. Такая библиотека была открыта и в с. Окум, а в Гудаутах — читальня.

В 1894 году в Сухуме создается садовая и сельскохозяйственная организация, в ведение которой перешел и Сухумский ботанический сад. Министерством земледелия и государственных имуществ здесь была устроена опытная станция «для высших культур» и опытное поле, преимущественно для злаковых. С 1895 года на станции в целях содействия развитию культуры табака проводились кое-какие опыты. В 1898 году было организовано «Сухумское общество сельского хозяйства и садоводства», которое с 1903 года начало издавать ежемесячный журнал «Черноморское сельское хозяйство» с приложением листка «Черноморский селянин». В 1899 году в Сухуме состоялась выставка садоводства, плодоводства, табаководства и виноделия, устроенная Кавказским отделом «Российского общества садоводства». В 90-х годах принимаются некоторые меры и по организации медицинской помощи населению. Была создана окружная санитарная комиссия. С конца 90-х годов общественность Сухума, по инициативе профессора А. А. Остроумова, стала требовать открытия в городе больницы, в результате чего в 1902 году начала работать больница на 30 коек. Ей было присвоено имя Остроумова, который, согласно уставу, считался ее «пожизненным попечителем».

¹¹⁶ М. ჯუღერუაძე. ნაბეჭდი... წგნ. I, თაზი III.

¹¹⁷ «Кавказ», № 267, 10 октября 1895 г.

¹¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1284, оп. 187, 1900 г., д. 145, лл. 1, 11.

Названные и другие научные, культурно-просветительские и благотворительные общества, возникновение которых было результатом совместной деятельности представителей демократической русской и местной интеллигенции, сыграли большую роль в деле распространения знаний и культуры. В этот же период началось более обстоятельное изучение истории, археологии, этнографии, культуры, природных богатств Абхазии. Часть этого разнообразного материала, как и ранее, издавалась отдельными книгами и брошюрами, часть же печалась на страницах различных журналов и газет («Отечественные записки», «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Кавказский календарь», «Кавказский сборник», «Известия Кавказского отделения Русского географического общества», «Живая старина», «Русский вестник», «Кавказ», «Тифлиские ведомости», «Обозрение», «Новое обозрение», «Черноморский вестник» и др.). А. Н. Дьячков-Тарасов, автор ряда очерков и статей, посвященных Абхазии, отмечая факт обогащения научного представления об этом крае, писал: «Много сделано русскими для Абхазии за столетие, и сделавшие — живые и мертвые — деятели в Абхазии, конечно, ждут, что современные русские и природные абхазцы дальше продвинули вперед культуру доброго простодушного народа и его прекрасной природы»¹¹⁹.

В 70—90-х годах Абхазию посещают такие выдающиеся деятели русской культуры и науки, как И. Е. Репин, В. В. Врещагин, М. В. Нестеров, В. М. Васнецов, Л. Ф. Лагорно, И. М. Прянишников, А. М. Бутлеров, С. П. Боткин, Н. П. Гундобин, М. К. Сидоров, Н. М. Альбов, А. А. Остроумов, А. И. Воейков, К. А. Сатуниц, А. П. Чехов, А. М. Горький, Г. Я. Седов и другие, с некоторыми из которых, несомненно, встречались представители абхазской интеллигенции, и значение этого факта трудно, конечно, переоценить. Под впечатлением своего пребывания на абхазской земле Чехов написал повесть «Дуэль», а Горький — рассказ «Рождение человека» и «Калинин». В этих рассказах изумителен образ абхазской природы, описание красот осени, дыхания моря, величавых гор. Замечательная природа Абхазии благотворно влияла на творческое воображение многих русских писателей.

В 1886 году Абхазию посещает известный археолог П. С. Уварова и изучает местный материал, а В. И. Сизов в том же году в Сухуме производит первые археологические раскопки на территории Абхазии. Русский кавказовед Е. Г. Вейденбаум, побывав в Абхазии в 1875—1877 и 1888 годах, оставил интересные записки и дневники.

Многие представители передовой русской общественности, служившие на Кавказе, были на стороне местных деятелей, выступавших против социальной и национальной несправедливости.

¹¹⁹ А. Н. Дьячков-Тарасов. Абхазия и Сухум в XIX столетии., с. 195.

Среди них — видный революционер и общественный деятель России и Закавказья 60—70-х годов Николай Ильич Воронов (1838—1888), имя которого было расположено в Цебельде. Это был сподвижник А. И. Герцена, Н. П. Огарева и Н. Г. Чернышевского. Он много сделал для изучения экономики, истории, этнографии, языка и культуры народов Кавказского края. Его сыну Ю. Н. Воронову (1874—1931) принадлежит особое место в развитии отечественной биологической науки; в частности, велики его заслуги в изучении флоры Абхазии. Он известен и как революционер. Участниками революционного движения являлись также его сестры, а одна из них, Людмила Николаевна, в рядах ленинской партии состояла с 1903 года. Усадьба Вороновых («Ясочка») в Цебельде, которая и поныне существует, была своеобразным почтовым ящиком революции и конспиративным «домом отдыха» отважных борцов (М. И. Васильев-Южин, Е. Д. Стасова, П. В. Джанашидзе и др.). Здесь можно было найти «Капитал» К. Маркса, подшивку ленинской «Искры», издания произведений В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, большевистские листовки, личные вещи А. И. Герцена и др.¹²⁰.

Особо должна быть отмечена роль передовых русских учителей. Эти истинные поборники просвещения, беззаветно преданные лучшим прогрессивным традициям русской педагогики, несмотря на полицейскую опеку и контроль администрации, самоотверженно трудились в различных уголках Абхазии, не считаясь с материальными лишениями и отсутствием элементарных условий для творческой деятельности.

В сложных процессах, происходивших в культурной жизни абхазского народа, особую роль играли передовые деятели грузинской культуры. Это было время, когда на историческую арену вышло новое поколение передовой интеллигенции закавказских народов в лице ее лучших представителей — И. Чавчавадзе, А. Церетели, Н. Николадзе, М. Налбандяна, Рафи, Г. Сундукяна, Г. Зардаби и др. Это был период зарождения и первых шагов новых общественных течений в Закавказье, связанных с коренными изменениями, происходившими в социально-экономической жизни края, как и всей Российской империи.

Уже из сказанного видно, насколько тесны были связи представителей абхазской интеллигенции с грузинской культурой, выдающимися писателями и общественными деятелями, национально-освободительным движением в Грузии. Речь идет прежде всего о таких личностях как И. Чавчавадзе, А. Церетели, А. Хаханашвили (Хаханов), Я. Гогешавили, Г. Церетели, Д. Кипиани, С. Месхи и др. Речь идет и о тех грузинских деятелях, которые, живя в Абхазии, внесли большой вклад в развитие культуры и просвещения абхазского народа (П. Чарая, Н. Джанашиа, К. Мачавариани).

¹²⁰ См.: И. П. Лейберов. Цебельдинская находка. М., 1980.

Т. Сахокиа и др.). Кстати, они являлись активными членами «Общества распространения грамотности среди грузин». Некоторые из них поддерживали тесные связи и с прогрессивными русскими общественными деятелями, сотрудничали в русской прессе. Особо следует подчеркнуть роль грузинской прогрессивной прессы («Дрозба», «Иверия», «Квали», «Моамбе» и др.), которая освещала самый широкий круг вопросов, касающихся Абхазии — это прошлое и настоящее края, его культура и народное просвещение, сельское хозяйство и развитие капитализма, колониальная политика самодержавия и национально-освободительное движение, махаджирство, благотворительные общества, грузино-абхазские отношения. Культурная жизнь Абхазии не ограничивалась, разумеется, деятельностью одной лишь интеллигенции. Духовное бытие и мышление, мировоззрение народных масс, не имевших по существу вплоть до начала XIX века своей художественной литературы, отражались в тех культурных ценностях, которые являлись непосредственным результатом коллективной сознательной деятельности самих трудящихся (устное художественное творчество и др.).

В этот период, во второй половине XIX столетия, в условиях развития капитализма и как следствие этого процесса, происходит консолидация азербайджанского, армянского, грузинского народов в буржуазные нации. Те же причины, но в конкретной обстановке Абхазии проявившие себя пока в форме тенденций, довольно ощутительно, обусловили постепенное складывание абхазской буржуазной народности — в условиях общности языка, территории, социально-экономической жизни¹²¹. Эти процессы усиливаются в начале XX века, особенно перед началом первой мировой войны, когда наиболее ясно очерчиваются социальные группы, характерные для классовой структуры буржуазного общества. Заметно консолидируются и культурно-общественные силы абхазского народа, который еще в дореформенный период в целом находился на уровне феодально-патриархального сознания и быта (их пережитки сохраняются и позднее). Решаются многие важные проблемы национальной консолидации, намеченные предыдущим временем.

Однако массовая эмиграция, как уже подчеркивалось, повлекшая за собой большое сокращение, а также «разрыв» абхазского народа и, следовательно, нанесящая огромный ущерб его этническому развитию, оказывала неблагоприятное влияние и на весь последующий процесс исторического развития абхазского народа. Кроме того, образование абхазской буржуазной народности, являвшееся одним из существенных проявлений процесса перехода от феодализма к капитализму, происходило в условиях господства царизма, который препятствовал экономическому, политическому и культурному развитию абхазского народа. Самодержавно-помещи-

¹²¹ Подробнее см.: З. В. Анчабадзе. Очерки этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976.

чий характер Российской государственности делал невыносимым положение трудящихся края, которые страдали как от развивающегося капитализма и многочисленных крепостнических пережитков, так и от гнета колониального режима и национального бесправия. В Абхазии это зло усугублялось исключительно тяжелыми последствиями военных событий на ее территории. Не было ни одной хозяйственной отрасли, которая не находилась бы после русско-турецкой войны 1877—1878 годов в глубоком упадке. И «забота об обучении абхазов грамоте, открытие в крае школ, подготовка первых деятелей просвещения и культуры, о чем говорилось выше, нередко диктовались целями отнюдь не демократического характера.

Трудящиеся Абхазии по-прежнему прозябали в темноте и невежестве. Достаточно сказать, что по переписи 1897 года грамотных в Абхазии было всего лишь 9,8 проц. Как известно, национальная политика царизма 80—90-х годов характеризовалась резким усилением угнетения народов. С другой стороны, нарастание в стране революционной ситуации переместило в области внутренней политики центр тяжести правительственной деятельности в сторону борьбы с революционным движением.

Многие описанные выше явления в жизни Абхазии последнего периода XIX века закономерно сопровождались ростом классового самосознания трудящихся. Мы уже видели, какую роль в этом процессе сыграли самые мощные в абхазской действительности нового времени восстания 1866 и 1877 годов, а также помещичий характер крестьянской реформы. Но прежде чем продолжить освещение данного вопроса с целью его логического завершения, следует подчеркнуть, что вся история Абхазии предшествующего периода, характеризующаяся нарастанием социальных противоречий, пронизана движением протеста крестьянских масс, достигшим перед реформой высокого накала¹²². Обострение антифеодальной борьбы абхазского крестьянства наблюдалось уже с 40—50-х годов XIX века, как непосредственный результат изменений, происходивших в социально-экономической жизни края. Вместе с тем эта борьба органически переплеталась с антиколониальным движением народных масс. Неразрывная связь борьбы крестьян против местных княжеско-дворянских реакционных кругов с борьбой против царского самодержавия была здесь, как и во всей Грузии, характерным явлением классовой борьбы. Последняя же была наиболее существенной из надстроечных явлений, которые играли важную роль в разложении феодально-крепостнической формации и становлении новых отношений.

И самым замечательным было зарождение в Абхазии движения рабочих, кадры которых по переписи 1897 года составляли (вместе

¹²² См.: Г. А. Дзидзария. Народное хозяйство и социальные отношения..., гл. VI.

« батраками и пр.) свыше 12 тыс. человек¹²³ и формировались в силу отмеченного выше социально-экономического развития. Следует подчеркнуть, что рабочее движение в Абхазии с самого начала имело интернациональный характер и связано с борьбой рабочих всей Грузии и русских приморских городов. Таким образом, стремление царизма увековечить отсталость и темноту трудящихся края, попытка изолировать его от революционной борьбы вообще и, в частности, от общероссийского революционного движения не могли задержать ход исторического развития. В 1893 году на мелких лесопильных заводах Самурзаканского участка произошло «брожение рабочих», событие, которое связывали с именем С. Норакидзе, убеждавшим людей «сделать то же, что уже делают рабочие в Поти и Батуме»¹²⁴. Среди рабочих Абхазии в 80—90-х годах революционные идеи пропагандировал Миха Цхакая. Впоследствии, в 1926 году, на июньском пленуме ЦК Компартии Грузии он по поводу своего приезда в Абхазию в 1894 году вспоминал: «Я 32 года тому назад недаром бродил по горам Абхазии, и все-таки пропагандировал, потому что там было много рабочих». Цхакая столкнулся здесь с представителями русского либерально-народничества, которые «имели уклон» к великодержавию и монархизму¹²⁵.

Как видно, в Абхазии бывал и В. К. Родзевич-Белевич, один из созданных в Закавказье русских марксистов, которые в 90-х и начале 900-х годов вели здесь революционную работу. Между прочим, интересуясь вопросами экономического развития Абхазии, он сообщает ценные сведения о рыболовстве, дельфиньем и устричном промыслах¹²⁶. Надо иметь в виду и то обстоятельство, что среди рабочих Абхазии было также немало кадровых пролетариев из разных мест Грузии и России, часть которых уже прошла суровую школу классовой борьбы. Они распространяли здесь известия о революционной борьбе в стране, учили местных рабочих и крестьян бороться за свои классовые интересы. Это было ярким проявлением подлинного интернационализма, развивавшегося на классовой основе.

В 1898 году крестьяне-плантаторы Гумистинского участка, в количестве 100 человек, обратились к правительству с просьбой оградить их от эксплуатации со стороны всевозможных скупщиков и фабрикантов. В 1900 году в Сухуме была образована комиссия под председательством помощника кутаисского губернатора генерала Драгина, которая должна была заниматься регулированием отношений между скупщиками и плантаторами-крестьянами, а

¹²³ См.: Г. П. Лежава. Из истории рабочего класса Абхазии. Тбилиси, 1978, с. 25.

¹²⁴ ЦГИАГ, ф. 37, д. 2367, лл. 209—223.

¹²⁵ Партияны Абхазского обкома КП Грузии, ф. 1, оп. 2, 1926 г., д. 180, лл. 263—268.

¹²⁶ См.: журн. «Весь Кавказ», 1903, № 1.

также между плантаторами-хозяевами и рабочими, когда речь шла о применении наемного труда на табачных плантациях¹²⁷. В 1898 году в местечке Гудаута был подожжен склад табака, принадлежавший торговцу Микеладзе, в результате чего погибло 600 пудов табака, предназначенного к отправке в Керчь¹²⁸.

Основной причиной классовой борьбы абхазского крестьянства в конце XIX века был тот же земельный голод, на который оно было обречено реформой. Крестьяне созывали общинные сходы и обращались в правительственные органы с требованием разрешить им бесплатно пользоваться общинными угодьями и выделить им землю в необходимом количестве. Учащаются захват помещичьих земель, самовольное расторжение кабальных арендных договоров, отказ от арендной платы и всевозможных денежных платежей (земские и мирские повинности). В таких случаях власти прибегают к экзекуциям¹²⁹. В 1887 году крестьянин села Отхара Хойт Айба убил дворянина Бляб и ушел в абреки¹³⁰. В начале 1893 года был убит лыхнинский крестьянин Чичу Лакоба (отец Н. А. Лакоба), который « всю свою жизнь ... провел в кровавой или, вернее, кровной борьбе с князьями и дворянами Абхазии »¹³¹. Кстати, в 1877 году он оказался в числе махаджиров, но вскоре вернулся из Турции, потеряв в пути своего младшего брата. Военные события в Абхазии и эмиграция совершенно разорили хозяйство Ч. Лакоба, и после своей смерти он не оставил « решительно никакого имущества »¹³². В 80—90-х годах крестьян Абхазии десятками отправляли в Сибирь « на вечное поселение » за « беспорядки » и « дурное поведение »¹³³. Так, в июле 1898 года в Абхазии было отобрано оружие, а несколько « ненадежных людей » выслано административным порядком¹³⁴. Этот « коопингент » начинает теперь постепенно расти и за счет рабочих.

В июле 1901 года принцу А. П. Ольденбургскому, как отмечалось, была предоставлена Гагринская дача в 14 тыс. десятин. Этот « захват Гагринской дачи вызвал целую бурю недовольства у абхазцев, аборигенов края, — и для них в Гагры приглашены две ле-

¹²⁷ «Очерки истории Абхазской АССР», ч. I, с. 230.

¹²⁸ «Кавказ», № 74, 19 марта 1898 г.

¹²⁹ В. Д. Авидзба. Указ. соч., с. 19.

¹³⁰ «Новое обозрение», № 3525, 2 апреля 1894 г.

¹³¹ ПЛ Грузфиннала ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 14, оп. 5, д. 246, лл. 39—43. (Краткая автобиография Н. А. Лакоба, 1922 г.).

¹³² Там же.

Среди крестьян, выступавших с оружием в руках против отдельных жестоких помещиков, можно назвать и следующих: Петр Кобахия (Мчич-ипа) (с. Лыхны), Кумач Палба (с. Джирхва), Салуман Бгажба (с. Ткварцели), Хуаршид Адлейба (с. Члоу), Кяпан и Марчиг Барцыц (с. Калдаквара) и др. (См.: Г. А. Дзидзурия. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение, с. 235—237).

¹³³ Л. М. Дзидзигури. Крестьянская реформа в Абхазии (Автореферат кандидат. диссертации). Сухуми, 1953, с. 25.

¹³⁴ И. Н. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Канонитский монастырь, с. 298.

хотные роты... Знает, очевидно, кошка, чье мясо съела? Санаторий на штыках царских опричников! Совсем идиллия». Так писала ленинская «Искра»¹³⁵. В Абхазию проникают вести о борьбе рабочих Петрограда, Москвы, Баку, Тифлиса и других городов. Среди трудящихся края распространяются идеи марксизма-ленинизма. Этому способствовало, в частности, проникновение сюда произведений Маркса и Энгельса, ленинской газеты «Искра» и другой революционной литературы.

Уже в 1902 году в Абхазии возникают социал-демократические кружки, а в 1903 году создается организация под названием «Сухумская группа Батумского комитета РСДРП». Непосредственное участие в ее оформлении принял выдающийся грузинский революционер-ленинец А. Г. Цулукидзе, который связал местных социал-демократов с Батумским комитетом. Примечательно, что в это время в Батуме работали абхазские революционеры Н. Кове (Акаюба) и Б. Агрба — активные участники Батумской демонстрации, а первый являлся и членом Батумской организации РСДРП¹³⁶. Известна также роль Хашима Смырба — абхазского махаджира, в избушке которого в с. Махмудие (около Батуми) И. В. Сталиным в 1902 году была организована подпольная типография¹³⁷. Вспоминая об этом периоде, старый Басят Агрба говорил: «Батумский ветерок пробудил нас, крестьян, и в Абхазии...»¹³⁸. Огромное значение в деятельности социал-демократов Абхазии, как и всей страны, имел II съезд РСДРП, на котором завершился процесс объединения революционных марксистских организаций. Возникла пролетарская партия нового типа, партия большевиков. События первой русской революции, характеризовавшиеся в Абхазии активностью и многогранностью, закалили трудящихся края и дали им большой опыт для дальнейшей революционной борьбы.

Историческое значение борьбы трудящихся Абхазии против социального и национального гнета заключалось в том, что она, будучи одним из звеньев в цепи аналогичного движения в Грузии и Закавказье в целом, смыкалась с широким революционным движением, происходившим во всей империи и расшатывавшим основы социально-политического строя царской России, вступившей на рубеже XIX и XX веков в империалистическую стадию развития.

В противовес союзу русских помещиков и капиталистов с местными помещиками и буржуазными элементами все более укреплялся союз трудящихся России и Абхазии, как всей Грузии и Закавказья. В основе этого союза лежала общность их коренных интересов. Новый период в развитии дружбы и сотрудничества между народами нашей страны начинается, когда главной силой

¹³⁵ «Искра», № 46, 15 августа 1903 г.

¹³⁶ Б. Е. Сагария. Большевики Абхазии в годы первой русской революции. Сухуми, 1977, с. 13.

¹³⁷ [Н. А. Лакоба]. Сталин и Хашим. Сухум, 1934.

¹³⁸ «Советская Абхазия», 9 марта 1936 г.

«Абхазские депутаты» (макдажирь 1867 г.)
Государственный музей Грузии им. С. Н. Джанашви, фотоколлекция Д. И. Ермакова

«Абхазец из Цибельды» (60-е гг. XIX в.)
Государственный музей Грузии им. С. Н. Джавидани, фото-
коллекция Д. И. Ермакова

«Абхазцы» (60-е гг. XIX в.)
Государственный музей Грузии им. С. Н. Джавидани, фото-
коллекция Д. И. Ермакова

Березовый Александр (1913)

«Переселение абхазцев (на Камлахе)»
Гравюра 70-х гг. XIX в. (по В. П. Пачулия)

«Утреннее заседание» в горах. (Продолжение)

«Абхазцы в дороге»
Превьера, Журн. «Русское богатство», 1877, № 20

Рис. Мукаровского «Домашний быт в Абхазии» гравюра Юсса. Журн. «Нива», 1877, № 2

Рис. А. Вальюра, гравюра Цамарского. Журн. «Нива», 1877, № 45.

«Абхазец»

Гравюра Л. А. Серякова. «Иллюстративная газета», 25 апреля
1868 г. (т. XXI), № 16)

Потомок абхазских махаджиров. Анкара, 1975 г.

революционной борьбы становится пролетариат. Русский рабочий класс под руководством Коммунистической партии возглавил героическую борьбу этих народов за свое освобождение и привел их к всемирно-исторической победе над самодержавием, а затем над помещиками и капиталистами.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Судьба махаджиров и преображенная Советская Абхазия

В XIX веке, как видели, в силу различных обстоятельств в пределах Османской империи оказалась значительная часть кавказского населения, состоявшая в своей массе из крестьян, в результате чего произошло весьма существенное изменение этнической карты тех районов, откуда происходили основные эмиграции. Более чем достаточно фактов, говорящих о невероятных страданиях и бедствиях этих переселенцев. Но этим не кончилась трагедия народов «седого Кавказа», пробившихся сквозь толщи тысячелетий, жестоких эпох. Для кавказцев, в огромном количестве очутившихся «под чужим небом», начинается быстрый процесс изживания самого их этнического существа. Достаточно сказать, что еще сравнительно недавно здоровая и воинственная 40-тысячная убыхская народность практически уже сошла с исторической арены.

Переселенцы Кавказа сразу попали в весьма тяжелые экономические и политические условия. Собственно Турция, Египет, Сирия, Ирак, Иордания и Болгария — места расселения основного контингента махаджиров были крайне отсталыми, аграрными странами, где даже в конце XIX века господствовали феодально-крепостнические отношения. Народные массы в этих странах были лишены всяких политических прав. При этом речь идет не только об ассимиляторской политике, проводимой правящими кругами Турции под лозунгом османизма, но также о существовании широко развитой работорговли. Вместе с тем сама султанская Турция превращается в полуколоннию, в аграрно-сырьевой придаток крупных империалистических держав. Социально-экономическая отсталость страны приводит к ее политическому упадку.

Однако по-разному, в зависимости от классовой принадлежности, складывается судьба кавказских переселенцев. Представителям феодальной знати с самого начала отводили наиболее плодородные земли, выделяли значительное денежное пособие, бесплатно строили дома и т. д. Трудящиеся же махаджире нещадно эксплуатировались как своими феодалами, так и турецкими или арабскими помещиками и чиновниками. Из «самых лучших черкесских фамилий» создавались «легионы продажных душ», которые

«железным кольцом окружали своих земляков и предавали их за лишнюю лиру»¹.

Именно представители знати, главным образом, продвигались по административной и военной лестнице. Вот несколько фактов. Генерал Я. С. Проскуров, который с 1842 по 1848 год путешествовал по северо-восточной части Азиатской Турции, имея какое-то официальное поручение, встретился с дивизионным генералом Эрзерумского отряда Гасан-пашой, «природным черкесом, с детства увезенным в Константинополь, где воспитан». Кстати, он «был весьма расположен к... русским». В его свите «находилось несколько офицеров из черкесов, которые всегда и всюду сопровождали его, как своего единомышленника, и составляли лучший его конвой»²... *Сын последнего бжедугского владетельного князя* Тарханы Хаджамукова Хасан Хаджамуков занимал в конце XIX—начале XX века в звании паши пост главного директора военных училищ Турции³, а во времена пребывания Султана Довлет-Гирея в Турции черкес Махмуд Шевкет-паша являлся военным министром и генералиссимусом турецкой армии. Среди других лиц, занимавших видные посты в турецкой армии и в правительстве, можно назвать Мамеда Саид-пашу, Зия-бея⁴, генералов Ахмеда Риза-пашу, Хюсейна Даима-пашу, министра полиции Назым-пашу⁵. Вообще же в Турции в 1910—1911 годах, по сообщению того же Султана Довлет-Гирея, офицерский состав турецкой армии состоял на 30 проц. из «черкесов». Многие кавказские выходцы выступали и на других поприщах. Это были юристы, писатели, публицисты, ученые, агрономы и т. д. Так, писатель Мидхат, который, «несомненно, обогатил турецкую литературу», был родом шапсуг⁶. По происхождению черкес и Юсуф Иззет-паша, который оставил после себя ряд трудов, в том числе трехтомную «Историю Кавказа» и книгу «Старые фракийцы и черкесы». В 1918—1919 годах он был председателем черкесского благотворительного общества в Константинополе⁷.

Но и здесь мы имеем дело, в основном, с политикой заигрывания с переселенческой верхушкой, которой занималось турецкое правительство. Хотя в период русско-турецкой войны 1877—1878 годов кавказские переселенческие массы и не оправдали расчеты правящих кругов Турции, но последние все же надеялись, что мно-

¹ М. Ечерух. Роль кавказских горцев..., с. 145.

² Я. С. Проскуров. Заметки о Турции. — ЗКОРГО, 1905, кн. XXV, вып. 1, с. 25.

³ М. Покровский. Диверсионная деятельность иностранных агентов на Кавказе, с. 236.

⁴ Этот малограмотный человек при султанах Абдул Хамиде II долгое время служил начальником тайной полиции.

⁵ Е. Ечерух. Указ. соч., с. 145; Д. Е. Еремеев. Этногенез турок. М., 1971, с. 172.

⁶ М. Ечерух. Указ. соч., с. 146.

⁷ М. Кемаль. Путь новой Турции, т. II. М., 1932, примечания, с. 380.

гие из этих эмигрантов, питавшие «фанатическую ненависть» к царскому правительству и побуждаемые надеждой «вернуть себе родину», будут надежной опорой султанов⁸.

Характерно было и то, что трудящиеся собственно Турции и входивших тогда в состав Османской империи стран (Египет, Иордания, Болгария и др.) дружелюбно встречали кавказских переселенцев-крестьян и оказывали им посильную помощь и поддержку. Особенно в начале переселения они снабжали их продуктами, брали на воспитание детей-сирот, проводили денежные сборы и т. д. Известно, например, что семье Д. И. Гулиа, когда она очутилась на турецком берегу «в ужасающем положении — без жилья, без еды», руку помощи протянули не только абхазы из ближайших деревень, но и бедные турецкие рыбаки⁹. Английский вице-консул в Трапезунде Билиотти доносил, что по прибытии переселенцев «турецкие женщины приносили им на берег воду, хлеб и даже более существенную пищу»¹⁰. А Николай Ладария свидетельствовал о помощи местных греков переселенцам деньгами и продуктами питания¹¹. Автор статьи «Черкесы в Турции» (Горец) также отмечал, что кавказских переселенцев «на первое время приютили... в болгарских деревнях, в болгарских хижинах»¹². А другой автор, А. В. Елисеев, рассказывая о своем путешествии по Азиатской Турции уже в 1886 году, подчеркивал, что недалеко от вилайета Амасья «встречается интересное поселение греков, разделившее свои земли с кабардинцами»¹³.

Представляет интерес и сообщение упоминавшегося выше капитана болгарского теплохода «Батак» И. Иорданова, который пишет: «Так же от бабушки я слышал о дружелюбном... отношении абазов (абхазов. — Г. Д.) к местным болгарам. Достаточно упомянуть, что жители Малахаты бывали гостями в селе абазов (Абашко. — Г. Д.). Имели место смешанные абазо-болгарские браки...

Дружелюбие абазов... проявлялось еще в том, что абазы, вооружившись, защищали жителей Малахаты» от грабителей, в частности, отступающих турок. «Старые люди вспоминают, как небольшой конный отряд абазов во главе с их предводителем по имени Чичин (в прошлом довольно распространенное абхазское имя Чичин. — Г. Д.) охраняли нашу деревню (Малахату — ныне город Пелсево. — Г. Д.) до последнего момента... И теперь еще людям, проявившим бдительность в охране чего-нибудь, готовность помочь в беде другим, дают прозвище Чичин, имя предводителя абазов, честно охранявших Малахату в давнем 1878 году, стало символом хорошего защитника.

⁸ [П. И. Аверьянов]. Этнографический и военно-политический обзор азиатских владений Оттоманской империи. СПб., 1912, с. 21.

⁹ Д. Гулиа. Автобиография. — Д. Гулиа. Стихи. М., 1964, с. 8.

¹⁰ См.: С. И. Джергеня. Указ. соч., с. 46.

¹¹ Н. Ладария. Указ. соч., с. 115.

¹² «Кавказ», № 134, 7 июля 1877 г.

¹³ ИКОРГО, 1885, т. IX, № 1, с. 197.

— Там живет Чичин, — говорят, указывая на дом добросовестного сторожа бахчи и т. п.»¹⁴.

Против переселенческой политики турецкого правительства и русского царизма выступала общественность Ближнего Востока. Русское посольство в Константинополе сообщало, что ему известна брошюра учителя Ангелова, направленная против переселения, которому придается значение «губительной политики России», и что ему брошюру читали во всех церквях¹⁵. Представители общественности всячески стремились облегчить тяжелое материальное и моральное положение кавказских переселенцев, на которых, не исключая тех из них, кому удалось приспособиться к турецким условиям жизни, смотрели чаще всего, как на чужих людей, изгнанников, лишенных родины. Вот что писал по этому поводу корреспондент грузинской газеты «Квали»: «Один абхазский князь, находившийся в Турции у своего брата-махаджира, рассказывал следующее. В стамбульском кавказском кафе-ресторане собираются для бесед черкесы (так называют там всех кавказцев). Както между одним из черкесов и турком завязался жаркий спор: каждый доказывал другому преимуществу своей нации. При этом черкес, между прочим, сказал: «Мы оторваны от родного источника, живем в чужой стране, однако и здесь неплохо ведем свои дела, но что было бы, если бы мы находились у себя на родине»»¹⁶.

Положение кавказских переселенцев было весьма тяжелым не только в период правления султана Абдул Хаида II (1878—1909), установившего в стране тиранический режим¹⁷, но и во времена сменивших его младотурок. Последние выдвинули великодержавную идеологию «османизма», по которой все население Турецкой империи, без различия национальности и религии, в силу якобы своего «равноправия», составляет «единую османскую нацию». Причем под османизмом понималась и туркизация. Пантуркизм младотурок тесно переплетался с панисламизмом¹⁸.

В парижском журнале „Moussoufinaime, Мусульманин», издававшемся с 1908 года кружком интеллигентных черкесов, живших во Франции¹⁹, содержится исключительно ценный материал, характеризующий тяжелую жизнь трудящихся переселенцев Кавказа

¹⁴ Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1 а, д. 5/24, лл. 51—52.

¹⁵ Цит. по: Х. О. Лайпанов. Указ. соч., с. 126.

¹⁶ „Квали“, № 17, 1895 г.

¹⁷ Это тот свирепый монарх, который воскликнул: «Власть царей не может быть поставлена под сомнение даже на сцене!» — и приказал отрезать язык актеру, исполнявшему роль Гамлета.

¹⁸ А. Д. Новичев. Турция. Краткая история. М., 1965, с. 108—110; «Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока». М., 1970, с. 64—66; Г. З. Алиев. Турция в период правления младотурок. М., 1972, с. 178—202.

¹⁹ О журн. «Мусульманин» (двухнедельном популярном, научно-литературном и общественном) см.: «Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX — нач. XX в. (Материалы...)». Нальчик, 1976, с. 34—39, 223 и сл. При всей своей реакционности, он сыграл и определенную положительную роль.

в султанской Турции в начале XX столетия. Вот что писал зарубежный черкесский прогрессивный деятель Давлет-Гирей Хатококор в 1908 году: «Положение переселенцев стало невыносимым. Куда пойдет бедный переселенец? Кто поможет ему? Для примера возьмем любую деревню в Анатолии и посмотрим, как живут в ней бывшие горцы Кавказа под высоким покровительством мусульманских властей. Попечение о мухаджирах, о котором так красноречиво нам говорили турецкие эмиссары еще на родине, хотя чуть ли не осыпают золотом, выражается в том, что им назначают из Стамбула таких господ, которые высасывают последние соки. Безотрадное турецкой деревни трудно даже себе представить, но деревню, где живут черкесы, невозможно описать. Сказать правду, это сборище нищих и голодных оборванцев, в доме нет ничего... Все мрачно и пустынно кругом. Кажется на первый взгляд, что все жители вымерли, и в деревне нет ни одной живой души... Да, собрание лачуг называется турецкой деревней, а бродящие уныло фигуры — турецкие крестьяне, бывшие некогда кавказские горцы — подданные султана. Они ждут приезда сборщика податей, и не знают, чем заплатить ему». Обращаясь к своим соотечественникам на Кавказе, он продолжал: «Могу сказать от глубины сердца своим землякам, чтобы они берегли родину и ни под каким видом не верили бы разным проходимцам, что в Турции рай. На самом деле там, за редким исключением, всех ждет нищета, позор и голодная смерть»²⁰.

Тот же автор писал в 1910 году: «Некоторым ... хотелось, чтобы я ржал от восторга и плясал бы при виде, как умирают наши мухаджеры с голода и как безнадежно рвутся домой... у меня много родственников и знакомых занимают теперь видные положения в новом правительстве, однако, несмотря на это, я буду говорить и повторять: берегитесь, дорогие единоверцы, переезжать в Турцию; за редким исключением там ждет вас холодная могила... и несчастны те, которые воображают, что в новой стране найдут правду...». В другой статье он заявлял: «Я смею думать, что, напротив, именно Турция и никто больше погубила горцев в нравственном, моральном и физическом отношениях. Притворный и гнусный режим... Нет и нет, Турция не родина нам, а самая злая мачеха... Здесь начинается трагедия жизни... Когда-то, чтобы насолить гяурам, они сманивали черкесов Кубани, но прошло то время, и они им больше не нужны... Если Хамид был деспотом и при нем убивали все мыслящее и хорошее, то теперь фактически не убивают, а душат всякое поползновение к самостоятельности, к инициативе... Мне писали с родины, что опять думают переселяться к нам. Мне не верится и думаю я, что интеллигенция... обязана употребить все меры, чтобы удержать безумцев. Они совершают самоубийство, переселяясь к нам. Могилы для них готовы.

²⁰ «Мусульманин», 1908, № 1, с. 3—6.

В этом отношении они не останутся одиночными. Пусть, по крайней мере, спросят тех, кто побывал в Турции, кто вернулся обратно. Если уж суждено умереть от каких бы то ни было причин, то лучше это сделать на родине, на земле своих отцов, чем в Турции, в стране мрака, четырехугольного ящика. Жизнь здесь тоже квадратная, и горе тому, кто захочет изменить ее... Довольно! Не приезжайте к нам. Живите себе на своей боготворной родине и берегите ее. Нет на свете краше и лучше Кавказа»²¹.

Нельзя не привести и следующие места статьи Хатокогора «Мухаджирский вопрос»: «Вот уже более двадцати лет, как я живу в Турции... Я чудесно знаю, как заботилось Османское правительство при Хамиде, как заботится теперь младотурецкое о тех же мухаджирах, и мне печально, вернее стыдно за так называемых передовых людей, которые, во имя политических побуждений и личного удобства, ни перед чем не останавливаются... Всеми имеющимися у меня средствами буду упрашивать своих земляков не верить подобным статьям, в которых описываются чудеса и тому подобные небылицы, якобы находящиеся в единоверной стране. Это ложь, самая наглая ложь. Я могу не любить Россию по каким-либо причинам, но во имя личной обиды лгать не буду. Я говорил и говорю: берегитесь переселения в Турцию, и вновь повторяю: там ждут вас голод, холод и смерть. Я постараюсь фактическими данными убедить вас в справедливости моих уверений. Помните, что европейцы пользуются нами как темной силой...». В примечании редакции к цитированной статье говорится: «Из многочисленных кровавых страниц турецкой истории последнего времени едва ли не самая кровавая — это история мухаджирства, и да будет упреком совести тем лицам, которые вольно или невольно способствовали гибели своих единоверцев...»²². Султан Довлет-Гирей, в бытность его в Константинополе, был удивлен «теми симпатиями и той глубокой любовью, с которыми черкесы относятся к России...» «Страна, где мы живем — Турция, и страна, где живут наши родные — Россия», — объясняли они ему²³.

О бесправном и тяжелом положении в султанской Турции горских переселенцев известный большевик-революционер С. Г. Буачидзе, выступая с докладом на III съезде народов Терека 23 мая 1918 года в качестве председателя Совнаркома Терской республики, говорил: «Я больше чем два с половиной года провел в Турции²⁴, я видел там эмигрантов-горцев, всех кавказцев, видел, как встречали их турецкие беки, и я с болью в сердце вспоминаю об этих ужасах, когда свободолюбивые горцы убегали от ига наших палачей и искали спасения в Турции. Но и там над ними также

21 «Мусульманин», 1910, № 2, с. 44—45; № 15, с. 332—334.

22 Там же, 1911, № 2, с. 65—67.

23 ЛОААН СССР, ф. 800, Н. Я. Марра, д. 188, л. 8.

24 С. Г. Буачидзе в 1911—1914 годах находился в Турции, где он вел активную революционную работу.

издевались и смотрели на них, как на пасынков, как на «гяуров», они не имели земли, не имели даже голоса на судах. И горцы-эмигранты говорили, что положение их при царизме в России было гораздо лучше, чем в Турции»²⁵.

Естественно поэтому, что поток беженцев из Турции на Кавказ, несмотря на усиление границ и все строгости турецкого и русского правительств, не прекращался вплоть до начала первой мировой войны. Кавказские переселенцы возвращались в свои родные места через черноморские порты (Сухум, Новороссийск, Поты) на парусных лодках и частично по суше — через закавказские районы — отдельными семьями, а иногда и большими группами.

С другой стороны, наблюдается рост классового самосознания кавказской переселенческой массы. В этом процессе велика была роль первой русской революции 1905—1907 годов, под влиянием которой, как известно, начался мощный подъем революционного движения трудящихся Турции.

Весьма показательна была активизация в начале XX века представителей прогрессивной общественности кавказских горских народов, как местных²⁶, так и зарубежных, которые резко критиковали феодально-крепостнический строй Турции и категорически осуждали всякое переселенческое движение в последнюю, а «старых» махаджиров призывали вернуться на родину. Давлет-Гирей Хатокор как бы завещал: «Крепко держитесь за свою родину и никогда не бросайте ее. Тот, кто бежит от своей матери, не достоин называться ее сыном»²⁷. А редактор журнала «Мусульманин» черкес Магомет-бек Хаджетлаше, выступавший под псевдонимом Мбх (М.—Б.—Х.)²⁸, восклицал: «Не забудьте., что Россия для всех одна родина, и живущие в ней все (народы.— Г. Д.) должны быть братьями»²⁹. Основоположник балкарской поэзии Кязим Мечиев в том же 1910 году писал:

Когда посетил я, увидел Стамбул,
Я в Мекке от тягот пути отдохнул,
Но мне показалось, что вновь я родился,
Когда возвратился в мой бедный аул!³⁰

Интересные данные о судьбе грузин в Турции сообщает Г. Н. Казбек (Казбег)³¹ в статье-дневнике «Три месяца в Турец-

²⁵ Цит. по: «Съезды народов Терека. 1918 г. Сборник документов и материалов в 2-х томах». Т. 1. Орджоникидзе, 1977, с. 271.

²⁶ См., например, «История Кабардино-Балкарской АССР...», гл. 31, § 3.

²⁷ «Мусульманин», 1910, № 2, с. 45.

²⁸ В этом нас особенно убеждает его статья «К нашим единоверцам и землякам», помещенная в № 4 «Мусульманина» за 1910 год (с. 98—100).

²⁹ Мбх. О братстве. — «Мусульманин», 1910, № 23, с. 490—491.

³⁰ К. Мечиев. Стихотворения и поэмы. Нальчик, 1962, с. 47.

³¹ Г. Н. Казбек (Казбег) — полковник русского генерального штаба, был направлен в Турцию в качестве члена свиты князя Г. Гурнели, который гостил у аджарского бека Шерифа Химшиашивили.

кой Грузии»³², относящейся к 1874 году. Эта работа была одним из первых достоверных источников, ознакомивших широкую общественность с положением в Аджарии в последний период турецкого господства³³. Вот некоторые выдержки из названного труда Казбека: «В Аджаре костюм... гурийский... В домашнем быту все говорят по-грузински, но все взрослые знают также турецкий язык. Прогресс турецкого языка особенно заметен в последние годы... Неизбежное следствие успеха турецкого языка есть падение грузинского. Уже теперь часто знающих грузинские письма считают в Аджаре единицами... Грамотных на турецком языке также очень мало: рассадник знания — школа — не существует в Турецкой Грузии... На Турецкую Грузию константинопольское правительство смотрит исключительно только как на источник доходов (налогов), и весь здешний административный персонал считает главной и, можно сказать, единственной своею обязанностью исправное собиране податей». В Шавшети, например, «все знают, что их страна оторвана насильственно от Грузии и что религия их отцов была христианская... Жители берегов Чороха говорят самым чистым грузинским языком».

Грузинскому махаджирству и характеристике весьма тяжелого положения грузин в султанской Турции ряд работ посвятил З. И. Чичинадзе, широко использовав собранный им в результате неоднократных поездок «живой материал». Мы уже ссылались на его труд «Великое переселение грузин-мусульман в Турцию...» Определенный интерес для нас представляет и его книга «Грузины-мусульмане и их села в Турции» (Тбилиси, 1913), вышедшая на грузинском же языке. Ряд сведений из жизни грузин в Турции сообщает также Г. Вешапели. Он указывает, что оторванные еще в XVI веке от Грузии, лазы (чаны)³⁴, составляющие этнографическую группу грузин (в прошлом — одно из грузинских племен), несмотря на исламизацию, «сохранили в целом кровь, язык и зем-

³² ЗКОРГО, 1876, кн. X, вып. 1.

Перу Г. Н. Казбека принадлежит также «Военно-статистический и стратегический очерк Лазистанского санджака» (Тифлис, 1876).

³³ Сведения о социально-экономическом и хозяйственном быте Аджарии содержатся также в работе Д. З. Бакрадзе «Археологическое путешествие по Грузии и Аджаре» (СПб., 1878). Представляет в этом отношении интерес и другая его работа — «Заметка о Батумской области» (ИКОРГО, 1880, т. VI, № 2, с. 153—167). Бакрадзе был первым грузинским историком, который в 70-х годах XIX века, посетив Аджарию, исследовал ряд важных вопросов. Основной целью его поездки являлось историко-археологическое изучение края, но в своей работе он местами заостряет внимание и на вопросах хозяйственного быта (Н. Ш. Чиждавадзе. Горное земледелие (полеводство) в Аджарии (по этнографическим материалам) (Автореферат кандидатской диссертации). Тбилиси, 1966, с. 4—5). Некоторые данные об отдельной группе грузинского населения в Турции (1867 г.) находим и у Г. И. Радле — директора Кавказского музея и Публичной тифлисской библиотеки (см.: ИРГО, 1868, т. IV, № 3, с. 236—237).

³⁴ Лазы расселены, главным образом, вдоль южного берега Черного моря, на территории, являвшейся частью древней Колхиды и носящей название «Лазистан» («Современная Турция». М., 1958, с. 30).

лю», что в Турецкой Грузии «общегрузинская ориентация не замерла ... до сих пор», а трагические события первой мировой войны, разыгравшейся и на этой территории, еще сильнее «воскресли... идею национального единства разделенных религией братьев»³⁵. Однако в отношении западных районов Лазистана, как писал Н. Я. Марр, речь шла уже об «окончательной гибели национального самосознания лазов»³⁶; ассимиляция «части лазов была, видимо, близка к завершению»³⁷. Марр, отмечая все особенности жизни отуреченного грузина, с его двойственной ролью и психологией, с его христианскими пережитками и т. д., не мог также не заметить его тягу к Грузии и России, его тоску и тщетные попытки вырваться из чуждого окружения, из-под власти «целкой мусульманской схоластики». Так, Зиабей, из грузин-мусульман, по фамилии Абашидзе, «всеми фибрами привязан к России, влюблен в русскую литературу»³⁸.

Вызывают интерес и данные Генерального штаба подполковника Андриевского, относящиеся к 1908 году. В своей работе «Кавказско-Турецкий район» он писал: «В общем числе турок очень много грузин... жители Посховского участка почти все говорят по-грузински, что объясняется близким соседством Аджарии и Ахалцихского уезда, в котором почти все население, даже не картвельского племени, знают грузинскую речь»³⁹.

Перед первой мировой войной в Турции было основано «Общество распространения грамотности среди турецких грузин»⁴⁰, составляющих крупное национальное меньшинство в Турции, цель которого, разумеется, понятна. Проводились и другие мероприятия, направленные на сохранение родного языка и самобытности. Очень показательны и то, что, вопреки расчетам правящих кругов султанской Турции, во время указанной войны население Южной Грузии «не поддержало турок»⁴¹.

Кавказским переселенцам, которым удалось вернуться в родные края, пришлось владеть жалкое существование. Из эмигрантов не создавали отдельных общин, а причисляли их к уже образовавшимся, куда они, как правило, не шли, и земли им там не доставалась. Махаджиры вынуждены были прибегать к аренде земли на кабальных условиях. В ноябре 1905 года в Сухуме на

³⁵ Г. Вешапели. Турецкая Грузия. М., 1916, с. 6, 48.

³⁶ Н. Я. Марр. Из поездки в Турецкий Лазистан. Впечатления и наблюдения. — «Известия» АН, 1910, VI серия, № 7, с. 625.

Поездка Н. Я. Марра в Южную Грузию состоялась дважды — в 1904 (Шавшети и Кларджети) и 1909 (Лазистан) годах.

³⁷ Д. Е. Еремеев. Этногенез турок, с. 192.

Общее число лазов, проживающих на территории султанской Турции в конце XIX века, превышало 140 000, в 1945 году, по официальным данным, их насчитывалось всего около 50 000 («Современная Турция», с. 30).

³⁸ См.: С. Марр. Поездка Н. Я. Марра в Южную Грузию. Тбилиси, 1949, с. 23.

³⁹ Цит. по: Д. С. Завриев. Указ. соч., с. 174.

⁴⁰ С. Марр. Указ. соч., с. 23.

⁴¹ С. М.-ский. Письма о войне. — «Русские ведомости», 1 апреля 1915 г.

одном из митингов были обсуждены и приняты народные требования к властям. Среди пунктов, выражавших подлинные чаяния народа, имелись такие, как о запрещении царским чиновникам именовать абхазское население оскорбительным названием «вниовное население» (2); о предоставлении права представителям коренного населения занимать должности во всех учреждениях Абхазии (17); о разрешении вернуться на родину абхазам, насильственно угнанным в султанскую Турцию в 1877—1878 годах и возвращении им их участков земли из государственного фонда (4)⁴². В докладе начальника Сухумского округа от 31 августа 1909 года о земельном устройстве в Абхазии говорится: «В округе имеется много абхазских крестьян из числа выселившихся в Турцию и не имеющих вовсе земли и живущих на арендном праве»⁴³.

Но вот свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, которая покончила со всей системой эксплуатации трудящихся огромной страны, в том числе и национальных окраин, испытывавших все «прелести» двойного гнета. Она была встречена с огромной радостью и трудовыми массами Востока, в частности Турции. Вполне понятно, что теперь еще больше усиливается тяга на освобожденную родину зарубежных кавказцев.

М. В. Фрунзе, который на пути между Сунгурлу и Самсуном в январе 1921 года проезжал через почти сплошь занятый черкесскими деревнями район⁴⁴, сообщает следующее о своих встречах с крестьянами: «В деревнях еще теперь есть в живых много стариков, отлично говорящих по-русски. Встречали они нас удивительно гостеприимно; нигде ни за что не хотели брать никакой платы. Очень интересовались событиями в России и особенно на Кубани и Терской области. О революции большинство слышало... Почти повсюду, несмотря на провокационную агитацию, истинный смысл переворота улавливался ими чутьем, и поэтому отношение к Советской России очень хорошее. ...Все старики, помнящие Россию, вспоминают о ней с любовью. «Что, — говорят они, — здесь, разве это жизнь! — ничего не видишь, не слышишь, живешь как зверь». ...Большинство из них, особенно старики, мечтают о возвращении на старую родину. Хотят обязательно послать туда кого-нибудь из своих, чтобы посмотреть на новые порядки и убедиться лично в правдивости беженских рассказов». Правда, М. В. Фрунзе считал, что это — «только платонические мечтания, так как все они осели основательно, и имеют недурное хозяйство...»⁴⁵.

⁴² «Общество друзей», № 2954, 19 февраля, 1905 г.

⁴³ Цит. по: А. А. Олонский, Сельское хозяйство Абхазии перед войной: 1914 г. — «Труды Абхазского государственного музея». Сухуми, 1967, вып. II, с. 52.

⁴⁴ М. В. Фрунзе ездил в Турцию в качестве чрезвычайного представителя Украинской республики для заключения договора с турецким правительством (См.: А. В. Березкин, И. Н. Земсков и др. История внешней политики СССР. 1917—1980. Т. I. М., с. 148).

⁴⁵ М. В. Фрунзе. Поездка в Ангор. — Собрание сочинений, т. I. М.-Л., 1929., с. 336, 337, 339.

Надо отметить, что черкесские, горские вообще, представители с самого начала примкнули к младотурецкому движению, возлагая на него большие надежды. «Партия Молодой Турции состоит в национальном отношении из константинопольских турок, да еще из черкесов и сирийцев, т. е. представителей совершенно разбитых народностей...» — писала в 1897 году выходившая в Брюсселе для Европы газета „Albania“ — орган турецкого правительства⁴⁶.

Кавказские горцы, в том числе и абхазы, принимали участие в национально-освободительном движении турецкого народа. В 1920 году так называемые «черкесские части», главным образом партизанские отряды Эдхема⁴⁷, сражавшиеся в районе Эскишехир, сыграли большую роль в борьбе с греческими оккупантами. Тем не менее кавказские отряды были расформированы, так как по отношению к ним правительство занимало позицию крайней подозрительности и недоверия. С политической арены сошли почти все его представители, игравшие видную роль в начале движения⁴⁸.

Что же мы можем сказать более конкретно об абхазских махаджирах? К сожалению, пока не очень много. Статистика не дает нам даже самых приблизительных данных о них⁴⁹. Как правило, они именуются, как и другие кавказские выходцы — горцы, черкесами⁵⁰. Известно, однако, что основная масса зарубежных абхазов

⁴⁶ Цит. по: «Турецкий сборник...», с. 164—165

⁴⁷ О нем: М. Кемаль. Указ. соч., т. III, Указатели, с. 448.

⁴⁸ Там же, т. II, Примечания, с. 380; Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1 а, д. 5/24, л. 31; ЛОААН, ф. 800, Н. Я. Марра, оп. 6, д. 277, лл. 1—6.

Между прочим, некоторые турецкие абхазы рассказывают и о каком-то крупном крестьянском восстании («борьба за землю») во главе с Хасаном Абаза в период первой мировой войны, когда повстанцы («пресобладал абхазы») подходили к самому Стамбулу (См., например, рассказ Эрола Клыча: Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1 а, д. 5/24, л. 69).

⁴⁹ Давно замечено отсутствие полноценных демографических данных по Турции. Если же говорить о XIX веке, то вопрос о численности и этническом составе ее населения осложняется из-за дефектности переписей населения (фальсификация, подмена национальной принадлежности конфессиональной и пр.). Вот что писал по этому поводу П. И. Аверьянов: «Турция принадлежит еще к тем государствам, которые не имеют сколько-нибудь точных статистических сведений как о своей стране, так и, особенно, о своем населении» («Этнографический и военно-политический обзор азиатских владений Османской империи». Сост. г.-м. Аверьянов. СПб., 1912, с. 3).

⁵⁰ Д. Е. Еремеев. Турция. — «Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока». Отв. ред. М. С. Иванов. М., 1970, с. 30.

Еще в первой половине XIX века этнический термин «черкес» имел в известном смысле собирательный характер. Под этим термином в русской литературе часто понимались не только абазинцы или убыхи, но и совершенно отличные от них по языку другие народы Северного Кавказа (осетины, чеченцы, балкарцы, население Дагестана и т. д.). Аналогичное явление наблюдалось также в западноевропейской печати. Так, Шамиль часто фигурировал как «вождь черкесов». Такое расширенное истолкование слова «черкес» и «Черкесия», принятое в литературе первой половины XIX века, объясняется тем, что черкесы (адыги) в то время были самой значительной этнической группой на Северном Кавказе, оказавшей всестороннее влияние на окружающие их народы (В. К. Гарданов. Общественный строй адыгских народов. М., 1867, с. 17—19). Кроме того, степень изученности кавказских народов оставалась весьма слабой. Слова А. П. Берже,

проживает в Турции, некоторая часть, как увидим ниже, — в арабских странах (Сирии, Иордании и др.) и небольшое число — в северной части Греции (Македонии). Потомки абхазских махаджиров встречаются также в Болгарии, Германии, на острове Кипре и т. д.⁵¹

Турецкие абхазы живут, главным образом, на Черноморском побережье, между городами Стамбул и Болу; причем наиболее компактно — в вилайетах Сакаръя (центр — г. Адапазары) (25 населенных пунктов) и Дюздже (20). Остальные абхазские поселения разбросаны по вилайетам Бурса, Ескишехир, Сямсун, Синоп, Билечик и т. д. По подсчетам абхазского просветителя в Турции Омара Бейгуа (Бююкка)⁵², количество сельских населенных пунктов, в которых живут абхазы, достигает около 200; только в 30 из них живут представители других национальностей (грузины, черкесы, турки). Живут абхазы также в городах Стамбуле, Измите, Анкаре и др.⁵³ По данным того же О. Бейгуа, общее количество абхазов, проживающих в пределах Турции, в настоящее время превышает 100 000⁵⁴, а в названных арабских странах, входивших в состав Османской империи, — около 15 000, из которых небольшая часть недавно, после израильской агрессии 1967 года, переселилась в Америку⁵⁵.

Как уже отмечалось, с самого начала переселения абхазов, как и других кавказцев, наблюдается процесс их денационализации и ассимиляции, тем более, когда речь идет о лицах, вывезенных в качестве рабов или пленных. Вместе с тем немало примеров, когда отдельные из них в силу различных обстоятельств становились виднейшими государственными и военными, а также культурными и общественными деятелями. Так, Хайрадин ат-Туниси (1825—1890; родом из Бзыбской Абхазии), получив

сказанные им в 1857 году о том, что «еще и по сие время Главный Кавказский хребет... вмещает в себе самые разнородные племена и общества, о которых мы имеем очень поверхностные и нередко весьма сбивчивые понятия» (КК, 1857, с. 267, 271), даже в 1922 году, как писал академик Н. Я. Марр, можно было бы «повторить без особой надежды на лучшее» (Н. Марр. Батум, Ардаган, Карс — исторический узел международных отношений Кавказа. Пг., 1922, с. 5). В силу установившейся традиции и понятия в Турции папсенование «черкесы» присваивается всем горцам — выходцам с Кавказа.

⁵¹ Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1 а, д. 5/24, лл. 69, 101.

⁵² О. Бейгуа (Бююкка) обследовал почти все абхазские села Турции. По его данным, в указанных населенных пунктах все абхазы говорят на родном языке; в смешанных же селах из 100 человек не знают его не более 5 человек.

⁵³ Например, в гг. Стамбуле и Измите живет более 2 000 абхазов.

⁵⁴ К. Д. Кудряшев, ссылаясь на данные какого-то «черкесского парламента и др.», в 1926 году количество турецких абхазов определял в 300 000 чел. (см.: К. Кудряшев. Указ. соч., с. 184). Примерно такую цифру называет и В. Кукба (1928 г.) (см.: ЛОААН, ф. 800, Н. Я. Марра, оп. 6, д. 277, лл. 1—6).

⁵⁵ По официальной же турецкой статистике (1964 г.) в Турции проживает всего лишь 10 000 абхазов.

⁵⁶ Приведенные выше сведения сообщены нам О. Бейгуа в беседе во время 37-й Международной ярмарки в г. Измире в 1968 году. См. также: Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1 а, д. 5/24, лл. 88—98.

образование в Стамбуле, Тунисе и Париже, стал выдающимся тунисским государственным деятелем и просветителем. Хайрадин (Тунуслу Хайреддин-паша) был, в частности, главой правительства Туниса, а в конце 70-х годов — Османской империи (великим визирем). Он является автором первой тунисской конституции (1861 г.) и сочинения о политическом устройстве европейских стран, вышедшего в конце 60-х годов XIX века в Тунисе и Париже. С его именем также связано проведение в Тунисе ряда реформ в области экономики, просвещения, культуры и т. д.⁵⁶. К периоду правления Абдул Хаида II относится и деятельность Мухаммеда-паши (Ашхаруа, родом из Гагры) — предводитель морского совета и морского суда, сенатор⁵⁷.

Или же возьмем принца Мехмеда Сабахадина (из фамилии Квацба, р. 1877), который характеризуется как крупный либеральный политический деятель и мыслитель, публицист и оратор, один из главных представителей социальных наук в Турции конца XIX — начала XX века⁵⁸.

Еще в период Крымской войны одним из лучших турецких военачальников считался убух Гуссейн-паша⁵⁹. Маршал Фуал-паша Тхуго, тоже убух по происхождению, ставший во главе «Партии черкесов», противников Абдул Хаида II, был автором известного доклада на имя этого кровавого монарха, в котором смело заявлялось, что более терпеть нельзя подобного управления⁶⁰.

Известный абхазский педагог и краевед С. П. Басария, побывавший в Турции в 1910 году по командировке «Московского общества распространения технических знаний», среди турецких высокопоставленных лиц абхазского и черкесского происхождения отмечает следующих⁶¹: «знаменитый генерал-кавалерист» Абуку

⁵⁶ Осман-бей. Воспоминания 1855 года. — КС, 1877, ч. II, с. 187 и сл.; его же. Биография Хайреддина-паши. — «Новое время», № 989, 25 ноября 1878 г.; Н. А. Иванов. Тунис... в новое время. — «Тунис» (справочник). М., 1978, с. 68; Ю. А. Петросян. Из истории общественно-политической мысли в Турции. — «Краткое сообщение Института народов Азии». М., 1964, № 7, с. 91—93; З. И. Левин. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте. М., 1972; А. Амин. Выдающиеся реформаторы в новое время. Каир, 1948, с. 147—185 (на араб. яз.); M. S m i d a. Khereddine Ministère des Matour. 187—188. Tunis, 1879; Khereddine. Mémoires. t. I. Tunis. 1971.

⁵⁷ О нем: М. Кемаль. Указ. соч., т. I, с. 461.

⁵⁸ Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1 а, д. 5/24, л. 58; Ю. А. Петросян. Младотурецкое движение. М., 1971, с. 201—212, 259, 261—262; О. Г. Инджикян. Буржуазная Османская империя. Ереван, 1977, с. 226—228, 232—236; [Джемаль-паша]. Записка. 1913—1919 гг. Тифлис, 1923, с. 16; М. Кемаль. Указ. соч., т. II, с. 398; [И. А. Гбвса]. Türk vesufları Anadolu, edici İstanbul, 1966, s. 5332.

⁵⁹ М. И. Богданович. Восточная война 1853—1856 годов, т. IV. СПб., 1877, с. 246; И. А. Гбвса. Указ. соч., с. 145.

⁶⁰ См.: ЛОААН СССР, ф. 800, Н. Я. Марр, д. 188, лл. 5—7 об.; I А. Гбвса. Указ. соч., с. 145.

⁶¹ См.: С. Басария. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум, 1923, с. 105.

Ахмед-паша⁶²; морской министр Хуршит-паша; командующий турецкой армией в период Балканской войны 1911—1912 годов Назим-паша Басарь (1882—1913)⁶³; «европейски ученый историк и лингвист, защитник Дардавелл» во время первой мировой войны Юсуф Иззет-паша (черкес)⁶⁴; Гогуа-паша⁶⁵; начальник штаба Ангорской (Анкарской) армии Фези-паша⁶⁶; командующий Дунайской армией Сулейман-паша (Чачба)⁶⁷ и другие, в том числе Осман-паша, «возносимый европейскими специалистами наравне с Наполеоном,.. абхазского происхождения»⁶⁸.

Среди «гражданских деятелей и ученых из абхазов» Басария называет: Хусейн Тосун-бей — «президент черкесо-абхазского меджлиса⁶⁹, всесторонне европейски образованный, крупный политический деятель, один из инициаторов турецкой революции, прошедший 11-летнюю ссылку в Триполи при Абдул Гамиде (выходец из Очемчир)»; Барцыц — «европейски образованный знаток парламентского дела (бзыбский)»; художник Ачба, произведения которой были известны не только в Турции, но и в Америке и Греции, где они выставлялись в 1918 году с успехом⁷⁰.

С. П. Басария упоминает также Бутба и Мкерипа. Профессор Мустафа Бутба (его отец Шахан был родом из Цбельды) вел активную просветительную работу среди абхазской махаджирской массы. Он, в частности, создал для них азбуку (1919 г.), хотя, однако, она и не получила практического применения в условиях Турции⁷¹. С парижским университетским образованием Азизбей

⁶² Дядя Сабахаддина; занимал министерский пост в кабинете, в который входили видные члены либеральной партии (Джемаль-паша. Указ. соч., с. 17).

⁶³ Разновременно был военным министром, командующим армией, губернатором г. Багдада и т. д. (Джемаль-паша. Указ. соч., с. 7—9; Арх. АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1, ад. 5/24; лл. 64—64 об; I. A. Gövsa. Указ. соч., с. 278).

⁶⁴ Он, как отмечалось выше, автор ряда научных трудов, а был председателем «Черкесского благотворительного общества» в столице (М. Кемаль. Указ. соч., т. II, с. 380).

⁶⁵ «Одно время он был турецким посланником в Петербурге. Его однофамильцы живут в Кодорском участке» (С. П. Басария. Избранные сочинения. Сухуми, 1967, с. 26).

⁶⁶ Февзи-паша (Чакмак) (р. 1858). Был он также военным министром, сотрудничал с кемалистами, после победы над греческими оккупантами — произведен в маршалы, в последующие годы — бессемейный начальник генерального штаба (М. Кемаль. Указ. соч., т. III, с. 446).

⁶⁷ Генерал Сулейман-паша (1838—1881) состоял также профессором литературы и директором военной школы в Стамбуле («Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, т. XXXII, № 63, с. 33).

⁶⁸ С. П. Басария. Избранные сочинения, с. 26. См. также: I. A. Gövsa. Указ. соч., с. 297; БСЭ, т. 18, с. 562.

⁶⁹ «По переселению в Турцию абхазы и черкесы сразу заметили результаты грубой турецкой ассимиляции, а потому создали свой парламент — «меджлис», члены которого были Абдул Гамидом частью переселены, частью сосланы в Триполитанскую пустыню... Черкесский меджлис вновь был открыт после Турецкой революции» (С. П. Басария. Абхазия..., с. 106).

⁷⁰ С. П. Басария. Абхазия..., с. 106.

⁷¹ Г. А. Дзидзария. Формирование дореволюционной абхазской интеллигенции. Сухуми, 1979, с. 317—318, 322, 333.

Мкерипа (Мекерипа, Мекер) (абазин по происхождению) — до 1919 года был профессором сельскохозяйственного института в Стамбуле; впоследствии — представитель Анкарского правительства в Москве; автор научных трудов по истории Кавказа, в которых особое место отводится махаджирскому вопросу⁷².

С. П. Басария в конце приведенного выше перечня деятелей Турции абхазского происхождения XIX — начала XX века писал о наличии еще «много докторов, инженеров, пилотов и других специальностей»⁷³.

К этому следует добавить, что в турецких и некоторых других энциклопедиях восточных стран под именем «Абаза» (Абхаз) встречаем целый ряд деятелей (военных и гражданских), о национальном происхождении которых трудно что-либо сказать конкретно, но тем не менее сам термин дает основание для определенных предположений.

Как отмечалось, многие абхазские махаджиры играли активную роль в турецком национально-освободительном движении. Наиболее видным из них был Хусейн Рауф-бей (Ашхаруа) или, как его еще называют, Рауф Орбай (р. 1881), сын названного выше Мухаммед-паши⁷⁴. Он был одним из самых близких соратников Мустафы Кемалья (Ататюрка). Рауф-бей в 1921 году вошел в состав кабинета, а в следующем году был избран вторым председателем меджлиса, а с июля 1922 года по август 1923 года занимал пост главы правительства (председателя Совета комиссаров) Турции. Некоторое время он исполнял также обязанности министра иностранных дел. В 1924 году Рауф-бей вышел из Народно-республиканской партии, стал видным представителем антикемалистской оппозиции и одним из лидеров Прогрессивно-республиканской партии. Указанная оппозиция имела опору среди клерикально-феодальных элементов и компрадорской буржуазии⁷⁵.

Другим важным участником антиимпериалистической борьбы турецкого народа из абхазов был полковник Рушты Кобашь

⁷² Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1 а, д. 5/24, лл. 66—67; С. П. Басария. Абхазия..., с. 106; «Вольный горец» (Тифлис), № 2, 22 сентября 1919 г.

⁷³ С. П. Басария. Абхазия..., с. 106.

⁷⁴ Рауф-бей как один из лучших командиров турецкого военного флота (морское образование получил в Англии), в 1919 году короткое время занимал пост министра по морским делам. Участник младотурецкого движения. Во время первой мировой войны отличился. 30 октября 1918 г. подписал так называемое Мадрасское перемирие. Впоследствии, в президентство Исмета Инёню, он одно время был послом Турции в Лондоне. Рауф-бей в литературе ошибочно, очевидно, в силу указанной выше традиции, часто именуется черкесом (см., напр., М. Кемаль. Указ. соч., т. 1, указат., с. 461; С. И. Аралов. Воспоминания советского дипломата. М., 1960, с. 175).

⁷⁵ М. Кемаль. Указ. соч., т. 1, с. 461—462; К. Ататюрк. Избран. речи и выступления. М., 1966, с. 17, 414; А. Ф. Миллер. Очерки новой истории Турции. М.-Л., 1948, с. 69 и др.; Н. Соколовский. Очерки современной Турции. Тифлис, 1923, с. 55; F. K a n d e m i r. Hatırları ve sövlevemedikleri Ne Rauf Orbay. İstanbul, 1965.

(Бганба). Между прочим, он в 1921 году решительно выступил против переселения части абхазских махаджиров в Грецию⁶⁶.

С. П. Басария в статье «Горцы Кавказа в Турции», опубликованной в газете «Сухумский вестник» 25 января 1913 года, подчеркивал тяжелое положение кавказских переселенцев и их глубокое разочарование. Будучи в Константинополе, Басария беседовал со студентами-абхазами, которые заявили ему: «Мы оставили Асны — «Страну души» — Абхазию, думая сохранить свои национальные особенности, а эти... «тюфяки» совсем хотят отуречить нас; мы теперь настаиваем, чтобы в школах разучивали горское пение, думаем создать свою азбуку, решили не бросать свой национальный костюм». «Было видно, — заключает автор, — что они с горечью на сердце вспоминали свою милую «Страну души». С. П. Басария также заметил, что у абхазов-махаджиров «развита черта именовать вновь заселенные места теми же названиями гор, сел, рек и ущелий, откуда они вышли; напр. в Турции имеются названия наших сел: Джгерда, Члоу, Ачандара и т. д.»⁷⁷ Махаджирь здесь нашли себе и свои «священные места», как, например, Дырпышь — в виде какой-то горы⁷⁸.

Один из первых абхазских языковедов В. И. Кукба во время своей научной командировки в Турцию в 1927 году записал следующий факт. В 1912 году (?) в Константинополе был создан Абхазско-черкесский комитет⁷⁹, который ставил перед собой культурно-просветительные задачи: составление алфавитов и учебников, сбор этнографического материала, организацию национальных игр (скачки и пр.). Но с началом первой мировой войны этот Комитет, можно сказать, переродился, когда власти вмешались в его деятельность с целью придать ей политическую окраску, увязанную с захватническими планами султанской Турции на Кавказе⁸⁰. Однако, как мы видели, стремление турецких правящих кругов превратить кавказских переселенцев в свое слепое оружие оказалось тщетным. Произошло нечто другое.

И вот в связи с отмеченным общим настроением переселенческой массы, в 1920 году в Абхазии «осложняется» махаджирский вопрос. Это было время мрачного господства буржуазно-меньшевистской диктатуры в крае, когда здесь происходила ожесточенная борьба и на почве антинародной, националистической политики меньшевиков. Стал вопрос о заселении свободных, так называемых «фондовых земель». Меншевицкое правительство планировало использовать их по своему усмотрению. Представители же

⁶⁶ Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1а, д. 5/24, л. 54.

⁷⁷ См.: С. П. Басария. Избранные сочинения, с. 26—27, 82.

⁷⁸ Г. Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957, с. 42.

⁷⁹ Султан Довлет-Гирей, побывавший в Константинополе в 1910 году, пишет о переселенческом комитете («Мухаджир комиссия») (ЛОААН, ф. 800, Н. Я. Марра, л. 188, л. 2 об.). По-видимому, здесь и у В. И. Кукба речь идет об одном и том же комитете.

⁸⁰ ЛОААН, ф. 800, Н. Я. Марр, оп. 6, д. 277, лл. 1—6.

«оппозиции» в Народном совете Абхазии предлагали предназначить эти земли преимущественно махаджирам. Начались дебаты.

По вопросу о махаджирах принимается специальная резолюция и на «съезде» абхазской интеллигенции, состоявшемся в феврале 1920 года. Выдвигается требование о перенесении этого вопроса уже «в плоскость практического разрешения»⁸¹. С этой целью 12 июня 1920 года на общем собрании абхазской интеллигенции был создан «Сухумский центральный комитет по делам абхазцев-махаджиров» (Д. И. Гулиа, А. М. Чочуа, В. Т. Анчабадзе, Г. М. Зухбай и др.). Собрание, в частности, констатировало: «Находящиеся в Турции абхазцы были выселены из Абхазии против их собственного желания силой военных обстоятельств во время русско-турецкой войны 1877 и 1878 годов... В настоящий момент махаджиры желают вернуться в Абхазию...»⁸². Комитет 20 августа того же года через профессора Мустафу Бутба, приезжавшего в Абхазию, обратился к «Черкесскому комитету» в Стамбуле, выражая надежду, что совместно с ним будет решаться вопрос о махаджирах, «брошенных судьбой в объятия Турции». Он уверял, что «весь абхазский народ и его интеллигенция всегда думают и думали о своих братьях, находящихся в Турции»⁸³. Еще 24 июня 1920 года на страницах сухумской газеты «Наше слово» было опубликовано обращение Комитета к населению Абхазии, в котором также подчеркивалось, что абхазцы в 1877 году были выселены в Турцию насильственным и обманным путем. Из этого обращения мы узнаем, что незадолго до этого представители абхазских махаджиров обратились к меньшвицкому правительству Грузии и заявили, что «они желают вернуться на родину, в Абхазию». Однако «прошение махаджиров исчезло в Тифлисе»⁸⁴.

Из статьи Д. И. Гулиа «О приезде Мустафы Бутба», опубликованной в газете «Апсны» 28 сентября 1920 года⁸⁵, также выясняется, что М. Бутба приезжал именно по делам кавказских махаджиров, ради чего он около 7 месяцев находился на Северном Кавказе и в Тифлисе, а затем побывал в Сухуме. При этом Гулиа передает рассказ Бутба об абхазских махаджирах, который сводится к следующему: турецкие абхазы сохраняют свой язык, свои обычаи и нравы; имеются единицы с высшим и средним образованием; немало офицеров, встречаются и генералы. Он подчеркивал факт дифференциации среди турецкого абхазского населения, а также их угнетенное положение. Бутба указывал места расселения абхазских переселенцев в Турции и в странах арабского мира. Он ратовал за усиление общения зарубежных абхазов с родиной. Газета «Апсны» и в других случаях обращалась к махаджирскому

⁸¹ Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1 а, д. 4/64, л. 2.

⁸² Архив Абхазского государственного музея, ф. 3, оп. 1, д. 43, л. 130 и сл.

⁸³ Там же, лл. 100—101.

⁸⁴ «Наше слово», № 255, 9 ноября 1920 г.

⁸⁵ См. также в кн.: Д. Гулиа. Исымтакуа. Акуа, 1962, ад. 148—150.

вопросу. В передовой от 28 сентября 1920 года, например, подчеркивалось, что вопрос этот начал обсуждаться активно после революции, когда люди стали выражать откровенно свои чаяния. А несколько раньше, 3 сентября 1920 года, газета сообщала о таком интересном факте. Один из шапсугских (черкесских) махаджиров Хусейн Шамы — весьма образованный поэт, М. Бутба «очень хвалил его». Д. И. Гулиа просил профессора Бутба прислать ему что-нибудь из сочинений Х. Шамы. 11 сентября того же года была опубликована заметка Гулиа «Махаджиры», в которой говорилось о не менее интересном для нас факте. В Ростове-на-Дону в театре была поставлена четырехактная пьеса П. Д. Маргания «Махаджиры», написанная, как полагал Д. И. Гулиа, под влиянием С. Я. Чанба.

Созданное «Махаджирское общество» ставило своей целью содействие возвращению абхазских эмигрантов на родину. Оно существовало некоторое время, имело казначея (А. М. Чочуа) и печать с изображением плывущего к кавказским берегам корабля. Из своих скромных средств Общество выдало 7 000 рублей тому же Бутба. Для сбора этих средств устраивались скачки, игры и т. д.⁸⁶

Один из активных деятелей указанного Общества С. Я. Чанба еще в 1919 году на страницах газеты «Апсны» опубликовал свою пьесу «Махаджиры», вышедшую отдельной книгой в 1920 году. В ее основу легли трагические события 1877 года в Абхазии. В период меньшевистской контрреволюции в крае основоположник абхазской литературы Д. И. Гулиа в стихотворении «Моя родина» писал:⁸⁷

Отчего накинута
Облачную шаль,
Что ты плачешь, родина,
И о чем печаль?
Об уплывших за море,
Об ушедших вдаль,
Отчего ты в трауре
И о чем печаль?
Стыдно ли невежества,
Иль погибших жаль?
Что ж грустишь ты, родина,
И о чем печаль?

В начале 20-х годов, как уже отмечалось, в отношении кавказского, в том числе абхазского, населения Турции была занята позиция крайней подозрительности и недоверия. Некий Халис Дорух-

⁸⁶ Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы. 1965, с. 154—155; Г. Гублиа. Дмитрий Гулиа. Акуа, 1970, ад. 72.

⁸⁷ Цит. по: Х. Бгажба, К. Зелинский. Дмитрий Гулиа. М., 1956, с. 54.

оглы, который именуется себя еще племянником Чипак-бея Дорухоглы Хрис-ипа, в письме от 1 сентября 1924 года из Греции, куда он вместе с другими своими соотечественниками вынужденно переселился в 1922 году, писал на имя председателя Совнаркома Абхазии Н. А. Лакоба: «Четыре года тому назад, когда Вы ездили в Константинополь и Ангору (Анкару. — Г. Д.)⁸⁸, Вам стало известно то тяжелое положение, которое испытывает наш народ. Уже в продолжение 15 лет турки и турецкое правительство, с целью отуречить, преследуют (нетурок) всех остальных народов и в первую очередь нас — черкесов... Теперь, согласно полученным сведениям, проживающих в своих селах, выселяют и поселяют по 1—2 семейства в турецкие села; становится с каждым днем все тяжелее и тяжелее жить нам в Анатолии»⁸⁹. Этот «уплывший за море» абхаз-махаджир также писал: «Наше желание — вернуться в наше отечество, в наши земли, покинутые нашими предками и жить с нашими братьями вместе. Просьба наша заключается — исходатайствовать перед Советской властью о разрешении нам и нашим братьям и сестрам, проживающим в Анатолии, свободно вернуться на Кавказ, в наше отечество»⁹⁰.

Еще более интересно в этом отношении письмо от 30 сентября 1925 года, написанное группой абхазских переселенцев тоже из Греции, где они и обосновались в Македонии (местечко Кайлария, губерния Козани). В нем говорится: «Прошло более трех лет со дня отъезда абхазцев из Турции. Три года жизни в Македонии, полной самых тяжелых испытаний, лишений, невыносимой жизни в непривычном для нас климате. Всегда, еще в Турции, все наши взоры, стремления были обращены к родным аулам Абхазии. Но было не время. Был старый строй, не желавший нашего возвращения к родным горам. Теперь Абхазия свободна и живет своей жизнью, и нас, волею судьбы заброшенных в чужие места абхазцев, более чем когда-либо тянет к свободным горам, к родным семьям, к братьям-абхазцам. Все мы, абхазцы, будучи воодушев-

⁸⁸ Имется в виду поездка Е. А. Эшба и Н. А. Лакоба с группой работников (К. П. Инал-ипа, Е. К. Даменья и др.) в Турцию в октябре 1920 года. Это было после I съезда народов Востока в Баку, созванного по инициативе В. И. Ленина. Решением Совета пропаганды и действия, избранного на этом съезде в качестве руководящего органа, в восточные страны были направлены докладчики и организаторы с целью сплочения сил трудящихся Востока. В Турции, в частности, в это время, как это уже отмечалось, происходили серьезные политические перемены: новое правительство Мустафы Кемала возглавило народное движение за национальную независимость против империалистической интервенции и султанского режима. Советская республика сочувственно отнеслась к справедливой борьбе турецкого народа. Некоторые сведения о поездке в Турцию мы находим у Е. А. Эшба. «Я, — отмечал он, — был во главе особой группы в поездке по Анатолийской Турции, в Ангоре, у Кемаль-паши» (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 124, оп. 2, д. 642, л. 1). А одному из своих друзей рассказывал, что он ездил в Турцию по заданию В. И. Ленина (См.: Г. А. Дзидзария, Ефрем Эшба. Сухуми, 1967, с. 76).

⁸⁹ ЦГАА, ф. 2, оп. 1, д. 4, л. 74.

⁹⁰ Там же, л. 72.

лены одной общей идеей и мечтой: служить свободному абхазскому народу, собравшись общим собранием в м. Кайлария 28 сентября 1925 года, единодушно постановили⁹¹ хлопотать и просить Народный Комиссариат Сов. Соц. Республики Абхазии разрешить нам 700 абхазцам, находящимся в Греции, возвратиться с семьями в родные аулы свободной Абхазии»⁹².

Вопрос о возвращении абхазских махаджиров на родину из Греции обсуждался (информация Н. А. Лакоба) на заседаниях Президиума Абхазского обкома КП Грузии 13 июля 1926 года (170 семейств) и 23 октября 1928 года (150 семейств или 700 душ). В протоколе второго заседания, между прочим, говорится: «Теперь же, в непривычных для них (махаджиров.— Г. Д.) природных и экономических условиях Греции, они находятся в тяжелом положении... Семьи, находящиеся в Греции, состоят исключительно из трудовых крестьян и находятся в постоянной переписке со своими однофамильцами и родственниками, живущими в настоящее время в Абхазии»⁹³.

Хотя вопрос и был рассмотрен положительно, но он оказался не простым. Н. А. Лакоба, выступая еще на I съезде Советов Абхазии (16 февраля 1922 года), подчеркивал: «Переселить турецких эмигрантов очень и очень трудно. Правда, абхазцам, желающим вернуться, никто дороги не закрывает, а попробуй их переселить сюда! Вы думаете, 45 лет живя в Турции, они не обзавелись хозяйством, живут под открытым небом? Там у них всякая домашность, есть деревья, за которыми они ухаживали в течение 45 лет, культурные насаждения, возделанные в поте лица. Вы думаете, так легко все это бросить... Я ничего не имею против того, чтобы как-нибудь чудом вместо 200 тысяч (жителей Абхазии.— Г. Д.) сделалось 10 миллионов населения, но в чудо я не верю»⁹⁴. Были, конечно, и другие причины (финансово-экономические, социально-политические, религиозные).

Здесь уместно еще раз обратиться к словам М. В. Фрунзе, сказанным в адрес черкесских переселенцев, мечтавших о возвращении на родину, что это — «только платонические мечтания», поскольку они «осели основательно, и имеют недурное хозяйство».

За последнее время наши соотечественники в Турции и вообще за рубежом все больше узнают правду о действительном положении кавказских народов, о жизни советских людей вообще. Этому особенно способствуют установившиеся культурные связи Совет-

⁹¹ В протоколе, составленном на этом собрании, подписались 16 человек: Джан Когонна, Кадыр Смыш, Харун Шамба, Махмуд Калтба, Хафиз Авидзба, Махты Ачинба, Бекир Ардзинба, Ферхат Аршба, Нох Харазна, Джамал Акучаба и др.

⁹² ЦГАА, ф. 1, оп. 1, д. 32, лл. 9—10 об.

⁹³ Партархив Абхазского обкома КП Грузии, ф. 1, д. 1, д. 62, лл. 84—85; д. 87, лл. 221—222.

⁹⁴ «Съезды Советов Абхазии. Сб. документов и материалов (1922—1923 гг.)». Сухуми, 1959, с. 99.

ского Союза со странами Ближнего Востока, а также возможность взаимопосещения. А представление о нашей действительности там порой превратное. Это и понятно. Идеологи буржуазии стремятся извратить историю народов Кавказа, изобразить в ложном свете их жизнь. В частности, за последние годы англо-американскими и турецкими историками написано немало книг и статей, в которых фальсифицируются история и современное состояние советских кавказских республик.

Осенью 1975 года в Абхазии побывала, в качестве туристов, группа потомков абхазских махаджиров из Турции во главе с Омаром Бейгуа. Вот что рассказывали о своих впечатлениях от пребывания в автономной республике некоторые члены этой группы (кстати, все они превосходно говорили по-абхазски). Джентга Бганба (Кобаш): «Мы много знали об Абхазии. Знали от наших отцов и дедов. Но мы никогда не думали, что здесь такая прекрасная жизнь. Мы увидели своими глазами, убедились воочию, как по-настоящему свободен, счастлив абхазский народ. Для нас святы те люди, которые помогли абхазскому народу прийти к такой жизни. Нас с нетерпением ждут дома. Вернувшись, мы расскажем все, что видели, слышали здесь. Мы будем рассказывать об Абхазии». Орхан Шамба (Чакар): «Вот уже шесть лет, как я получаю письма с родины моего отца. Я считал, что имею представление о том, что такое Абхазия. Но впечатления от этой поездки превзошли все мои ожидания. Встреча с Абхазией, с этим прекрасным, процветающим краем, с ее землей и небом, с ее людьми, тот прием, который нам здесь оказали, — это все теперь навсегда в наших сердцах»⁹⁵.

Никому уже не удастся скрыть правду от населения Турции. Прогрессивные силы страны, в том числе и представители кавказских переселенцев, начинают выступать за более тесные культурные связи с советскими народами. Более того, наши соотечественники за рубежом, в своей массе, никогда не теряли надежды вновь обрести свою родину. Вот что писал студент-абхаз одного из турецких высших учебных заведений в 1970 году: «Лучше мне не жить на свете, чем пропадает наше абхазское... Благодаря вам (советским абхамам. — Г. Д.) мы спокойны за Отечество свое (Абхазию. — Г. Д.). Ради вас мы живем, существуем на свете... Мы в гостях... Я хочу такого абхаза, который мог бы сказать: «Если даже я умру, не увидев родины своей, то пусть останутся глаза мои после меня...»⁹⁶.

Как родина постоянно звала, манила, тоской захлестывали душу, мысли о ней, рассказывали и члены названной выше группы махаджиров из Турции. «Когда умру, не предавайте мои останки земле, — просил отец одного из них. — Отдайте их морю. Может

⁹⁵ «Советская Абхазия», 23 октября 1978 г. (Говорят потомки махаджиров).

⁹⁶ Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1 а, д. 5/24, лл. 31—32.

быть, волны принесут мои кости к родному берегу». «Души наши голодные и холодные, — говорил другой гость, — тоскуют они по родной земле». Поэтому один из членов группы (Салих Амичба), с большим сердцем человек, на тревожный вопрос близких: «Как ты поедешь, с твоим-то сердцем?» — ответил: «Если бы умер там, это был бы лучший вариант моей смерти»⁹⁷.

Турецкие абхазы, как уже отмечалось, живут преимущественно в сельских местностях. Территория расселения их основной массы — северо-западная часть страны, полоса, примыкающая к Черноморскому побережью, является одной из наиболее населенных и развитых в экономическом и культурном отношении регионов Турции. Природные условия здесь напоминают Абхазию. Издали кажется, что перед вами раскинулись типичные, топушие в зелени садов, села Абхазии, пересеченные речушками и обрамленные голубыми горными цепями. Абхазской деревне здесь, как и повсюду в стране, присуще господство крупного помещичьего и кулацкого землевладения и мелкого крестьянского земледелия. Основное занятие крестьян: табаководство⁹⁸, виноградарство, садоводство и овощеводство. Занимаются они, кроме того, скотоводством, хлебопашеством (кукуруза) и торговлей. Имеются, главным образом в городах, не только мелкие, но и крупные абхазские предприниматели, а также рабочие и интеллигенты (военные, врачи, инженеры, педагоги, журналисты, экономисты, ученые, киноработники и т. д.). В высших учебных заведениях из абхазской молодежи учатся единицы, в средних — несколько больше.

У турецких абхазов, особенно крестьян, сравнительно хорошо сохранились язык, национальные традиции и обычаи⁹⁹. Соблюдаются, например, свадебные, похоронные и другие обряды; справляются некоторые старинные религиозные праздники. Сильны еще, чаще в среде людей старшего поколения, феодальные и даже патриархально-родовые отношения. Большое влияние на абхазское население Турции имеет мусульманство.

У них имеются представители, которые стоят за прогрессивное

⁹⁷ Говорят потомки махаджиров.

⁹⁸ Район Дюздже и окрестности Измита, например, являются одними из мест, где выращиваются лучшие сорта табака.

⁹⁹ В. Кукба в отчете о своей поездке в Турцию в 1927 году, подтверждая, что у турецких абхазов хорошо сохранился язык, отмечал, что национальный костюм и некоторые обычаи уже не соблюдаются. Между прочим, одним из его информаторов был проф. М. Бутба, который подарил ему свою «Абхазскую азбуку». Основной же целью научной командировки Кукба являлась запись убыхского языка и одновременно — выяснение положения абхазов и черкесов в Турции (ЛОААН, ф. 800, Н. Я. Марра, оп. 6, д. 277, л. 1—6).

Один из потомков абхазских крестьянских махаджиров 70-х годов XIX века Эрол Кылыч (Куталия), приезжавший в Абхазию в 1976 году, свидетельствовал, что, например, в его большом селе Соук-су (Джгерда), расположенном в вилаете Сакарья, все без исключения говорят по-абхазски. Между прочим, сам он окончил Стамбульскую коммерческую академию и работает в Стамбуле в качестве экономиста (Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1 а, д. 5/24, л. 69).

развитие своего народа, понимают вред религиозного фанатизма и всевозможных пережитков прошлого в области его социальной жизни, ратуют за просвещение молодежи. Этим реально мыслящих людей глубоко волнует проблема добрососедских советско-турецких отношений и их значение в вопросе общения абхазов и вообще кавказцев двух стран.

В связи с этим следует несколько подробнее сказать об Омаре Бейгуа (Бьююка́) (р. 1899), одном из видных лидеров кавказской эмиграции вообще. Живет он в Стамбуле, родители его — выходцы из села Абжаква (ныне Сухумского района). В прошлом он — инженер лесного хозяйства. Интеллигентный и разносторонне образованный человек. Не распространяясь особенно о его мировоззрении, надо подчеркнуть, что О. Бейгуа ведет большую просветительскую работу среди абхазского трудового населения. Эта деятельность по своему охвату носит универсальный характер. Он интересуется буквально всеми аспектами жизни своего народа — языком, историей, этнографией, фольклором, демографией. Омар составил абхазский алфавит на основе современных турецких и арабских буквенных знаков. Ведет большую изыскательскую работу в архивах и библиотеках страны. Давно занят также сбором фольклорного материала — записал около 6 тыс. текстов. В 1971 году в Стамбуле вышла его большая книга по абхазскому фольклору под названием „Abhaz Mitologjisi Анаç mi?“ Им издан абхазский календарь (1969). Готовит к печати обширный труд, посвященный истории Абхазии. Вызывает интерес и поэтическое творчество О. Бейгуа, образцы которого публиковались у нас на страницах журнала «Алашара»¹⁰⁰. Кстати, по этим произведениям (стихи и поэмы), написанным на хорошем абхазском языке, можно судить в известной мере о судьбе этого языка в Турции¹⁰¹. О. Бейгуа хорошо знает многих наших писателей и ученых. Например, с творчеством Д. Гулиа он знаком со студенческих лет; с драмой С. Чанба «Махаджиры» — по выходу этого произведения. Им проводится большая работа по популяризации наших писателей, в особенности Д. Гулиа, С. Чанба и Г. Шервашидзе (Чачба). Он опубликовал переведенное им на турецкий язык известное стихотворение Г. Шервашидзе «Урада», которое называет «Илиадой». Большую активность проявил Омар в проведении юбилея 100-летия со дня рождения Д. Гулиа в 1974 году, который абхазской общественностью в Турции был отмечен с большим подъемом. Еще в 1969 году в указанном выше календаре был помещен большой портрет народного поэта Абхазии с надписью —

¹⁰⁰ См.: «Алашара», 1967, № 9, с. 64—71; 1968, № 7, с. 45—46; 1974, № 6, с. 87—88.

¹⁰¹ Об этом свидетельствуют также опубликованный Р. Х. Гожба прекрасный фольклорный материал турецких абхазов (см.: «Труды Абхазского государственного музея». Сухуми, 1980, вып. V, с. 38—64) и их письма, которые уже все чаще пишутся на современном абхазском алфавите (см., например, «Алашара», 1974, № 6, с. 91—92; Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1 а, д. 5/24).

«Всемирно известный абхазский писатель и национальный поэт». Стихотворение О. Бейгуа «Перед памятником Дмитрия Гулиа» было опубликовано в журнале «Алашара» (1974, № 6). Не без его инициативы Симбар Бганба перевела на турецкий язык книгу Г. Гулиа «Дмитрий Гулиа. Повесть о моем отце»¹⁰². Большая статья Махшиура Папба о Д. И. Гулиа с его портретом была напечатана в журнале «КАРКАСУА» (1975, № 47). Хотелось бы здесь же привести фрагмент стихотворения О. Бейгуа «Апсны, Апсны!»:¹⁰³

Гори рубахой на плечах —
Нп на мгновенье
Я не подумаю унять
Твое горенье.
Мы, может, встретимся
с тобою —
Наступит время.
Но как до этого стерпеть
Разлуки бремя!
То смерти хочется душе,
То снова — жизни.
Отягощенной
Тяготением к отчизне.
Покуда эти два огня
Сжигают душу,
Я вижу за морем вдали
Родную сушу.

Живут турецкие трудовые кавказцы, в частности абхазы и грузины, в большой дружбе, оказывают друг другу помощь и содействие. Данному явлению способствуют и те общие неблагоприятные условия, в которых находятся они на протяжении длительного времени.

К сожалению, гораздо меньше нам известно об арабских абхазах, а о греческих и других — и того меньше. И все же можно дать небольшую справку и об абхазах, проживающих в арабских странах. Почти единственным нашим печатным источником является статья Л. Кучберия, опубликованная в № 5 журнала «Алашара» за 1971 год. Живя много лет в Москве и Каире, автор имела возможность встречаться со многими студентами и другими лицами абхазского происхождения из названных стран, которые оказались достаточно сведущими информатсрами.

Как мы уже знаем, в свое время многие кавказские махаджеры, не находя ожидаемого «счастья» в собственно Турции, двину-

¹⁰² В. Аюзба, Д. И. Гулиа амышы нырцэтэа аьсуван. — «Алашара», 1974, № 6, ад. 83—84, 91.

¹⁰³ См.: Там же, с. 88.

Перевод с абхазского Д. Чачхалиа см.: «Советская Абхазия», 28 октября 1975 г.

лись на юг — в Сирию, Иорданию, Судан и другие страны арабского Востока. Здесь они осели также колониями. Арабы, как и турки, представителей кавказских народов называют часто одним собирательным именем «черкесы». В Иордании, например, «черкесы» составляют значительный процент населения. О судьбе сирийских абхазов после оккупации их земли (плодородные поля плато Голан) израильскими захватчиками трудно судить; они бежали в Дамаск, в предместьях которого и ютятся в настоящее время. По сообщению (1972 г.) Ахмеда Бакира (Куджба)¹⁰⁴, в Сирии проживает около 1 000 абхазов; одно чисто абхазское село — Момсие было расположено в 5—6 км от г. Эль-Кунейтра. Недалеко от последнего находилось село Гассания. В «Комсомольской правде» за 5 июля 1967 года был опубликован рассказ юноши из этого села по имени Валид Абаза (Маршания)¹⁰⁵. Он в первые же дни израильской оккупации проявил героизм, вступив в Армию народной обороны. Во время допроса (он попал в плен, но вскоре бежал в Дамаск) Абаза твердо заявил, что он любит Советский Союз, а на стене своей камеры выскреб стихи:

Хватит, мать, напрасно лить слезы.
Я умру в строю, как боец.

Как рассказывали нам в Турции в 1968 году и по другим сведениям, часть абхазских беженцев уехала в Америку.

Арабские абхазы занимаются, в основном, земледелием, а также торговлей. Молодежь увлекается службой в авиации, почему среди военных летчиков несмало абхазов. Л. Кучберия, которой довелось беседовать с некоторыми из них, сообщает, что все они прекрасно говорили по-абхазски и очень интересовались Абхазией. В Сирии и Иордании, как известно, национальность не отделяется от подданства. Однако сами кавказцы и их арабские соседи хорошо знают об их происхождении. Многие народные традиции, обычаи и нравы сохранились среди арабских абхазов, но в ряде случаев наблюдается их видоизменение. Имена у них уже арабские. К своей исторической родине — Абхазии они питают большую любовь. В. Кудрявцев, побывавший в 1968 году в Иордании, особо отмечал «теплые встречи с черкесской общиной г. Аммана». Он не мог не почувствовать их «теплое отношение к прежней родине»¹⁰⁶. Один из арабских кабардинцев в своем письме заявляет: «Если бы не думали вновь обрести родину, мы бы не прожили и дня»¹⁰⁷.

В сельской местности абхазы, как правило, двуязычны. В семье говорят на родном языке, в школах учатся на арабском. Напри-

¹⁰⁴ А. Бакир в Москве окончил Университет Дружбы народов им. Лумумбы, а затем аспирантуру при Институте сердечно-сосудистой хирургии АМН СССР, неоднократно бывал в Абхазии.

¹⁰⁵ «Побег из-под пыток» (записал А. Г. Гагарышев).

¹⁰⁶ В. Кудрявцев. Страна сложной судьбы. — «Известия», 2 марта 1968 г.

¹⁰⁷ Цит. по: А. Х. Касумов. Разные судьбы, с. 58.

мер, абхазы и кабардинцы, приезжавшие на Московский фестиваль молодежи 1957 года, говорили хорошо на родном языке. Но в городах положение несколько иное. Об этом свидетельствует и Ауши Иззадин Джяткар (Арутаа или Арутба), который, будучи студентом Киевского медицинского института им. акад. А. А. Богомольца, побывал в Абхазии в сентябре 1977 года¹⁰⁸.

К приведенным данным о сирийских абхазах есть возможность восполнить новыми данными, связанными с поездкой Госансамбля народной песни и пляски Абхазии в Сирию в 1979 г. и приездом к нам в 1982 г. группы сирийских абхазов (Шараф, Валид и Хайсам Абаза и Ахмед Бакир). Прежде всего следует отметить, что в Сирии артистов Советской Абхазии приняли исключительно тепло. На концерты пришли и многие потомки кавказских выходцев-махаджиров. Был такой случай. В Дамаске к концу концерта один из этих махаджирских отпрысков, врач Шараф Абаза (Маршания), крикнул на весь зал: «Да здравствует Лешин! Спасибо ему за то, что дал свободу моему народу». Представляет большой интерес и беседа посланцев Абхазии с генерал-лейтенантом сирийской армии Мамадухом Абаза (Маршания), который родом из названного выше многострадальной Гассании — «густозаселенного абхазского села». «Многие наши села, — рассказывал он, — были захвачены, некоторые стерты с лица земли. Раньше, когда жили все вместе, старались не забыть родной язык, мы и дома строили по абхазскому обычаю». Между прочим, на счету летчика-истребителя М. Абазы в ту пору было четыре сбитых израильских самолета американского производства. Его младший брат Валид (Валид) тоже военный — подполковник. Это тот Валид, о котором говорилось выше. Действительно, он еще в школьные годы весьма отличался в рядах партизанских частей. Село Гассания дало стране и других замечательных воинов. Это — генерал авиации Кукба, полковник танковых войск Руфет Чичба, подполковник Ауаз Кукба и т. д.¹⁰⁹

В 1977 году в Сухуми побывал и один абхаз из Хартума, столицы Судана, по имени Омар Ахмед Осман. В 1972 году он окончил Университет им. Лумумбы в Москве, а впоследствии поступил в аспирантуру. В Сухуми Ахмед приехал как раз в связи с работой над диссертацией. По его рассказу, в Хартуме проживает много абхазов, а также черкесов (абадзехов). У них сохранился язык, который является семейным. Носят и национальную одежду. Для проведения традиционных праздников собираются в созданном им «Абхазском клубе»¹¹⁰.

¹⁰⁸ См.: Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1 а, д. 5/24, лл. 82—82 об., 84.

Согласно семейному преданию, предки Джяткара жили в Абхазии, «возле поляны, где происходят традиционные скачки» (с. Лыхны?), а переселились в Турцию в 70-х годах XIX века, откуда попали в Сирию, после же израильской оккупации — в Иорданию.

¹⁰⁹ А. Аргун. На древней земле Сирии. — «Советская Абхазия», 18 августа 1979 г. Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1 а, д. 5/24, л. 85.

¹¹⁰ И. Мархольна. Судантан аьсуа. — «Аьсны Кагъшь», 1977 ш., сентябр, 23.

В Египте почти нет абхазов, хотя профессор М. Бутба в 1920 году, рассказывая о расселении абхазов на Ближнем Востоке, указывал и на эту страну — Египет (Мсыр)¹¹¹. Но здесь распространена фамилия Абаза, имеющая интересное происхождение. Как сообщает Л. Кучберия, на почве работорговли сюда лет 150 назад попали 24 абхазские девушки из-под Сухуми. Согласно семейному преданию Абаза, они вскоре пополнили коллекцию жен некоего шейха Хасана из Йемена. Шейх этот в Египте, в силу ряда благоприятствовавших ему обстоятельств, стал весьма богатым человеком и видной фигурой. С течением времени положение абхазок в большой и обеспеченной семье шейха стало настолько сильным, что его самого и всех его потомков назвали Абаза. Интересно и то, что и современные отпрыски Хасана Абаза считаются братьями. Эта фамилия стала распространенной также в Сирии и Иордании, но египетская ветвь считается самой большой и самой могущественной из всех этих семейств. Она состоит из 800 членов. Влияние абхазок выразалось и в том, что они внедрили в разросшуюся семью Хасана и в семьи связанных с ней фамилий свои обычаи и порядки. Газета «Таймс» семью Абаза назвала даже «племенем».

Из этой фамилии вышло немало государственных деятелей, специалистов в самых различных областях. Известны имена выдающихся артистов, писателей, журналистов, юристов, бизнесменов из рода Абаза. Представители данной фамилии живут во всех странах Европы. Если говорить о прошлом, то можно указать, что Абаза принимали участие, например, в национально-освободительной борьбе египетского народа 1879 — 1882 годов против английских колонизаторов, возглавляемой Ахмедом Араби-пашой. Ахмед-паша и Сулейман-паша Абаза входили в состав первого египетского парламента. Один из Абаза был преподавателем королевского военного колледжа.

В мае 1968 года город Сочи посетил президент Арабской республики Египта Гамаль Абдель Насер. Среди сопровождавших его лиц был один из отпрысков названных Абаза — Фикри Абаза, тогда — главный редактор журнала «Альмусавата» и член Каирского муниципалитета. Выступая на приеме, он заявил: «Я наполовину абхазец, сухумец. Моя бабушка была абхазка. Дедушка был араб, и поэтому одна моя половина здесь, другая — там. От имени моей прекрасной абхазской половины я приветствую гостей во главе с президентом Гамаль Абдель Насером», которого Фикри по достоинству охарактеризовал, как «великого арабского героя»¹¹².

Кроме того, многие абхазы живут в различных городах Западной Европы, в частности, в Федеративной Республике Германии (например, в Трире их несколько сот). Это, главным образом, рабочие, приехавшие на заработки из Турции. Среди них ведется усиленная работа по дезинформации. Когда осенью 1979 го-

¹¹¹ См.: «Атсыны», 1920 г., сентябрь 28.

¹¹² «Красное знамя» (Сочи), 8 мая 1965 г.

да перед ними выступил Государственный заслуженный ансамбль песни и танца Абхазской АССР, они были поражены и необычайно взволнованы. На прощанье с нашими артистами они заявили: «Рассказ об Абхазии нас обрадовал... Наши общие родные песни, спетые здесь вами, пленили нас, и мы поняли: раз вы так поете, то и живете хорошо»¹¹³.

Внимание зарубежных абхазов к нашей республике и вообще к Советскому Союзу, о чем говорилось выше, объясняется не только национальными чувствами. Потомки кавказских переселенцев начинают узнавать, что в СССР их единокровные братья имеют свою государственность, учатся на родном языке, издают свои газеты, журналы и книги, развиваются наука, национальное искусство. А там они всего этого лишены. Студент-абхаз турецкого вуза, о котором упоминалось выше, пишет: «Вы, наши братья, находящиеся на Родине нашей — Алсны, счастливы своими радио, газетами, журналами, школами, институтами. Мы рады за вас, гордимся вами»¹¹⁴.

Журналист Вл. Алпенидзе однажды, возвращаясь на Родину после путешествия по Африке и Европе, в Стамбуле встретился с потомками абхазских махаджиров, которые также выражали свою радость по поводу того, что в Абхазии «есть все — и школы, и книги, и газеты». У одного из них он увидел фотографию Д. Гулиа, а когда они разговорились, тот даже стал читать стихи народного поэта¹¹⁵.

Таким образом, зарубежные абхазы, говоря словами народного художника СССР Мартироса Сарьяна, сказанными в адрес «разбредшихся по всему миру» армян, «имеют разное гражданство, но сверхчеловеческими усилиями стараются оставаться жителями одной и той же «духовной территории», — оставаться верными своему происхождению, своей истории, языку, культуре, своему опаленному веками духу и справедливому чаяниям»¹¹⁶.

Они, конечно, многого еще не знают о Советской Абхазии. Край, ранее бесправный, само название которого было официально вычеркнуто царскими колонизаторами, превратился в братской семье Грузинской ССР и всей могучей Советской державы в цветущую автономную республику с развитой промышленностью, многогранным сельским хозяйством и высокой культурой — национальной по форме, социалистической по своей сущности. Абхазская республика в 1935 году была награждена орденом Ленина за выдающиеся успехи в социалистическом строительстве, в день ее 50-летия — орденом Октябрьской революции, а в связи с 50-летием

¹¹³ А. Аргун. Экзамен на зрелость в мастерство. — «Советская Абхазия», 8 декабря 1979 г.

¹¹⁴ Архив АИЯЛИ, ф. 1, оп. 1 а, д. 5/24, л. 31.

¹¹⁵ Вл. Алпенидзе. Потомок Прометея. Слово о Дмитрие Гулиа. — «Советская Абхазия», 13 сентября 1974 г.

¹¹⁶ См. предисловие М. Сарьяна к кн.: С. Капутикян. Караваны еще в пути. М., 1969, с. 7.

образования СССР — орденом Дружбы народов. Абхазский народ, как и ранее отсталые горские народы Кавказа, с победой социализма сформировался в социалистическую нацию.

Такой же счастливой жизнью живут и те абхазы, предки которых в результате махаджирского переселенческого движения осели на территории Аджарии. Количество их по всесоюзной переписи населения 1970 года равнялось 1361 чел., из них 982 считают родным языком язык своей национальности¹¹⁷. Живут они в основном в г. Батуми и в близлежащих селах: Мнатоби (Махмудие), Урехи, Ферие, Кведа, Самеба (Фезие), Ангиса, Минда, Кахабери, Адлие и Чарнали. Встречаются здесь представители фамилий Чамба, Шамба, Асадзба, Ацамба, Кайтанба, Лазба, Смырба, Агрба, Азухба, Лейба, Папба, Ардзынба, Гумба, Тарба, Цугба, Чыргба, Авидзба, Куадзба, Нанба, Ачукба, Тужба, Аргун, Ашба, Абдиба, Арыдба, Гечба, Акуджба, Арымба, Акудба и др.¹¹⁸ Аджарские абхазы хорошо знают, «откуда вышли их отцы». Это — Аацы, Сухуми, Абжаква, Келасури, районы, ранее занятые прибрежными садзами-джигетами¹¹⁹, и т. д. Знают они также, что предки их попали туда в разное время и находились в весьма неблагоприятных условиях. Главным занятием абхазских махаджиров здесь вначале было табаководство, затем занимались также кукурузоводством и скотоводством, а впоследствии еще садоводством и огородничеством. В их жизни важное значение, кроме того, имели рыболовство, охота, различные домашние промыслы и т. д.¹²⁰ Среди махаджиров чувствовалось сильное влияние мусульманской религии, которая ставила целью ассимиляцию этого населения. Но абхазы постепенно сближались с местным, грузинским населением, шел процесс их взаимовлияния.

Среди аджарских абхазов было немало революционеров и отважных борцов за Советскую власть в крае. За годы Советской власти в жизни аджарских абхазов, как и всего населения автономной республики, произошли коренные изменения. В настоящее время значительная часть абхазов, проживающих в Аджарской АССР, является колхозниками, часть работает в совхозах, на промышленных предприятиях, в школах и больницах, в учреждениях

¹¹⁷ «Итоги всесоюзной переписи 1970 года», т. IV. М., 1973, с. 261.

О речи абхазов, проживающих на территории Аджарской АССР, см.: Э. К. Кизба. Особенности речи батумских абхазов. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси, 1980.

¹¹⁸ Ш. Д. Мхал-ина. Абхазы, с. 47; С. Л. Зухба. Ацара инхо ацсуаа рыбзавара акимто. — «Современное абхазское село. Этнографические очерки». Тбилиси, 1967, с. 222 — 225, 228; Г. Г. Колешавидзе. Абхазы Аджарской АССР. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1978, с. 17.

¹¹⁹ Среди аджарских абхазов значительно распространены садзские — джигетские фамилии. Интересно, что например, основа фамилии Акудба обнаруживается в составе топонима Кудеяста (букв. ущелье Кудбовых||Акудбовых) (Х. С. Бгажба. Этюды и исследования. Сухума, 1974, с. 161).

¹²⁰ Подробнее см.: Г. Г. Колешавидзе. Хозяйственно-бытовой уклад абхазов, проживающих в Аджарии (вторая половина XIX — нач. XX вв.). Сухума, 1978.

науки и культуры. Среди них встречаются замечательные ученые, инженеры, врачи, учителя, моряки, передовики промышленности и сельского хозяйства, Герои Социалистического Труда¹²¹.

Вот рассказ одного из знатных людей Аджарии, чаевода колхоза имени Махарадзе села Ферия Хелвачаурского района Л. Кутба: «Как в родной большой и дружной семье живут и трудятся в нашем колхозе люди разных национальностей — грузины, русские, армяне, украинцы, абхазцы. Всех нас объединяет одно стремление — принести как можно больше пользы своему колхозу, народу, Родине. Живет наша семья здесь давно — с тех пор, как мой прадед переселился сюда из Сухума. Местные жители тепло приняли новосела, оказали ему поддержку. А сейчас в селе Ферия около ста абхазских семей. Среди абхазцев десятки замечательных чаеводов, цитрусководов, в том числе Екатерина Ашба»¹²². А Герой Социалистического Труда З. Чамба пишет: «Колхоз имени Тельмака села Цинсвла — один из крупнейших в Хелвачаурском районе. Здесь единой семьей живут и трудятся грузины и абхазцы, украинцы, азербайджанцы, армяне и люди других национальностей. С давних пор живут здесь около 20 семей абхазцев»¹²³.

Что касается абхазов, переселившихся на Северный Кавказ в результате махаджирства XIX века, то они вместе с другими абхазско-абазинскими этническими группами, обитающими здесь издавна и уцелевшими от переселения в Турцию, образовали абазинскую народность, которая после Октябрьской революции создала письменность на родном языке. В настоящее время абазины живут в 15 селах Карачаево-Черкесской автономной области, а также разбросаны в Адыгейской автономной области¹²⁴. Общее количество абазинского народа, ближайше родственного абхазам, — более 25 000 человек.

Советский опыт разрешения национального вопроса показал, что только социализм может обеспечить подлинное равноправие и свободное развитие народов.

Произошли известные изменения и в тех зарубежных странах, где проживают наши соотечественники. Всегда был велик интерес советских людей к этим странам. С особым и дружеским вниманием стали относиться они к нашему южному соседу — Турции после того, как там народ по примеру народов нашей Родины поднялся на революционную войну с интересентами и их султанскими прислужниками, которых изгнал из страны, отстоял свою незави-

¹²¹ С. Л. Зухба. Указ. соч., с. 228; «50 лет Абхазской АССР. Стенографический отчет». Сухуми, 1972, с. 91—92.

¹²² Л. Кутба. В родной семье. — «Советская Абхазия». 16 июля 1971 г.

¹²³ З. Чамба. К новым рубежам. — Там же, 16 марта 1972 г.

¹²⁴ Большая часть абазин, занимающая аулы Ипжикчун, Кубина, Эльбурган, Псауча-Даха, Псыж, Тапанта, Карапагва, Абаза-хабль, Малоабазинский, Красновосточный и Квайдан, говорит на тапантском диалекте, а меньшая часть, занимающая аулы Старокувинск, Новокувинск, Апеуа и Абалакыт, расположенные на берегу рек Большого и Малого Зеленчуков — на ашхарском диалекте.

симось и начал строить новое, республиканское государство. Как мы видели, не стояли в стороне от этих событий и потомки кавказских махаджиров. Напротив, они принимали активное участие как в национально-освободительной борьбе, так и революционном движении народов Ближнего и Среднего Востока. В ходе этого процесса росли их революционно-демократические силы.

Шли годы, в странах Востока происходили новые важные перемены. Однако, например, отдельные турецкие историографы нередко пишут о тяжелом положении трудящихся страны; в их трудах содержится критика политики правящих кругов в рабочем и крестьянском вопросах. Положение же наших соотечественников за рубежом усугубляется национальным гнетом, рассчитанным на заторможение духовного развития трудящихся масс национальных меньшинств. Достаточно сказать, что по турецкой конституции (1961 года) все граждане Турции считаются турками. Официальная турецкая статистика игнорирует вопрос о национальном составе страны, подменяя его данными о распределении населения по языковой принадлежности¹²⁵. Иногда национальный состав населения определяется данными по вероисповеданию. Так поступает, например, видный турецкий географ Бесим Даркот. Поскольку в Турции 98 проц. населения исповедует ислам, он на этом основании считает всех мусульман турками, объясняя таким образом «однородный состав населения», «национальное единство» страны¹²⁶. По официальным данным наблюдается убыль численности отдельных национальных меньшинств и в абсолютных цифрах. Так, черкесов в конце XIX века было 450 000, в 1927 году стало 96 000, в 1960 году — 63 000, а в 1965 году — 57 000. Причем термин «черкесы», как уже отмечалось, объединены горские народы Кавказа. Численность лазов уменьшилась с 63 000 в 1935 году до 27 000 в 1965 году¹²⁷. В 1965 году в Турции, по официальным данным, насчитывалось более 85 000 чел., говоривших по лазски, причем 26 000 называли лазский язык родным¹²⁸. Интересны данные о грузинах и абхазах, приводимые О. Гигинейшвили. По переписи 1935 года, в Турции грузинский язык своим родным считали 120 578 чел., в 1945 году — 87 063, в 1950 году — 143 027, в 1955 году — 80 639. Абхазский же язык считали своим родным в 1945 году — 8 602 чел., в 1950 году — 17 200, в 1955 году — 12 745. Автор, на основании анализа материалов переписи и прессы, а также

¹²⁵ В. бюллетенях переписей нет графы «национальная принадлежность», она заменена графой о родном языке. Такая постановка, естественно, приводит к искажению картины национального состава Турции и значительному преуменьшению численности национальных меньшинств. К тому же в условиях национального неравноправия многие представители национальных меньшинств предпочитают скрывать свою национальность, свой родной язык.

¹²⁶ См.: Б. Даркот. География Турции. М., 1959, с. 56—57.

¹²⁷ «Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока», с. 77—78; «Турецкая республика (Справка)», М., 1975, с. 30.

¹²⁸ Б. გაგინეიშვილი. ქართველი მოსახლეობა თანამედროვე თურქეთში. — „მშობლივნი“. თბილისი, 1972, № 6-9, გვ. 535-537.

данных путешественников, полагает, что в действительности в Турции число людей, считающих, в частности, грузинский язык своим родным, превышает 500 000 чел.¹²⁹ На территории Турецкого Курдистана проживает около половины всех курдов, составляющих 5—6 млн. Однако по официальным данным в 1950 году их числилось 1 855 тыс. чел., а в 1955 году — 1 680 тыс. Те национальности, которые говорят на языках тюркской группы, во время переписи просто отнесены к туркам. Например, туркмены, составлявшие в середине XIX века около 15 проц. населения Малой Азии, даже не упоминаются турецкой статистикой¹³⁰.

В действительности в современной Турции продолжают проживать более 25 национальностей, а собственно турки составляют около 80 проц. страны¹³¹. Эти национальные меньшинства подвергаются всевозможным ограничениям. И речи не может быть об автономии, о праве обучения на родном языке и т. д.¹³² Более того, всякая самостоятельная общественно-политическая деятельность национальных меньшинств преследуется властями. Надо сказать, что процесс национальной ассимиляции (туркизации) усиливается с развитием экономических связей, особенно тех этнических (национальных) общностей, которые были уже частично ассимилированы турками¹³³. Мы уже не говорим об общем социально-экономическом положении трудящихся как рассматриваемой группы, так и всего населения страны. Достаточно сказать, что по доходу на душу населения Турция занимает 78-е место в мире¹³⁴; не имеют возможности учиться около 630 000 турецких детей, достигших школьного возраста¹³⁵.

Однако, несмотря на националистическую политику, проводимую в странах проживания кавказских переселенцев, последние,

¹²⁹ *Ե. Յոզեֆի Թեօօլ օ. Յիլեքսըրն օւրդըլլօ լըւըրժան.* — «Խոքնիճօ», № 57, 8 մարտի, 1967 թ.

¹³⁰ М. П. Победина, В. В. Цыбульский. Афганистан, Иран, Турция. М., 1961, с. 142; «Турецкая республика...», с. 30.

¹³¹ До первой мировой войны в Турции, представлявшей собой многонациональное государство, нетурское население составляло около 50 процентов. Война внесла резкие изменения в национальный состав населения страны, в первую очередь за счет потери Турцией всех ее владений, населенных арабами. Армянское же население подверглось чудовищному уничтожению. По явно заниженным данным международного комитета, обследовавшего положение турецких армян, из общей их численности 1 600 тыс. человек было перебито 1—1,2 млн.; успело бежать на русский Кавказ 182 тыс.; часть бежала в Египет. (Б. Данциг. Турция, М., 1949 с. 128—129). По оценочным данным за 1970 год, в Турции проживает примерно 30 млн. турок; все же население страны по переписи 1970 года — 35,6 млн. человек (Д. Е. Еремеев. Этногенез турок, с. 221).

¹³² В 20-х годах были попытки открыть в Стамбуле черкесские и курдские школы, а также издавать газеты и художественную литературу на этих языках. Это движение возглавлялось черкесской и курдской интеллигенцией. Однако турецкая администрация пресекла подобные попытки («Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока», с. 77, прим. 38).

¹³³ Там же, с. 55.

¹³⁴ И. Угольков. Горькая статистика. — «Правда», 8 декабря 1970 г.

¹³⁵ «Правда», 23 августа 1972 г.

как уже отмечалось, стремятся сохранить свою самобытную культуру и язык, сохранять и развивать лучшие народные традиции. Главное же, они — оптимисты. Поэтому и понятно желание прогрессивно настроенной части зарубежных кавказцев, в том числе и абхазов, установить более тесные культурные связи с народами Советского Союза. И вся прогрессивная общественность указанных стран сознает необходимость дальнейшего развития отношений с Советским Союзом. Профессор Стамбульского университета Джакит Таниол, говоря, в частности, о советско-турецких отношениях, пишет, что они должны зиждиться именно «на принципах добрососедства и дружбы, основы которых заложили В. И. Ленин и К. Ататюрк»¹³⁶.

Что касается руководства нашего государства, то оно, как подчёркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, последовательно осуществляет заветы великого Ленина, «который придавал огромное значение установлению дружественных отношений Советской страны с народами Востока, особенно с соседними странами, ... и впредь будет делать все зависящее от него для того, чтобы границы нашей страны со всеми нашими соседями... были и оставались границами мира, дружбы и плодотворного сотрудничества»¹³⁷. В частности, как писал Л. И. Брежнев по случаю 100-летия со дня рождения основателя и первого президента Турецкой Республики Мустафы Кемала Ататюрка, «в Советском Союзе считают, что традиции мира, дружбы и плодотворного сотрудничества между СССР и Турцией, заложенные В. И. Лениным и М. К. Ататюрком, были и остаются прочным фундаментом, на котором развиваются советско-турецкие отношения»¹³⁸.

¹³⁶ См.: Там же, 10 августа 1975 г. (На принципах добрососедства).

¹³⁷ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речь и статьи. М., 1973, с. 303—304.

¹³⁸ «Правда», 19 мая 1981 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АБНИИК — Абхазский научно-исследовательский институт краеведения (Сухуми).
- АВПР — Архив внешней политики России (Москва).
- Аз. ч. — Азиатская часть.
- АИЯЛИ — Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР (Сухуми).
- АКАК — Акты, собранные Кавказскою археологическою комиссиею (Тифлис).
- БСЭ — Большая Советская Энциклопедия.
- ВУА — Военно-Ученый архив.
- ГАКК — Государственный архив Краснодарского края (Краснодар).
- ГИАЛО — Государственный исторический архив Ленинградской области (Ленинград).
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения (СПб.).
- ЗКОРГО — Записки Кавказского отдела Русского географического общества (Тифлис).
- ЗКОСХ — Записки Кавказского общества сельского хозяйства (Тифлис).
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей (Одесса).
- ЗУКМШ — Записки Ученого комитета Морского штаба (СПб.).
- ИРК — Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Грузинской ССР (Тифлис).
- ИРГО — Известия Русского географического общества (СПб.).
- ИКОРГО — Известия Кавказского отдела Русского географического общества (Тифлис).
- КК — Кавказский календарь (Тифлис).
- КС — Кавказский сборник (Тифлис).
- КСХ — Кавказское сельское хозяйство (Тифлис).
- КФ ЦГИАГ — Кутаисский филиал Центрального государственного исторического архива Грузинской ССР (Кутаиси).
- КЭС — Кавказский этнографический сборник (Москва).
- ЛОААН — Ленинградское отделение Архива АН СССР.
- МСКМО — Медицинский сборник Кавказского медицинского общества (Тифлис).

ОР ГБЛ	— Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (Москва).
ООВПХК	— Отчет Общества восстановления православного христианства на Кавказе (Тифлис).
ПСЗРИ	— Полный свод законов Российской империи (СПб.).
ПСС	— Полное собрание сочинений.
РО ГПБ	— Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ССВВК	— Сборник сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе (Тифлис).
СЗМ	— Сотрудник Закавказской миссии (Сухум).
СИЭ	— Советская Историческая Энциклопедия.
СМОМПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (Тифлис).
ССК	— Сборник сведений о Кавказе (Тифлис).
ССКГ	— Сборник сведений о кавказских горах (Тифлис).
ЦГАА	— Центральный государственный архив Абхазской АССР (Сухуми).
ЦГАВМФ	— Центральный государственный архив Военно-Морского флота (Москва).
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов (Москва).
ЦГАОР	— Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР (Москва).
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив СССР (Москва).
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).
ЦГИАГ	— Центральный государственный исторический архив Грузинской ССР (Тбилиси).
ЦПА ИМЛ	— Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (Москва).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- А. Л. (Леонид, Кавелин А. Л.) 458
 Аали-паша (Мехмед-Эмин) 173, 285
 Абаза В. А. 505, 507
 А база (Маршания) М. 507
 А база Ф. 508
 Абаза Х. 508
 Абаза Ш. 507
 Абашидзе З. 490
 Абдул Азиз 323
 Абдул Хамид П. 96, 308, 334, 348,
 485, 494
 Абиц Смел 230
 Абиц Сомех
 Абиш Г. 279
 Аболтин В. 420
 Абрамов Я. В. 17, 199, 205, 220, 222,
 224, 417—419
 Абряцкий А. Д. 83, 132
 Аbugба Х. 397
 Авалиани А. 161
 Авалиани С. Л. 277
 Аверкиев Н. 194, 230
 Аверьянов П. И. 120, 138, 212, 484,
 492
 Авидзба А. 422
 Авидзба В. Д. 301, 423, 479
 Авидзба Д. 369
 Авидзба Н. 391
 Авидзба С. 422
 Авидзба-Капба О. О. 369, 380, 392
 Агаян Ц. П. 54
 Агнашвили Б. 155
 Агрба Б. 480
 Агумаа К. 405
 Агумаа Х. 397
 Аджамов (Баграгуни) Д. 470
 Аджинджал Б. 468
 Адлейба Х. 499
 Ажиба Д. 410
 Ажиба Ш. 410
 Айба Хоит 479
 Айвазовский И. К. 84, 346
 Акиев Х. А. 325
 Акулов Н. П. 112
 Акшба П. 382
 Акыртаа М. 477
 Александр I 35, 40, 42, 79
 Александр II 145, 147, 176, 179, 189,
 198, 214, 215, 251, 255, 273, 274,
 283—295, 296, 299, 302—304, 323
 Александр III 188, 422, 441, 442
 Алексеева А. П. 199
 Алекси-Месхишвили Л. 472
 Алиев Г. З. 323, 485
 Алиев У. 132
 Алпенидзе Вл. 509
 Армюглу Ф. 155
 Алферов С. А. 406
 Алхазов (Алхазашвили) Я. К. 318,
 327, 338, 339, 340, 346
 Альбов Н. М. 474
 Амин А. 494
 Амичба С. 503
 Андерсен М. 310
 Анненков М. Н. 457
 Анrep И. P. 64, 87, 429
 Антелава И. Г. 19, 256, 270, 299, 319,
 426, 428, 460
 Анчабадзе З. 154
 Анчабадзе З. В. 1, 83, 270, 298, 476
 Анчабадзе (Ачба) Д. Г. 469
 Анчабадзе Д. М. 360
 Анчабадзе М. (Г.) 152, 349
 Анчабадзе Мурзакан Э. 71

* Указатель в сравнении с первым изданием дается в несколько сокращенном виде.

- Анчабадзе Тамара 391
 Анчабадзе (Ачба) Т. 217
 Анчабадзе Ш. 371
 Апрельев П. В. 99, 224, 225, 243
 Аракчи П. И. 350, 351, 362, 368—371,
 374, 393, 421, 426, 435
 Аралов С. И. 496
 Аргун А. 507, 509
 Арен Е. 328
 Аркас А. А. 345
 Ассим-паша 393
 Астафьев М. И. 236
 Ахведиани Д. 343
Ахмед-паша Абул 495
 Ахмет-паша 330
 Ахобадзе В. 404
 Ацкурели Д. 472
 Ашуба М. 377, 397
 Ачба, худ. 495
 Ачба Д. 371, 392
 Аш И. К. 61

 Бакст О. И. 22
 Бабич П. Д. 179, 181, 182, 184, 338,
 345, 346
 Баджелидзе А. К. 325
 Баграцион-Мухравский И. К. 135, 137,
 145, 147, 151, 153, 154
 Багриновский В. И. 113
 Бахрадзе Д. З. 216, 411, 413, 416, 489
 Бахрадзе Г. К. 450, 451
 Балуев Б. П. 400
 Бандья (Мехмед-бей) И. 119, 164,
 166, 168
 Бароци 225, 228, 240
 Бартоломей Н. А. 137, 139, 176, 197,
 255, 296, 466
 Барцыц 495
 Барцыц К. 479
 Барцыц М. 479
 Белятинский А. И. 159, 164, 167, 168,
 176, 179, 183, 186, 189, 197, 198,
 249, 255
 Басария С. П. 72, 136, 291, 373, 374,
 494—497
 Башенев Н. 21, 177, 180, 207
 Бгажба С. 479
 Бгажба Х. С. 466, 499, 510

 Бганба (Кобаш) Д. 502
 Бганба С. 505
 Бегутов В. О. 143, 144, 146, 159, 160
 Бейгуга (Бюйока) 405, 493, 502, 504,
 505
 Бекир А. 506
 Белинский В. Г. 80, 470
 Белл Д. С. 10, 18, 65, 103, 107—103,
 112
 Беллик 217
 Белов Е. 102
 Белов Н. И. 373
 Белоус И. 350
 Беляев Н. И. 77, 322
 Бердзенишвили Н. А. 269, 325
 Беренс Л. М. 453
 Берже А. П. 17, 42, 45, 120, 134, 159,
 163, 177, 179, 185, 189, 191, 200,
 202, 203, 205, 211, 213, 219, 221,
 222, 225, 228, 231, 233, 241, 242,
 243, 373, 374, 492
 Берков И. 137, 152, 213
 Бернацкий А. А. 443
 Бескровный Л. Г. 160, 323
 Бестужев И. В. 24, 126, 155, 156, 158
 Бестужев П. А. 76
 Бестужев-Марлинский А. А. 65, 74,
 75, 80, 83, 84
 Бжания М. М. 470
 Бжания Ц. Н. 460
 Биллотти 368, 372, 379, 381, 484
 Бисмарк 279
 Блиев М. М. 50, 60
 Бобровский П. 179
 Бобринский А. В. 441
 Богданович М. И. 123, 137, 142, 143,
 155, 494
 Борк 356
 Бороздин К. А. 17, 120, 139, 141, 143,
 147, 154, 156, 159, 249
 Боткин С. П. 474
 Брежнев Л. И. 514
 Брокгауз Ф. А. 87, 109, 137, 165, 187,
 207, 247, 460, 464, 495
 Брокс А. А. 112
 Броневский С. М. 83
 Броссе М. И. 83, 116, 243
 Буачидзе С. Г. 487

- Будберг А. И. 68, 87, 92, 114, 260
 Бурчуладзе Е. Е. 140, 152, 156
 Бутба М. 495, 498, 499, 503, 508
 Бутба Ш. 495
 Бутенев А. П. 111, 169
 Буткевич Н. 363, 367
 Бутлеров А. И. 474
 Бухаров Д. 99, 104
 Бушуев С. К. 28, 85, 98, 100, 102, 103,
 106, 107, 109, 119, 121, 129—132,
 140, 163, 174, 175, 178, 307, 308,
 312, 409
- Варгас-де-Бедемар А. 430
 Вардан (Вардания) Ч. 277
 Васильев-Южин М. И. 475
 Васнецов В. М. 47
 Васюков С. 352, 443, 455, 456, 465
 Вахушти З.
 Введенский А. Н. 94, 266, 290, 304,
 313, 316, 354, 363, 364, 369—371,
 422, 434, 437
 Вебстер 37
 Вежховский М. 111, 112
 Вейденбаум Е. Г. 80—82, 130, 197,
 325, 474
 Велости 379
 Вельяминов А. А. 47, 59, 78, 106, 113,
 176
 Венюков М. И. 190, 200
 Верещагин А. В. 64, 430, 431, 433, 435
 Верещагин В. В. 474
 Вешатели Г. 325, 489, 490
 Вильгельм IV 105
 Вилькенский Л. В. 217
 Витгенштейн Ф. З. 440
 Витте С. Ю. 188, 291, 373, 442, 444
 Владыкин М. В. 37, 96, 177, 179, 433
 Воган Ч. 103
 Воейков А. И. 456, 463, 474
 Волкова Н. Г. 197
 Вольховский В. Д. 76
 Воронов Н. И. 475
 Воронов Ю. Н. 475
 Воронова Л. Н. 475
 Воронцов М. С. 45, 48, 52, 66, 85, 104,
 125, 126, 129, 131, 144, 176, 198,
 266, 428
- Воронцов-Дашков И. И. 444
 Ворцель Н. 112
 Выйме А. А. 440
- Габуння В. 472
 Гавриил (Г. М. Кикодзе) 71, 72, 303,
 355
 Гагарин А. И. 180
 Гагулия (Дзугу-ила) Ц. 360, 370, 371
 Гаджиев В. Г. 27, 245, 246
 Гаевский К. А. 329, 331
 Гамба 116, 117
 Гамисония К. В. 425, 460, 461
 Гангелов (Гангелядзе) А. С. 43, 76
 Ган К. Ф. 451
 Гарданов В. К. 492
 Гаррачи Ф. 110
 Гарцкия В. X. 470
 Гачечиладзе Р. 512
 Гегия И. 361, 370, 466
 Гейман В. А. 191—193, 278, 289, 292,
 435
 Гейнс К. 188, 190
 Генко А. Н. 4
 Герман В. 459, 460
 Герсамия С. 472
 Герси 102, 110, 264
 Герцен А. И. 26, 73, 75, 121, 245, 246,
 475
 Гечба (Геч) Решит 96, 187, 192, 206,
 222, 344, 364, 365, 433
 Гёвса И. А. 494, 495
 Гибаль П. 42, 80, 259, 264
 Гигивейшвили О. 512, 513
 Гирс Н. К. 335
 Гласков 110
 Гнедич А. 452
 Гобарт (Хабар)-паша 346, 367
 Гогешавили Я. 414, 470, 475
 Гоголь Н. В. 472
 Гогуа-паша 495
 Гожба Р. X. 504
 Гозелашвили 83
 Голицын Г. С. 442, 444
 Головин Е. А. 63, 70, 74, 78, 87, 246
 Гольдсמיד 302
 Горлов 308
 Горт Ж. 307

- Горянов С. 306
 Горчаков А. М. 164, 169
 Горчаков М. Д. 55
 Горец 222, 233, 234, 448
 Горький А. М. 474
 Горюшкин Л. М. 29
 Готье (де Риньи) 117
 Граббе П. Х. 63, 78, 193
 Грабовский Н. Ф. 52, 213
 Грамотин 147
 Гранат 22
 Граве А. И. 389, 390, 391, 414
 Грибоедов А. С. 73, 268
 Григорьев В. Н. 53
 Гуатас-ила А. 136, 160, 369, 380, 381
 Гублин Г. 499, 505
 Гугушвили П. В. 256
 Гукасянц Л. 424, 439, 441, 446
 Гуля Г. Д. 10, 405, 505
 Гуля Д. Г. 62
 Гуля Д. И. 4, 10, 382, 383, 405, 471, 484, 498, 499, 504, 505, 509
 Гуля У. (Д.) 382, 383
 Гумба А. 419
 Гумба С. 419
 Гумба Х. 422
 Гундобин Н. П. 474
 Гунна Ч. Х. 425, 434, 436, 460
 Гуртели М. 39
 Гурко И. В. 343
 Гуссейн-паша 328
 Гуссейн-паша (убых) 488
 Гучуа В. 319
 Гюльденштедт И. А. 94

 Давлет-Гирей Хатококор 486, 487
 Дадлиани Георгий 142, 143
 Дадлиани Григорий 153, 155, 156
 Дадлиани Д. 145
 Дадлиани Е. 138, 141, 142, 147, 156, 157
 Дадлиани Нико 55
 Дадлиани Ш. 472
 Данциг Б. 513
 Даниялов А. Д. 24, 26, 50, 125
 Даркот Б. 512
 Даскалов 229
 Дебедур А. 37, 310

 Делба А. 371
 Дервиш-паша 408
 Дефоктей 240
 Джавахишвили (Джавахов) И. А. 46, 442, 445
 Джанашиа Н. С. 399, 476
 Джанашиа С. Н. 32, 135, 215
 Джаткар (Аругаа, Аругба) А. И. 507
 Джегелия К. 419
 Джемаль-паша 494, 495
 Джергения А. 397
 Джергения З. 444
 Джергения С. И. 368, 372, 379, 381, 484
 Джимов Б. И. 90, 91, 113
 Джонуа А. 405
 Джулиани В. Ю. 254
 Дзагуров Г. А. 16, 202, 203, 209, 213, 218, 295
 Дзадауа Г. (И.) 360
 Дзапш-ила З. 360
 Дзапш-ила У. 275
 Дзария (Дзидзария) Алексей 366, 444
 Дзария (Дзидзария) Аджгирий 397, 444
 Дзидзария Г. А. 14, 19, 35, 51, 69, 73, 74, 82, 83, 113, 256, 260, 271, 299, 449, 455, 476, 479, 495, 500
 Дзиаш (Дзейш) И. Баракай-ила 89, 171, 173, 187
 Дзидзигури Л. М. 300, 479
 Дизраэли (Биконсфильд) 308
 Диксон 171
 Добровольский-Евдокимов 190
 Добролюбов А. Н. 26, 27, 47, 59, 73, 245, 246, 355
 Довлет-Гирей С. 189, 198, 214, 374, 420, 483
 Додт 36
 Долгорукоев В. А. 114, 144, 146, 160
 Дондуа В. Д. 269, 325
 Дондуков-Корсаков А. М. 421, 423, 445
 Крагин 478
 Лрию Э. 310
 Дроздов И. 190, 219, 220, 243
 Друг А. 375
 Дружинин Н. М. 26

- Дружинина Е. И. 207
 Дубровин Н. Ф. 20—22, 123, 124, 269
 Дудко А. П. 355
 Думбадзе И. 473
 Думбадзе М. К. 28—31
 Духовский С. 59, 185, 186, 192, 239
 Дьячков-Тарасов А. Н. 17, 73, 183,
 197, 213, 257, 261, 277, 290, 313,
 315, 353, 374, 432, 474
 Дюбуа де Монперэ Ф. 60, 99, 105,
 259, 264
 Дюма А. 266
 Дюмезиль Ж. 7, 230, 261
 Дюпре А. 115

 Евдокимов Н. И. 191, 199, 202, 205,
 208, 209, 214, 279
 Елисеев А. В. 484
 Еремеев Д. Е. 207, 490, 492, 513
 Ермолов А. П. 12, 40, 41, 44, 53, 54,
 56, 59, 73, 189, 259
 Ермолов А. С. 444, 452, 463, 464
 Ефрон И. А. 87, 109, 137, 165, 187,
 207, 247, 460, 464, 495
 Ефремидзе М. 33, 115
 Ечерух М. 96, 225, 240, 252, 483

 Жордания О. К. 270

 Завадский М. Р. 466
 Завадский Ф. 95
 Завриев Д. С. 416, 440, 490
 Загурский Л. 197
 Зайончковский А. М. 21, 125
 Зайончковский П. А. 77, 78, 188, 322,
 426, 442
 Закхинг О. 355
 Зайцевский Е. П. 84
 Залесский С. А. 304
 Замойский 165
 Зан-Уко (Зан-оглу) Сефер-бей 66,
 102, 103, 111, 119, 131, 150, 160,
 164—166, 168
 Зардаби Г. 475
 Засс 45
 Зах К. И. 113
 Звамба М. 423
 Званба С. Т. 75, 81, 82, 95, 153, 154,
 244, 262, 468
 Званбая С. 360
 Зеллянский К. Л. 499
 Зиновьев В. 450
 Зиссерман А. Л. 124, 127, 163, 189,
 197, 243, 304, 319, 335, 344
 Зухба С. Л. 217, 411, 412, 510, 511
 Зыков 318, 322, 327, 336, 338—340,
 349, 358, 362

 Ибрагимбейли Х. М. 19, 23, 24, 28, 43,
 93, 106, 120, 122—124, 131, 137, 147,
 149, 157—159
 Ибрагим-паша 67
 Иваненко В. Н. 247
 Иванов А. И. 334
 Иванов В. 463
 Иванов Н. А. 494
 Иванов С. 79
 Ивардава З. М. 451
 Ивин 154
 Игнатъев Н. П. 91, 161, 175, 216, 238,
 254, 278, 281, 282, 285—287, 292,
 294, 336
 Игумнов 444
 Иззет-паца Ю. 483, 495
 Иловайский С. 375
 И. Н. 331, 441, 465, 479
 Инал-ипа Ал. 314
 Инал-ипа Ан. 329
 Инал-ипа Б. 359
 Инал-ипа В. 361, 470
 Инал-ипа К. П. 500
 Инал-ипа Констант. 343, 359, 361, 371
 Инал-ипа Ш. Д. 375, 378, 397, 499,
 510
 Инапха Х. 419
 Инапшь М. 423
 Инджикян О. Г. 492
 Ионисян А. Р. 28
 Иорданов И. 287, 484
 Исмаил-Заде Д. И. 428, 436, 439
 Иоселиани А. 414
 Иоселиани Р. И. 154
 Искандер-паша (Ильянский) 138
 Итальянский А. Я. 40

 Кавтарадзе А. Г. 57

- Казбеги А. 472
 Казбек (Казбеги) Г. Н. 488, 489
 Казы-Магом 312
 Какучал-ипа 275
 Калги Х. 275
 Кальф-оглу И. И. 217, 413
 Каменский П. П. 84, 268
 Кандемир 496
 Канитц Ф. 17, 171, 172, 192, 201, 206,
 224, 229, 232, 242
 Канкрин Е. Ф. 44
 Кануков И. 226, 227
 Карамалин 361
 Карвицкий С. 112
 Карлгоф Н. И. 64, 132, 133
 Картозия А. 360
 Карцов А. П. 189—191, 202, 209, 225,
 229, 236, 282, 283, 292
 Катков М. Н. 433
 Касумов А. Х. 19, 104, 163, 212, 293,
 419, 506
 Кация М. 382
 Кация С. 422
 Казн Л. 420
 Кемаль (Ататюрк) М. 201, 483, 492,
 494—496, 500, 514
 Кеневич С. 119
 Кецба Ф. 366
 Кецба Х. 366
 Кеннигхем 312
 Килба Э. К. 110
 Киладзе И. 469
 Киньол Г. 304
 Киняпина Н. С. 119, 162, 177, 178,
 309, 310, 324
 Клипани Д. И. 142, 144—146, 469,
 475
 Кобахия (Мчиц-ипа) П. 479
 Кобашь (Бганба) Р. 496
 Кобелев И. Л. 154
 Ковач К. В. 404
 Кове (Акаюба) Н. 480
 Когония И. 405
 Кодзба П. (А.) 314
 Кодзоков Л. М. 247
 Коломойцев А. Г. 148
 Колубакин Н. П. 138, 142—145, 156,
 188, 327
 Комаров А. В. 419, 348, 383, 390
 Константин Николаевич, в. кн. 274,
 365
 Коньяр 272, 279
 Конюшар Р. П. 459
 Копешавидзе Г. Г. 510
 Корганов 98, 185
 Корнилов В. А. 125
 Короленко П. П. 20, 336
 Короленко В. 401
 Кортга И. 404, 405
 Кортга Н. 39, 43, 404
 Косвен М. О. 15, 74, 76, 189
 Коцебу М. А. 246
 Кравченко П. П. 304, 320, 321, 327,
 331, 332, 338, 356, 357, 367, 432
 Краевич П. 432
 Кравшин 172, 174, 201
 Кривенко В. С. 429, 434
 Кривцов С. И. 76
 Крыжановский М. 129, 304, 313, 314,
 320, 321, 326, 351
 Кудрявцев К. Д. 372, 396, 493
 Кузьменко В. И. 310
 Кукба А. 507
 Кукба В. И. 497, 503
 Куксон Ф. 201
 Кумыков К. Х. 29, 48, 108, 111, 147
 Куприянова Л. В. 445
 Кундухов (Мусса-паша) М. 202, 203,
 212, 312
 Куртель П., де 22, 212, 213, 235
 Курцикидзе Г. 466
 Кутайсов П. И. 46, 60
 Кутба Л. 511
 Кутгузов М. И. 37
 Кухаренко 125
 Кучберия Л. 505, 506, 508
 Кучинский Н. 313, 331, 337, 347, 362,
 376
 Кучинский Н. 376
 Лависс 38, 420
 Лаврентьев А. Н. 82
 Лаговский А. Е. 349, 384
 Лагорио Л. Ф. 346, 474
 Ладария А. 354, 360
 Ладария В. (У.) 333, 364

- Ладария Н. В.** 333, 334, 354, 360, 364
 376, 377, 401, 484
Лазарев М. И. 63, 101, 111
Лайпанов Х. О. 19, 211, 198—200,
 211, 419, 420, 485
Лайонс 102, 117, 129
Лакербай И. 405
Лакербай М. А. 383, 404
Лакербай (Лакырба) Хаджи 328
Лакербай (Лакрба) Х. О. 328, 329,
 343, 364, 365, 370
Лакоба Н. А. 479, 480, 500, 501
Лакоба Ч. (А.) 479, 480
Лалпский (Теофик-бей) Т. 18, 62, 66,
 89, 90, 106, 119, 133, 134, 150, 151,
 163—168, 175, 204, 261, 267
Лачинов Е. Е. 80
Лачинов Н. Е. 80
Лачинов (Шелашникова) Е. П. 80,
 268
Лебедивец Г. 354
Левин З. И. 494
Лежава Г. П. 478
Лейберов И. П. 475
Лениц В. И. 14, 15, 22, 25, 26, 29, 72,
 246, 310, 324, 418, 419, 434, 437,
 445, 446, 449, 453, 462, 466, 475,
 500, 507, 514
Лермонтов М. Ю. 73, 83, 245
Лиллов А. И. 20, 175, 186, 188, 191,
 193, 203, 204, 221
Люозен Э. 412
Липинский В. 63, 131, 162, 314
Лисовский Ф. Я. 113
Литвинов М. 322
Личков Л. С. 239, 240
Лобанов-Ростовский А. Б. 169, 206,
 235
Лолуа Е. 282
Лонгворт (Алсид-бей) Д. А. 18, 90,
 107—109, 112, 117, 119, 123, 131,
 134, 138
Лопатинский Л. Г. 211, 239
Лорер Н. И. 109
Лорис-Меликов М. Т. 97, 149, 170,
 181, 189, 202, 206, 210, 213, 261,
 390
Лурве А. 63
Маги Ш. 427
Магомедов М. А. 25
Мадзини Д. 121
Макаров С. О. 345, 346, 451
Мак-Коан Карлайль 18, 209
Мак-Коал М. 310
Максимов В. С. 450, 459
Малия О. 305
Мамаладзе Б. 269
Манджгаладзе Г. Х. 428
Маняги К. 140
Меньшиков А. С. 125
Мерибахер Г. 86, 92
Месхи С. С. 325, 372, 398, 408, 414,
 475
Мечиев К. 488
Мечников П. И. 46, 60
Миансаров М. 154
Мидхад-паша А. 234
Микаберидзе В. 343, 344
Микава У. 140, 141
Микеладзе С. Д. 339
Миллер А. Ф. 496
Миллер В. 210
Милютин Д. А. 77, 78, 164, 179, 181,
 250, 255, 256, 261, 266, 273, 295,
 322
Михаил Николаевич, в. кн. 52, 188,
 191, 194, 196, 214, 238, 249, 270,
 273, 278, 279, 282, 284, 288, 356,
 388
Мкерипа (Мекерипа, Мекер) 495, 496.
Моисеев П. П. 380
Мордвинов Н. С. 78
Мочалов В. Д. 462, 463
Мочульский В. И. 79
Мошин А. Н. 168, 175, 200, 216, 226,
 227, 229, 235—237, 240, 267, 272,
 279, 280, 292
Мукба А. 287
Муравьев (Амурский) Н. Н. 43, 45,
 66, 67, 69, 73, 412, 429
Муравьев (Карский) Н. Н. 132, 137—
 151, 160, 430
Мусин-Пушкин Е. С. 112
Мустафа-паша 132—134, 144, 160
Мухтар-паша А. 303, 312
Марганя (Маан) А. 469

- Маргания Д. З. 426
 Маргания Д. Т. 360, 470
 Маргания Е. 140
 Маргания (Маан) Казилбек 275
 Маргания Камбулат 258
 Маргания Камлат 281, 313, 328—331, 333, 334
 Маргания (Маан) Кац 52, 88, 109, 136, 141, 281
 Маргания (Маан) Озбек 313, 328, 329, 331, 361
 Маргания П. Д. 499
 Маргания (Маан) Титу 313, 314, 318, 359
 Маргания (Маан) Хасан 128, 135, 141, 146, 154, 265, 279, 280
 Маргания Хирпис 328, 340
 Маринин А. 63
 Марков Е. 375, 376
 Маркова О. П. 33, 115
 Маркс К. 26, 32, 33, 38, 50, 58, 64, 98, 99, 101, 102, 104, 105, 111, 117, 121, 123, 125, 127, 129—131, 136—139, 150, 158, 164, 165, 168, 245, 323, 324, 348
 Марр Н. Я. 275, 416, 420, 490, 493
 Маргенс Ф. 346, 356
 Мархония И. 507
 Маршания Б. 135
 Маршания М. (А.) 282, 360
 Маршания Х. 70
 Маршания Э. 89, 161
 Махарадзе Ф. 406, 428
 Махотин 152
 Мачаварнани Д. А. 139, 143
 Мачаварнани К. Д. 17, 89, 206, 281, 305, 317, 318, 330, 332, 342, 344, 359, 361, 364—367, 370, 372, 393, 394, 399, 404, 410, 411, 432, 444, 451, 459, 465, 470, 471, 475
 Мегрелидзе Ш. В. 19, 23, 28, 247, 302, 304, 306, 307, 308, 311—313, 321, 324, 325, 331, 338, 361, 371, 407, 409—411, 414, 415
 Мухаммед-паша (Ашхаруа) 494, 496
 Мухаммед-Эмин (Магомед-Эмин, Магомед-Амин) 86, 88—93, 117, 121—125, 128—136, 143—149, 166—170, 174, 180—183, 266
 Мухлис-паша Э. 321, 380
 Мухтар-паша А. 312
 Мчедlishvili (Кразана) Л. 399
 Надеждин П. П. 179, 212, 214, 458, 464
 Назим-паша Басарь 495
 Налбандян М. 475
 Намиток А. 230, 261
 Наполеон I 114, 115
 Наполеон III 118, 119, 241, 279, 309
 Насер Г. А. 508
 Невская В. П. 85
 Нейдгарт А. И. 68
 Некрасов Н. А. 269
 Немирович-Данченко В. И. 402
 Нерсисян М. Г. 440
 Нессельроде К. В. 40, 41, 54
 Нестеров М. В. 474
 Нечкина М. В. 74, 85, 183
 Никитенко А. В. 80, 307
 Нижерадзе 347
 Николадзе Н. 475
 Николай I 59, 60, 63, 72, 119, 126, 129, 144, 145
 Николай II 443
 Ницуа Д. Н. 295
 Нисченков А. 20, 221
 Ноев Ф. Ф. 463
 Новиков Е. А. 225, 236, 394, 396
 Новичев А. Д. 259, 485
 Норакидзе С. 476
 Нордман А. Д. 62, 83, 84
 Норов В. С. 75, 76, 108, 373
 Нузирв-паша 337
 Ньюкестль[ский] Г. 138
 Обезьянов Н. П. 320
 Образцов П. 136, 331
 Огарев Н. П. 475
 Оклобжио И. Д. 327, 336
 Олифант Л. 119, 131, 138, 141, 151, 156
 Олонецкий А. А. 19, 256, 299, 300, 437, 442, 452, 461, 491
 Ольденбургский А. П. 443, 456, 479
 Ольшевский М. Я. 127, 155, 199, 219

Омер-паша (Лотош М., Латтас) 120,
123, 132, 137, 138, 141, 147—149,
151—159
Орбелиани Г. З. 36, 183, 208, 226,
231, 398, 413
Осман-бей 17, 119, 120, 130, 132, 133,
150, 494
Осман О. А. 507
Осман-паша 495
Остроумов А. А. 473, 474
Отырба Б. 422
Отырба З. 397

Пальгрев В. Д. 279, 289, 302
Палба К. 479
Пальмерстон 102, 104, 105
Панаев И. И. 269
Палба М. 505
Пантюхов И. И. 197, 212, 373, 416,
438
Папаскири А. Л. 269
Парсамян В. А. 321—323, 413, 440
Паскевич И. Ф. 44, 46, 60, 62, 66, 72,
73, 244
Пастернацкий Ф. И. 455, 456
Паулуччи Ф. 37
Пахомов А. В. 265, 277, 453
Пацовский А. Г. 265
Передельский А. Г. 353
Петросян Ю. А. 24, 124, 380, 494
Пикман А. Н. 24, 27, 245, 246
Пикок Р. 306
Пиляя М. 275
Пиляя Х. 360, 361, 370
Писарев В. И. 189
Плеханов Г. В. 475
Победина М. П. 513
Подозерский К. И. 214, 376
Покровский М. Н. 8, 47, 48, 64, 86,
91, 105, 113, 166, 174, 223, 483
Покровский М. В. 11, 21, 22, 86, 183,
239
Полиевктов М. А. 10, 116
Понсонби Д. 102, 107, 108
Понсэ Е. 256, 257, 264
Потто В. А. 20, 65, 83, 123
Проскуров Я. С. 483
Прудков Е. 20, 44, 83, 123

Прянишников И. М. 474
Пурицеладзе Д. П. 466
Пушкин А. С. 45, 73, 245

Радде Г. И. 83—85, 489
Раджицкий Н. Т. 83
Раевский Н. Н. 47, 48, 63, 69, 70, 76,
77, 88, 108, 113, 247, 263, 429
Разевич В. А. 375, 376, 381
Рамбо 38, 420
Рассел Д. 171, 172
Рауф-бей (Ор бай Ашхаруа) М. 496
Раульсон 174
Рафи 475
Рахматуллин М. А. 118
Равшиль 90
Ред Н. А. 85, 122, 126
Редклифф С. 165
Репин И. Е. 474
Решид-папа М. 165
Риза-паша 169, 170
Ришелье, де 40
Родзевич-Белевич В. К. 478
Рожкова М. К. 44
Розмордюк Ж., де 120, 134, 138, 139
Розен А. Е. 74
Розен Г. В. 52, 63, 69, 102, 265, 428
Розов А. 443, 459
Романов В. П. 76
Романовский Д. И. 122, 123
Ротынянц А. Д. 430
Ртищев Н. Ф. 39
Руковишников К. В. 444
Рупрехт Ф. И. 83
Рыбинский Г. А. 375, 404, 421, 441,
446, 447, 458, 465
Рыжов С. 171
Рюстов В. 303, 372

Сабахаддин (Квацба) М. 494
Савинюв В. И. 263, 268, 302
Сагария Б. Е. 480
Салакая Ш. Х. 403
Салтыков-Щедрин М. Е. 400
Санакоев М. П. 334, 302, 306, 324
Сарьян М. 509
Сатунин К. 474
Сахария (Сагария?) Я.

- Сахокия Т. (Ф.) 416, 447, 450, 472, 476
- Святополк-Мирский Д. И. 49, 150, 193, 210, 215, 249, 250, 252, 253, 255, 258, 274, 282, 283, 341, 344, 410
- Седелников М. 245, 313, 340
- Седов Г. Я. 474
- Селезнев М. А. 35, 67, 83
- Сергеев М. В. 456
- Сергий 446
- Серебряков Л. М. 55, 58, 78, 80, 88, 95, 97, 108, 125, 127, 129, 132, 266
- Сидоров М. К. 347, 474
- Сизов В. И. 474
- Симборский А. М.
- Симонов К. 74
- Синклер Д. Г. Т. 309, 322, 346
- Сичинава В. С. 217
- Скасси Р., де 80, 117, 263
- Смецкой Н. Н. 455
- Смида М. 494
- Смирнов Н. А. 15, 28, 79, 100, 124, 202, 233, 304, 306, 321, 420
- Смоленский С. 139, 170
- Смыр Г. В. 425
- Смырба Х. 480
- Сокольский Н. 496
- Соллогуб В. А. 455
- Сомеха 171
- Спасович В. Д. 459
- Спенсер Э. 18, 103
- Сталин И. В. 480
- Старосельский Д. С. 279—283
- Стасова Е. Д. 475
- Степанов П. 416
- Стефанов Т. Т. 408, 410
- Стражев В. И. 405
- Стратфорд Редклифф 165, 169
- Строганов Г. А. 41, 53
- Сулейман-паша (Чичба) 495
- Сундукян Г. 472, 475
- Сургуладзе И. И. 32
- Сухозанет Н. О. 176
- Талейран 115
- Тарле Е. В. 28, 100, 122, 126, 155, 157, 158
- Тарнава М. И. 49
- Татаринов 444
- Татищев С. С. 102
- Тимофеев С. Н. 459
- Тихомиров И. Г. 351
- Толстой Л. Н. 45, 245
- Тотоев М. С. 12, 19, 58, 201, 202, 205, 212, 241
- Торнау (Торнов) Ф. Ф. 17, 66, 67, 80, 81, 95, 126, 161, 189, 428
- Торопов Н. 74
- Тосун-бей 495
- Тржасковский А. Ф. 113
- Трирогов В. Г. 460
- Тройницкий Н. А. 447
- Тулумджян А. О. 307
- Тыркова А. 400
- Убичини А. 22, 212, 213, 235
- Уварова П. С. 206, 474
- Угольников И. 513
- Узунчаршылы И. Х. 23, 24
- Умикашвили П. 412
- Уркарт (Даутбей) Д. 101—103, 119, 172
- Услар П. К. 11, 101, 135, 150, 153, 155, 248, 466
- Успенский Г. И. 412
- Устабаши П. 397
- Ушлянский К. Д. 470
- Фадеев А. В. 14, 18—20, 24—27, 37, 44, 45, 47, 49, 54—58, 65, 73, 77, 86—88, 90, 102, 150, 187, 261, 271, 276, 436
- Фадеев Р. А. 31, 86, 187, 195, 203—206, 208, 222, 223, 239, 240, 243, 259, 266, 268
- Фадеев И. Е. 234
- Фазли-паша М. 341, 347, 350, 363
- Фелицын Е. Д. 123, 174, 180, 188
- Фергат-паша (Штейн) 138
- Федоров В. А. 23
- Федоров М. Ф. 85
- Филиппсон Г. И. 45—47, 77, 87, 108, 167, 181, 244
- Фок А. А. 76, 112
- Фон-Дервиз Н. В. 432, 452, 453

- Фонвиль А.** 17, 175, 190, 195, 199, 220, 223, 224, 227, 231, 242, 244
Френкель А. 378, 408-410, 414, 417
Фрунзе М. В. 491, 501
Фуад-паша Тхуго 494
- Хаджи-Берзек-Дагомук (Адагуя-ипа)** 62, 69, 85—89, 135
Хаджи-Керантух-Берзек 89, 135, 142, 171, 205
Хаджетлаше М. 488
Хайрадин-ат-Туниси (Хайреддин-паша) 493, 494
Халваш К. 422
Хальфин Н. А. 100
Хамар-Дзбанов Е. 80
Хан-Гирей С. 110, 111
Хантадзе Ш. А. 116
Хатанов Б. 419
Хатисов И. А. 430, 431
Хахубия Р. 72
Хачапуридзе Г. В. 70, 110, 114, 446
Хикуба Д. 361
Хиба М. 366
Хонели (Бахтадзе И. Л.) 399, 437, 438
Хоштария Э. В. 447, 450
Хундадзе Т. 439
Хуршид-паша 495
- Цагарели А.** 472
Цаликов А. 206, 118, 221
Цанба (Цамбаев) Э. 266, 305
Церетели А. 325, 475
Церетели Г. Е. 306, 316, 319, 325, 334, 347, 350, 353, 354, 356, 357, 367, 372, 398, 400, 475
Церетели С. 159
Цулукидзе А. Г. 480
Цулукидзе С. 155
Цхакая М. 478
Цыбульский В. В. 513
- Чавчавадзе А. Г.** 83
Чавчавадзе Д. С. 257, 289
Чавчавадзе И. Г. 325, 414, 453, 472, 475
Чайковский (Чайка, Садык-паша) М. С. 112, 119
- Чамба З.** 511
Чанба С. Я. 383, 405, 499, 504
Чантурия В. Д. 414
Чарая П. 475
Чарторыйский А. 111
Черепов А. П. 271
Чернецов Н. Г. 84
Чернышев А. И. 45, 68, 80, 103
Чернышевский Н. Г. 26, 73, 165, 244, 446, 475
Черчилль Г. 306
Чехов А. П. 474
Чижджавадзе Н. Ш.
Чихачов П. А. 218, 266, 267
Чичба Р. 507
Чичинадзе З. И. 3, 18, 36, 58, 160, 216, 313, 372, 399, 411—413, 416
Чомаев К. И. 263
Чочуа А. М. 499
Чочуа Д. 422
Чукбар А. И. 406
Чукбар В. 462
Чургулиа О. Г. 83, 399, 473
Чурсин Г. Ф. 197
Чхендзе А. Е. 147, 159
Чхетия Ш. 143
Чхотуа Д. З. 369
Чхотуа З. 160
- Шавров Н.** 434, 436, 464
Шадури В. 84
Шакрыл Наурыз 275
Шаламберия А. 277
Шамба Осман 272
Шамба (Чакар) Орхан 502
Шамилъ 18, 24, 27, 69, 85, 86, 88—117, 121—124, 130, 131, 137, 148
Шамот С.
Шампуассо 120, 132, 134, 138
Шапковский Д. 291
Шатилов П. Н. 193, 194, 252, 268
Шебунин А. Н. 115
Шевкет-паша 334, 343—347, 350
Шевкет-паша М. 483
Шевченко Т. Г. 245
Шелия И. 366
Шелковяков Б. М. 327, 333, 339, 345, 346, 361, 362

- Шенгелна Н. 24
 Шератлук 320
 Шервашидзе Асланбей 34—37, 54, 55,
 132—133, 135, 141, 142, 144, 160,
 265, 272
 Шервашидзе А. Г. 132—135, 160, 272,
 273, 275, 360
 Шервашидзе А. К. 405, 468
 Шервашидзе Г. Д. 277, 282, 463, 470
 Шервашидзе Г. М. 272, 273, 275, 405,
 469, 504
 Шервашидзе Г. (С.) К. 35, 36, 42, 52,
 109
 Шервашидзе Г. Ф. 361
 Шервашидзе Гр. А. 135, 141, 146, 154,
 340, 359, 360, 466, 470
 Шервашидзе Е. А. 468, 469
 Шервашидзе Д. Х. 141, 142, 153, 154,
 156, 468
 Шервашидзе Келешбей 32, 33
 Шервашидзе К. Г. 83, 154, 155, 275,
 466, 468
 Шервашидзе Кучукбей 33
 Шервашидзе Мария 468, 469
 Шервашидзе (Чачба) М. (Х.) Г. 6,
 52, 62, 66, 88, 92, 128—130, 133—
 139, 142—147, 154, 159, 166, 180,
 181, 188, 191, 243, 250—255, 264,
 275, 369, 374, 431
 Шервашидзе С. Л. 154
 Шервашидзе Т. 411
 Шервашидзе Х. (Г.) К. 61, 264
 Шермет В. И. 57
 Шерипов А. 214, 320
 Шинкуба Б. В. 403, 405
- Штейн (Фергат-паша) 119, 138, 166
 Шишкевич М. М. 178
- Щастливцев П. 361
 Щербатов 41, 59
 Щербин Н. 206
 Щербина Ф. А. 43, 58, 64, 111, 117,
 131, 136, 149, 165—168
 Щербинин М. П. 144
- Эдхем 492
 Эмануэль Г. А. 55, 65
 Эмухвари А. М. 361, 406, 470
 Эмухвари Г. 361, 470
 Энгельс Ф. 26, 32, 33, 38, 50, 58, 64,
 98, 99, 102, 104, 105, 111, 117, 121,
 123, 125, 127, 129, 130, 131, 136—
 150, 158, 164, 165, 168, 244, 245,
 323, 324, 348
 Энгельм Е. И. 263
 Эрен А. Д. 18
 Эрнстов (Эрнстави) Г. Р. 126, 184
 Эсадзе С. С. 17, 57, 142, 171, 182,
 183, 184, 185, 186, 187, 188, 192,
 193, 216, 221, 248, 255, 296, 413,
 416, 468
 Эспехо Я. М. 428
 Эшба Е. А. 500
 Эшба С. 466
 Эшба Ф. Х. 453, 470
- Югов Н. 323
 Юзефович Т. 37, 57, 162
 Юнус А. 292
 Юров А. 21, 46

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
--------------------	---

Глава I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В АБХАЗИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.	30
---	----

§ 1. Русско-турецкие противоречия на Западном Кавказе и развертывание национально-освободительной и анти- феодальной борьбы	30
§ 2. Англо-французские прожекты	98
§ 3. Агрессия султанской Турции и ее союзников на Абхаз- ском побережье в период Крымской (Восточной) войны	118

Глава II

ЗАВЕРШЕНИЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ	162
---	-----

§ 1. Новые англо-турецкие махевры	162
§ 2. Военно-колониальная политика царизма после Крымской войны	178
✓ § 3. Массовое переселение горцев Северо-Западного Кавказа в Турцию в 1859—1864 года	197
§ 4. Упразднение Абхазского княжества	247

Глава III

СОКРАЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ АБХАЗИИ В РЕЗУЛЬТАТЕ РАБОТОТОРГОВЛИ	259
---	-----

Глава IV

АБХАЗСКОЕ (ЛЫХНИНСКОЕ) ВОССТАНИЕ 1866 ГОДА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ	270
---	-----

§ 1. Всенародное выступление	270
§ 2. Махаджирство 1867 года	278
§ 3. Усиление административно-полицейского аппарата	295
§ 4. Характер и особенности крестьянской реформы	298

Глава V

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877—1878 ГОДОВ И АБХАЗИЯ . 302

- § 1. Англо-турецкие устремления на Кавказе накануне войны 302
- § 2. Восстание 1877 года в Абхазии 314
- § 3. Военные операции на территории Абхазии 321
- § 4. Разорение края 348
- § 5. Массовое переселение абхазов в пределы Османской империи 356
- § 6. Частичное возвращение абхазских махаджиров на родину 381
- § 7. Миграционный процесс в Южной Грузии, на Северном Кавказе и в некоторых других районах Кавказского края 406

Глава VI

КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В АБХАЗИИ ПОСЛЕ СОБЫТИЙ 70-х ГОДОВ 421

- § 1. Изменение «Положения» о крестьянской реформе . . 421
- § 2. Колонизация Абхазии 427

Глава VII

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ, СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ СОСТОЯНИЕ АБХАЗИИ НА ИСХОДЕ XIX В. . . . 449

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

- Судьба махаджиров и преобразенная Советская Абхазия . 482
- Список сокращений 515
- Указатель имен 517

Гьаргь Алыкьса-иҭа Зидзариа
АМҲАЦЬЫРРЕИ XIX АШӘЫШЫҚУСАЗТӘИ
АҭСНЫ АТОУРЫХ АПРОБЛЕМАҚУЕИ

Урысшала

გორგი ალექსიძის ძე ზიდზარია
შაჰადჯირსტვა ღა XIX საუკუნის აფხაზეთის ისტორიის
პრობლემაჰი
რუსულ ენაზე

Георгий Алексеевич Зидзария
МАХАДЖИРСТВО И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ АБХАЗИИ XIX СТОЛЕТИЯ

ИБ 613

Редактор **Л. Е. Аргун**
Художественный редактор **П. Г. Цквитарца**
Технический редактор **С. А. Гордезяни**
Старший корректор **А. А. Мхитарян**
Корректор **Ж. И. Гублма**
Выпускающий **Т. С. Ашхараа**

Сдано в производство 15.09.1981 г. Подписано к печати 21.06.1982 г. Бумага
типогр. № 1. Формат 60 x 90¹/₁₆. Печатных листов усл. 33,30. Учетно-изда-
тельских листов 41,66. Заказ 159. Тираж 5 000. Цена 6 руб. 40 коп.

Издательство «Алашара», Сухуми, ул. Ленина, 9.

Сухумская типография им. Ленина
Госкомитета Грузинской ССР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли.
г. Сухуми, ул. Ленина, 6.